

84 (2 Руб. Арт/6)
С-434

ОЙРОТСКИЙ КРАЙ

Ежедневная газета
Областного и
Обкома Р. К. П.
Цена
отдельного
номер 10 рублей.

№ 1-й

Вторник 7-го ноября 1922 г.

Братство всех стран, соединитесь!

№ 6 (2706)

КРАСНАЯ ОЙРОТИЯ

ВОМУ ГОТОВИТЬ
ПАРК К ВЕСНЕ
Советскими и земельными
делами области стоят сейчас
быстро и решитель-

пролетарлары биринилгери

ХУШУНГА

ПРИЗЫВНИКТАР!

Нызыл Черүгз барар алдында уурзүгз Јозонту болуп туругар.
Мылтыкты колго туруп, оныла Совет Јарни корууларга ууренигэр.
Нызыл Черүгз турган ижи-лэ тунгэй болуп командирлардыг Јакылтазын чэк будуруп туругар.

Обкомның Облсполкомның-ла
Профбюродыг Газеды.
Биркатап чыгып Јат.

Јаскымал аял-... да чыкандарга күндүлү

Бир номердыг ваазы 2 акса

Ajtajlap vicig
„Krestjan ulust
gazedin“ krestj
örokө sajnь ç
tireli. Nojavrg
6000 TIRAZ
BOLOTON!

19 sentjavr
№ 100
1931 çy

Krestjan ulust gazedin

АДРЕС РЕДАКЦИИ
Кесурил...

ОЙРОТ

Советы депутатов трудящихся.

Отдадим свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

№ 203 (3353) Пятница, 19 декабря 1922 г. Цена 20 коп.

Улучшить работу сельских Советов

Повышающее сельское хозяйство...
деловая нашей области...

Новым производственным подъемом отвечают
трудящиеся области на зов партии и правительства

Министерство культуры Республики Алтай
Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова

ОЙРОТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Горно-Алтайск, 2020

Министерство культуры Республики Алтай
Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова

УДК 82 ^{Рес. Алт}
ББК 84 (2) 6я43
О-484

Издано к столетию
Национальной библиотеки Республики Алтай им. М. В. Чевалкова

Ответственный за выпуск – С. К. Штанакова

Составление, подготовка текстов, приложения:
Э. П. Чинина, Т. П. Шастина, вступительная статья Т. П. Шастина,
подбор иллюстраций М. М. Алушкина

Рецензент:
Тюхтенева С. П., доктор исторических наук, этнограф

Ойротия в зеркале литературы: антология / под ред. Э. П. Чининой, Т. П. Шестиной. –
Горно-Алтайск : Издательство Полиграфика, 2020. – 308 с.

В антологии собраны художественные, публицистические, научные тексты на русском и алтайском языках, опубликованные в 1922–1947 гг. в Барнауле, Новосибирске, Москве; стихи, статьи и заметки из периодики и отдельных изданий Ойротской автономной области, хранящихся в НБ РА, показывающие, как год за годом формировался и развивался образ Ойротии – советской национальной автономии.

Книга адресована исследователям и широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Республики Алтай.

В книге использованы фотографии из фондов Государственного архива Республики Алтай.

ISBN 978-5-98676-005-6

604685
БУ РА «Национальная
библиотека
имени М.В. Чевалкова»

© Э. П. Чинина, Т. П. Шастина, 2020
© Национальная библиотека Республики Алтай им. М. В. Чевалкова, 2020
© «Полиграфика» – дизайн, верстка, допечатная подготовка, издание, 2020

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Национальная библиотека Республики Алтай им. М. В. Чевалкова в своей каждодневной работе бережно сохраняет и активно пропагандирует культурно-историческое наследие нашего региона. Празднование столетнего юбилея ставит перед коллективом главного книжного центра республики задачу осмысления своей собственной истории, чтобы соответствовать вызовам современности и не уронить ту высокую планку, которая была определена основателями первой общедоступной библиотеки в Аяксе – сибирским просветителем Петром Ивановичем Макушиным и алтайским художником Григорием Ивановичем Гуркиным (мечтавшим открыть на Алтае Гуляевский музей и Потанинскую библиотеку¹). Мы стремимся сохранять и приумножать традиции формирования книжного собрания широчайшей краеведческой направленности, заложенные библиофилами и исследователями Алтая Степаном Ивановичем и Николаем Степановичем Гуляевыми, с приобретения библиотеки которых в 1919 г. для создания *музея-библиотеки* следует вести отсчет профессиональной библиотечной деятельности в регионе.

Наша библиотека с 1922 до начала 1948 г. носила название Ойротской областной. Она была в центре самых сложных процессов, происходивших в то невероятно насыщенное событиями время во всех сферах общественной, культурной и хозяйственной деятельности Ойротской автономной области. О них ныне мы можем судить по сохранившимся книжным памятникам и документам – редкий фонд НБ РА насчитывает более 2500 единиц хранения. Среди них – первые книги на алтайском языке, первые буквари и книги для чтения для взрослых, первые областные и районные газеты, первые переводы на алтайский язык русской и мировой классики. Они доносят до нас дыхание эпохи становления огромного государства – СССР – и первые попытки осмысления маленькой автономной областью на юге Сибири своего места в жизни этого государства. В эти годы совершалось «великое кочевье» – как образно назвал А. Коптелов символический переход коренных жителей Горного Алтая от кочевого образа жизни к оседлому, от дикости к культуре. Важнейшую роль в этом кочевье сыграло письменное слово. В активный словарь коренного населения вошли слова *книга, чтение, грамота, изба-читальня, карта-передвижка*, а затем *театр, кино, писатель, издательство, библиотека...* В этот период закладывались основы алтайской литературы.

Уже на первой областной партийной конференции в феврале 1923 г. прозвучало требование создавать *хорошую литературу на родном языке*. Именно на 1922–1947 годы в истории алтайской культуры приходится период становления литературы и литературного языка. Творчество первого алтайского писателя-профессионала отразило эти процессы и стало их вершинным явлением – Павел Васильевич Кучияк, поэт, драматург и писатель, в своих произведениях сконцентрировал богатство поэтического алтайского языка, что было отмечено уже его современниками, например, Т. М. Тощаковой. А произведения известного сказителя-орденоносца Н. У. Улагашева, переведенные на русский язык, по мнению этой исследовательницы, служили проводниками алтайской истории, культуры и устного народного творчества в культуру многонационального советского народа.

В Ойротской автономной области начинает формироваться медиапространство, на алтайском языке выпускаются газеты «Белен Бол», «Кызыл Ойрот», «Крестьян газет», «Ойроттын јери», «Ойроттын комсомолы», пропагандирующие достижения советского строя и развивающие письменную культуру коренного населения.

В поле зрения составителей антологии закономерно вошли опубликованные в Москве первые учебные пособия на алтайском языке: «Алтайдың эн баштап үренер бичиги» (составитель Н. А. Каланак, 1924), «Ойрот школа» (1924), «Эрјинелү бичик» (книга для взрослых, 1925). В НБ РА сохранились первые книги, вышедшие в Улале в национальном издательстве, печатавшем политическую, учебную, художественную литературу: «Тан Чолмон» (книга для чтения, 1928), поэмы П. А. Чагат-Строева «Ойгор-Баатыр» (1926), «Кара-Корум» (1927), пьесы М. В. Мундус-Эдокова «Јенге» (1927) и др. Эти книги передают атмосферу времени. Постепенно складывается переводческая школа, и на алтайском языке выходят произведения русских классиков А. Пушкина, М. Горького, А. Чехова, И. Крылова, Н. Островского и других. В данном издании мы представляем творчество первых алтайских писателей, которые стали жертвами репрессий: А. В. Тозыякова (1882–1938), А. П. Чокова (1908–1938), И. С. (Алтаяка) Толтока (1906–1937), П. А. Чагат-Строева (1887–1938)). На страницах антологии вы встретите имена писателей, которые ждут еще своих биографов и исследователей², их первые литературные опыты донесли до нас утраченные пласты живого метафоричного алтайского языка, на тот момент еще не окончательно вычищенной идеологами обкома партии богатой лексики устного народного творчества.

1. ТОКМ, Ф1. Оп.6. Д. 102. Л.75

2. Редкий образец обращения к их творчеству – книга, составленная Д. Белековым, – «Алтай совет улгерлик» (Горно-Алтайск, 1987), куда вошли стихи авторов 20-30-х годов: Эндрия Модорова, Капшагай Сюркуловой, Алтаяка Толтока и др.

В Ойротию устремляются ученые и журналисты, кинооператоры и писатели, чтобы успеть запечатлеть для истории стремительно уходящее проклятое прошлое и столь же стремительно наступающее *светлое будущее*... Об Ойротии заговорили на Всесоюзных сельскохозяйственных выставках, на выставках Ассоциации художников революционной России, на страницах толстых журналов и центральных газет. И Ойротия сама стала заявлять о себе такими идеологически выверенными произведениями, как «Письмо ойротского народа великому Сталину»; «ойротская легенда», открывавшая в 1937 г. книгу «Творчество народов СССР» под редакцией М. Горького и Л. Мехлиса – «Зажглась золотая заря»; эпическое сказание «Когутэй», вышедшее в издательстве «Academia» в 1935 г.

В 1941 г. в Ойротии впервые прошла языковедческая научная конференция, поставившая вопросы о перспективах развития ойротского литературного языка; о применении и переводе общественно-политических терминов; об алфавите ойротского литературного языка и орфографии. Участники конференции настойчиво рекомендовали создать во всех библиотеках и избах-читальнях отделения ойротской литературы, проводить для учителей литературный минимум, обратить внимание на переводы в периодической печати, для редактирования печатных материалов привлекать мастеров слова.

В юбилейный для библиотеки год мы поставили перед собой еще одну задачу – максимально пополнить книжный и газетный фонды документами времени Ойротской автономной области (благодаря материалам 4-го тома «Сибирской советской энциклопедии» мы знаем, что только на ойротском языке с 1921 по 1931 г. вышло книжной продукции 226 названий общим тиражом в 163 тысячи) и по ним попытаться реконструировать образ Ойротии, каким он представлялся современникам той бурной эпохи во взгляде извне и изнутри – так возник замысел этой книги.

На начальном этапе её формирования ясно было только одно – в книге должны быть представлены тексты и на алтайском, и на русском языках. А как быть с теми, что изданы на латинице (яналифе, по-алтайски называемом *janajlyp*)? Э. П. Чинина кропотливо транслитерировала их на современную алтайскую графику, и тогда открылся невероятно интересный пласт раннесоветской алтайской лексики, поставивший нас перед проблемой изучения алтайского *новояза* – речевого стиля административно-бюрократического характера, перенасыщенного разноплановыми иноязычными заимствованиями, существенно затемняющими смысл высказывания. В 1929 г. в области создается комитет по яналифу, в периодике публикуются разъяснения о необходимости нового алфавита. Газета «Кызыл Ойрот» 1 февраля 1929 г. рассказывает о том, что татары, башкиры, буряты, якуты, казахи, киргизы и многие другие для обучения грамоте уже используют латинскую графику – яналиф. При этом упоминается, что у ойротского народа не было своего букваря, а учились в церковно-приходской школе по букварям, созданным на основе кириллицы. Сопоставив буквари, руководство Ойротской области, Комитет по яналифу решили с осени 1929 г. детей и взрослых обучать яналифу. Издательство Удалы стало готовить книги на яналифе, был составлен новый букварь.

Ойротия даже вступила в соревнование с Хакасией по обучению народа яналифу. С одной стороны, переход Ойротии на латинскую графику позволил шире сотрудничать с другими тюркоязычными народами, но с другой стороны, внутри читательской аудитории это тормозило процесс чтения. Поколение, которое училось читать на кириллице, должно было переучиваться на латинскую графику. Возникло своего рода двуязычие, газета «Кызыл Ойрот» выходила сначала на кириллице, с 1929 г. – на латинице.

Первоначально для антологии отбирались только знаковые, наиболее характерные для того времени тексты художественного и публицистического стиля, но это грозило субъективными оценками, и тогда было решено произвести отбор по летописному принципу, показать постепенное, от года к году, складывание мозаичного образа Ойротии как советской *восточной* национальной окраины. Внутри года-ячейки для удобства читателей, владеющих и алтайским, и русским языками, даны разные тексты на двух языках (исключение составило «Письмо ойротского народа великому Сталину»).

На этом пути не хватило ресурсов собственного редкого фонда, пришлось обращаться в ведущие библиотеки Сибири и центра страны в поисках отсутствующих у нас изданий; так в качестве подарков к юбилею было получено несколько электронных копий из Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова (Барнаул) и Новосибирской государственной областной научной библиотеки. Часть работы с недостающими в нашем фонде номерами газеты «Кызыл Ойрот» 1922–1947 гг. были просмотрены в Научной библиотеке (Санкт-Петербург); а сибирские издания в работе по подготовке текстов к печати были задействованы общедоступные базы данных и электронные библиотеки. Приносим благодарность всем коллегам-библиотекарям, откликнувшимся на наши просьбы.

Годовая сетка наполнялась неравномерно: где-то было густо, где-то пусто... Оказывались и совсем «пустые» годы-ячейки, когда – в силу исторических причин – не было отдельных изданий. Было реше-

но печатать подборки газетных материалов – в них особенно четко ощущается пульс времени. Времени, отстоящего от нас уже почти на сто лет... Эта солидная временная дистанция потребовала расширения книги гипертекстовыми элементами справочного характера.

Вступительная статья отразила наблюдения над вошедшим (и не вошедшим по причине ограниченного объема издания) в книгу текстовым материалом; в её основе – положения и выводы, опубликованные автором ранее в научной периодике ("Вестник Томского государственного университета", "Сибирский филологический журнал", "Вопросы журналистики") и в материалах серийных научных конференций ("Алтайский текст в русской культуре", "Диалог культур: поэтика локального текста") и других изданиях.

Включенные в антологию тексты на алтайском и русском языках приведены в соответствие с современной графикой и орфографией и снабжены ссылками на источник, по которому текст печатается в составе данной книги; справочные приложения содержат пояснения лексического, исторического, биографического, этнографического характера.

Книга «Ойротия в зеркале литературы», подготовленная к столетию Национальной библиотеки Республики Алтай им. М. В. Чевалкова, адресована широкому кругу читателей, интересующихся культурой Горного Алтая; учащимся и студентам, изучающим историю Горного Алтая, библиотечным работникам.

ОЙРОТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ: ХУДОЖЕСТВЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ РЕГИОНА

Народ без книги похож на человека без зеркала:
ему не увидеть своего лица
Расул Гамзатов

Литературный образ Горного Алтая начинает формироваться в конце XVIII–нач. XIX вв. и в процессе своего развития постепенно локализуется в пределах от рая до Китая. Такая вертикально-горизонтальная ориентация, с одной стороны, задана рифменным созвучием Алтай/рай/Китай, с другой – спецификой его географического пространства, раскинувшегося в самом центре Евразии и обладающего мощным эстетическим и мифогенным потенциалом. До эпохи советских промышленных проектов эта территория сохраняла свою природную первозданность, как бы иллюстрируя лишней раз мысль Н. Бердяева: «Рай в природе сохранился в ее красоте, в солнечном свете, в мерцающих в ясную ночь звездах, в голубом небе, в незапятнанных вершинах снеговых гор...»³. Помимо того, образно соединять с Горным Алтаем топику рая и синонимизировать горный и горний миры помогает восточный пространственный вектор, «поскольку восток – это эквивалент верха»⁴ – что и сделали староверы-кержаки, пришедшие сюда в поисках Беловодья, и алтайские миссионеры. Исторически же позволяет встраивать в этот конструкт топику востока наличие пограничной линии с Китаем, факт пребывания отдельных алтайских этносов в составе Джунгарского ханства и движение «солнцу встречь» сибирских землепроходцев⁵. Директивно же территория Горного Алтая и его этносы были отнесены к *восточным* в национальной политике сталинского времени, когда о рае по понятным причинам лучше было молчать.

В год образования СССР на территории Русского Алтая (общепринятый географический термин, фиксирующий трансграничность горной страны, принадлежащей трем государствам: России, Монголии и Китаю – ныне называемой Большим Алтаем) возникла автономная область, именованная Ойратией/Ойротией. Название «Ойратия» придумал известный сибирский авантюрист В. И. Анучин⁶, предложивший на Учредительном Горно-Алтайском краевом съезде инородческих и крестьянских депутатов в феврале 1918 г. объединить земли «бывшего Государства Ойрат» (русский Алтай, земли минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию) в самостоятельную республику⁷. В силу исторических обстоятельств вопрос о национальной автономии на юге Сибири решался довольно долго, и только 1 июня 1922 г. был опубликован Декрет ВЦИК о создании автономной области ойратского народа. В неё вошли 20 волостей Горно-Алтайского и 4 волости Бийского уездов.

В ту эпоху глубинный смысл подобных перекраиваний и переименований целых территорий и отдельных населенных пунктов состоял, как отмечает современный исследователь, в борьбе с исторической памятью⁸. Всех коренных жителей автономии стали именовать ойратами/ойротами. Новый этноним выполнял все ту же функцию борьбы с исторической памятью.

Переименование местности и её насельников порождает литературный образ «народ без имени»⁹ и в очередной раз в истории русской литературы делает эту национальную окраину «terra incognita». В данной ситуации все дореволюционные издания о Горном Алтае объявляются «буржуазными», идеологически вредными, морально устаревшими, и в текстах об Ойротии начиная с 1922 г. (с первых публикации в журнале «Сибирские огни») происходит литературное *переоткрытие*¹⁰ территории.

Примечательно, что в столичных публикациях, посвященных автономной области, использовалось документированное «Ойратия» (например: Черный А. Автономная Ойратия: к пятой годовщине // Советское строительство. – 1937. – № 7. – С. 102–107; Махоткин Г.Д. Охотничье хозяйство Ойратии // Северная Азия. – 1926. – № 5–6. – С. 133–136; Эдоков Л.М. Автономная Ойратия // Советская Азия. –

3. Бердяев Н. А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 242.

4. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – С. 364.

5. См. «С полудня солнцу встречь...» – пятую гл. уже ставшего библиографической редкостью художественно-исторического исследования Модорова Н.С. «Надежд великое начало: Очерки по истории Алтая второй половины XVI–XVII вв.» (Бийск, 2000).

6. См. о его проделках и подделках: Азадовская Л. В. В. И. Анучин в Сибири. Легенда и факты // Фольклор и литература в Сибири. Вып. 3. – Омск, 1976. – С. 145–156.

7. Мэйдурова Н. А. Горный Алтай в 1917– первой половине 1918 гг. (от Горной думы – к Каракоруму). – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2002. – С. 155–163.

8. Московская Д.С. О русской литературе и краеведении в эпоху культурничества и борьбы за новый быт. Статья 2. // Культурологический журнал. – 2014. – № 1 (15). – С. 13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-russkoy-literature-i-kraevedenii-v-epohu-kulturnichestva-i-borby-za-novyy-byt-chast-2/viewer>

9. Гордиенко П. Я. Ойротия. – Новосибирск: ОГИЗ, Запсиботделение, 1931. – С. 13–19.

10. См. подробнее об этом явлении в сибирской литературе: Анисимов К. Р. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX–начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 289.

1931, № 3–4. – С. 207–214), а на местах употреблялось только «*Ойротия*» (газета «Красная Ойротия», национальность «ойрот», Ойротский обком и т.п.).

В конце 1947 г., признав название «Ойротская автономная область» «не соответствующим исторической действительности», от него «по просьбам трудящихся» отrekliсь. При рассмотрении вопроса о переименовании были названы основные причины отказа: 1) «термин ОЙРОТ не привился алтайцам в качестве самоназвания»; 2) «ОЙРОТ – это алтайское произношение термина «ОЙРАТ» <...> Термин «ОЙРОТ» является синонимом терминов «калмык» или «западный монгол» и совершенно чужд алтайцам»; 3) «В преданиях алтайцев все западно-монгольские ханы выступают под общим собирательным именем «Ойрот-хан»; 4) термин «Ойрот» в Горном Алтае был знаменем объединения реакционных сил»¹¹. С начала 1948 г. в названии автономной области стал использоваться идеологически нейтральный географический термин – Горно-Алтайская.

Факт двойного директивного переименования территории позволяет рассматривать ойратский/ойротский период (1922–1947 гг.) как завершённый этап формирования образа Горного Алтая в литературе. На этом этапе в художественных, научных и публицистических текстах на русском и алтайском языках первоначально был создан образ Ойротии как типичной советской национальной окраины, затем на его основе закрепили идеологему «преодолевшие отсталость». Особняком в указанных хронологических рамках стоят тексты 1941–1945 гг., в которых всё многообразие тематики было стянуто к лейтмотиву войны и представлено по преимуществу в газетных жанрах.

Поскольку в 1921 г. на X съезде РКП (б) после доклада И. Сталина «Очередные задачи партии в национальном вопросе» все нерусские народы получили право на собственную территориальную единицу, в программно-идеологическое задание литературе было включено рассмотрение проблем таких территорий (это положение вошло и в Платформу сибирского союза писателей, созданного в 1926 г.). В период НЭПа и культурной революции уровень народов советского Востока однозначно определялся как «отсталость»; на шкале общественного прогресса это соответствовало уровням «непросвещенности», «неразвращенности»¹², что на языке художественных представлений начиная с XVIII в. репрезентировалось в диапазоне «дикарь» – «дитя природы», а на языке юридического именовалось «инородец»/«нацмен». Примером тому служит один из первых литературных опытов Г. М. Пушкарева – цикл этюдов «Младенцы гор» с его лейтмотивом «дик Алтай»: «Дик Алтай. У него все свое: своя душа, свой склад, своя прелесть, простота. И народ свой: тихий, скромный, с прекрасной душой, с душой младенца, младенца гор»¹³.

К категории инородцев в имперский период относились и старообрядцы, жившие в высокогорье в районе водораздела Оби и Иртыша. С ними литература прочно связала миф о Беловодье. Метафора Беловодья в довоенной художественно-идеологической системе переживает дальнейшую трансформацию, сливаясь с метафорой «Горный Алтай – Сибирская Швейцария»; в списке путешествующих открывателей советской *terra incognita* к ученым и журналистам в это время добавляются отряды альпинистов (вспомним массовое восхождение на Белуху – альпиниаду 1935 г.¹⁴), многочисленные экскурсанты-отпускники¹⁵ и даже отряды юных пионеров¹⁶. Особенно столичные писатели всё время существования Ойротии любили писать о поездках в «неизведанный край», где живут «первобытные теленгиты и тубалары» и «фанатики-старообрядцы».

Традиционная трактовка топонима Алтай (Золотые горы) позволяла в «ойротских» публикациях довоенного времени сочетать мотив скрытых сокровищ с мотивом «большого путешествия» – символического травелога «отсталых» народов в светлое будущее; народы Ойротии из «первобытных дикарей» превращались литературой в открытые сокровища (персонификацией этой идеи служил литературный образ самого известного писателя-алтайца П. В. Кучияка). Развертываемый в публицистике как чисто прагматический (поиск сырья для индустриальных гигантов первых пятилеток или укрепление здоровья трудящихся), этот комплекс свободно комбинировался с романтическими фронтальными сюжетами в духе Майн Рида, Фенимора Купера и Джека Лондона (П. Стрижков, Л. Мартынов, М. Терентьева и др.). Горный Алтай мог образно представляться пространством столкновения

11. Сапего А. К вопросу о переименовании области // *Звезда Алтая*. – 1948. – № 5.

12. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авториз. пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 68–116.

13. Пушкарев Г. Младенцы гор // *Сибирские огни*. – 1922. – № 5. – С. 75.

14. См. об этом: Коптелов А. Л. В горах Алтая. – М., 1937; Коптелов А. Л. Восхождение на Белуху // *Сибирские огни*, 1935, № 6. – С. 146–172; Коптелов А. Л. Снежный пик. – М., 1947; На штурм Белухи / Под ред. Г. Тимофеева, И. Долгих, П. Житловского. – Новосибирск, 1935.

15. В. Шемелев в отчете «Горные экскурсии рабочей молодежи» писал, что для таковых Горный Алтай «с его полудикой жизнью, с могучими горными хребтами, с вершинами, сверкающими белизной вечных снегов и ледников», с его «широко раскрытой книгой природы» и «первобытной культурой» населения как специально был создан (*Сибирские огни*. – 1925. – № 1. – С. 234).

16. См.: Кованов В. В горах Алтая. Всесоюзная пионерская экспедиция юных мичуринцев на Алтай. – М.: Молодая гвардия, 1935.

цивилизованного героя с детьми природы, с фатальными или даже мистическими обстоятельствами, он мыслился пространством инициации. К этому выводу подводит самое емкое определение литературной функции Алтая, предложенное одним из идеологов сибирской советской литературы Вивианом Итиным в рецензии на книгу Ильи Мухачева «Чуйский тракт»: «Алтай для сибирской поэзии то же, что и Кавказ для русской»¹⁷.

Но в основном риторика культурной отсталости заставляла писателей при взгляде на Ойротию извне и особенно изнутри сосредотачивать внимание на самом диком, самом патриархальном, изображать коренное население как жертву колониальной политики царизма в прошлом и великорусского шовинизма – в настоящем. К концу первого десятилетия существования автономной области был создан довольно значительный корпус посвященных ей произведений разных стилей и жанров: очерков столичных и сибирских журналистов, мемуаров, трудов историков, этнографов. В столичных издательствах выходят художественные произведения, на месте формируется переводческая школа. Бравурной кодой первого десятилетия автономии становится ойротский выпуск журнала «СССР на стройке» (1932, № 9) с текстом Марка Эгарта (ранее выпустившего книгу об Ойротии с говорящим названием «Переправа») и фотоснимками М. Альперта и С. Фридлянда, не оставляющий сомнений в том, что в жизни Ойротии доминирует красная новь.

Любые отступления от принципов национальной политики в показе национальной автономии жестоко караются – примером тому может служить история травли Л. П. Мамета, автора исследования об особенностях гражданской войны в Горном Алтае, написанного на основе тогда еще сохранявшихся документов противоборствующих сторон и по воспоминаниям участников¹⁸. В результате автор был вынужден признать, что допустил непростительные ошибки в трактовке событий начала XX века в Горном Алтае и особенно в интерпретации гражданской войны как войны национальной. На фоне множества трагических судеб писавших в Ойротии и об Ойротии в 1920–1930-е гг. (И. Я. Гордиенко, Г. И. Гуркин, В. Я. Зазубрин, Н. Н. Зарудин, И. И. Катаев, П. А. Чагат-Строев, А. В. Тозыяков и др.) его биография – остался жив (!) – выглядит счастливым исключением (что можно сказать и о писательской карьере создателя первого романа о советской Ойротии А. Л. Коптелова и создателя первых хрестоматий по литературе Сибири, много писавшего об Ойротии, – Г. М. Пушкарева).

Сегодня именно эти хрестоматии помогают понять систему формирования образа Ойротии в литературе 1922–1940 гг. (мы уже отмечали, что в период Великой Отечественной войны действовали другие художественно-идеологические нормы). Так в книге «Сибирская новь»¹⁹ новейшие произведения о Сибири были сгруппированы по хроникально-тематическому принципу (Путь к Октябрю – Октябрьская революция в Сибири – Падение Советской власти – Директория – Интервенты и Колчак – Гражданская война в Сибири – Красная армия – Годы разрухи – Новый быт – Комсомол и пионеры – Сибирский край – Сельское хозяйство – Природные богатства Сибири – Торговля – Кооперация – Народное образование – Туземцы). Символом Ойротии в этой книге становится Чуйский тракт (помещена крошечная справочная статья «Чуйский тракт» и одноименное стихотворение Ильи Мухачева). Заключительный раздел книги весьма символичен – на фоне ярких примеров «красной нови» отчетливо проступают идеи сибирских областников: в процессе русской колонизации Сибири «туземец был оттеснен», в частности, «киргизы оттиснуты в степи по Иртышу, алтайцы и шорцы загнаны в горы... Туземцы – основное когда-то население Сибири, в царской России стали чем-то посторонним, лишним, бесправным, забитым народом...» (с. 247). При этом закономерно подчеркивалось, что советская власть резко изменила положение – «туземец из презираемого инородца – стал равноправным членом советской семьи. Туземец получил право гражданства, право самоопределения, право организации своего управления, советского строя» (с. 248).

Хрестоматия «Сибирь в художественной литературе» создавалась как «учебное пособие для школы повышенного типа, начиная со школы 2 ступени и кончая ВУЗом», пролаганирующее Сибирь на всесоюзном уровне; на местном же уровне это было руководство и стимул «для творческой работы по поднятию культуры Сибири, превращенной Октябрем из царской колонии в равноправную часть

17. Сибирские огни. 1926. № 5-6. – С. 263. Итин напишет один из самых ярких текстов об Ойротии – поэму и прозу «Каан-Кэрада» и по ней – один из первых в истории русской литературы киносценариев. В игровом фильме «Каан-Кэрада» (Крылатый бог) (Ленинградская фабрика Совкино, реж. В.Б. Фейнберг, 1929), снятом по этому сценарию, никому в столицах не известный Алтай был представлен через понятие «горцы»: «На Крымское побережье (это – Алтай!) в горы на гидроплане прилетели летчики (агитполет). Из-под тени кипарисов вышел шаман и предсказал гибель людям, осмелившимся летать. Тут прилетели иностранцы. Их повели в клуб. На клубной сцене "алтайцы" танцевали лезгинку. Зрительный зал был заполнен алтайцами с кинжалами у пояса» (Сибирские огни. – 1930. – № 3. – С. 125). К сожалению, ни одна копия этой киноленты не дошла до нашего времени.

18. Мамет Л.П. Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. – М.: Наука и просвещение, 1930.

19. Сибирская новь: Хрестоматия по истории революционного движения в Сибири за 10 лет: сост. Пушкарев / Под ред. А. Ансон. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927.

РСФСР – СССР»²⁰. В предисловии Пушкарев, разделяя взгляды основателей советского краеведческого движения, писал, что без истории литературы своего края краеведение будет половинчатым (с. 3). В этом издании остались лишь пять тематических рубрик: туземная Сибирь и сибирская старина, кандальская Сибирь и приискатели, крестьянская Сибирь до революции и переселение, революционное движение в Сибири и гражданская война, новая Сибирь. Работа по отбору текстов для последней рубрики приводит Пушкарева к выводу, что большинство современных произведений не являются «вполне художественными», в них преобладают публицистические начала²¹. В этой книге ойротская тематика попала в две рубрики – «Туземная Сибирь и сибирская старина» и «Новая Сибирь».

Если сюжетно-мотивный комплекс первой рубрики хрестоматии был весьма разнообразен: быт и религиозные представления туземцев Сибири; политика русского капитала в туземной Сибири; отношение туземцев к царским чиновникам; национальный вопрос в царской Сибири; положение туземцев Сибири в дореволюционной России; национальный вопрос в СССР; положение народностей Сибири в настоящее время; Сибирь – царская колония; нравы и быт старой Сибири; мирские начала в сибирской деревне), то о новой Сибири говорить было еще практически нечего, изобрели только три темы: борьба за новый быт; отцы и дети в сибирской деревне; новая деревня (что мы можем проследить по публикациям первых областных газет «Ойротский край», «Красная Ойротия» и «Кызыл Ойрот»).

В 1930 г. Пушкарев выпускает собственную небольшую богато иллюстрированную фоторепродукциями и рисунками книгу «В хребтах Алтая: Для детей среднего и старшего возраста»²², которую с позиций нашего времени можно назвать прообразом популярной энциклопедии об Ойротии²³. Характерна для того времени разгромная статья Клеопатры Гайлит²⁴, в которой эта книга рассматривается как неудачный пример произведения для детского чтения. Писательница высоко оценивала образный потенциал Горного Алтая: «Богатейший во всех отношениях участок Сибири – Алтай – уже давно привлекает к себе внимание писателей, в том числе и детских. Для писателя, как и для художника, Алтай – неисчерпаемая сокровищница» (с. 151). Упрекая Пушкарева в обращении к аполитичным научным источникам «времен очаковских и покорения Крыма», Гайлит категорически требовала, чтобы Пушкарев перешел «к показу такой Сибири, такого Алтая, которые встают в сознании каждого школьника как определенная, с большим удельным весом часть СССР». На наш взгляд, подобную оценку мог спровоцировать отзыв ойротского идеолога П. Я. Гордиенко о книге «В хребтах Алтая»: «Нельзя безнаказанно протаскивать на четырнадцатом году революции утверждение, что Чорос-Гуркин, Сары-Сеп-Конзычаков, Токмашев и Тибер-Петров, бывшие вдохновители контрреволюционной каракорумской авантюры, являются борцами за существование алтайца»²⁵.

В предисловии к своей «Ойротии» Гордиенко сетовал на отсутствие современных (т.е. идеологически правильных) книг о регионе, замечая, что «старые дореволюционные издания переиздаются и продолжают оставаться, как незаменимые справочники об Алтае. Быстро расхватываются книги проф. Сапожникова, Верещагина, Крылова, Пилипенко. Но все это материал устаревших обследований. Многие из них не отвечают истинному лицу современной растущей и крепнущей Советской Ойротии. Однако других книг об Ойротии нет».

Примером переработки в нужном идеологическом ключе дореволюционной научно-популярной книги может служить переиздание труда проф. В. В. Сапожникова «Пути по Русскому Алтаю» (Томск, 1912)²⁶. Его необходимость была обусловлена отсутствием «руководящей литературы», способной удовлетворить возрастающие интересы исследователей Алтая, обеспечить организацию многочисленных экскурсий в горы Алтая. Утверждалось, что издание 1912 г. значительно устарело «в части общего облика жизни Алтая и цифровых данных», указывались новейшие источники, на основе которых были сделаны необходимые уточнения. Написанный Г. Н. Потаниным специально для книги В. В. Сапожникова очерк «Население» был заменен компилятивным очерком «Ойратская автономная область», в котором угадывается рука Г. М. Пушкарева, «замаскировавшего» статистикой и новым названием базовый текст Потанина, что и позволило частично сохранить его – при условии, что партий-

20. Вейсберг Г.П., Пушкарев Г.М. Сибирь в художественной литературе. – М.: Гос. изд-во, 1927. – С. 7.

21. Заметим, это характеризует литературу об Ойротии /Горно-Алтайской автономной области / Республике Алтай вплоть до нашего времени, последний яркий тому пример – книга Димана Белекова «С какого ты Алтая?... (Горно-Алтайск, 2018).

22. Пушкарев Г. М. В хребтах Алтая. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930.

23. Единственное справочно-энциклопедическое издание, посвященное Горному Алтаю – «Краткая энциклопедия Республики Алтай» было издано в Новосибирске лишь в 2010 г.

24. Гайлит К. Заметки о сибирской детской литературе // Сибирские огни. – 1933. – № 5–6. – С. 150–156. К. И. Гайлит напишет историческую повесть для детей «Грозный перевал», положив в её основу воспоминания почитаемого в советскую эпоху героя гражданской войны в Горном Алтае И. Долгих. Это идеологически «правильное» изложение, пожалуй, самого трагического эпизода из истории гражданской войны в горах Алтая – «снежного похода» и гибели отряда есаула Кайгородова. К. И. Гайлит как жена «врага народа» была репрессирована, позднее текст был издан с послесловием горно-алтайского историка С. Пахаева – см.: Гайлит К. И. Грозный перевал. Повесть. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1967.

25. Гордиенко П. Я. Ойротия. – Новосибирск: ОГИЗ, Запсиботделение, 1931. – С. 10.

26. Сапожников В. В. Пути по русскому Алтаю. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1926.

ные цензоры были людьми малообразованными и внимательно в содержание не вчитывались.

Новый очерк начинался с констатации этнического своеобразия Ойротии: «Помимо природных особенностей горной страны, Русский Алтай своеобразен и по основному составу своего туземного населения, объединенного в особую Автономную Область ойратского народа» (с. 14). Далее следовала статистика: «По национальному составу население области складывается из 54,57 % русских, 41,99 % алтайцев, 2,96 % киргизов и 0,48 % прочих» (с. 15) и указывалось, что алтайцы (не ойроты, не калмыки) в племенном отношении разделяются на собственно алтайцев и черневых татар, сойотов (монголов), теленгитов, телеутов, кумандинцев, туба – т. е. приводились самоназвания коренных этносов.

В том же году в «Сибирских огнях» печатаются поэма в прозе В. Итина «Каан-Кэрэдэ» (№ 1–2) и рассказ А. Сорокина «Почему улетела птица» (№ 5–6), составившие диптих о восприятии алтайцами-младенцами гор достижений технического прогресса (первая встреча с аэропланом). В поэме Итина алтайские боги Ульгень и Эрлик выступают соперниками в процессе творения, у них разные материалы для творчества. Иносказательность этой трактовки прозрачна – новый мир может быть живым, а может быть и железным... все зависит от того, из чего «мы наш, мы новый мир построим...». Экзотические алтайцы В. Итина с их колоритным шаманом Куано восхищаются естественностью и солнечным жизнелюбием. Итин, по мнению В. Зазубрина, «доказал, что «Башкирия» или «Ойротия» звучит не только так же, как «Мадагаскар», но и сильнее»²⁷ – как видим, Ойротия вписывалась в новую советскую географию, представляющую периферию мозаикой из экзотических пространств. Сорокин в рассказе о железной птице создает свой вариант сюжета о соперничестве богов, в котором Эрлик – эпигон, он по образцам Ульгенья «стал творить из пота и труда людей. Из железа <...> создал железных китов, железных плавающих гусей, железных коней, железных птиц»²⁸. Итина и Сорокина в диптихе объединяет идея естественной предопределенности человеческого мира и обреченности на провал всякой попытки вмешательства в этот процесс. Мир един, он не может быть «старым» или «новым».

По нашим наблюдениям, другое произведение А. Сорокина – опубликованная сравнительно недавно по архивным материалам повесть 1925 г. «Алтай и города»²⁹ – являет собою единственный среди раннесоветских текстов, посвященных Горному Алтаю, интеллектуально-игровой нарратив, представляющий гибель *старого* бога как неизбежное следствие творения *нового* – советского – мира. Ульгень, его помощник шаман Ано и Эрлик оказываются в повести Сорокина среди людей в эпоху грядущего переустройства созданного ими мира, накануне первой мировой войны. События начинают разворачиваться в горах Алтая, а завершаются в Нью-Йорке. Алтай (досл. Золотые горы) противопоставит в повести миру золота как последнее на Земле прибежище естественности, добра и красоты, суммарно сочетая в себе образы Беловодья и Шамбалы. Алтай Сорокина – символ природных твердынь в социальном хаосе (каким он предстаёт в тот период и у Г. Гребенщикова³⁰, и у К. Бальмонта³¹), а потому название повести может быть прочитано как «горы и города» (природное и цивилизационное); в голливудских сценах повести «Алтай и города» – это название супербоевика, который по воле Ульгенья не суждено увидеть элитарному зрителю.

В основном же Ойротия в раннесоветской литературе в духе поэтики соцреализма представляла идеальным пространством для развертывания грандиозной идеологической акции в сфере советского *национального строительства*. Серьезные художественные обобщения опыта создания «нового мира» стали возможны на исходе 1920-х гг. (как эпохальные события тогда отмечались пятилетие советской власти, десятилетие создания СССР).

Самым первым романом о национальных отношениях в советской Ойротии стала книга украинского писателя В. З. Гжицкого «Черное озеро (Кара-кол)», написанная в 1928 г. и вышедшая в переводе на русский язык в 1930 г. Алтайцев в книге видят и о них рассуждают приехавшие из столицы ученый-историк и художник, которые не могли даже подумать, что на одиннадцатом году революции может процветать такая «дикость, приводящая к постепенному вымиранию этой нации». Еще до встречи с местными жителями шовинистическую характеристику алтайцев ученый слышит из уст возницы:

27. Пятилетие «Сибирских огней»: стенограмма // Сибирские огни. – 1927. – № 2. – С. 199.

28. Сорокин А. Почему улетела птица // Сибирские огни. – 1926. – № 5–6. – С. 43.

29. Сорокин А. С. Сочинения. Воспоминания. Письма. – Tobolsk, 2012. – С. 276–229.

30. Г. Д. Гребенщиков в Америке будет ретранслировать образ дикого, поражающего первозданностью Горного Алтая до тех пор, пока сам не станет его символом в восприятии «молодых чуряевцев» (культурно-просветительная организация «Молодая Чуряевка» будет создана в Харбине, откуда в Чикаго будут посылаться заметки и стихи, в частности, в ежедневной газете русских рабочих культурно-просветительных организаций «Рассвет» 24 окт. 1930 г. будет напечатано стихотворение М. Горшкова «Алтай (родина Чуряевки)», в котором твердыни любимого Гребенщиковым русского высокогорья осмыслены как оплот свободного творчества «среди хаоса сдвигов, идей, устремлений (ГМИЛИКА, 16015/18). Через Г. Д. Гребенщикова образ сурового и дикого Русского Алтая, неизменного в своем природном величии, уйдет в русскую Америку первой половины XX в., где станет символом молитвенного заступничества за всех, кто оказался вдали от Родины. В литературе русского зарубежья русский Алтай будет звать через тернии к звездам, будет «гасить вспышки нерадостных дней» (см. Александр Ли. Алтай. Г. Д. Гребенщикову // Латв. газета «Для Вас» № 9 (10) от 25.февраля 1934 г. (ГМИЛИКА, 440/16), став в кругу Г. Д. Гребенщикова синонимом России.

31. См.: Бальмонт К. Д. Голубая подкова. Стихи о Сибири. – USA, Churayevka Russian Willage: Alatas, 1937.

«В местечке живут преимущественно ойроты, жители Горного Алтая – нация, можно сказать, пустая <...> живут в юртах, не умываются, не признают бань, едят конину, пьют араку <...>, а русского человека не уважают»³². В курортном местечке с восхитительными горными видами (Чемал) писатель собрал столичных интеллигентов: историк Смирнов наблюдает и анализирует национальные отношения в автономии, в духе колониальной риторики подчеркивая неприкрытую ненависть алтайцев к русским; художник Ломов эмоционально переживает природную роскошь и стремится запечатлеть её, вписывая в пейзажное полотно девушку-алтайку как символ естественного человека, борющегося с темными силами; инженер Манченко изучает природные богатства и планирует светлое будущее региона на основе развития гидроэнергетики и добычи природных ископаемых. Гжицкий на основе областнических представлений Г. Н. Потанина предпринял попытку создать образ национальной интеллигенции: доктор Темир, учитель Токпак и его дочь Таня – для них мир вне Алтая не существует. В соответствии с идеологическими требованиями в романе побеждены враги советских преобразований в Горном Алтае: шаман Натрус, богач Мабаш, Триш. При этом все персонажи-алтайцы обеспокоены мыслями о вымирании или о растворении этноса в советской действительности, а приезжие уверяют их словами партийных лозунгов, что только в составе СССР нации могут существовать и процветать. Шаман, описанный как припадочный мракобес и факир-заклинатель змей в одном лице, возглавляет стихийный протест жителей долины против всего нового. Идеологема дикости и отсталости оттеняется в романе традиционным для сибирского текста русской культуры архетипом медвежьего угла (символична гибель шамана в лапах медведя).

Известно, что Гжицкий был на Алтае с киноэкспедицией³³ создателя украинского кино А. Довженко, изучая ойротов как отсталый народ. Все признаки отсталости, входящие в сталинскую модель *восточных наций*, были им обнаружены и описаны в романе, но столкновение научной объективности и творческой субъективности в оценке этого народа оказалось в пользу последней – за искажение сталинской национальной политики автор попал в лагерь.

Другой роман из «сибирской жизни», действие которого происходит в Бийске, в предгорьях и – частично – в горах Алтая – «Заваруху» Е. Чанского³⁴ – можно назвать своеобразным подступом к национально-освободительной теме на ойротском материале, так как речь в нем шла в том числе и об идеологических разногласиях между «бунтующим Каракорумом» под руководством художника Гуркина и бийскими большевиками, не желающими признать самостоятельность национально-территориального образования, созданного в Горном Алтае после Февральской революции на основе большевистских идей о праве наций на самоопределение. Идеологической критике в романе была подвергнута фоновая картина богатой и сытой жизни Алтая в предреволюционные годы и несоответствие событийного ряда исторической фактографии. Имя Евгения Волчанского (Чанского) ныне совершенно забыто. Известно только, что он «студентом был сослан в Бийск в годы первой мировой войны. После установления Советской власти стал комиссаром промышленности и торговли»³⁵.

Первым сибирским романом об Ойротии стали «Горы» В. Я. Зазубрина. Известный всей стране как автор раннесоветского бестселлера – романа «Два мира» (выдержавшего при жизни автора 12 изданий), один из идеологов и организаторов Сибирского союза писателей, Зазубрин задумал трилогию об алтайском крестьянстве в период коллективизации. Он успел напечатать в 1933 г. в журнале «Новый мир» только одну её часть – роман «Горы», в результате многочисленных обсуждений признанную современниками «советской, нужной и полезной».

Действие романа разворачивается в высокогорном селе Белые Ключи и в его окрестностях, где живут кондовые кержаки и алтайцы. Идея замкнутости и отдаленности (настоящий медвежий угол) в модели художественного пространства романа опирается не только на географические особенности высокогорья, но и на беловодский миф. Чудные люди живут в Белых Ключах – необычные, непонятные, странные для главного героя произведения – *расейского* Ивана Безуглого, который в начале романа после долгого отсутствия возвращается в Белые Ключи в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам.

В Сибири он был в ссылке, потом в годы гражданской войны воевал в алтайском высокогорье, был

32. Цит. по: Гжицкий В. З. Черное озеро / авториз. пер. с укр. К. Трофимова. – М.: Советский писатель, 1960. – С. 8.

33. Как форма изучения жизни советских окраин киноэкспедиции в рассматриваемое время были весьма популярны. Режиссер А. Е. Разумный, снимавший методом погружения в жизнь алтайцев, используя порой скрытую камеру, игровой фильм «Долина слез» (в сюжете долина слез при советской власти превращается в долину счастья и труда) в 1924 г. в Ойротии, в долине р. Кан, вспоминал: «В те годы перед нами встала задача — отражение жизни разных народов, объединенных в единый Советский Союз. Коммунисты «Пролеткино» выдвинули идею создания цикла картин о малых народностях, культура и быт которых были изучены очень плохо» (Разумный А. У истоков: Воспоминания кинорежиссера. М.: Искусство, 1975. URL: http://www.gazumny.ru/u_istokov.pdf). При съемках таких фильмов делался «упор на культурную дистанцию, экзотичность сообщества, ориентализм, акцент на инаковое, «другое»; они «выполняли просветительскую функцию как этнографический рассказ о народе, но при этом несли идеологическую составляющую как демонстрация архаики и отсталости в противовес социалистическому укладу жизни» (Дашибалова И. Н., Базаров А. А. Кинофиксация бурят: советский репертуар в диахронии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – № 2(73). – С. 183).

34. Чанский Е. Заваруха. – М.: ЗИФ, 1930.

35. Мальцев Л. Из литературного прошлого Бийска // Алтай. – 1978. – № 4. – С.60.

тяжело ранен; там погиб его брат; в горах отряд Безуглого покончил с есаулом *Огородовым*³⁶. В начале романа на лоне природы Иван ощущает себя естественным человеком (образ первобытного предка неоднократно встает перед ним). Со знанием дела описывает Зазубрин срезку пантов маралов, качку меда, охоту на медведей, баню – традиционные занятия сибиряков, связанные с обретением силы. В первой части романа создается ощущение, что в этом медвежьем углу Безуглый обрел, наконец, свой угол, незыблемость гор ощущается им как залог незыблемости всего порядка жизни (здесь у него есть дом, пахнущий свежим хлебом, есть сын – продолжатель рода, есть простые хозяйственные дела вроде чистки навоза – есть то, о чем герой ранее и думать не мог, гонимый ветрами истории).

В историческую эпоху, когда жизнь человека могла оборваться в любую минуту, писатель ищет точку опоры не в социуме, а в вечной незыблемости гор. С вечностью и незыблемостью природного порядка связана в романе линия коренного населения высокогорья, собирательно называемого Зазубриным *алтайцами*, именно они в романе (в отличие от пришлых старообрядцев) во всех жизненных ситуациях поступают так, как их отцы, деды и прадеды. Историю заселения алтайского высокогорья Зазубрин описывает в свете идеологии сибирских областников «Сибирь как колония» (русские, незаконно проникавшие на земли имперских инородцев, вытеснили алтайцев в самые неподходящие для жизни места, и к ним потому отношение враждебное – Это общее место столичных публикаций об Ойротии 1920–1930-х гг.). Современность не столь однозначна, и автор сосредоточен более на этническом, нежели на идеологическом ракурсе описания инородцев.

Знарок алтайского фольклора³⁷ и алтайских традиций, Зазубрин включает в текст романа описания жилища алтайцев (аил, юрта), одежды (шубы, шалки с кисточками), занятий (конечно, не обошлось без описания выгонки молочной самогонки-араки), воспроизводит подробности поведения алтайцев во время охоты на медведей, детали обряда весеннего шаманского камлания Ульгеню, сопровождая эти сцены соответствующими устно-поэтическими текстами.

Внешне в романе всё соответствует требованиям национальной политики, проводимой Сталиным: все проявления великодержавного шовинизма клеймятся коммунистом Безуглым, представители отсталого народа бодро шагают в светлое будущее. Но нотка тревоги подспудно звучит в романе: «За индустриализацию я головой, а сказать по совести, сердце знобит, как вздумаю, что станется с Алтаем»³⁸. Над финалом романа нависает фигура Сталина, выписанная по личным впечатлениям Зазубрина, присутствовавшего на XV съезде партии.

Эпико-романтический пафос зазубринских образов гор и их коренных насельников буквально заразил столичных прозаиков Н. Зарудина и И. Катаева, и известный творческий тандем в 1935 г. оказался в Горном Алтае. «Писатели едут по приглашению ойротского облисполкома и по зданию редакции «Новый мир» с целью написать книгу об Ойротии», – сообщали «Сибирские огни» (1935. – № 4. – С. 184). В горах их более всего интересовали старообрядцы – с Уймоном и «потомками Аввакумов» Катаева и Зарудина познакомил друг Зазубрина, Ефим Пермитин (редактор журнала «Охотник и пушник Сибири», в литературном отделе которого охотно печатались столичные писатели), к тому времени вслед за Зазубриным перебравшийся в Москву³⁹. Странствовали в горах московские писатели все лето, и судьба распорядилась так, что их последними произведениями оказались произведения, написанные на алтайском материале.

Очерк Н. Зарудина «Прекрасная Ойротия»⁴⁰, на наш взгляд, самое позитивное произведение о довоенном Горном Алтае. Этот текст ни разу не переиздавался, большая часть тиража журнала была изъята из библиотек после расстрела писателя. Горная страна в путевых заметках Зарудина действительно прекрасна! Прекрасны её горы, прекрасны её люди (в поездке писателей сопровождает зачинатель алтайской советской литературы Павел Кучияк, фамилия его не называется, но он именуется в тексте по-алтайски Ит-кулак – Собачьи Уши (к счастью, узурпировавший ойротскую тему в довоенной литературе А. Л. Коптелов в то лето отправился с альпинистами на Белуху и не успел «отравить» москвичей своим *социологическим*, по определению Н. Острогорского⁴¹ видением Ойротии). Перед читателями журнала «Наши достижения» Павел Кучияк предстает истинным достижением нового

36. Фактография воспоминаний главного героя романа основана на документах периода гражданской войны в Горном Алтае.

37. В 1934 г. Зазубрин закончил редактирование русского перевода алтайского героического сказания «Когутэй», выбранного для столичного издательства исключительно по причине того, что в отличие от известных эпических текстов, записанных буржуазными исследователями, где действуют богатыри-аристократы, главным героем сказания являются бедняк Когутэй и его приемный сын Бобренок, побеждающие могущественного и богатого Караты-Кана. Редактор, искренне любивший горный Алтай, писал: «В сказке перед читателем пройдет жизнь кочевника... он увидит скотовода-алтайца, с ласковой иронией рассказывающего о себе и о своей огромной, сказочной родине (Алтайский эпос Когутэй / сказитель М. Ютканак, пер. Г. Токмашова, ред. В. Зазубрина, комм. Н. Дмитриева. – М.–Л.: ACADEMIA, 1935. – С. 8).

38. Цит. по: Зазубрин В.Я. Общежитие / сост. Г. Арабескин. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. – С. 285.

39. Пермитин Е. Мир художника // Воспоминания об Иване Катаеве. – М.: Советский писатель, 1970. – С. 100.

40. Зарудин Н. Прекрасная Ойротия // Наши достижения. – 1936. – №11. – С. 92–109.

41. Острогорский Н. О второй книге романа «Великое кочевье»: второе открытое письмо автору – тов. Коптелову // Сибирские огни. – 1935. – № 5. – С. 154.

строю, этот «лукавый артист, вечно молодой Собачьи Уши». Он показывает столичным литераторам Ойротию эффектно, как на сцене.

В рассказе «Под чистыми звездами», опубликованном после реабилитации, спутник Зарудина Иван Катаев в горит своему товарищу и описанием Уймонской долины, и общей тональностью восхищения красотой природы и красотой человеческих поступков. Описан один вечер на сенокосе. Завораживает поэзия труда – соревнуясь, два звена мечут стога, финал их работы наблюдают случайно попавшие к ним путешественники. Ведя повествование от первого лица, Катаев с тактом и сдержанностью рассказывает о случайно подслушанной тайне бригадира Аполлинарии Лесных – «из кержачек», неброской красоты труженицы, и её возлюбленного Тимки Вершнева, об их высоком чувстве.

Ойротия в изображении Катаева – это «уединенная горная страна, из тех, что всегда так властно манят в путешествие своей как бы вечно недостижимой синевой. Её резко увеличивали резкие ледяные вершины Катунских Альп...». Пожалуй, Катаев был единственным писателем той поры, попытавшимся определить свое отношение к высокогорью не через социологические категории, а через общечеловеческие этические: «Подступало странное, составное чувство родины и чужбины – его уже не раз испытывал я на Алтае»⁴².

В произведениях трех ярких русских писателей Ойротия (Горный Алтай) – не место политически правильного «великого кочевья»⁴³, а поистине художественное открытие. Все трое страстные охотники и неумолимые путешественники, они оказались во власти высокогорья настолько, что фактически проигнорировали рекомендованные к литературному освещению «символические признаки национальной идентичности»⁴⁴ малых народов. А это потенциально могло утяжелить перечень тех преступлений, которые были поставлены им, сгинувшим во время Большого террора, в вину⁴⁵.

Изучение подавляющего большинства опубликованных в центральных, сибирских и местных изданиях текстов 1922–1947 гг., посвященных автономной области, приводит к следующим заключениям:

1) в раннесоветскую эпоху среди всех «медвежьих», «диких», «отсталых», «первобытных» углов и закоулков Сибири Ойротия/Ойротия оказалась самым «удобным» претендентом на роль «подопытного» для решения художественно-идеологических задач конструирования образа национальной окраины в советской литературе. Она обладала практически полным набором признаков «культурной отсталости», что позволяло демонстрировать на её примере переход национальных меньшинств из категории «инородцев» (т.е. практически «чужих»⁴⁶) в категорию «своих»; т.е. в «братскую семью», в «союз нерушимый...».

2) Её территория не имела репутации «гиблого места», места ссылки и каторги, её малочисленное население, кочевое и полуседлое, не было до начала гражданской войны заражено никакими оппозиционными идеями и представляло чистую доску для большевистской пропаганды.

3) У миллионных «масс пролетариата» СССР она не вызывала экономического интереса, пропагандировалась её рекреационная привлекательность.

4) У интеллигенции специфические географические, этнографические особенности и климатические условия Горного (Русского) Алтая еще в конце XIX в. создали образ неисчерпаемого научного Эльдорадо и сибирского курорта, а потому сибирские и столичные ученые, писатели и журналисты стремились попасть в Ойротию летом, чтобы совместить полезное с приятным. В отличие от Крайнего Севера (до наступления советской эпохи, как и Горный Алтай, не поддававшегося обрусению) сюда достаточно комфортно можно было добраться.

В 1947 г, готовясь отметить двадцатипятилетие Ойротии, местные авторы – идеологические работники победоносно ралортовали, что со всем этим покончено навсегда⁴⁷: Ойротия превратилась в страну социалистической культуры, всеобщей грамотности, развитой промышленности и сельского

42. Катаев И. Под чистыми звездами // Катаев И. Под чистыми звездами: Повести, рассказы, очерки. – М.: Советская Россия, 1969. – С.376.

43. Добавим, что ни читатели, ни критики, ни участники новосибирской дискуссии о формализме и натурализме в советском искусстве не отметили художественные достоинства только что опубликованного романа А. Колтелова «Великое кочевье» (см. его первый вариант: Сибирские огни. – 1934. – №3. С. 1–133; 1935. – №3. – С. 1–167), но дружно твердили о правильном методе писателя, в заслугу которому ставился выбор темы – переход алтайцев с кочевого образа жизни на оседлый, создание колхоза. Отмечалось, что роман содержит весьма богатый материал о быте, психологии, семейных отношениях, трудовых процессах ойротов; имеет большое воспитательное значение, так как «по пути развития ойротов при советской власти, пойдут потом десятки колониальных и полуколонизированных народов мира» (Острогорский И. О второй книге романа «Великое кочевье»: второе открытое письмо автору – тов. Колтелову // Сибирские огни. – 1935. – № 5–6. – С. 108).

44. См. подробнее: Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939 г. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 25.

45. Шенталинский В. Расстрельные ночи // Звезда. – 2007. – №5. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/5/rasstrelnye-nochi-2.html>; Яранцев В. Последняя ночь Зазубрина // Москва. – 2011. – №7. URL: http://www.moskvam.ru/publications/publication_220.html

46. См. подробнее: Слокум Д. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 502–531.

47. См.: Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области. – Ойрот-Тура, 1947.

хозяйства. Соответственно, поскорее стремясь вычеркнуть из памяти всё, что было связано с трудностями на пути к этим свершениям, с 1948 г. литераторы постарались поскорее забыть и название области – Ойротия, и название столицы – Ойрот-Тура, и название народа – ойроты, и названия газет «Кызыл Ойрот» и «Красная Ойротия»...

Намечая линию послевоенного периода развития образа Горного Алтая в русской литературе, заметим, что она пошла по пути утраты этнографического и романтического начала. Горный Алтай постепенно становился пространством производственной прозы (А. Демченко, С. Залыгин), затем её закономерно сменила экологическая проблематика (В. Чивилихин, Е. Гуцин); кульминационным текстом этой линии стал очерк «Горный Алтай» в книге В. Распутина «Сибирь, Сибирь...»⁴⁸ с её сверхзадачей показать регион без романтики. С этого очерка началось формирование современного рекреационного бренда Горного Алтая/Республики Алтай.

Но, как известно, культурные ценности не подвергаются старению, и нет-нет, да и прорвутся в современные модные литературные тексты (вспомним «Книгу воды» Э. Лимонова, «Кадын» И. Богатыревой или «Теллурию» В. Сорокина) отголоски художественных открытий, сделанных в 1922–1947 годах – в самый сложный, самый интересный и до сих пор серьезно не исследованный период развития образа Горного Алтая в литературе.

Каждый читатель увидит в зеркале литературы свой образ Ойротии, главное – в это зеркало посмотреть. Это необходимо сделать и из чисто познавательных, и из патриотических устремлений, ибо нельзя не согласиться с любившим Горный Алтай Валентином Распутиным: «Земля должна знать своих поэтов и устроителей, тогда она будет знать и свое достоинство».

*Т. П. Шастина, кандидат филологических наук,
методист научно-методического отдела НБ РА.*

48. Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... – М.: Молодая гвардия, 1991.

НА АЛТАЕ ШУМИТ МНОГО РЕК

(Печатается по: Ерошин И. Песни Алтая. – Новосибирск, 1935. – С. 90)

На Алтае шумит много рек,
 Много рек на Алтае течет,
 А в Москве большой человек,
 Сильный там человек живет.
 С ясной он, как утес, головой,
 Его знает горный мой край.
 Слышал я, он тамыр* с беднотой
 И его ненавидит бай.
 Слышала я – его Ленин звать,
 Он простой, он без золота друг!
 Ах, как хочет его повидать
 С гор Алтая бедный пастух!

*тамыр – друг.

Леонид Сар-Сен Конзычаков

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОБ АЛТАЙЦАХ

(к вопросу о выделении автономной области «Ойрат»)

(Печатается по: Сибирские огни. – 1922. – № 1. – С. 109–115)

I

Теперешние кочевые инородцы Алтая являются потомками калмыков, пользовавшихся некогда обширными пространствами и составлявшими самостоятельное политическое целое – Джунгарию. Пространство, занимаемое этим царством, было весьма значительно: хребты Тянь-Шаня, кочевье Большой Орды да сибирская линия ограничивали его. Джунгарии принадлежал и южный Алтай, где кочевало племя урянхайцев – верховье реки Катунь и по Кок-су, каракольцев и др.

Джунгария состояла из четырех главных аймаков – племен: Чхарас, Хойт, Хошох и Торгут (или Торгоут), которые управлялись тайшами. Калмыки, составлявшие Джунгарское царство, распадалась на много племен, часто ссорившихся и вступавших в драку между собой, не могли не терпеть от более сильных соседей-китайцев, русских и киргиз, и положение их между Китаем и Россией представляло весьма мало удобств для развития самостоятельности и независимости их царства. Совершенно естественно, что при таких условиях враждующие племена исткали покровительства – одни у России, другие у Китая и монголов.

В 1755 году началась война между Китаем и Джунгарией, а в 1757 году Джунгария, как государство, была уничтожена и население её подверглось массовому уничтожению. Часть калмык, теснимых и уничтожаемых китайцами, бросилась бежать на север в горы Алтая и пределы России за пограничную линию. С 1755 года по 1757 год в пределы Алтая, по данным Колыванского завода и Бикатунской крепости, калмык прибыло около 22831 человек, которым и было разрешено кочевать по рекам Инге, Чарышу, Белой, Маралихе, Бие, Убе и Ульбе.

Следом за джунгарами шло монгольское войско, которое делало попытки требовать возвращения джунгарцев, но получило отказ. Так совершился переход калмык, населяющих южный Алтай, в русское подданство. Правительство, опасаясь, чтобы китайцы не предъявили новых требований, решило в 1760 году возможно скорее занять земли от Усть-Каменогорской крепости к Телецкому озеру и по горам устроить укрепления. «Для прикрытия Колыванских заводов и двоеданческих улусов, кочевавших по Аную, Катунь и др. рекам, основать колонии». Это проект, однако, не был осуществлен и все дело ограничилось лишь постройкою Бухтарминской крепости. Китайское правительство удержало за собой право джунгарских ханов взимать с некоторых из оставшихся на Алтае калмык «алма» (ясак) на богдыхана. А так как с них подати собирались и русским правительством, то они и назывались двоеданцами, т.е. платящими дань двум правительствам. На Чуе этот порядок прекратился лишь в 1866 году, вследствие особого договора между Россией и Китаем⁴⁹.

С переходом в русское подданство калмык не сразу прекратились раздоры между отдельными племенами, на которые истари распался народ, точно также, как не сразу затихла их исконная вражда с

49. Приведенные здесь даты о присоединении алтайских калмык к России взяты из доклада начальнику Алтайского округа, составленного Н.С. Гуляевым, пользовавшимся для своего труда как имеющимися литературными, так и архивными материалами («Горный Алтай и его население», Том 1. «Кочевники Бийского уезда», выпуск 1-й. Составил С. П. Швецов. Барнаул, 1900 год).

киргизами.

Калмыки горного Алтая считают себя одним народом, который распадается на несколько племенных групп и 16 административных⁵⁰.

Из них 7 алтайских дючин образуют алтай, 2 чуйских (1 и 2 Чуйские волости) телесы, 4 черневых волости (Комляшская, Куземская, Южская и Кергешская) – черневые татары – Чиш-кижи, и 3 северных волости (Верхне- и Нижне-Кумандинская и Тогульская) – кумандинцы – Куманды-кижи, шорцы – Шор-кижи.

Считая себя «одним народом», калмыки признают вместе с тем, что вся территория, в пределах которой они живут и пользуются в той или иной форме угодьями, принадлежит всем им сообща, как одному целому. Именно отсюда, из этого взгляда на занимаемую землю и вытекает отсутствие границ между такими, казалось бы, крупными единицами, как волости и проч. Но последнее десятилетие, когда возникло много оседлых пунктов, когда около пятой части калмыков перешло от первобытного образа жизни к оседлому, многое резко изменилось, – создались новые между различными группами населения отношения, а вместе с тем кое-где возникли представления о границах, обособляющих пользование некоторыми угодьями среди самих калмык. Нет никакого сомнения, что распространение оседлости, которое идет на Алтае, относительно весьма быстро начавшийся процесс обособления будут все более развиваться и осложняться, а первоначальное отношение к земле, как более простое – исчезать и сглаживаться.

II

Во главе каждой дючины или волости стоял «зайсан», избираемый всеми домохозяевами данной административной единицы, но в большинстве дючин из одного определенного «сеека». Некоторые зайсаны имели помощников. Каждая дючина делилась на несколько «арманов», управляемых демичами (помощниками зайсанов) и представлявших уже не столько административную, сколько податную единицу; при этом каждый арман должен состоять приблизительно из сотни домохозяев.

Прежние деления алтайцев на дючины и волости совершенно не отвечали действительному распределению населения, и потому уже в 1900 году наблюдался процесс разложения этого строя, что особенно бросается в глаза в 7-ми алтайских дючинах, жители которых признают себя одним народом, имеющим общую землю. Несмотря на сознание своего единства, первая дючина почти совершенно уже тогда выделилась от остальных, члены её живут в определенной местности и встречаются в других пунктах очень редко, да и то в качестве временно приехавших туда; они почти не участвовали в народных съездах, «каланах»⁵¹, на которых собирались представители всех дючин, отказывались от выполнения многих повинностей, лежащих на других дючинах, и проч. Тот же процесс выделения, только менее резко выраженный, наблюдался и относительно черневых волостей, переходящих постепенно к оседлой жизни.

Тем не менее и в настоящее время сознание более тесной связи между инородцами черневыми и инородцами семи дючин довольно живо и по временам выражается в совершенно определенных фактах. Так, в 1897 году инородцы четырех черневых волостей и семи дючин составили общее совещание по вопросу «о возвращении прав кочевым инородцам на пользование черневыми лесами и их доходностью», и приглашали присоединиться также и инородцев трех северных волостей, т.е. Верхне- и Нижне-Кумандинских и Тогульской, с населением которых они считают себя одним народом и, наконец, в 1917–18 г., после Февральской и Октябрьской революций, эта связь выражена яснее посредством общих съездов в 1917 году в городе Бийске и в 1918 году в селе Улале по вопросу о выделении в автономную единицу, на каковых съездах, кроме инородцев перечисленных волостей, были и инородцы Кузнецкого уезда.

Ранее дючина представляла из себя родовую единицу, находившуюся под неограниченной властью зайсана; каковы были её размеры и границы, в настоящее время определить невозможно, во всяком случае, ни те, ни другие не совпадали с обязанностями зайсана последнего времени. Зайсан избирался пожизненно не только из определенных сееков, но даже, по возможности, из одной и той же семьи; по смерти зайсана или отказа его от должности новым зайсаном выбирали его сына; если же такового не имелось, то избирался кто-нибудь из его ближайших родственников, причем принималась в соображение и пригодность избираемого для занятия этой высокой должности. Демичи также избирались пожизненно из определенного рода.

Несмотря на такую монополию некоторых сееков относительно занятия должностей зайсанов и демичей, у алтайцев никогда не было, как нет и сейчас, разделения на сословия. Сееки, члены которых пользуются исключительным правом быть избранными в зайсаны, не составляют аристократии и ничем не выделяются от остальных; даже сын или брат зайсана не пользуется никакими привилегиями.

В 1880 году по распоряжению русской администрации зайсаны должны были избираться только на три года, а демичи на один год, и при этом зайсаны должны были именоваться родовыми староста-

50. Волости и дючины существовали до 1912 года включительно и лишь в 1913 году реорганизованы в волости теперешнего типа.

51. Калан – подать. Каланы – съезды, на которых обсуждались вопросы о разверстке податей.

ми, а демичи – помощниками родового старосты, причем количество демичей не должно было быть больше двух для каждой дючины.

Иностранцы взволновались, увидев в этом попытку к обращению их в русскую веру. Зайсаны 2-й, 5-й, 6-й и 7-й дючин составили приговор и ходатайствовали об оставлении им звания зайсанов и демичей. Ходатайство их не имело успеха, но на практике установился известный компромисс между старым и новым порядком. Выбирая зайсана на три года, иностранцы по истечении срока вновь выбирали его же, и так продолжалось до его смерти или до тех пор, пока сам не откажется.

Именуясь в официальных бумагах «родовыми старостами» и «помощниками старост», зайсаны и демичи продолжали носить прежнее название в отношениях со своим народом.

III

Религиозное воззрение иностранцев Алтая отличается крайней примитивностью. В основе их религии лежит вера в существование внутри человека нескольких душ или двойников. Видя во сне умерших родственников или знакомых, первобытный человек придает этим явлениям полную конкретность и объясняет их тем, что он видел двойников тех, чьи бездыханные тела зарыты в могиле. Отсюда вывод, что душа продолжает жить и после смерти. Имея представление о душе как о точной копии живого человека, алтаец одаряет её теми же свойствами, какие имеет человек: душа также нуждается в пище и питье, живет в том же месте, где жил покойник, любит почет, рассердившись, может мстить и т.д. Поэтому в случае смерти кого-либо из взрослых членов семьи, особенно хозяина, алтаец обязательно переносит юрту на другое место, не решаясь оставить её на прежнем, где пришлось бы жить бок о бок с духом покойного, которого легко прогневить чем-нибудь и тем навлечь на себя его месть. Смерть детей не вызывает обязательного переноса жилища, так как духи их менее требовательны, может быть, потому, что дети и при жизни не играют важной роли. Как уже сказано, первоначально в представлении первобытного человека дух является вполне конкретной личностью, имеющей определенное место жительства. С течением времени при постоянных перекочевках место смерти данной личности забывается, и в памяти народной остается только то, что какой-то дух живет где-то, причем его местопребывание отделяется от земли и приурочивается к небу или подземному миру, сообразно тому, кем был покойник при жизни. Вместе с тем видоизменяется и самое понятие о духе. Его индивидуальность ступшевается, он уже перестает быть двойником определенной личности и делается более отвлеченным, ему начинают приписывать различные явления природы, естественное объяснение которых недоступно первобытному уму – и в конце концов прежний двойник данного человека становится невидимым бестелесным духом, одаренным сверхъестественными силами. Так из верования в двойников постепенно развивается представление о божестве.

Такому боготворению, конечно, подвергаются чаще всего родоначальники или вожди данного народа, или же его завоеватели. Это мы и наблюдаем у алтайских иностранцев. У них есть боги, так сказать, родовые, т.е. такие, которым поклоняются только определенные сееки, и боги более или менее общие всем им и представляющие, судя по преданиям, чуждый, пришлый элемент.

Самым старинным богом нужно считать, по-видимому, «Койдрухана», о котором алтайцы говорят, что у них в старину был такой бог, но теперь ему никто не молится, его заменили боги новейшей формации. Нужно думать, что «Койдрухан» был одним из древнейших предков алтайского народа, но, по аналогии с подобными же фактами, является почти вытесненным из народной памяти своими позднейшими потомками – это, так сказать, вымерший бог.

Затем алтайцы имеют следующих родовых богов: Харшит, Бахтуган, Коко-Монхо, Яжилхан или Атаган, Карагуш и др.; интересно, что одному и тому же богу молятся сееки не во всей их целостности, а глядя по местностям, в которых он был известен при жизни, и представители того же рода, живущие в отдаленной местности, молятся уже другому богу. Кроме перечисленных богов, все сееки молятся еще «Дер-су», считающемуся покровителем стад.

Все названные боги являются представителями доброго начала, играющими или второстепенную роль, или сливающимися в народном представлении с главным добрым божеством алтайцев «Ульгением», которого на основании предания нужно уже отнести к богам-завоевателям.

«Ульгень»⁵² или «Бай-Ульгень» (богатый Ульгень) по преданию был сын «Улюпа» и внук «Чингисхана», управлявший некогда всем алтайским народом в качестве самодержавного государя. Об его управлении сохранились воспоминания, что он был добрый, справедливый правитель, делавший много добра своим подданным и никого никогда не наказывал сам. Ульгению поклоняется большинство алтайцев от Кузнецкого округа до реки Чуя.

Помимо перечисленных добрых богов, у алтайцев есть еще много третьестепенных, представляющих, так сказать, индивидуальных духов-покойников, которых еще не успели забыть. Значительная часть иностранцев признает, что добрые люди по смерти идут к Ульгению и становятся его помощниками.

52. «Ульгень» по-алтайски значит покойник. Возможно, что имя бога показывает, что обоготворен был дух умершего.

ками, но большинство верует, что все люди по смерти во власти злого духа, который собственно является виновником самой смерти. Это последнее верование находится в связи с представлением о загробном мире.

Главный злой бог – «Эрлик», в некоторых местах «Дэмогу», является сильным противником Ульгения, хотя и подчинен ему. Живет Эрлик в темном месте (под землей), в противоположность Ульгению, царящему на небе. Кроме Эрлика или Дэмогу, существует бесчисленное множество подчиненных ему злых духов, известных под именем «Керьмес». Кажется, единственное назначение всех злых духов, начиная с Эрлика – это по мере сил вредить людям.

Ранее самих богов явилась на свет вода – «Учь Курбустан»⁵³.

Эти три бога, «прикочевавшие откуда-то сверху», создали двух ангелов «Кудая и Эрлика». Затем они сотворили землю «из зерна величиною с ячменное», находившегося в воде и добытого оттуда Эрликом.

По сотворении земли, светил небесных, рыбы, человека и др. животных, Учь-Курбустан разделили между собою все созданное, но Эрлику, несмотря на его просьбы, отказались дать доли, так как он мало помогал им в работе. После долгих переговоров боги наконец согласились подарить ему ямку, пробитую в земле костью одного из них, и Эрлик воспользовался подарком для того, чтобы немедленно вывести из этой ямки змею, лягушку и пр. гадов, расплзшихся оттуда по всей земле. В наказание за такое осквернение земли Учь-Курбустан прогнали его побоями в темное место, запретив ему бывать на земле где бы то ни было, кроме подаренной ему ямки, с тех пор Эрлик стал духом зла и всеми силами старается вредить творениям Учь-Курбустанов. Первое время Учь-Курбустан сами непосредственно управляли миром и учили людей, как следует жить, и люди тогда, по выражению алтайцев, «худыми делами не занимались», за что пользовались материальным благосостоянием.

Таковы в общих чертах главные религиозные воззрения алтайцев, сведенные в систему. Следуя теории, признающей началом религии поклонение предкам, приведенные выше предания можно объяснить исторически следующим образом. В горах, в пещерах, в расселинах скал («в темном месте», «под землей») Алтая жил народ, делившийся на родовые группы. Некоторые из этих групп управлялись каждая отдельным родоначальником, но другие были соединены под властью одного. Эти начальники родов, оставившие по себе более или менее прочное воспоминание, после своей смерти были возведены в ранг богов, добрых или злых, сообразно тому, какими они были при жизни. К числу таких обоготворенных начальников относятся Харшит, Бахтуган, Атаган и пр. Позднейшее происхождение имеют, по-видимому, Кудай и Эрлик. О Кудаяе воспоминания настолько смутны, что он не имеет определенной личности: одни считают его имя просто нарицательным названием бога, имеющего различные индивидуальные имена: Кудай-Ульгень, Коко-Монко и др.; другие признают его ангелом, но никакой деятельной роли ему не дают. Возможно, что в действительности слово «Кудай» обозначает название какой-нибудь из высших должностей и в этом смысле являлось нарицательным именем людей, занимавших высокое положение.

Эрлик – самая рельефная и характерная фигура алтайского Олимпа наряду с Ульгением. Продолжая историческое объяснение предания, можно заключить, что Эрлик был одним из туземных начальников, призванных завоевателями помогать им в управлении вновь завоеванною страной; что он пользовался большой властью и хотел еще расширить её, в чем встретил отказ, и после этого стал устраивать различные козни и вообще противодействовать завоевателям, за что и был ими лишен власти и прогнан обратно «в темное место», т.е. в пещеры и скалы, где жил его народ; после этого Эрлик становится открытым противником их. Зато Бахтуган, Харшит и Атаган, бывшие товарищи по управлению Ульгения, этого наместника монголов, оставшиеся верными ему до конца, и после смерти возносятся к нему на небо, т.е. на высоты.

Развившись из поклонения предкам, религия алтайцев остановилась на сравнительно весьма низкой ступени. Восприняв, как можно думать, из чужеземных религий (буддийской, магометанской и христианской) такие идеи вторичного порядка, как представление о бестелесном, могущественном божестве, управляющем всем миром, или о значении нравственности в вопросах религии, она не пошла дальше первой фазы антропоморфизма в своих туземных верованиях. Так, наряду с заповедью Ульгения: «живите в мире, худо другому не делайте, работайте, не лгите, хорошо скотину держите и я буду помогать вам», заповедью, ставящею известный нравственный кодекс обязательным для приобретения помощи божества, мы встречаем верование, что душевные качества людей, их поведение не имеют никакого влияния на загробную будущность – все равно все пойдут к Эрлику, и худые, и добрые.

Внешняя, обрядовая сторона религии также стоит на очень низкой ступени развития. У алтайцев, по-видимому, нет иных религиозных обрядов, кроме «камлания» (моления) различным богам. Даже свадебные и погребальные обряды носят чисто бытовой характер и лишены религиозного элемента,

53. Нужно думать, это представление о первенстве воды во времени находится в связи со смутными воспоминаниями о том периоде, когда прилегающая к Алтаю местность была занята водою, на что указывает также предание о потопе, от которого люди спаслись на корабле, построенном Атаганом; о сотворении рыбы прежде всех живых существ (кроме ангелов и некоторых духов).

если не считать погребальной трапезы, в которой, по мнению алтайцев, участвует дух покойного, и из которой развился обычай жертвоприношения богам.

Нет у алтайцев и храмов, и определенных мест для поклонения богам. Их могилы не имеют даже вида кургана, которых так много оставили на Алтае другие народы – чудь и монголы, из которых постепенно развивается идея храма.

Особого жреческого сословия также нет. Камом, т.е. жрецом, может быть всякий, если он отвечает известным условиям.

Камом может быть и женщина, но ей предоставляется камлать только Эрлику; совершать же моления Ульгеню она не имеет права, потому что, как объясняют алтайцы, одна женщина в прежние времена, когда им дозволялось это, «поднявшись на небо к Ульгеню, нарезала там чего-то», и Ульгень в наказание лишил всех женщин дара камлания ему. Женщина не должна даже присутствовать на камланиях Ульгеню.

IV

В левобережном районе Алтая, т.е. в стойбищах бывших 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й дючин, в 1904 году близ села Усть-Кана состоялось собрание алтайцев этих дючин, именующих себя племенем Алтай-кижи или Ойрат-кижи с целью перемены веры – шаманизма – на новую – бурханизм. Это религиозное движение, проповедывавшееся простыми алтайцами, гораздо было ближе и понятнее темному инородцу, чем христианство, проповедываемое чужаками-русскими, от которых при том же алтайцы испытывают столько стеснений.

Алтаец хорошо подметил основной мотив деятельности русских, с которыми ему приходится сталкиваться, – бесцеремонное стремление к наживе – и выразил это в рассказе о том, во что обошелся алтайцу рыболовный крючок (удочка).

Привожу этот яркий рассказ целиком:

«Русский, зашедший в леса к алтайцам, занес медную удочку и начал удить рыбу. Алтаец попросил позволения попробовать это занятие. Русский согласился. К несчастью, удочка зацепилась в воде за сук и оборвалась. Тогда русский выразил полное отчаяние. Он сообщил, что удочка дана ему священником и дороже для него всего на свете. Он выразил непритворное горе: ни пьет, ни ест и лежит на берегу реки. Алтаец, испуганный, принес ему белку, но русский не утешился. Тогда он принес ему лисицу, но и это не окупало удочки. Наконец, он принес ему соболя. Русский отер слезу и отправился домой, горько жалуясь на свое несчастье. Несмотря на уплату, алтаец все еще остался в долгу и долго еще русский человек ездил в чернь собирать долги за эту драгоценную удочку». История этой удочки рисует историю отношений русских и алтайцев.

Видя и чувствуя такое отношение к себе, алтайцы не могли питать другого чувства к эксплуатирующему его элементу, кроме ненависти.

Будучи эксплуатируемыми и притесняемыми во всех отношениях со стороны пришлого элемента – русских, алтайцы жили лишь своими преданиями, которые гласили, что когда им будет совсем уже невыносимо жить, придет «хан-Ойрат» и освободит их от власти пришельцев.

Предание это гласит: «В давно минувшие годы, когда Алтай был еще не таким суровым, а, наоборот, зеленел растительностью круглый год – жил хан Ойрат. При его царствовании в Алтае не знали, что такое нужда, голод и прочие несчастья. У Ойрата была единственная дочь, «девочка с кудрявой головкой» – радость отца и алтайского народа. Вот однажды хан Ойрат сделался каким-то мрачным, каким он никогда не был, и сообщил своему народу, что духами определено алтайскому народу перенести целый ряд испытаний, а ему, Ойрату, с дочерью приказано удалиться. Посадив дочь сзади себя, хан Ойрат уехал за Кара-Иртыш, т.е. Черный Иртыш, сказав своему народу, что когда им будет сильно трудно жить, он опять вернется». Предание это заканчивается словами: «Когда опять вернется хан-Ойрат, все люди будут братья и Алтай будет благоденствовать».

Прихода вот этого-то легендарного хан-Ойрата и ожидали алтайцы чуть не каждый год, потому что жизнь их действительно становилась невыносимой. И вот в 1904 году по всему левому району Алтая, т.е. левому берегу реки Катунь, разнесся слух, что ожидаемый ими хан-Ойрат явился и ожидает к себе свой народ, и посредником между таковым и народом является алтаец Чет-Челпанов. Услышав такую весть, алтайцы взволновались и, как говорится, валом повалили за село Усть-Кан, в место, назначенное для моления по новым обрядам. Чет-Челпановым, посредством пороха, заложенного под скалу, был симулирован гром и лично им и его последователями было также симулировано и самое появление на вершине гремевшей горы трех всадников на белых лошадях и в белых одеждах, избравших, по-видимому, хана-Ойрата, его дочь и кого-то из богов, Ульгенья или Атагана. Этими же всадниками был объявлен новый закон новой веры – бурханизм.

Законодательство это в равной степени касается как шаманизма, так и русского населения. В отношении первого оно запрещает кровавое жертвоприношение, заменяя его курением вереска на особо

для того устраиваемых жертвенниках, в дочитании белого цвета вообще, как эмблемы чистоты, но главное в этой религии то, что она проповедует о скором освобождении от русского ига алтайского народа, благодаря чему эта новая вера и имела сильное и быстрое распространение, какое она имеет и до сего времени.

V

В настоящее время алтайцы расселены от границы Китайской Республики до устья реки Топчуган (приток Чарыша), с одной стороны, и от той же границы Китайской Республики по границе Минусинского уезда Енисейской губернии, с другой.

В связи с колонизационной политикой царского правительства даже внутринадельные земли алтайцев были отведены переселенцам и поэтому в данное время население горного Алтая является смешанным, а не чисто алтайским, и даже во многих местах пришлое население количественно преобладает над алтайским, и так как при выделении данной автономной области руководствовались именно племенным составом, то значительная часть алтайцев осталась вне области.

В данное время в пределы Ойратской автономной области включено тридцать семь волостей, количество населения в которых по переписи 1917-20 гг. равно 90.825 человек обоего пола. Из них русского населения 26.597 человек обоего пола, алтайцев 64.228 человек обоего пола.

Область разбита на шесть районов. Первый – Усть-Канский, в который входит 9 волостей с населением в 17.128 человек, из них русских 6.218 и алтайцев 10.910. Второй – Горно-Онгудайский, в который входит 7 волостей с населением 16.007 человек, из них русских 5.127 и алтайцев 10.880. Третий – Улалинский, в который входит 6 волостей с населением 16.238 человек, из них русских 6.347 и алтайцев 9.891. Четвертый – Алтын-Кольский, в который входит 6 волостей с населением 14.355 человек, из них русских 8.514 и алтайцев 5.841. Пятый – Кош-Агачский, в который входит 5 волостей с населением 12.097 человек, из них русских 391 и алтайцев 11.705. Шестой – Таежно-Кузнецкий, в который входит 4 волости с населением около 15.000 человек.

Центром для резиденции высшей власти данной автономной области намечено село Улалинское.

Павел Низовой

ЯЗЫЧНИКИ

(Печатается по: Низовой П. Собрание сочинений. Т. 2.

– М. – Л: Земля и фабрика, 1928. – С. 12–14; 52–57).

Впереди, позади, по сторонам – горы и горы. И на них угрюмая девственная тайга. В большом извилистом ущельи сверкает лента воды.

Это Алтын-коль – «Золотое озеро».

На поляне несколько десятков людей в странных одеждах, с ножами и огнивами за поясами. Широкие скулы, приплюснутые носы и узкими щелями черные глаза.

А возле – белеет ряд высоких берестяных кадок – «сабо», наполненных жертвенной жидкостью.

Готовится молитвенное возношение окрестным горам, питающим скот, дающим хлеб, кедровые орехи, охраняющим белок, козлов, маралов, и рекам, утоляющим жажду всего сущего.

Против каждого сабо – его хозяин, и одиноко, в стороне от всех – кам, в высокой барашиковой шапке, с бубном в руках.

Лучится небо. В долине безветренно и знойно, и все молчит.

Зазвенел бубен, запрыгали первобытные, гортанные звуки, понеслись к далекой, голубеющей Алтын-ту.

– Амыр-ийак, азрат турган малымды кудуп-тур, аюге бербе, берюзе салба...

«Мирное создание, паси скотину, которую я кормлю: медведю не давай, от волка охраняй, в яму не ввергай. С начала века молимся мы тебе, тайга, и с начала века просим мы тебя...»

Сняв шапки, кланяются.

– На, пей, ешь! Нас не оставляй! Худо на нас не смотри! Эрликовых посланников к нам не приводи! – Кам брызгает в сторону каждой горы жертвенной жидкостью.

Звонко гудит и бряцает бубен, торопливо льются страстные звуки, и горы, близкие и далекие, реки ворчливые и беспокойные – равнодушно внемлют изысканным обращениям:

– Алтын колге кирген, айгыр иалду ак Чолышман... «Впадающий в «Золотое озеро», белый, с лошадиной гривой, Чолышман...»

... «Разостланный шелк»...

... «С высокими бровями, царь»...

Откликается ему чуткое эхо, вторят шумные водопады и полноводные весенние ручьи; поют пти-

цы, благоухают растения. И разносится молитва людей и природы окрест и всюду.

Слушает её светлый Ульгень, сидящий в своей царственной неподвижности на седьмом небе. Слушает мрачный Эрлик, живущий в темном царстве при устье семи рек. Слушают: Хан-Алтай и Белый Зайсан. Слушают десятки больших и малых, добрых и злых духов, охраняющих и нарушающих мир и достояние кочующего народа.

Тихо дымят в логу круглые, островерхие юрты. Возле играют нагие черноголовые ребятишки; в долине и по ущельям пасутся стада коров и табуны коней; на склонах гор алтайки ковыряют абылом землю, и алтайцы у костра пьют подогретую араку.

Сострадательный Каным, не оставляй их!

«Атту, тонду каан кижн,
Ады тезе, бий кижн!» –
На коне, в одежде, царь-человек,
Жезл твой – молодой кедр;
Спина – гладкая скала;
К сиротам сострадательный;
Ты – царь-человек,
Молви слово за них
Перед господином Эрликом!

Гл. XVII

Впереди на гнедом коне трясется узкоплечая фигура Касима. Едем по ущельям и узким логом, через сопки и увалы, все выше и выше. Кедр, пихта, лиственница, кой где береза. Между толстых прямых стволов курчавится черемуха, выются упругими спиралями, всё опутывая, дикий хмель и алтайская лиана.

Я кричу в трясущую спину:

– Касим! Далеко ещё?

Гнедой конь сразу переходит на шаг. Касим неторопливо вынимает из-за пояса кожаный кисет с бахромой, потом огниво в медной оправе. Закурив, переводит на меня узкие черные глаза:

– Мало-мало подходи.

Помолчал и снова соблазнительное:

– Гуляйт там будет. Много арачка, много махан...

В горной долине пять остроконусных юрт и широкие клетки загонов. А с трех сторон стиснули лесистые и горные массивы, упершиеся в безоблачное, яркое небо.

Кучка мужиков втыкает шесты с белыми ленточками, вкапывает подчищенные березы; двое плетут волосяную веревку.

– Эзендер (здравствуйте)!

– Эзень, эзень (здравствуй)!

Широко зевнула скрипучая дверь – и в черной дыре старушечья голова с двумя седыми косичками. Оба шагаем туда через порог, тонем в дымную муть.

Направо, налево – все одинаковые. Полусогнувшиеся, с поджатыми ногами, сидят в два ряда, молча меняются трубками и звучно, сквозь зубы, дыркают в огонь.

– Здравствуй! Гости приехал? Нашему богу молиться?

– Якши, якши... – Кто-то пододвигает кошму и усаживает рядом с собой.

Потрескивает костер; у огня большой медный чайник...

Первую чашку хозяин подает сидящему рядом со мной каму, но тот передает её мне:

– Пей! Рус кижн якши! Алтай закон – якши!

Большая деревянная чашка с теплой аракой медленно переходит от одного к другому, проясняет лица, развязывает языки. Молчалив и сосредоточен один только большеротый, с медными глазами-пуговицами – Эзи, в большом, висящем позади меня бубне.

Тускнеет небо, за щетиной леса, на каменном кряже заделала узкая полоска. В загоне топчется только что пригнанный табун. Двое с волосяным арканом перелезли через изгородь и тихо крадутся. Сверкнула, дико извиваясь, мертвая петля, и одна из кобылиц – серой масти – судорожно задергала шей. На веревке тотчас же повисло около десятка людей. Хрипящую, вздрагивающую, делающую бессильные попытки освободиться, её повели и привязали к одной из берез; к другим привязали еще двух – Ульгению, Алтаю и духу – ыик.

К четвертой березе подвели белого барана. Это Актяй-зану, Белому Зайсану. Вышел кам в высокой барашковой шапке, с пучком совиных перьев, встал на белую кошму. Перед ним кадка с чегенем, корытце с разведенным толканом, ведро молока утреннего удоя и несколько бутылок араки.

Курытся две кадилыницы с сухим вереском; колышутся на бечевках белые ленточки.

Кони рвутся, падают на колени, дрожат, хрипло ржут. Но вокруг все спокойны; равнодушно, молча покуривают трубки. Равнодушно слушают скачущие, гонящиеся друг за другом, гортанные звуки. Небо померкло; из ущелий ползет туман; сделалось прохладно... Потянули от березы белого бара-на. Вскоре задымилась голова и части внутренностей. А мясо пенилось в дымящем котле.

Ночь. В юрте. Опять ни слова. Ни одного лишнего движения. Вокруг только мужчины; три ряда. Перестали даже меняться трубками. Кам на белой кошме неподвижен, смотрит вверх голов. Молодой алтаец, умыв руки, начинает сушить бубен. Бесперывно повертывает его над огнем, пробует, ударяя мягкой колотушкой, и опять сушит. И ни звука вокруг. Только за стеной шарят по земле губами лошади приезжих.

Бубен готов – гудлив и звонок.

Кам встрепенулся. Согнал с лица задумчивость и тихо, мягкой орбой⁵⁴, стал ударять по певучей коже. Полилось негромкое мелодичное пение, разливая странно-жуткое очарование.

Усиливая звуки, кам поднимается; глаза горят, на желтых впавших щеках красные пятна. Высоко вскинув бубен, вертит им, медленно обходя вокруг костра.

Иалып куйген иалыр от-энэ.

Сургульдинын ак-аякса тэбильген,

Судызынын иер иениске бирекени.

«Пылающий огонь, соединяющийся с миром от земли и доходящий до небес, трехножный каменный очаг...»

Согнувшись, припадает ухом к тихо гудящему бубну. Не голос ли это хана-Суйлы? Нет...

Катту толду каан Суйла-каан⁵⁵

Аттар окту тургены болгон...

Суйла-хан, язык которого тверд!

У которого кони быстры, как стрелы,

Речи которого подобны книге;

Который ничего не боится, –

Будь ходатаем за меня пред Ульгеном!...

Тесная юрта полна призывных звуков, бряцания и стопа упругой кожи. Все склонились, дымят трубками, на лицах ползающие красные блики.

Завертелся, затопал ногами; в поднятых руках крутится бубен, – полетел в заоблачные сферы, где носятся чудовища, производящие грома и где живут козлы с сажеными рогами. Путь длинен и опасен, но впереди хан-Суйла.

Тихо звенит и бряцает бубен, тихо звенит волнующая песня. Кам снова обходит костер и направляется наружу. Теперь понесся на третью небесную сферу – «алгагала Бай-каин» – где стоит священная береза зародышей жизни. Выше каму нет пути – начинается «куй-гечкедин иери» – вечное сияние солнца. Туда полетит один только хан-Суйла, чтобы узнать от ангела Уткучи, будет ли принята приносимая жертва.

За стенами юрты – темно-синяя ночь. Слабо намечаются силуэты придвинувшихся гор. Звуки, разрастаясь, наполняют долину, со всех сторон откликаются гулким эхом и несутся в нестройном, безумном хоре к близкому, доступному небу.

Кам, утомленный, летит обратно. На молочном озере – «Сють-коль» – плавает гусь Конур-кос с тремя птенцами. Он садится на одного из них и, подражая крику птицы, направляется в юрту:

Уч балалу Конур-кос.

Ынып, ынып, кагак, кагак...

Вертясь, подходит к своему месту. Лицо его бледно. Глаза ввалились и полузакрыты. Пение тихо угасает. Тяжелая фигура устало опускается на кошму...

Гл. XVIII

Сегодня природа в новом – неожиданном наряде, лучится, сверкает, праздничная, веселая. Через час его не будет. Но пока все в серебре. И выгоревшая трава, и одинокие, обветренные лиственницы, и обглоданные непогодами юрты – все в матовом серебре инея.

Хочется стать на безмолвной поляне, поднять руки и запеть сильно и радостно, как пел вчера кам, возвращаясь из своего путешествия.

Долго хожу по сонному аилу. Кругом безжизненно, словно изваяния, стоят у берез жертвы. Ни одного звука, никто не приветствует восходящее солнце. А оно из-за гребня леса уже вылило на поляну поток яркого света. И поляна задымилась, темнеет, покрывается лаком.

54. Орба – колотушка, обшитая кожей с ноги марала (Прим. авт.).

55. Хан-Суйла – ангел, сходящий к каму (шаману) с неба во время камлания. Он сопровождает кама на небо и в ад, указывает жертву, говорит о болезни и проч. (Прим. авт.).

Показалась молодая алтайка с деревянным подойником.

– Доброе утро, красавица!..

В юрте еще спят, вокруг огня – десять мужских полуголых тел, едва прикрытых короткими рваными шубами.

Поднимаются, начинают умываться: набирают в рот воды и, выпуская её, водят руками по лицу. Потом садятся на корточки перед огнем сушиться...

В долине все ожило, шумит. Деловито перекликаются степенные мужские голоса; черный старик распоряжается приготовлением к торжеству.

Возле маленькой речушки сооружают «таилгу» – высокий столб с раздвоенным концом и на нем длинную жердь с поднятым верхом. Рядом – навес и две пары высоких шестов, соединенных бечевкой с ленточками. Это «тэкпыш» – лестница в небо, по которой будет подниматься душа жертвы. На конце каждого шеста – птички из теста.

Из темных логов, с горных круч медленно текут гости. На женщинах – «чегедеки» (национальная одежда), на мужчинах – островерхие лисьи шалки с кисточкой и шубы, крытые парчой и шелком. Едут важно, неторопливо, в седлах сидят прямо. Мужчины сворачивают к таилге и с поклоном кладут у ног кама жертву – «ташаур» араки. Женщины направляются к двум крайним юртам, где второй день алтайки гонят из молока водку. Присутствовать на камланиях Ульгеню (высшее божество) им нельзя.

Понеслись звуки, отрывистые, звонкие, и долина наполнилась переливающимся гулом.

Толпа стоит бесстрастная, молчаливая, изредка меняются трубками. Неожиданно примешиваются два крикливо-гундосые голоса. Будто на спор гонятся друг за другом, захлебываются и так же неожиданно смолкают. И опять один звонкий тенор плавает в прозрачном утреннем воздухе.

Талай болгон канду,
Пулут болгон казиму!...
Крови в нем будет с море,
Сало в нем белизной подобно облаку.
Грива и хвост у него в сажень...

От толпы отделилось человек пятнадцать с веревками. Лошадь забеспокоилась, забила ногами, заржала...

Глеб Пушкарёв

МЛАДЕНЦЫ ГОР

(Печатается по: Сибирские огни, 1922. – № 5. – С. 75–82)

Дик Алтай.

Оборвался утес. Сполз камнем в бешеный поток и снова полез в высь.

Была тропа – нет её, лезь в воду. Вода ревет, кричит; с боков – стены, а вверху блестит солнце, высоко, ярко...

Из-за поворота нырнула тропа и спряталась в щель: кедр, пихта, не лес – великаны. Лежит медведь – не перескочишь, объезжай.

Журчит внизу ручей – чистый-чистый, – зеркало грязней. Видно все, песчинки сосчитать можно, не замутишь, не загрязнишь. Вода – растворенный хрусталь: чиста, холодна, сладка... Метнулась тропа в горы, ушла в березняки. Заалела маральниками, зацвела пестрыми глазками, покраснела огнями – опуталась хмелем, выюном и полезла вверх к хрусталам. Зубьями блестит хрусталь – алмаз, – игрушка – здесь музыка солнца.

Блеснули снега... Смерть, холод... А под камнями... Под камнем чуть-чуть родничок капает. А возле малютка-цветочек разрыл лапками снежок.

Дик Алтай.

Внизу в долине, вверху у снегов, в тайге – в горах, везде – люди... такие же дикие, особые – алтайские.

Дик Алтай. У него все свое: своя душа, свой склад, своя прелесть, простота.

И народ свой: тихий, скромный, с прекрасной душой, с душой младенца, младенца гор.

1

Под маральниками

Забурлит весна – берегись...

Снега кипятком ошпарились, – засверлились струйками, задымились и понеслись...

Река рванула льды и бросила их на острые груды камней: довольно смерти, жизни место.

Метнулись горы зеленым налетом, бросились рябью листвы и заалели маральниками, да как! ... так фатою невесту убирают – нежной, легкой-легкой, как пух лебедя.

И внизу жизнь, там внизу, где дымятся юрты, бродят кони...
 Вылезли на улицу молодые, старые.
 Старый Асындай щурит глаза на солнце и сосет трубку, а ребята вертятся на лужку: хорошо... весна.
 Всем легче, всем хорошо... как будто жизнь заново начинаешь.
 Забывается старое, прошлое, тяжелое, мрачное.
 Лучше не вспоминать.
 Пока солнце, пока тепло, зачем старое, худое?
 Жить, жить этим теплом, светом, зеленой травой, алеющими маральниками!
 Асындай вынул трубку и сплюнул.
 – Хорошо!..
 – Русские придут, – думает Асындай, и легкая тень пробегает по лицу.
 Знает Асындай – придет русский, притеснять станет. Много вытерпел Асындай от русского, много горя перенес он от него, но что делать?
 Разве не русский отобрал у него землю; разве не русский отобрал у него скот, коней; разве не русский заставил его уйти в горы?..
 Давно ли Асындай пас стада в степи, а вот теперь ушел в горы.
 Хорошо в горах, тепло, уютно, а коням хуже.
 – Плохо, – качает головой Асындай, – травы мало, снегу много, плохо, совсем плохо.
 – А война?..
 Асындай знает войну... тяжело ему было за войну, очень тяжело.
 Приходили русские, требовали много, грозили, а что он, Асындай?
 – Моя ничего не знает... Был человек, много людей было, кричали, говорили, ушли, а он, Асындай, ничего не знает. Асындай не воевал, у Асындая ружья нет. Был дробовик, и тот отобрали, а люди все приходят и требуют: хлеба дай, коня дай, куда люди с ружьями ушли? А разве он знает?
 – Стрелять хотели.
 А разве он виноват, Асындай.
 – Моя не знает!
 Зашумела весна, и все забылось.
 Шла новая жизнь.
 Все сменилось, только камни да скалы остались те же, а белый саван блеснул зеленеющей жизнью.
 Устал Асындай... Устал от тревог, волнений... Он боится человека, боится первого встречного. Издали увидит русского и в лес: лучше, не тронут.
 Стар стал Асындай, тяжело бегать, скрываться, а хочется пожить тихо, мирно.
 Помнит Асындай: цвели маральники, вольные, дикие, и никто не смел нарушить их красоту.
 А пришел русский, обломал маральники, стеснил калмыка.
 – Надо в горы, – понял Асындай. – В горы, здесь русский, с русским нехорошо.
 И ушел Асындай в горы, туда, где привольно цветут маральники, где свободно живет калмык.
 Там сверху жизнь хорошая. Там маральники цветут яркие, красивые, и внизу хотят жить такой же жизнью, не чужой, не русской, нет, своей, калмыцкой.

2

В горы

– Язень, – сказал русский, слезая с седла и привязывая коня к пряслу.
 – Язень, – ответил Ахтынбай. – Иди в избу, гостем будешь. – А сам с любопытством осмотрел всего гостя: наверное, водку привез.
 Русский приглашений не ждал и прямо ввалился в избу.
 – Ну, тамыр, угощений давай, а у меня кой-что и получше найдется.
 Ахтынбай рад. Ахтынбай все знает. Знает, что русский водки ему даст, напойт, а потом все сено скупит, белок приберет, которых Ахтынбай зимой должен будет заготовить, и так все это устроит, что Ахтынбай ему же еще и должен останется. Знает Ахтынбай все это прекрасно, но разве можно устоять против рюмочки чистой, царской?
 Выпил Ахтынбай рюмочку, другую, и зашумело в голове.
 – Тамыр, – друг, хороший друг! В гости приезжай. Арачка будет, арачкой угощу.
 – Ладно, ладно, – говорит русский, а сам подливает в стаканчик водку.
 – Приеду, приеду... Еще водки привезу. Пей, Ахтынбай. Пей, друг!
 Наутро болит голова, ломит все тело, внутри горит. Ахтынбай сам не свой. Жизни не рад.
 Русский, – как ни в чем не бывало: ладит седло, собирается домой.
 – Тамыр, – говорит Ахтынбай. – Будь друг, дай вотка. Немножко вотка, маленький вотка. Чуть-чуть. Смерть пришла... Больно... И Ахтынбай держит голову, словно боится её потерять, дергает за руку

русского.

- Дай, друг... Другом будешь, белку дам... Поймаю, дам. Живую дам... Лису дам...
- Нет водки, всё выпил ты вчера... Как поило вылакал... Мне и то ничего не оставил.
- Дай, друг... Больно... не можно... Дай, лису дам. Ей-Богу дам!
- Нету...

- Дай, друг, маленечко, стаканчик. Только стаканчик, чего хочешь дам... Горит, больно... Шибко больно.

- А ты што мне дашь, – как бы невзначай спрашивает русский, а сам продолжает налаживать седло.
- Белка дам, лисицу дам, чего хочешь, все дам..
- А сколько дашь?
- Сколько надо.

Русский думает.

- Не надо бы потакать тебе, да куда тебя денешь. Жалко тебя. Подохнешь ведь ты... Ну да ладно... Дам тебе стаканчик. Лопай, Бой с тобой.

- Вот друг! Вот друг! Все дам, все получай. Ай друг, ай тамыр! Спачиба, спачиба. Лисицу бурую дам, большую...

Ахтынбай давно пьян. В кармане у него торчит бутылка с красной головкой; русский записывает условие торга: белки, лисицы, орех – все есть тут...

- Не справит в зиму, – думает русский, – ну да ладно, Бог с ним, сочтемся!

Думал Ахтынбай долг русскому справить, да где тут. Не успел от водки опохмелиться, как приехал землемер.

- Надо землю мерить, столбы ставить.

Давно русские от калмыков землю оттягали, запахивали там, где у калмыков скот пасся. Но теперь только чиновник приехал, он все знает: как скажет, так и быть..

Болит у Ахтынбая голова, но разве можно об этом думать: надо с чиновником ехать, землю мерить, столбы ставить, а то русский землю отберет.

Целые дни Ахтынбай с другими работает, рубит лес, таскает камни, роет ямы. Чиновник пишет, значки ставит, а Ахтынбаю становится легче: наша земля, русский не будет больше отнимать, не будет землю пахать... У Ахтынбая будет сено, много сена. И русский у него теперь уж не отберет за бутылку водки. Чиновник хороший! Чиновник все знает, он говорит – земля калмыков и знаки ставит, чтоб русский пахать её не мог.

Русские тут же с чиновником ходят, столбы проверяют и смеются.

- Нет, друг Ахтынбай, земля все равно наша будет, сколь столбов не ставь.
- Наша, – спорит Ахтынбай. – Чиновник знает, спроси его! Столб наш, наша земля.
- Наша будет, – смеются русские. – Пропьешь.

День за днем все больше и больше вырастает столбов. Больше и больше веры в свою землю.

- Теперь русский ничего не сделает, чиновник все сказал... Русский ползет – нельзя! Суд будет...

Ни, теперь нельзя...

Идет дождь... Люди смокли, устали, тяжело бредут один за другим...

Ахтынбай снял шапку и крестится:

- Николинька, батюшка, будет дождичком крапать. Солнышка надо...

Дождик идет, а русский смеется:

- Тебя и Бог не слушает, а ты еще землю хочешь себе взять... Не Николе надо, а Илье... Он ведь дождичком-то ведает...

- Верно, бачка, верно, забыл, совсем забыл! И Ахтынбай, стащив шапку, снова крестится на просеку.

- Ильюша, батюшка, будет дождичком крапать... Не надо... Солнышко надо... Тепло надо, сухо...

Давно уехал чиновник, давно промелькнуло лето, увяла зелень, облысели, оголились горы, поседел камень, повыше лег снег. Табуны спустились вниз, к траве. Русские молчали, земли не трогали.

- Нельзя, чиновник не велел... Земля наша, наша!

Ахтынбай белок набил, лисиц наловил, русскому отдал, и сено отдал...

Но теперь ничего... земли у Ахтынбая много... Сена много будет на зиму, и русскому хватит, и Ахтынбаю хватит. Не надо коню Ахтынбая снег разрывать, траву искать. У Ахтынбая сено будет свежее, крупное.

Ахтынбай русского боится... а водку...

- Вотка мочно выпить. Маленький вотка.

Только Ахтынбай теперь умный – пить будет мало и ничего русскому не отдаст. Нет.

А зимой из волости пришла бумага: прислать доверенных-ходатаев о земле в волость.

Собрали доверенных, велели землю защищать и отправили к русским.
 Встретили их русские с почетом: на столе в волости закуска, водка.
 – Садитесь, други, гулять будем, водку пить будем!
 Пили доверенные, пили русские, потом спорили, бумагу писали, снять водку пили...
 Наутро доверенных по домам на телегах развезли...

Пришла весна.
 Приехали русские, привезли сохи и загорелась работа. Полоса за полосой, почернела земля, взъерошилась, зазеленела щетинкой хлебов.
 Пришли калмыки, пригнали свой скот, но нет: русские там с вилами, цепами:
 – Земля наша, делать вам тут нечего!
 – Наша земля, – спорили калмыки. – Чиновник сказал!
 Но русские гнали их.
 Вызвали чиновников.
 Приехали чиновники. Вызвали русских, калмыков. Читали, что земля калмыков. Но русские на своем:
 – Земля наша! Доверенные от земли отказались и приговор подписали. Земля наша, русская.
 – Вызвали доверенных:
 – От земли отказались?
 – Ни, бачка, не отказывались. Наша земля!
 Русские бумагу принесли. Верно: все доверенные отказались от земли в пользу русских. И руку приложили.
 – Писали бумагу? – допытывался чиновник.
 – Ни, бачка, не писали. Наша земля!
 Русские свое: зимой были здесь, отказ писали сами.
 – Были здесь зимой? – спрашивает чиновник.
 – Были.
 – Что делали?
 – Вотка пили. Русский домой телега увозил.
 – Подписывали бумагу?
 – Не знаем, бачка. Пьян был, ничего не знаем.
 – Да ведь от земли вы сами отказались, их земля-то теперь.
 – Не знаем, бачка. Ты грамотный, тебе лучше знать.
 – Да понимаете вы, дурачье, что вы сами себя губите?
 – Не знаем, ничего не знаем. Ты грамотный, тебе лучше знать. Как скажешь. А земля наша. Чиновник большой сказывал.
 Русские смеялись.

Яман дело, шибко яман, – говорят калмыки, забирая свой скарбишко.
 – Русский пришел, все подай: землю подай, поле подай, реку отдай, жену отдай... Нельзя так, надо в горы.

3 Мошно

У старого Сагонога большое горе: утром нашли его дочь, единственную дочь Алджи, висящей на дереве...

Тяжело было Сагоногу, очень тяжело, но делать нечего.
 Сняли Алджи и унесли подальше в лес: нехорошо, когда покойник близко. Страшно.
 Целые дни сидит Сагоног один. Тяжело. Скучно. Никого. Один. Кругом чужие.
 На улице весна. Жизнь зеленью бросилась ввысь, взметнулась на вершинах березками, вспыхнула маральниками, вверху, вверху загорелась на солнце зубьями хрусталя.
 В горах и весна своя: бурная, красивая.
 Не видит ничего Сагоног.
 – Девка померла... Хорошая была девка!
 Сагоног видит её, как живую: вольная, как Катунь, твердая, как скала.
 Упрямя Сагоног, но дочь еще тверже.
 Искал отец женихов богатых, красивых.
 – Не хочу. Подай Ассандая.
 – А что Ассандай? Бедняк. Ни табунов у него, ничего. Под стагы ли Сагоногу такой зять, когда Саго-

ног своим стадам и счет потерял? Сагоногу не надо чужих богатств, у него хватит на многих, но разве можно брать жениха без калыма?

– Отец! Отдай за Ассандая.

– Ни, не отдам. Ассандай бедный; тебе богатого жениха надо.

– Не хочу богатого.

– Ты девка хорошая. Тебе хороший жених нужен.

– Не пойду за другого.

– Пойдешь.

– Не пойду.

Скучная бродит Алджи. Сагоног прогнал Ассандая.

Алджи идет в поле. Там верный Болдырь пасет коней.

– Я тебе помогу, говорит Болдырь, – ты девка хорошая. Я помогу тебе... Я тебя бы в бабы взял, да ты не хочешь... Помогу я тебе, увезу к Ассандаю. Хочешь?..

– Куда тебе, – говорит Алджи. – Отец и до реки с тобой не отпустит – догонит.

Любит Болдырь Алджи, тоскует вместе с ней, мучается любовью к ней, а сам готов на все, даже Алджи другому отдать, только бы Алджи было хорошо.

– Я помогу тебе, – пристаёт Болдырь и сам не верит своим словам.

– Я умру, Болдырь, – говорит Алджи.

– Не надо умирать. Жить надо. Жить хорошо. Умирать худо. Страшно. Только старики умирают. Молодым не хорошо. Не надо.

Приезжал жених.

– Язень, – сказал он Сагоногу.

– Язень, – не поднимая головы, ответил Сагоног. – Садись.

Гость сел.

– Зачем приехал? – спросил Сагоног, подавая трубку гостю, – сказал: кури.

Гость затянулся.

– Приехал по делу. Давай девку. Торговаться будем.

– Нельзя.

– Калым большой дам.

– Ни, девки нет.

– Где девка, – спокойно спросил гость.

– Девка померла.

– Померла? Пошто померла?

– Задавилась. На сосне, на веревке задавилась. Совсем померла.

Гость смолк, замолчал и Сагоног. Оба курили.

– Яман, – нашелся сказать гость.

– Яман, – тихо повторил Сагоног и, вынув трубку изо рта, сплюнул на костер.

– Прощай, – поднялся гость, захлопывая полы шубы. – Будем другую девку искать.

– Прощай, – сказал Сагоног и сплюнул на пол.

Сидит Сагоног на пороге юрты. Солнышко греет.

Ребята повывлазили из юрт. Колесом ходят по траве. Жизни в них больше, чем в самом солнце.

Уйму нет – брызжет искрами радость.

Насторожились чуткие собаки, вздрогнули.

– Цыц, – крикнул Сагоног, да поздно. Взлетела одна, другая, и понеслись стаей к дороге.

– Русский едет, – увидел Сагоног, и сердце как-то болезненно сжалось.

– Русский едет – худо будет.

Не любит Сагоног, когда русский приезжает. Всегда либо обманет, либо что-нибудь увезет. Русский зря не ездит.

– Уйми собак-от, – долетело до слуха Сагонога, – съедят.

Сагоног не спеша вынул трубку и крикнул собакам:

– Цыц, иди сюда!

Собаки смолкли. К юртам подъехало трое.

– Поп, Иван Степаныч, – узнал Сагоног, сидя на пороге.

Иван Степаныч слез с коня.

– Здорово, Сагоног.

– Язень.

– Не табыш бар?

- Зек, – так же спокойно ответил Сагоног.
 Помолчали. Спутники Ивана Степаныча привязали лошадей и сели на бревне у юрты.
- Ничего, говоришь, нового нет? – загадочно спросил Иван Степаныч.
- Зек, – повторил Сагоног.
- Так, так, – повторил Иван Степаныч и лукаво подмигнул спутникам.
- Ничего, говоришь?... А где же твоя дочь, Сагоног?
- Девка помер.
- Так, так... А может, не померла девка-то?
- Девка помер, – спокойно повторил Сагоног, продолжая курить.
- А не ты ли её погубил, Сагоног? – уставился на него Иван Степаныч.
- Девка сам помер. Сам веревка надел. Моя ничего не знает. Моя утром стал – нет девка. Где девка?
- А девка помер – висит на веревке.
- Так, так, так, – поддакивал Иван Степанович. – Ловко говоришь... А мы вот с Михаилом Васильевичем, – он указал на одного из спутников – другое знаем.
- Девка сам помер, – твердил Сагоног.
- А вот посмотрим. А ну-ка, Михаил Васильевич, достань-ка, что там у тебя в мешочке есть.
- Михаил Васильевич вытащил сверток бумаги и протянул Ивану Степановичу.
- Читай.
- Слушай, Сагоног, что белый царь пишет: «Стало мне известно, что Сагоног погубил свою дочь...»
- Девка сам помер, сам веревка лез.
- Постой, слушай. «Погубил свою дочь и закопал её в лесу, подальше от жилья, чтобы её не найти. А потому Сагонога надо посадить в тюрьму».
- Моя не хочет в тюрьму.
- «Посадить в тюрьму и сгноить его там».
- Не хочет моя в тюрьму. Моя ничего не знает. Девка сам помер. Сами в петлю лез.
- Сагоног заволновался. Сунул трубку за сапог и встал с порога.
- Моя утром встал, нет девка. Где девка? Нет девка.
- И сгноят тебя, Сагоног.
- Моя ничего не знает. Моя тюрьма не хочет.
- Слушай дальше, – медленно продолжал Иван Степанович. – Табуны твои распустить.
- Нельзя мой конь трогать, – запротестовал Сагоног. – Мой конь. Нельзя мой конь трогать.
- А богатства, – читал Иван Степанович, – отдать мне, белому царю.
- Сагоног с воплем упал на землю, судорожно вырывая траву.
- Нельзя! Моя не хочет! Моя ничего не знает! Помилуй, бачка. Коня подарю, много подарю. Арачка дам, всё дам! Белка, лису дам, не тронь, бачка, не тронь, моя не хочет! Моя ничего не знает! Девка сам помер, ей Богу, сам! Моя не трогал девку.
- Сагоног захлебывался. А Иван Степанович спокойно ждал, что будет дальше. Спутники молча поглядывали на Сагонога.
- Ну, Михаил Васильевич, приступай к делу. Надо Сагонога в тюрьму вести.
- Михаил Васильевич достал золотую цепь, надел на себя и громко возгласил:
- Белый царь велел тебя, Сагоног, сгноить в тюрьме, а богатства твои отобрать.
- Сагоног заплакал. Старческие слезы скупо лились из глаз. Он не вытирал их.
- Слушай, Сагоног, – ласково сказал Иван Степанович. – Белый царь милостив. Он все может простить. Надо только уметь прощение получить.
- Не надо меня трогать... Мой конь, не надо... – всхлипывал Сагоног.
- Белый царь знает, что ты старый, больной, зла никому не делал, а если дочь и погубил...
- Девка сам помер!
- Так это еще простить можно... Крестись, и белый царь простит тебя...
- Сагоног смолк и долго глядел на Ивана Степановича.
- Ну да, крестись, и вся недолга. Крещеному все простится. Хочешь креститься?
- Креститься? – полуспросил Сагоног, плохо представляя, что от него требуют.
- Креститься – мощно.
- Ну вот, давно бы так... Зови всех своих... Крестить будем.

Часа через два на берегу озера собрался весь аул. Тут были и старые, и малые, мужчины и женщины, с любопытством разглядывали разложенные Иваном Степановичем на столе золотые и серебряные вещи.

– Всех этим крестить будешь? – спросил молодой калмык Ивана Степаныча, указывая на золоченые вещи.

– Всех...
– Тогда мощно. Крести...

Спускался вечер. Солнце зашло за скалу и вдруг из-за расселины осветило яркой полосой крестящихся.

Иван Степанович, облаченный в золоченую рясу, читал молитву, помахивая кадилом. Спутники подтягивали ему.

Люди стояли молча, спокойно.

В руках Сагонога курилась трубка.

Павел Кучияк

ОКТАБРЬДЫҢ ЈЕНҮЗИ

Улгерлер јуунтызынан алынган:

"Совет Ойроттыг өзүми" (Новосибирск, 1935. – С. 9–11)

Башкару буржуйларда болды,
Башгары оlorдын теенип турды.
Башкыдан ала белен большевиктер,
Башкаруны оlorдон аларга мендеди.
 «Бүгүн көдүрилип чыгарга,
 Араай ла эрте болор туру.
 Сонзынга јетире сакыдарга,
 Сондой берери јарг туру».
«Ортозында ла көдүрилип чыгарга,
Улу Ленин айдып турды.
Ончо пролетариат белетеп,
Ол ойди сакыдып турды.
 Ол ойи јууктап клеедерде,
 Отурбай большевиктер белетенди.
 Капиталист-буржуйды чачарга,
 Калапту большевиктер көндүкти.
От калапту большевиктер,
Революцияны колго алды.
Онын ийде-күчин корып,
Ончо телекей кайнап чыкгы.
 Октябрьдын улу башчызы,
 Ойгор-Баатыр – деп, айдышты.
 Онын чын ады болзо:
 От калапту Ленин – дешти!
Октябрь революция бүткенине,
Озодо кыйналгандар суундилер.
Озодо јыргалды суугендер,
Большевиктерле удур тартыштылар.
 Каан калдыгы капиталисттерле,
 Калапту большевиктер јенге берди.
 Канду јууга киргенде,
 Кайран бойларына ачынбай тургулады.
Түнде болзо уйкузы јоктон,
Тумен актарла тартыжа берди;
Түште дезе, амыр јоктог,
Түнөтпей актарды чача берди.
 Актарла тартыжыл чыгарга,
 Аттар јакшызы јал јастанды...
 Бандиттерди јуулап үзерге,
 Ишмекчи уулдар көп короды...

1922 јыл.

К ГОДОВЩИНЕ ОЙРАТСКОЙ ОБЛАСТИ
(Печатается по: *Ойротский край*. – 1923. – № 2)

Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов, изданный 1-го июня 1922 года о выделении Ойратских народов в автономную Область, был осуществлен 11-го августа минувшего года.

Получив от Центрального Советского Правительства Автономию – мы год уже просуществовали. За этот краткий период трудящееся население Ойрата если не успело еще осуществить многих задач, стоящих перед ним, если не залечило еще окончательно глубоких ран, нанесенных нам происками контрреволюции, то во всяком случае, проделанную за год работу можно расценивать так, что все, что сделано в период первого года существования Ойратской Автономной Области – обеспечивает культурное и экономическое развитие трудящихся Ойрата.

За год мы укрепили мирную обстановку, которую уже не смогут нарушить наши враги, а это уже гарантирует нам успех в остальных работах. Те, кто слепо шел за Кайгородовым, Бакичем и др. прохвостами из контрреволюционного лагеря – прозрели и увидели, что помогая им, они губят своих братьев-трудящихся. Их искреннее раскаяние советская власть принимает во внимание, но чтобы искупить перед трудовым населением свои поступки, этим лицам надо еще тверже стать на сторону трудового Государства и защищать права трудящихся; только этим они докажут, что причиненное ими зло они постараются исправить.

Итак, в первую годовщину существования Ойратской автономной области труженику Ойрата надлежит сказать, что самый трудный путь пройден, тяжелые цепи гнета сняты с мозолистых рук Ойрата, новый путь хотя еще и нелегкий, но он освещен восходящим солнцем братской солидарности трудящихся всего мира.

Надо продолжать твердо, без колебаний идти по этому пути, дабы достигнуть единого царства трудящихся во всем мире, под красным знаменем которого мы увидим и остальных братьев Ойротов, еще не вступивших на путь Социалистического Советского строительства.

Иван Ерошин

СОВЕТЫ МАТЕРИ

(Печатается по: *Ерошин И. Песни Алтая*. – Новосибирск, 1935. – С. 11-14)

- Элик, на крепкие ноги вставай, –
Алый блеск на лице твоём,
Золотятся молнии глаз.
Милый сын, взглянув на тебя,
Я припомнила юность свою,
Проведенную в людях чужих...
Пусть молодость будет твоя
Темно-яркой травой весны,
Серебристою с гор водой...
Ты послушай горькую быль
И запомни этот рассказ,
Как ты помнишь о пище днем
И об отдыхе в тихую ночь.
Ничего нет на свете трудней,
Тяжелей и прискорбней, сын, –
Быть покорным, забитым рабом,
Исполнять тирана закон,
Непосильную дань платить.
Только вспомню и слезы кипят.
Холод в сердце проникнет мое,
Меркнет радости утренний блеск,
Солнца, счастья доброй земли
Вдруг не видят мои глаза.
Едких слез бледно-тусклый туман
Застилает мой бедный путь...

Замолкла мать. И тихо поднялась
 Ее рука с давно погасшей трубкой
 К кيسету с табаком. И видел сын, –
 Она боялась даже постучать,
 Чтоб выбить пепел. Будто слух ее
 Ловил шаги... Печальным сновиденьем
 Вставала перед ней нерадостная юность,
 Прошедшая по темным тропам горя...
 Набивши табаку, рука тянулась
 К костру за углем. Красный глаз огня
 Моргал на трубке. Острый дым
 Клубочками туманными рождался,
 А из клубочков в черном дымоходе,
 Синяя, быстро исчезали змеи.
 Молчал и сын. Не все в словах он понял
 Рассказа матери, но музыка речей,
 Рожденная перенесенным горем
 И скорбной нищетой, глубоко западала
 В неопытное, молодое сердце,
 И яростью и гневом там цвела...
 Дымилась трубка... думы старой
 Бродили по дорогам тяжелой жизни...
 Казалось сыну: матери глаза
 Кричали в темное пространство,
 И будто звали издали кого-то
 К блистающему, с гребнем серебристым,
 Костру – из камней драгоценных,
 К сердечной, до краев наполненной печалью,
 Мучительной и горестной беседе...
 Метелью звездною клубилась даль.
 А возле юрты рыхлые сугробы
 Легли песцами пышно-голубыми,
 Дымя пушистыми и теплыми хвостами...
 Погасла трубка... старое лицо
 Рассказом новым оживилось...

– Жили, сын, мы на Лебедь-реке,
 Были там конь и корова у нас,
 Был курут* и редко толкан*.
 Но приехал хитрый купец,
 Лунно-бледный огонь привез,
 Острозубый огонь в стекле.
 Твой отец пропил вскоре коня
 И корову пропил кулцу.
 Твой отец спит огнем спален.
 От огня твой отец упал...
 За долги после смерти отца
 Отнял травы жадный купец,
 Занял нашу долину он
 И меня, и родных прогнал...
 Часто, сын, приходилось нам
 По весне, как мышам, копать
 Корни трав сараны*, кандыка*...
 Только вспомню, и слезы кипят...
 Бедность, бедность, как тишина...
 Пусть, мой сын, в сердце твоём
 Будет ненависть к прошлому жить!
 Эту ненависть жителей гор
 К черной птице с огромным крылом,

К черным людям с крестом золотым
И к жестоким, богатым купцам –
Передай своим детям, сын!..

Костер бледнел. Пылающая нить
Печального, глубокого рассказа
Погасла в сумраке обид.
А вьюга свой ткала рассказ.
Порою в черном дымоходе
Вилась из ясной пышной пены,
Кипя, серебряная чаша.
Чадил табак. По звонким красным углям
Порхали бархатные пятна,
И синекрылый легкий огонек
Перебегал с сухим и тонким звуком.

1923 г.

* курут – сыр, * толкан – пища (жареная ячменная мука), * сарана – луковица дикого таежного растения, * кандык – корень горного растения.

Константин Беседин

ЧЕМАЛ – ХРУСТАЛЬНАЯ ВОДА

(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1923. – № 3. – С. 88)

Бурлит, руками гор отброшен
С верховьев беспредельных рвов,
Ретиво рвущий камни-ношу
О скрытые клыки горбов.

Чемал струит холодный хохот,
И пьют ущелья эха гак, –
Зеленой пеной тают вздохи
На горбоносых берегах.

Взметнули горы-великаны
Хребтов недостижимый ход.
И рев потока, в выси канув,
Растаявший – не дотечет.
А за кудрявым перевалом –
стена зеленого венца; –
Охотник ловит рев маралов
Стрелой певучего свинца.

И в синекаменные дебри,
Земли забыв зыбучий сон, –
Орел, простершись, тает в небе,
Мечами крыльев вознесен.

НА КАМЛАНЬИ⁵⁶

(дорожные заметки)

(Печатается по: *Алтайский кооператор*. – 1924. – № 15. – С. 36–37)

Из Узнези к Санаваю приехали поздно. Заходящее солнце бросало последние лучи на вершушки гор. Камланье должно было быть по случаю перехода Санава в новую юрту.

Съехались гости. Приехал утку-кам (великий кам) Сапыр Туянин, с вершины реки Куюма. Началось деятельное приготовление. В юрту носили дрова, воду. Кололи для гостей баранов.

Войдя в юрту, я увидел следующую картину: горевший костер освещал лица съехавшихся гостей. Направо, отдельной группой, сидели женщины в своих оригинальных нарядах, и все курили трубки. Налево расположились мужчины, просто одетые, тоже с дымящимися трубками. Среди последних заметно выделялись двое: старик, с чрезвычайно крупными чертами лица и поседевшей большой головой – хозяин юрты, и другой, сидевший на почетном месте, в переднем углу, мужчина средних лет, приличного роста и крепкого телосложения, с симпатичным лицом, на котором было ясно выражено сознание собственного достоинства. Этот последний и был кам. Одет он был так же просто, как и все остальные.

Сев на левую сторону юрты и оставаясь в тени, я мог хорошо наблюдать за всем происходящим. По моему подсчету, всех присутствовавших было человек тридцать. Шел несмолкаемый говор, постоянно слышались: «Не табыш?», «Якши ба?» (Что нового? Как живете?) и неустанно дымились и передавались от одного к другому трубки.

Тут я заметил, что на чарыктыке (деревянные нары, идущие вдоль трех передних стен юрты) лежало приготовленное одеяние кама: маньяк (верхняя одежда) и порук (головной убор). В стороне, над таганом, нагревали бубен.

Когда бубен был достаточно нагрет, кам приступил к обряду. Он надел красивый головной убор, маньяк и, ударив в бубен, запел священные молитвы – заклинания. Медленно и плавно покачиваясь, кам оставался все время на одном месте. Я положительно залюбовался его фигурой, освещенной светом костра. Но вот он, медленно кружась, покачивая высоко поднятой головой, приблизился из переднего угла к двери, учащая при этом удары в бубен. В открытую дверь и дымоход было видно небо с слабо мерцающими звездами. Кам выпрыгнул из юрты. По звуку бубна можно было слышать, как он отдалялся от юрты. Через минуту он снова приблизился, неистово крича и ударяя в бубен. В открытую дверь что-то с шумом влетело и, взвизываясь кверху, упало у костра. Это был головной убор кама. Вслед за этим показался и кам. Он как будто силился войти в дверь, но его что-то отталкивало. Наконец, с большим усилием, он перешагнул порог и, шатаясь, продолжал камлать около двери. Дверь затворилась. Теперь кам, постепенно стихая, камлал, обратившись лицом к костру, изнеможенный, без шапки, и, наконец, затих.

Сев на землю, оставив в сторону бубен, низко наклонив голову, поддерживая ее рукой, этот здоровый мужчина, утомленный продолжительным экстазом, имел теперь жалкий вид. Он тяжело дышал, отплевывался и стонал, безумно вращая глазами по сторонам. Наконец, придя в себя, он отодвинулся от костра и тут же, не обращая внимания на присутствующих, улегся спать.

Началось угощение гостей, которое продолжалось до утра следующего дня, когда и кам, и гости разъехались по домам.

Тронулись вместе с ними и мы.

Улгерлер жуунтызынан алынган:

"Совет Ойроттын өзүмү" (Новосибирск, 1935. – С. 12–13, 22–25)

Иван Эдокова

СОВЕТТИ КОЛГО АЛГАНЫ

Октябрьдын кызыл маанызы
Ороон советте жайыла берди.
Оноң качкан буржуйлар
Айландыра оны курчап келди.
Калчак, Врангель, Деникиндер,
Краснов, Вакич, Юденичтер.

56. Камланье – религиозный обряд алтайских шаманистов. Шаманизм – вера в духов. Шаман, кам – духовное лицо, жрец.

Төрт таладан курчап келди,
 Түмен черүзи кайнап чыкты.
 Өскө таланын буржуйлары
 Олорго болужын тынгытты.
 Каанды ойто тургузып аларга
 Кайралын олорго жетирди.
 Ороон советтин ичи дезе,
 Оодылып калган немедий болды.
 Хозяйствозын алар болзо,
 Казылып калган жердий болды.
 Колкүчтүлөрдүн башчызына
 Коммунист партияга баштадып,
 Кызыл жалбыштын ортозында
 Кызыл черү тӱзӱлӱ берди.
 Кызыл черүге башчылар эдип,
 Партия члендерин ийип турды.
 Болоттый кату жүректүлөрдү
 Бойынан чыгарып берип турды.
 Сталин, Фрунзе, Ворошилов,
 Буденный ошон до өскөзи
 Буржуйларга удурлажарга,
 Кызыл черүни баштай берди.
 Партиянын кычырузыла
 Пролетар уулдары черүге келди.
 Кызыл маанынын алдына туруп,
 Каныгып өштүлөргө удурлажа берди.
 Жуулу жылдар өдүп барды,
 Жаан сорбулар жылыа берди.
 Журт хозайство өскөлөндү,
 Жаранып өрө өзүп чыкты.
 Калчактын черүзиле согушкан жалаңдарда
 Канча мун совхоз, колхозтор тӱзӱлдү.
 Комбайн, трактор ишке кирди,
 Культура элбеп тынчый берди.
 Врангель черүзиле жуулашкан жерде
 Днепрострой заводтор тӱзӱлдү.
 Бойынын күчи жаан болуп,
 Бастыра телекейде билдирди.
 Деникин бийлеп жерленген жерге
 Жаан фабрик, заводтор тудулды.
 Журт хозайствоны тынчыдар
 Жазалду машиналар жазады.
 Ороон советтин күчи дезе,
 Он беш катап тынчыл калды.
 Оодылып, бузылбас бойынын күчин
 Ончо талаларга көргүсти.
 Кызыл черүнин үредү күчи
 Канча катап тынгып келди.
 Качан да жендирбес күчтү болды,
 Капиталисттерден ийделү болды.

1924 жыл.

БАШЧЫБЫСТЫН ЖОГЫНА

Павел Кучияк

Жер-тенери силкингендей
 Улу башчыбыс уйуктады.

Агаш–таштар кодорылгандый
 Телекейге ончо торгылды.
 Јаба баскан көрүктий
 Башчыбыс калганчызын тынды...
 Артып калган партияс
 Бажын энчилтип ушкүрди...
 Акту күчиле јаткандардын
 Көзинин ичине јаш тоолонды.
 Башчыбыстын өштүлери
 Чырайлары јаркындалды:
 «Большевик болгон Ленин –
 Бажы јерге көмүлди!
 Узатпай туруп бис эмди
 Барып аайын көрөли!» – дешти.
 «Он јети јылда өчүбисти
 Ойто алар болорыбыс па?
 Коммунисттерди айса болзо,
 Колго тудар болорыбыс па?» – дешти.
 Коолодо кожондоп турдылар,
 Бойлорына јобот болорын билбедилер.
 Коркондодо јелип турдылар,
 Колын сунуп болбозын оңдободылар.
 Башчыбыстын уйуктаганына
 Большевиктер јангыс ла ушкүрген...
 Баштап салган улу керегин
 Ончозы келип туткылаган.
 Эңчейип јерге тийгелекте
 Эки артык бийик көдүрдилер.
 Кодорылып јерге түшкелекте
 Корым таштан бек эттилер!
 Күнге күйбес күлер таштый
 Мөңкүлик партияс тура берди.
 Сормо буржуйды јок эдетен
 Совет башкару тынғый берди.
 Тенгеринин күкүртиндий
 Фабрика, заводтор огыра берди.
 Тендей туруп, үн алыжып,
 Маска төөжи шынкылдай берди.
 Кара јыландый өштүлөр
 Карануй санаазына ижендилер.
 «Кабырузы јок мал калды,
 Айдап алза кайдар?» – дешти.
 «Башчызы јок јон артты,
 Бактырып алза кайдар» – дешти.
 «Ударга болбос!» – деп,
 Ыраагынан келип көрдилер.
 Јыда бажын көрөр болзо,
 Јылан өтпөс јыш аралдый.
 Улду мизин көрөр болзо,
 Изүүге кайылбас тош мөңкүдий.
 Оны көргөн өштүлөрдin
 Эдинин соогы јайыла берди.
 Аттын оозын ойто тартып,
 Күүни чөкөп, јанып ийди.
 Башчыбыстын јакылтазын
 Большевиктер бүдүре берди.
 Партиянын улу адын
 Бар күчиле чеберлей берди.

«Онго», «солго» јай бердирбей
 Јангыс тазылга օзօ берди.
 От меелейлү чын башчыбыс
 Нօкօр Сталин баштай берди.

Буржуй калдыгын базатан,
 Пролетар диктатуразы тынды.
 Бузуп, айра тартып болбос,
 Ишмекчи, крестьян бирикти.

1924 жыл.

Вениамин Вегман

КАК ГИБНУТ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ (Печатается по: Советская Сибирь. – 1925. – № 122)

Сибирь никогда не была богата культурными ценностями. Обидно, поэтому, если Сибирь растеряла и по сию пору продолжает терять то небольшое, что имела.

За годы революции и гражданской войны разграблены и расхищены в Сибири, особенно в западной ее части, многочисленные ценные архивы. Но то были годы «бури и натиска». За всем уследить нельзя было. Куда обиднее, когда и в последнее время, хотя жизнь уже наладилась, продолжают гибнуть целые архивные фонды, вследствие небрежного обращения с ними и вследствие малого внимания, которое уделяют этим ценностям некоторые административные органы. Как часто узнаешь, что то или иное учреждение продало свой архив на оберточную бумагу. Продают, хотя это законом строго воспрещается. Продают по неведению, благо надзор слаб и за всем уследить нет возможности. Скупаются порой на гроши, чтобы нанять сторожа, а воры мешками расхищают ценные архивы и вырывают, таким образом, из истории Сибири целые страницы. Кто восстановит эти страницы?

Гибнут не только архивы

Еще в 1918 году томским наробразом была оборудована солидная картинная галерея из реквизированных картин. Это были, главным образом, картины сибирских художников. Среди картин имелись некоторые работы алтайского художника Гуркина. Захватив власть, белые разграбили эту галерею. Кое-что, однако, уцелело. Эти уцелевшие картины украшали стены «Дома Науки», в котором с нашим приходом разместилась одна красноармейская часть. В 1921 или в 1922 году эту часть перевели в другой город. Переезжая, эта часть забрала с собой все картины. Попутно эта часть увезла с собой и библиотеку «Дома Науки». Можно найти оправдание тому факту, что красноармейская часть присвоила себе библиотеку, хотя в этой библиотеке имелись и такие книги (между прочим много французских и на других иностранных языках), которые среди красноармейцев не найдут читателя. Но совершенно непонятно, в силу каких соображений эта часть забрала с собой и картины. По своему характеру эти картины совершенно не подходят для красноармейского общежития, этим картинам место в какой-нибудь галерее, где бы они могли обслуживать широкие слои населения.

По поводу этих картин пишущий эти строки неоднократно вел беседу в Пуокре*. Там обещали принять меры, обещали вернуть картины. Но только этими обещаниями и ограничились. Пусть эти немногие строки молча напомнят Пуокру, что не мешает спасти картины. Пусть они напомнят также о том, что не мешает, наконец, выполнить и другие обещания, а именно: – разыскать в архиве 5-ой армии переписку Ленина с Реввоенсоветом этой же армии <...>

Гибнут и расхищаются не только архивы, картины и библиотеки, но и музеи.

В 1918 году умер в Барнауле истинный сибиревед, Николай Гуляев. Крепко нуждаясь, он незадолго до своей смерти продал за какие-то всего 45.000 рублей колчаковских библиотеку и музей, представлявшие большую ценность по богатству редкими экземплярами. Библиотеку и музей выкупил какой-то меценат для Ойротии, увез их в Улалу, чтобы заложить национальный культурный фонд.

Кто бы мог что-нибудь возразить против такого благородного намерения? Никто. Но беда в том, что во всей Ойротии не нашлось подходящего помещения ни для библиотеки, ни для музея. И библиотека, и музей, находясь в положении беспризорных, перевозились кем-то без всякой описи. Из села к селу они подвергались всевозможным хищениям. Установлено, например, что профессор Добрынин увез с собой в Москву, где он получил кафедру, около 80 книг. Немало ценных книг застряло в других частных руках. А что библиотека и музей представляли собой большую научную ценность, видно из того, что их дотоле хотела приобрести российская Академия Наук.

Какие шаги, интересно знать, предпримет Сибнаробраз?

* ПУОКР – Политическое управление военного округа – ред.

В ГОРНОЙ ЗАИМКЕ

(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1925. – № 6. – С. 81)

На столе чегень и медовое пиво,
 А улыбка хозяина кровавый мед.
 Поживи у нас, погости, красивая,
 У горных вод, у таежных высот.
 У нас, средь расщелин, огни закатов
 Хмельней, чем вино в московских краях,
 Мглою скал надвинулись скаты
 И спят облака на снежных белках.
 В бельниках пропасть сладких ягод,
 Шишками в черни наряжен кедрач.
 Всех позабудешь, привыкнешь за год,
 Дождь весенний – девичий плач.
 Вижу, не шутит. Не вечной ли гостьей
 Мне пропадать на заимке твоей?
 Там, у аила, кресты на погосте
 Чуждой и тесной ограды милей.
 Здесь, кругом, ни жилья, ни света.
 Знать, и ящик мой уехал теперь...
 Душно в тесной запертой клетке...
 Стены и жуть... Застонала дверь...
 Падал туман, и косая татарка,
 Стройная, легче тумана, вошла.
 Путаясь в речи бессвязной и жаркой,
 Острый нож на память дала.
 Там за стеною пили и пели;
 Нас же прохладою встретила ночь,
 Бились копыта. Бились, звенели...
 Конь уносил от заимки прочь.
 Реки и камни... ночная дорога.
 Трепет сердца и жизнь моя...
 Словно цветы у осеннего лога
 Радости жалит тоска-змея.
 Конь не выдал, вытоптал дали,
 Видел ли кто, как неслись в ночи?
 Ветры гудели, сучья качались,
 Звезды играли... Сумей, доскачи!...
 Пусть я не верю дурному глазу,
 Снова готовлюсь в далекий путь.
 Но оседлаю коня... и сразу
 Вспомню заимку, коня и жуть.

Алтайок Толтокова

АЛТАЙДЫҢ ЈЕРИНЕ ЈЕРАПЛАН УЧКАНЫ

(Кепке базылганы аайынча: *Кызыл Ойрот*. – 1925. – № 50)

Айылда отурган алтайлар
 Айлыгардан чыгыгар.
 Ак-айастын түбинде јераплан
 Айланганын көрүгер!
 Көк булуттын устинде
 Учуп јүрген јераплан.
 Көөркий алтай јерине
 Көрүнип келген јераплан.

Көк аястың түбинен
 Көрүнип келер жераплан.
 Көк чечектү алтайга
 Канып түшкөн жераплан.
 Куш канатту жераплан
 Көрүп барды Чемалды.
 Көөркий алтай албаты
 Көрүп туруп кайкады.

Ак аястың түбинен
 Агарып учкан жераплан.
 Көрбөгөнди көргүскөн
 Көк канатту жераплан.
 Көрбөгөнди көргүскөн
 Совет жаңга мак болзын!
 Мак сөзисти жетирген
 Жерапланга мак болзын!

Алтайлары үренер,
 Авиахимге бичидер,
 жерапланды учурып,
 Бичиктен көрүп билерер.

Мирон Мундус-Эдоков

ЮУ

Текст бичиктен алынган:

*"Жазы жаан улустың бичиги баштапкы үренер бичиктин кийинде
 (книга для взрослых после букваря"*

(Сост. Тозыяков А. В. и Мундус-Эдоков М. В. – Улалу, 1925. – С. 33–34)

Кайран Алтайга чак түшти,
 Калактап албаты онтоп ыйлады.
 Карарып булут жуулгандый,
 Канду черу туймешти.
 Туймеен-шакпырт көптөй берди.
 Тубин сананбас кара албаты,
 Тулкудий бийлерге энилтти.
 Тубектү албан жонго келди.
 Ака жакшы эр жең жастанды.
 Акта жакшы ат жал жастанды.
 Айгырлу малы айдуга барды,
 Айлы- журтты сооп калды.
 Жуудан өлгөн эрдин сөбгөн,
 Жуулып кускун чокыды.
 Жууга минген ат өлгөнүн,
 Жутпа бөрү челдеди.
 Өлгөннин каны көп төгүлди,
 Өскүс жабыс арбыдай берди.
 Өскөн төрөл жерин таштап,
 Өскө жерге тенип басты.
 Айылда арткан балдары,
 Адаларын сакып кунукты.
 Аймактан алган эш уйлери,
 Алгандарын сакып чөкөди.
 Алтайдан бускаланды кем чыгарды?
 Албатынын канын кем төкти?
 Арткан өскүсти кем ыйлатты?
 Айгырлу малын кем айдады?
 Ачап буржуйдын меке сүмези!
 Алтын жеңзеелү бийлердин кылыгы,

Онойып уйдап ыйларын билбей
Алтайдын ойроды мекеге кирди.

1925 жыл.

Тонжон

ОЙРОТТОР КИЧЕЕГЕР

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1925. – № 55)

Ойрот деп адалганы,
Ойын-кокур эмес.
Ойлу улустар сананыгар,
Ойлу сагышка кийдиригер!
 Өрө турган ак жарык
 Ургүлји турган ок бойы.
 Өрө адаткан ол Ойрот
 Ургүлји турар ол бойы.

Ойрот деп адыбыс
Ойлу јакшы болзын деп,
Ойрот укту албаты
Оны јакшы кичеегер.
 Јаркын болгон адыбыс
 Јарыткыш болуп ол тургай.
 Јакшылыкту Ойродыбыс
 Јарамыкту ол тургай.

Уктан алган адыбыс
Уктан укка ол тургай.
Укталып келген өбөкөбис
Укталганча ол тургай!
 Агаш тазылы таркагандый
 Акту Орооныбыс тарказын.
 Агаш бажы бурленгендий
 Акту Ойродыбыс көп гөзин!

Ойрот адыбыс тынғыдып,
Ончобыс бир бололы.
Ончо ишти тынғыдып,
Ончобыс күч салалы!
 Көзи јок албатынын
 Көзин јарыдарга кичеейли!
 Көкси ойлулар кичеенип,
 Көдүре бир аай болужыгар.

Үргүлји карачкыда отургандарды
Өрө тартып аларга.
Өрө тургандар кичеел,
Өрө тартып алыгар.
 Ончо албатыга теңдежил,
 Ончоны билгедий болзын.
 Ойрот ады адалып,
 Ончо јерге угулазын!

Бир биригишкен јурттарла
Бир темге ол турзын.
Биригжилп турган албатыларла
Бир ишке ол отурзын.

ИТ-КАРА

(Печатается по: Октябрь. – 1926. – № 3. – С. 41–60)

I

Когда бараны стали клочьями терять свою шерсть, тогда старая мать первый раз сказала пятнадцатилетней Чилтыс:

– Дочь, твои глаза ясны, как звезды, брови и волосы черны, как перья ворона, твоя одежда и украшения стоят две лошади и десять баранов. Чилтыс, ты красивее всех девушек в Катунской долине. Тебе сегодня исполнилось пятнадцать лет. Берегись молодых джигитов, не кажи им своих глаз и бровей.

А отец, самый богатый человек в Катунской долине, добавил:

– Только не прячься от русского офицера. Он рассердится – заставит своих солдат угнать в степь наши стада, спаси наше богатство – не сердь офицера...

Когда Чилтыс пошла от юрты за баранами, она слышала, как тихо плакала мать, а отец говорил ей что-то громко и строго.

Глупые старики. Они первый раз заметили красоту Чилтыс. А Чилтыс уже другой год ходит к черному озеру. Когда в горах тихо, она садится на камень и долго смотрит в воду на красивую девушку... Чилтыс заставляет её вплетать новые фарфоровые ракушки в черные косы, заставляет улыбаться, петь песни. Чилтыс заставляет водяную девушку делать все, что делает сама. А рассердится за что-нибудь – булькнет ногой и нет девушки – расплывется в кругах...

Глупые старики. А разве молодой пастух Ит-Кара не складывал ей песен? А русский офицер разве не за красоту дарит ей бисеры и кольца?..

И Чилтыс стало по-весеннему весело. Она торопила баранов, ловила курчавых ягнят, целовала их в испуганные глаза, теребила за уши и со смехом бросала на землю, не слушая их жалобного блеяния.

Русский офицер недавно сказал Чилтыс:

– Когда мы перебедем всех партизанов и поймаем Ит-Кара, я увезу тебя в степи, в хороший город... там люди живут в больших домах, едят вместо кислого сырчика белый хлеб... там я надарю тебе таких украшений, каких нет ни у одной алтайской девушки...

Чилтыс на это ответила офицеру:

– Если ты убьешь Ит-Кара, я тебе больше не принесу с Катуня ни одного камня, потому что Ит-Кара был наш пастух, и потому что он лучше тебя ездит верхом.

Офицер рассердился:

– Ит-Кара – разбойник!

А Чилтыс капризно перебила:

– Ит-Кара – джигит, а ты сам разбойник! – и убежала к речке.

Чилтыс сегодня все это вспомнила и ей стало смешно над толстым, белобрысым офицером. Когда он сердится, его круглое лицо покрывается морщинками, ноздри раздуваются, как у быка, глаза смотрят, сами не зная куда. Глупый офицер! Он хочет её посадить в большой дом, когда гулкие и холодные ручьи унесли с гор и долин весь снег в речку Кубу – такую быструю и шумную, каких в степи и во сне не увидишь, когда горы шумят зеленым лесом, а долины пестреют цветами, когда так хорошо греет солнышко, что Чилтыс целыми днями в юрту заходить не будет. Он хочет надарить ей новых бисеров и колец – она теперь и свои-то сбросит... и потом... он врет, у него нет больше украшений.

Думала, думала так Чилтыс и о баранах забыла. Ушла на берег Кубы, набрала в подол разноцветных камешков и побрасывает их в гулкие волны. Очень забавно. Камешек булькнет в одном месте, а круги по воде на десять шагов вниз плывут. Чилтыс нарочно камень с баранью голову выберет, а волны и такому сразу утонуть не дают, вниз тащат. А как хорошо холодные волны с горячим солнышком перемигиваются. Чилтыс и самой хочется вместе с волнами над солнышком смеяться, вместе вниз поплыть и также шуметь и брызгаться. А самой страшно – сядет на камень, ногами булькает. Волны сумасшедшие – утащат в Катунь, к водному духу, и защекочут.

Только подумала Чилтыс, как её волны щекотать будут – слышит, овечий топот. Оглянулась в ту сторону – видит, стадо от горы к речке метнулось. Не успела Чилтыс на волка подумать, а из-за горы, по тропинке, прямо на неё джигит на белом коне. Не успела Чилтыс испугаться как следует, а джигит уже около неё. Большой, сильный. Остановил коня и сразу глазами в глаза Чилтыс.

– Меня русские солдаты ловят, я спрячусь в пещере Толгоек, спросят – говори не видела, – и только хотел лошадь погнать, а Чилтыс лукаво:

– Ты разбойник, тебя надо указать солдатам...

Джигит взмахнул густыми бровями, как горный орел крыльями, сверкнул узкими глубокими глазами, вдруг его скуластое лицо вытянулось в крик:

– Чилтыс?!

Чилтыс еще лукавей улыбнулась, приложила к губам палец, скривила набок голову и задорно бросила:

– Я. А ты – не ты, а разбойник...

Джигит хотел что-то сказать, но испуганно оглянулся в сторону дороги и крикнул другое:

– Укажешь – брошу в Катунь!

И быстро скрылся в ущелье, а из-за горы по дороге, поднимая облако пыли, прямо на Чилтыс мчались солдаты.

II

Пещера Толгоек – памятное место.

Ит-Кара не забудет этой пещеры. Год тому назад около неё же он пас стада богатого Тырмака. Он не гонял стада в аил, а ночевал с ними здесь.

Раз в неделю старая жена Тырмака привозила ему сырчики и кумыс, а сам Тырмак приезжал только три раза в лето считать баранов. Ит-Кара никогда не забудет тот день, в который вместо старой матери сырчику и кумысу привезла Чилтыс.

Бедному пастуху нельзя забыть тот день, когда самая красивая девушка из своих рук подала ему мешочек с сырчиком и два ташаура.

– Чилтыс. Зачем два ташаура?

Чилтыс наклонила свое смуглое лицо к самой гриве Чубарки, погрозила Ит-Кара пальцем, и полусшепотом:

– Мой отец бывает веселый, когда пьет арачку. Я украла у него арачки, чтобы ты тоже был веселый.

Ит-Кара ничего не сказал Чилтыс, он только ласково потрепал Чубарке гриву.

Хорошая лошадь... славная лошадь...

А потом Ит-Кара увидел, что на западе потемнело небо, а на вершины гор сползли тучи.

– Чилтыс, посмотри, какие черные горы... Это небо смешалось с горами.

А когда в синей мешанине метнулась красная змея – в горах что-то грохнуло, Чилтыс вздрогнула, рванула Чубарку, но Ит-Кара сказал:

– Не успеешь, спрячемся в пещере Толгоек.

Горный дух Эези хорошо спрятал пещеру Толгоек. Ит-Кара часто приходится прятаться в Толгоеке, он сразу находит утес, в котором пещера. Он ловко прыгает с камня на камень и Чубарку заставляет прыгать. Чилтыс держится за гриву Чубарки – хорошему джигиту усидеть трудно, когда лошадь так прыгает.

Чилтыс радуется, что Чубарка тоже зашел в пещеру. Только дальше пещера узкая и темная. Чилтыс не видит, что хрустит под ногами. Ей делается страшно, когда Ит-Кара рассказывает:

– Очень давно, когда нас с тобой еще не было, когда не было даже твоего отца Тырмака, здесь жили разбойники. Они пришли со степей – грабить богатых алтайцев. В эту пещеру они бросали всех убитых. Это хрустят кости убитых алтайцев.

Чилтыс еще больше пугалась, когда из ущелья доносился шум дождя, раскаты грома и жалобное блеяние баранов. Чилтыс дрожала и прижималась к Ит-Кара...

Вот почему Ит-Кара памятна пещера Толгоек.

Горный дух Эези хорошо спрятал пещеру. Он закрыл её кустами и нарочно сделал так, чтобы к ней нельзя было проложить тропинку.

Русские солдаты не умеют воевать в горах. Они боятся ущелий и каждого камня. Офицер сказал им:

– Теперь в горах каждый камень может набросить на вас аркан или выстрелить. Выбирайте чистое место.

Ит-Кара знает это от Николая Моткочока, который служит переводчиком у русского офицера. Николай Моткочок не любит офицера и всех богатых начальников так же, как и сам Ит-Кара. Он нарочно будет узнавать даже, что думает офицер и будет рассказывать партизанам.

Русские солдаты в горах, как алтайцы в городе. Они не найдут Ит-Кара. Он и лошадь затащил в Толгоек. Он будет жить в пещере, пока не уедут солдаты.

Он не усидит только, если будет кричать Чилтыс. Ит-Кара не даст солдатам сделать с Чилтыс ничего плохого. Он не будет бояться смерти и выйдет из пещеры, когда будут обижать Чилтыс.

Ит-Кара некого больше любить. У него нет ни одного родного человека. Ему не было и девяти лет, когда у него умерла мать. Чужие люди привязали её к седлу и увезли куда-то в горы. С тех пор Ит-Кара никто не чесал голову и никто не называл его ребенком. Он грязный и голодный ходил по чужим юртам и просил есть. Один раз его никто не накормил. Он стащил сырчик. Его избили и назвали черной собачонкой – Ит-Кара.

Так с тех пор зовут Ит-Кара.

Когда он подрос, богатый Тырмак взял его к себе пастухом. Он семь лет пас стада Тырмака, он вы-

рос совсем большой, а его все звали Ит-Кара, и Тирмак каждый день бил его плеткой, чтобы он искал стадам хорошую траву и не терял баранов.

Ит-Кара не любит таких богатых, как Тирмак. Не любит за то, что они не считают того человеком, у кого нет скота. У Ит-Кара нет ни одного барана – его прозвали черной собакой.

Один раз у Тирмака сдохли две лошади, и Тирмак сказал Ит-Кара:

– Если у меня сдохнет еще лошадь, я сниму с тебя шубу и прогоню из аила.

Ит-Кара сказал, что лошади хворали и что он не виноват. Тирмак ударил его плеткой и не дал есть.

Ит-Кара был уже совсем большой. Черноглазая Чилтыс назвала его один раз джигитом. С тех пор он приносил ей из гор красивые камни и складывал ей песни и рассказывал страшные и смешные сказки, которые слышал от старых пастухов.

Она пела ему свои песни и звала чернобровым джигитом. Больше его никто не звал так хорошо. Ит-Кара никому не даст обидеть Чилтыс. Он теперь не пастух. На Кумулырских белках его ждет целый отряд. Ит-Кара с отрядом побьет всех солдат, а офицеров вместе с Тирмаком повесит на одну сосну. Чилтыс не такая, как отец, она добрая. Ит-Кара возьмет её в жены.

И ему стало так жалко Чилтыс и так приятно думать об этом, что у него загорелось сердце.

Только когда из ущелья донесся глухой топот копыт, у Ит-Кара вовсе не стало сердца. Потому что он не так думал о Чилтыс.

III

Николай Моткочок первый раз так хитро обманул офицера.

– Моя баба дома выгнала хорошую арачку. Я хочу угостить тебя, господин начальник. Отпусти съездить в аил за арачкой.

Офицер рассердился:

– Самое горячее время. Каждый день допрашиваем по десять алтайцев. Кто будет переводить?

Моткочок хорошо знал офицера.

– Не успеет солнышко спрятаться за горами, а начальник уже будет веселый от моей арачки.

Тогда офицер уж не так сердито сказал, что Моткочок хитрый, как лиса, и что если он не вернется к вечеру, то получит десять шомполов.

Николай побожился по-русски, оседлал своего коня и поехал на Кумулырские белки. Если там нет Ит-Кара, то дело плохо. Вечером офицер будет допрашивать Ит-Кара, а ему, Николаю Моткочоку, придется переводить. Как он будет смотреть в глаза товарищу, и как он скажет ему злые слова офицера:

– Врешь, собака, у тебя где-то целый отряд. Ложись животом на землю! – И, может быть, придется помогать солдатам раздевать Ит-Кара.

Плохая должность у Моткочока.

Лошадь дышала хрипло и часто, как собака, догнавшая зайца. Она была вся в пене, когда Моткочок поднялся к самой вершине. Только у него лошадь не кляча. У него выносливая лошадь. А устала она так потому, что Ит-Кара выбрал хорошее место для своего отряда.

Раздвоенная вершина Кумулыра такая высокая, что на ней круглый год дуют холодные ветры и круглый год белыми пятнами лежит снег. Среди других гор она торчит, как облезлые горбы старого верблюда, и никто не подумает, что на этих горбах может жить человек. Даже если солдаты узнают, что там Ит-Кар, им не попасть к вершине. Её каменистые склоны так круто сбегаются в Кубинскую долину и так заросли лиственницами и колючим кустарником, что по ним могут взбираться только горные козлы да два-три самых смелых охотника.

Только один Ит-Кара знал узкий извилистый лог, по которому можно заезжать на самую Кумулырскую вершину. И только он один знал, что между голыми горбами спрятались от холодных ветров темно-зеленые кедры. Там, в этих кедрах, Ит-Кара из древесной коры построил юрту и стал собирать всех алтайцев, которые будут воевать с офицерским отрядом. Николай Моткочок тоже хочет воевать. Только ему Ит-Кара велит служить у офицера и привозить в Кумулыр новости. И теперь Моткочок не жалеет лошадь, потому что везет плохую новость.

Он поднялся к самой вершине и громко запел, чтобы его было слышно в кедрах. Там услышали. Навстречу ему вышли два алтайца с винтовками.

– Ээ, Моткочок, откуда? – спросил один, когда Николай подъезжал. Другой сказал ровно себе:

– А мы думали, Ит-Кара приехал...

– Ит-Кара нет?! – испугался Моткочок.

– Он уехал в долину разговаривать с русскими партизанами, его нет в Кумулыре другой день...

– У тебя новость?

– Новость.

В кедрах Моткочок увидел не одну, а три юрты. У каждой огонь и человек по десять алтайцев. Моткочок подъехал к юрте, которую построил Ит-Кара. Все алтайцы быстро собрались около него.

Когда в отряде нет Ит-Кара – старше всех Ванька Ахпай. Ахпай сказал, чтобы садились к огню и не кричали.

– Долго садиться, пусть скорей говорит! – крикнул кто-то в отряде.

– Пусть говорит! – закричал почти весь отряд.

У Ахпая на скулах натянулись щеки, брови срослись и выпрямились.

– Садитесь!

Ахпай посадил Моткочока в середину и подал ему свою трубку.

Моткочок затянулся табачным дымом и спросил у Ахпая, у первого:

– Якши ба (хорошо ли все?).

– Ничего.

– Что нового слышно?

– У нас ничего не слышно, только Ит-Кара другой день нет.

И так, по порядку, всех спросил Моткочок и все ответили:

– У нас ничего не слышно, только нет Ит-Кара.

Тогда Ахпай спросил у Моткочока:

– Хорошо?

– Плохо.

– Что слышно нового?

И Моткочок рассказал плохую новость, которую так торопился везти в Кумулыр.

Весь отряд уставился на Ахпая и глазами спросил:

– Как же теперь?

IV

Самый сердитый солдат спросил Чилтыс:

– Куда девалась черная собака?

Чилтыс поняла (отец давно учил её говорить по-русски). Она поняла, но покачала головой и тихо сказала по-своему:

– Бильбес (не понимаю).

– Куда проехал Ит-Кара? – еще злей крикнул самый сердитый солдат. Чилтыс пальцем дотронулась кончика высунутого языка и опять сказала:

– Орусь тиль бильбес (русского языка не знаю).

Солдат не верил, кричал, махал плетью у самого носа Чилтыс, дергал за поводья лошадь, указывал куда-то в горы... Чилтыс только качала головой.

– Бильбес.

А когда солдаты с руганью поехали к Толгоеку – у неё сжалось сердце. Она собрала все силы и крикнула им вслед по-русски:

– Нет!... не туда! – Солдаты обернулись. Чилтыс рукой указала в другую сторону.

– Туда!

Один крикнул:

– Если обманешь – обрежу уши, – и поехал, куда указала Чилтыс. У неё еще сильнее сжалось сердце, когда один поехал за ним, а двое прямо к пещере Толгоек.

Теперь Чилтыс не увидит больше Ит-Кара. Она всегда будет сама пасти стада. Ей никто не будет складывать песен и рассказывать красивые сказки. Чилтыс заплакала и сквозь слезы выговорила по-русски:

– Сами собаки... разбойники.

Было совсем темно, когда Чилтыс пригнала баранов к аилу. Пьяный отец долго считал баранов. Не мог сосчитать – закурил трубку и, смешивая слова с табачным дымом, сказал:

– Чилтыс. Иди в юрту... офицер хочет, чтобы ты пела алтайские песни.

У Чилтыс передернулось от злости лицо.

– Не пойду. Не буду петь... офицер разбойник.

Чилтыс не поняла: рассердился отец или испугался. У него затряслась жиденькая борода, замигали слезливые глаза. У него выпала из рук трубка.

– Офицер веселый... не сердь офицера...

– Не пойду. Он заставил солдат убить Ит-Кара.

У отца шире открылись глаза.

– Ит-Кара убили??! Где ты слышала?

– Я видела в горах... четыре солдата с ружьями...

Тогда старый отец обрадовался.

– Убили. Хорошо... Ит-Кара – разбойник. Он хотел бить богатых, бить начальников. Без богатых и

без начальников нельзя жить. Хорошо, что Ит-Кара убили.

Какой противный отец, злой, как офицер. Чилтыс не вытерпела:

– Начальников надо бить... они сами разбойники... а наш пастух хороший и красивый джигит...

И она пошла от юрты. Отец схватил её за рукав.

– Глупая коза! Молчи и иди в юрту!

У Чилтыс отец толстый и сильный, как медведь. Чилтыс оторвала свой рукав. Он взял её за руку. У Чилтыс не хватает силы оторвать свою руку. Она бы без руки побежала в Толгоёк и пожаловалась мертвому Ит-Кара... и потом, зря радуется отец – солдатам не убить джигита. Чилтыс плакала потому, что хорошо не подумала, а теперь она не будет больше плакать. Она сделает что-нибудь с офицером. Он пьяный валяется в юрте на медвежьей шкуре, сосет табак из серебряной трубки и хочет слушать песни Чилтыс. Она не будет петь. Она только скажет ему, что он белая собака.

Когда отец втолкнул Чилтыс в юрту, офицер поднял бритую голову. Чилтыс даже сквозь едкий дым увидела, какие у него жирные и нехорошие глаза. Он заторопился, бросил трубку и протянул к ней толстые руки.

– Пришла, черноглазая. Надо бить Тырмака, чтобы он не посылал такую дочь пасти скот.

Чилтыс еще не успела ничего сказать, а отец уже сказал:

– Тырмак найдет себе пастуха – пусть господин начальник не сердится. – И опять у Чилтыс не хватает сил вырваться. Отец посадил её на медвежью шкуру рядом с офицером. Чилтыс оттолкнула руки офицера:

– Уйди, белая собака.

– Как?

– Она язык худо знает... не такое слово говорит, – заторопился отец и заморгал глазами.

– Она ни че... она будет петь, – и как собака пополз из юрты.

Чилтыс взгляделась в темноту и не увидела матери, не увидела ребятишек. Кошма и шубы лежали в одной куче. Чилтыс испугалась, хотела тоже убежать, только офицер схватил её за руку.

– Куда ты, черноглазая! Я подарю тебе новый бисер...

– Уйди, собака! – закричала Чилтыс, когда офицер потянул её к себе.

– Ух, какая ты дикая... какие глаза – как у зверька...

Чилтыс вырывалась, когда он дышал её в лицо перегорелой арачкой.

– В город скоро увезу, поцелуй русского мужа!

Чилтыс играла с офицером, потому что никогда не думала, что он возьмет её себе в жены. Она бы давно плюнула ему в глаза и сказала, что он собака.

Поэтому, когда он мокрыми губами полез к её лицу, Чилтыс плюнула ему в глаза и правой рукой ударила по жирной щеке.

Белое лицо офицера покраснело, как сырое мясо. Он схватил её за обе руки и мокрыми губами зажал губы Чилтыс. Ей было противно и жарко. Она не могла царапать офицера, она не могла укунить нехорошие губы офицера. Ей даже нельзя было кричать. Только когда офицер одной рукой стал рвать платье, она закричала так громко, что в двери юрты показалось испуганное лицо матери. Чилтыс не успела крикнуть, как противный отец оттащил мать и закрыл дверку.

Теперь никто не поможет Чилтыс. Она ни разу не целовала Ит-Кара, он не будет её спасать, а бросит её в Катунь за то, что она не обманула солдат и за то, что она жена офицера. Она не будет женой офицера, он гадкий и злой.

У Чилтыс одежда стоит две лошади и десять баранов, а он разрывает на куски. Чилтыс жарко и противно, ей нечем дышать, а он зажимает ей рот и дышит в лицо перегорелой арачкой. Она бьется, задыхается и хочет так больно укунить офицера, чтобы на его крик прибежал противный отец. Только офицер еще крепче зажимает рот Чилтыс и еще сильнее рвет платье. Она собирает последние силы, отрывает свою голову от головы офицера... видит сквозь разорванное платье свое смуглое тело. Чувствует голым телом медвежью шерсть, у неё совсем нет больше силы. А офицер все сильнее и сильнее. Чилтыс беспомощно растягивается на медвежьей шкуре и ничего не видит, кроме красного жирного лица.

V

Когда приходит смерть, джигиту надо быть диким зверем, которого догнали охотники.

У солдат шашки и винтовки, а у Ит-Кара с собой только охотничий нож. Ит-Кара сжал в руке костяную рукоятку и в груди у него застучало сердце.

Чем ближе топот копыт, тем сильнее стучит сердце. Если с солдатами в Толгоек приедет Чилтыс, Ит-Кара убьет сначала её, потом бросится на солдат. Он умрет только тогда, когда Чилтыс будет мертвая. Потому что она теперь злая, как отец, и больше любит белого офицера, чем черную собаку. Ит-Кара нельзя любить такую Чилтыс. У него есть отряд алтайцев, которые все ненавидят офицера и таких

злых и богатых, как Тырмак.

Солдаты ехали вниз по тропинке, которая вела к Катуню. Ит-Кара лег на живот и выполз из пещеры. Сквозь густой куст маральника ему стало видно двоих солдат.

Два солдата, а Чилтыс нет.

Ит-Кара слышал, как они сердито разговаривали.

– Не гляди, что девчонка. Она понимает. Навернул бы раза два шомполом, не стала бы бильбекать.

– А все-таки испугалась. Указала, зверюга!

– Глаза отводит. Указала туда, а он здесь где-нибудь, черная собака. Того и гляди из-за камня ша-рахнет.

Ит-Кара посмотрел на большой камень, который навис над солдатскими головами.

... Толкнуть – загремит... двоих не убьет, а одного изуродует...

Только их много, много, так не перебьешь...

И больше Ит-Кара не слышит, о чем разговаривают солдаты. Они проехали мимо.

Чилтыс обманула солдат. Когда она сказала, что Ит-Кара разбойник и Ит-Кара надо указать солдатам – она улыбалась и голос у неё был добрый.

Как Ит-Кара мог подумать, что Чилтыс не такая, как он пел про неё в своих песнях... и что ему нельзя любить Чилтыс...

Он еще больше будет любить её.

У Ит-Кара так приятно стало гореть сердце, над зубцами гор запылало такое яркое солнце, а сами горы сделались такими синеватыми и мягкими, что Ит-Кара стало тесно лежать над откосом. Ит-Кара захотел встать одной ногой на Адыган-гору, другой на вершину Кумулыр к своему отряду.

Он встал на ноги и оглянулся...

В глаза Ит-Кара из темной пещеры Толгоёка глядели большие и добрые глаза Сивки.

Как степная река, – долгий и скучный день пришлось Ит-Кара сидеть в Толгоёке.

Ит-Кара весь день курил табак и думал.

День был такой длинный, что Ит-Кара не хватило табаку и не о чем стало думать.

Ит-Кара еще раз сказал самому себе: пусть в отряде за меня не беспокоятся. К полуночи я приеду в Кумулыр и скажу, какой большой скоро будет наш отряд...

Лег рядом с Сивкой и заснул...

Когда он проснулся, увидел сквозь кусты маральника черные горы и куски звездного неба.

Ит-Кара вывел из Толгоёка Сивку и спустился на тропинку. Сел на лошадь и вспомнил, что целый день думал и не мог придумать, как он оставит Чилтыс в юрте, в которую ездит офицер... и как он без неё будет жить в Кумулыре, если солдаты собираются бить её шомполом.

От Кубы пахло черемухой и сыростью. В камнях шумно плескались волны, и Ит-Кара казалось, что в них плачет Чилтыс...

Когда Сивка пробежала версты две, Ит-Кара услышал хриплый лай собаки. Так лаял косматый Аяш богатого Тырмака. Ит-Кара испугался, а Сивку не остановил. Он понял, что ему нельзя ехать в Кумулыр, потому что он не знает, что с Чилтыс...

От аила потянуло дымом, Аяш залаял еще громче. Ит-Кара остановил Сивку и тихо позвал Аяша.

Когда Ит-Кара пас стада Тырмака, Аяш бегал с ним в горы. Аяш еще не забыл пастуха, прибежал, виляя хвостом. Ит-Кара подъехал совсем близко к аилу и не увидел там солдатских лошадей. Ит-Кара стыдно бояться. Тырмак весной всегда пьет арачку и спит, как стельная корова. Ит-Кара соскочил с лошади и тихо подошел к самой юрте. Кругом лежали бараны и козы.

В юрте Тырмака совсем тихо.

Ит-Кара сжал зубы, открыл дверку и зашел.

В юрте темно и дымно. Слышно Ит-Кара, как в нос сопит Тырмак и как бьется у самого Ит-Кара сердце.

Он зажег спичку.

На медвежьей шкуре тушей развалился Тырмак. Голым животом к потухшему огню. Недалеко от него в шубах сопят ребятишки, а рядом с ними старая мать Чилтыс.

Чилтыс одна на кошме. Она ничем не одета, и дорогое платье Чилтыс разорвано. Один клочок с серебряными монетами у дверей.

У Чилтыс не совсем закрыты глаза и лицо бледное, как у больной. Косы, как змеи. Одна на шее, другая зажата в руке.

Ит-Кара испугался открытых глаз.

Ит-Кара зажал крепкой ладонью Чилтыс рот и взял её на руки. Чилтыс вдрогнула и еще шире открыла глаза. Ит-Кара крепко сжал ей руки, еще крепче зажал рот и вынес из юрты. Он положил Чилтыс поперек седла, сам грудью лег Сивке на спину и только когда Сивка побежал, Чилтыс оторвала от крепкой ладони свой рот и пугливо закричала.

- Белая собака, уйди! Не хочу в город. Не поеду, не буду женой. Ты убил Ит-Кара.
- Ит-Кара наклонился к горячему лицу Чилтыс.
- Чилтыс, тебя больше не будут бить. Это я – черная собака, не кричи. Чилтыс.
- Ты?! Живой джигит?...
- И Чилтыс первый раз поцеловала чернобрового джигита.

VI

Солнце подожгло небо и спустилось за горы.

Небо погорело только снизу и потухло.

Один Ахпай сидит на правом горбу Кумулыра.

Под ним зеленая долина. От партизанских юрт идет дым, и кажется, что это дымятся вершины кедров.

Против, над кедрями, другой горб Кумулыра, такой же облезлый. Во впадинах лежит снег, и растут на нем, как на этом, только эдельвейсы.

Ахпай очень досадно, что не видно степь. Там русские пастухи и работники тоже воюют с офицерами и богатыми. Говорят, что даже в горах где-то есть такие отряды. Ит-Кара уехал узнавать. Ахпай ждал его два дня и не дождался. Приехал Николай Моткочок с плохой новостью.

Вчера русские солдаты привели к офицеру троих русских мужиков. Солдаты сказали, что эти мужики прятали у себя Ит-Кара. Солдаты видели, что Ит-Кара выехал из ихней избы. Они видели, куда он поехал, и послали за ним погоню.

– У Ит-Кара лошадь быстрая, как заяц, и цепкая, как кошка, – сказали солдаты. – Только к вечеру его поймают, потому что в погоню солдаты поехали на алтайских лошадях.

Офицер назвал солдат молодцами, а мужиков велел расстрелять.

Моткочок сам видел, как мертвых мужиков бросали в Катунь. Он рассказал это партизанам и уехал к офицеру.

Ахпай старший в отряде. Алтайцы испугались. Спросили у него:

– Как же теперь?

– Ложитесь за кедрь! – криком ответил Ахпай.

Алтайцы бросили лошадей, потому что на земле одна тропинка, с которой тревога. Бежать некуда. Надо отбиться или умереть в облезлых горбах Кумулыра. Никто не сказал друг другу ни слова, и никто не посмотрел друг другу в глаза. Все молча и быстро брали наперевес винтовки, падали за камни, за кедрь и ждали.

Все видели, как Ахпай один постоял у огня. Потом тоже взял наперевес солдатскую винтовку и твердо пошел...

Ахпай недавно около русской деревни убил солдата. У него не охотничья, а настоящая солдатская винтовка. И не в шубе Ахпай, а в шинели, как русский солдат.

Ахпай шел быстро и уверенно.

– Надо очень хитрых и смелых солдат, чтобы в камнях и кедрях побить алтайцев, – думал он.

VII

У Ит-Кара Сивка маленький, а быстрый и сильный, как река Катунь. У Чилтыс треплются косы и шумит в ушах. Чилтыс больше не боится, потому что она на коленях чернобрового джигита.

Чилтыс долго смотрит ему в глаза и даже щупает пальцами его брови. Глаза глубокие и отливают темно-красным, как орлиные перья. Брови густые и жесткие. Лицо скуластое и сильное, как у джигита из песни...

– Ты людей убиваешь?

– Убиваю.

– Тогда правду говорят, что ты разбойник...

– Нет. Я убиваю только злых людей. Как офицер.

– Мой отец тоже злой. Убей моего отца!..

Ит-Кара сильной рукой повертывает Чилтыс к себе лицом и смотрит в её заплаканные глаза.

– Тебе не жалко своего отца?

– Нет, его надо убить...

– Чилтыс, ты будешь хорошая жена для бедного джигита...

Ехали вверх. Где-то сверху заиграли в рожок. Ит-Кара запел алтайскую песню. Рожок замолчал. Наверху забили в шаманский бубен. А когда заехали в кедрь, их окружили алтайцы. Все с винтовками. Все любят Ит-Кара, бегут навстречу и кричат:

– Ит-Кара! Ит-Кара приехал!

А когда Ит-Кара остановился у огня, все замолчали и как-то нехорошо посмотрели на Чилтыс. Один,

в солдатской шинели, посмотрел ей прямо в глаза и как-то хитро сказал Ит-Кара:

– Ты за бабой ездил два дня?

– Хорошая баба. Жениться хочешь? – спросил другой.

Ит-Кара снял шапку и заговорил:

– Товарищи! Ит-Кара не забыл, что он начальник отряда. В отряде подумали, что я забыл об этом и поехал воровать себе бабу. В отряде подумали, что я велю им бросить свои винтовки и праздновать свою свадьбу. В отряде зря так думают. Ит-Кара ездил искать русских партизанов, и его чуть не убили солдаты.

– Не все так думали! – крикнул один алтаец.

– Неправильно думали!

– Ит-Кара не забудет о войне. Сам собрал отряд.

– Зачем бабу? – закричали другие алтайцы.

В солдатской шинели вышел на середину и закричал:

– Замолчите! Пусть Ит-Кара расскажет, что сделал, тогда будем говорить.

– Пусть расскажет!..

– Зачем бабу?

Чилтыс поняла, что на Ит-Кара кричат из-за неё...

– Он не виноват. Я утром уйду домой, – сказала Чилтыс.

А Ит-Кара сказал ей тихо и ласково:

– Чилтыс, иди в мою юрту и ложись спать. Тебе нельзя слушать, что говорят в отряде.

– Тебя обижают и не будут любить из-за меня. Я уйду домой.

– Когда я им все расскажу, они не будут так говорить.

Ит-Кара привел Чилтыс в юрту, дал её шубу, а сам опять ушел к огню.

Чилтыс одна лежит в юрте. Ей не слышно, что рассказывает Ит-Кара. Он говорит тихо. Чилтыс только слышит, как кричат алтайцы. Громко и сердито.

Она смотрит в дымовое отверстие на звезды и не может заснуть.

За юртой шумят кедры, Чилтыс кажется, что Ит-Кара по земле тащат на огонь. Чилтыс закрывает глаза и слышит, как в юрту заходит офицер. Офицер ищет её жирными глазами. Чилтыс прячется под шубу. Офицер нашел её и уже трогает шубу... Чилтыс хочет закричать, но слышит ласковый голос Ит-Кара:

– Чилтыс спит... хорошо... теперь её никто не будет обижать.

Чилтыс тепло и приятно от этих слов. Она так же тихо говорит:

– А тебя обижают. Я утром уйду домой.

– Чилтыс, больше никто не будет так говорить.

– А когда ты убьешь офицера?

– Офицеров много. И все начальники в волости и в городе злые люди. Надо большой отряд, чтобы победить всех.

– Самый злой и противный наш офицер. Я знаю, как его убить.

Ит-Кара не поверил своим ушам.

– Ты знаешь, как убить офицера?

Чилтыс сбрасывает с себя шубу, привстает и полусшепотом говорит Ит-Кара:

– Я поеду к офицеру и скажу ему, что знаю, где живет Ит-Кара. Офицер хочет взять меня в жены, он поверит мне, возьмет солдат и поедет со мной. Над Катунью есть тропинка, в одном месте она обвалилась. Когда офицер с солдатами поедут – ты с отрядом из леса спустишься на тропинку... солдатам некуда будет ехать.

Ит-Кара знает эту тропинку. Он недавно поехал по ней и вернулся обратно, потому что она обвалилась в Катунь. Если бы за ним гнались солдаты по этой тропинке, он бы упал в Катунь.

Ит-Кара слышит и не верит, что это говорит Чилтыс, ровно в ней кто-то сидит другой и говорит её языком.

VIII

На бледном небе стыли последние звезды. Над горами ползали грязные туманы и таяли.

Скоро проснутся мать и отец и не найдут в юрте Чилтыс. Мать заплачет, а отец будет ругаться, что Чилтыс куда-то ушла и некому пасти баранов. Надо успеть Чилтыс до солнца лечь в юрту и спать...

У речки Кубы Чилтыс остановила лошадь и сказала Ит-Кара:

– Тебе дальше ехать нельзя. Тебя увидят солдаты. – И прыгнула с лошади. Ит-Кара посмотрел на неё как-то испуганно и ласково.

– Чилтыс, я боюсь, не ходи к офицеру.

Чилтыс подняла голову.

– Если ты вечером не убьешь на той тропе офицера, я тебя больше не буду любить, потому что ты трус.

Сказала и пошла по дороге к своему айлу.

Если отряд не согласится спрятаться над тропинкой, офицер с солдатами узнают, что Чилтыс обманывает. Они на этой же тропинке убьют Чилтыс. Или будут допрашивать – она испугается и скажет, что Ит-Кара с отрядом на вершине Кумулыр...

Ит-Кара старший в отряде, он выберет десять смелых алтайцев и скажет, чтобы они седлали лошадей и ехали с ним.

Чилтыс дошла до большой сосны. Отсюда она всегда смотрит, идет или нет из юрты дым. Если идет – ей не разжигать огонь, не собирать хворост.

И теперь Чилтыс дошла до большой сосны и посмотрела на поляну. Чилтыс обвела глазами всю поляну и не увидела айла...

– Отец не собирался ночью кочевать, где же айл?..

Она подбежала ближе. На месте айла дымятся угли. Недалеко сидит отец, смотрит на угли и плачет, как ребенок. Рядом под шубой стонет старая мать, а ребятишки голые и грязные бросают на угли сосновые ветки и раздувают огонь. Чилтыс подошла к отцу и удивленно спросила:

– Отец, где наш айл?.. оглянулась кругом – ... и скот?

Отец вздрогнул, посмотрел на Чилтыс и не узнал. Так и рассказывал, как чужой.

– Офицер вечером уехал от меня веселый и назвал меня другом. Ночью офицер приехал с солдатами и закричал:

– Если ты не скажешь, где живет Ит-Кара, я сожгу у тебя айл и угоню скот.

Я сказал, что не знаю, где живет Ит-Кара и что сам хочу, чтобы Ит-Кара поймали. Солдаты избили меня шомполами, сожгли айл и угнали скот. Теперь у меня нет айла и нет скота.

Чилтыс долго молчала.

– Куда уехал офицер?

– В русскую деревню.

Она не сказала больше ничего отцу и не подошла к больной матери. До деревни идти долго. Надо торопиться.

Офицер писал. Когда Чилтыс зашла, он нехорошо улыбнулся.

– А, черноглазая?..

Чилтыс подошла и смело посмотрела в его жирные глаза.

– За что ты сжег наш айл и угнал стада?

– Не надо врать! Ит-Кара разбойник. Его надо указать, а не прятать.

– Мой отец сам говорит, что Ит-Кара надо убить. Только он не знает, где Ит-Кара живет. Я ему не сказала.

Офицер сморщил лоб.

– А ты знаешь?!

– Я ночью вышла из айла, Ит-Кара схватил меня, зажал мне рот и увез в горы. У него там много разбойников. Они все пьяные. Я убежала. Если ты отдашь отцу стада, я уведу тебя к Ит-Кара.

Офицер погрозил пальцем.

– Я не люблю, когда меня обманывают. Вечером меня обманул Моткочок – теперь он сидит в подполье.

Чилтыс показалось, что под полом кто-то кашляет.

– Если отдашь скот – не обману.

Офицер нехорошо засмеялся.

– Какая ты умная стала... иди-ка, поцелуй меня, черноглазая...

Чилтыс закрыла глаза и поцеловала офицера.

– А когда поедет, черноглазая?

– Надо вечером...

IX

Ит-Кара сдвинул брови и сердито сказал:

– Если Ахпай боится – пусть остается варить обед. Мне надо только десять человек.

Ахпай затянулся табачным дымом и спокойно выговорил:

– А если Ит-Кара не боится, пусть верит Тырмаку или самому офицеру.

Ит-Кара метнул глазами на весь отряд.

– Если мы сегодня убьем офицера, ночью сумеем собрать все отряды вместе. Говорите, кто поедет со мной?

Один алтаец встал, снял шапку и сказал:

– Ит-Кара нас собрал, чтобы воевать. Ит-Кара наш начальник. Пусть Ит-Кара скажет, кому ехать.

Ит-Кара рукой указал на десять алтайцев и сказал имена.

Десять алтайцев встали и пошли седлать лошадей.

Ахпай тоже встал.

– Ит-Кара, я поеду с тобой...

Когда алтайцы спустились в долину – над горами совсем растаял туман, потому что солнце поднялось выше самых высоких вершин, а небо стало сухое и горячее.

Ит-Кара оглянулся на Кумулырскую вершину и увидел, что на неё ползет облако. Ит-Кара подумал: «Если облако заслонит вершину, мы туда не сумеем подняться».

Облако проползло мимо. Ит-Кара остановил отряд.

– Товарищи! Нас целый отряд и все мы с винтовками. Нам нельзя ехать по Кубе до Катуня, потому что недалеко от устья Кубы аил Тырмака и потому что здесь ездят солдаты.

– Ит-Кара говорит правильно. Нам нельзя ехать по Кубе, – сказал Ахпай, – нам надо перевалить зеленую гору и подъехать к Катуню с другой стороны.

Зеленая гора невысокая и вся обросла лесом, как баран шерстью. Тропинка на ней узкая и, как на Кумулыр, ломаная.

Алтайцы едут друг за другом и не разговаривают. Только думают. Ит-Кара с Ахпаем едут впереди и думают по-разному. Десять алтайцев за ними, а думают все одинаково, потому что Ит-Кара едет спокойно и смело. Ит-Кара не боится, и отряду бояться нечего. Алтайцы отпустили поводья, набили табаком свои трубки и задымили...

Тропинка пошла хребтом зеленой горы. В одном месте хребет такой голый, что издали на нем видны все камни. Ит-Кара останавливает отряд, когда подъезжает к этому месту.

– Здесь ехать нельзя. Нас увидят из долины. Нам надо спуститься немного вниз и объехать это место без тропинки.

Алтайцы начинают по одному спускаться вниз. Другой склон зеленой горы крутой и каменистый. Лошади спускаются так осторожно и медленно, что алтайцы смотрят на солнце. Им кажется, что солнце торопится и скоро спустится к горным вершинам.

Ит-Кара тоже смотрит на солнце и ничего не отвечает, когда Ахпай говорит:

– Надо этим хребтом проехать верст двенадцать, чтобы приехать к Катуню. Если будем так ехать, то приедем к вечеру.

Ит-Кара молчит, а Ахпай опять:

– Если Чилтыс говорила правду, то надо торопиться. Офицер с отрядом поедет раньше вечера.

Ит-Кара как будто кольнула иголкой, когда сказал Ахпай.

У Ит-Кара передернулось лицо.

– Зачем ты едешь с нами, если не веришь и боишься, как старуха?

Ахпай прикусил язык и замолчал.

Опять ехали и не разговаривали. Тропинка все хуже и хуже. Проехали версты четыре, тропинка совсем потерялась. Стали пробираться без тропинки к тому месту, где зеленая гора обрывается в Катунь...

Когда впереди сквозь деревья показался просвет, Ит-Кара остановил отряд.

Здесь зеленая гора почти стеной обрывается в Катунь, и по этой стене проложена узкая тропинка, на которую Чилтыс заведет офицера с солдатами.

– Солнце садится за горы, скоро будет темнеть, – сказал Ахпай, – надо сразу засесть за тропинкой.

Ит-Кара рассердился.

– Я давно думал, как делать. Тропинка до обвала идет больше версты. Один сядет там, где тропинка начинается, и даст знак всем, когда офицерский отряд заедет на тропинку. Тогда трое загородят офицеру дорогу, остальные будут стрелять сверху или бросать камни.

– Почему не все сразу засядут за тропинкой?

– Потому что одного не заметят, и кроме того, нельзя оставить одних лошадей. Они будут ржать, когда услышат солдат.

Ахпай не стал больше спорить и привязал свою лошадь к дереву.

Кто-то спросил:

– Кому сидеть там, где начинается тропинка?

– Я боюсь, что Чилтыс заедет с солдатами на тропинку и тогда придется её убить вместе с солдатами. Я сяду и попробую её оставить сзади.

Никто нечего не сказал. Все привязали лошадей, взяли в руки винтовки и легли ждать.

Только Ахпай, когда ложился, сказал сквозь зубы:

– Из-за этой богатой девчонки Ит-Кара погубит и себя, и весь отряд.

Алтайцы услышали и от этих слов у алтайцев похолодело в груди.

Из долины Кубы тропинка идет на зеленую гору берегом Катуня. Там можно ехать на пяти лошадях в ряд совсем без тропинки, потому что склон зеленой горы снизу пологий и не очень каменистый. Только выше зеленая гора стеной обрывается в Катунь, и тропинка раздвигается. Одна непротоптанная ведет на хребет горы, где лежат алтайцы и курят табак. Другая, узкая, с версту идет стеной над Катунью и никуда не выводит: обвалилась в Катунь.

Над этой тропинкой, там, где она начинается, в колючий кустарник за большие камни лег Ит-Кара караулить офицерский отряд. Когда Ит-Кара ехал – он был смелый, спокойный. Теперь Ит-Кара надо еще быть спокойнее, потому что солнце спускается за горы. Скоро будет вечер, и надо делать трудное и страшное дело.

Ит-Кара лег грудью на камень, чтобы не слышать, как бьется сердце.

Над головой тихо шумят деревья.

Внизу, в серых утесах, глухо рычит Катунь

Ит-Кара смотрит через тропинку вниз... Катунь седая и косматая, как табун бешеных коз, которые гонятся по ущелью.

Ит-Кара вздрогнул, оглянулся направо и перестал дышать.

В глазах у Ит-Кара потемнело, и он не видит, сколько солдат, и не видит с солдатами Чилтыс. Только когда отряд подъехал к тому месту, где надо ехать по одному, Ит-Кара увидел, что солдат человек пятнадцать, и увидел, что Чилтыс с офицером едут впереди. Ит-Кара даже услышал, о чем они говорят:

– А куда эта тропинка? Не по ней нам ехать?

Чилтыс качает головой.

– Нет, не туда.

Голос Чилтыс тихий и пугливый...

Если она поедет первая, тогда Ит-Кара не знает, как быть. Раньше об этом Ит-Кара не подумал.

Отряд стал вытягиваться по тропинке. Чилтыс первая, за ней офицер.

Теперь Ит-Кара совсем не знает, как быть...

Вдруг Чилтыс пошатнулась и упала с лошади. Что-то звякнуло о камни. Офицер остановился.

– Стремя оторвалось. Ребята, привяжите ей стремя.

– Нет, я сама, вы ступайте...

– Как же мы без тебя, черноглазая?

– Здесь одна тропинка. Я догоню.

Офицер заехал на тропинку, где уже нельзя ехать двоим и нельзя никуда свернуть. Налево стена, на которой лежит Ит-Кара, направо обрыв в Катунь.

Солдаты по одному за офицером. Чилтыс спятила свою лошадь назад и слезла...

Кованные копыта солдатских лошадей по тропинке:

– Тук... тук.. тук.

Ит-Кара кажется, что солдаты проезжают так медленно, что Чилтыс не успеет привязать стремя, пока не проедут все ... и так близко проезжают солдаты, что услышат, как бьется у него сердце.

Ит-Кара крепче прижимается к камню грудью и совсем не дышит.

И только когда скрывается за поворотом тропинки последний солдат – Ит-Кара встает и хочет дать знак партизанам:

– В засаду...

А выходит:

– Чилтыс?!

Чилтыс поднимает голову. Лицо у неё радостное. Голос громкий и не пугливый:

– Ит-Кара. Джигит Ит-Кара?!

Она бросает лошадь, быстро обегает с другой стороны стену и прямо на шею Ит-Кара.

Ит-Кара только хочет дать алтайцам знак, а они уже около него. Все на лошадях и винтовки за плечами у всех. Впереди Ахпай и Моткочок.

Моткочок без шапки и лошадь у него вся в пене.

Ит-Кара ничего не понимает. Он плотно сдвигает брови и твердо махнув правой рукой:

– Зачем все сюда? Скорей в засаду над тропинкой. Трое только сюда!

Ахпай еще тверже сдвигает брови и тверже, чем Ит-Кара, машет рукой вниз.

– Скорей за мной! Надо офицерский отряд догнать до Кумулыра и бить сзади. Скорей! – и сам вниз по тропинке. Алтайцы за ним.

– Стойте! Куда! Скорей в засаду!

Отряд останавливается. Ахпай кивает головой Моткочоку и Моткочок диким сдавленным шепотом кричит Ит-Кара:

– Я сидел под полом у офицера. Все слышал сам... Чилтыс целовалась с офицером и просила стада

Тырмака... Чилтыс повела офицерский отряд в Кумулыр. Чилтыс предала нас. Я вырвался... по зеленой горе в Кумулыр... здесь нашел наш отряд.

– Неправда!

Ахпай не дает договорить Ит-Кара:

– Ит-Кара верит богатой девчонке. Она показала офицеру дорогу в Кумулыр, а сама задерживает нас здесь. Солдаты перебыют наших и засядут в кедрах ждать нас... За мной!

И алтайцы уже едут вниз за Ахпаем и слушают только Ахпая.

– Пусть Ит-Кара целуется... Он любит больше девчонку, чем отряд. Губит отряд!..

Как залп у Ит-Кара мысли все сразу.

– Отряд не верит мне... Кого я больше люблю: Чилтыс или отряд?..

И еще самая страшная и самая быстрая мысль: тропинка не загорожена, они скоро вернуться... на чистом месте побьют алтайцев... погибнут все...

– Товарищи! Ит-Кара больше любит отряд!

Алтайцы остановились и все посмотрели на Ит-Кара.

Лицо у Ит-Кара страшное, ровно его снизу поджигают огнем.

Чилтыс смотрит ему в лицо, смотрит на алтайцев. Чилтыс дрожит – это видно алтайцам.

– Не верят мне – Ит-Кара? – и он быстро схватил Чилтыс и поднял высоко над головой...

Чилтыс вскрикнула, схватилась одной рукой за голову Ит-Кара и с шапкой Ит-Кара в руке через тропинку – вниз – в Катунь...

М-м-а-а-а-а!...

Катунь снизу взвизгнула от радости и еще злей зарычала.

Весь отряд быстро к обрыву.

Все алтайцы посмотрели в Катунь и посмотрели в глаза Ит-Кара. Ит-Кара не смотрел в Катунь, он только посмотрел в глаза Ахпаю и крикнул:

– Теперь в засаду!

И первый выстрел навстречу солдатам, которые по одному мчались обратно. Алтайцы видели, как поперек тропинки упала мертвая лошадь, видели, как о мертвую споткнулась другая – покачнулась и с солдатом в Катунь.

Алтайцы сразу загородили тропинку. Навстречу солдатам залпы...

Солдаты через мертвую лошадь приступом, чтобы прорвать засаду... Тогда сверху грохнул камень. Грохнул на тропинку, смял солдата и вместе с солдатом загрохотал в Катунь. За ним другой, третий...

Каменный грохот.

Выстрелы.

Стоны...

XI

Солнце подожгло небо и спустилось за горы. Небо погорело только снизу и потухло... Вдали, в потемневшем небе таят горные хребты. Сначала далекие, потом ближе. В потемневшем небе зажигаются звезды. Сначала немного, потом больше...

Над головой у Ит-кара тихо шумят деревья. Внизу, в серых утесах глухо рычит Катунь.

Ит-Кара один и ему кажется, что там, внизу, бешеные старухи мучают Чилтыс. Чилтыс плачет и проклиная Ит-Кара. Бешеные старухи мучают Чилтыс, а над Ит-Кара смеются. Смеются и хвалят Ит-Кара:

– Дождлся Чилтыс... Чилтыс без обмана... Только у Ит-Кара вышел обман... Хитрый обман...

Ит-Кара тихо – не голосом, не глазами – сердцем заплакал.

Снизу протяжно заиграла губная музыка – комыс... Ит-Кара нельзя больше о Чилтыс плакать. Внизу, в долине, собираются вместе три партизанских отряда. Ему надо ехать к ним.

Ит-Кара – начальник.

Илья Мухачев

Чуйский тракт

(Печатается по: Мухачев И. Чуйский тракт. – Барнаул, 1926. – С. 3–4)

Годы падали, как эти камни,
У подножья синеватых гор
Не забудет были стародавней
На неё лишь раз взглянувший взор.

По хребтам, где кружева туманов,
И не гулок дня червонный вспых,
Прогоняли гуртами баранов
Скотогоны в куртках голубых.

По камнистым да шершавым склонам,
Словно звонкий ветер вдалеке,
Рассыпались песни скотогонов.
Замирая грустью вдалеке.

Не от тех ли всклоченных баранов,
Как от жира ляжки жеребца,
Распухали золотом карманы
Краснобая чуйского купца?
Не купцу ли с хмельного дурмана,
Ослабев на сердце и язык,
Отдавал первейшего барана
За стекляшку светлую калмык?

Ой, житье купецкое – малина!
Для тебя ли был такой простор;
Тучами по склонам, по долинам
Шли бараны на купецкий двор,
Но с тех пор прошло дней сивых много,
Красный ветер здесь провеял пыль;
По надбездным пасмурным дорогам
Зацвела совсем другая быль.

Не забыл лишь были стародавней
На неё лишь раз взглянувший взор,
Годы падали, как эти камни
У подножья синеватых гор.

ХАН-АЛТАЙ

(алтайская народная песня)

(Печатается по: Сибирские огни. – 1926. – № 3. – С. 81; пер. П. Казанского)

Когда я сверху гляжу, –
Треуголен ты, Хан-Алтай.

Когда я сбоку взгляну, –
Многогранен ты, Хан-Алтай.

Коль брошу издали взгляд, –
Свил ты в плеть хребты, Хан-Алтай.

Из бурых сукон наряд
Стелешь в осень ты, Хан-Алтай.

За наш Алтай дорогой
Много льется крови людской.

Сосна в смолистых ветвях,
не падешь ли сломлена ты?
Величья полный Алтай,
Сохранишь ли ты от беды?

Ветвистый кедр в горах,
 Не падешь ли вырванный ты?
 Красотой одетый Алтай,
 Сохранишь ли ты от беды?

Порфирий Казанский

АЛТАЕЦ

(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1926. – № 3. – С. 82)

На грязном теле – шубы мех,
 Монгольской трубкой заткнут рот,
 А в дымной юрте – самовар...
 В душе страданье: страшно всех.
 В глазах опаска: кто придет?
 В мозгу – грозящих слов кошмар.
 Эрлик, просящий таилги⁵⁷...
 В грозе Бурхан, идущий в край...
 Крестом грозящий бог чужой...
 «Идите, братцы, в казаки!...!»
 «Всех тонконогих избегай!...»⁵⁸
 «Да здравствует советский строй!...»
 Смутилось эхо синих гор:
 Которым откликом греметь?
 Чью правду вниз аилам слать?
 Шумит кругом людской раздор,
 С церковью набатом стонет медь,
 Ключом кипит степная гладь,
 И бьются волны об Алтай,
 Крушат граниты, рвут леса,
 И мощно новое растет...
 И он не знает, где же рай?
 Кто враг – земля иль небеса?...
 И жизнь идет... И смерти ждет

Тонжан

ЛЕНИН НӨКӨРГӨ КОЖОН

(*Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот*. – 1926. – № 32)

Ак бичикке баштаган
 Ада Лениннын ак жангы.
 Ачык јолго баштаган
 Алкышту Совет башкару.

Алдыбысты баштаган
 Ада Ленинге баш болзын.
 Амыр јүрүмге баштаган
 Совет јанга баш болзын.

Акту јолды баштаган
 Ада Лениннын билгири.
 Амыр энчү јуртаткан
 Совет јаннын ийдези.

57. Эрлик – злое божество, таилга – кровавая жертва.
 58. «Тонконогие» – русские. Это – завет бурханистов. Примеч. автора.

Чактын чакка үренер
Ада Лениннын үредү.
Качан да болзо ундыбай
Оок өскүрүм үренер.

Уретпегенге үреткен
Совет јанта баш болзын.
Билбегенди билдирткен
Башчыларына мак болзын.

Башкарып турган башчыларыс
Узак чакка башкарзын.
Оору-јоболго алдыртпай
Узак јүрүмдү болзын.

Николай Каланаков

*Тексттер јуунтыманг алынган:
«Алтайдын эн баштап үренер бичиги»
(М., 1926. – С.31, 86)
АРЖАН СУУ*

Кебезенде јаткан
Согонок деп кижн удаан ооруды.
Эки буды оору болды.
Базып албас болды.
Јазылбазын билди.
Абаган бажында аржанга барар –
деп јөпсинди.
Эмегениле атана берди. Эки конды.
Эки тайга ашты. База бир конды.
Аржанга јеттн. Сууга кирип отурды.
Суу јылу эмтир. Аайы јок терледи.
Аржанга бир ай јатты.
Сууга алтан беш катап терледи.
Эки буды јазылды.
Эмегениле айлына јанып келди.
Ижин эдер болды.
Керегин башкарар болды.

АЛТЫН КОЛ

Алтай ичиндеги көлдөрднн эн јааны – «Алтын» көл. Ол көл Алтайдын кунчыгыш јанынан. Онын сыны тогузон чакырым. Тууразы, јалбак деген јери – сегис, тогус чакырым. Теренн кажы бир јеринде, јус јетен кулашка једет. Эки јанында јылым кайа-ташту бийик туулар турат. Алтын көлдө јүзүн-јүүр балык бар. Тууларында ан көп. Көлднн бажына Чолушманнын суузы кирген. Анда телеҥит улус јуртап јат. Алтыгы учынан Оённнн суузы агып чыккан. Анда јуртаган улус туба ла кумандылар.

Ак туманы јайылган,
Алтын көлднн јаражын!
Албатызын азыраган,
Онын балыгынын гатузын!
Туйук кара јыш буткен,
Тууларынын јаражын!
Турган улузын азыраган,
Турмуу анынын семизин!

ЛЕГЕНДЫ ПЛЕМЕНИ ТУБА

(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1927. – № 2. – С. 53–54)

Время, когда скрип телеги русской впервые схватило горное эхо – давнее. Пригорок за пригорком, долина за долиной зеленеют зреющим хлебом. Все дальше и дальше – к белкам – уходят дымные юрты, чтоб уйти, наконец, в предание. В цветисто-гортанную речь все чаще и чаще вплетается крепкое русское слово... все больше меж юрт голубелось крестов.

А теперь, когда зык красный звенит над Алтаем, когда воюют красное знамя с бубном шаманьим – скоро, скоро это время будет, когда из нежно-гортанных песен навсегда уйдут азиатская лень и безысходная тоска. Не закачаемся под хрип топшура в конусной юрте, где старый алтаец тянет всю ночь ветхую сказку, тянет длинную, мшалую нитку легенд.

Скоро, скоро то время будет, когда не увидим мы чадного тоя, не взглянем в глаза лошади, полные боли и слез глаза, раздираемой в жертву Эрлику. Это время близко.

Ибо, как же могут ужиться трактор с шаманом.

Алтай умрет.

И на месте его будет другой. Новый. С новым ритмом, новыми мыслями и желаниями.

И вот для этого нового – старое надо запомнить!

Ради нового надо бросить на бумагу и богов, заплесневевших, как старые сосны, и пьяные песни свадеб, и многое другое.

Ради нового это делаю – я...

Алтын-Коль – озеро Телецкое

Давно – не было озера.

Давно – долина была – широкая, зеленая.

Много на долине кедров, цветов. Маральник на долине – алым пятном по веснам...

Жили богатыри.

Один на горе – другой на горе.

Ровно...

Хорошо жили.

– Одна беда: чья долина?

Белые чашки тянули цветы долинными веснами – спорили богатыри.

Кочмой белой укрывалась земля зимами – спорили богатыри.

Гукали кедровки, лисье следов веревочку по снегу тянуло, медведь яму рыл. –

Надумал богатырь и сказал другому:

– Девять дней, девять ночей не говорить «уй» (женщина). Скажет кто – другого долина...

Заяц серый стал, и хвост у лисы пушистый стал, и кедровки приветливо зашумели.

Ходят один к другому богатыри, уй не говорят.

... Утром одним сошлись богатыри. В долине сошлись.

Манят кедровки – шша... шша...

Манит речка – буль... буль...

Манят горы ущельями темными.

Пошли к кедре.

А там сидит женщина – пальцами смуглыми струны топшура перебирает.

Очи женщины – черней лисы чернобурки...

Голос женщины – приятней кедровки шелеста...

Руки женщины – быстрее марала легконогого по струнам бегают...

– О, уй! – оба разом...

Ударил женщина топшуром о скалу – исчезла.

Беда пошла:

– Молнии изломом горы стянули.

– Гром шумом долину заполнил.

– Зверье заревело.

– Птицы зазвенели – тьма из ущельев в долину.

А когда утром глянули вниз богатыри с гор – вместо долины озеро билось волнами о камни.

ОЙРОТИЯ

(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1927. – № 3. – С. 90)

Ловят дальнее эхо уши,
Кротких елок взволнованный шум.
Я пришел, чтобы здесь послушать
Синим вечером твой топшур.

Только ты, по-дикарски гордый,
В этот час себя не волнуй.
Спит Ойротия, край угорный,
В теплых брызгах закатных струй.
Я скажу тебе, черноглазый,
Хоть играй ты мне, не играй,
Что не хуже вершин Кавказа
Этот хвойный, зеленый край.
Вот смотрю я, и сердце радо,
Взоры пьют золотое вино.
Лучегранные кольца радуг
Отражает речное дно.

Белый парус качают дали,
Сизый морок ползет по горам.
Хорошо, забывая печали,
К васильковым идти берегам.

В сетке марева дремлют мысы,
Кто их тут и когда ласкал?
Ветер, волосы кедру залысив,
Лижет смуглые щеки скал.

Ловят дальнее эхо уши,
Кротких елок взволнованный шум.
Я пришел, чтобы здесь послушать
Синим вечером твой топшур.

Только ты веселее грянь мне
В пестром шуме пихтовой глуши,
Чтоб почуяли эти камни
Боль и радость чужой души.

Алексей Тазыяков

АКТАРДЫН МЕКЕЗИ

(1921 ле 22 жылдардагы јүрүм)

КУУЧЫН-ОЙЫН, 3 БӨЛҮКТҮ.

(Кепке базылган айынча: *Актардын мекези*. – Улалу, 1927 жыл. – 28 с.)

1921 жылда. Јайгыда кызылдардан качып, Мендеш деген кижини бәзөктин бажына тайгага көчүп чыкты. Ол Мендештин балдары 6 болгон, јааны 18 жашту кыс, ады Сырга. Оскөзи оок балдар, кой күдетен бир 13 жашту уулчак бар болгон, ады Бокту. Ол айылдан ыраак эмес, бир 4 чакырым жерде, бандиттарла жуулажып турган кызыл партизандар турган, ол партизандар ортозында Санаш деп, бир јаш уул болгон, ол уул Мендештин кызын Сырганы алар болуп эрмектежип турган. Бандиттардан кандый ла табыш укса, партизандарга јетирип турган.

Баштапкы бөлүк.

(Мендеш бала-барказыла, база бир Сары-Јаак деп кижини, экинчиси Куран деп кижини ол айылда отуры).
Мендеш. Бу кызылдардын солдаттары айылдын јанына келип јаткылап алала, кижиге амыр бер-

гилебей турулар. Ол бистен качып турган көөркийлер, аш-курсак жок кыйналып турган болбой кайтсын?

Сары-Жаак. Ол көөркийлер бисти бу кызылдардан айрып алар керегинде турушкылап жат. Бистинг уулдар ологго ылтам алдырбас болбой, Чуй ичинде Карман черүлү туру, Кайгородов Оймондой ло Кан-Жабаган жаар барды, байла, кызылдарды бүртүп түжер болбой?

Мендеш. Байа түнде Карманнын карындажы Товар келип жүрген, онын куучыны болзо, Иркутте кааннын карындажы Макайла каан болгон, эм Иркуттен бери жуулап келетен деп куучындады.

Сары-Жаак. Же карын, бу кызыл ийттердин тындарын кыйгылар эди. Кижн амыраар эди.

Сырга. Кызылдар слерди амыратпай канайып туру, бойыгардын жаманыгар учун амырабай жадыгар. Бир аай кызылдарга болушкан болзогор, бу качып турган немелердин ончозын туткулап алар эди; слер оморды жажырып, ологго болужып турганарда, шакпырт болбой кайдар. Олог ойноп жүрген эмес.

Мендеш. Сенде эрмек жок. Јаш бала жаан улустардын эрмегинин ортозына не кирижер, ондо ло аяк-казанын күдүп отураар керек.

Сырга. Слер жаан да болзо, эрмегер тескери учун айдадым. Је ондый да болзо, актар слерди мекелеп, азык-түлүк аларга јат.

Сары-Жаак. Је акыр, балам, менин сөзимди ук: кызылдар озо баштап келерде, алтай улусты тоногон до, өлтүрген де, оны не деп айдарын?

Сырга. Тоногон, өлтүрген болзо, алтай байа бойынын жаманынын керегинде ондый болды. Ол Сатуин ла Кайгородовтын мекезине кирбес керек болгон. Бир эмеш албаты, Орустын калын журттыла канайып жуулажар болуп, ологдын мекезине кирер. Слер мылтык алып жуулашпаган болзоор, ондый болбос эди.

Мендеш. Сырга, мен сеге айтпай кайттым! Сен јаш кижн, неменин аайын билбес, тегин эрмекти не айдарын, жаан улустын ортозына не кирижедин. Нени көргөн, нени уккан болуп куучындайдын?

Сары-Жаак. Эмдиги балдар ондый ийне, жаан улустарга эрмек айттырбас.

Сырга. Слерди эрмек айтпагар деп турган кижн жок. Эрмектенер болзо, немени төзинен бери шүүп эрмектенер керек. Слердин эрмегер бу качып жүрген качкындардын төгүни, мекези.

Куран. (Улустардын эрмегин тындап отурала, айтты):

Мен сананып отурзам, бу баланын эрмеги чын! Актар бисти мекелеп, азык түлүк ле аларга јат. Озогы антарылган каан эмди кайдан келзин, ол ончо төгүн.

Мендеш. Айдарда, слер Товардын айткан сөзине бүтпей туругар ба? Олог качып та турган болзо, айландыра тил алыжып јат. Бу кызылдан нени көрөлө, ологды јакшызынып турар?

Куран. Кызыл да биске жаманын јетирген жок. Кижн өлтүрген болзо, удурлажып жуулашкан кижнлерди өлтүрген, качып турган бандиттарга азык берип, тил јетирип тургандарды өлтүрген. Озогы байлар, бий-каан болуп турган јайзандар, байла, бисти бандиттар айрып алар, озогы аайынча јокту-јойуны кыстап, јип жүрер болорыбыс деп сананып, бандит гарды тындыл турган болбой кайтсын?

Сырга. Ол өбөгөннин аяканы чын.

Мендеш. Сени унчукпай отур деп сеге канчазын айдар? Эмди ада-эненнин сөзин укпаса отурын ба? Онойып барза, коомой неме болор болбой!

Сырга. Је мени канайып ийеригер, сөзим укпады дезе, жаан болзо сүрүп ийгейигер база. Эм кызылдын јанында кижн согор јан жок болуп јат.

Куран. Мен бу жуукта жүргем, ондо куучындап турган куучынды угар болзо, кандый јакшы: озо байлар, јайзандар, бийлер јокту-јойунын күчиле јаткан. Јокту кижн јон ортозына эрмек айтпайтан; билер де болзо айтпас, бай ол эмезе јайзан сагыжы једикпес те, эрмеги тескери болзо, ол айдар учурлу болгон. Эмди ондый эмес, байла, бийде үн жок; јокту кижн эрмек айдар учурлу, база үй кижн эрмекти айдар, јамыга турар учурлу. Эмдиги башкару јоктулардын башкарузы.

Мендеш. Је, көрөрим слердин бий каан болуп турганыгарды!.. Карын кадыттардан јайзандар тудуп алзаар, бир сүрекей неме ондо болор.

Сырга. Кадыт кижн кижн эмес пе, эр улустарла түнөй сагышту; јакшы сагышту үй кижн эр кижнден артык башкараар.

Мендеш. Эмди јайзан бий болойын – деп, ада-эненнин сөзин укпай отурын ба! Барзан, сени кем тудуп туру? Јымжай калым берген катым дезе, некеп алгай!

Сырга. Калым јизин деп слерди кем айткан?... Јаш баланын аракызын ичсин, сатсын деп кем слерди айбылады. Јымжайга барар күүним жок. Калым јиген кижн бойыгар төлөп бергейер.

Мендеш. Мынды кижнин сөзин укпас көрмөсти, канайып ийер. Кызыл деп неме табылган, озогы јанды үреп, бусты. Бала-барка да кижн сөзин тообос болды.

Сары-Жаак. Ондый ла неме болды.

Куран. Бу мында бир качкын көрмөстөр бар, ологдын керегинде јон шакпырап јат. Солдаттар жүрүп, канча аг барып јат. Көрмөстөрдн ончозын тудуп алатан болзо, јон амыраар эди.

Мендеш. Бандит-көөркийлер сени амыратпай канайып туру? Тууда-ташта качып жүрген улустар-

ды не жамандаар, айткылаар.

Куран. Айткылаза кандый, олордын керегинде түймеең болуп турганы төгүн эмес; слердин олорго болужып, ачынатанар жок.

Мендеш. Сен отуруп алып, кызылдардын адаанын не алып отурын; Куран? Бу ийт сырангай ла кызылдардын ичи-бууры болуп берилтир. Кийинде көрүш кейибис.

Куран. Сен тегине ле јерге ненин учун ийт деп айттын? Сен озогызына бодол отурган болорын ба? Јок, эмди ондый јан јок эмей! Байа ла мен дейле, кижини табына айдып алатан.

Мендеш. Былыраба ийт, менин айлымнан ары чык! Сендий ийтле эрмектежер күүним јок. Бандиттарга айдып, сендий немени аттырып салар керек.

Куран. Та, кемибис аттыратан болбогой көргөйлө! (бойы чыгып алып, јүре берди).

Мендеш. Бу неме кызылдарына барып коптонол ийеле, чындап, кижини өлтүрил салбазын. Сагыжы башка, менин база башка. Онын учун меге олокло кожо јадарга күч болуп јат.

Санаш. Онызын билип турум, экем. Је канайыл ийер, анча сакубаган эмес, бу јайына сакузан, көөркийим!

Сырга. Сакуза, канайыл калзын. Эм тургуза сен мында јуук турун, күнүн сайын туштажып јадыбыс; өскө ыраак јерге барзан, сенин эзен амырынды укпай санааркап өлүп калар кижини болбойым.

Санаш. Је акыр, экем, улустар бисти көргилеп туру, узак турарга болбос, бистин јааныбыска баралык, көргөн укканынды айдып бер. Ол бис экунинг нак јүргенибисти билер.

Сырга. Ол кайдан билер, сен айттын ба, көөркийим. Је кем де билзе кайдайын, јаңыс ла сени көргөмдө, өскөзи меге бир де немеге бодолбойт.

Санаш. Онын ончозын мен билип турум. (Јаанына келгиледи). Бу баланын ады Сырга, адазы Мендеш деп кижини. Слерге көргөнүн, укканын айдарга келди. Је Сырга, куучындап бер, командир бойы тил билер.

Командир. Слердин айылда не табыш бар? Кижини көрөр, уккадый не бар?

Сырга. Табыш јок. Кижини де көргөдий, уккадый неме көрбөдим. Байагы тунде Карманнын карындажы Товар деп кижини келип барган. Куучыны Иркутте Макайла деп кижини, озогы кааннын карындажы каан болгон, эм ононг бери кызылдарды јуулайтан – деп куучындады, база Кайгородов Кан-Јабаган јаар барды, Чуйды төмөн Карман тужетен. Кадын ол јанында Семенек деп кижини отрядту – деп куучындады.

Командир. Товардын отряды канча кирези, оны айтты ба?

Сырга. Јок.

Командир. Турган јери кайда, оны айтты ба?

Сырга. Ийнекейдин бажында, тайгада – деп айткан.

Командир. Товар слердин айылга база келерим деди бе?

Сырга. Бүгүн тунде келип, эт-азык алатам деген, та бойы келгей, та кижини ийгей, онын јартын јакшы билбей турум.

Командир. Кайгородов Кан-Јабаган јаар качан барган, канча конгон оны айтты ба?

Сырга. Байа тунде эки конгон деп турган.

Командир. Курманнын отрядында канча кижини бар деп айтты?

Сырга. Онын тоозын укпадым.

Командир. Семенек Кадыннын ол јанында, кайда туру деп куучындады?

Сырга. Вий суунын бажында – деп айткан.

Командир. Карманын тужерин айтты ба?

Сырга. Кайгородов Кан-Јабаганды алып ийзе, ол тужында Карман бу төмөн тужул, Хабаровка ла Ондойды јуулайтан. Семенек деп кижини Чамал деп јерди барып јуулайтан – деп айтты.

Командир. Санаш бери кел, взводный командирге айт: 20 кижини бүгүн тунде Мендеш айлына келген бандиттарды каруулдап тударга белен болзын; тун кирзе ле атанар. Ононг башка Ондойго бичик алып барар бир кижини чыгарзын. Онын кийинде бу баланы үйдежил сал.

Санаш. Је, кайтсын.

Командир. Је Сырга, эм јаан улустарын сени таппай калбазын. Бого келип барганынды билгилеп алза, олокло сего ачынар. Онын кийинде сени бери божотпоско каруул салар, ол эмезе бандиттар биллип алза, сего јаман болор.

Сырга. Је өрөкөн, бандиттардын мекезине кирип алала, бойынын тенегиле олокло болужып јат. Мен слерден сурап турум, оны тын катулабагар.

Командир. Корукпа, адангы катулабазабыс, сенин эткен јакшын учун. Јакшы болзын. Мен барып уулдарымды башкарып көрөйин.

Сырга. Је, јакшы болзын, өрөкөн! (командир чыгып алып, јүре берди).

Санаш. Је Сырга, мен бүгүн ары-бери барбазым, командир сени үйдежил сал деген. Олокло 20 кижини бүгүн слердин айылды каруулдарга барар. Көрмөстөрди тудуп алза кайдат.

Сырга. Мен ундып салтырым, командирга айдар керек болгон. Бандиттар келзе, мен одын эш алып жүрген кижиге болуп, эжикке чыгып, јөткүрүп ийзем, ол тушта јарт – келгени ондо болор.

Санаш. Акыр, мен командирга барып айдып салайын (јүре берди).

Сырга. (Јаңгыскан тура калала). Бу бир бандит деп көрмөстөр табылган, Санаш көөркий озорло јуулажар деп жүрүп, канайып-канайып олуп калза, ол тужында менде жүрүм јок. Кайран көөркий, качан экү табышкайыбыс?

Санаш. (Ойто келеле). Экем, сен жаңгыскаи туруп алып нени эрмектенип турун?

Сырга. Је, көөркийим, оны угуп алып кайдарын.

Санаш. Барак, мен сени эмеш үйдежип салайын.

Сырга. Је, барак. Акыр, сен меге эмеш куучын айдып бер, мен сурайын, сен меге јакшы јазап ончозын айдып бер. Айыл ыраак эмес, мен јана бербей.

Санаш. Нени сурайын деп турун, экем, айт, билгедийимди куучындап берейин.

Сырга. Эмди албаты-јонды башкарып турган башкарунын ады-јолы не? Ол меге керек, ада-энеме де, туура да улустарга куучындарга. Мен бандитка да куучындарым, мен озордон бир де эмеш јалтанбазым.

Санаш. Эмдиги башкару јоктулардын башкарузы, байлар билер эмдиги башкару да јок. Озогы кижиге јийтен јутпалар эмди токтогон. Эмдиги јанда кандый ла кижиге тунгей, орус тилле «товарищ» деп айдар, алтайлап – «нөкөр». Эмдиги башкарунын ады Рабоче-Крестьянский деп башкару, албатынан талдалган улус турар учурлу, кандый ла керекти озор јөптөжип бүдүретен керегинде «Совет» деп айдар.

Сырга. Эмдиги јанда кижини албанла кижиге берер, албанла кижиге алып берер јан бар ба?

Санаш. Ондый јан јок. Озогы аайынча јаш баланын аракызын ичип, калым алар јан јок. Кыс бала кууни јеткен кижиге барар, уул кижиге кууни јеткен кижиге алар. Албан ла беретен јан јок. Уй кижиге канайда ла јүрейин дезе бойынын табы.

Сырга. Айдарда, ада-энем, мени албан ла јылмайга берип болбос туру, көөркийим! Мен коркып жүргем, кижини санаазы јетпес кижиге бергилеп ийбезин, эмди коркорым јок.

Санаш. Эмди бисле јуулажып турган бандиттар, бийлердин, байлардын јалчылары, озордын мекезине кирип алып јуулажып јат. Ол бандиттарга туштап, неменин аайын, јакшы јазап куучындап берзе, озор санаалу улус, сагыш алынар эди, кижиге озорго туштаарга да болбос, көрзө лө адып киргилегей бергей база.

Сырга. Озор бистиге айылга јаантайын жүргүлөп јат, мен озорго куучындап көрөйин, кайткай эмеш.

Санаш. Кайтсын, көөркийим, сени балшамнак (большевик - ред.) деп көргүлөбөй баргай база.

Сырга. Керек бар ба, озордон коркуп турган кижиге јок. Мен бу јан учун, озорло туружарым ла, не болзо ол болзын.

Санаш. Сен ойинен өтпө, көөркийим, јаан сагышту немелер, сени канайып-канайып салбазын.

Сырга. Канайып ийер озор мени?

Санаш. Өлтүрүп те салар, тудуп алып, кыйнаар болзо кайдарын?

Сырга. Өлтүрүп салардан башка. Мени алып барып, не эдер, бойларына ла чаптык болбой база.

Санаш. Јаман сагышту немелер нени этпес деп айдар, нени де болзо кылынар.

Сырга. Је, коркыба, көөркийим, чеберленейин. Акыр, эмди јанар керек, чала удай бердим ошкош, уй-сай келип, бозулар эмип салбазын.

Санаш. Көөркийим, экем, сени божодор кууним јок. Канайып ийейин, јангайын база!

Сырга. Менин де сенен айрылып јанар кууним јок. Бу бандит деп көрмөстөр эмес болзо, мен сенле кожо слердин айылга јүре берер эдим.

Санаш. Је, анча шыралагаган, кыйналбаган эдибис, база бир эмеш кыйналып, кунугып жүргейибис!

Сырга. Је, јакшы болзын, көөркийим. Эмди качан туштажарыбыс?

Санаш. Та, билбей турум. Командир божотсо, слердин айылга барарым. Бис экунинг алыжарга турганыбысты сенин ада-энен билер бе?

Сырга. Јок, билгилебес.

Санаш. Ондый болзо, эртен мен слердин айылга барайын. Јакшы болзын, экем, јан, улустарын чугулдажа бербезин. (Окшожып јат, Сырга кайа көрө-көрө барды, Санаш кийнинен ары көрүп туруп калды).

Көжөгө

Учинчи бөлүк.

Санаш. Эртезинде энгерде Мендештин айылына барды. Ол айылда Сары-Јаак, Күпчек, база 4 кирези кижиге отурды.

(Санаш айылга киреле, айылдын эзиле, ондо отургандарла јакшылашты).

Мендеш. Бу бистинг бир кезик алтай уулдар та канайып калган немелер болбой, кызылдарга кожылып алып, бойынын алтай улустарыла жуулажып турар?

Санаш. Слер, брөкөн, немени тескери шууп эрмектенип отураар.

Мендеш. Эмди кызыл болуп алала, неме билер сүрекей эр мен деп отурган болбой кайдаар?

Сырга. Слер ааја, эрмектинг аайына чыкпай, ол кижиги эрмек айткалакта, кижининг үсти орто баспагар.

Мендеш. Сен база улустын эрмегининг ортозына кириже берген бедин? Унчукпай отур.

Сырга. Је, унчукпайын, тегин эрмектинг аайын айттым, кижининг эрмегин сагыбай үстү орто барарыгарда.

Сары-Јаак. Мендеш өбөгөн, не-неменинг јартын айдарда, Сырга ортозына кириже берди. Туразынан угарга да јаман, оок балдар јаан улустардын эрмегине киришкенде.

Сырга. Слердинг де кирижерер јок. Слерденг эрмек сураган кижиги јок.

Санаш. Је, акыр, өбөгөн, слердинг ачынарар јок. Менин кызыл болгоным төгүн эмес; кызыл эмес болгон болзом, мен бу качкын-баскын, актардын јалчылары бандиттарла жуулажып јүрбес эдим. Слер чуулданбагар, мен кызылдын учурын слерге јазап айдып берейин.

Мендеш. Јок. Сенин төгүнинг, сенин мекен угар кижиги јок.

Сырга. Ол кижиги эрмек айдайын ба деп сураарда, не болбой отураар? Онын эрмегин уксаар, слердинг кулагар үзүлип, түжүп калар ба.

Мендеш. Је, акыр Сырга, бу сен кайткан бала болотон. Кижиги сөзин укпас. Сен онойып отурып, меге кыскашла бажын јага соктырып алдын!

Санаш. Сырга, сен јаан улустарла арчашпа. (Тышкары ийт үрди, Сырга чыга јүгүрди, айтты). Баа, көрмөстөр келип јат. (Бойы јок болуп калды. Сырга кой күдүп јүргөн Боктуга барып айтты). Сен капшаай төмөн барып, кызылдарга айт, бистинг айылда бандиттар келген. Санашты тудуп алган деп айт. Капшаай бар, мал турбай неге барар. (Бойы ойто айлына келди. Айлына кирип келеле, көрө, Санашты тудуп кулуп алыптыр).

Мендеш. Сырга, бу айылчылар келди, капшаай казан ас, көөркийлер аштаган болор.

Сырга. Казан аспазым, азар болзо, энем аскай ла, айылчы кижиги былардый болор ба, айылга киреле, тегин отурган кижини тудуп, күлүп салатан. Кылыктары јаман бу ийттердинг!

1-кы бандит. Бу бала бу бир кызыл көрмөскө не болужат. Мында, байла, бир неме бар болор.

2-чи бандит. Ондый кадыттарды ончозын адып салар керек.

Мендеш. Бу бала бойынын тенегиле куучындап отурбай. Слердинг ого ачынарар јок. Сен, Сырга, унчукпай отур.

Сырга. Адар болзон; адып сал, сененг коркор кижиги јок. Эмди мылтыгынга мени коркыдайын деп отурын ба? Ондый ла белен коркор кижиги јок болбой!

Мендеш. Сен Сырга, былырабай, казанын ас.

Сырга. Аспазым (чыгып алып јүре берди).

1-кы бандит. Ол бала сүрекей јакшы бала болгон, бүгүн канайып калган болбогой? Бу бир кызыл көрмөскө болужып, чугулданып турган болбос по?

Мендеш. Је, онын, тенек неменин эрмегин, база эрмекке бодол туругар ба? Бойынын тенек сагыжыла онойып јүрбей. Эмеген, казан ас! Бу улус аштаган болор, јерде качып јүргөн улус, тойо ажанып јүрү деп отурын ба?

(Эмегени казан асты. Бандиттардынг бир јааны Санашты шылап туру).

1-кы бандит. Сен, Санаш, сагыжынга не кирерде, кызылдарга кожылып алып, бисле жуулажып јүрин? Сенин кызылынг неме болбос. Удабас бис слерди бу төмөн бүртүп түжерибис. Бистинг черү тын, бис слерди немеге бодобозыбыс. Кызылынды чачып, ойто каан тударыбыс.

Санаш. Мен жуулашпай кайдайын, эмдиги турган јан – Совет јан, Ишмекчи ле Крестьяннын башкарузы, не ле башкару эмди албаты-јоннын колына кирген. Озогы бийлер, каандар, кижиги јийтен байлар ончозы јок болды. Карын, мен бодозом, слер бийлердинг, байлардынг мекезине кирип алып, ологорго кул болуп, бойыгардын јон албатынын башкарузула удурлажып, жуулажып, јүрүп јадыгар. Бу кайа-ташка качып јүрүп, канчазын жуулажып каларыгар. Бу качышты токтодып, айыл-јуртка јанып, бала-барказын, мал-ажын көрүп, амырап јуртап јадар керек. Је бу слердинг качып јүргенигерден не туза блор, албаты-јонго шакпырт, бойыгарга шыра. Эм кижиги өлтүрбей јат, түжүп јанар керек.

(Санашты шылап турган бандит унчукпай, бажын төмөн салып отурды. Сырга айылга кирди, отурды, өскө улустар ол-бу деп эрмектежип отуры. Сырга улус көрбөс сабазында Санашка имдеди, нөкөрлөринг келип јат деп).

1-кы бандит. Санаш, сөзинг бер, мени өлтүртпезим-деп, мен бөгө кыйналганча, мылтыгымды табыштырала, јанатам. Чын, бис јонго шакпырт эдип јадыбыс, бойыбыска да кыйын.

Мендеш. Бу слер јаан кижиги канайып отураар, кызылдынг мекезине кирип.

1-кы бандит. Јок, меке эмес, мен онын ончозын билеп јүргөм, јангыс өлтүрер болор деп коркуп тур-

бай, өлгүрбес болзо, кем жок түжер.

Санаш. Жок, өрөкөн, өлтүрбес, бойымнын жүрер жажымла антыгып турум. Јанар, слерге удостоверение бичик чийип берер, ол тушта слерге бир де кижиге тийбес.

1-кы бандит. Је акыр, бу көөркийди не кыйнаар, божодор керек. (Санаштын күлүзин чечет).

2-чи бандит. Сен, көрмөс, ол кижинин күлүзин не чечип турун? Эмди кызылга болужайын деп турун ба? Уулдар, бу экүни тудар, экилезин күлүр керек, слер де отурган улустар тудужар.

(Санаш ла 1-кы бандитти күлүүр болуп, ончозы туруп ла чыкты. Ол экү ологорго алдыртпай удурат тудушкалай берди. Онойып, тудужып турганча, эжик ачылып, кызылдар кирди, оны тудужып турган улустар көрбөй калды. Кызылдар киреле, мылтыктарын уулап алды.)

Командир. Колдорыгар өрө көдүригер!

(Санаш 2-чи бандитти маңдайы орто јудурукла саларда, кижиге јерге барып түшти, өскөлөри колдорын көдүрүп тургулап койордо, командир мылтыктарын јууп алды, оокторун айрып алды, кармандарын кодорып кандый ла немелерин ончо айрып алды).

Санаш. Бу бандитка тийбегер, бу көөркий эмес болзо, бу ийттер бүгүн бого мени өлтүргилеп салар эди. Өскөлөрүн та канайып ийетен эдер, бойыгар билер.

Командир. Бис кижиге өлтүрбөй јадыбыс. Тударын тударыбыс, јаандарга табыштырар; ологордын керегин жаргы билер, бурулаза – жаргы бурулазын, бистин жаргы эдип, кижиге өлтүрер жаңыбыс жок.

Мендеш. Сырга, бу улуска казан ассан, ол Боктуды кыйгырар керек, малын бери айдап келзин, мал өлтүрер керек.

Командир. Биске бого чайлап, эт геп отураарга бош жок, бу улусты барып шылайла, аткаар керек. Слер, Мендеш өбөгөн, кожо барар, слерде база шылу бар.

Мендеш. Мен качып жүрген качкын эмес, айлы-јуртымда јаткан кижиге, менде не шылу, не јаман бар?

Командир. Сен, Мендеш, көп эрмектенбе, мен сега айткам кожо бар деп, унчукпай барар ла керек. Мойноор болзон, јаман болор.

Сырга. Слер, өрөкөн, адама чугулданбагар, ол тегин онойып турбай, барбай кайда баратан эди.

Мендеш. Сен, Сырга, улустын эрмегинин ортозына киришпе!

Сырга. Барбай кайда барарар. Мен слерге канча айткам, бу бандит деп немелерле танышпагар, ологорго азык-түлүк бербегер деп, алганыгар ол.

Мендеш. Је, Сырга, токтозон, бу кереги жок эрмекти не эрмектенерин. Баратан болзо, баргайым ла. Командир бойы билгей база, кайдаар эдетен эди.

Командир. Слер, өбөгөн, коркубагар, слерди ары-бери этпезим. Шылайла, ойто јандырып ийерим. Коркороор жок. (Нөкөрлөрине айтты:) Је, товарищтер, бу улусты айдап алып, бистин штабка алып барар, ондо шылу эдер керек, онын кийинде Ондойдын јаан штабына табыштырар. Бу Мендеш өбөгөнди таштабагар. (Кызылдын солдаттары) Мендеш өбөгөнди айдап алып, жүргилей берди).

Командир. Санаш, сен јанарын ба, бого эмеш айылдарын ба?

Санаш. Мен слерге керек жок болзом, бого јада калайын. Байа бандиттары келеле, кижини тудуп алат эмеш пе?

Командир. Јакшы каруулданып турар керек. Көрмөстөр келеле, чындап јаман этпезин. Је, јакшы ајыктанып тур! Јакшы болзын!

(Командир чыгып, жүре берди. Айылда Санаш, Сары-Јаак, Сырга энезиле база бир 3 кирези кижиге артты).

Санаш. Акыр, өбөгөндөр, слер ол бандиттарга болужып, бисти күлүүрге не санандыгар? Слердин ол кылыгар, сүрекей јаман, мен слерге ачынып, оны командирга айтпадым. Онон башка слерди, ол бандиттарла кожо айдар эдим.

Сары-Јаак. Айдудан, өлүмнен кем коркуп туру? Алтай јери учун өлзө дө кайдар, өскө улус түнгей өлүп турбай база!

Сырга. Бу Сары-Јаак өбөгөн сүрекей јаман кижиге! Көрөрдө, јылмайып калган неме, ондо кылык бар. Сагыжы јаман.

Санаш. Сен Сырга, тескери эрмек айдып јадыг. Бистин алтай кижиге бичик билбес, тил билбес, карануй түндий болуп јат. Бичик билер болзо, ол газет эш кычырып, неменин аайын көрүп, отураар эди. Сары-Јаакты да ойинен өткүре бурулаары ок. Ол бичик, тил билер болзо, онойып айтпас эди. Сары-Јаак бандиттан өскө неме көрбөй јат; эрмектешкени жаңыс ологор. Бандиттар кандый ла төгүн-мекени куучындап бергенде, алшыйак немени онойдо шүүп куучындап јат.

Сырга. Неменин аайын билбес болзо, бандит сөзине бүтпей, сельскийдин јуунына жүрер керек, не ле неменин аайын ондо угар. Јуунга барган кижиге, кызыл болгоны ол деп, качкылап туратан да, быларды канайып ийер.

Санаш. Бандиттар бисти јамандап, кандый ла куучын айдып бергенде, бу мындый өбөгөндөр ологор бүдүп, бисти јаман көрүп јат. Албаты-јон учун, чын туружып турган улус бис. Бандиттар слердин азык-түлүк алып јиирге, слерди мекелеп јат. Слер дезе ологордын сөзине бүдүп алып, эмдиге турган ал-

баты-јоннын бойынын башкарузын јаман көрүп жадыгар. Бандиттин жүрүминде узак јок, олор бу алтайга ла айланыжып турала, жылыып калар неме, јангыс бистин алтайга шакпырт эдип, аргып калган малыбысты үзе јигилегей база, оноң башка олордон бир де туза јетпес. Слер, Сары-Јаак олордын сөзине бүтпей, кандый бир билер улустын куучынын угуп, јуунду јерге жүрүп, ондо не куучын бүдүп јат, ишти, керекти канайда башкара деп јөптөжил јат, оны угар керек.

Сары-Јаак. Јуунга канайып жүретен эди, бандиттарыгар билзе, кижини кызыл болдын – деп, өлтүргилеп салбай.

Санаш. Слер олорло јуулажып турган эмес, јуунга жүрген кижини өлтүрөтөн, кандый тенек бандит болгон ол.

Сары-Јаак. Слер мында узак турарар ба?

Санаш. Бу бандиттар божобогончо, бис мынан барбазыс. Је мен эртен јанып јадым. Кече эн ирде Ондойдын штабынан бичик келген, мени солдаттан јанзын деп.

Сырга. (Отурган кижини бойы да билбей калтыр, кыйгырып ийген). Мен кожо барарым ба көөркий?

Санаш. Та, онызын билбей турум, улустарын не деп айтпагай, менин болзо, кожо барар керек.

Энези. Бу көрмөс кайдаар барарын куучындайт. Эм болбосто кызылдын солдадын эзчил, тенийн деп отурын ба?

Сырга. Слердин аракы ичкен јеригерге мен барбазым. Јаш баланын аракызын ичсин деп слерди кем айтты, јымжайды көрөр күүним јок. Калым алган болзоор, адам төлөп бергей база. Эмди озогы албан јан јок, күүни јетпес кижиге кижини беретен. Менин күүним бу Санашта, мен ого барарым. Онон айрылып јада калбазым.

Энези. Сенин табын болбой кайтсын. Сананган сагышла жүре беретен. Адан не деп айдар. Адан уккан кийнинде, сени аттын камчызыла сойор. Албаты-јоннон биске уят. Балазы кызылдын солдадын эзчий берген деп айдар. Мен ондый немени укканча, торт өлүп каларым, онын уяадына кем чыдаар.

Санаш. Слер өрөкөн, ачынараар јок. Сырганын айтканы чын, је ондый да болзо, јетире айдып албай отуры. Эмдиги јанда эр-кадыт деп ылгайтаны јок, кандый да кижини болзо, керекке турар, онын устуге, озогы чакта јаш баланын аракызын ичеле, калымын јийиле, јаанап келген кийнинде, баланын күүни јетпес те болзо, албанла байагы аракы ичкен јерине берип ийетен. Эмди ондый калым јиир, албанла эрге берер јан јок. Јаанап келген баланын бойынын күүнинде, талдап алган кижизине барар учурлу.

Энези. Сенде не болзын, кадыт аларга отурган кижиде. јүзүн-јүүр јан, закон таап куучындап отурбай кайтсын.

Сары-Јаак. Је слердин де кыйыжарар јок эмитир. Сырга бу уулдан айрылбас. Кожо барары јарт көрүнүп отуры.

Сырга. Бу Сары-Јаактын сагыжына не кирерде, биске болужып отурын не? Јок бу тегиндү эмес.

Сары-Јаак. Бу бандиттарды таштап, кызылдарга нөкөр болотом. Чындап, бандиттар бистен азык-түлүк аларга бисти мекелеп јат. Эмди онызын јарт таныдым. Мынын кийнинде олор јаар болор кижини јок.

Мендеш. (Онойып отурганча, Мендеш кирип айтты) Бу командир неменин ончозын билер эмитир. Бистин айылга Товардын качан келгенин, нени куучындаганын, канча кой, азык алганын, ончозын билер. Мени шылаарда, јажырып куучындарымда, айтты: «Сен, өбөгөн мекелебе, јаман болор, керек мындый-мындый болгон». Айдарда, барар јер јок, ончозын јараштыра куучындап бердим.

Энези. Бандит-сандидын сандразын сенин, бу отурган Сырга деп кызын ол Санаш деп уулла кожо барарга отуры. Сенин кичеегенин бандит ла, айлы-јуртынды, бала-барканды јакшы башкарбас, табына салып ийген, эм алганын ол. Албаты-јон, кызын кызылдын солдадын эзчил жүре берди деп айдар. Ол тужында уялбай, јон ортозына канайып жүрерин?

Мендеш. Нени айдадын, мен аайына чыкпай отурым?

Энези. Ол отурган Санаш деп уул эртен отрядтан божоп јанатам дийт. Сырга кызын мен Санашла кожо барар кижини, оноң өскө кижиге барбазым дийт. Эмди экү бүгүн төмөн штабка тужеле, эртен оноң ары баратан дежет.

Мендеш. Сен Сырга, јүүлбе, карый берген ада-эненди уятка салба, ол ондый тап јок, бала кайдан келген, кижини ле көрө, эзчий беретен.

Сырга. Мен кижиге барзам, слер оноң не уялалып туратанар? Ондый уятту неме болордо, слер менин аракымды не ичкенигер?

Мендеш. Ичетен јанду немени ичпей кайдар. Бала болзо, аракызын ичкен јерге барар учурлу. Ол озодон турган јан, ондо уят јок.

Сырга. Эмди јанда кууни јетпес кижиге кижини албан ла бербес јанду. Албан ла кижини кижиге берген кижини, калым јиген кижини, законло аргага кирер учурлу.

Мендеш. Баланын калымын јибесте, тегине ле оны не азыраар.

Санаш. Кижини садар јан јок. Ол мал эмес. Ошкош кижиле түнгей кижини. Акыр, күн ажып браат ошкош,

эмди жангын көрөр туру.

Сырга. Мен сенен јада калбазым, кожо баратам. Мен сен јок јүрүп болбозым. Буурым түгенип, өлүп каларым.

Санаш. Је барар болзо, баралык! Менде туруш јок.

Мендеш. Бу экү јуўле берген болбой!

Сырга. Јуўлген кижн јок. Јурт конорго брааткан кижн, јуўлгек кижн болор бо?

Мендеш. Јок, неме болбос. Бу экүнинг кылыгын барып, командирге айтпаганча (чыгып сала берди).

Санаш. Је Сырга, шыйдын, баралык, күн ажарга једе берди. Байа бандиттары келип, кижн туткулап албазын.

Сырга. Је, улус меге неме берер эмес, бу кийип отурган тон-өдүккө ле баргайым база. Је, јакшы болзын эне, слердин сөзигерди укпады деп, меге чугулдабагар (Ончозыла эзендешти, энези колын бербеди).

Је колыгарды бербездер, канайып ийейин. Је, Санаш, јүрелик! (Экү чыгып јүре берди).

Энези. (Отурып калала, бир канча болгон кийнинде айтты): Кызыл деп јанг табылган, јанг ончозы бузылды. Прө турган кудайды јок этти, озогы албатынын јангын бусты.

Көжөгө.

Учы.

АЛТАЙ ДЕЛЕГАТКАЛАРДЫН ЈУУНДАРЫНЫН ПРОГРАММАЗЫ

(Кепке базылганы аайынча: Алтай делегаткалардын јуундарынын Программасы/
Аргоков көчүргөн

– Чыгарганы Ойрот ВКП (б)-енин Обкомнын колкүчнле јаткан үй улустын ортозында иштеп туратан отделеы – Ойрот областынын типографиязы, 1927 жыл. – 18 с.)

I. ВКП (б) –ла Колкүчнле јаткан үй кижн.

1) Ленин ВКП (б)-нын башчызы, колкүчнле јаткандарды јакшы јүрүмге, јадышка киретен, аргалар тартыжуга баштаган аргаачызы Колкүчнле јаткан орус та үй кижнин, карануйда, кыйын-шырада јаткан башка укту, оок албатынын да үй кижннн өрө тартып өнжидерге, Партия эр де кижннен артык кичееп јат.

Делегаткалардын јууны – колкүчнле јаткан үй улустын аразына иштейтен. Партиянын ижининг бир јозогы болар.

II. Ару-чек болорынын үредүзи.

2–3. Алтай албатынын айлы-јурты, јадыны кирлү, быјарлу.

Алтай үй улустын көбизи үй улус оорыйтан оорулу, көзи оорыйт, үзери јаман, быјар југуш ооруга таптырат (јаман баалу, көстинг көжөгөзи, чемет оору). Көскө көрүнбес курттар (микробтор), сегерт-киш, бийт, чымыл, өскө дө немелер ооруны јайып, таркадып турган неме ол. Алтай улустын бир кезек јангы бар: канза алыжары, јангыс аяктаг ичери-јири, ол ооруны оору кижннен кадык кижнге көчүрнп, југуштыратаны ол. Ооруны көндүктнрбей, буудактары; эн баштап айыл-јуртын, чеден-чуланын, аяк-казанын, киймин ару-чек тудары, бойынын эдин таманынан бери јунары. Оорыган кам камдатпай, деремнедеги шылшап эмдеер эмчилерге эмдетлей, аймак ичинде больницага бачымдап барыл, доктор эмчнге эмдеткени арга. Алтай үй кижннинг кичееп, недег де артык көрөтөни – айыл-ичи ару-чек болзын деп, бала-барказы, билези кадык јүрзнн деп.

4) Алтай үй кижн оору табатан көп јаны, јажы јеткелекте кижнге баратанынан, јажы јетпес, јажы бойына түнгей эмес кижнге баратанынан. Балдарды талканынан балдар уян болот. Бала табар тужында, үй кижнинг јакшы кичееп көрүп, ару чек тудар керек. Алтай улустын балдары кирге бастырат, оларды эне-адазы кичебейт, ада-энезинен кичү јаштаг ала оору таап алат. Не ле эп-аргала, олардын кадык јүрерин кичееп, оларды ару-чек јүрерине баштаар учурлу.

III. Агроном үредү

5) Алтай үй кижн айыл-јурт ичинде сүрекеј јаан, көп иш эдип јат: ол уйдын, малдын кийннен јүрет. Кой-эчкизин көрөг, уй малын саап, аракы-чеген эдет, аарчы-курут чыгарат; кой-эчкизининг түгнн кайчылап, кийис базат; тере-терс ийлейт. Ол иштерди бойынын эби јогынан билбезинен, коомой кирелу эдет. Не-немези арбызы јок, ту гакту болот. Јаан кар түшкенде, малы курсакка јединбей өлүп турат. Уредү аайынча малдын кийнненг јүргеежин – арга ондо. Кышту јерлерде јылу кажаган-чулан эдип, малды ого азырап, курсагын јарандырып, арлап, чектеп саап тургадый. Кичинек те болзо, огород-маала эдип, ого керектү аштан салып тургадый. Ол тужында балдарды, билези күскиде де, кышкыда да курсактан аштабас. Јиир јүзүн курсагы көп болор.

Огород-мааланы канайып эдер, ажын канайып көрүп өскүрер, кышка оны канайып јууп чеберлеер.

IV. Совет јурттын башкарынары ла үй кижн

6) Алтай үй кижинин правозы жок жүрүми, каан тужында – айлындагы билезине кул эди; жон керегине киришпес, үн жок болгон. В.И. Лениннин кичеемели, үй кижини албан-кыйыннан айрып, жайым жүрүм берерге кичееген. Ленин айткан: «Кандый ла үй кижини, жалга да жүргени, госуларствоны башкарууга үренип алар керек» – деп. Коммунист партия ла Совет башкаруу, колкүчиле жаткан орус та үй кижиге башка да укту албатынын үй кижизине, жон керегине кирижер, сельсовет жамылуларына тураруу, эр кижиле түнгей, жагыс право берген, не ле керекти эр кижиле түнгей, жаба эдер жан берген. Бистин областта бу жуукта үй кижини эр кижиле кожо советтерди талдап, туткылады. Коммунист партия ла Совет башкаруу эне ле баланы корыыр закон бүдүрүп тургусты, өскүс балдарды азырап жатыргызар туралар бүдүрүп жат, оору балдарды азырап жат, оору балдарды эмдеер башка больницалар эдип жат, ондо балдарга башка эмчи болор. Бала тапкан үй улуска болуш та берип турат. Бистин область жокто да болзо, ондый керектерди бүдүрерге түнгей кичееп жат. Эмди партия ла советтердин ижин жарандырып, көндүктирерге кичееп жат. Жүрүмистин жаранары – жамылуга талдап тудулган улустын кичеемелинде.

Алтай үй кижини берилген правозын колына алып, сельсоветке, комитетке, бичик кычырар тураларга киришип, ого кожо туруп, олар ажыра бойлорынын жүрүмин, жадынын жарандыргадый болзын.

7) Каан тужында үй кижини кижиге берерде, бойынан жоп жокко, албан ла калым учун берип турган болгон. Кижиге барган соңында онын жүрүми шыралу, албан-кыйынду болгон. Барган эринин кулы болгон. Совет башкаруу тужында үй кижини эринен тутак жок, жагыс праволу болуп жат. журт жөбжөзүн үлежерде, үп аларында, эринен айрыларда, үй кижинин правозын ла балдардын правозын карын да кичееп корып жат. жер үлежерде, үй кижини жерди эр кижиле түнгей алар. Совет закондорды, качан да болзо, үй кижинин, энинин, баланын правозын корыыр эдип бүткен. Ондый керектерди аяктап көрөр керек, качан да болзо, онойып болзын деп, кичееп тургадый. Кандый-кандый комыдал болзо, сельский организаторго эмезе үй улустын организаторына угузып тургадый, үзери неден де артык олардын болужыла, сельсовет ле аймак, база народный судтан правоны тударга кичееп тургадый.

V. Журт жөбжө башкарынатаны ла үй кижини.

Бастыра бистин Совет Союзынын республикаларында сүреен жаан иш кайнап бүдүп туру. Колкүчиле жаткандардын Улу үредүчи ле башчыбыс Лениннын айдып берген кирезиле, бистин журттыбыстын ишмекчи ле крестьяндары Коммунист партияга ла Совет башкарууга баштадып, бар жок журттын, жөбжөзүн эскизине өскөртүп, катап жагыртып иштегилеп жат.

Олор жагы фабрик-заводтор эдип жат, темир жолдорды, станцияларды жагыртып, олор аякту, кайкамчылу «электрический» от, «электрический» ийде берип жат. Олордын кичееп жатканы жарамыкту, жакшы бойына жарагадый товарларды эдип жат, олор беги де артык, баазы да жеңил.

Олор журттын чий товарын арбындадып жат: тере-терс, көбөн, түк; ондый немени фабрик-заводтор сүрекей керексип жат. Олордын кичееп турганы журттар, олордын не ле кереги үредү аайынча бүдүп, жагырып турзын деп, журт ичинде көп машиналар болзын деп кичееп жат. Ондый машиналар: салда, аш кезер, олон чабар машина, темир баатыр ат – «трактор». Олор кооперативтерди элбедип жарандырып жадылар.

Алтай үй кижини ол журт ижине түнгей ле киришип, болужар керек. Онон артык озогы каан тужындагы орус койоймдар ла Алтайдын байлары алтай улусты мекелеп жип турган, үзери Алтайдын журт жөбжөзи актар ла бандиттер тужында үзүлген эди. Ондый түбектен ондонорго, ойто жөбжөлдөнорго, кооперацияга ла сүт эдер, сыр (орус аарчы) эдер артельдерге кирер керек, укту мал азырар товариществолор бүдүрер керек; түк, терени өскө дө тапкан немени кооперацияга берип тургадый, товарды дезе өскө дө керектү немени кооперативтер алып тургадый.

Алтай үй кижини кооперацияга барып, онын правлениезине бойлорынын ортозынан кижини талдап тудар керек. Ары-бери көчүп, жайлу-кыштулу жүрүм, журташ, үредү аайынча журтын, не керегин эдерге бербей буудактап жат. Угын жарандырып, мал азыраар деп, жазап кыра эдип, аш салайын дегени, огород-маала тудар деп, ары-бери көчкүн жадынды таштап, жагыс жерге токунап жадар керек.

VI. Бастыра үредү керегинин аайы.

9) Башка албатынын колкүчиле жаткан үй кижини, канайып журт журттап, керегин башкарып, балдарын азырайт.

10) Алтай үй кижиге бичик билеринен не туза болор; Совет башкаруу, бастыра албатынын үредү керегин канайып кичеет; онон башка, бистин жагыс Ойрот областты канайып кичееп туру.

Алтай делегаткаларынын жуундарынын программазына аайлап айткан бичик

Делегаткалардын жуундарын канайын эдер.

1) Делегаткалардын жуунын эдетен программа учту-башту, алдынан бойы алты, бөлүгү үзери 10 учурлу суракту.

2) Программаны баштап алып, учына чыгатын бий апрельдин баштапкы күнинен ала октябрьдын 1 күнине жетире. Аайыла оны 6 айдын туркунына бождоуп чыгар керек. Айдарда, келишип турганы

эки неделениң бажында бир жууннаң келижет.

А) АРУ: Жуунда тургускан керек жаан болуп, жаңыс жуун орто будүрүп, үзүп болбогодый болзо, ол керекти эки башка болуп, катап жуун эдип, ол жуун орто будүрүп узер керек. Айдарда, айда бир артык жуун жуугадый болуп јат.

3) Программала иштеп, керектерди будүрүп турган тужында, ого коштой делегаткалардын жуундары таскадар практический иштү болор учурлу, таскадар иштердин (практический) отчет докладтарын угуп турар учурлу. Отчетты деремнедеги јоннын организацияларына тудулган делегаткалар айдар учурлу, сельсовет члени болзын, ККОВ-тын, кооперативтин правлениезинин, нарзаседательдин болзын, оной до өскө керекке турза, ижинин отчет-куучынын туней айдар.

Ол ишти мынайда эдер учурлу: делегаткалардын жууныла болгон тоозына, эн баштап программада турган керекти иштеп будүрер; онын кийнинде экинчи керек, таскадар (практический) керекти баштап алар. Ол мындый аайлу: сельсоветте бе, ККОВ-то бо иштеп турган делегатка бар болзо, ол бойынын ижинин, сельсоветтин председателинин, кооперативтин правлениезинин докладдын угар.

Онойып этсе, таскадар иш, программада турган керек ле жаңыс аай туней болзын, ол керекке жуук болуп турзын, алдынан башка керек болуп турбазын. Онын аайы мындый учурлу: делегаткалар жуулган жуунда, программа аайынча, Совет јурттын башкарынарынын керегин иштеп будүрүп турган болзо, айдарда, ол керектин кийнинде сельсоветте иштеп турган делегатканын отчет-куучынын айдар учурлу ол эмезе сельсовет председателинин куучыны болзо.

Эмезе программада айдылган аайынча «Баланын кийнинде канайып јүрерин» куучындап турган болзо, ол орто айыл-јурттын чек тудуп, баланы кичееп јүргөн уй кижинин доклад куучынын угар учурлу, оной до башка көп керек бар.

4) Делегаткалардын жуунында иштеп будүрүп турган керектерди иштеерде, жуун эдип баштап турган кижин, озо айылына отуруп, жууннаң озо программада турган керек аайынча, алтай бичиктерди көрүп, оларды кычырып, белетенип алар учурлу. Онын кийнинде жуун эдип, улусла кожо керегин башкарап јолду.

5) Жуунда керектерди будүрерде, жуун башкарган кижин делегаткаларла куучындажып, эрмектежи керегин будүрер. Доклад-куучындарды токтодып, тегин куучындажар учурлу. Жуун жуулган соондо, жуун баштайтан башчы жуулган улустаң, делегаткалардан алдындагы жуунда нени куучындашкан эдибис деп, кыскарта сурап угар учурлу. Айдарда, олар алдында өткөнин эске алынып, ундыбас болор. Онын кийнинде жаңы куучынды баштаар учурлу. Жаңы куучынды баштаарда, башчы кыскарта куучыннын аайын айдып берер, онын кийнинде жуулган улустаң куучын аайынча (по теме) нени биллип алдар деп сурап угуп, куучынды көндүктирер. Бойлорында кандый сурак бар болзо, башчыдан сурап угуп турар.

Ол мындый учурлу: программада турган 2-чи, 3-чи бөлүктө айыл-јурт керегинде куучында айдылган аайынча, делегаткалардан сурап угар керек: «Айылын ару-чек тудуп јат па?». «Бойлорын ару-чек алып јүргөн бе?». «Казан-айагын ару-чек тудуп јат па?». Оной до өскө сурактар сурап угар.

Айдарда, бир эки-үч делегатка айдып јат, олар коомой јадынду, айыл ичин, казан-айагы, кийими ару эмес, ончозы кирлү эди деп. Айдарда, башчы ол эмезе куучындап турган кижин орус уй улуска тунейлеп, бойлорынын јадынын куучындар. Орус уй кижин туразын јалмап, ичин јунуп јат, тура ичин ару тударга кичееп јат деп, аайлап баштап айдып бергедий.

Оной ары сурап јат: «Кем кижин оорып турган эмеш пе, кандый оорула оорып јат?». Айдарда, бир каруузын угуп алып, сурайт: «Алтай албаты ортодо оору улус көп пө?». База ла катап, жуулган улустаң каруузын сурап јат: «Алтай улустын ортозында ненин учун оору улус көп, божоп турган?». Угуп алала, куучынды билдиртпезинен оору табылып турганы, алтай улус арутанбай, чектенбей, кирге бастырганынын коомой југ-јадыннаң табылып турган деп, көндүктирип алар учурлу. Онойып ла куучындажып, билдиртпезинен керегин будүрүп турар учурлу.

6) Жуулган улус отурала, эрикпезин, куучыннаң чөккөбөзин деп кичеенер керек. Ончозы куучынга јилбиркезин деп, недең де артык кујүренер учурлу: программада турган керектер, куучындар алтай улустын јүрүмине жуук болуп турганда, олар канайып күүнзел укпас. Жуунга жуулган делегаткалар ончозы куучындажып, эрмектешсин, бир де кижин тегин отурбазын. Чала эмеш кемзинип, куучындажарга јалтанып турган кижин бар болзо, оны карын тыңыда кичееп, куучындадар керек. Сурак бар болзо, башчы ондый улустаң сурап угар: «Сен канайда шүүп отурын?». База бирузинен: «Сенин шүүлтен кандый?» – деп.

7) Куучын тужында жуунда жаңыс ла башчы отурган улустаң немени сурап угар эмес, је делегаткалар да башчыдан сурап укса, башчы каруу јандырбаганча болбос, айдарда, ол удур-тедире куучын, суракту-каруулу. Жаңыс ла программада турган керектен ырабай, баштап ла алган керектин аайын куучындап турар керек.

8) Куучыннын учында жуулган улустаң сурап угар керек: бүгүнги куучынды уккан улус аайлады ба, јок по деп? Айдарда, аайлабаган неме бар болзо, башчы катап, јазап аайлазын деп, айдып берер

учурлу. Онон башка катап жуулатан күнин жөптөжөр. Узери эм жуунда кандый учурлу куучын болор, ненин аайын куучындажатар, башчы айдып берер учурлу.

9) Куучыннын төскереги жангыс ла делегаткалардын жүрүминен, жадынын болор учурлу. Куучынды баштаза, делегаткалар билбес неменен баштабай, озор бойлорынын жүрүминде не барын, билгедий немени куучын эрмектешсин деп. Айдарда, куучын ол тушта жилбилү болор.

10) Делегаткалар жуулып турган жерден ыраак эмес агроном эмезе делегаткаларга куучын этсин деп. Агроном кижжи болзо, мал азырарын, аш эдерин, огород маала-ажын, онын кийнинен жүрерин куучын-дар. Оны «агрономический үредү» деп, айдатар. Эмчи кижжи болзо, ол албагынын су-кадык жүрерин, айылы-журтын ару-чек тударын, бала-барказынын кийнинен канайда жүретенин куучындажар. Оны «санитарный үредү» деп айдатар.

11) Делегаткаларла куучындашкан тушта, озорго көп картина журук көргүзөр керек, неменин көбин, азын көргүзүп, тундеп турган диаграмма. Ондый журуктарды больницадан тудунарга эмчиден сурап алар. Көп сабазында жугуш оорулардын журугын көргүзөр керек, бойын, айылы-журтын ару-чек алып жүрер журуктарды көргүзөр керек. Оскө куучындардын журуктарын бичик кычырар турадан, сельсоветтен, кооперативтен алып тургадый. Ого коштой улустын жүрүмин тундештирип, делегаткалар жаткан жерде улустын жүрүмин темдектеп алып тургадый. Ол мындый учурлу болор: бирде кооперация керегинде куучындажып, онын ижин, керегин шүүжер, ол жерде кооператив канайда иштеп турганын айдып, тунгейлеп тургадый. Узери жериндеги кооперативтин тутактары кандый, ижине не жегес, не коомой бар, онын тутагын жок эдип, ижин жарандыраарга нени этсе жакшы болор деп шүүшкедий.

12) Делегаткалар жуулып турган жерден ыраак эмес көчкун школдын башчызы бар болзо, оны жуунга тунгей ле айдып алар керек. Кандый журуктар ондо бар, онон сурап алып, делегаткаларга көргүзүп куучындажар учурлу. Онон оскө ондо картина көргүзөтөн фонарь бар болзо, оны сурап алып, фонарьла көргүзөр учурлу.

13) Делегаткалар куучын этсе, жеринин газедин база кычырар керек, анчада ла алтай тилдү «Кызыл Ойрот» газет болзо, сүреен жараар. Ол программада турган керекке болужын жетирер. Узери бистин Совет Союз ичинде ле база граница ары жанында не болуп турганын, онон билдирер.

14) Делегаткалардын жуунында айдылган куучын ундылбазын деп, озордын уккан куучыны аайынча, жанган сонгында таскадар иш берер керек. Ол иш мындый учурлу: жуунда айыл-журтын, казан-айагын, кийимин ару-чек тудар керегинде куучын болгон болзо, жуун божогон соондо, ончо делегаткалар жөп бүдүрер керек, бу жууннын кийинде айлы-журтын, казан-айагын ару тударга, бойлорын, балдарын чек алып жүрерге.

15) Делегаткаларга көп жангы куучындар айтпас керек. Онын ордына керектү ле куучынды айдар керек, озор оны жарт билип алып жүрзин деп.

16) Неден де артык кичеер кереги, чала неме аайлап болбой турган делегаткаларды башка бөлүп, озорды башка күнде жууп, куучынды катап айдып, жартап берер.

17) Жуунда эткен кандый да керек тегин калбай турзын. Канайып эдер деп жөптөшкөн, онойып ла эдер учурлу.

Программада турган керектер, онын бөлүктери:

Баштапкы бөлүкте айдылганы: партия ол колкүчиле жаткан үй улустардын сүреен бүдүмүлү нөкөри, башчызы. Онын учун алтай делегаткалар неден де артык партияга бүдүп, онын адаанын алып тургадый деп ончо делегаткалар билзин.

2-чи ле 3-чи бөлүкте: алтай айыл-журт кирлү, бойлоры, бала-барказы ару жүрбези, сүреен жаман түбек. Онын учун бойлорынын жадынын жангыртар учурлу. Оорыза, бачымдап больницага барыл, докторго-эмчиге эмдедер керек, камга барбас деп.

4-чи бөлүкте: бойынын балдарын жакшы алып жүрери, озордын кадык жүрерин кичеери, озорды үредери.

5-чи бөлүкте малдын кийнинен жазап жүрери, оны азыраары. База огород маала-ажын эдери, жадынын жангыртары.

6-чы бөлүкте: үй кижжи эмди кул эмес, эриле тунгей гражданин кижжи; онын учун ол эмди сельсоветке барып иштеер керек, база ККОВ-ко ло кооперативке кожо турар керек. Ого узери бойынын жүрүмин ондоорго кичееп тургадый.

7-чи бөлүкте: алтай үй кижжи журтында эриле тунгей кижжи. Оны жаман көрүп, кыйыктагадый болзо, комыдал угузар жери бар.

8) кооперация алтай үй кижжиге сүреен тузалу неме; онын учун ого кирерге керек.

9) бу ойине жетире журтап жаткандый журташ жарабас. Эмдиги тушта жүрүмди ондоорго кичеер керек.

10-чы бөлүкте: Совет башкару неден де артык кичееп турганы колкүчиле жаткандарды ончоны бичикчи эдерге. Онын керегинде үй кижжи бичикке үренерге неден де артык кичееп тургадый.

Делегаткаларла жуун эдип иштеп турган ойинде эткен керегин кунун ле бичип тургадый (дневник). Жуун тоозына кандый куучын болгон, кандый керекти јилбиркеп, јарадып уккан, оны ончозын бичип алар керек. Узери алтай делегаткаларга канайыл жуук болуп, олардын ижин јарандырап, ижинде, керегинде кандый јетпес-тутактар бар. Онон бичип алала, ол бичикти аймакта турган женорганизаторго табыштырап керек. Ол дезе онон ары Обкомнын женотделына ийил јат. Айдарда, ол онон коруп, база ла делегаткалардын ижин јарандырапга эбин бедиреп јат.

Делегаткалардын жуунында куучынды јаан узатпас керек. Онон оскө олар чылаар, кийинде чокп, жуунга барарга јалкуурып турар. Онын ордына узак ла болзо, бир эки ле час эткедий куучынды.

Чачынгы јаткан јурттарда, делегаткалар бой-бойларынан ыраак болуп, бир-эки чакырым бажында јаткан болзо, делегатка жуундарын «кочкун жуундар» эдер керек. Кандый дезе? Ол мындый болор: бир кун жуун болзо – бир айылга жуулып, экинчи жуунда – база бир айылга барып, онойып ла кодуре делегаткалардын айылына жуулып, жуундарды откүрер. Онойып этсе, чалтык болбой, јарамыкту неме болор.

Сергей Орлов

ПО АЛТАЮ

(Печатается по: Охотник и пушник Сибири. - 1928. - № 9. - С. 99-100)

К югу от Бийского округа находится автономная область Ойротия. Чем дальше вглубь от северных её границ, чем ближе к центру области, тем выше и чаще горы, тем больше белков.

В Ойротии, предназначенной самой природой для развития скотоводства, мараловодства и охотничьего хозяйства, последнего совсем нет, так же, как нет там и охотничьей кооперации.

Правила и сроки охоты, изданные Наркомземом, обязательны для всех, и они должны быть известны в Горном Алтае. Да я бы сказал, что их там и знают, но почему-то почти никем они не исполняются.

Население на Алтае, главным образом, живет по долинам рек, где возможны посевы ячменя, овса, а в некоторых районах – пшеницы и других злаков. В горах же встречаются только айлы алтайцев да редкие заимки мараловодов и пасечников.

Проезжая по Алтаю, нередко как в деревне, так и на заимке вы можете в июле месяце у охотника похлепать мясных щей, вкусных и здоровых, но когда вздумаете определить, чем это вас напитали, то выясняется, что, собственно, место вам не тут, а на скамье подсудимых по обвинению в нарушении ст. 861, так как вместе с хозяином способствовали уничтожению козули.

Человек непрерывной охотой на вымирающего зверя в запрещенное время опустошает природу. Такое хищничество не вяжется с обновленной и крепнущей жизнью.

Продвигаясь дальше по горам, к центру мараловодства, не редкость, если где-нибудь вдали, за десяток, а то и больше верст от жилья вам встретится живописнейший калмык-алтаец, с «допотопным» на деревянных сошках ружьем за плечами, на крепкой степной лошаденке и в бараньей шубе, спущенной с одного плеча.

В суминах у этого встречного что-то тяжелое, и когда вы будете расспрашивать его о сурках, то он охотно вытащит из кожаного мешка крупного зверя, а часто и двух. Везет алтаец сурка с гор в долину к айлу, где его ребята с аппетитом съедят жирное мясо. Чтобы оно в жару не протухло, хитрый старик натолкал в распоротое брюхо травы, но таким приемом пушнину не сохранишь, и шерсть у сурка начала вылезать. В результате – испорченная шкура, а Улалинская контора Госторга лишится 2–2,5 долларов. Таких долларов много теряется на Алтае.

Браконьерство не только на Алтае, но и по всему Сибирскому краю пора прекратить.

Спросил алтайца об охоте, и он спокойно рассказал случай, происшедший с ним часа за 3 до нашей встречи. «Вскоре после добычи второго сурка он заметил гурана (самец козули), который выскочил на гору, видимо, потревоженный выстрелами. Хоть и далеко было, а пулю в свою кремневку забил, – гуран перевернулся и, несмотря на перебитую ногу, быстро пошел. Бегал я за ним по горам, умаялся, да так и не догнал – утащился проклятый к ручью в чащу».

Встреченное браконьерство нужно отнести к темным пятнам, к будням поездки, но мне удалось видеть красивые и радостные моменты. Один из таких праздников в природе я видел в Уймонской степи.

Чтобы попасть в район, где зародилось мараловодство, мы остановились в Н.-Уймоне. Здесь позади домов плавают дикие утки. Даже без бинокля можно рассмотреть несколько выводков кряковых, чернедей, малых чегг и др. Такая неожиданность быстро выяснилась. Оказывается, здесь местный сельсовет по собственной инициативе учредил заказник, который уже второй год на примере показал всем, что птица несколько не боится человека и плодится у него под боком, если только тот её не трогаёт. Весной в этом году на Н.-Уймонском озере долго держались лебеди, но не выводились, ви-

димо, большое количество домашних гусей их беспокоило. Кержаки-старожилы говорят, что лебедей на их озере лет двадцать как не видали. Забрав фото-аппарат, я обошел заказник и на близком расстоянии открыто снимал кряковых. Побеспокоенные моим появлением выводки медленно отплывали от берега под тревожный крик старки.

Встреченное в Н.-Уймоне немного сгладило впечатление, оставшееся от промышленника за сурками и гуранами.

Сергей Кумандин

АНЧЫЛАР

Тексттер жуунтынан алынган:
"Кызыл жылдыс (Красная звезда)".
(Улалу, 1928 жыл. – С. 3–7)

Аба жыштын ичинде база тапту жаан Кара-Көпши деп өзөк бар. Кара-Көпшинин ичи бастыра кара жыш бүткен жер эди. Онын ичинде не агаш жок деп айдар: мөш, чиби, оноң до башка Алтайдын не ле жүзүн агажы ончо бар.

Кара-Көпшинин ол жаны бийик туулу, бажы тайгалу жер болуп бүткен алтай эди. Тайга жерге база ан-сан деп неме жүрерден башка, өскө тынду неме не жүрер! Тайга жерде журт бар эмес, кузук ла ан тужында ла, улус жыш ла тайга жерге чубажадылар. Алтайдын шулмус анчы уулдары кыш өткөнчө чаналу андап, жөөжөни база таап жадылар. Тайгада олордын билбес жери жок. Канча-канча түшкен айры өзөктөр, ончо атту; өзөктөрдүн ады- жолын база анчы ла кузукчылар адабай, туура кижини оны кайдан көрүп адап беретен эди.

Кара-Көпшиге тоозы жок өзөк түшкен: Белги, Буучак, Кылай, Кызыл-таш, Чуй эки Коныр-ат, Таралак, Уул, Бай-ойык, оноң до башка өзөктөрдү тоолорго до болбос. Бу өзөктөр ончо кузуктаар, андаар жыш болуп жат.

Кара-Көпшинин ичинде Беш-элбек деп жаан ак бар. Онын сыны он чакырым, тууразы база бир үч-төрт чакырым кирелү бар болор. Беш-элбектин агына озо којойымдар алмырын тургузып, албатынан алган кузугын чоготон эди. Эмди кайда ондый болзын! Кижини жийтен којойымдар жок болды. Олордын тургускан алмарлары үрелип, чачылып калды, чирири чирип. Чирибегени өрткө куйди.

Орто кыш болор бо, болбос по, же ол ло киреде Беш-элбекке чаналу үч жаш алтай уулдар андап келдилер. Жер баштап жүрген жааны 23 жашту, Кака деп уул болгон; оны ээчий 19 жашту Айбу деп уул болды, эн кичүзи 17 жашту Сану болды. Уулдар Кара-Көпшини кечеле, акты өрө базып ийдилер. Актын бажына жеделе, жыштын жаказына келдилер. Сану айтты:

– Бат-таа, жыш жерге мындый жараш ак жер бүдетен ок эмтир!

Кака айтты:

– Жыштын Беш-элбек деп атту-чуулу агы бу ине! Көрбөгөн алтайынды карын эмди көрүп ал. Озо мен жетн жаштуда адамла бого келип жүрген эдибис. Онын кийнинде база андаар деп келеле, куру жанган эдибис. Бу жыл кузук бүткен жер болгон эди, тийин бар деп бодойдым. Тийин жок болзо, албан беги, өскө до жерге сала бербей, бистин аттарыбыс арыр эмес.

Айбу айтты:

– Андый да болзо, бир жерге оду чагып, эки-үч күн базып көрбөгөндө, кижинин андаган тоозы кайда болор!

Кака айтты:

– Келген соондо, база тегин жадар деп санандын ба! Ары-бери базып, тынду неменин изин кеспей кижини. Ол турган койу мөштөр жаар барып, ондо оду чаап көрөр. Ак жердин жыбарынан ырап, ыжык жерге одуланбай кайткан эдибис.

Удаан жок уулдар койу мөштөргө жеттилер. Чаналарын, жүктенчиктерин чечип, мөштөргө илдилер. Барык мөштин төзинде кар бар эмес, карын кургак жымжак жерге оду чаптылар. От салып, курсак азып ажандылар.

Айбу айтты:

– Күн чала жабызай берди ошкош, бу күнде андап базар эмес, одын-садын жууп алып түнди откүреле, эртен бос таң ла базып көрөр ийне!

Кака айтты:

– Кышкы күн удазын ба, анча-мынча болуп турала, ойто ажа бербей. Күн жайгы ордына ойто ажа бербей. Күн жайгы ордына ойто жанарга араай ла жеткелек болор. Кышкы куран айда, ай жаңырза, күн ойто баратан эди. Айдын эмди бир тогузы бар болор. Байа көрүнип турган эди.

Сану сурады:

– Бу Кара-Көпши деп суу кайдар агып түшкен болотон? База жаан да өзөк ошкош кижини көргөндө.

Кака айтты:

– Кара-Көпшинин суу Уйменге барып табыжала, оноң ары Оңгө түшкен дежет. Кижини оңор жүрген эмес. Кайдан билер оны. Алтай база элбек жер эмей, онын учы-бажына жүрүп билерге база керек ле. Откөн жай бистин жерде жер кезип турган землемер жердин планын столго жайып көргөндөрүн сен канайып ажаарбадын! Ол планда Алтайдын жерин бастыра чийиптир. Кандый ла сууларды, өзөктөрдү, журт жерлерди, тууларды, агашту, акту жерлерди, ончозын планга салыптыр. Кижини көргөндө, база аякту неме. Бис алтай улус, бойыбыстын жерибисти жакшы билбей турганыста, бичикчи үренген улус жердин ончозын кемжип, пландап салбазын. Бичик деген неме база аякту учурлу неме болуптыр.

Айбу айтты:

– Мен бичикке жакшы үренген эмес, план деп немени кайдан аайлап билзин. Сельсоветте жердин планы деп, стенеге кадап салганын көргөм лө, жолду-жолду чоокыр неме ле болуптыр. Карын, бу Сану эмеш үренген кижини, оны таныыр болбой.

Сану айтты:

– Чоокыр жолду – ол суулар болор. Школдын качызы биске оны жартап айдып турды. Суулардын, өзөктөрдүн, журт жерлердин ады-жолу текши бар болтыр.

Уч нөкөр уул база узак ла куучындаштылар. Тун киргенинен бери удай берди, энгир чолмон бийик көдүрилип келди, Улкер тенгенинин ортозына база жууктап ок келди. Айбу туруп алып, отты жаанадып, кургак будактарды отко салды. Уулдар уйуктаар дежил, оттын уч талазына учаланып жадыл ийдилер. Удаган жок базып чылап калган уулдар козырыктап берди, бир де табыш жок болды, жаңыс ла оттын козы тызырап турды.

2. БАЛЫК АНДАГАНЫ

Эртенгизи күн уч башка барган уулдардан озо одуга Кака келди. Чаназын чечип, агашка жөлөп салды, мылтыгын алып мөшкө илди, өчүп калган отты катап одырала, аскышка сооп калган чайлу алгыйды изитти. Удаан болгон жок, Айбу ла Сану базып келдилер. Уч нөкөрдүн ортодо тапкандары: 11 тийин, 5 сымда болды.

Айбу чаназын чечип отуруп, айтты:

– Же Кака, бис Сану ла акү бир жерден аң көрдибис, ол кандый аң, сен оны бодоп таап көр.

Кака айтты:

– Көргөн аңаарды табышактап турар ба уулдар! Же андый да болзо, бодоп көргөйм. Ол не болотун! Айулу ичегенге учурадыгар ба?

– Жок, жок!

– Кара-Көпши камдулу жер эди, айса болзо, камду көрдигер бе?

– jo-o-o-k!

– Табыргулу жер болгон, же байа ла бу уулдар киндү табыргы көргүлеген болбой кайтсын. Эм онын кижиге жарт айтпай. Табышактап тургандарын. Кандый ла аң болзо, мен оны истешкенче жер калбазым. Ондый болзо, кижинин аңдаган ады кайда болор!

Айбу айтты:

– Кака бистин көргөн аңыбысты, бодоп таппай салды, кайдар база, нөкөр кижиге айтпаганча болбос. Кижини жалтанар аң эмес. Кака, суудан балык көрдибис! Онын балыгын тегин айдарга да болбос неме эмтир.

Кака айтты:

– Э-э, татай ары, сананбаган неме көргүлейле, кижинин сагыжын чөкөндирип турган уулдарды. Же кайдар база, балык та аң эмей, аңдап көрөөктөр. Кара-Көпши балыктуу суу дешкен эди, балыгын да тудуп жизе, жакшы ийне. Балыкты кажы жерден көрдигер?

Сану айтты:

– Мен сууну жакалай төмөн келип жадала, көрзөм, Кара-Көпшиге бир кара суу кирген эмтир. Кара суунун оозында тош жок, суу жарык суу эмтир, терени бир жарым кулаш кирелү бар болор. Кара суунун оозун кечире бир чибини жыгылып калтыр, онын устиле базып браадала көрзөм, сууда балык деп неме жымырап турган. Мен бир ле кезек көрүп турдым, канайып ийейин база, чилекейин агып та турза, колын жетпес те, канайдарын. Онойып турганча, кийнимнен Айбу сыгырып ийерде, чочыган бойынча сууга араай ла жыгылбадым.

Кака айтты:

– Айбу кылынар эмей ол. Белинчи Сүүрүмөй өбөгөндү белиндедип жүрүп, тайакла бажын жара соктырган эди. Сен Айбу, ол кылыгыңды таштап сал, айса болзо, ол кижини сууга тужер болзо, не болор эди?

Айбу айтты:

– Мен Сануну чочыыр деп сананбадым, тегин кокурлап араай сыгырган эдим, кайдан көрөйүн онын чочырын.

Кака айтты:

– Је акыр, ажанып алала, балыгарды барып андап көрөликтер. Ыраак па мынан?

Айбу айтты:

– Јок ыраак эмес, туку ол кырдын тумчугына одоштой.

Уч нөкөр отурып ажандылар. Анча-мынча унчукпай отурала, Кака айтты:

– Тийинди улус үзе адып барган ошкош, бого база бир-эки күн базып жүреле, Кызыл ташка барып көрөктөр. Неме эш болбогодый болзо, Сары-Көпшининг бажынан јана бергейис, ондо база андаар деп алба бар эмес.

Айбу сурады:

– Акыр Кака, бис балыкты неле андаарыс, балык андаар јер де јок, балык андаар деп сагышка да кирбеген?

Кака айтты:

– Аргазы табылар болбой. Менин колтыгымда кыл тузактар бар; бооро көрүктел жүреле, сугуп салгам, айса база керек болор бо деп, карын эмди балык тузактарга јараар ол.

Сану сурады:

– Балыкты мылтыкла атса кайткай не, ок тийер, та јок!

Кака айтты:

– Та билбей турум, балык аткан эмес. Улус айдыжат: суудагы балыкка ок тийбес деп, сууга ок чике барбай, кыйа барат дежет. Је ажанып алганда не, капшаай барактар, күн чала јабызап барып јат!

Уч уул балык андаарга жүре бердилер.

Кака балыкты көрөлд, база кайкады. Кыл тузагын јазап алып, балыкты тузактай берди. Кайтсын база, ээн јердинг балыгын кижн андап чочыткан эмес, балыктар кыймыктабай туруп ла јаттылар. Анча-мынча болголокто, уулдар бир пуд чарандар тузактап алдылар, чарандар дезе тегин де јаан-јаан болгон. Суудагы балык астаар кирези јок болды.

Кака айтты:

– Көп балык тудуп алала, кижн јойу оны канайыл жүк генил жүретен эди, бу да алганыс азыкка болор ине, уулдар!

Сану айтты:

– Акыр, уулдар. Мен мылтыкла бир адып көрөйн, кайткай не, ок тийгей не?

Айбу айтты:

– Балыктын ортозына шыгалап ат, айса тийер болор бо?

Сану мылтыгын суу төмөн агты, уч чараган суу үстине чыкты. Уулдар ол балыктарды чыгарып алдылар, көрөд ок тийбеген, балык тегин ле талыкшып калган эптир. Бу да алган балык азыкка болор дејип, уулдар оодуга јандылар.

Ольга Яцунская

По АЛТАЮ

(Записки экскурсанта)

(Печатается по: Экскурсанти турист. Сборник по экскурсионному делу и туризму. Изд. Экскурсионного государственного акционерного о-ва «Советский турист». – Москва, 1929. URL: http://geolmarshrut.ru/antologiya/?ELEMENT_ID=669)

Наша небольшая группа выбрала для своего отдыха поездку на Алтай. Мы все неоднократно бывали на Кавказе и в Крыму, и нас тянуло на Алтай, огромный, мало известный, но необычайно богатый в природном отношении край. Мы взялись по предложению «Советского туриста» обследовать Алтай с тем, чтобы выяснить экскурсионные возможности для ближайшего будущего. Мы решили пересечь Алтайский край с севера на юг — от Бийска до Семипалатинска через Катунские Белки. Маршрут был намечен следующий: по железной дороге до Бийска; Улала, Чемал, Тоурак, Уймон в экипаже; белки — верхом; Берель, Катон-Карагай — снова в экипаже; вниз по Бухтарме — на плотах и на пароходе по Иртышу до Омска.

Из Москвы выехали 31 июля по северному пути через Пермь, рассчитывая на полуторамесячное путешествие.

После пяти дней пути, 6 августа, в 4 часа утра, мы приехали в Бийск, сделав пересадку на Бийскую ветку в Новосибирске. Поезда не совпадали, и мы целый вечер бродили по Новосибирску, новой столице Сибири. Город только строится, хотя уже сейчас в нем более 100 тысяч жителей. Широкие, прямые улицы пустынные; несколько, с десятков, новых хороших советских домов, а рядом почти землянки, но чувствуется быстрый рост города и огромные перспективы впереди.

Переезд по железной дороге от Москвы до Новосибирска был своего рода отдыхом после москов-

ской работы. Но путь от Новосибирска до Бийска очень раздражает. Едем с 8 час. 30 мин. утра до 4 час. утра следующего дня. Поезд убийственно медленно ползет, на каждой станции остановка почти по часу, на Алтайской четыре часа ждем встречного поезда из Семипалатинска, жарко, поэтому к Бийску — усталость. Бийск — маленький неинтересный городок. Мы торопимся дальше и 7-го ранним утром отправляемся в путь.

Бию переезжаем на лодке. В заречной части города, населенной по преимуществу ямщиками, нам подадут тройку. Мы усаживаемся в «коробок», такой широкий, что размещаемся трое в ряд. Ямщик Павел Хохолков — тиличный сибиряк: белокурый, белозубый, говорит пословицами, в рифму, охотно поет, но, к сожалению, «Кирличики» и другие «цыганские» романы. Интересен порядок найма: ямщики приходят целой группой, держатся «коллективно», запрашивают здорово, но и сдают. Тройка до Чемала — путь два дня с остановкой в Улале — 30 рублей.

Едем хорошо. Хотя с утра был дождик, да и во время остановки тоже, но ехать легко, а немного сырая дорога совершенно не дает пыли. Проселок — лески сосновые, березовые; два раза переезжаем на пароме через Катунь, на гору поднимаемся вскачь всей тройкой. Где-то вдали виднеются отдельные цепи гор.

В Улалу приезжаем поздно, пролетев за день около 100 километров. Улала, молодая столица Ойратии, небольшой, типа уездных, городок, но сразу бросается в глаза, что это руководящий центр молодой республики. Много новых домов общественного характера, всюду вывески центральных учреждений, в учреждениях и на улицах много народу, телеграф, телефон, радио — все говорит о живейшей связи с центром и периферией.

Утром заходим в ряд учреждений, чтобы выяснить вопрос об организации новых экскурсионных маршрутов по Алтаю. Зав. областным ОНО тов. Ялбачев и другие сотрудники отдела охотно сообщают нам о том, что и где можно посмотреть нам и потом показать экскурсантам. Есть ряд достижений в области сельского хозяйства, есть колхозы, новые лесопильные заводы и т. д., необходимо отметить работу кооперации — кооперируется молочное хозяйство, почти в каждом селении имеются маслодельные заводы, а часто и сыроваренные.

На Алтае в течение ряда лет шла ожесточенная гражданская война. Нам указали участников гражданской войны и отдельные пункты, связанные с революционным движением на Алтае.

Около 12 часов выехали мы из Улалы. Это день робинзоновского существования. Дорога от дождя испортилась: всюду вода, глубокие рытвины; едем быстро и в километрах семи от Улалы ныряем в глубокую лужу и выезжаем без заднего колеса. Необходима остановка.

Останавливаемся в стороне от дороги, у большого дерева. Лошади распряжены, разведен костер, ямщик уезжает в Улалу за помощью, а мы хозяйничаем самостоятельно. Неопытность наша очевидна, то костер плохо горит, то наполовину сваренный суп разлит, но настроение прекрасное... К ночи возвращается ямщик с новым колесом, мы снова можем двинуться с утра в путь. Ночуем в первый раз в палатке. Ничего — тепло и даже удобно.

Утром погода ужасная. Идет пронизывающий «алтайский» дождь. Вместо Чемала добрались только до Узнези. Вымокли до нитки. По дороге заезжали в Бешпельтир в одну семью немного обсохнуть и закусить. Взглянуть на редких посетителей собрались местные жители. Живые вопросы и много рассказов. Особенно интересен рассказ об Аргуте, или Архыте, как называют его алтайцы. В ущелье Аргута проезд не везде возможен; тропинка вьется над бурлящей рекой, по труднопроходимым скалам; на одной из них, Богатырском боме, тропа идет по узкому карнизу длиной в 40 сажен. Тропа так узка, что обычно перед переходом по ней стараются криком предупредить встречу, но если встреча произошла и встретились конные, одну из лошадей сбрасывают в пропасть. Боязливые люди проходят бом ползком. В ущельях Аргута в гражданскую войну прятались белобандиты. Один из белобандитов, алтаец Тужлей, сдался советской власти, и не так давно просил его использовать как политпросветработника.

Пейзаж из Улалы до Чемала резко отличается от того, который мы наблюдали до Улалы. Широкие долины горных рек Маймы, Узнези, Катунь и других представляют собой густотравные зеленые плато, окруженные горами. На горах чудесный сосновый вековой лес. Близ дороги попадаются отдельные великаны необычайно правильной формы. Рубят эти деревья так: на высоте полутора-двух аршин вырубает кольцом кору, дерево подсыхает, и тогда его валят. Несмотря на то, что нас мочит дождик, лошади тонут в грязи и едем мы не по берегу Катунь, как предполагали, а через Александровское, мощь и красота природы Алтая живо чувствуется.

Дождь задерживает нас и в Чемале. Только на третий день, когда солнце снова выглянуло, мы вполне оценили Чемал. Особенно красивый вид с так называемой Чертовой Горки. Внизу Катунь прорыла узкий путь среди скал; одна из них совершенно отвесная и называется Чертовой Горкой. Пейзаж изумительный, прихотливые кольца гор, скалистых, но покрытых зеленой травой, кустарником и сосновым лесом, слева в Катунь вливается прозрачный Чемал и кажется черным рядом с белой от мути

ледников Катунью. Горизонт огромный. Место напоминает Теберду, но более мягкое и более открытое. Снеговых вершин не видно. Стараясь использовать солнечный день, после обеда направляемся на Крестовую гору, самую высокую в окрестностях Чемала.

Пейзаж оттуда еще более изумительный и грандиозный, чем с Чертовой горки.

Условия жизни в Чемале очень располагают к отдыху. Прекрасное питание в кооперативной столовой, где мы объедаемся сибирскими пирогами и местными кушаньями.

12-го августа мы были в Аносе у местного художника-алтайца Гуркина. Высокий, худой, в больших сапогах, с типичным лицом алтайца, сидел он перед нами, стараясь советом помочь нам в нашей работе. Гуркин — прекрасный алтаевед, его рассказы дают необычайно много.

Интересна легенда о Катунь. Катунь, вернее «Катынь», имя женщины, жены начальника — Бия. Бий и Катынь поспорили, кто из них скорее вырвется из гор на простор степей. Бий обманул Катынь, ушел не в срок, и Катынь, сердясь и бурля, гонится за ним.

Проработав с нами план нашей поездки и дав ряд ценнейших указаний, Гуркин повел нас в свою мастерскую. Рядом с бревенчатым домом с одной стороны стоит настоящий алтайский летник, так называется шалаш из жердей и пластов коры, с отверстием сверху и очагом посередине. В таких шалашах алтайцы живут летом. С другой стороны дома большое деревянное здание, одна стена которого застеклена, — это и есть мастерская нашего хозяина. Большое количество больших и малых полотен являются прекрасным дополнением к рассказам Гуркина. Гут и Белуха в ряде изображений, и лесные пейзажи, и алтайцы в разные моменты работы и отдыха. Расстались мы, кажется, взаимно удовлетворенные.

Переезд из Аноса до Тоурака, благодаря непрерывающему дождю, был очень утомителен. Вместо полутора дней проехали три дня. По дороге ночевали у алтайцев в аиле Камай. Темнело, когда мы подъехали, промокшие и усталые, к небольшой усадьбе, очевидно, уже оседлого алтайца. Около крошечного бревенчатого домика, в котором алтайцы живут зимой, стоял летник, где находилась семья хозяина. После некоторой заминки нам разрешили переночевать в пустующем зимнем жилище. Низенькая, аршина в три, маленькая избушка была грязна и закопчена. Нас устраивал подросток, плохо говоривший по-русски. Через полчаса помещение было приведено в порядок, вещи распакованы и развешаны для просушки, и мы сели за ужин. Наш юный хозяин принес нам традиционное угощение — чай, вскипяченный в медном чайнике, с молоком и посоленный, и сырки такого цвета, что мы приняли их за подставку для чайника. В качестве мебели нам дали небольшой круглый столик, высотой в пол-аршина, вокруг которого мы и поужинали... собственными продуктами. Весть о нашем приезде быстро распространилась. В избушку явилось несколько женщин и мужчин. Женщины с трубками в зубах и на редкость грязные. Оказывается, в аиле праздновалась свадьба, и нас пригласили на пиршество.

На свадьбе гостей угощали местной водкой «арачкой». Алтайцы делают ее из молока и, очевидно, считают ее очень вкусной. Согласно правилам вежливости, мы должны были выпить по глотку арачки, но она нам не понравилась. Угощение происходит из одной общей деревянной чашечки по очереди.

Все расположились вокруг костра. К костру пришел сам «жених», мальчик лет четырнадцати (оказалось, что ему 15 лет, а невесте 22). Бывали случаи, что женились еще раньше, даже семи лет, — рассказывает наш проводник, — жена же всегда взрослая. Складываются своеобразные отношения: «жена» укладывает спать своего «мужа», как нянька, а когда у нее появятся дети (не от него), он нянчится с ее детьми. После обноса арачкой начались увеселения. Сначала боролись два алтайца, потом пели свадебные песни, и, наконец, танцевали. Танцы происходили в доме, небольшом, но очень грязном внутри. Народу набилось, как сельдей. Гостей посадили на лавки. Танцевали под звуки своеобразного «музыкального инструмента». Это была обыкновенная заслонка от печки, по которой били и скребли палкой. У некоторых плясунов танец был настолько комичен, что весь «зрительный зал» заливался хохотом.

Самое отрадное впечатление осталось от подростка, нашего хозяина. Он все время, насколько мог, старался с нами разговаривать. Однако разговор шел туго, и только на вопрос: «Знаешь ли Ленина?» мальчик необычайно твердо и радостно ответил: «Ага!» (употребляемое в Сибири вместо «да») и потащил нас показывать портрет Ленина, едва видимый в закопченном углу избушки.

Наутро выехали рано, но опять не успели доехать до места назначения. По дороге остановились отдохнуть и закусить в Могуте. Русская семья — дети и бабушка ста семи лет. Старик Трусов, белый теперь управляет, и в свою очередь рассказал о тех временах, когда пороли так, что кровь «свистела»; о том, как работали алтайские крестьяне на местные горные заводы, о том, как раньше боялись «благородных». Старик охотно разрешил сфотографировать его и просил приезжать еще. Мы ему заказали

Путь из Тоурака до Нижнего Уймона, следующая глава нашего путешествия, был совершен в более

благоприятной обстановке. Дождь не мочил нас так отчаянно, и весь путь в 212 км мы проехали в 4 дня без задержки.

Ощущение горной страны усиливается. Около перевала к Черному Аную едем необычайно красивой дорогой. Со всех сторон горы, самая высокая здесь вершина «Плешивая». Извозчик говорит: «Сядут на плешь облака — будет по всей округе дождь».

В лесу — яркие цветы, масса ягод: малина, черная и красная смородина, или кислица, как ее здесь зовут. Мы срываем ее целыми ветками и едим до оскомины.

Лес редкий, больше лиственница, со светлой и прозрачной хвоей. По гребням гор, «по гривкам», настоящие аллеи, а по склонам деревья сплошь, как щетки. Но самое лучшее — это воздух, прозрачный, напоенный запахом цветов и сена.

Пейзаж напоминает Чемал, только более мощный: те же круглые гребни гор, одна гряда за другой, но к югу уже призывно блестят белые снеговые пятна «белков».

Во время пути до Уймона пейзаж меняется несколько раз. Необычайно красива дорога по Келейскому перевалу. Крупный лиственничный лес, чистая почва с мелкой усеянной цветами травой; кажется, что едешь где-то по английскому парку. Мягкие склоны, стада скота, изредка айлы алтайцев, всюду необычайный покой и свежесть.

Интересна степь около Усть-Кана — долина расширяется, горы отступают и становятся ниже, дорога, как асфальтовая; всюду видны небольшие горки земли, нарытые степным зверком («емуранкой»). Небольшое степное озеро, обросшее камышом, кипит от множества птиц — журавлей, уток, каких-то птиц, напоминающих гагар, и других, еще менее нам известных. Все сразу начинают мечтать стать охотниками.

Но особенно прекрасен пейзаж по долине реки Коксу. Коксу — большая полноводная река, в очень красивых берегах, то скалистых, то спускающихся пологими террасами, заросшими лесом. Лес необычайно живописен в лучах заката — то дымчатые прозрачные лиственницы, то необычайные по высоте и стройности темные ели, то светло-зеленые, немного желтеющие березы. Вода в реке кажется малахитовой. Дорога идет высоким берегом, с которого открывается большой горизонт. Особенно красивы спуски у Синего Бома и у речки Громотухи. Дорога в прекрасном состоянии, опасные места огорожены перилами. Нам встречаются рабочие, приводящие в порядок плохие части дороги. Дорога содержится в таком блестящем состоянии крестьянами соседних сел. Невольно сравниваешь ее с южной частью Военно-Сухумской дороги.

Села, которые мы проезжаем: Черный Ануи, Усть-Кан, Усть-Кокса, — типичные сибирские села. Деревянные, иногда довольно большие дома, окруженный изгородью двор, очень мало надворных построек, полное отсутствие деревьев — вот их внешний вид. Однако улицы имеют названия, дома перенумерованы. Население преобладает русское, но делится на несколько групп — казаки, старожилы-сибиряки, переселенцы и отдельно старообрядцы «кержаки».

Почти все села, которые мы проезжали, принимали участие в гражданской войне. Всюду показывают места, связанные с событиями этой борьбы. Здесь, в ущелье, прятались белые, по тому направлению наступали красные, в таком-то селе делали самодельное оружие. Мы видели интересные документы, некоторые с печатью, положенной картофельным штампом. Мы познакомились и говорили с рядом активных участников, даже руководителей гражданской войны.

Не напрасно боролись за новую жизнь, она чувствуется всюду. В Усть-Кане и Уймоне и др. идет лихорадочная стройка новых школ, которые должны дать образование краю. В каждом селе гудит «молоканка» — маслодельный завод. Почти все крестьяне кооперированы молочным союзом. Строится ряд сыроваренных заводов. В крестьянском хозяйстве употребляются машины, есть даже тракторы.

В Уймоне дождь задержал нас на двое лишних суток. Наконец, и здесь погода смиростивилась, и мы вступаем в самую ответственную часть нашего путешествия — переезд через Катунские белки. Нас пугали рассказами о полноводных и быстрых реках, об алтайских «бомах», о пропастях. Но все же мы на конях, готовы ко всяким неожиданностям, и при дружелюбных пожеланиях «доброго пути» выезжаем из Нижнего Уймона. Путь от Нижнего Уймона до следующего населенного места — Рахмановских ключей — мы совершаем в четыре с половиной дня. Погода все время стоит прекрасная. Может быть, поэтому ничто из тех опасностей, которые нам предсказывали, нам не встретилось.

Крепко сидишь на лошади и смотришь во все глаза на окружающее. Долина реки Катунь сверху в лучах заката кажется чашей из разных металлов — желтого, синего, зеленого, с неровными краями гор. Круто поднимаемся в гору. Переезжаем несколько ручьев и речушек вброд, снова спускаемся, чтобы ночевать на заимке нашего проводника, истового старообрядца. До заимки нас провожают его дети — два парня и девочка лет четырнадцати. Спим все в одной маленькой хатке, да еще топленной. Очень душно и жарко. Здесь можно наблюдать сохранившийся уклад старой семьи. Отец — полноправный хозяин, дети слепо его слушаются, все дети неграмотны, и, очевидно, отец не хочет им дать это страшное оружие, поражающее привычный порядок. У них строгое соблюдение поста, едят очень

мало и скудно и необычайно чинно. Пробуем разговаривать с детьми, от наших рассказов у них разговораются глаза.

Утром встаем в 4½ часа, едим, навьючиваем лошадей и к 6 часам уже в пути. Едем, не переставая, до 4 часов дня.

Погода прекрасная — прозрачное синее небо, ниже нас клубы тумана, а перед глазами одна картина сменяет другую — за день четыре перевала. Переезжаем Большой Белок, едем через долины рек Сугаша, Зайчихи и Собачьей.

Пейзаж суровый — высокие безлесные, переходящие в скалы горы, всюду потоки и реки, там и тут пятна снега, внизу покрытые тучной желтеющей травой долины рек, которые мы переезжаем вброд. Берега по южным склонам заросли лесом. Тут и лиственница, и кедр, и ель, и мелкий кустарник. По верхним частям склонов стелется кустарниковая черная береза.

Первая ночевка — под густейшими кедрами. С непривычки, мы проехали около 50 верст, болят ноги и спина. Спешим освежиться в холодной воде горной реки, с аппетитом кушаем у костра. Настроение прекрасное. Кто меньше устал, пляшет вокруг костра. Вечереет. Солнце зашло за горы. По побледневшему небу тянутся золотистые облака, слышен говор реки, весело потрескивает костер. Все довольны и мечтают...

С утра опять в путь, опять с перевала на перевал, вброд по рекам, с постоянно меняющимся пейзажем перед глазами. Погода чудесная. Потрясающее впечатление произвело Талменьё озеро. Когда спускаешься лиственным лесом, вода озера кажется драгоценным камнем. Внизу, в оправе из серо-зеленых гор, покоится оно, огромное (6 км в длину), насыщенно бирюзового цвета, с ярко синими пятнами — тенью облаков.

Остановились под великаном-кедром в тридцати шагах от озера на морене, запрудившей его. Трава ярко-зеленая, у самого озера еще много цветов — лиловый лук, темно-лиловые колокольчики, ярко-оранжевые лютики. Слева — прозрачные лиственницы, справа по склонам темная «чернь» кедров и пихт. Целый день самых приятных удовольствий — купанье в ледяной воде озера, прогулки по его берегам, наблюдение над изменчивой окраской гор. Большой сюрприз сделал наш проводник, наловив нам на ужин «хайрюзов» — местной форели. Или действительно эта рыба необычайно вкусна, или в горах всегда хороший аппетит, но нам казалось, что мы никогда ничего вкуснее не ели. Очень красив дальнейший путь от Талменья. Как всегда, встали очень рано, переехали вброд изумительно прозрачную Озерную, вытекающую из озера, и стали подниматься лесом. Дорога для лошадей трудная. Сыро, корни, камни. Но раннее утро в лесу незабываемо. Тишина. Слышатся только звуки бесчисленных ручьев и речушек. Кедр и пихта, темные и мрачные обычно, зеленым бархатом отливают на солнце. С веток спускаются какие-то пучки серо-зеленых волос. Деревья, необычайно высокие, правильной формы, кажутся свечами.

Перевал от Талменья к Тургеньсу двойной и трудный. После леса дорога тянется косогорами и переходит через седло в очень суровом пейзаже. Лес кончается, верхушки гор покрыты камнями, лентами морен, пятнами снега. Подъем становится все круче, долина уходит далеко вниз, и местами становится жутко. После крутого спуска попадаем в долину Тургеньсу. Долина Тургеньсу узкая, местами скалы то с одной, то с другой стороны подходят к воде, и мы переезжаем вброд то на одну, то на другую сторону реки. При большой воде переезд вброд невозможен, и ездят тропинкой по левому берегу высоко по очень крутому склону. Если бы нам пришлось ехать этой тропинкой, то это было бы действительно опасностью.

Осень спрятала от нас яркие краски алтайских цветов, и только в долине Тургеньсу, покрытой ярко-зеленой травой и яркими разноцветными цветами, мы любовались ими. Ночевка около Катуня, у костра. Наш проводник заботится о нас, как о детях. Под его руководством выработана такая система ночлега — обычно под деревом и обязательно в сухом месте расстилаются кошмы, в хорошую погоду на них кладется наша брезентовая палатка, потом в ряд тесно укладываются все путешественники, закутываясь каждый в свое собственное платье, сверху снова палатка и для особенно зябких незанятая кошма. На ночь разводится костер, и когда ночью поднимаешь голову, несмотря на то, что кругом лежит иней, в нашем гнезде тепло и по-своему удобно.

С пяти часов новый переезд от Катуня до Черной Берели. Основное впечатление дня — Белуха. В течение всего дня, особенно при переездах через перевалы, перед нами сверкали на солнце белоснежные главы этой высочайшей вершины Алтая (свыше 4000 м), окруженные суровым кольцом серо-зеленых гребней. После Кавказских ледников и снежных хребтов на Алтае чувствуется «недостаток снегов», и только снега Белухи, ее ледяные реки разрешают эту тоску! Самое интересное в этот переезд — переправа через брод. За весь путь мы переехали десятки речек, но алтайская переправа почувствовалась только здесь. От дождей воды в реке много. Течение очень быстрое, тропинка едва намечает пункт переправы. Постепенно одна лошадь за другой входит в воду, в некоторых местах выше стремени. Лошади осторожно ступают по дну реки, обходя большие камни. Любопытство за-

ставляет смотреть в воду, и тогда кажется, что вода несет лошадь, — и голова начинает кружиться. Начинаешь снова смотреть на определенную точку на берегу и благополучно доезжаешь до берега. Рассказов о трудностях переездов вброд было так много, что после Катуня и Берели мы испытывали некоторое разочарование, настолько это оказалось не страшно.

Второй момент продвижения верхом на Алтае, который запомнился, это — крутые подъемы и спуски. Когда лошадь карабкается на гору, несмотря на то, что уже свободно чувствуешь себя в седле, приходится держаться руками за гриву. Спуски вообще и особенно к Черной Берели очень круты. Алтайские лошади карабкаются по горам, как козы. При спуске моя лошадь — я не могла не любоваться ею — спускалась так осторожно, что казалось, что она танцует. Почти лежишь на крупе лошади и сползаешь под углом в 70°. Когда мы спустились совсем к Черной Берели и оглянулись на нашу дорогу, то были поражены, как можно вообще спуститься с такой кручи.

Рахмановские ключи, курорт южного Алтая, лежит в очень красивой долине у озера; окружающий пейзаж напоминает Талмень. Мы не были поражены им, так как была хмурая погода и краски были однообразны. Мы приехали, когда курорт уже был закрыт. Несколько бревенчатых зданий и сторож — все, что мы видели. Сторож дал нам возможность принять теплую ванну и рассказал о том, что семь месяцев зимою курорт совершенно отрезан от мира; сообщение возможно только на лыжах.

Из-за дурной погоды мы поехали из Рахмановских ключей верхней дорогой. Мы поднялись крутым подъемом на гору и ехали около 30 верст по плоскогорью. Нас застал там сильный дождь. Хмурое небо, туман дождя, голые обнаженные горы, огромные камни создавали впечатление своеобразной суровой красоты. Ближе в деревне Берель мы проезжали через летнюю стоянку казахов. С десятков юрт, покрытых войлоком, с очень интересным хохолком над дымовым отверстием, стояли почти правильным кругом. Около небольшими табунами паслись сытые и красивые лошади. Нам казалось, что мы заблудились, и мы мимикой просили указать нам дорогу, так как казашки не понимали русского языка. Несмотря на общие расовые корни, казахи очень отличаются от алтайцев. Алтайцы по окраске волос, лица напоминают скорее монголов, у казахов почти круглые лица, с очень ярким цветом кожи и живыми, немного лукавыми, черными глазами. Среди них попадает много стройных, особенно среди женщин.

Около Берели мы встретили много маральников. Мараловодство — одно из серьезных занятий жителей предгорного Алтая, как со стороны Ойратии, так и Казахстана. По склонам гор тянутся ломаные линии своеобразных загородей маральников. Рога маралов — важный экспортный товар нашей торговли. Мараловодство, упавшее за время гражданской войны, снова растет и является одним из прибыльных занятий местного хозяйства. Каждую осень самец-марал дает 10 фунтов сушеного рога, расцениваемого до 15 рублей за фунт. Покупателями являются китайцы, которые используют эти рога как медицинское средство.

Путь от Берели до районного центра Катон-Карагая (82 км) мы проехали почти в один день. После очень красивой, но неудобной дороги по берегу Бухтармы мы выехали на укатанную ровную дорогу. Желание поскорее доехать до Катон-Карагая и хорошая дорога дали возможность большую часть пути проехать быстрой рысью. С удовольствием вспоминаешь, как, поднимаясь в такт с бегом лошади, быстро мчишься вперегонки со своими товарищами.

Катон-Карагай — большое село. Вместе с селом Алтайским, находящимся от него в версте, в нем насчитывается до 7 тыс. жителей. После почти двухнедельного существования в полной зависимости от природы, мы снова почувствовали себя в обычных культурных условиях. Телеграф, почта — значит, письма из Москвы, газеты, люди — все это доставляло гораздо больше приятных переживаний, чем обычно. Мы провели в этом гостеприимном месте несколько дней отдыха, решая вопрос о дальнейших способах путешествия. Мы предполагали дальше ехать по Бухтарме на плотях — еще неизвестным нами способом алтайского передвижения, богатом разными неожиданностями. Оказалось, что плоты Турксиба согнаны уже до основной станции отправления в дер. Быково, т. е. вниз верст на сто. Ехать в экипаже сто верст по малоинтересной местности не хотелось, и мы сразу отправились на пристань на Иртыше — село Малая Красноярка. Этот последний перегон мы проехали в так называемой бричке, — это большая крестьянская телега, напоминающая крымскую мажару или владикавказский фургон. Единственным удобством было то, что всю дорогу мы могли мирно спать. Из Малой Красноярки до Омска проехали по Иртышу. Часть пути от Красноярки до Семипалатинска довольно красива. Чистенький пароход «Роза Люксембург» продвигается не особенно быстро между высоких берегов, луна серебрит воду, слышатся предостерегающие крики вахты: «Пять, четыре с половиной, четыре», команда капитана: «Тихий ход» — и дно парохода шуршит по камням. Очень хотелось в Усть-Каменогорске сойти и поехать на Риддерский рудник, но погода опять испортилась: серое небо, дождь и холод заставили отказаться от этого намерения. В Семипалатинске пересадка ночью на большой пароход волжского типа. Переезд от Семипалатинска до Омска очень однообразен: низкие берега, бескрайняя степь, широкий, с отмелями, Иртыш. Единственное развлечение — арбузы. На каждой пристани дю-

жие грузчики, русские и казахи, бесконечной вереницей в течение часа-двух грузят мешки с арбузами. Арбузами забит трюм, мешками с арбузами завален борт парохода. Пассажиры увлекаются покупкой арбузов, благо они страшно дешевы — 5–10 копеек штука. Вся эта суматоха так не похожа на то, что переживалось в горах. Мы сидим на правой стороне палубы и сначала видим, а потом только знаем, что в этой стороне наш Алтай, наши горы. Становится грустно... Единственное утешение, что наше обследование экскурсионных возможностей Алтая ляжет в основу нового маршрута «Советского Туриста» и поможет сотням и тысячами туристов двинуться в далекий Алтай.

ЈАНҒЫ АЛТАЙ БИЧИКТӨС «ЈАНАЛИФ» (Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1929. – № 8)

Бастыра СССР журтында јаткан түрк ле татар сөөк албаты-јон текши бичик-билик ажыра бойынын ижи-јолын, мал-ажын, јадар-јадынын јангыртып јарандырарын эм тура сүрекей кичееп турулар.

Бичик-биликке үренип алары јенгил болзын деп, озор көдүре ончозы озодон бери тудунган араб сөөк албатынын бичиктөс алфавидин уурзынып таштайла, латын сөөк албатынын бичигине келиштире јангы бичиктөс – алфавит јазайла, оны «јаналиф» деп адап алдылар. Эм тура јаналифла бичик-биликке үренип турганы мындый улус: татарлар, башкирлер, буряттар, якуттар, казак-кыргызтар, сарттар, черкестер, хакастар. Онон до өскө көп түрк татарлар ла бир аай укту улус текши јаналифла бичикке үренип турулар.

Озор бу јаналифле бичикке үрениги 3–4 јылга једе берди. Озордын үредү керегин көргөжин, онын јенгили де, јакшызы да јарг көскө көрүнип билдирет.

Бистин алтай сөөк улус озогызында түрк укту албатыдан таркаган болуп јат, онон улам эмди де бу алдында адалган улустын эрмеги бистин улустын тилине јуук келижип јат. Озордын јаналифле бичиген бичигин кычыргада, озордын эрмек сөзи биске танылу болуп туру.

Бистин алтай сөөк албатынын бойынын төрөл алфавит-бичиктөзи јок болгон керегинде, алтай тилдү бичикти бис орус улустын алфавидиле озодон бери бичип турганыбыс. Је бу орустын алфавит-бичиктөзи бистин алтай улуска база уур болуп јат.

Орус алфавитты түрк ле татар сөөк албатынын «јаналиф» деген бичиктөзиле тун дештирип көргөжин, бистин улуска јаналифла бичикке үрениги јенгил болуп јат.

Мынын керегинде бистин областьтын төс башкару Комитеди мынан ары алтай тилдү бичиктерди јаналифла бичип чыгарзын деп, база эм келер күстен ала алтай сөөк бала-барканы да, јаан да улусты көдүре јаналиф бичикле үредер эдип јөптөп салды.

Эм тура Улалуда алтай тилдү бичик чыгарып турган редакция јаналифле книгелер беле геп бичип туру. Эм келер јаскары јай школдын алтай сөөк качылары көдүре јаналиф үредү курска турар, күстен ала алтай улустын үредү јаналифле текши школдордо башталар.

Алтай тилине келиштире јаналифле јангы бичиктөс – алфавит јазалды, онын көдүре ун танмалары (буквалары) 9 болды.

Бу јангы алтай бичиктөс «јаналифы» бистин улус танып билерге, оныла не ле үредү сөзин танып, бойынын ижи-јолын, мал-ажын, јадар-јадынын јангыртып јарандырарын сүрекей кичеер керек.

Бу јангы керекти тындып өрөлөдип аларга, алтай улус көдүре болужар керек.

Областьтын Јаналиф комитеди

(Эмди чыгар газетте база бичилер).

ЈАНАЛИФКА УЛУСТЫ ҮРЕДЕР КЕРЕГИНДЕ ХАКАС ОКРУГЛА МӨРӨЙ ИШ БАШТАЛДЫ

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот – 1929. – № 9)

Бистин областьта јаналифти јарадып, улусты јаналифке үредерин јарадып јөптөгөнинеги бери экинчи јылы башталды. Је иш дезе бир де эмеш көндүгип турганы јок. Ненин учун бу керек јылбай туру дезе? Бу јанынан албатыны јаналифке үредер бичиктер јок болды. Бичиктерди бастырарга бис Москва ийгенибис, је ол бичиктер эмдиги јетире бүткелек.

База бир јанынан көргөндө, бу керекти аймактарда турган улустар бир де кичебей јадылар.

Бис јайдан бери «Кызыл Ойротко» јаналифле эмештен бичип турганыбыс, газет кычырып турган улус үренин деп. Је аймактардан келип турган табышты укканда, анда бу керекти кичееп турган улус ас болуп јат.

Газетти алдыртып кычырып турган улус ас. Бистин школдын качылары «Кызыл Ойротты» керексибей јадылар. Онон өскө областьта канча ла избачтар бар, ликвидаторлор бар, онон до өскө актив

улус бар. Былар ончозы бу керекти кичееп турза, иш көндүгөр эди.

Бистин областьта эмди жаңалиф керегинде культпоход башталды. Бу ишти өткүрерге Хакас округла мөрөйлөжөргө, договор-бичик эдил алдыбыс.

Ол договорло бис май айга жетире бичикчи улустын ончозын жаңалифке үредип алар учурлу болуп жадыбыс. Май айга жетире бистин үредип алар улустын тоозы 4000 кижил болуп жат.

Айдарда, бу керекти бүдүрерге жөн ортозында иштеп турган партиянын, комсомолдын, профсоюзтын организациялары болужар керек. Олор болужын жетирбесе, бис бу ишти качан да бүдүрүп алар жаңыбыс жок болор.

Бу керекке анчадала бистин алтай школдын качылары болужар керек.

Кыймыктаныгар нөкөрлөр, слердин болужыгарды сакып турубыс. Төрт-беш мун алтай улус слерге иженил жат.

Областьтын Жаңалиф комитеди.

Андрей Барбуев

КООПЕРАТИВ ЖОНГО АРГА

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1929. – № 10)

Элдин-жоннын бириккен,
Эптү-жөптү кооператив;
Ады-жолы арга болгон,
Албатыга туза болгон.
Кызалаңга болушкан,
«Кызыл тандак» лавкабыс.
Корогонды толтырган,
Кооператив садубыс.
Элдин-жоннын ортодо
Эдил койгон лавкабыс.
Элге керек жөбжөни
Экелип берген лавкабыс.
Ачап-сыйап байлардын
Алдын кескен лавкабыс.
Аргазы жок жоктуга
Арга болгон лавкабыс.
Жоон мойынду байлардын
Жолын кескен лавкабыс:
Жокту-жойу улуска
Жол көргүскен лавкабыс.
Колдо турган жөбжөни
Кодорып берер керектү.
Кооператив членине
Кожылып кирер учурлу.
Кысканбай пайды төлөйли,
«Кызыл Тандак» таныгын.
Кызыл-чоокыр бөстөри
Кыстар жараш көрүнзин.

Лавел Чагат-Строев

ЖАҢАЛИФ

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот – 1929. – № 10)

Биске укташ албаты
Жаңалифты төзөди.
Бистин алтай албаты
Жаңы жолды көргүсти.

Јаңы јурум јазаарга
 Јаңы бичик табылды.
 Јаңы алтай бичиктос
 «Јаңалиф» деп адалды.

Угы жаңыс албаты
 Угужып јадар јаңалиф.
 Тили уйгаш албаты
 Тил алыжар – Јаңалиф.

Тузазы јаан бичикти
 Тургуза бис кичеeyли.
 Төрөл јоннын бичигин
 Тосту бичик эдели.

Кайралду бичик табылды,
 Кайран јондор кичеeyли.
 Карындаш болгон албатыга
 Кару сөзис айдалы.

Јаңы бичикке уренип,
 Јаңы јурум јазаyлы.
 Јаңалифти бичийле,
 Јаңы јолго кирели.

ДЕКРЕТ

Об образовании автономной области ойротского народа.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет **ПОСТАНОВЛЯЕТ:**

1. Образовать автономную область Ойротского народа, как часть Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, с административным центром в с. Увильцеком, в состав коей включить:

а) Из Горно-Алтайского уезда, Алтайской губернии волости: Усть-Кашскую, Абийскую, Катайдинскую, Уймонскую, Онгудайскую, Тузгинскую, Цесфайную, Салдамскую, Шибалинскую, Улалинскую, Вешпельтирскую, Измиринскую, Чевальскую, Чергинскую, Кош-Агачскую, Кир-симскую, Улаганскую, Чибитскую, Чолушмавскую и Пас-шульскую в их современных границах;

б) Из Вийского уезда, Алтайской губернии — волости: Лебедскую, Верх-Вийскую (Алтынкольскую), Успенскую и Ныргинскую в их современных границах.

2. До созыва I Съезда Советов автономной Ойротской области, вся полнота власти в таковой в границах указанных в § 1, принадлежит Революционному комитету, ближайшей задачей которого является созыв I Съезда Советов Ойротской автономной области, для кворумной пр-

лы используется аппарат Горно-Алтайского Исполнительного Комитета.

3. Съезд Советов Ойротской области избирает Исполнительный Комитет автономной Ойротской области, с правами губернского исполнительного комитета, но с бюджетом и штатами уездного исполнительного комитета.

4. Народному комиссариату по внутренним делам, Народному комиссариату по делам национальностей и Сибирскому Революционному Комитету поручается обра-зовать специальную комиссию для разрешения вопросов, между которыми возникнут при детальном установлении границ автономной Ойротской области.

5. Передать органам управления территорий, отхо-дящих в автономную Ойротскую область, закончить не позднее 15 июня 1922 года в порядке, установленном, Народным Комиссариатом Внутренних дел.

6. Вывоз имущества и перевод сотрудников из учреждений, подлежащих передаче в автономную Ойротскую область, до составления акта передачи допускается только с разрешения Народного Комиссариата Внутренних дел.

(Из постановления ВЦИК от 1 июня 1922 г.)

Делегаты первого Ойротского областного съезда Советов, май 1923 года

Первый секретарь Ойротского обкома партии П. Я. Гордиенко и командующий частями особого назначения (ЧОН) Ойротской области А.В. Ролико-Виноградов.
Фото 1923 года. Подлинник хранится в Кемеровском краеведческом музее

Обложка Г. И. Гуркина к книге Г. Вяткина "Алтайские сказки" (Новониколаевск, 1926 г.)

Книга для обучения счету

Первый состав волисполкома в Бирюле, 1925 г.

ПОВЕСТИ ОБ АЛТАЕ

(Печатается по: Стонов Д. Повести об Алтае. – М.: Федерация. 1930. – С. 32–45)

Ступени

Внимательный путешественник по Алтаю не может не заметить обилия готового к постройке материала. Материал навален у старых айлов и лежит, по всему видать, не первый год. Это – в самых отсталых, темных, заброшенных урочищах. В более доступных селениях – тут и там белеют шестигранные юрты – первая ступень к оседлой жизни. Шестигранная юрта складывается из горизонтально лежащих, как в обычной деревянной постройке, бревен, только верх построен по типу айлов – жерди и кора.

Но и шестигранная юрта – не новость теперь во многих селениях Алтая. Поставленное рядом со старым аилом, шестигранное помещение начинает вызывать представление о хоромах. Не следует, однако, спешить со сравнением. Еще несколько шагов – и против вас настоящий бревенчатый дом, людское благословение, с настоящей дверью, полом, чердаком для сена. Самому «старшему» из алтайских домов (я не говорю о тех больших селениях, – Чемал, например, – где наряду с ойротским населением живут и русские) четыре года, пять лет. Несмотря на это, домов на Алтае немало, их можно считать сотнями, больше – их в настоящий момент можно считать тысячами.

Почему же рядом с душными, темными, смрадными аилами годами лежит строительный материал, прочные толстые бревна? Почему житель не сразу приступает к постройке? Почему рядом с шестигранной юртой все еще, как проклятое напоминание, как дурной сон, торчит старый аил?

На этот вопрос алтайский работник не сразу ответит. Тут, в жилищном поединке, грудь к груди столкнулось старое с новым – то, что должно быть уничтожено, растоптано, выжжено, обречено на слом, и то, что должно крепнуть, жить, цвести. Как в двух-трех словах ответить на один из главных вопросов алтайского бытия?

Ойрот – кочевник. Можно объяснить кочевой образ жизни любого народа, но при всем желании не поймешь, почему кочует алтаец. Корм для скота? – Он находится везде и всюду, луга Ойротии сочны и великолепны, трава выше человеческого роста, в сотой своей доле она не используется местным населением. Дрова, материал для постройки айлов? – Но если у каждого алтайца был бы не очаг, а печь, пожирающая тысячи тонн дров в сутки, если вместо дымного конуса он бы строил из дерева многоэтажный дворец, – и тогда было бы вырублено на Алтае, может быть, полпроцента лесных зарослей. Охота тоже не может служить поводом для кочевья.

Но факт остается фактом. Ойрот – кочевник. Несколько раз в год он разнимает (а иногда и бросает) свой аил и стихийно движется вперед, пересекает возвышенности, ищет новые места. Движущиеся селения по сей еще день можно встретить на Алтае.

Нечего и говорить, что бытовую, культурную революцию невозможно провести среди бессмысленно кочующего народа. Только в прочном доме удастся загнать в печь пляшущее, жалящее детей пламя очага. Только живущего на одном месте алтайца можно обучить грамоте, приучить к земледелию, научить выгодно обрабатывать молочные продукты. Вот почему местные культурные силы (а их теперь не так уж мало – вузы, втузы, рабфаки, партийные и советские школы увеличивают, умножают число алтайских работников) в первую очередь ударили по этому месту, взяли в штыки жилищный участок алтайского бескультурья.

Но тут пришлось столкнуться (приходится сталкиваться) с рядом бытовых препятствий.

Между новым и старым жилищем непроходимой шеренгой встало бесчисленное множество злых и добрых духов, злых и добрых богов Алтая. Столетиями распределялась площадь внутри аила. Здесь – очаг, там – кожаные сумы с добром, нары, алтарь, жертвенники, добрые духи, злые духи, шкурки, ленты для огненного бога, для бога гор, долин, воды. Мистика язычников требует особой точности, непогрешимости, пунктуальности в распределении пенатов, за этим следит злой прислужник духов – кам. Как же без риска для жизни переселить всю эту страшную, мстительную толпу божеств? Будут ли они довольны новым местом? Не возмутит ли их неслыханное и невиданное новшество? Не обрушатся ли они беспощадным гневом, мором, болезнями на людей, осмелившихся менять вековые устои?

Вопрос с богами невыносимо, бесполезно порешить одним митингом, перечеркнуть обязательным постановлением или решением аппарата. Богов, пока что, надобно загнать в новые дома и только там, исподволь, их уничтожить. Ибо даже угговорив, сагитировав алтайца перейти вместе с домашними пенатами в обычный дом, вы не гарантированы от сюрпризов.

Вот, к примеру, алтаец из селения Камлак – Тыбыл Кодинок. Тыбыл осел, выстроил дом, а в бывший свой аил пустил телят. Год жил он в доме, а потом разрушил печь и «поменялся с телятами»: дом превратил в телятник, сам же перебрался в аил. Почему?

За месяц до перемены жилища жена Тыбыла заболела. Позвали кама. Во время камлания кам «за-

метил», что бог очень недоволен печкой. В аиле неугасимый очаг, здесь же, в доме, его зажигают и тушат, зажигают и тушат. После долгого моления кам вошел в соглашение с богом: Тыбыл Кодиных переберется в аил, огонь будет зажжен, жена Тыбыла выздоровеет.

Этим, пожалуй, объясняется то, что от аила обычно не сразу переходят к избе, а – к шестигранной юрте. Шестигранная юрта – нечто среднее между аилом и домом, не совсем аил, но все же не дом. Очаг в юрте может, как и в аиле, гореть круглые сутки. Юрта хоть и не круглая, зато не четырехугольная, в ней легче ориентироваться, решать, кому какое место, где сидеть старшему, где находиться богам.

И все же, несмотря на то, что боги Алтая не «жаждут» оседлой жизни, – стройными рядами домов, крепкими срубами утверждает себя новая жизнь.

Тот же Камлак, в числе многих других вот уже три года как осел на место, приобщил себя к культурной жизни. Огонь в домах тушат и зажигают тогда, когда это необходимо. Алтайка раз в месяц (в некоторых селениях чаще) моет пол. Скачок после аила огромный!

После первой ступени – вторая. Оседлый человек может и должен обучать своих детей уметь не только «прикладывать руку», но и писать, читать, разбираться в писаном и печатном. На Алтае 132 школы первой ступени; взрослое население быстро, с изумительной поспешностью ликвидирует свою неграмотность, отсталость, бескультурье.

Тут, в виде вставки, я хочу отметить исключительные способности алтайского народа. Потенциальная энергия тысячелетиями лежала под спудом, бродила, ждала случая быть взорванной. Ее освободила наша революция. Несмотря на то, что советский строй получил полную возможность создавать, учить, перестраивать край только в 1924/1925 году, Ойротия в 1928 году уже имела агронома-алтайца, первого агронома за всю историю народа. В этом году алтайцы получили первого своего врача, учителей, педагогов второй ступени. Сорок человек алтайцев обучаются в высших учебных заведениях Союза.

...Это было в Манжероке. Внизу, белая от злобной пены, разбрасывая на своем пути камни и еще более натываясь, путаясь в них, попрыгивает, гудит, мчится Катунь-река. Извилистая, гибкая, тянущая свое тело по каменистому руслу, она в самом деле кажется живым, страстно дышащим существом. Каждая горсточка воды живет своей жизнью, она искрится на солнце, играет светом и тенью, наталкивается, налетает на скалы, распадается на капли, на брызги, на пыль, чтобы через мгновение снова соединиться и, светясь голубыми жемчужными чешуйками, уплыть от взора. Некогда, некогда Катунь, она несется вперед, разбивает, дробит хрустальные спицы бесчисленных своих вод. А над Катунью земля, точно выпирая из каменного хаоса, высоко подняла к голубеющему небу густые леса и луга.

Я уходил от Катунь, от шума реки, но долго еще лес настойчиво гудел протяжным чужим гулом. Наконец он освободился от постороннего рева реки и зажил своей жизнью. Дикие пчелы звенели над цветами, пестрые бабочки спаривались на листьях деревьев. Еж перебежал дорогу и, заметив человека, замер, вообразил себя мертвым.

Я поглядел на ежа, он не шевелился, он искренно поверил в свое небытие. У меня явилось желание перехитрить зверя. Я остановился, перестал заметно дышать, руки положил в карманы, прищурил глаза, стоял не шевелясь.

Оказалось, еж очень легко, с поспешностью, которой я от него не ожидал, поверил мне. Он вытянул тельце, раз и два понюхал вокруг себя воздух и, подняв полушарие, образовав между собой и землей небольшую щель, двинулся ко мне.

Но тут ему помешали. Из леса показался ряд женщин верхом на лошадях. Я хотел подать им знак не мешать моей игре с животным, поднял было руку, но тут удивился этим необычайным наездницам, заинтересовался новыми путешественницами.

Это было в Манжероке, в начале длинного алтайского пути. До Манжерока я успел познакомиться лишь с незначительным количеством алтайских селений. Женщины этих селений все, как одна, носили летом неудобные шубы, поверх шубы – панциреобразные «чегедэх». Они заплетали косы: женщины – две, девушки – три, пять, даже семь. Вместо приветствия, вместо приглашения попробовать пищу алтайка притрагивалась к косе. Косы девушек и женщин были унизаны побрякушками, пуговицами, белыми индийскими ракушками, царскими рублями.

Показавшиеся наездницы не были похожи на доселе виденных алтаек. Это были советские женщины, такие, какими ойротки должны быть. Пожалуй, они несколько не отличались от студенток-воспитанниц, которых можно встретить на улицах Москвы. Обычные полотняные платья, сапоги, красные платочки. Может быть, в самом деле передо мной студентки из университета имени Сталина?

Через час мы знакомы. Мы сидим у палатки, которую прибывшие ойротки раскинули недалеко от Катунь. Трещит костер, над костром закипает похлебка. Женщины бодры, юно-шумливы, кажется – кто-то вдохнул в них энергию, они повезли ее сейчас в свои аймаки и аилы. Бурные волны Катунь скачут меж скал «быстрее лучшего коня», как поется в алтайской песне. Катунь ревет, гудит; нужно напрягать голос, чтобы быть услышанным, нужно кричать, помогать себе руками. Наш разговор поз-

тому носит отрывочный характер, он состоит из коротких вопросов-ответов.

Преодо мной – возвращающиеся со съезда пятнадцать «ялагаток» – женских делегатов. Все они живут в разных селениях, все они познакомились на женском собрании, еще час – и дороги их разойдутся. Среди присутствующих имеются «ялагатки», работающие в женском освободительном движении три-четыре года, имеются и новички. У многих из них я вижу блокноты, бумажные листки исписаны восточными иероглифами. Чтобы отвечать на мои вопросы, новички часто заглядывают в свои записные книжки. Одна делегатка забыла книжку в дорожном мешке. Она развязывает мешок, перекладывает вещи, ищет записную книжку, из мешка выпадают зубная щетка, металлическая коробка с мылом, полотенце.

И опять мысль переносится к тем женщинам, которых до этой встречи я видел в аилах. Я не могу забыть, как одна из них, рассматривая мои вещи, тихонечко откусила кусочек мыла, попробовала на вкус. Зубная моя щетка вызвала восхищение. Пять-шесть таких белых, таких блестящих щеток заплести бы в косу! Вот бы завидовали соседки! По утрам, входя в аил, я видел, как моются алтайцы и алтайки. Раздувая, округляя щеки, они набирают полный рот воды и тонкой струей льют эту воду на руки, размазывают её по лицу. Умывшись таким образом, они приближаются к очагу, огонь в аилах заменяет полотенце.

Да, сидящие со мной женщины уже не будут жить в таких диких условиях, в каких жили и живут большинство женщин Алтая, они вырваны из душных объятий прошлого. Но, в свою очередь, какую деятельность они лично проводят? Не заключается ли весь их груд лишь в работе над собой? Ведь они «ялагатки», представительницы женских масс, борцы за женское равноправие, за культуру, за грамоту, а не просто женщины, приобщающие себя к новой, лучшей жизни.

Задаю через переводчицу осторожный вопрос самой молодой, самой неопытной делегатке, во все горло кричу над ухом свой вопрос.

– В чем заключается работа «ялагатки»?

Молодая, в первый раз побывавшая на съезде женщина быстро и бойко отвечает:

– Ялагатка должна каждый день мыть руки.

Пауза.

... мылом.

– Еще?

– Ялагатка должна мыть шею и чистить зубы.

– Еще?

– Ялагатка должна не позволять выдавать замуж девушек за пятилетних мужей, бороться с многоженством.

– Еще?

– Из молока не делать арачку.

– Еще?

Более длительная пауза.

– Лечиться не у кама, а в советской больнице.

– Еще?

– Еще? – переспрашивает «ялагатка», чуть смущаясь. – Еще? – повторяет она, вспыхивая, заглядывая в свой блокнот. – Она должна работать не больше... не больше...

Тут её обрывает более опытная делегатка:

– Ялагатка должна работать не больше своего мужа.

От декларативных пунктов «должна» она быстро переходит к рассказу о том, что сделано ею в своем аймаке.

В прошлом году ей вместе с другими двумя делегатками удалось уговорить все свое селение купить сепаратор. Сепаратор был куплен, в аилах начал исчезать кислый, грубый, непитательный курт, сократилась варка арачки. В этом году она думает начать агитацию за молочную артель.

– Почему именно в этом году?

Это очень интересно.

В прошлом году она познакомилась на съезде с одной делегаткой. Делегатка эта из дальнего урочища. Женщины разговорились. Оказалось, в селении делегатки было так же мало сделано, как и в селении рассказывающей. В этом году они вновь встретились. И что же? Приятельнице, как оказалось, удалось не только приобрести для общества сепаратор, но и организовать молочную артель. Выходит, значит, что она, рассказывающая, отстала. Неприятно, неприятно, но ничего, она наверстает, она обязательно наверстает, она не может не наверстать.

Я условилась, я уговорилась, я... – она тоже достает блокнот. – Я заключила договор. Я никак не могу запомнить, как это называется. Понимать – я понимаю, хорошо понимаю, но вот название... Я заключила договора на «социалистическое соревнование»!

Мы сидим на берегу Катуня, мы громко говорим, стараемся перекричать друг друга, шум реки. Каждая из делегатов старается как можно больше сообщить «гостю» о своей работе.

Одна повела решительную борьбу с изгородью. Дело в том, что, осев, покончив с бродяжничеством, алтайцы разделили близлежащий луг, он покрылся изгородями, у каждого скотовода был свой участок. Нечего и говорить, что это повело к раздорам и недоумениям: у одного пастбище лучше, у другого – хуже. В селении начались неприятности. С ними надо было покончить. Изгороди, благодаря настойчивой агитации делегатки, были в конце концов снесены. Пастбища стали общим достоянием.

Другая делегатка агитировала (и сагитировала) население на посадку картофеля. Теперь в её районе сажают картошку. Третья взялась за устройство детских яслей. Нет больше погибших в огне детей, калек, уродов.

Солнце стоит над нашими головами, оно погружает в беснующиеся воды Катуня горячие свои лучи. Закипел, сварился обед. Последний коллективный обед. Пришла пора расстаться. Дороги делегатов расходятся. Они поедут в свои урочища делать свои маленькие будничные дела, ступень за ступенью уводить ойрота от старого прошлого. Наступает всегда почти грустная минута расставанья. Женщины седлают лошадей. Тушат костер.

- Эээн болзын! До следующего собрания!

- Якши болзын! До следующего собрания!

Дороги расходятся. Лошади разбредаются в разные стороны.

Надо сказать последние слова приветия.

- Э-эй! Приезжайте к нам на открытие артели. Она обязательно будет открыта. При-ез-жай – те!

Люди скрылись. Шум Катуня разрывает последние их слова:

Эй, красавица, славная Хан-Алтая быстрая река, эй!

Крутобережная, беловодная Катунь!

С высоты крутизны, с ледяной, белоснежной, поднебесной, эй,

Ты бежишь между скал быстрее лучшего коня...

Улгерлер жуунтыда кепке базылганы аайынча:

«Советтердин жолы ССР-да жүзүн-жүүр албатыга бичик чыгарып»

(Сост. Токмашев Г., Чевалков П. – М., 1930. – С.85)

ОМОЛИК

Ах малыбыс астабазын деп,

Аргалу өмөлик эдели!

Астамду иштеп жүрели деп,

Артель эдерин кичеейли!

Уйыбысты сүттү эдели деп,

Узатпай өмөлик тудалы!

Укту якшы мал азыраар деп,

Уй малдын артелине эдели!

Јангыстан иштеп жүргенче

Јарадып өмөлик не тутпас?

Јаскыда куру отурганча

Јазап артельге не кирбес?

Өмөликтен туура бар!

Өкпөйлөп айдып болбозыгар!

Артель этсе, астам бар!

Албаты оны билип туру.

МАШИНА

Эки колдын кучине

Эне болор машина!

Эски јуртым өнжидер

Эрден бөкө машина!

Өлөн кезер машинам
 Өрө тартар бойымды.
 Өчөмик болгон бойымды
 Өнжидетен машинам.
 Уйдын сүдин булгайтан
 Устар эткен машинам.
 Уур ишти эдетен
 Уруп эткен машинам.

Машинабыс көптөзө,
 Малыбыс өзөр болор бо?
 Трактор бис алгажын,
 Туралу журтыбыс оңдолор!

Кату-Сёк

АЛТАЙДЫҢ ЈАҢҢЫ БИЧИГИНЕ КАНАЙДА ҮРЕНЕР

Текст бичиктен алынган:

*"Јаналиф Јаңы алтай бичиктөс Бичик билер улусты «Јан алифке» үредер бичик"
(Улалу, 1930 жыл. – С. 3–4)*

Бу «јаналиф» деп («јаңы алтай бичиктөс») бичикти азыйда бичикке үренген алтай улус јаңы бичик таңма ла «јаналифле» баскан бичикти кычырарга да, бичиирге де үрензин деп чыгарган.

Јаналиф бичикти канайда кычырар, канайда бичиир, бого канайда үренер? – деп көл кижинин сагыжына кирер эмес пе? Алган тарыйын кижиде ондый сагыш бар болоры јолду. Је мында менин айткан сүме-сөсти јакшы јазап шүүл, сананып, сагышка алынган кижии јаналиф-бичикти кычырарга, бичиирге үренеринен јалтанбас, чөкөбөс, менин айткан сүме-сөстөн кыйбас болзо, тапту бачым үренип алар.

Бистин азый бичиктерди базатан бичик таңмалар (буквалар) бир башка, бичикти колло бичийтен бичик-таңмалар база бир башка, олардын кажызы да јаанду, кичинектү. Эмдиги бу јаналифтин бичик-таңмалары база ондый ок – бичикти базатаны бир башка, колло бичийтени база башка, олардын кажызы да јаанду, кичинектү болуп јат.

Јаналиф бичиктин энг бажында беш башка бичик таңманы үч јол эдил баскан. Баштапкы (үстинде) јолдо бичик базар таңмалар, экинчи јолдо чике үстинде турган бичик таңмаларды колло канайда бичийтенин салган (олордын кажызын ла јаанду-кичинектү эдил, эжерлеп салган), учинчи јолло турган азый бичик таңмаларла чике үстинде турган јаңы бичик таңмаларды канайда адап, айдатанын темдектеп салган.

Јаңы бичик таңмаларга көс үренип турзын деп, үренип турган кижии јаңы бичикти кычырарга тазыгып турзын деп бир кезек сөстөр базылган.

Мынаң ары јаңы бичик таңмалар бирден-бирден кожулып браадар. Бу јаңы бичик таңмаларды јаан эдил баскан: баштапкызы – бичик базатаны (јаанду-кичинектү), онон ары – колло бичийтени (база јаанду-кичинектү), калганчызында – алдында турган јаңы бичик таңмаларды канайда адайтанын айдып берер азый бичик таңма (эки јанынан бөкөн чийиктү).

Јаңы бичик таңмалар кожылган сайын, үренип турган кижии бичик кычырарга тазыктырып, салган сөстөр башка-башка болуп, көптөп турар. Үренип турган кижии бу сөстөрдии туктурылбай кычырып турарына јетире үренгенче, катап-катап кычырып турар керек.

Јаңы бичик таңмаларды кычыратанына үренгени ле коштой бичиирине база үредер керек.

Бир ле бичик таңманы танып, билеп алып, бу бичик таңма салган сөстөрдии кычырарга үренип алган соондо, јаңы таныган бичик таңманы јаңыс бойын менгебей, јазап бичип, үренип алар керек. Онын кийнинде кычырып, үренип алган сөстөрдии көчүрип бичип турар керек.

Јаналифле баскан бичикти кычырарга, бичикти јаналифле бичиирге быжулап үренип алайын деген кижии бир де эмеш менгебес керек. Јаңы таныган бичик таңманы көс јастырбай, танып турар эдил, эмеш те туктурылбай кычырар эдил үренип албаганча, база јаңы бичик таңмага көчпөс керек. Анчада ла бичийтенине үренгенде, менгебей таңманы чек, јараш эдил бичиирге колды темиктирип турар керек.

Бичик таңмалардын ончозын капшаай ла үренип алайын деп менгеген кижии бичикти јакшы кычырарга үренип болбос. Чала-была бичип, үренип калган кижии соондо бойынын бичигенин бойы да кычырып болбой турар. Мыны ундыбас керек.

В СТРАНУ ОЙРАТ

(Печатается по: Сибирские огни. – 1935. – № 5. – С. 38–41)

Громадами гор гремели ветры,
 Взрывались тучи и пахло озоном,
 Лопались
 Наискось
 Крепкие кедры
 И падали наземь с надсадным звоном.
 Лишь сизые травы болотных кочек
 Паутину покоя плели.
 Плотно ложились таежные ночи
 На пропотевшую кожу земли.
 И человек – двуногий зверь –
 Зарывался в берлогу из бревен,
 И в час, когда сном захлебнется зверь,
 Он с землею ложился вровень

Зияло небо отравленной щелью...
 В маяте проносились тучи лет.
 Шаман, извиваясь, шипел по ущелью,
 В юрту вползал молитвенный бред.
 Красивую кыс – розовь угра,
 С глазами – веселый дым,
 В богатый аил от родного костра
 Уводил за собой не любим.
 Как будто бы так заходил, невзначай,
 Оставался на вольный ночлег,
 Потом предлагал кирпичный чай –
 Белый человек.
 Нежные бусы, как светлую соль,
 Рассыпал по кошмовке,
 И приговаривал:
 ...Изволь...
 Якши...
 По дешевке.
 Потом доставал олять и опять,
 Много доставал!
 Потом арачка говорила: «Гулять», –
 И гуляли наповал.
 А утром вставал, угонял стада,
 Лошадей, коров и маралов...
 Хитрый:
 Он все забирал без труда,
 Он звонкой монетой играл!
 Монеты манили за дальние горы,
 Туда, где, стеклянные рты разинув,
 Стояли под вывеской «Фирсов и Второв»
 Серые спруты магазинов.
 ...На закат костровый
 В ядовитых парах
 Покорно дымилась долины.
 О жизни своей песню ойрат
 Слагал печально и длинно.
 Глухое рыданье струили свирели
 С надеждою встретить рассвет.
 Но дикое солнце в бездонной щели
 Ссыпало сверкающий свет

Там, где холодеет зима добела,
 Где ветер несет снеговые дюны, –
 Гранитные
 С ревом рвет
 Удила
 Взыбленный конь Катуня.
 Ползучие травы, как змеи, легли
 В лунной ложине Алтая.
 ...В палатке разведчики спать не могли,
 В проектах и картах блуждая.
 И тот, что был строг и хмур на вид,
 Речь говорил другим:
 – Эти горы взроет наш динамит...
 Ржавую шкуру тайги
 Вскроем,
 И сытое мясо кедра
 Разрежем на ровные брусья...
 Богатствами очень щедро
 Это захоlustье.
 Говорил молодой:
 – Смертоносные раны
 Всему нанесем, что назад зовет.
 Над берегом бурым
 Сквозь тину тумана
 Как знамя,
 Поднимем завод.
 Чтоб древний покой был
 До сердца
 Распорот, –
 На месте юрт
 В синеву долин
 Проухает
 Первый
 Промышленный город,
 Освобожденной страны властелин.
 Третий рассудка пускал поток:
 – На время оставим «панораму»...
 В глубинах таятся «на все сто»
 Пласты свинца и вольфрама.
 Пыль тяжелеет от медной руды.
 Змеевиковый асбест – в сланце талька.
 Цветным откровеньем глядит из воды
 Речная катунская галька.
 Не слово, –
 Глаза наточи, как ножи,
 Чтоб каждая галька давала
 В награду разведчиками желтый жир
 Золотого металла.
 Если в рыжих пятнах склон,
 Значит, земли проступает кровь.
 Тогда ты достань штанговое стекло
 И каменный череп вскрой...
 Говорили, курили, спорили
 В незнакомой стране Ойрат.
 А в памяти острыми шпорами
 Как лозунг, вставал Ленинград.
 Свинцом освистанная юность...
 Но сердце занозой не ныло,
 Когда в бесконечную лунность

Смерти смеялось рыло.
 Когда пулеметной трелью,
 Порохом взрытых недель,
 Обесцвеченных голодом тел, –
 На переломе
 Баррикад
 Революционный
 Вставал Ленинград.
 ... А ночь уходила с горбоватой земли.
 Палатка плыла с рассветом.
 На карту разведчики путь нанесли
 Тонко отточенной метой.

Как стройные сосны,
 Поют провода.
 С Улалой,
 С Улалой
 Говорят города:
 «Чтобы в грузах
 Могли
 Грузовики прошагать
 С пятилетками буйными в такт, –
 От Бийска к Монголии – на Кош-Агач
 Проложить,
 Проложить
 Тракт».
 Слово летит,
 Поет как струна...
 Приказ городов принимает страна.
 Утро пронесит туманы плит, –
 День, как булыжник, в работу влит.
 Вечер наносит туманы плит, –
 И ночью
 Работа,
 Работа
 Кипит.
 Пока не дымит
 Динамит,
 Молчит
 (Лишь тяжелеют патрона накалы...)
 Искрой во тьме
 Вдруг
 Закричит, –
 Прорвой взрываются скалы!
 Ветошь дорог
 Разгромил гранит.
 Советский шофер
 У монгольских границ.
 Глаза у шофера –
 Угля куски.
 Чуть раскосы,
 Чуть узки...
 В распахнутых верстах,
 Где пылищи тоска
 Острым бензином приколота,
 Осколки дробят развороченных скал
 Тяжелым поющим молотом.
 С рассветом на тракт
 Караваном коров,

Что мясом и кожей богат,
Твоя закипает здоровая кровь,
Молодая страна Ойрат!
...Как стройные сосны,
Поют провода.
С Улалой,
С Улалой
Говорят города.

Бийск, 1931

Петр Гордиенко

ОЙРОТИЯ

(к десятой годовщине Ойротской автономной области)

(Печатается по: Гордиенко П. Я. Ойротия. – Новосибирск, 1931. – С. 25–28)

Канду-Алтай (или кровавый Алтай) – имя ойротским горам.

Неслучайно это название. С древних времен сохранились предания о жесткой борьбе, проходившей между ойрот-кижи⁵⁹ и их воинственными соседями.

Народные былины рассказывают о многочисленных героях, богатырях-защитниках и охранителях этого пастушеского племени от разных невзгод.

Сартаклай – один из наиболее ярких героев народного эпоса.

Он не только побеждает врагов и освобождает свою родину от злых сил, от людоеда Дельбегеня, но и заботится об улучшении народного быта, об устройении родной земли.

Величие самой природы заставляет приписывать ему сверхчеловеческую мощь. Он проводит реки, передвигает горы, прокладывает пути, строит каменные мосты, жилища, учит людей трудиться.

До наших дней сохранились памятники старины. В некоторых горных ущельях можно отчетливо видеть остатки крепостных сооружений, величественные по своему замыслу и неприступные для военной техники того времени. Это – массивные стены из гранитных глыб, загораживающие собою целые ущелья. О том, что они возведены при помощи человеческих рук, не может быть никакого сомнения.

Таким же памятником старины является скала надписей по Чуйскому тракту – Бичикту кайя. На ней до сих пор сохранились исторические записи о борьбе, происходившей в далекие времена.

Здесь ойроты встречали монгольское войско, выдерживая годами осаду противника. Предание рассказывает, что попытки со стороны Сонока, предводителя монгольских войск, взять ойротов обходным путем через вершину горы Сеокту-тайга кончилась для монгол неудачей. Люди Сонока погибли в снегах неприступных ледников.

Таким образом, природные условия способствовали сохранению независимости ойротов-алтайцев, защищая их от могущественных врагов, но, с другой стороны, это приводило их к замкнутости и способствовало их культурной отсталости.

Ряд ученых исследователей утверждает, что вслед за распадом созданного Чингисом великого ханства было организовано государство – Джунгария, о чем упоминает и Гергард Миллер: «Под именем Элет разумеются подлинныя уйряты Абулгазовы, которые в нынешние времена по ту сторону алтайских гор между Турхустаном или большою Бухариною и Мунгальскою землею живут особливим самодержавным государством».

В состав Джунгарии входило несколько ойротских племен, объединенных на основе договорного начала. Этот союз (или федерация народов) носил название «Ойрот». Территория союза распространялась от Тянь-Шаня до Саянских гор, включая и Северный Алтай.

Но по-иному это преломляется в народной памяти. «Ойрот» уже не рисуется как определенная форма государственного устройства, а превращен в легендарного богатыря-хана, обещавшего своему племени через долгий промежуток лет вернуться, чтобы освободить его от чужеземного гнета.

После разгрома Джунгарии Китаем ойроты, населявшие Алтай, хорошо защищенные горами, еще ряд лет остаются независимым самоуправляющимся государством. Значительно позже ойроты прибегают к дипломатической хитрости, откупаясь от Китая данью, а по мере распространения влияния России – они действуют таким же образом и в отношении этой страны. Получалась двойная дань, за что русские и называли их по тому времени двоеданцами⁶⁰. Дорогой ценой покупалось ойротами право на жизнь.

В 1866 г. по договору России с Китаем, территория северного Алтая окончательно закрепляется за Российской державой.

59. Ойрот-кижи – ойротский народ.

60. Бассейн Катуня занят алтайцами, на Чулышмане, Башкаусе и Чуе обитают теленгиты, - все это бывшие «двоеданцы», т.к. до 1865 г. они платили дань и русским, и китайцам (Азиатская Россия, изд. 1914 г.).

Дальше сопротивление становится невыносимо.

Но в борьбе за свою независимость и под яладычеством России ойроты не перестают лелеять образ легендарного Ойрот-хана, который должен освободить свой народ и вернуть ему счастливые времена эпических богатырей. В долгие осенние вечера, собравшись в юрте, под звуки волнующей музыки – комыс⁶¹, слушают ойроты повествования какого-нибудь искусного сказочника.

– «Прежде бывших счастливых девяти тысяч лет и семи тысяч серебряных лун, отметивших путь народа, в пору, когда изобилие земли не знало границ и не было счета её благодеяниям; когда каждый ребенок был крепче столетнего дерева, а ноги девушек быстрее дзерень; когда мудрость стариков, как жемчуга, украшала их головы и как бронза были упруги их мысли; когда не было войн и оружие служило потехой праздным, – в эту счастливую пору шестидесяти шести поколений, населявших Алтай и таких же семидесяти поколений, находивших пристанище в долинах, где, как звезды неба, не знающие счета, бродили стада и у каждого из них была своя масть, где не было бедствий, иссушающих кровь человека, как осень иссушает траву, – в давние времена сберегал свой народ юноша-богатырь Амыр-Сана, сын Ойрот-хана. Красив и статен был Амыр-Сана и любили его все девушки больше себя. Но появился в горах другой богатырь, завистливый и злой, как чудовище – Кара-Кула. Плохо стало жить народу под властью ненасытного зверя – богатыря. Обеднел народ, все богатство оказалось в руках чудовища. И вызвал его Амыр-Сана на страшный бой, чтобы отомстить за притеснение слабых. Бросились богатыри друг на друга, сцепились руками, упали вместе на землю, затряслась земля, посыпались камни с гор, в реках вода выступила из берегов.

Снова поднимутся, ударят один другого в грудь, пойдет вихрь. Закачаются деревья, с корнем вырванные кедры и лиственницы повалятся на землю. Черная пыль поднимется со снеговых вершин, заслонит солнце, месяц и звезды, земля задрожит, треснет под ногами богатырей, все огнем опалит на тысячи верст в окружности. Проходят дни, месяцы, годы, а богатыри все бьются, и ни один не может осилить другого.

Войны истощили народ, как плохой корм истощает скот. Когда победит Амыр-Сана – наступит новый, счастливый век».

И встают перед слушателями геройские подвиги Сартаклая, Ойрот-хана, Амыр-Сана и др. богатырей, защитников народа.

Через день, оставляя позади село Куяган, политгруппа медленно направилась в сторону Черного Ануя. Деревушки этого района кишат бандитами. По сводкам, которые мы получали от разведывательных отрядов ЧОН, было видно, что политгруппа находится в центре расположения бандитских сил: Орлова-Пьянкова, Колесникова и Тырышкина.

Осколки разбитой банды Кайгородова еще пытались держаться, занимаясь мародерством и неожиданными налетами на мирное население.

Части ЧОН, ликвидируя их убежища – кулацкие хутора и заимки, создавали для бандитов все более трудные условия.

Чтобы избежать столкновений с бандитами, нам приходилось ехать окольным путем. Но от этого опасность нисколько не уменьшалась. Возможность попасть на засаду была так же вероятной, как и всякая иная встреча с передвигающимся врагом.

Мы взяли с собой лучшего знатока горных тропинок и перевалов партизана Дмитриева.

Ему больше семидесяти лет. Он выглядит кряжистым пнем, замшелым от жизненных бурь и невзгод. Вся его фигура дышит неиссякаемой энергией. Он самый стойкий из партизанской деревни Деминой. Восемьдесят человек вместе с Дмитриевым, не покладая оружия, боролись с колчаковщиной и продолжают бороться с бандитизмом.

Впереди, чуть заметным пятном, то скрываясь, то снова показываясь на горизонте, маячит наша разведка. Через несколько часов мы повернули в горное ущелье, идущее по направлению к черно-ануйскому перевалу.

Потянул ветер. С западной стороны, цепляясь косматым краем за гребни утесов, стала надвигаться дождевая туча. Загремел гром, подгоняемый ветром, захлестал мелкий дождь. Порой он ослабевал и показывался клочок улыбающегося неба. Ослепительно ярко загорался сноп лучей. Потом разом наступала мгла, и дождь начинал лить с бешеной силой. Ехать приходилось каменистым берегом горной речки, пересекая её через каждые тридцать-сорок шагов.

Только к вечеру мы были у намеченной цели. Быть может, дурная погода, доставившая нам немало неприятных минут, способствовала тому, что мы благополучно выбрались из лап бандитского окружения.

Гражданская война, затянувшаяся на Алтае, выработала привычку действовать в условиях военного лагеря.

61. Комыс – музыкальный инструмент, имеющий сходство с камертоном.

Тени далекого прошлого кровавыми призраками реяли над этой горной страной.

Канду-Алтай (или кровавый Алтай) – имя ойротским горам. Не случайно это название. С древних времен сохранились предания о жестокой борьбе, происходившей между ойрот-кижи и их воинственными соседями.

Тексттер бичиктен алынган:

"Жан ы школ учинчи жыл бичикке балдардын кычырар бичиги 1-кы бөлүк"
(Москва, 1931.- 107-109.)

ЛИКПУНКТ

Андайган тужы болды. Эр улустын чыдалду ла дегени үзе андап атана берген. Үйде карган-тижен үй улус, база бала-барка ла жүрди. Сарбачак деп уулчак та жара андаар деген жүрди. Онын адазы андап атанарда:

– Сен, уулым, мен жанганча үйде энеңге болужып жүр. Жанып келзем, школго ийерим, бичикке үренеринг – деген болгон. Је Сарбачак уй-койын түште јаланта айдаза да, бойын анчы эдип алып, койон андаарга јазанды. Ненинг учун дезе, ајыктап жүрер болзо, кардынг устинде койон изиненг ле көп ис јок болгон. Ол койоннынг орыктаган јерине тузактар буулап салды.

Бир күн тузакка түшкен койон алды. Кабырып жүрген уйларын чачып ийеле, койонды айылына жүгүргенче јеттирди.

– Эне, көр! Койон тузактап алдым – деп айдала, энезининг алдына ак койонды салды. Бойынынг көс-бажы курчыган, эрмекти јетпес тутак айдып, манзаарып, куучындап турды. Таппасты тапкандый, санаазы омок, кожондоп ийген эмезе шайт этире сыгырган, тоқыназы јок жүрди.

Олордынг айылдарына айылдаш болгон база 4-5 өрөкө айыл кыштап јаткан. Сарбачакка кубарлаш Тем деп уулчак бар болгон. Сарбачак койон тутканын, нөкөрине угуспаганча тоқынабады. Барды. Темге айдып, мактанып турды. Тем кожо андаар болуп, суранып алды.

Темнинг айылында солун улус јуулып келди. Олор јуун эдип жүрген улус болды. Јуун болды. Темнинг улузынынг болчок турачагына јаан улусты үредер ликпункт ачар эдип јоп бүдүрдилер. Карган улустаң ла өскө јаан улусты ончозын үредер. Сарбачактынг јенезин Кандыкты база үредер эдип, бичип койдылар.

Кандык оны угала, энгирде курсак кайнадып отурала, айтты: «Бу улус јуун эдип, јаан улусты бичикке үредер деп, јарабас не керек тапкылайт? Јаш бала эмес, јаан кижиге эптежип канайып үренетен. Јок, мен ле ујалбай, барып үренбезим. Устүне эмчек јаш балам бар. Оны кем көрөр, оны кемге алдырар?» – деди. Бойы Сарбачактынг экелген койонынынг эдинг кайнадып турган. Эт быжарда, оны казаннан чыгарып, тепшиге салган изу эттинг буузы буулап, јыды јайылып турат. Јаан энем эт јип отурала: «Сен, Кандык јаш келин де болзон, бичик билбей јадын. Бичик билбес кижиге сокор кижиге тунгей. Эш неменинг аайын билбес, көндөй гон өш. Темей мойнобой, бичикке уренгин. Эмчек баланды мен соотодып, алып отурайын, балага тартынба» – деп јөптөди.

Кандык ујала-ујала ликпунктка барды. Эмди бичикти эмеш билип келди. Јаан буквалу сөстөрдиге салыштырып туру, база јамандыра бойынынг ады-јолын бичип јат.

Урен, үрен Кандыгым! Бала тужында үренип албаган. Је ол тужында бичикти кажыбыс та билбейтен: каан, јайзанг башкару ого килейтен эмес. Јаңыс Совет башкару бастыра албатыны бичикке, керектү ишке үредерге кичееп јат. Мен оны сүрекеј јакшызынып јадым. Меге тунгей јажыт үй улус бирүзи де бичик билбес, көк тенек. Онынг да керегинде эмдиги кир-балкаштаң, карануйданг чыкпай жүредибис. Эмди јангы ла үй улус јуунга эшке жүрер болдыбыс.

Совет бичик ортобыста каа-јаа јурет. Солун табыш неменинг учурын кычырганы биске једип, оны кулакка угадыбыс. Не ле неменинг учурын айландыра шууп јадыбыс. Озогы јаан улустынг билери, эмдиги јаш балдардынг билериненг чик јок ујан болды – деп эрмектер болды.

БИЧИК КЫЧЫРАР ТУРА

Бистинг школ колхоз-школло јаба болгон. Бу колхозто бичик кычырар тура бар. Ол тура күскиде октябрь айдынг байрамына келиштире ачылган деп угуп жүрөтөм. Бир күн школдогы үреду учына чыгарда, үредучи балдарды јаан кыпка јууды: «Бүгүн бичик кычыратан тураны барып көрөктөр. Оңдо не барын, нени эдип турганын ајыктап билип алактар» – деди.

Балдар бичик кычырар турага келди. Мен база балдарла кожо келдим. Бу тура төрт кылту эмгир. Эң башка јаан кыпка кирзес, ичи кеен, көзөктөри јаан, туранын ичи сүреен жарык. Стенелерин агарга череттеп койгон, устине јүзүн-јүүр јуруктар, лозунгтар кадап, јарандырып койгон эмтир. Бичик кычырар туранын башчызы куучындады: «Бу кыпта јуун эдип јадыс».

База беш күннинг бажында, амыраар тушта, агроном јаантайын келип јурет. Ол келгенде, улуска

мал-аш ижин канайып жазандырарын, саялган аштын бүдүмин, онын түжер түжүмин канайда көптө-дип, өрө көдүрерин үредип айдат. Энгирде от куйдүргенде, волшебный фонарлу жүзүн-жүүр журуктар көргүзөт, олардын жараш-жакшызын не деер; кижини оны макаттып жылбиркеп көрөт. Бу журуктар соот болор: жылбилү, солун неме үредер – тузалу. Онойып көрүп жүрзөң, кажы бир совхозтордо канайып уйды машинала сааганын, уй-малды канайда чек, ару чеден кажаганда тударын көрүп, сагыш алынып үренеринг – деди.

Экинчи кыпка кирзебис, столдордын үстинде алтай тилле бичиген: «Кызыл Ойрот» газеттер, «Лениннын жолу» база «Лениннын үредүзи» деп аттуу журналдар, бичиктер жадыры. Орус газет. Бичиктер оной до көп эмтир. Стенелеринде Октябрьдын революциязынын эткен улу башчыларынын сүрлери, база башка-башка ондү будуктарла жураган не ле диаграммалар туру. Көп улус жуулып калган, отургуштарда отуру. Бир кижини газет кычырат. Тынгап турзам, айландыра жаткан журт аймактарда, өскө журт ороондордо не болуп турганын айдып жады. Бистинг журтта колхоз, совхозтор канайып көптөп өзүп, жаранып, тыгып турганын, озогызына көрө. Канча кире фабрик-заводтор көптөп калганын, жагыдан канча көп бир жылга бюджетенин, мал аш ижине керектү не ле жүзүн машиналар, тракторлор бүдүрүп, чыгарып, таркадып турганын, ончозын бичиктен кычырып тур. Бичиктердеги журуктардан да көргүзөт. Жаан улусла кожо бис база көрүжип турадыс. Анчадала аш кезип, ол ок тарыйын ашты согуп, арутап, чачып, белетеп, таарларга уруп брааткан жаан машина – «комбайнды» журуктан көрүп, сонуркап кайкадым.

Учинчи кыпка кирзебис, база ла көп эр-уй улус толып калган, ончозы керектү: налог түшкен окладнойын көргүскөн, кандый улус налогтон жеңилтелү болотонун уккан туру. Мында олардын керектерин аайлап, жартап, айдып турган эмтир. Мында ок кажы кижини Кызыл черүде турган уулдарга письмо бичидет. Аймакка, журт-советке, албаты жаргызына, оной до өскө жерге комыдал сурак эдип (заявление) бичиткилейт. Ликпунктка келип, бичикке үренетен улус база бичидип ок жатты.

4-чи бөлүк кыпта не ле кружокторы жуулып, бойларынын ижин эдетен эмтир.

Бу улус мынайып жакшы журттап, культура керегине үренип турганы, колхозтын ийдези болгон туру, коммунист-партиянын шылтуузында болгон туру деп, бис жаанып, сананып, шүүп турдыбыс.

В. Тверской

БИЧИИЧИ КИЖИ КАНАЙДА ИШТЕЕР

көчүргени

Леонид Сары-Сеп

БИЧИК ЧИЙЕРГЕ БАШТАП ТУРГАН УЛУСТАРЛА КУУЧЫН

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1931. – № 1-2)

*«Бичиктер бичийтен иш жеңил иш эмес,
жакшы бичиктер бичиирге турган болзон,
көп иштенер керек, көп үренип,
бичин турган бичиктеринге көп иштеер керек».*

(Максим Горький)

Эмдиги писатель улус (писатель-бичиичи кижини) 18 жаштан ала бу ла ишти иштеп, оныла курсагын азыранып, оной өскө иш иштебеске сагышту.

Же ондый болуп аларынан озо бу улус жакшы үренип, өскө ишке таскап алар учурлу, кийинде бойларынын билгенин бу ишке салгадый болор учурлу.

Жаңыс бичиктер ле бичип, оной өскө иш иштебей жадамы – жаңыс ла кыра аш салып, ол жердин күчин алып турганына түңей. Бир бичик база бир бичиктен чыгып турган эмес, ол бичикти бүдүрер кижини керек.

Писатель (бичиичи) кижини курсагын азыранып тургадый база бир иштү болор учурлу. Бу экинчи ишле жаңыс ла курсагын азыранып тургадый база бир иштү болор учурлу. Бу экинчи ишле жаңыс ла курсагын азыранар эмес, же ол ишти иштеп, бичиктер бичигедий болорун. Бу экинчи ишти ол ундыбай иштеп турар учурлу, бичиичи кижини кандый ла ишти иштезе кем жок: ол темир согор үстар болор, үредүчи, эмчи де болор, агроном до болор. Бу ижин ол качан да ундыбас учурлу.

Эмдиги бичиичи улустар капшаай ла писатель болорго күжүренип турза, ол тушта бис кара кулактук койлор тутканыла түңей болорус. Мындай укту койлорды туткан улустын кылыгы мындай: боос койды согып турар. Айдарда, ол кой ойине жетпей төрөөр, ол өлү чыккан курааннын терезин сойып алар.

Чын ла бичиичи болуп алары, канча-канча жылдын бажында бичиирге үренип алган кийинде болор.

Озо баштап өскө кижинин бичигенин кычырарга үренип алар керек

Бичиичи кижини канайда кычырар учурлу? Көбизинде бис бичикти бачымдап, жетире сагышка алын-

бай кычырып жадыбыс.

Онойдо кычырганынан туза жок. Чын ла кычыргадай туза жок, оны да бис бачымдай кычырып ала-ла, бис оны билерис деп сананып жадыбыс. Мынайда кычырып, бис бойыбыстың ижисти үрөп жадыс. Бичикти бачымдабай, сагышка алып, бир де эмеш таштабай кычырып турар керек.

Бичиичи болорго турган кижги бичикти жакшы ла шинжүлөп турар учурлу; час жазайтан ус часты канайда шиндеп турган, автомобильле жүрер кижги машиназын канайда көрүп турган, бичиичи де кижги бичикти онойдо ок шинжүлөп турар учурлу.

Озо ло баштап бичикти бөлүп аларына үренип алар керек. Ол бичикте телекейди бичигенин, бичикте айдылган улустың кылыктарын бичигенин айрып көрөр керек. Онын кийнинде ол улустың куучындарын көрөр керек, олар канайда куучындажыл турган: бирден-бирден узак куучындажыл турган ба ол эмезе кыскарта айдып, куучындажыл турган ба? Бого коштой ол бичикте айдылган улустың куучындары олардын кылыктарына келижил турган ба? Мыны көрөр керек. Онын кийнинде ол бичикте бичилген неменин учуры канайда башталып турган, оноң ары ол кандый, учы кандый болуп турган.

Оскө улустың бичиктерин мынайда шинжүлөп көрөри, учурлу неме болуп јат. Јаңы баштап турган јаш бичиичи улустар өскө улустың бичиктерин кычырарынан јалтанып жадылар; не дезе? Олор оны кычырып, ол бичикте бичигенинче бойлоры да бичий берер деп. Је ондый шүүлте сыраңгај јастыра. Бичикти бичиир јолын билбес болзо, бичип те болбос.

Кандый ла бичикти бичиир јолы – бистен озо канча мунг кижининг иштеп тапкан јолы болуп јат.

Өскө бичиктерди сагышка алынбай, бөлүбей кычырза, качан да олардын бичигенинче бичий берер, бойы да билбей калар.

Бичиичи бойының јолын, бичиирин јылыйтпаса, көп лө кычырар керек. Је кычырарда, ол бичикти жакшы ла шинжүлөп турар керек. Ондо бичилгени не учурлу бичилген, оны кычырган улустың сагыжын неге эңилтерге турган, мыны ончозын јарт билип алар керек.

Јаңы баштап турган бичиичи кижги мындыј немени билер учурлу: онынг көзи алдында не ле болуп турганын көрүп, оны шүүп, билип, сагыжына алып турар керек.

Бис бичиктерден көп кычырып жадыс: өскө јердинг кижизи ол эмезе бир неме билбес кижги город јерге келеле, ондо бир де неменин аайына чыкпай јат деп. Бичиичи кижги ондый болбос учурлу, бичиичи кижги не ле немени ончозын билип турар учурлу. Је көрөр болзо, ондый эмес: бистинг көзистин алдыбыста не болуп турганын аайына чыгып болбой жадыс, бистинг јаңы баштап турган бичиичи улустарыс газетке де жакшы бичиирин билбей жадылар. Ондый улустың бичигенин көрөр болзо, мындыј неме билдирер: олар бойының деремнезининг өзөгининг жадынын газеттен ле көрүп, билип жадылар. Ол газетти кычырып, онынг кийнинде газетке бичиген аайынча бойының деремнезининг өзөгининг жадынын онойдо ок бичип јат, газетте бичилбеген немени база бичибей јат.

«Бичиичи кижги ајыкчыл болор учурлу, көзининг алдында не болуп турганын ончозын көрүп жүрер учурлу. Улусты, олардын кылыгын, кийимин, эрмегин, оноң до өскө не ле немени, олардын жадынын, јурттын ајалгазын, телекейде не болгонын ончозын ајыктап жүрер учурлу. Онойдо көрүп жүргенин, ајыктанып, ончозын ундыбай, сагышка алып жүрер керек, соондо нени-нени бичизе, онынг ончозы ого керек болор.

Ајыкчыл ла сагышту болорынанг өскө, бичиичи кижги не-неменинг учурын билер ок учурлу, ол билимин јаантайын көптөдип жүрер керек.

Бичиичи кижги ол бичип турган јерининг, јоннынг да, башка-башка улустың да жадынын, олардын кылыгын, ол јурттын ајалгазын ончозын јарт билер учурлу. Оноң өскө онынг бичигени чын эмес, тескери болуп, тузалу болорының ордына јаманын јетирип турар. Је ондый да болзо, бойының бичигине не ле көргөнин, ончозын оок-теек неме де болзо, бичиир эмес.

Бичигинде ол анчадала тың ајыкту немелерди, онынг бичип турган немени јарт, чындалтып, учурлап тургандарын артызар учурлу. Оноң өскө бичикти кычырган кижги ол оок-теек немелерден, онынг төс учурын чыгарып болбос, «эки-јаңыс агаштын кийнинег чын ла агаштын бойын көрбөс».

Оноң ары бичиичи кижги кандый да тилле бичип турган, тилин жакшы билер керек. Тилди јетире билбезе, ол бойының сананып турган сагыштарын бичип болбос, ондый кижининг бичигени неге де јарабас, коомой болор.

Бичиичи кижги ајландыра јаткан улустың куучындажыл турганын тындап, сагышка алып жүрер керек, ондый куучындардын тың ла ајыкту сөстөрдди бичип алып, жүрер керек.

«Качан да болзо, «јанчык» бичик, бичиичи кижининг качан да таштабас кожо алып жүрер јепсели болуп јат. (Јанчык бичик дегени не ле көргөн, укканын бичип алып жүрерге карманда алып жүрер бичик). Онойдо бичиирде, јаңыс ла ајыкту немелерди ончозын бичип жүрер керек. Јаан-јааи бичиичи улустар ончозы мынайда эдил жадылар».

РАССКАЗ О СНЕЖНОМ ПОХОДЕ
(Печатается по: СССР на стройке. – 1932. – № 9, б/с)

Только в начале 1923 г. закончилась здесь гражданская война... Этот рассказ, полный драматизма, мы услышали из уст самого тов. Долгих, командира «снежного похода»:

«Отдохнув в юртах и пополнив свои ряды людским и конским составом, 3 дивизион с приданным ему 4 отдельным кавдивизионом получил оперативное задание: дойти до Чике-Таманского перевала, там распечатать закрытый пакет, содержащий боевой приказ, и действовать согласно указаниям, объявленным в этом приказе.

Поднявшись на Чике-Таманский перевал, глядя на расстилавшуюся перед нами долину, накануне ставшую могилой двух батальонов 185 полка, командир отряда тов. Менаков распечатал пакет. Обоим отрядам под общим моим командованием приказано пройти белками с Чуйского тракта на Уймонский, спуститься в поселок Тюнгур, в глубокий тыл противника, сокрушительным налетом истребить банду Кайгородова, а его самого взять живым или мертвым. Не выполнив этой задачи – не возвращаться. Белки непроходимы даже в малоснежную зиму, тем более в такую, какой была зима 1921–1922 года, особенно к концу. Даже местные охотники на лыжах боялись заходить на Яломанские белки. На этом диком горном кряже летом только две тропы: одна – Теректинская, которой мы уже пробовали проникнуть на Уймон, но неудачно, чуть не оставив один из эскадронов. Вторая тропа ведет долиной реки Катунь. Я повел отряд этой тропой. Не доходя до средней переправы реки у «Верблюжьей шейки», обнаружили заставу противника. Благодаря узкому ущелью схватка нашего эскадрона в пешем строю была безуспешной. Невидимый противник, сидевший за скалами, был неуязвим. Тогда я изменил маршрут похода, решив перейти Яломанские белки. Решение, заранее обреченное на провал, как мне пытались доказать другие товарищи. Однако, не видя другой возможности выполнить данный мне приказ, я отдал распоряжение: готовиться к походу.

Устроив смотр отряду, я выяснил, что овес вышел весь. Не было хлеба, сухарей. Я приказал запастись вареным мясом на трое суток, отпустить лишних и больных проводников, бросить не входивших в отряд выючных крестьянских лошадей. На рассвете мы выступили на страшный Яломанский перевал. Через несколько часов мы были там. Отсюда начались мучения, длившиеся трое суток. По мере движения вперед трудности увеличивались, заставляя меня подумать об отказе от этого плана. Только благодаря громадному напряжению воли всего отряда мы продолжали двигаться вперед. Снега лежали глубиной до двух метров и кони тонули по брюхо. Костры разводить было нечем и на привале люди дрогли и уставали больше, чем в пути.

На остановке командиры эскадронов доложили, что появились уставшие лошади, которых придется бросить. Настроение командного состава и всего отряда было подавленное. Чувствовалось, что еще немного и скрытый ропот может перейти в прямое неповиновение. Нужно было что-то предпринять. Я заявил всем, что разговора не может быть о возвращении, что первый, выразивший неповиновение, кто бы он ни был, будет рассматриваться, как бунтарь, и будет расстрелян. После этого, воспретив проводникам говорить что-либо о перевале, я разрешил зажечь костры. Через 6 часов отряд двинулся дальше.

Следуя в конце отряда, я видел, как на месте стоянки осталось несколько лошадей. Двигались молча, не разговаривая. Настроение было безразлично-подавленное, не было слышно ни шуток, ни смеху. Роптать тоже перестали. Так прошел весь остаток дня в безмолвном движении.

Часов в 8 вечера остановились на привал. Мороз крепчал. Развести большие костры было не из чего. Зажгли маленькие кучки высохшего можжевельника, вырытого из-под снега, который не давал ни света, ни тепла, а тлел, напрасно отнимая труд. На стоянке я увидел, что есть уже пешие, что брошено больше 30 лошадей. После 4-часового отдыха, ночью, поднял отряд и двинулись дальше.

В непрерывном движении вперед и вперед прошел следующий день. Число оставших лошадей уже перешло 50. Фактически мы уже не измеряли время сутками, не отличали дня от ночи, поход был сплошным движением вперед. Люди поняли, что возврата не может быть и в конце концов стремление к цели постепенно охватило всех. Воспользовавшись возбужденным настроением, я давал только короткие передышки и, не считаясь с тем, день или ночь, вел отряд все вперед и вперед.

Девятого появились первые отстающие люди: отдав единственного своего заводного коня, я велел бросить часть седел. Идущих пешком слабых бойцов посадил по несколько на лошадь вместо здоровых. Остановились на привал.

Выяснилось, что до спуска осталось не более 5–8 верст. Разложив костры уже из появившихся пней и заколов несколько лошадей на шашлык, я решил дать большой отдых для последнего перехода и подсчитал свои силы. К 4 часам только подтянулись задние. Число уставших лошадей уже подходило

к сотне. Людей уставших и уставших насчитывалось тоже несколько десятков.

Обсудив создавшееся положение, я решился на крайнюю меру. За час до наступления темноты отдал распоряжение сняться с привала, отобрать сильнейших лошадей и людей. Все пешие и отстающие должны двигаться за нами по мере сил. Это значило, что в случае бурана оставить людей без помощи на верную смерть. Иного выхода я не видел. Обстановка требовала принятия исключительных мер. 300 всадников, на довольно свежих еще лошадях, я повел вперед, в последний переход. Мы подошли к первому крутому спуску. Отряд остановился. Командир взвода не решался двигаться дальше. Я добрался кое-как пешком до головы отряда и, выяснив от проводника, что таких крутых спусков будет несколько, приказал командиру головного взвода спуститься первым. Видя его колебание, я вынул наган, щелкнул курком, поставив его на взвод, повторил приказание. Комвзвода слез с коня, шагнул вперед и скрылся в темноте. Снова отдал приказ слезать с лошадей стоящим впереди красноармейцам и спускаться за комвзводом. Момент был напряженный. Но вот первый красноармеец начал спускаться, за ним последовали остальные. С наганом на взводе пропустил я перед собой весь отряд и никто, ни одна душа не произнесла ни слова. Здесь все друг друга знали. Спуск шел по обледенелому крутому ложу. Лошади скользили, срывались и летели в пропасть, люди выбивались из сил, но я не давал передышки и только перед последним спуском сделал привал. В моем распоряжении теперь было только 150 сабель, половина людей, остальные отстали и ждать мы их не могли. Отдохнув и спустившись в долину, я разделил отряд на три части, решил ударить на бандитов.

С трех сторон ворвались мы лавой в поселок, мигом зарубили часовых, захватив всех бандитов во главе с Кайгородовым, расстреляли их, как врагов трудового народа, на месте»...

За этот беспримерный «снежный поход» тов. Долгих получил орден Красного знамени.

Николай Каланаков

МЕТОД БИЧИГИ

**Janгы школ деген букварьла балдарды канайда үредетен?
Кепке базылганы аайынча: "Janгы школ овош балдар үренер
букварь для школ I-й ступени на ойротском языке"
(Новосибирск, 1932. – С. 71-73.)**

Janгы школ деген букварьла балдарды бичикке үредери бүдүн сөстин методыла үредетен. Онызы кандый метод дегежин, онын учуры мындый!

Эң ле озо балдарды бүдүн сөстөргө үредер. Ол сөстөр бу: **ат, сула, бала, тура, база үзүк сөзи «ла»** деп болор. Бу сөстөрдү балдар жакшы үренип алгачын, ошон ары балдарды сөстөрдүн үзүктөрине үредер. Сөстөрдүн үзүктөрүн бириктирзе – **janгы сөстөр чыксын деп үредер.** Сөстөрдүн үзүктөрүн бириктирзе, **janгы сөстөр табылар деп, балдар аайына чыккан соондо, балдарды сөстөрдүн үндөр букварине үредер.** Үндөр букварине үредер тушта, кандый бир сөскө ол эмезе сөстин үзүгине жапшырар болзо, **janгы сөстөр табылып бүтсин деп үредер керек.**

Бу бүдүн сөстин методыла балдарды үредер болзо, балдар үзүк сөстөрдө сөстин үзүктери бар, үзүктөрүндө үндери бар деп **jарт билип алар.**

База тунгак үндөр (в, d, к) үнгүр үндөрдөн (а, о, е) башка айдылбай, кожо жаба айдылаг па деп билип алар.

Бүдүн сөстин методыла үредү мынайда барар:

Үренерге келген балдарла беш күнге таныжып, куучындажып алар керек. Олордын ады кем, ада-энези кем, өмөликке кирген бе, кирбеген бе – деп, сурал угар. База школдын ичине канайда отурар, канайда жүрер, качан келер деп, үредер. База балдар жайгыда нени эткенин куучындажар. Бу «Janгы школ» деп букварьдын үчинчи листинде баштапкы журукты көргүзүп, балдардын жиилекке жүргенин куучындажар, экинчи журугун көргүзүп, жайгыда балдардын ойногонун, сууга эжингенин куучындажар. 3-чи журугунда куучын өмөликтин балдарынын жайгы ойыны, 4-чи – балдар ойыны, 5-чи – балдар сууга киргени, 6-чы – огород отургусканы, 7-чи – тракторло кыра тартканы, 8-чи – салдала кыра тартканы, 9-чы – колло өлөн жууганы, 10-чы – машинала өлөн жууганы, 11-чи – колло аш кескени, 12-чи – машина аш кескени. Бу журуктардын учурын балдарла куучындажар болзо, оны балдарга журадып та турар.

Балдар жураар тушта, суреең аяктанар керек. Бир жанынан балдар карандашты чын, эптү, онду тутсын деп, экинчи жанынан балдар түс, чике отурзын деп аяктаар керек.

Балдарды онойып 5 күнге журадып турар болзо, балдардын колы карандашла чийерге таскай берер. Балдарды үредер болзо, 15 минуттын бажында өскө үредүге үредер керек, 16 минут куучындашкан болзо, 15 минут журадар, ол эмезе кожондоор, кандый бир ойын ойнодоор, база эмеш жуун да эдип турар.

Алтынчы күннин үредүзинде балдарды «Ат» деген сөскө үредер. Слерде ат бар ба? Атла нени эдип жат? Атка миндин бе? Ат сугардын ба? Ат откордын ба? Атты сүүп турун ба? Аттын буды канча? Аттын бүдүжи ле уйдын бүдүжи түнгей бе? Айла башка ба? Башказы, түнгейи незинде деп куучындажар. Онын кийнинде аттын журугын көргүзөр. Бу не деп сурайла, бу журукты журагар деп айдар. Балдар жураар тужында, чаазынды, карандашты чын тудуп туру ба? – деп көрөр. Нени журап жадыгар? – деп сура. Балдар журап божозо, олорды переменге ий.

Экинчи урукто балдарды **ат** деген сөскө үредер. Якшы лаптап көрүгер, бу **ат** деген сөсти класстагы ончо балдарга жарт иле көрүнгедий эдип, ажындыра кепке салган буквала бичип алар керек. Балдар оны якшы аяктап көрүп алган соондо, балдарга айдар: «Эмди көрүгер, якшы көрүп алала, база онойып ок **ат** деген сөсти бичигер». **Ат** дегенин бичийле, база катап карандашла кайдан баштаганын, канайда бичип барганын көргүзөр, балдардын бойлорына көргүзөр. Онон соондо ол сөсти балдарга бичидер. Айла кандый жолло, канайда бичиирин бала сайын айдып берер. Бир катап **ат** деп бичиген болгон, онон ары бир ол эмезе эки элү жерге ажыра басып, база катап **ат** деген сөсти бичит, онон база ла онойып бичидер. Онойып лаптап айдып бербезе, балдар **ат** деген сөсти устине бичип ийзе, не де аай жок болор, уредү тескери бүдер. Балдарды катап-катап нени бичип жадыгар деп сурап турар.

Балдар бичип божогон соондо, **ат** деген сөсти стенеге илип койор. Онын кийнинде букварьдын учында жаан букваларла бичиткен **ат** деп сөсти буква сайын башка-башка кезип алала, балдарга бер. Бу **ат** деген сөсти мен урей кезеле, берип жадым, оны жазап салыгар. Эмди урейле, база катап жазап салыгар. Онойып катап-катап салдырар.

Букварьдан **ат** деген сөсти таптырып кычырт. **Ат** деген сөс бу бичикте кайда бар, оны таап көрүгер деп сура.

Балдар бу **ат** деген сөсти якшы билип алзын деп, **ат** деген сөсти балкаштаг туттырар ол эмезе оогош ташган салдырар.

Балдар жанар алдында бу не деген сөс деп сураар. Бичик кычырарынын үредүзи баштапкы күни мынайып өтти.

Экинчи күнде «сула» деген сөсти **ат** деген сөскө үреткен чилеп, сурекей быжулап үрет, **ат** деген сөскө түнгейлештир.

Балдарга **ат** деген сөстин, **сула** деген сөстин букваларын береле, **ат** деген сөсти салыгар, **сула** деген сөсти салыгар деп айт. Жастыра салбаска, **ат** деген сөсти көрүгер, **сула** деген сөсти көрүгер деп айт. Балдарга «**Ат, сула**» деген будун сөстөрди бер. Буквалар бөлиирде, бу буквалар деп сырангай айтпас керек.

3-чи күнине **бала** деген сөскө үрет.

Жастыра салбаска **ат** деген сөсти көрүгер, **сула** деген сөсти көрүгер деп айт. Балдарга **ат, сула** деген будун сөстөрди бер. Буквалар бөлиирде, бу буквалар деп сырангай айтпас керек. **3-чи** күнине **бала** деген сөскө үрет. Оны **ат, сула** деген сөскө үреткен деп үрет, түнгейлештир.

4-чи күнде **деген** үзүк сөскө үрет. **Аттын** база суланын журугын коштой тургузып, олордын алдына сөстөрүн тургузып, ол эки сөстин ортозына **ла, деген** сөсти тургузала, бу кем ле кемнин журугу деп балдардан сура. Балдар **ат** ла суланын дежер. Айдарда, аяктап көрүгер **ат** деген сөс кайда? **Сула** дегени кайда? **Ла** дегени кайда?

Онон соондо **ла, деген** сөсти бичидерге урет. Букварьдын кийниндеги **ат, сула, бала, ла** деген сөстөрди кезип алала, балдарга букварьдын 8-чи листиндеги эрмектерди бу сөстөрлө салыштырып кычырт. Онын кийнинде букварьдын бойын кычырт.

5 күнде тура деген сөскө үрет. Уредери **ат, бала** деген сөстин үредүжине түнгей болзын.

6-чы күнде сула, бала деген сөстөрди үзүктерине бөлүп ийер. Бөлүп ийерде, белетеген ол эки сөстин баштапкы үзүктерин линейкала бөктөйлө, нени көрүп туругар балдар десе, балдар бала дежер. Онын кийнинде **бала** деген сөсти алала, балдарга көргүзөле, бу сөстин **ла, деген** үзүгин кайчылап алайын көрүгер. Кайчылап алала, үзүгин көргүзөр. Онын кийнинде **ла, деген** үзүгин көргүзөр. Бу не? – деп сураар. Онын кийнинде доского кечире салган жоон линейка агаштын сол жанындагы учына ба деген үзүкти тургузар. Он жанындагы учына **ла** деген үзүкти тургузар. Онойып тургузала, **ба** дегенин айттырар, **ла** дегенин база онойып ок сураар керек. Эмди айдыгар **бала** деген сөсти эки башка көргүкандый сөс чыга берди? (ойто **бала...**). Эмди ойто айрыйын. Не болды? **Ба** болды. База **ла** болды. Олор сөстин үзүктери. Олорды база катап бириктирейин.

Бала деген сөсти айтканда, кижинин оозы канча катап ачылар. Көрүгер, мен айдайын. Эмди слер айдыгар, канча катап ачылат? Эки катап ачылат: ол сөстө эки үзүк **ба-ла**. Ол эки үзүкти (**ба-ла**) стенеге илип кой.

Бала деген сөстөрди букварьдын кийниндеги листтен кезип алала, балдарга оны **ба-ла** деген үзүктерине кестирип, ойто бала эдип, катап-катап сайып көрүгер: **Бала** деген сөсти буткул бойына

айдыгар, үзүктерине салала, үзүктерине айдыгар.

Сула деген сөстө кандый үзүк бар? Онын үзүктерин бала деген сөстин үзүктерин болуп үреткен аайынча үредер.

Сула деген сөсти үзүктерине кес, сура: баштапкы үзүги (су) не? Экинчи бөлүги (ла) не?

Доскодо кечире салган линейка **су** деген, **ла** деген үзүктерди салып, бала деген сөсти кычырган чылап кычырат. Бу сөстин баштапкы үзүги не? Су дегенине? Су деген үзүкти стенеге кадап кой.

Онын кийинде букварьдын 10-чы листиндеги «ат суу ичип жат, бала суу уруп жат» деген журуктарды көргүзөт, сура: «Ат нени эдип жат?». «Ол журуктын алдында не сөстөр бар? Бала нени эдип жат? Онын алдында кандый сөстөр бар?» Ол листтеги **суу** деген сөстөрдү таптырып кычырала, ол листтин сөстөрүн ончозын кычырт. Нени кычырды деп сурап угуп тур. Бу онынчы листке эки де күн үретсе, кем жок. Кандый балдар жакшы санаазына ол үзүктерди алынзын деп үретсе, быжу үредү болор.

7-чи күндө Эне, бала, ал деген сөстөргө үрет. Былардын жаңы сөстөри **эне** дегени болуп жат.

8-чи күндө салда деген сөскө үрет. Салда деген сөсти бөлизен, сал деп жаңы сөс чыгар. **12-чи** листтин кычырт.

9-чы күндө кара деген сөскө үределе, **сула** деген сөстин **да** деген үзүгүн жажырза, **сулада** деп сөс чыгар, база **ал** деген сөскө **ба** деген үзүкти жапшырза, **алба** деп сөс чыгар, салба деп жапшырза, салба болуп калар. **13-чи** листти кычырт, **тура, кара** деген сөстөрдү үзүктерине болуп ийзен, *ка-ту, ту-ра* деп үзүктер чыгар.

10-чи күн кату деп сөсти мынайда тапкан деп айдыл бер: **ка** деп үзүккө **ту** деп үзүкти кожордо, **кату** деген сөс чыккан. Онойып ок (Атка) **атка** деп сөс табылган. Букварьдын 10 листтин кычырт.

11-чи күн «туга» деген сөскө үредерде, онын баштапкы үзүгүн (**ту**) билер үзүкти кезип алза, **га** деген үзүги артар. Ол **да** деген үзүкти **бала** деген сөскө кошсо, **балага** деп сөс турар керек. База **сула** деген сөскө кошсо, **сулага** деп сөс табылар. Табылар букварьдын 11-чи листтин кычырт. База стенеге бичип салган сөстөрдү, үзүктерди жаантайын сурап турар керек. Ол тушта балдар кычырарга таскарга белен болор.

12-чи күн. Балдар ол 15 листти кычырарга жакшы билип алган болзо, **ат** деген сөсти үндөр буквазына бөлиир керек.

Оны мынайып болуп алар: «Мен айдайын, угуп турыгар». Бойун десе **а** деп үндү үспей, узада чөйип турала, токтоп калала, сура: мен нени айттым? Балдар **а** дежер, онын ары угуп турыгар. База **ла а** деп үнди үспей чөйип турала, **т** деп чөйип, үнди үспей бу **ат** деген сөс боло берер. Айдарда, балдардан сура? Кандый сөс чыкты? Балдар **ат** дежер. Эмди слер, балдар, мен деп чөйип үнди үспей, бу **ат** деген сөсти айдыгар.

Айдар тушта айкап турыгар **а** дегенин айдарда, слердин оос ачык турган ба айтса, жабык турган ба? Калганчызын айдарда, оозыгар ачык турган ба, жабык турган ба, тилигер тандайга тийди бе, жок по? **Уредүчи** бойы база катап чөйө айдыл берзин. Онын кийинде балдарга айттырала, **тара** баштап нени айттыгар, экинчизинде нени айттыгар, нени экинчизин айдарда, тилигер неге тийди? Айдарда, деген үн буква элтү бе? Дегени элтү бе? **Уредүчи** кижилер балдар **т** деген үн букваны айдарда, озо тилин тандайга тийдиреле, айтсын кичеер керек, онын башка балдар оны **ыт** деп айдар, үредү тескери барар.

А деген үн – буква **үнгүр үн** деп айдылар, **т** деген тунгак деп айдылар, балдарга айт. Онын ары **т** деген үн букваны тургузала, онын жанына **а** деген үн-букваны кожоло, бу турган сөсти **та** деп айдып, кычырат деп балдарды үрет. Онын ары 2 см. жер божодоло, база **т** тургус, ого **а** деген букваны кошсо, база **та** болор, оны балдарга айттырып кычырт. Балдар **та** деп сөстөр айдып кычырат. Бу **та** дегени не? – деп сура. Бир **та** деген сөсти алала, арткан **та** деген сөстин **т** дегенин **а** дегенинин он жанына тургузала, бу не сөс (ат) деп суразан.

Баштапкы **ла** тужында **үнгүр үн-буква** жок, тунгак **үн-буква** айдылбайтан. Кожо айттыртып, балдарды үрет. База кычырат дегени, сөсти айдар дегени болуп жат деп балдарды үрет. **Та-та, ат** сөстөрдү балдар үзе тартпай, жарт, тыгыда айдып кычырзын. Онын ары **та** дегенин **т** букваны кошсо, **тат** деп сөс чыгар. Бу не учурлу сөс деп, балдардан сура. Онын соондо ологго буквалар береле, **ат, та, тат** деп сөстөрдү үредер. База оны букварьдын листтинин учында тарткан чийу алдындагы **ат, та, тат** деген сөстөрдү кычырт. Онын кийинде бу сөстөрдү кол бичиирине үредер **ат, та, тат**. Балдар кажызын коомой бичип турган болзо, оны жаңыскандыра бир 3-4-5 катап бичидип турар.

Кол бичиги бу **ла күннен** ары башталар, мынын алдында кепке базылган бичик болгон.

13 күн экелди, берди деген сөстөргө үределе, оны үзүктерине болуп ийер болзо, **е** деп буква чыгар, база **экел, бер** деп сөс чыгар, **ди** деп үзүк чыгар.

14 күн эт, ат, та, тат деген сөстөрдү колло бичидип үрет. База 17-чи листти кычырт.

15-чи күн алды деген сөскө үрет, оны үзүгине бөлүзе, **ал** деген сөс чыгар, база **ды** деген үзүк чыгар, **сал** деген үзүккө **ды** үзүкти жапшырза, **салды** деп сөс чыгар. Кычырат 18 лист.

16-чи күн. Балдар деп сөскө үределе, онын учунан деген үн букваны болуп чыгарып алар. Онын

кийнинде мындый букваларды кошсо: э+r+t+e=эрте деп сөс чыгар. База ту+r=тур деп сөс чыгар. База мындый чыгар: тур+ды=турды; ба+r=бар; бар+ды=барды; та+r+a=тара; та+ра+ды=тарады.

Кайчы. Кай-чы; кай+да=кайда. Балдар р деп букваны ыр деп айтпазын.

17 кўн. От деген сөскө үрет. Оны букваларына бөлүзе, о деген үн буква чыгар. О, о деген үн букваны өскө үзүктерге, сөстөргө кожордо, мындый сөстөр чыкты: т+о+т=тот, о+r+t+о=орто, т+о+r+о=торо, о+турала=отурала, т+е+r+е=тере. Буквалардан от деген статьяны кычырт.

18-чи кўн 21 листтеги сөстөрдү. Жаңы сөстөр: А+да+м бичик кычырат. Ка+т+чы, ар+ба=арба.

Мынан ары балдарды бу «Жаңы школ» деген букварьла бу өрө айткан аайынча үредер. Кандый листте кандый буквага үредерин жаңыстан бичип койгон. Букварьда кандый ла жаңы сөстөр учураар болзо, жакшы аяктап көрөр керек. Жаңы сөстөр журук алдында бичилген. Ол эмезе кандый бир сөскө, үзүккө буквалар кожордо, жаңы сөстөр бүткен. Ээн жерге бу букварьга бир де сөс кирбеген. Ончозы журукту кирген, ол эмезе сөстөргө, үзүктерге, букваларга үзүктер, буквалар жапшынарда, жаңы сөстөр табылган. Онын учун үредүчи энжирде эртен үредерин жакшы аяктап көрөлө, бу жаңы сөс мындый аайлу табылды деп балдарга лаптап, айдып берип турар керек. Анайтпас болзо, балдар коомой үредилер.

Жаңы сөстөр табылганын жарт билерге турган кижини кандый сөстөрдү, үзүктерди, букваларды балдарга үрөткенин учётко алып турар керек.

Бу букварьдын 24 листтинде деди деп сөс бар, онызы мындый болды: дер деген үзүктин р деген буквазын кезип ийерде, де артты. Айдарда, де+ди=деди.

Бу листте тура деген сөстөн у деген үн букваны бөлүп алган.

Бу букварьдын листтерин учында чийип, алдында салган сөстөр балдардын үрөткөн ле буквазыла солынган сөстөр. Ол сөстөрдү уроктогы үрөткенин ундытпаска кычырзын деп салган.

Павел Кучияк

ОЙРОТТЫН ОН ЖЫЛЫНА

Улгерлер жуунтызынан алынган:

"Совет Ойроттын өзүми" (Новосибирск, 1935. – С. 31-33)

Айас теңериден кўн тийгендий
 Алтайга большевиктер жеттилер.
 Акту күчиле жаткандарды
 Актардан айрыды большевиктер.
 Бай-кулак, койоймдарга
 Бар жөжөзүн тоноткон эди.
 Большевик партия шылтуузыла
 Башкарубыс совет болды.
 Абыстар, камдар, жарлыктарга
 Ас тапканын жидирген эдибис.
 Пролетар революцияс келерде,
 Амырлу жүрүмге баштандыбыс.
 Ойрот область төзөлгөнүн бери
 Онынчы жыл будуп жады.
 Он жылдык күчин көрөргө
 Ончо аймактардан албаты жуулды.
 Улу жыргалду кўн көрөргө
 Ыраактан айылчылар атандылар.
 Жаан учурлу кўн көрөргө
 Жака журттан айылчылар келдилер.
 Ол келген айылчылар
 Ойроттын жадынын көрүп турдылар.
 Он жылга жаранганын
 Ончозын көрүп кайкап турдылар.
 Аайын жаап шиндеп турза,
 Айдып болбос иштер бүткен.
 Сонуркап ончозын көрүп турза,
 Социализм жолго көндүккен.
 Комыргай баскан алтайга
 Колхоз-өмөлик журт төзөлгөн.

Кобы јикте айылдарын
 Деревнелу јерге јуунаткан.
 Байлар бийлеген јаландарга
 Батрак јоктулар биригиптир.
 Бай-кулакты јок эдерге
 Баштамы социализмди тѳзѳптир.
 Абра јурбес јолдорго
 Автомобиль-аттар мантаптыр.
 Тѳн ѳш бектеген јаландарды
 Трактор-салда сурѳптир.
 Кошту аттар ѳтлѳс јолдордын
 Корым оодылып јазалган турды.
 Абралу аттар ѳтлѳс јыштар
 Агажын кезип арулаган турды.
 Оогош балдар јуулатан
 Ончо јерге ясля тѳзѳлтир.
 Онон јаандары уренетен
 Ончо јерге школдор будѳптир.
 Јаан улустарды уредер
 Ликпунктар кѳптѳп тѳзѳлгѳн.
 Јаркынду јурумге баштайтан
 Клуб-туралар јазалган.
 Оны ончозын айылчылар кѳрѳп,
 Бажын јайкап, кайкап турдылар.
 «Оок нация јарык кѳргѳни
 Октябрь революция шылтуузы» – дешти.
 Табыланып ончозын кѳрѳп алдылар.
 Ойто јанарга сананып ийдилер.
 «Кѳргѳн-укканды, тѳкпѳй-чачпай
 Айдып барарыбыс» – дештилер.
Ойрот-Тура, 1932 јыл.

Иван Ерошин

(Печатается по: Ерошин И. Песни Алтая. – Новосибирск, 1935. – С. 92, 96)

У детей ойрота веселые лица.
 Дети учатся грамоте в школе.
 Черные заклинанья шамана
 Не набросят черных арканов
 На чистые мысли счастливых детей.

В черной ступке обтолкла
 Колкий, жареный ячмень,
 В жерновах смолела мягко...
 Вкусный, сытный мой толкан!
 Закипай скорее, чайник!
 Чайник масла принесла.
 Чистое масло.
 Свежее масло,
 Как тело девушки,
 Молодой девушки.
 Соль готова у меня.
 Серебряно-синяя,
 Как снег мерцающий
 Под тонким месяцем.

1933 г.

ГОРЫ

(фрагмент романа)

(Печатается по: *Новый мир*. - 1933. - № 7-8. - С. 47-49, 61)

Охотники остановились на опушке последнего леса. Головы лошадей были выше вершущек низкорослых кедров.

У конских копыт лежала морщинистая равнина горной тундры. В ее складках и углублениях белел снег. На ней стлались скрюченные бурые стволы карликовых берез.

Эрельдей быстро мелькнул с седла, нагнулся над длинной полосой снега. Андрон грузно опустился с ним рядом. Безуглый с лошади увидел глубокие следы зверей. Они шли двумя цепочками. Одна — на юг, другая — на восток. Безуглому стало трудно дышать. Он не мог отвести взгляда от пятипалых отпечатков на снегу. Он не в первый раз видел следы медведей. Они всегда волновали его своим сходством с человеческими. Босые предки пробрели тут в утомительных поисках пищи. Он скоро увидит их волосатые мускулистые спины.

Безуглый, Андрон и Помольцев пошли на юг. Эргемей и Эрельдей — на восток.

Алтайцы были уверены, что охота будет добычливой. У них на этот счет имелись очень веские основания. Во-первых, оба они — Эргемей и Эрельдей — в ночь перед выездом из айлов видели один и тот же хороший сон, — им кто-то подарил по шубе. Всякому охотнику известно, что шуба во сне — значит убитый медведь наяву. Во-вторых, Кудаи, белобородый начальник, создавший ловушки и самострелы, получил белую овцу. Чаши, брошенные во время жертвоприношения с вопросом об успешности охоты, одна за другой упали дном вниз. В-третьих, сборы и выезд были проведены по нерушимым правилам предков. Дорогой они прошептали обращение к Алтаю:

В старину отцы наши ходили,
теперь мы, молодые, идем,
кружимся и потеем, неумелые парни.
Из охотничьей сумы нам часть дай.
Из твоей дичи нам хотя бы одну покажи...

На первом перевале около священного обо сделали вид, что раскладывают жертвенный костер. Набрали сухой травы, сучьев, сложили все кучкой, но не зажгли. На обо бросили по пуле вместо обычных пучков конских волос, ленточек или камешков. Разговаривали шопотом, на особом условном языке, чтобы звери не могли их услышать и понять. Ружье называли зятем, пулю — подарком невесты, медведя величали прадедом и великим человеком. Наконец, в-четвертых, Эргемей и Эрельдей очень хорошо знали места медвежьих весенних гульбищ и были далеко не такими неопытными на охоте людьми, какими выставляли себя перед Алтаем.

Алтайцы ехали спокойно, развалившись в седлах.

Русские шли пешком медленно и молча. Андрон часто наклонялся, разглядывал смятую и поеденную зелень. На мху и молодой траве следы были едва заметны. Безуглый задевал за камни, спотыкался, скользил на снегу и с робостью школьника смотрел на спутников. Он только тут заметил свои громоздкие городские ноги. Полушубок на нем топорщился, расстегивался. Шапка лезла на потный лоб, на глаза. Нож ерзал по поясу и очень мешал. У винтовки слишком громко стучали антапки⁶². Безуглый был хорошим охотником на равнине. В горах он учился ходить. Сердце качалось у него в груди, как тяжелый язык набатного колокола.

Алтайцы первого зверя увидели на кривой луговине. Он щипал траву с низко опущенной головой. Он был совсем как безрогая и бесхвостая корова. Охотники сошли с лошадей. Эрельдей вытащил из кожаной сумы большой деревянный шар, утыканный длинными, острыми гвоздями с бородками, как у рыболовных крючков. Эрельдей держал его на короткой веревке. Он блестел иглами, как еж. Эргемей взвел курок своей шомпольной винтовки. Братья подползли к медведю. Эргемей поставил ружье на сошки, навел его на голову зверя. Эрельдей встал перед зверем с ножом и игольчатым шаром. Его отец, дед и прадед всегда стояли так же — широко и крепко расставив ноги. Зверь с силой потянул в себя воздух. Шерсть поднялась у него на шее и на спине. Эрельдей размахнулся и бросил ему колючий клубок. Он вскочил на дыбы, обеими лапами схватил железного ежа, накололся, заревел, цапнул колючки зубами. Колючки воткнулись ему в пальцы, в небо, в губу, в язык. Задиристые бородки привязали лапу к лапе и обе их к морде. Он бился, как связанный, сопел, урчал. Эрельдей подбежал к нему и, подпрыгнув, воткнул нож до рукоятки в косматую грудь. Медведь мешком свалился на бок. Задние ноги у него дергались, под шкурой ходили короткие волны. Эрельдей оглянулся на брата, крикнул:

62. Антапка — скоба, дужка у ружья для крепления ремня.

— Вот как колю я, Эрельдей!

Шкуру снимали с шутками, старались ими обмануть убитого. Отделяя кожу от лап, уверяли, что только почешут ему пальчики, добравшись ножами до хребта, говорили, что погладят ему спинку, и в один голос клялись, что не они его убили, а русские. Ободранную тушу отстегали плетями, выбили у нее все зубы. Эрельдей отрезал голову, насадил ее на кол, опалил на костре. Эргемей звенел шомполами, выкрикивал:

Ходивши по земле с дудками,
подарок от невесты получил-де, скажи!
Ходивши по земле с пучками,
голову размозжил-де, скажи!
Видеть не мог — глаза маленькие,
оттого умер, скажи!
Мочиться не мог — он маленький,
оттого умер, скажи!..

Кол с головой воткнули в землю, выстрелили в нее по одному разу. Рядом положили слепленную из глины фигуру медведя. Они знали, что Алтай оживит сделанного ими зверя. Духи поэтому не узнают об убийстве одного из прадедов, не станут преследовать смелых охотников. На всякий случай они, впрочем, в нескольких местах поломали шомполами свои следы. Ведь духи могут гнаться за людьми, если следы их не тронуты. На испорченных они, конечно, бессильны. Отважные звероловы теперь спокойно могут тащить к стану и шкуру, и сало, и мясо медведя <...>

Алтайцы мясо зарыли в снег, шкуру спрятали в лесу. Люди не должны знать сегодня, что они убили своего великого прадеда. Рассказать об охоте сегодня, показать свою добычу — значит обречь себя на неудачу завтра. Эргемей и Эрельдей это правило твердо помнили. Они не скажут ни слова русским. Русским можно только дать понять, намекнуть, что братья Енмекеры вернулись не с пустыми руками. Они сделали из веток кедра большой шалаш, разложили костер, отметили священную восточную сторону шнуром с девятью цветными лоскутами.

Андрон остановил Помольцева и Безуглого.

— Порядок ихний знаете? Смотрите, надулись, ровно петухи, видать, добыли зверишку.

Эргемей и Эрельдей ходили около огня. Движения их были замедленны, спокойствие подчеркнуто. Лица, фигуры обоих преисполнены важности <...>

Охота была удачной. Четыре медвежьих шкуры — у Енмекеров. Три — у Безуглого с товарищами. Переметные кожаные сумы раздулись от сала и мяса.

Горы до облаков были затоплены прозрачной водой. Облака покачивались на ней, как белые льдины. Вода текла по глазам охотников. Рукава и кулаки не помогали. Охотники ехали по дну моря. Шумы огромного человеческого мира не доходили до обледенелых подводных хребтов. В них была тишина. Безуглый слышал стук своего сердца. Копыта лошадей на донном льду позванивали, как колокольчики. В сумах густо хлюпал медвежий жир.

В сумерки охотники увидели знакомые айлы. Издали очертания стойбища казались рисунком дикаря на скале. Безуглый теперь внимательно разглядел нищенские айлы, ничтожные табуны скота, узкие полосы пашен. На межах лежали кучи камней. Горные земледельцы складывали их годами, расчищая неудобные поля. Деревья около кочевья стояли зарезанные, с белой оголенной древесиной. Кора с них была содрана широкими кольцами от корня на высоту человеческого роста. Ею кочевники покрывали свои жалкие жилища. Летовки и зимовки теснились в одной щели. Алтайцы кочевали на полкилометра в одну сторону, на полкилометра — в другую, на километр — вперед, на километр — назад.

У юрт Енмекеровых охотники съехались с Анчи и его гостями. Они возвращались с камлания — пятого по счету. Пять кобылиц — лучших лошадей стойбища — были разодраны в жертву Ульгеню. В юрте все сели вокруг очага, закурили <...>.

Длинные, окованные медью трубки сопели. Ни гости, ни хозяева не начинали разговора. Люди должны помолчать и подумать.

Первым поднялся хозяин — Анчи. Он вылил в очаг туяс жертвенного лошадиного жира. Дым толстым нефтяным столбом встал над юртой, уперся в синий потолок неба. Звезды в тяжелой копоти метались мелкими искрами костра, зажженного на весь мир. Анчи стоял как старший над всеми людьми и всем равный. Он роздал поровну каждому мясо, добытое на охоте его сыновьями. Никто не был обойден: ни старик, ни ребенок, ни сильный, ни слабый. Охотник Анчи знал, что тайга — мать людям, когда они при разделе дичи — братья. Люди будут счастливы, мясо никогда не переведется в их котлах, если они смогут справедливо делить свою добычу. Алтайцы отходили от Анчи с полными руками.

ЖАҒАЛИФ

*Үлгерлер жуунтызынан алынған:
"Совет Ойроттың өзүмі" (Новосибирск, 1935. – С. 35–37)*

Жараш чечек жайылгандый
 Жағалиф Ойротко көрүнди.
 Акту күчиле жаткандары
 Карузып оны уткугылады.
 Жаналиф деген айылчыбыс
 Жаныс жерге токтободы.
 Каран уйда улусты жарыдарга
 Кобы–жиктерге текшиледі.
 Жағалиф деген айылчыны
 Ончозы түнгей уткубадылар.
 Абыстар бичигине карулар
 Жағалифтин жаманын бедиредилер.
 Жағалиф бачым жамандаар
 Сүмезин олар таппай турдылар.
 Андый да болзо албатыны
 Араайынан эптеп сөстөдилер.
 «Жағалифке жакшы үренерге
 Күчигер слердин чыдашпас.
 Жайаачы кудайдын адын
 Оныла чийерге жарабас» – дештилер.
 Акту күчиле жаткандар
 Абыс куүндүлерге айтканы:
 «Алдыбыста бистин турбагар,
 Абыстар тузагын салбагар.
 Жағалиф жолын бектебегер,
 Жайаачы бар – деп, мекелебегер.
 Жағалиф айылчы биске келген,
 Жарыкка бисти баштаарга келген!» – дештилер.
 Айылчы Жағалифти комудатпаска
 Адаанчылар көптөп чыктылар.
 Алтай жерине таркадарга
 Акту бойына алындылар!
 Оноң бери Ойрот жеринде
 Жағалиф таркабаган өзөк жок.
 От жарыгына жуулып,
 OGO үренбеген улустар жок.
 Карагай төңөш чиригендий,
 Абыстар бичиги чирип барды.
 Жаш ағаш корбологондый
 Жағалиф бичигис корболонды.
 Жаскы карлар кайылгандый,
 Абыстар бичиги кайыла берди.
 Жаңы жүрүмге баштайтан
 Жағалиф бичигибис тыңый берди.
 «Кызыл Ойрот» газедибис
 Кыйгыла жағалиф таркадып жат.
 Колхоз, совхоз ишмекчилери
 Кожонго жағалифти мактап жат.
 «Жарык жолды көргүскен
 Жағалиф бичиктин ийдези.
 Жалдан, кулдан айрыган
 Ленин башчыбыс ийдези».

«Колго туткан бичигибис
 Јаналиф атту ол болды.
 Кулга јүрген бойыбыс
 Колхоз јуртту болдыбыс» – деп.
 Отко салып өртөп болбос,
 Кайкагадый боло берди.
 Оодо согул, таштап болбос,
 Тен текшилей табыжа берди.
 Јаан үредүни билерге
 Јаналиф биске болушты.
 Јаан-јаштарды ончозын
 Бичикчи эдип үретти.
 1933 жыл.

Захар Шадрин

НА БИЕ

(Печатается по: Сибирские огни. – 1934. – № 3. – С. 149)

В бухте неба
 Не волна ль зари
 Захлестнула
 звезды-фонари?
 Шитик-месяц
 спрятал паруса.
 Шторм весны
 бушует
 по лесам.

Льды взломав,
 шумны
 и веселы,
 Заиграли
 ходуны-валы,
 И сейчас
 ни птице,
 ни зверьку
 Не узнать в тайге
 свою реку.

Зашумели
 берега реки.
 Забурлила
 кипень суеты.
 Торопливо
 вяжут сплавщики
 Грузные,
 огромные плоты.

Топоры
 калятся добела,
 Запотели пилы
 от жары.
 И душистей меду
 потекла,
 Что слеза,
 смола
 из-под коры.

Скоро Бия
 на плечах крутых
 Понесет
 тяжелые плоты.
 Понесет
 веселые суда
 От верховий
 к шумным берегам.
 (Колхоз «Рассвет»).

*Улгерлер жуунтызынан алынган:
 «Совет Ойроттын өзүми» (Новосибирск, 1935)*

М. Шанмаков

ГРАЖДАНСКИЙ ЮУ (С. 18-21)

Кыр бажынан кун ажып,
 Кызыл энгир кире берди.
 Кыйгаа жылдыс чыгала,
 Энгир кыза жарый берди.
 Јалбак кобынын ичинде
 Кезек аланчык айылдар туру.
 Коштой турган чедендерде
 Эки жангыс малдары туру.
 Коштой тушкен кобыдан
 Колесниковтын бандиттери
 Амыр јадынын коскоргылап,
 Ас јөжөозин тонодылар.
 «Кой-кураннан сойып,
 Турген-туукейлеп ажанаалы,
 Туннин бойында атанып,
 Угар коммунисттерин кыралы» – дешти.
 «Уйкуга бастырган танмаларды
 Колго тудуп сойорыс.
 Коммунист болгон башчыларды
 Кара баштарын кезерибис» – дешти.
 Анча-мынча болбоды,
 Колесниковтын кыйгызы угулды.
 Эки-бир деп тоолошты
 Ээчижип јортып кондукти.
 Арка јердин агаштары,
 Кобы јердин јуукалары,
 Айыл тоноочы бандиттерге
 Көбни јолын бербей турды.
 Угар бажынын јыбары
 Узук јоктон куулеп турды.
 Апоят баштаган партизандар
 Ок, мылтыктары белен турды.
 Партизандар баскылап,
 Арка тууларды ајыктап,
 Кобы јиктерди шинжилеп,
 Окпөзиреп турдылар.
 Ак-боро атту кичи јурди,
 Кобы-јикти төмөн түжүп,
 Куудан өлөңди јайа базып,
 Партизандарга јууктап келди.
 Ак-буурыл башту бойы
 Партизандарла табышташты.

Анча-мынча болбоды,
 Апоятка жууктады.
 Ат үстүнөн түшпестен
 Апоятка жаба келди.
 Эзен-амырын угушпастан
 Эрмек сөзүн айдынды:
 «Туура кобыда актар келди,
 Камык айылды тоноды.
 Коммунисттерди жуулар – дешти,
 Угар жаар ууланды» – деди.
 Апояттын командазы
 Аткыр Поорой, Токуштар,
 Жана баспас партизандар,
 Угарды өрө жорттылар.
 Кедери бажына чыгала,
 Келер жолына отургылады.
 Талтар куш уйку жок
 Таң атканча тартылдады.
 Тандак төзи жарып келди,
 Тарталдын уни сериди.
 Тозуулга турган партизандар
 Кыракыланып турадылар.
 Конгырлары терлеген,
 Колесников баштаган бандиттер
 Узун тунге уйуктабаган,
 Угар бажына келдилер.
 Арташ кырына жууктагылады,
 Алтыгы учында мылтык атты.
 Аткан мылтыктын табыжына
 Арка-туулар куулей берди.
 Базынчыкту бандиттер
 Барар жолун таппай тургулайт.
 Ары-бери жайылгылайт,
 Аткыр октон жыгылгылайт.
 Көзи канду бандиттерди
 Кол табына салбады.
 Көкип келген жолун тозып,
 Экиден-жангыстан тудуп алды.
 Кызыл маанызы жалбырап,
 Кожонбыла ойто жортты.
 Калын албатыны амырадып,
 Жаныдаг баштап журт төздөди.
Ойрот-Тура, 1934 жыл.

В. Моможоков

УЙ УЛУСТЫНГ ЭМДИГИ ЖҮРҮМИ (С. 34–35)

Коммунист партиянын баштаганыла
 Кату жүрүмнөн айрылгылады.
 Калымга садылган уй улустар
 Бай-кулакка бажырбас болды.
 Уй улус жарык көрүп,
 Ундү правоны колго алдылар.
 Октябрь революциянын шылтуунда
 Ончозы жайым жүрүмдү болдылар.
 Озогыда кыйынду жүргендер
 Онду жолды таап алдылар.

Онон ары барар жолына
 Ончозы бир болуп турулар.
 Јалчы болгон үй улус
 Јазал иштин мергенчизи болды.
 Јүрүм јадыжын тынгыдарга,
 Јустен-мунган бириге берди.
 Совет башкарудын болужыла
 Буржуй тазылын кезе чаптылар.
 Буудакту жолдорды өдүп чыгала,
 Социалист јазалду ижин эттилер.
 Большевик колхоз учун туружар
 Колхозчы үй улустар көптөп јат.
 Јайзан-байларды тепсей базып,
 Јүрүмдерин өгжидип јат.
 Түреки јүрүмдү үй улустар
 Тунгейлежип бичикке үрендилер.
 Маркс-Ленин-Сталин теориязыла
 Мерген бойлары јепсенип турылар.
 Соц мөрөйдү көндүктирип,
 Социалист малды кыймырадып,
 Деремнелер-јурттарын төзөөргө,
 Делегаткалар кичееп турушты.
 Мөнүндий жарык жарый берип,
 Мөнкүлик јүрүмге јединдилер.
 Лениннын маанызын јайа тудунып,
 Международный күнди уткуп турулар.
Куйум, 1934 жыл.

Павел Кучияк

КОЛХОЗЧЫЛАРДЫҢ КОЖОНҒЫ (С. 70-71)
(Серемжилү кожон)

Комургай бажы не чолтык
 Койон кыйган болбос по?
 Колхозтын ижи не уйан
 Кулактар кирген болбос по?
 Балтырган бүрү не сары
 Корон чалын түшкен бе?
 Мал өзүми не тутак
 Байлар колы тийген бе?
(Колхозты тынгыдар кожон)
 Эмдик атка не керек?
 Ээр үйгени бек керек.
 Омөлүк јуртка не керек?
 Большевик башчы оо керек.
 Калтар атка не керек?
 Кайыш колон бек керек.
 Колхоз јуртка не керек?
 Коммунист башчы оо керек.
 Когыр тайга минерде,
 Алтын түги сынбазын.
 Колхоз јурттын ичинде
 Кулактар јыды јок болзын!
 Кара тайды мингежин,
 Күмүш түги сынбазын.
 Коммунизмга баргажын,
 Байлар јыды јок болзын.
(Ижемжилү кожон)

Јалбырагы түшкен агаштар
 Кургап калар дебегер.
 Колхоз журты байлар јок
 Түрөп калар дебегер.
 Аркадан өскөн агаштар
 Чирип калар дебегер.
 Артель журтта байлар јок
 Аштап калар дебегер.
 Бүри түшкен агаштар
 Јай келгежин бүрленер.
 Јутпа байлар јогына
 Јуртыбыс бистин јаранар!
 Аркадан өскөн агаштар
 Төзинен ала корболоор.
 Ачап байлар јок болзо,
 Јүрүмибис бистин јаранар.

Ойрот-Тура, 1934 жыл.

Исай Тантыев

ЈЫРГАЛ БИЧИКТЕ (С. 74–75)

Јанар куштын уйазы
 Јаш агаштын бажында.
 Јаан-јаштын јыргалы
 Јараш бичик ичинде.
 Учар куштын уйазы
 Узун агаш бажында.
 Канча јоннын јыргалы
 Кызыл бичик ичинде.
 Колхоз журттын јазалын
 Јарандырар бичигис!
 Коштой отурган балдарды
 Уредетен бичигис!
 Каран уйды јарыткан
 Кара-чоокыр бичигис!
 Капитал журтын чачарга,
 Болуш болор, бичигис!

Чолушман, 1934 жыл.

Павел Кучияк

ШИНЖИЛЕТКЕН ЈУУЧЫЛ

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1934. – № 129)

Тан жарып келди, Аскаттын суузы түниле ташка согулып акканына күчи чыга бергендий араай чыдырал агып јадар өйдө. Абекс деп байдын койлоры јадыннан тургулап; «ончогор јакшы кондор бо?» – деп суражып тургандый мааражып чыгарда, чеденнин толыгында тыттын чөбрөзиле јазаган јапаштан койчы Володька кенетийин турды.

– Ой, калак, өткүре уйуктал калдым ба? – деп, чочыган бойынча турала, озоло Абекстин айылы јаар јапаштан шыгалап көрди. Абекс көрүнбесте, уйкудан турбаган јат – деп, Володька сүүнип өрө керилерде.

– Сен неге табыланып керилип турун, койлорды айдап апарбай а-а! – деп, Абекстин үни угуларда, кайра бурулып көрөрдө, айунын таманыдый Абекстин колы Володьканын мойнына келип кадала берди...

Койлорды Аскаттын колы меезине чыгара айдаган соондо ло, эки кулатынын ачып турганын Володька ондобогон, сыймап турарда, колы канга уймала бергенин јангы ла көргөн.

– Акыр, «Сен ундуганда, мен эзегенде болзын» – деп, Володька јаан улустардан уккан аайынча,

бойы эрмектенип, чөкөгөнчө ыйлап алды.

Мындый жүрүмди Володька кару сууген энези өлүп каларда, адазы экинчи кижилү болордо, сегиз жаштан ала көрди.

Жылдар өттү, албаты собырылды, Октябрь революция болды, акту колкүчтүлөрдү кичи күчүн жеткен капиталист бай кулактардан айрып аларга, большевиктер турушты.

1921 жылда январь айда он беш жашын жаңы ла баштаган Володька Тырышкин – деп, кызыл партизандардын сууген командирдин отрядында кожо болды. «Кичи күчүн жеткен бай кулактарды лалордын Колчак кулактарын жок эдер» – деп сөсти Володька мында укты.

– Сен кичинек кичи соок кышкыда бисле кожо канайда чыдажарын? Торт ло айылда отуруп керек – деп, кезик партизандар Володька баштап келип кожоюларда, айдышкан.

Жок, мени тегин де бандиттер тын соккон, кызылдарга бисти айткан деп. Онын учун мен слерден айрылбазым! – деп, Володька мойноп туруп, партизанга бойы кирген.

Эн ле баштап Јаланый Бажына бандиттерди сүрүжип келеле адыжарда, Володька јардынан мылтыгын чечерин ондонбой, коркыган бойынча, ары-бери јортул, тура калган. Ол тушта Тырышкан Федор ло Еркејаш деп командирлү бандиттердин колынан јети партизан пролетар революция учун өлгөнин Володька көрөлө, јаш јүреги кайыла бергенди болды. Володьканын бу күнге јетире сагыжынан чыкпай турган неме: «Совет башкарузы эзендик болзын!» – деп, өштүнүн огынан өлүп брааткан партизанын кыйгырган калганчы үни болды.

– Нөкөрлөр, бис өштүлөрдөн коркып, бир де кичү кайра барар учурыбыс јок. Бу бандиттердин огынан өлгөн јети нөкөрдүн сөбгине карганып турубыс. Слердин жүрүмди алып койгон өштүлөрдү качан да бис јенерибис, слердин алатан өчти бис аларыс – деп, компрот нөк. Тырышкиннын куучынын уккан соондо, Володьканын эдинин соогы озо баштап јайылган, онын кийнинде кенетийин изий берген. «Акыр, слер ундуганда, бис эзегенде өчибис алар болорыс па?» – деп, Володька сананган сагыжын эрмектенип ийгенин ондобой калды.

Экинчизин, Бело-Ануй деп јерде Колесников ло Орлов деп эки командирлу бандиттерле табарыжып јуулашкан. Бу тушта Володька өштүлөрдү лаптап адарга, таскап калган тужы болды.

Володька күнүн күнге чөрчөктөгү кезерлер бодолду өзүп јүрди: «Эр өлбөскө эрјине бе, ат өлбөскө алтын ба?». «Бандиттерди ончозын колго тутпаганча, партизандардан айрылыш јок» – деп, бек сагыжына бүдүп јүрди. Оштүлөрдөн коруланар керегинде отрядтын алдынан шинжү эдер кичи Володька болды. Байлар ундыганда, Володька эзегенде өчин алып көндүгө берди.

1922 жылда јаскаары Володька өскө нөкөр партизандарыла кожо 4-чи кавалерист дивизиондо 2-чи алтай эскадрон (ЧОН-го) кожылды. Оndo кожылган соондо, Алтай ичинде Колчактын арткан калган Кадын ичинде Семенектин, Бий ичинде Штанактын, Кадын өрө Төжлейдин, Карманнын бандиттерин узе колго тудар керегинде кожо турушты.

Нөкөр Володя 1922 жылда комсомолго кирген. Ол тушта онын биледине Владимир Иванович Ябыков деп чийилген эди. Онон бери алты жыл өткөн, 1928 жылда «Владимир Иванович Ябыков јуртсоветке келзин» – деп, элчи болды. Володька укканча ла јуртсоветке једип келди.

– Акыр мен эки жыл бодолду партизанга јүргөн кичи эдим, менин јөбим јеткен болбой? – деп Володька эмеш мойножып турала, токтоды.

Ябыков Владимир Иванович 1928 жылдан ала 1930 жылга јетире мак тулу күнчыгышта Кызыл Черүде турды. Бойынын 15 жашынан ала большевиктердин үреткен-таскатканыла, Володька Кызыл Черүде социалист јуртты корыйтан бойынын чын ийдезин көргүскен керегинде Совет Союз Володьканы Кызыл маанынын ордениле сыйлап күндүлөди.

Онын учун Сибирь јерин Колчактан айрып алганынан 15 жылдыгын байрамдап, большевиктердин, партизандардын бу керекке бойлорын беринип тургусканын база түнгей садышка алынып адабаганча болбос болуп јат.

Ойроттын јашөскүримдери санааларына тудунып, «олордый ок јуучыл геройлор болдыбыс» – деп, адаркагадый нөкөрлөр жаңыс Володя Ябыков эмес, ого коштой туратан ада-јаштан партизан болуп, Алтайдын акту колкүчтүлөрин Колчактын, Кара Корымнын бандиттарынан айрып аларга өлөр тынына ачынбай турушкандар: Ваня Тадыш, Ваня Толток, Леонид Таушканов онойдо өскөлөри де көп.

Бу нөкөрлөр алдында чырайларында эрү јок бандиттерле канайда јелгижил, учына чыккан эди, онойдо ок энди чырайлары күлүмзиренип, социалист јурттын башчылары болуп, канча муңдарды баштап, класс болуп болүнишпес ырысту жүрүм-јадынга апарып жадылар.

Совет јуртты корыырга келигер! – деп, партия ла башкару кажы күнде кычырза, ол ло күнде Ойроттын јашөскүримине таскамыр башчылар болуп барарга, оло качан да белеп туру.

ЕСТЬ В МОСКВЕ ЧЕЛОВЕК

(перевод с ойротского)

Записано в 1935 г. со слов комсомолки Эштен Этибесовой*
из Онгудайского аймака Ойротской автономной области

(Печатается по: *Творчество народов СССР. – М.: Правда. – 1937. – С. 136*)

Наш Алтай славен деревом дивным одним,
Драгоценно оно, хорошо нам под ним
В ясный день и в ненастье.

Есть в Москве человек, честь и слава ему!
Драгоценней его нет для нас, потому –
Дал народам он счастье.
Что ж за дерево это, что солнцу навстречу
Рвется, соки беря из породистых недр?
– Это – кедр! Это – кедр! – я любовно отвечу,
– Это – кедр!

Кто же тот человек, что к трудящимся вышел,
Сея счастье и радость вокруг?
– Это – Сталин, – я крикну, чтоб мир весь услышал.
– Это – Сталин, наш вождь и друг!

* Этибесова – примеч. ред.

Коста Филатов

КИРЕ СӨСТИНГ ОРДЫНА

Кепке базылганы аайынча:

"Совет Ойроттын өзүмү" (Новосибирск, 1935. – С. 3–5)

Октябрь революциянын алдында Ойрот албатынын акту колкүчиле жаткандары, орус кааннын бийлерине, којойымдарына, абыстарына бир жанынан, бойларынын жайзаңдарына, байларына, камдарына, жарлыктарына экинчи жанынан, кыйнадып, жидирип, шыралап журтал жадатан болды. Мындай жутпа-жимекчилери, колкүчтүлөргө культура бүдүрүп берер деп темей жерге сакылта болды. Орустын капиталисттери, Алтай жерге экелип турган «культуразы» – миссионер абыстардын меке кудаы жаң ла којойымдардын кабак аракылу тонош-жимеги болды. Алтай байлардын десе, кыйынду тал чыбыгыла, кам ла бурканнын меке жаңы болды.

Октябрь революциянын алдында Ойрот тилиле бир де жаңыс художественный бичик, пьеса-ойын жок болгон. Же бичик бичиир, бойынын төрөл тилиле бичик жазаар Ойрот улустан бир де писатель кижжи жок болгон. Ненин учун десе орус капиталисттердин ле алтай байлардын культура керектел бир де неме бүтпей, жок болгонын, биске жарг көргүзүп туру. Же бу жутпа-жимекчилер ондый культурный керектер бүдүрөрдөн, озор культуранын төзөлгөзүн – улусты ончозын бичикке уредип аларына сырангай кичебес болды. Ойрот улустын бичик билери жүк ле 4–5 процентке једип турды.

Орус јеринин ишмекчи класс албаты 1917 жылда, Октябрь айда, пролетар революция эдип салала, каандыла капиталист башкарузын ордынан чачала, Совет башкару тургузып алала, бастыра национал албатылардын колкүчиле жаткандарына јайым јүрүм јадыш берди.

Канча чакка кыйнадып, көп шыра көргөн Ойрот јеринин колкүчтүлери Совет башкарулу болуп алды. Орус пролетарлардын болужыла коммунист партияга баштадып, бойынын јери-јуртында социалист иш иштеп тура берди.

Не ле мал-аш јөөжөзи өңжүп, көдүрилип келип, албатынын јадар-јадыжы јаранып браатканыла кожо, Ойрот колкүчтүлери, пролетар культуранын болужыла, бойынын социалист культуразын төзөп, иштеп тура бердилер.

Је эн баштапкы жылдарда культура керегин башкарып, база культура өткүрүп турган учреждениелердин кезигине националисттер кирип алала, Ойроттын пролетар культуразын баштапкы өзүп, чыгып турган корболорын көмө базаып, жок эдерине албаданып тураган болгон.

Кал јүректү, Совет башкарунын өштүлери – националисттер – В. Тозыяков, Мирон Мундус-Эдоков, Г. Токмашов, П. Тыдык, оноң до өскөлөри. Ойроттын колкүчтүлери орус пролетариадыла кол туджып, бирге жаңы јүрүм баштап, иштей бергенин көрүп, ого күйүнип, бойларынын башчыларына Л. Эдоков ло И. Зяблицкийге баштадып, Ойрот колкүчтүлери ле орус пролетариадын чагыштырып,

олордын ортозына озогы азайынча өч саларына кичеенип турдылар. Олор бу бойынын каршу керегине чыгарып турган жаңы бичиктерди тузаландылар. Олор ол бичиктерде жүзүн-базын националист стихтер, кожондор, куучындар басып, чыгарып турдылар.

Өзөк-кобылардан, жоктулардын ла батрактардын бичип алган кожондорун, стихтерин, куучындарын кепке басып, чыгарзын деп ийип турарда, олор оны кепке басып, журтка таркатпас болгон. Жаңы жайым жүрүмгө, Совет башкаруга, коммунист партияга учурлап бичиген кожондору, стихтери олордын куун-санаазына жарабай турды, олор ондый бичиктерди туйуктап, көмө басып, чыгарбас болгондор. Коммунист партияга баштадып, ойрот колкүчтүлери, мындый жутпа өштүлөрдү сезип билеле, илезине чыгарып алып, олордын кор эткен керектери учун бурулап, суралтазын берип, тоскырып салды.

Бу баштап чыгарып турган «Совет Ойроттын өзүмү» деп ойрот писательдердин ле баштап писательдер болорго жүргөн жинт өскүримдердин сборниги, Ойрот областьтын журттары ичинде канча бар стихтерди ле кожондорды, бу сборникке ончозы салынган деп айдарга болбос. Бу сборникке базылганы тоолу улустын бичигени болуп жат.

Сборникке кирген стихтерди, кожондорды, журт улустын ортозынан жууп, оны литературный жаанынан жазап турар ишти ойрот писатель болгон П. Кучияк өткурди. Бу сборникте жаңы өзүп турган писатель болорго жүргөн колхозчы жинт өскүримдерден: Кудачин Токна, Шаңмаков, Иван Эдоков, И. Попов, Моможок, Чаминов, Тантыев, ошон до өскөлөри болуп жат. Шак бу жинт өскүримдердин бичиген стихтерди, кожондорды жилбиркеп көрүп, аяргадай керек болуп жат. Мындый улустар бистин Ойрот ли гературада көп болзын деп бистер ончобыс кичееп турарга керек.

Бу базылган стихтерле кожондор, писательский техника жаанынан жеткилдү жакшы бичилген деп, ончозына айдарга болбос. Стихтерде техника жаанынан једикпестери эмди де көп, техника ла тил жаанынан бистин Ойроттын жаан-јаш писательдер озогы алтай чөрчөктөрдөн үренер керек. Сөстин эптүзине, чеченине, тилдин байына чөрчөктөр болуп жат.

Бу чыгарып турган стихтердин ле кожондордын баштапкы сборниги Ойрот областьта өткөн гражданский жууны, Совет Ойроттын социалист јазал ижинин өзүмин көргүзип жат, бу стихтер ле кожондор агитация жаанынан чала ажа конуп турганы бар. Бу жаанынан көрзө, олор бүгүнгү күндерине чала эмеш сондоп, өткөн күндердеги ишти ле јенүлү тартышты көргүзип жат. Је ондый да болзо, бу стихтер ле кожондор бистин Ойрот областьтагы колкүчтүлөрдүн коммунист партияга баштадып өткөн јолын, художественный тилиле чокым көргүзип жат.

Мындый сборникти бистер баштап ла чыгарып турганыбыс бу болуп жат. Онын учун ондо кажы кичи жаанынан једикпестери магат јок бар болор. Ойрот областьтын писательдерине ле жаңы писатель болорго жүргөн жинт өскүримдерине база бу сборник кычырып турар улустарга издательство иженип туру. Бу сборниктин чыкканыла олор жаңыдан жаңы стихтер, кожондор бичип, журт улустын ортозынан оны жууп, писатель болгодый улусты үзери жаңыдан кожып, ончо жууп, бичип турган стихтерди, кожондорды, куучындарды, чөрчөктөрдү бистин издательствого ийип туруп, мынан ары мындый ок сборниктер чыгарып турарына биске болужар деп турубыс.

Јаңы бичиген стихтерде, кожондордо, куучындарда жаңы сүүмчилү аргалу колхозтын жүрүм-јадыжын, жаңы атту-чуулу (герой) болгон кижилерди учурлап, бичип турар керек, төрөл болгон Совет журттыбысты бөккө, күчтү эдип аларына, тынын кысканбай, бастыра бойын социалист ишке беринип турган кижилерди бичип, албатыга көргүзөргө керек. Совет социалист ойроттын, канча жүзүн-башка иш иштеп, бүдүрип турган ижин, алып турган јенүлерин, онын атту-чуулу улустарын стихтерге, кожондорго, куучындарга бичип, ССР Союз ичинде албатыларга билдиртер керек.

Коммунист партияга баштадып, бистин жутпа өштүлөрисле – националисттерле, база шовинисттериле куун-кайрал јоктон тартыжып, ончобыс бирге туруп, бүдүжинде социалист, кебеделинде национал культура будурерине ичкерилейдилер!

Алексей Чоков

УЛУ СТАЛИНГЕ ОЙРОТ АЛБАТЫНЫН БИЧИГИ
(Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот. – 1936. – № 104)

Телекейде ады чыккан
Ойгордон ойгор улу Слерге,
Јаан јенүлөр јолыла
Орооныбысты баштап турган
Уредүчи башчыбыска,
Төрөл бистин адабыска,
Бүдүн телекей үстине

Жаан улу адыгар чыгып,
 Унгур жаан макка кирген
 Слерге,
 Сууген бистин командирге,
 Ырысту Алтайдын ыраак тууларынан
 Бис уткуул куунду созибис
 Айдып турубыс, адабыс!

Казыр бшту айрып болбос
 Копт-ыргал журумисти,
 Кайралду бистин ижибисти
 Жаргап Слерге айдып берер деп,
 Жаап турубыс бу бичикти.

Төрөл болгон Слерге
 Төзинен бери айдаалык.
 Улу башчыбыс Слерге
 Учунан бери айдаалык.

Эбирилип келбестен
 Эртип барган озогызын.
 Элди-жонды жайнадып,
 Эржине канын төккөнин.

Жокту жойу ойротты
 Жободып шыралатканын.
 Жоо-калакка тужурип,
 Жоктунын канын төккөнин.

Калык-жонды калактаткан,
 Каргышту жылдар ол болды.
 Канчанын канын төккөн,
 Канду жылдар ол болды.

Ол тушта бисти кем шыралатпаган?
 Ол тушта бисти кем ыйлатпаган?
 Ол тушта бисти кем тонобогон?
 Ол тушта бисти кем кулданбаган?

Джунгариянын хандары
 Каандар, жайзаңдар,
 Байлар, койойымдар,
 Абыстар, камдар –
 Олор ончозы бисти тоногон,
 Түрөткөн, кулданган, ыйлаткан.
 Камчылаган, чыбыктаган,
 Алкы бойыбысты жайнадып,
 Ар-жөжөбисти блааган.

Кресттү эместерден калан алар,
 Кирелте эдип, жөжө тоноор,
 Киркиреп отуларга, мак алар – деп,
 Жутпа койойымдар кийнинен
 Ачап-сыйап ийт ошкош
 Казыр кату каан сайыттар
 Кок Алтайдын жерине
 Көк бөрүлөр келетен.

Кирген бистин журттыбыс
Кирлү соок айыл болгон.
Кийген бистин кийимис
Кертилген самтар болгон.

Андап тапкан алуубысты
Алкы бистин жөөжобисти
Ачап тутпа жеткерлер
Акуга тоноп баратан.

Калыкты кулданган каандар
Камык бистин жөөжобисти
Калык-жон бистерге
Калакту түрме эттирген.

Аш бүдер, мал турар
Аргалу жакшы жерлерибисти
Албаты мекелеген монастырлар
Албанла бистен айрып алган.

Каласка мал тайган,
Канзак казыр кам ла кожо.
«Улу Христос серкпе» – деп,
Улусты абыстар кожо тоногон.

Көзистин ачу жазын
Көлдөдип, озор төктирген.
Көп жөөжобисти ил алып,
Көпкөнчө семирген.

... «Орус кижинин (кожойымнын) көчкүн инородецке төлүгө берген малта, ол эмезе эски сопок өдүк бир төрт жылдын бажында жүс салковойдың адынын бодолына жедетен, удаан жокко бир уур малдын бодолына жедип туратан, ол уур малды жалтанбай садучылар, өскө сөс жокко айдап алып баратан, ээ-зине дезе, кизи ажыра айттыратан – малды мындый кизи айдап барды деп ... бир пуд арба эки жылдың бажында 25 пуд кузукка ол эмезе ошон до көпкө жедетен деп, Алтайский духовный миссиянын начальниги мынайда анылап бичип турган»...

(Л. П. Потапов. «Ойротия историязынын очерки»).

Казыр каанын бийлери
Канду теристи сорып ичкен.
Каанын кату жагы
Казыр ондый жакылта берген:
– Кара албатыны кату тутсын,
Кайыш чылап туре тутсын.
Өрө кун көргүспезин,
Өлүмтикке жуук тутсын – деп.
Куурмактап иийтен кожойым
Кааннын кабак аракызыла
Калыкты эзирте аракыладып,
Камык жөөжөзин тонойтон.

Каан ширеени жайзаңдар
Камчы чыбык күчиле
Калык бисти жайнадып,
Каныбысты ичетен.

Казыр байлар теристи
Кан чылап сорып ичетен.
Кайран бистин күчибисти

Калаптанып олоз јийтен.
Түрелтелү ол јылдарды
Тырлашпай канайып сананар!
Право јоктын ол өйлөрдү
Бистер ачуурканып эстенер!

Азыраган бистин балдарыс
Ачу ооруга алдыратан.
Азырап өскүрип келгенде,
Арга-ырыс јок болотон.
Эки тулунду эмеендер деп.
Эзилеп кижиге бодобойтон.
Эрјинне јүрүмдү болзын деп.
Эп-аргазын бербейтен.
Көзинин јажын төгүп,
Көөркий энелер кыйын көргөн.
Айылдан ары јол јок
Алкы бойлоры карануйда болгон.

Шак бу мындыј јүрүм учун
Албаты бистин ада-өбөкөбис
Шыралу јүрүмге чыдабай,
Ачууланып мынайда кожондойтон:

Эки де чакка јуртазан
Өскөн өлөңди бодоп албазын,
Эскиде алтай учун кан тоқкөнин,
Эр јажына тоолоп албазын.

Алтайдын бастыра суун бирге урза,
Анан јаан талај болор.
Албатынын тоқкөн көс јажын бир этсе,
Анан јаан тенгис болор.
Јабаганнын чөлинде
Јыбар јоктон тым туру.
Јаңыс ла байдын айлында
Јыргал ойын бар туру.
Кайрылыктын туунда
Калју салкын туруп јат.
Јайзан байдын айлында
Јыргал коот өдүп јат.

Ачап байдын айылында
Аштын јузуни бар эмтир.
Албатынын күчиле
Амтанду шикир таптыр.

Көп торко кийимди
Кийген кизи бар эмтир.
Кебис ширдек јөөжөзи
Керик байда болуптыр.

јоктунын айылын көргөжин,
Јарыкта эмес карануй.
Эш неме једикпес
Эл јүрүми көргүсти.

Бийле кожо биригип,
Бай байыган болуп јат.

Бисти олор жамандап,
 Быјарга бодоп јат.

Кирбигистен јаш түшпес,
 Күндер качан болгой не?
 Киндигиске кир түшпес,
 Качан чактар келгей не?

Калак корон-кокый
 Качан јокту-јойу
 Коот-јыргал јүрүмдү.
 Коолондыра јүрүмин көдүрер?

Мындый ачулу кожондорды
 Озогыда бис кожондогонибыс.
 Јайнулу јылдар тужында
 Качан бистин каныбыс –
 јайзанга, байга, бийге, абыска,
 Којойымга, камга кайнар тужында,
 Кайран јокту албаты учун
 Јүрегибис бистин катуланып,
 Јутпаларла тартышканыбыс!

Канча катап каныбыс төгүп,
 Кара көзибистен јаш төгүп,
 Кайрал јок кату јүрүмди
 Каргап бистер туратаныбыс.

Каргышту казыр өштү болгон,
 Байлар-буржуйларды јок эдерге
 Јалбыш окло јүрегибис толгон,
 Ада-таадаларыбыс көп тартышкан.
 Кандый бис коот јыргалду уткыдыбыс,
 Качан октябрьдын күндеринде
 Калык канын ичкендер
 Каруунча јыгылып түжерде.

Канчаны јайнаткан сайыттар
 Каанын канду каруулчыктары.
 Канду ийттер кожо јыгыларда,
 Калык-јон сүүне берген.

Је ондый да болзо, Алтайда јарык күндү
 Ырыс-јыргал јүрүм тургуза болбоды.
 Канзак каан башкарууны антарза да,
 Бир канзак ийттер ордына
 База өскөзи келгиледи.

Канзак казыр, кату Калчак бий
 Бастыра Сибирьди колго алып,
 Кармай тударга албаданды.
 Калчактар бисти база кыйнады.

Албаты-јон база катап
 Ачу кыйынга түже берди.
 Акту бойын өлтүртип,
 Алын малын блаатырды.

Жайзандар буржуйлар Кара-Корумнан
Калык жонды кайра кўлүүрге,
Канча бар мекезин салып,
Карыштак ошкош жылышты...

Албатынын наязы бис деп,
Аптап бисти айттылар.
Барып, кызылдарды жуулагар – деп,
Айбы-мекезин айттылар.
Албаты жон ырысту Алтайда
Ачаптардын бу эткен түбегин,
Албаты-жонды кыйнаганын,
Алын чактарга ундубас!

«1918 жылда июль айдын учында Шабалинга Каракорумдар келген.

Бу Дукешевичке баштаткан отряд болгон. Брааткан тужында Мыйтуда отряд бир канча улусты аткан, сойгон.

Ол Шабалиндагы волсовделти ле почтанын бөлүгин курчап алып, жолдорго пост тургузып, улусты арестовать эде берген. Байлардын угузузыла, Совет жаннын жанында турган база ого күүнзеп турган, башка сөслө айтса, бастыра жоктуларды ла орто күчтү жаткандарды жаңыс күнге 60 кижиге арестовать эткен. Аресттерди үч күн өткүрген. Каталажка ла алмарда толтыра отургускан. Арестовать эткендерди стройдын ортозыла айдап, мылтыктын кындагыла, камчыла соккондор, көзин чыгара согуп тургандар.

Абыстын алкыжыла, жуулган байлардын көзинче, төртинчи күнинде арестовать эттиргендерди скамейкага салып, буулаган. Чамча, штанын чулчып, камчыла, кызуурла, үстине суу уруп, согуп турган.

Онойып 70 жашту каргандарды ла үй улусты кыйнаган, талдыра согуп салган улусты каталажкага согуп, эртезинде Каракорумга апарып, жолго айдап-адып турлаган. Онойып Шабалиннан үч километр жерге 10 кижиге кыйнап салган. Шабалиннын совдептин качызын Боржинди, красногвардеец Владимир Громовты, Шестерниндердин эки карындажын, онок до өскөлөрүн».

(Областьтагы музейде корулаган материалдардан)

Озогызын жандырып аларга,
Олор сананган болгондор.
Онок улам жоктуларды,
База кыйнаарга белетенгендер.
Тенеринин күкүртиндий
Темирдин шынкыртынды
Жер үстине жайылып,
Албаты-жонго коот болуп,
Ачап тутпаларга өлүм болуп.
Кебистий чечектү
Жаан-жаан тайгалу,
Жараш жарык суулу,
Кеен бүткен Алтайда
Ада ойгор Лениннын
Айдын-күннин жаркыны чылап,
Жаркындалган алтын сөстөр
Угулып келди албатыга.
Алтын ошкош бу сөстөр,
Ала көзин ачып берди.
Албаты-жон мыны угуп,
Амадаар керегин биле берди.
Жайым жыргал жүрүмди
Жайнап сурап алатан.
Кызыл тынын кысканбай,
Жуулап колго алатан – деп.
Мыны уккан кийнинде
Талдама деген уулдар

Партизан болуп баргылады.
Талдама деген аттарды
Олорго минерге бергиледи.
Олүмди жууда женип,
Озөтөн жүрүмди аларга!
Канду жууда женип,
Кызыл Алтайды тазөөргө!

Жыргал ырысту жүрүм учун
Жуулажып жутпаларды баскан.
Күкүрт ошкош бу жылдар
Ундулбас болор чактарга.

Баатырланган жоруктарда
Коштой басты колкүчтүлөр.
Алтай, казак, орус кижилер
Ончолоры бирге болды.

Ол, от-жалбышту жылдар
Ончобыска коот жыргал.
Оны эмди албаты
Онбос кожонго салдылар.

Казыр канду жууда
Канча оштуларди басып,
Кайран жаш Алтайда
Колхоз журтын тазөгөнүн.

Жыргалду кожон жайылып,
Жоктулар айылын жыргатты.
Албаты-жон эмди жыргап,
Аргалу жүрүмин мактады:

Жайым болды журтыбыс
Жангы совет бу Алтай.
Культураны көдүрүп,
Кубуксуулу жүрүм тудурады.
Жангы журт тутса да,
Жугна байды ундыбагар.
Сүмеленип алып бөрүлөр
Журтыбыс уреерге албаданар.

Кара сагышту жеткерлер
Катап биске буудак эдер.
Катап бистин теристи ичип,
Канысты сорорго албаданар.
«Эмди мында көргөжин,
Бистин колхоз-совхоз журт,
Эмди бу жердин ээлери –
Бис бойыбыс болдыбыс».

Улу Ленин үреничиги
Улу бистин башчыбыс.
Оштуларди үрей согорго,
Бисти Слер баштадыгар.
Ол тушта бутпестер
Улуп кайра чачылды.
Бистин сууген Слер башчыбыс

Неден де жалтанбай
 Куун кайрал жоктон,
 Суреетип көрөр тартыжуда
 Оштулерди женерге
 Бисти баштап бардыгар.

Онойып ок эмди бисти
 Индустрия ла колхозтор жолыла
 Ырысту жүрүмге баштадыгар,
 Бистин улу башчыбыс.

Албан кату жан тушта
 Адаларыбыс бистин кожондогон.
 Эрчимелдү кату жан тушта
 Энелерибис бистин кожондогон:

«Кыш күнде чечек өспөс,
 Кырда агаштан жемит бутпес.
 Ондый ол Алтайда
 Ырысту жүрүм болбос» – деп.

Бу кожон озогыда болгон,
 Озогыда жайнаган албаты.
 Ол эмди бу жердин сөзи,
 Орооныбысты корыыр женүзи.

Коот-жыргал эмди болды,
 Коолонуп журтыбыс өзө берди.
 Иштеерге де жыргалду
 Жентижерге де сүүнчилу.

Эмди бистин жыргаганыбыс,
 Революциянын ийдези.
 Эрјине жүрүмдү болгоныбыс,
 Сталиннын чагы туш.
 Төрөл Алтай жер үстинде
 Ырысту колхоз малдары.
 Төмөн жер алдында
 Социализм жургынын жөөжөзи.

Алтын, мөнгүн ондо бар,
 Јес, куулы элбек бар,
 Темир, цинк база бар,
 Бистин Алтай айдары жок бай.
 Күүлөп түшкен учар суулу
 Кебистер өскөн өрт чечектү
 Булутка кирген бийик мөңкүлү
 Алтай жери мактулу.

Корголјын, теленгир, көмүр,
 Ртуть, ванадий, вольфрам, алунит,
 Мрамор, борхеда, радий
 Бистин тууларда элбек бар.

Јайылып өскөн агаштар да элбек,
 Ийделү аккан суулар да көп.
 Электричествонун жылдыс оды
 Эм удабастан ондо куйер.

Жылым турган тууларда
Заводтордон ыш чыгар.
Шык эткен тымыкты
Паровоз келип чочыдар.

Качан да неме тийбеген,
Кату жерлү өзөктөрдө.
Косилка, сеялка, трактор
Киркиреп туруп иштеди.

Жылымдый туулар өткөн,
Чуй трактын жолыла.
Калка гранина жетире
Автобустар мантап туру.

Ачу аракы ордына ак бичик болды,
Арка-тууларда кино, больница болды.
Энелер де, балдар да үренди.
Эе, үренер деп каргандар да мендеди.

«Алтайды каан ээленип турган көп жылдардын туркунына бастыра Ойрот область ичинде жирмеге жуук школдор төзөлгөн болгон, бу школдо «крестү улустын эмезе бай алтай улустын балдарын алып турган. Эмди десе балдардын 99 процентти баштамы үредүде туру.

Баштамы школдордон өскө, Ойротто бир канча орто үредүлү школдор бар. Көп алтай улус, Ойрот областтан өскө жерде, жаан үредүлү школдордо үренип жадылар. Бу жылдагы тоодон көргөжин, 109 кижини жаан үредүлү школдордо үренип жадылар. Олордон 78 кижини алтай улус болуп жат. Орто үредүлү школдордо (областын ла Союзтын өскө дө крайларында) 1006 кижини үренип жат, олордон 504 кижини алтай улус; кыска өйлү курстарда 1032 кижини үренип жат, олордон 630 кижини алтай улус. Бастыра бийик үредүде, орто үредүлү школдордо ло кыска өйлү курстарда 2147 кижини үренип, олордон 1212 (ол эмезе 57 проц.) кижини алтайлар»

(Р. И. Эйхе – «Социализмнин Ойротиязы...» деп куучынынан)

Мындый кайкал ырысту жүрүм
Бисте качан да болбогон,
Күчлө жаткан албатынын жүрүмин
Ырысту эдил, Слер эттигер.

Кожондон талдама кожонды
Слерге бис кожондоп турубыс.
Улгерден талдама улгерди
Айдып турубыс төрөл адабыс.

Күн жаркыны жок болзо,
Канайып бис журттарыбыс.
Совет жан жок болзо,
Ырысту жүрүм болбос эди.

Партиябыс, башчы сүүген Сталин
Ыргалду жүрүмге бисти экелдилер.
Жайым Совет жерибисте
Ыргалду, ырысту жүрүм таптыбыс.

Жарамыкту жүрүм! Сүүген Алтайда
Жайым албаты жангы жүрүмге жеттилер.
Жадын чакка болгон жайнулу ...чачып,
Жаан ырысту кен жолло бардыбыс.

Бастыра калыкла нагы кожо жазадыбыс,
Женү бисте! Озогызы жендирди.

Орооныбыс ологго оморкогодый
Бистинг Кызыл Алтай көп геройлор берди.

Мергендү иште мергенчилер
Колхоз ижин тындып туру.
Ударный иште стахановчылар
Социализм ижин тындып туру.

Ырысту алтай јеринде
Орден тагынган колхоз малчызы,
Стаханов герой Мызаевты
Бастыра албаты узе билер.

Мызаев, кечеги батрак,
Эмди бистинг ортобыста,
Элде јондо көдүринер герой
Онын ижине бис тендежер учурлу.
Онын төжинде јалбырап турганы,
Лениннинг ордени -
Улу орооныбыстын улу кайралы!

Озогы тушта кул Мызаев
Эмдиги тушта герой болды!
Озогы тушта јокту Мызаев
Эмдиги тушта ырысту болды!

Эмди онын кожонгы бу:
Слерге оны айдып туру,
-Јыргалду, ырысту јүрүмди
Кайкап көрөр кайкалду
Кайралду иште эткенин.

«Эски јыртык тонду
Карган атту јүреримде,
Јажыл өзөкти өрө
Койлор браатканын ундыбагам.

Булут ошкош јүргүлейтен,
Оны көрүп кунугатам,
Бу ненин учун менин эмес
Ырыс-јыргалду јүрүм меге
Не јетпеген деп санайтам.

Јайда-кышта аштап,
Түни-түжиле иштейтем,
Бай күнине де иштебей,
Тойу-семис јуретен.

Ол озогыда болгон,
Оны јаман түштий сананадым.
Қан ичкен байлар эмди јок,
Кайралду колхозтын јүрүми эмди.

Эмди кей де ару,
Тенгериде јарык немедий,
Эмди мен колхозто малчы,
Төрөл өзөктөрдө јүрүп јадым.

Ондо төрөл айылдан ыш чыгып туру.
 Ондо кой малыбыс отоп жүрү.
 Бу бистин жөөжөбис,
 Бистин жоннын жыргал кучубис!

Айландыра көрөктөр,
 Совет Алтайдын чечектеп турганын.
 Эмди качан да Алтай тууларында
 Озогы жайну келбес.

Бу жүрүмди жуулап бис алганыбыс,
 Оны өштүлөр качан да алып болбос.
 Биске ырыс-жыргал берген,
 Ойгор Сталин эзендик болзын!»

Жангыс Мызаев те эмес
 Жокту албаты ончобыс,
 Чактан чакка жоксырап,
 Кыйын жүрүмис жүргенибис.
 Эмди бис Совет тужында
 Ырыс-жыргалду болдыбыс.

Ойгор, Слер биске,
 Ырыс-жыргалду жолды көргүстөр.
 Бисти бу жыргал-ырысту жолло
 Мынаң да ары баштагар,
 Бу жолдон туура бис баспай,
 Кату жангыс жоктон барарыбыс.
 Жоткон куйунтукта
 Жон-элдин өштулери де
 Бу жолдон бисти
 Качан да тайкылып болбос.

Күкүрт чилеп күзүрөп түшсө,
 Орооныбыс корыырга бис белен.
 Канча часта маршал келзин десе,
 Баатырланып жуулажарга,
 Талдама улус, талдама ат белен.
 Талдама деген аттарды
 Олорго минерге бергиледи.

Өшту бистен аларын санабазын,
 Өштүгө таманча да жер бербезис,
 Бистин гран кырында часовойлор
 Бистин амыр-энчүни корып турулар.

Улу жаан совет огородына
 Каргышту өшту казыр фашисттерди
 Качан да бис божотбозыбыс.
 Гестапанын агенттерин -
 Жескимчилү троцкисттерди
 Төрөл журтыбыс садарга турган.
 Өштүлөр-националисттарды -
 Булардын ончозын
 Жылан чылап жескинип көрүп,
 Жайым албаты оодо тепсеер!

Ыргалду-ырысту бу жүрүмин
 Жайым жаткан совет албатызы
 Жабылап жуулап келгендерге
 Жарт туру, кемге де бербези.

Өштү келер болзо, келзин,
 От-жалбыш чылап удур чыгып,
 Өзөк тынын кыйарыбыс.
 Өштөп келген өштүгө
 Калак-корон ондо болор.

Учы-куйы билдирбес,
 Улу бистинг орооныбыс.
 Учурлап колына бичиген,
 Улу бистинг законыбыс.

Жер үстинде талдама
 Жазаган сенин Конституциянды,
 Жеек жутпа өштүлөр
 Жедип бистен айрып болбос.

Жакшылыкту жүрүм,
 Жарамыкту ой!
 Жүс мунг жылдарга
 жүретен болзобус кайдат.

Бу кун Съезд күнинде
 Бастыра албатыла кожо
 Бис Слерге, бистинг улу башчыбыска,
 Улу күндүбис ийип турус.
 Узак жылдарга жазаган,
 Улу сууген башчыбыс!
 Жараш садта улу сад
 Телекей албатызына маяк болгон.
 Тайга бажы ошкош иле көрүнген,
 Улу бистинг башчыбыс
 Узак жылдарга жазаган!

Республика Советтеринде
 Слер кычырула мааны.
 Кыйынга түшкен бастыра албаты
 Кызыл маанылу планет.

Оскө ороондордо карындаштарыс
 Өштүлөрле калганчы жуу эдер.
 Өрө көдүрбей көмө базап,
 Өс бойыбысла кожо барар.

Бистинг мааны жеңер,
 Жайымду ыргалду үйелер,
 Эмди келер чактарда
 Бастыра албаты тилдериле
 Элен чактардын мөңкүгө
 Эки жаркынду ат адаар –
ЛЕНИН ЛА СТАЛИН!
 Изүү тартыжуда жеңип алган,
 Алтын ошкош жүрүм учун.

Албаты җыргаган күч учун,
 Җаркынду күндий уреду учун.

Җаан алкыш сөзибис айдыл турубис,
 Баштап турган башкаруубыска,
 База бистин партияга,
 Башчыбыс Слерге!

Улу планегтин иженгени Слер,
 Учурлу јолло көндүк гире
 Боо јетире экелген чилеп,
 Мынан да ары баштап барыгар,
 Албаты јонго јарык болзын деп,
 Амыр-эзен јүрүгер!
 Ада болгон уредучибис,
 Бистин најыбыс,
 Бистин башчыбыс!

Албатынын башчы – улу СТАЛИНГЕ Ойроттын колкүчиле јаткандарынын бичигин бастыра аймактарда шуушкен база Ойрот автономный областтын совет гердин IX съезд-јууны јараткан.

Ойротиянын колкүчиле јаткандарынын бичигин ойроттын поэди А. Чоков үлгерге салган. Ойротиянын поэди В. Непомнящих көчүрген.

ПИСЬМО ОЙРОТСКОГО НАРОДА ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ
(Печатается по: Сибирские огни. – 1936. – № 6. – С. 26–33)

Тебе – мудрейшему из мудрых, дорогому,
 Чье имя славное гремит на целый свет,
 Тебе – учителю, вождю, отцу родному,
 Ведущему страну путем больших побед,

Тебе, чья слава звонкая, литая,
 Высокая –
 гремит на целый мир,
 Тебе из дальних гор счастливого Алтая
 Мы шлем большой привет, любимый командир!

О жизни радостной, о нашем счастье новом,
 Которого врагам жестоким не отнять,
 Так много хочется простым, душевным словом
 Тебе, любимому, родному, рассказать.

И вспомнить старое, ушедшее навеки,
 Года кровавые, тяжелые, когда
 Ойрота-бедняка богач за человека
 Не признавал...
 Проклятые года!..
 Кто не терзал, не грабил нас тогда?..

Грабили нас и джунгарские ханы,
 Цари и зайсаны, попы-хитрецы,
 Грабили хищные баи, шаманы.
 Грабили нас живодеры-купцы.

К нам ехали вслед за купцами – оравы
 Чиновников лютых, свирепых собак –

В Алтай голубой за богатством и славой,
В Алтай собирать с «некрещеных» ясак⁶³.

Мы жили в лохмотьях, в нужде,
и в чертоги
Шло золото наше, меха... А цари
Нам строили крепкие тюрьмы, остроги,
С долин вытесняли нас монастыри...

И вместе с шаманом, кружившимся дико
Над жертвой богам возле дымных костров, –
Разбойники «церкви христовой великой»
Жирели от наших тяжелых трудов.

«... Начальник Алтайской духовной миссии официально писал, что, например, один топор или старые сапоги, данные русским человеком в долг кочевнику-инородцу, года через четыре вырастают в сторублевого коня, а вскоре же и в целый табун, который неробкие торговцы и угоняют без дальнейших толков, объявив через людей хозяину, что скот угнан таким-то... Один пуд ячменя года через два вырастает в 25 пудов ореха или еще более...»

(Л. П. Потапов «Очерк истории Ойротии»)

Как вспомнить без дрожи их – годы былые!
Бесправие, грязь, нищета.
Аилы холодные... Дети больные...
А женщин никто за людей не считал.

Да, бедные матери вынесли много
Мучений в былые проклятые дни!
Не дальше аила была их дорога...
Как были темны и забиты они!

С нас злое начальство три шкуры сдирало.
Наказ от властей был:
«Под крепкой рукой
Держать инородцев»... Купец-обирала
Нас спаивал царской «кабак-араккой»⁶⁴.

Зайсаны и слуги их кровь нашу пили,
Сгибали нас хищные баи в кольцо.
Недаром такими унылыми были
Все песни у прадедов наших, отцов.

Сколько в поле травинок – пойдя сосчитай,
Не сочтешь, хоть живи ты два века.
Сколько пролито крови за милый Алтай –
Не дано сосчитать человеку!

Сколько рек на Алтае, озер и ручьев, –
Слить их вместе – получится море.
Океан получился б из слез бедняков, –
Много, много в Алтае горя!

В ябаганских лугах –
Тишина густая.
Счастье вечно в гостях
Только в юрте бая.

63. Ясак – подать.

64. Кабак-арака – водка.

У чемальских высот
Ходит ветер юркий,
Счастье вечно живет
У зайсана в юрте.

Если в байский богатый заглянешь аил –
Мясо там и ковры, арака там и сахар.
К бедняку же заглянешь – и свет не мил:
Грязь, нужда... И глаза ты закроешь от страха.

Баям что не жиреть? Им урядники даже
Кумовьями... Как нас – не обидит их всяк.
Мы живем, как в тюрьме...
Ах, когда же, когда же
Заживешь ты счастливою жизнью, бедняк?!

Такие унылые песни мы пели
В те мрачные годы. На злого купца,
На бая, попа и зайсана кипели
Горячею злобою наши сердца.

Мы горькие слезы и кровь проливали,
Кляня беспощадную злую судьбу.
Не раз наши деды, отцы поднимались
С проклятым и хищным врагом на борьбу.

Сердца наши полнились пламенем мести,
Горячею злобой к буржуям, царям...
С каким ликованием мы встретили вести
О гибели деспотов в дни Октября!

Погибла кровавая свора цепная
Чиновников, стражников – яростных псов,
И все же не сразу зажглось на Алтае
Веселое солнце счастливых годов.

Кровавую царскую власть разгромили,
Но вместо одних кровожадных собак
Явились другие... Всю власть по Сибири
Взял в руки свирепый кровавый Колчак.

И мучили нас колчаковцы... Угрюмо
Мы думали снова:
– Нельзя нам так жить!
Буржуи, зайсаны из Кара-Корума⁶⁵
Хотели навеки нам руки скрутить.

Друзьями народа прикинулись живо,
На красных собратьев сзывали в поход,
Вовек не забудут в Алтае счастливом,
Как мучили эти злодеи народ!..

«В конце июля 1918 года в Шебалино пришли каракорумцы. Это был отряд под командой Дукешевича. Во время следования, в Муюте отряд расстрелял и выпорол несколько человек. Он окружил шебалинский волсовдеп и почтовое отделение, расставил посты по дорогам и переулкам и начал провозводить аресты. В один день по доносу кулаков было арестовано 60 человек, бывших на стороне советской власти и сочувствующих ей, одним словом, всех бедняков и середняков. Аресты проводились

65. Кара-Корум – буржуазно-националистическое правительство на Алтае в 1918 году.

три дня. Насадил полную каталажку и полный амбар. Арестованных прогнали сквозь строй, били прикладами и плетью, выбивали глаза.

На четвертый день по благословению священника и на глазах собравшихся кулаков арестованных клали на скамейку, привязывали. Снимали штаны и рубахи и драли плетью и шомполами до полусмерти, поливали водой.

Этому подвергались и старики 70 лет, и женщины. Избитых до полусмерти сажали в каталажку, на утро отправляли в Кара-Корум и по дороге охотились – расстреливали. Так замучили от Шебалино в трех километрах 10 человек: секретаря шебалинского совдепа Боржина, красногвардейца Громова Владимира, двух братьев Шестерниных и других».

(Из воспоминаний очевидцев. По материалам, хранящимся в областном музее).

Былое хотелось вернуть им, чтоб снова
Запрячь бедноту в вековое тягло.
Но мудрого Ленина вещее слово
И в древние горы Алтая дошло!

То слово живое открыло глаза нам:
– Свободу и счастье – в бою добывай!..
И лучшие наши сыны к партизанам
Пошли, чтоб сражаться за красный Алтай.

Навек незабвенны грозные годы,
Бои за счастливую, светлую жизнь!
Бок о бок шагали в героических походах
Казах и алтаец, и орус-кижи⁶⁶.

Тех лет огневых – замечательны были,
Прекраснее сказки и песни любой.
Врагов мы в упорных боях победили,
Мы начали строить Алтай молодой.

Гостить стала радость в бедняцких аилах,
Стал нашим свободный советский Алтай.
– За стройку! Культуру!..
Но в наших долинах
Еще не добит изворотливый бай.

Нам новые там он готовил тенета,
Как самый хитрейший из всех пауков.
Он снова мечтал богатеть нашим потом,
Как в старые годы, пить кровь бедняков...

Но ты, наш учитель, ты – ленинец верный
Повел нас с врагами в решительный бой.
Ах, как завопили тогда маловеры,
Какой они подняли яростный вой!

Ты двинул нас в бой беспощадный и грозный
С врагами, – ты вел нас, как ныне ведешь.
Дорогой индустрии, дорогой колхозной,
Привел ты нас к счастью, великий нас вождь!

Когда-то отцы наши бедные пели:
– Не быть на поляне зимою цветам.
Вовеки не вырастут булки на ели,
Не быть на Алтае счастливым годам.

⁶⁶ Орус-кижи – русский человек.

Ойрот, что был дружен с нуждой и заботой,
Он ныне хозяин лесов этих, рек...
Как радостно жить, побеждать и работать
В счастливый, веселый, в наш сталинский век!

Идут по долинам родного Алтая
Счастливых колхозов большие стада.
А в недрах хранится руда золотая,
Железа и цинка, и меди руда.

Богат наш Алтай!..
Ртуть и уголь, ванадий,
Свинец, алуниты, богхеды, вольфрам,
Есть мрамор в горах наших, олово, радий,
И множество зверя в лесах по горам.

Красив наш Алтай голубой!
Водопады, пожары цветов на зеленых лугах.
За синие тучи вздымают громады
Высокие головы в вечных снегах.

А наши леса!... А могучие воды!..
Зажгутся огни электрических звезд,
В горах голубых задымятся заводы,
И тишь вековую вспугнет паровоз!

Грохочет в долинах нетронутых трактор,
Косилок и сеялок слышится гуд.
В горах автобусы по Чуйскому тракту
До самой монгольской границы бегут,

В горах вырастают кино и больницы,
На радость нам – книга взамен араки.
И дети, и матери стали учиться,
Идут на ликпункты отцы-старики:

«За долгие годы царской колонизации по всей Ойротской области едва ли было организовано два десятка школ, куда принимались дети «крещеных» или богатых алтайцев. Сейчас 99 проц. детей охвачено начальным обучением.

«Кроме начальных школ – в Ойротии ряд средних учебных заведений. Большое количество алтайцев обучаются в высших учебных заведениях за пределами области. По данным этого года 109 человек обучается в высших учебных заведениях, из них 78 человек алтайцев. В средних учебных заведениях (в области и в других краях Союза) обучается 1006 человек, из них 504 алтайца; 1032 человека охвачено краткосрочными курсами, из них 630 алтайцев. Всего в вузах, в средних учебных заведениях и на курсах охвачено учебной 2147 человек, из них 1212 (или 57 проц.) человек алтайцев».

(Р. И. Эйхе. «Социалистическая Ойротия на новом подъеме»)

Да, не было жизни вольней и чудесней!
Ты сделал счастливым народ трудовой!
И самые лучшие яркие песни
Поем о тебе, наш отец дорогой:

Если б не было щедрого света
Солнца, – как же бы стали мы жить?
Если б не было власти Советов, –
Не могли б мы счастливыми быть.

Радость светлую, счастье нашли мы
 На просторах советской земли.
 Наша партия, Сталин любимый
 К жизни радостной нас привели!..

Прекрасная жизнь! На любимом Алтае
 По-новому зажил свободный народ,
 И, сор вековых суеверий сметая,
 Он к счастью широкой дорогой идет.

И в дружной семье всех народов мы строим...
 Победа за нами!.. Сдаёт старина!..
 Наш красный Алтай дал немало героев,
 Которыми может гордиться страна.

Ну, кто на счастливом Алтае не знает,
 За ближней и самую дальней горой,
 Таких, как пастух наш – Терпан Мызаев –
 Орденоносец и славный герой?

Вчерашний батрак –
 Он теперь наша гордость,
 В труде по нему мы равняться должны.
 Горит на груди его Ленина орден –
 Большая награда великой страны.

Как счастлив Мызаев!..
 Да вот его песня.
 Пусть скажет тебе, наш родимый, она
 О радости нашей, о жизни чудесной,
 Чем наша душа трудовая полна:

– «Помню: узкой тропой длинной
 Ехал я на лошади старой.
 По зеленой большой долине
 Шли лохматых овец отары.

Шли, как тучи... И сердце сжалось
 От обиды, как камень, тяжелой:
 – Почему это мне не досталось
 Счастья, радости, дней веселых?

Я работаю дни и ночи,
 Голодаю зимой и летом.
 Бай и дня поработать не хочет,
 Ходит жирным, нарядно одетым...

Это было давно когда-то,
 Вспоминаю, как страшный сон,
 Нет в горах кровопийц богатых,
 Скот колхозный со всех сторон.

И теперь пастухом колхозным
 Еду я по долине родной.
 Даже кажется слаще воздух,
 Небо ярче горит надо мной.

Там аилы родные дымятся,
 Там отары овец идут,

Это наше, мое богатство,
Наша общая радость и труд.

Поглядите вокруг: молодая
Жизнь советская ярко цветет.
Никогда теперь в горы Алтая
Горе старое не придет

Эту жизнь мы в боях отстояли,
Мы её не уступим врагам.
Езендык болзын ойгор Сталин⁶⁷,
Давший счастье и радость нам!..

Не только Мызаев. Вот так же и все мы,
Кто вечно в нужде и лишениях страдал,
Мы счастье узнали в советское время,
Ты, мудрый, нам к радости путь указал.

Ведет он лишь к счастью – путь ясный, колхозный,
Мы будем путем этим твердо идти!
Не сбить нас ни бурям, ни вражеским грозам
С тобою намеченного пути!

И пусть грянут грозы!.. Когда к обороне
Нас маршал потребует – в каждый час
И лучшие люди, и лучшие кони
Готовы к геройским походам у нас.

Пусть враг не мечтает от нас поживиться!
Мы пяди земли не уступим врагу!..
Состоят часовые на наших границах
И горко наш труд и покой берегут.

Проклятых врагов – озверелых фашистов –
Не пустим в советский большой огород.
Агентов гестапо – презренных троцкистов,
Изменников родины, националистов,
Как гадов, раздавит свободный народ!

Нет, радости этой и жизни счастливой
Свободный народ не отдаст никому!
Пусть сунется враг к нам! Могучей лавиной
Мы выйдем сражаться, – и горе ему!

Нет! Родины нашей бескрайние шири,
Закон, что написан твоею рукой.
Твою Конституцию – лучшую в мире –
Никто не отнимет, нет силы такой!

Счастливая жизнь и прекрасное время!
Ах, жить бы нам сотни и тысячи лет!..
Сегодня, в день съезда, с народами всеми
Мы шлем тебе, вождь наш,
горячий привет!

Живи же, любимый наш, долгие годы!
Ты – горной вершиной у всех на виду.

67. Да здравствует мудрый Сталин!

Учитель, маяк зарубежным народам,
 Великий садовник в прекрасном саду
 Советских республик...
 Ты – призыв и знамя
 Для всех угнетенных планеты большой.
 Восстанут и там наши братья! За нами
 Пойдут на тиранов в решительный бой!
 Наш стяг победит!
 И в устах поколений –
 Счастливых, свободных –
 в грядущих веках –
 Звучать будут вечно два имени:
 ЛЕНИН
 и СТАЛИН
 повсюду. На всех языках.
 За радостный труд, бытие золотое,
 Добытое в жаркой упорной борьбе,
 За солнце познания – спасибо большое
 Правительству,
 Партии нашей,
 ТЕБЕ!
 В тебе все надежды великой планеты...
 Веди же вперед нас, как вел и ведешь!!
 Здоров будь,
 на радость трудящихся света,
 Отец наш, учитель, наш друг и наш вождь!!!

Письмо трудящихся Ойротии вождю народов – великому Сталину обсуждено во всех аймаках и принято IX областным съездом советов Ойротской автономной области.

Письмо трудящихся Ойротии изложено в стихах ойротским поэтом А. Чокковым и переведено с ойротского поэтом В. Неломнящих.

Николай Зарудин

ПРЕКРАСНАЯ ОЙРОТИЯ

(Печатается по: Наши достижения. – 1936. – № 11. – С. 92–109;

без подписей под фотоиллюстрациями очерка – ред.)

У снеговых вершин, среди безмолвной горнокаменной *тайги* рождаются кипящие и все же незамутненные потоки и ручьи. Они ниспадают из голой тайги Ойротии. Высокогорные области, куда не забирается и сине-густой кедр, – невозмутимая тишина травы и цветов, льдистая вода, что бьется всюду из-под сапога, – такова пустынная *тайга* гор, где нет лесов, куда поднимаются в жаркий месяц медведь и марал.

Ничто не говорит здесь о делах человеческих. Тропа едва различима в седловинах вершин, среди каменных глыб и альпийских цветов. Леса, оставленные внизу, полегли густым синим туманом. Там – вознесенные могучие кедры, обвешанные смолистыми сизо-голубыми шишками, бледный шелк лиственниц на прямых, как гигантские занозы, будто обгорелых стволах. Панорама вокруг резка и отчетлива. Обтаявшие вершины – бурые, зеленовато-серые, черные – вздымаются в небо, чистое и подобное пламени. Иногда облака, поднявшиеся откуда-то снизу, напоминают в своем мрачном движении о грозной высоте; они проплывут стороной, внизу, отбросив живые черные тени среди курумов – каменных россыпей, среди свалки каменных глыб. И вот нечто, подобное серым алхимическим дымам, уже курится, выплывает из бездн. Внизу необъятно, дико и девственно... Вздымается острый хребет в оторочке лесов – хищный, настороженный, внушавший сотням поколений страхи перед духами гор. Невидимые потоки ниспадают с него в складках, обвисающих синими тканями лесовья. Вновь облако проплывает внизу... И прохлада под ослепительным сиянием горного солнца вдруг наносит аромат горного луга, напившегося вдоволь снеговой воды, гудящего пчелами, полного белых альпийских колокольчиков. И дует оттуда тонкими дыханиями гиацинтов, и лошади одна за другой норовят уцепить синий цветок, привставший среди желтых маков и сочных незабудковых зарослей.

Тайга Ойротии безмолвна, опасна и дика. Снег и дождь мгновенно окутывают перевалы, непро-

глядные тучи погружают голые и каменные просторы тайги в темную бурю, пронизывающую лут-ника нескончаемыми потоками холода и дождя. Горе тому, кто застигнут здесь в темноте бури и облаков! Ни кустика, ни палки не найдет он, если и укроется в случайной каменной щели. Недаром перевалы страны украшены старательно сложенными кучами камней. Выгоревшие обрывки ярких тканей, развешанные на ветках и сучках, напоминают внимательным глазам погосты в мариинских лесах. Это – жертвоприношения горным духам от охотников и пастухов, поднимающихся сюда из долин. Туда, к человеческой жизни спешит снеговая вода. Может быть, этот тяжелый камень и ярко-красную тряпку оставил здесь охотник из Кулады, в меховой шапке с кисточкой, с трубкой в ковеной желтой меди и старинной винтовкой, деревянные сошки которой торчат за плечами всадника, как вилы. Он поднялся на перевал, чтобы пересечь хребты – к востоку солнца, к Монголии, много ленивых, пышно-меховых сурков. Солнце стало уходить от Алтая, стоял куран-ай, охотничий месяц свадьбы козла.

Утром, когда ключья тумана цепляются по стенам ущелий, еще свежее кипят и плещут реки Ойротии. Спускаясь среди ледников и курумов в альпийские пастбища и мимо – в леса кедров и лиственниц, они разливаются в сокровенном омуте смородины и малины, тишины и травы; тут журчат они в заповедной лесной темноте; музыкально плещется вода среди мягкого сумрака мхов и листвы, и будто настоявшись на запахе лесов, голубая и зеленая, полная быстрых серебристо-дымных хариузов, наконец, выносится в долины. Сбежала с ледников, просочилась меж корней фиалок и колокольчиков, наплескалась среди каменных глыб и отполированных столетиями русел, и вот гремит и разливается веселая ойротская вода во все стороны... И в голубую и желтую страну, что лежит у гор Монголии, в пустынный Кош-Агач, что означает «прощай, лес!», и в Танну-Туву, страну ойротских пастухов и охотников, и в бийский степной размах, откуда подступают к ойротскому кедру и лиственнице русские березы с мягкой и меловой корой.

Прекрасная Ойротия!

Она возникает из ключев тумана неслышанной свежести, когда запахом древности и камфары благоухает полынь; и шум неизменной реки доносится сквозь водяной дым опустившегося облака... Ущелье в остроконечных лиственницах плавает среди утренних летящих паров. Задраны безлесные вершины, из-за черно-железного хребта поднялось еще холодное желтое солнце. Туда, к солнцу востока, как говорят в сагах, уползает Чуйский тракт, извиваясь на гигантских складках серо-зеленых холмов... Грузовые машины неуклюже переваливаются на ленте шоссе. Там дальше желто-голубая даль плато, горы, – облака, как жертвенный дым, возносятся у гигантской кумирни.

Мы пришли на шоссе из долины Чаган-Узуна, ущельем Кара-Кема, из дальних и неприступных дебрей каменного Аргута. Леса, полные зеленого сумрака, пахучий кедр среди облаков, глушь малины и смородины сменились колючими кустарниками, крыжовником и облепихой. В ущельях с лазурно-сухими обточенными камнями нас встретил тополь, теряющий уже свою чуткую, опаленную желтым огнем листву. Дороги юго-востока вели через библейски-пустынные горы, усеянные черепами и костями животных. Все пустынное и суше обнажалась земля. Краски становились всё более яркими и фантастическими. Ойротия кукушек, зеленого сумрака и нежного марала канула будто навсегда. Чуйские альпы, в своих раскрашенных перламутровых облаках открылись, как причудливое сновидение. Невысокие горы и холмы, окружавшие дорогу на юг, все более и более изумляли глаза. Причудливо сбегали вниз сине-полосатые склоны и безжизненные малиновые холмы. Иногда ослепительно яркая ржавчина краснела на них, как на железном листе. То сверкал холм, неистово-яркий и неожиданный, как канареечный желток. И вот склоны гор уже запестрели от пучков курчавой и жесткой травы, напоминающая Южную Африку.

Мы приближались к горам Чаган-Узуна, к мировым месторождениям киновари, сулившим Ойротии чуть ли не всесоюзное ртутное владычество... Не от присутствия ли ртути, этого таинственного металла, столь причудливо раскрашивался окружавший нас мир? Ерунда! Все оказалось гораздо прозаичнее: виной тому были только девонские отложения...

Но горы и земли все узорнее и неправдоподобнее открывались вокруг. Вода реки неожиданно исчезла в обточенной лазурно-меловой гальке, насыпанной в её русло чудовищной толчеей камней. Потом тропа опустилась в дол. Среди пустынных разноцветных холмов ослепительно-свежий луг зеленеет, как только что подстриженный газон. Стог ярко-зеленого сена возвышался посредине. Мы были у Кош-Агачского высокогорного плато. За ним горные цепи толпились, как голубые привидения. За ним в облаках лежала Монголия.

Прекрасная Ойротия!

Реки её разнообразны, народы разноплеменные, земля роскошна и дика. Её Аргут совсем не похож на Чемал, так же как дико заросший Турачак, со своими гигантскими зонтичными, пихтами и черномолесьем, ничем не походит на пустынный монгольский Кош-Агач. Все ойротские реки имеют свои оттенки и цвета. Бело-молочная вода гремит в диком ущельи Окем (Аккем – прим. ред.); лазурно-малахитовая Катунь так чужда черно-стальной глубине Золотого озера; голубая Бия не сродни мутному

спокойствию Кош-Агачских протоков и заводей... Я слышал рев Аргута, он запомнился на всю жизнь. Могучий звериный рык Идыгема, напоминающий шум ста проходящих поездов, – здесь нашла свою могилу не одна тысяча хищных и жадных народных врагов... Я видел реку необычайного цвета с именем Кучерла; она спускается с гор в одном переходе от Катанды, села, где Иван Долгих стал вечной легендой, достигая своей шашкой неуловимую голову есаула Кайгородова. Это – чудесная река.

Страна имеет лишь одну крупную автомобильную магистраль: Чуйский тракт пересекает её с северо-запада на юго-восток. Но путник, поднимаемый машиной по спиралям шоссе, оставляющий за собой перевалы и *бомы* – узкие карнизы пути, выдолбленные вдоль отвесных каменных стен, – и на тракте не уходит от неизменного шума реки. Дороги страны тянутся по ущельям вдоль бурлящей горной воды. Пустыни и поражающе безлюдны просторы гор. Лошади ступают по чуть светлеющей полоске тропы. Она то опускается прямо в русло реки, то растворяется в россыпи каменных глыб, то карабкается на крутизну, валящую шапку с головы. Непостижимы сила, ловкость и чутье горного коня.

Камень, лес и вода. Путь бесконечен, пейзажи восхитительны. Лишь изредка на мирной поляне, в густой траве и тишине, еще более явственной, еще более ощутимой от буйного шума воды, выстраиваются *аилы* – один, два, три. Не *аилы*, а сказочно-знакомые индейские вигвамы детских мечтаний и книг! Конусообразные силуэты их из серой коры легко возвышаются среди дикой и немятой прелести горной глуши. Иногда основание сложено из бревен правильным шестиугольником. Синеватый дымок из конуса, обставленного острями жердей, говорит о тепле человеческого угла. Но ни одной живой души не видно вокруг, – двери прикрыты наглухо. Вода вечно и привольно шумит у обточенных глыб. Каменными махинами подняты горы, с беспощадной ясностью выступают над их гребнями азиатские остря лиственниц. Пропasti, скалы, камни. Цветы синим ковром окружают аил. И горьким запахом пастушеской страны пахнет призрачный дым.

Чем дальше от Чуйского тракта, – от Уймонской долины, от её ярких пшеничных полей и разбросанных русских изб с плахами, набросанными вместо крыш, с подсолнухами и маками из-за плетней, – тем реже попадаетея жильё.

Снежный блеск баснословных вершин завладевает просторами.

Бурный, каменный Алтай, как он назван сказочниками, громоздится все выше и неприступнее. Все грознее режут лохматые реки, все лиловее темнеют хребты. Да и названия приобретают все более мрачный и зловещий звуковой смысл. Сверкнет Каир своими головокружительными острями и пиками, зловещим курением вокруг призрачно-зорких, как бы караулящих вершин. И – погаснет. Леса обвешаются мхами, кедровые заостряются и выпрямятся, разлягутся чудовищные корумы. И вот пропасти Аргута – царство мрака и бездн – опашнут вас как бы безмолвным гулом... Вечно собирается что-то, ходит вокруг вершин, творит свою потаенную работу, неведомую нам, – столпотворение дымов, мраков, паров. Прощай, мягкая Ойротия желтых закатов, черемухи и музыкальных птиц!

... Катунь мы покинули у Тюнгурского перевала, кое-как перебравшись на пароме через журчание зелено-голубой стремнины воды. Невысокие лесистые горы поднимались справа. Мы простились с цветной рекой и голым Тюнгуром – зловещей памятью предательства и убийства. Кровавая книга борьбы с Кайгородовым открылась здесь... В ущелии Тюнгурского перевала погиб Суховский отряд, первенец красногвардейского Алтая. Люди предательски были расстреляны из пулеметов, почти никто не ушел. Деревянный обелиск над крутым яром реки повествует о прошлом: здесь пал командир, расстрелянный белыми пулями, оставивший своё имя клятвой верности и чести – товарищ Сухов.

Высокий и редкий лес покрывал холмистые горные склоны. Трава, полная красной костяники, далеко просвечивала меж столетних черных стволов. Кое-где со стволов была снята кора. Это говорило о близости урочища: здесь, на Алтае, как десятки столетий назад, кора деревьев служит для укрытия жилища. Её надрезают вокруг ствола, снимают развернутой трубкой, и, подпертая жердями, она защищает аил от ветра и дождя. Показались первые редкие здесь пни. И точно – через недолгое время лошади пошли с той веселой и непринужденной поспешностью, что всегда предвещала близкий конец пути. Склон пологой лесистой горы открывался широкой поляной, уставленной редкими столетними лиственницами. Полуразвалившаяся бревенчатая изгородь маральника⁶⁸ ровными стежками поднималась вверх. Внизу виднелись аилы. Неизменный дым поднимался над их вершинами. Но тут же низкие бревенчатые срубы с накатом, засыпанные землей, говорили о новом... Это были оседлость, зимние дома, то, что называется здесь – новый колхозный быт. Нетронутая природа окружала селение. Шум реки, подобный набату соснового бора, осенял предвечернюю кристальную тишину гор. Восхитительная небрежность лесов, уходивших в прозрачную высоту, спокойная власть каменных громад как бы подчеркивали всю дерзость приткнувшихся здесь человеческих жилищ. Леса, воды,

68. Как мы узнали позже, некогда на месте колхоза Кучерла была заимка и маральник кержака Грифона Иванова Бунькова. Старик оставил о себе некоторые воспоминания: он был лют на руку, нещадно бил алтайцев, да и русских, что попадались в его цепкие и загребушие руки. О том, как жили крупные кулаки на Алтае, можно судить по маральнику Бунькова. У него бывало до ста маралов. Старожилы помнят, когда он продал сразу тридцать пять животных. Обо всем этом остались полурассказы, полудогороды. В колхозе Кучерла наравне с ойротами живут и русские. Живут они душа в душу.

травы и камни наступали, надвигались со всех сторон – не побежденные здесь ни топором, ни киркой, ни плугом. Но непобежденные ли?!

Мы проехали вдоль селения. Вольеры с чернобурыми лисами и енотовидными собаками не были для нас новостью. Улыбающиеся и смеющиеся лица нас приветствовали. Ездящий на бело-игреневом коне, наш друг Собачьи Уши, как и везде, быстро нашел знакомых. Председатель отсюда, как пояснил он нам, был на Всесоюзном съезде колхозников-ударников, он разговаривал с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Живое, юношеское лицо нашего друга, словно вырезанное из древнего блестящего дерева, клонилось из седла, – он пожимал руки... Ослепительные улыбки кучерлинских жителей грозили нам долгой остановкой. Живая и лукаво-выразительная привычка табыша – длинного языка – была нам отлично знакома, – здесь она не составляла исключения. Бессмертный телеграф заработал, взрывы смеха вокруг нашего высокого друга не угасали. Сочувственно кивали нам пастухи, охотники, молодые земледельцы из урочища Кучерла.

А солнце клонилось вниз. Еще чище становилась тишина, еще выразительнее шум реки. Изгородь бывшего маральника заставила нас подняться по косогору, чтобы расположиться в лесу у реки. Проводники и вьючные лошади перебирались через пышный, чуть краснеющий луг. Не преувеличивая, он был выстлан беловато-розовой горной клубникой. Сладкий и пряный аромат её, разогретый солнцем, еще стоял в остывшем воздухе. В лесу был покой вечера, настаивался тайный, остро пахнущий холодок гор. Уже наши вьючные, фыркающая и прядая ушками, наклонились к траве и, неуклюже вскидывая спутанные ноги, спешили на луговую гущину. Сквозь темные, редкие стволы деревьев пробивался свет необыкновенной реки; он походил на застывшую вспышку ярко-голубой молнии. Казалось, зарево поднимается от воды. Мы соскочили с лошадей, расседлали их и, отпустив на траву, кинулись к реке.

Густой, победоносный шум её облил нас с головы до ног. Мы остановились, пораженные. Насквозь прозрачно-голубая, падающая ощутимой, живой крутизной, лента воды поднималась кверху, как гигантская дорожка трамплина для горнолыжных прыжков. Она шла так быстро, была такой прозрачной и скользкой, что движение её утрачивало живое впечатление скорости. Вода зачаровывала, тянула к себе, – рождала неотразимое желание скользнуть вместе с нею, помчаться в эту головокружительную легкость, в кипящее счастье движения, куда, где очевидно – обрыв, конец света и ничего. В шипящую бездну уходило это голубое сияние, лежащее на отполированном каменном ложе, как величавый световой жгут. Ветви деревьев, низко склоненные над стремниной, дрожали, как ворота водяной мельницы, запечатлевающие вечный гром, кипение и стоящую окрест стукотню. Мы бросали в поток палки, куски сгнивших стволов, – и они не успевали соприкоснуться с поверхностью воды, исчезали, словно сбитые выстрелом.

Но самым непонятным и поражающим был цвет этой удивительной реки – словно заколдованный, самый яркий из всех виденных. Тщетно подыскивали мы ему определение. Небесно-лазурный? Но он более фосфорический...

Солнце в горах погасает быстро, на Алтае мгновенно все погружается в сон. Торжественный час темноты. Роса поспешно отяжеляет оловянную траву и недвижные цветы. В ущельях и пропастях – мрак погреба, опускается синий и таинственный дым. День отходит, эхо сторожит малейший звук. Еще девственной выступает свежий, закапанный туманами и росами мир. Явственнее благоухает полынь, кадят мокрые цветы, вода реки отдает тишине свой шум – вечное слово о молодости жизни. И стала ночь. Лишь камень нарушит покой, скатившись кое-где в ущелье. Учует огонь дикий козел, рывкнет с потаенной тропы, – его отрывистый сатанинский кашель раскатится в ночной немоте, как выстрел. А костер пицтит и позванивает в багровых углях, мешает тени, – спиртовые синие огоньки перебегают над жаром, как дорогие воспоминания. Седла, потники, седельные арчимаки разложены у палаток. Проводники спят у огня, закрывшись с головой, раскинув ноги, привольно, как могут только партизаны Алтая и охотники. Чуть доносится фыркание коней. Звезды пробиваются сквозь нависшие лохматые дебри деревьев, и все молчит. И все дано вам, и все это для вас, молодые патриоты страны осуществления надежд! Эта ночь, закаляющая сердце и волю, этот мирный хруст коней, звезды скитаний, что осеняют сон, – сила, любовь к жизни! Вас зовут сюда верховое седло, охотничья винтовка, нетронутый лес и огоньки костра, вас – племя геологов, ученых, инженеров, организаторов! Проходит ночь – открывается даль Земли, в утреннем солнце, в туманах, когда еще свежее кипят реки Ойротии.

...Здесь нетронуты горы, хранящие металлы, ценные земли, вещества, драгоценности. Железные горы Алтая знали китайцы, монголы, персы в незапамятные времена человечества. Не раскрыты, замурованы непочатые минеральные капиталы, неисчерпаемы массивы прекрасных золотистых, розовых и чайно-белых мраморов, нежнейших теплых нарядов и оттенков. Девственные леса – гигантские площади корабельной лиственницы, кедра, пихты – осеняют причудливые складки, увалы, склоны гор. Стада маралов, горных баранов, лосей еще пасутся на просторах тайги. Дикий козел, баран теке, пятнистая кабарга, медведь, белка и сокровенный соболь живут в лесных ущельях, в долинах и лугах, в кедровых борах.

Городов в буквальном смысле этого слова нет на Алтае. Ойрот-Тура, молодая столица ойротского народа с деревянными тротуарами едва расправляет бревенчатые плечи. Но уже гудят там школы, техникумы, библиотеки, типографии, кинотеатры, – жизнь, как её понимают люди борьбы и труда. Тиха и прекрасно-свежа страна. Поселки, аймачные центры, колхозы, урочища стоят среди девственной тишины. Всадник въезжает в траву, и трава укрывает всадника; быстрые хариузы молниеносно схватывают крючок с насаженной мухой; джунгли дикой малины, красной и черной смородины, кислицы стоят вдоль прозрачных ручьев и речек; утки плавают в воде спокойных озер, отражающих скалы, камыши или отвесы высокогорных ущелий; кристально-бездонна железная глубина Телецкого озера, и медведь спокойно греется на его берегу, спустившись с гор заповедника. Весною прелестно покрываются кусты маральника красными цветами. Горы голубеют от подснежников, пастбища усыпаны тюльпанами и гиацинтами, благоухают дикая сирень, черемуха, – опавшие лепестки цветов плывут по воде, закрывая поток... Черные грозные сарлыки, стада коров и быков, козлы, бараны и овцы, рассыпанные, как валуны, по склонам, табуны и косяки коней со змеиными шеями, с благородными злыми головками, словно сошедшие с миниатюр неистового палехского мастера Голикова, – блеет, храпит, ржет и мычит вся эта радость ойрота, теленгита, казаха по всем горам, долинам и степям страны, дабы умножиться во сто раз. Нет в мире чище и благоуханнее меда, этого чуда здешних цветов, собранного из чистейших альпийских ароматов тайги. Благодатна Чуйская степь с её озерами, протоками, искусно выводимыми каналами, с её неправдоподобно яркими лугами, где казахская юрта соседствует с теленгитским юем, где дрофа пасется рядом с овцой, где пьян и легок белый кумыс... Дзерены сотенными табунами носятся среди предгорий, монгольские горы стоят вдали, как желто-голубой, вечно наполненный облаками мираж.

А какие легенды, саги и сказки поют на горном Алтае!

Подобно своим кедровым лесам лишь раскрывается нетронутый народ скотоводов и пастухов, всадников и охотников, чья история лежит в потемках небытия и бесправия. Тысячи талантов еще неизвестны и замурованы в недрах, как руды и минералы, из которых выйдут прекрасные создания разума. Несмята девственная народная литература, устная поэзия, заключившая в свои бессмертные строфы сокровища воображения, тонкий юмор и прирожденное влечение к благородству жизни и справедливости. Но открыты солнцу и простору народная воля, доблесть, гордость, благородный житейский народный смысл. Уже исчезли, развеялись страхи и туманы первобытного мышления. И вот народы-единомышленники и братья – одной черной брови, одной земли, одной правды, как бы открывшимися чистыми глазами озирают себя.

...Ойрот, чья тюркская смуглая голова сочела черты выразительного лукавства, прирожденной артистичности, – народ веселых улыбок, азарта, балагуров и сказочников; он рожден с лошадей, он пройдет верхом по крутизне скал, на головокружительной высоте, по краю бездн; шапка из лапок лисы или рыси с цветной кисточкой, мокасины из меха дикого козла, охотничий нож в деревянных ножнах и монгольская трубка задержатся навсегда в памяти с первого взгляда, задержится в памяти и мултук – древняя шомпольная винтовка, перезаряжаемая охотниками с непостижимым искусством – быстрее мгновения, необходимого, чтобы оббежать вокруг дерева. В аилах, где еще недавно круглый год жил смуглый ойрот, зимою детей укладывали спать в яму и заваливали сеном; в таком аиле мы видели фитильное ружье рядом с портретом человека, чей спокойный исторический глазомер неуклонно ведет человечество к присущему ему единству, мы видели это в аиле охотника, фитильное ружье было заряжено, шкуры диких зверей служили нам мебелью, а хозяин, ойротский Кожаный Чулок, читал свою, ойротскую коммунистическую газету. В ущельи Кара-Кема, за Аргутской коммуной, ранним прозрачным утром мы видели тополь, и на затесанном стволе тополя прочитали написанное латинскими буквами: «Я гражданин Ясбаев Яспай убил 5-го июня 1935 года на вершине этого лога один медведь, собственную руку кладу», – так написал чернильным карандашом гражданин и охотник ойрот, впервые прикоснувшийся к письменности, данной ему пролетариатом советских республик.

...Теленгит, житель войлочного юя, пастух и всадник в конусообразной шапочке с кисточкой, с лицом, напоминающим высеченные на каменных бабах, оставшихся от неизвестного народа чудь; теленгит, чье широчайшее лицо кажется плоским, как барельеф, и поражает румянцем, налитое, сизо-смуглое, как крымское золотое яблоко. Горное плато, страна матовых тополей, заросших облепихой лугов, ветров и снеговых бурь, овеваят его жизнь, его пути, усыпанные костями животных и сухим их пометом; чудовищные овчарки в обвисших сваленных космах скалят львиные морды, сторожат его стада и прокуренный войлочный юй – юрту с её классическими степными очертаниями; вот спешит Чуйская степь, кусты карагана – кустарника покрывают её курчавыми пучками, ярко зеленеют низины, безжизненно сухо плоскогорье, где камни и земля походят на шлак; кузнечики ярко-красными крыльями непрерывно перелетают из-под копыт лошади, издавая резкий трепещущий треск; караван верблюдов, коричнево-голых, напоминающих иероглифы, движется на Кош-Агач – «Лавки русских купцов», как помечено на старинной карте; всадник в ярко-красном халате, в конусообразной

теленгитской шапочке пересекает безлюдье степи; длинные косы всадника свисают черными блестящими змеями, белый иноходец ровно идет, вытянув шею; только облачка пыли срываются из-под копыт, – пустынно-ровна библейская степь, курятся голубые горы Монголии.

...Тубалар, казах, кержак, переселенец...

Лишь недавно народы Ойротии получили представление о реальности времени, о цене часа, минуты, секунды. В горах Алтая сказочники рассказывают свои саги ночами, вокруг очага, под однообразные позванивания топшура⁶⁹. Иногда сказка тянется три ночи, семь ночей, еще семь ночей. Каждые две строчки стиха сопровождаются длинным бессловным припевом, во время которого сказитель подыскивает продолжение... Однообразное горловое гудение, напоминающее жужжание громадного шмеля, наполняет аил; сказитель выговаривает сказку сдавленным, низким до хрипоты голосом, символизирующим седую старину; сказка разматывает прихотливую нить, богатыри выезжают из тьмы времен, под завывание зимней бури. Только попыхивают трубки и стучится ветер, – время струится и струится на Алтае. – «Мне с тобой мало-мало надо говорить, – сказал один славный старик в Куладе. – Я буду немного говорить, только четыре часа буду говорить»...

Здесь создается и будет создана молодая, полная света, жизни и тепла, бездымная страна народного счастья – социалистическая Ойротия. Этим лесам, потокам и скалам будет оставлена их великая красота, ибо совершенная техника лишь дополняет природу, не оставляя хаоса разрушения. Электричество! Это звучит здесь так же, как в скалах и безднах Армении <...>

Электричество охранит прекрасную наружность Ойротии. Красивейшая в мире – страна ртути и золота, коня и овцы, марала и соболя, кедра и пчелы! Долины Чулышмана, Уймона, Катуня – десятков и сотен рек – залиты мягким светом желтых пшеничных полей. Мы видели косилки, срезавшие пшеницу у преддверия Золотого озера. Мы видели тракторы, мичуринские рассадники, автомобили и самолеты там, где люди вышли только что из сказки, ибо разве не сказкой звучат злые духи, черный подземный ад, бубен шамана. Электричество! Прыжок через века – от злых духов гор в коммунистический университет трудящихся востока! Электричество – молодое историческое время Ойротии!

Сизый туман медленно поднимается в ущельях. Палатка пропитана росой, острая свежесть стоит в лесу. Но солнце еще за горами. Кустарники, трава, заросли розового кипрея еще полны влажными таинствами ночи. Лошади ушли далеко от лагеря, по самое брюхо стоят они в траве и цветах, серых от обильной росы. Прозрачная выпуклая ртуть скатывается с веток черной смородины, горьковатый и крупный дождь летит с кустов. Какое душистое, забрызганное каплями предосенней росы веяние жизни! Река шумит в своих каменных глыбах – потемневшая, спрятавшая в своей мчащейся глубине мрак и холод гор. А наверху клубы паров вдруг пронизывают нечто подобное мысли – колко-сияющее из сонма холодно-багрового огня...

Да будет день!

Собацьи Уши выходит из теплой палаточной мглы на волю. Проводники еще спят, подсунув под головы седла, накрывшись потниками и одеялами. Он садится на корточки у потухшего серого костра, разгребает золу, – от неё словно поднимается легкая мошкара. Но внизу еще сухо и жарко, он нашаривает в горячей золе печеную кедоровую шишку... Утром человек весь на виду, и если он стар и болен, его пронизывает жалкая, бедная дрожь слабости. Но Собацьи Уши весел и бодр. Шумит река, в горах такая тишина, будто весь мир только что посетили громы, смятения, события – и все ушло и умерло. Река начинает хорошеть, голубеет и вновь начинает сиять.

Сорок лет назад в аиле шамана он получил это имя – Собацьи Уши. Злые духи взяли двух его братьев, польстившись на красивые имена. Его завернули в собачью шкуру и до десяти лет он проносил в своем ухе пучок собачьей шерсти, – и духи не польстились на него. Только в четырнадцать лет православный поп отрезал у него косу. Его называли Павлом, но в народе оставались старые имена... Его жизнь чудо, о ней можно написать десяток книг.

Он поднимается, распахивает полы палатки.

– Товарищи, – начинает он лукавым голосом, подражая аймачным ораторам. – Разрешите приветствовать вас... от имени тысячеголового рогатого скота!... – и он начинает хохотать пераый, в утро, полное росы и солнечных лучей.

Потом Собацьи Уши нашаривает свою мыльницу, зубную щетку и, легко ступая по камням, идет к реке. Мир голубых брызг, потоков, свежести, искрометных струй несется вниз и режется о камни; как гигантские стружки из-под резца, вылетают косые срезанные пласты и гребни воды. Круто вниз наклонена быстролетная дорога реки. Фонтаны взвиваются от прикосновения к водяной поверхности, кисть заливает мгновенно, – все дрожит вокруг и влажный широкий рев заливает уши.

Свежа и девственна земля. Он блаженно вдыхает холодный душистый воздух, равного которому нет на планете. Из этой речки сегодня ночью пил козел и медведь, – он наклоняется и пьет эту воду.

69. Топшур – примитивный инструмент, очевидно, прародитель балалайки. Как аккомпанирующий инструмент он вполне оправдывает себя. Чтобы топшур полнее звучал, его подогревают у пламени очага.

названную всеми сказителями целебной, воду желто-заревоегo Алтая⁷⁰.

Ездящий на бело-игреневом коне Ит-кулак, – что означает Собачьи Уши, – думает. Можно ехать дальше – ойротские кони всю ночь кушали сладкие цветки. Он зачерпывает ладонями голубую воду, она стекает по кистям его рук, коричневым, как кедровый орех. Потом он выпрямляется. Солнце пронизывает лес, дым ползет меж стволов от лагеря, и слышно далеко, как поет этот лукавый артист, вечно молодой Собачьи Уши, бывший раб России и ныне друг советских народов, лицо которого будто вырезано из темного дерева:

Если сверху смотреть,
Треугольный чудный Алтай!
Если со стороны посмотреть,
Девятигранный чудный Алтай!
Если осенью человек строит аил,
Коричневый шелк постилаешь, чудный Алтай!
Если летом человек строит аил,
Зеленый шелк постилаешь, чудный Алтай!

НА СМЕРТЬ М. ГОРЬКОГО

Песня, пропетая 19 июня кайчи Иваном Сабашкиным
(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1936. – № 4. – С. 7;
литературный перевод с ойротского Б. Каирского)

Когда в руки шоор берут –
Песни играют громко в горах.
Когда жив был любимый писатель –
Не было боли в наших сердцах.

Во время игры сломался шоор,
Звуки оборвались звонкой песни.
«Горький умер...» – слух среди гор, –
От горя в груди стало тесно.

На небе светлое солнце закрылось
Черным пятном в этот день...
Услышав о смерти любимого Горького,
На наши сердца легла черная тень.

Светлое солнце на чистом небе
Черная тень закрыла от глаз,
Друг великого Ленина – Горький
Ушел навсегда от нас.

Смелые книги, написанные тобой,
Мы всегда с любовью читали.
Друг великого Сталина – Горький
В наших сердцах забываем.

Толуш Енчинов

ОЙРОТ БИЧИКТЕРДЕ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНТРАБАНДАЛА ТАРТЫЖАРЫ

Городто кычыраачылардын конференциязында
ВКП (б) Обкомнын качызынын куучынынан

(Кепке базылганы аайынча: *Кызыл Ойрот*. – 1936. – № 30 (944), (945). – С. 2-5)

Класс оштү, контрреволюционный буржуазный националисттер кылыктарын өткүрерге, литературы тузаланарга ченежип жадылар. Контрреволюционный јер бойынын националистери – бай ла

70. Желто-заревоегo Алтай – определение, часто встречающееся в произведениях ойротского эпоса.

жайзандардын калганчы коруучылары анчадала калганчы өйдө активный боло берген.

Јуукта крайОГИЗ «Совет Ойроттын өзүми» деп бичик чыгарган. Бичикте Ойроттын жаңы баштап турган бичиичилеринин ле поэттеринин бичигени ле албатынын кожондорун јууп салган. Бу бичиктин кире сөзінде К.И. Филатовтын бичигениле, кычырган улусты каршулу сүмезиле чике јолынан кыйдырар болуп, јер бойынын национализмла тартыжу божогон деп, јастыра шүүлте өткүрүп јат. Филатов бичип јат: «Коммунист партняга баштадып, Ойрот колкүчтүлери мындый јутпа өштүлөрдү сезип билеле, илезине чыгарып алып, олордын кор эткен керектери учун бурулаар, суралтазын берип, тоскырып салды» (4 стр.).

«Казыр» деген сөсти јаргап айдарында, «кор» деп айдылган, кычырган кижиле бу сөсти казыр деп билбей, «коруланар» деп те билеп турар. Ол тужында: «олордын эткен коруланар керектери учун бурулап салган»...болуп барат.

Калжуурып жүрген контрреволюционер Филатов ол кылыгыла кычыраачыларды јер бойынын националисттериле тартыжу божоп калган, олорды «тоскырып салганда», мынан ары јер бойынын националисттериле тартыжуны не өткүрер – деп, каршулу санаазын өткүрерге ченежип јат. Бу Филатовко не керек болгон дезе, Ойроттын колкүчтүлөрүнүн ајаарузын класс тартыжунан туура тургузып саларга керек болгон. Великодержавный шовинизмле тартыжар керегинде кире сөстин авторы бир де неме айтпай јат.

Онон ары Филатов бойынын кире сөзінде бичип јат: «техника ла тил јанынан, бистин Ойроттын јаан јаш писательдери озогы алтай чөрчөктөрдөн үренер керек. Сөстин элтүзине, чеченине, тилдин байына чөрчөктөр болуп јат».

Совет Ойротто 14 жылдын туркунына Ойроттын тили жаңы революционный шүүлтөлү термин ла байып калганын контрреволюционер-националист Филатовко кереги де јок болгон. Ол жаңыс ла революциядан озогы тилдин, чөрчөктин тилин өткүрерине ченежип турган, ненин учун дезе, бу озогы чөрчөктөрдүн көп сабазында революционный шүүлтөлү термин јок керегинде националистический коронды билдирбизинен өткүрерине арга берип јат.

Албатынын бир канча сөслө айткан творчествозында алтай албатынын карузышкан санаазы өткөн, ондо колкүчтү албаты кату базынчакты, правозы јок болуп турганын јаратпай айтканын, классовый санаа эди-канына өдүп турганынын өзүмин, базынчактап туратандарды јаман көрөтөнинде ле темдектеп јат. Је азыйда кааннын чиновниктеринин өткүргениле, озодо азып турары неге јединбес, уч куйругында артып турары, озодон ала башка укту албатынын өштөжөри бир кезек фольклор произведениелерде өдүп калганында бар.

Онойткондо, бис фольклордын бичигенин сүрекей шиндеп көрөр керек. Филатов эски чөрчөктөрдөн үренер керек деп кычыру эдип, олорды сурекей шиндеп көрөрүнүн өнөтийин ле биле туура кыйып јат. Албаты јоннын бу казыр өштүзи – јер бойынын националист Филатов неге амадап турганы мында јарт көрүнүп јат.

Кожондор ло стихтер салган бичикти «литературный јанынан јазаганы» Кучияк, ол бу бичикке буржуазно-националистический јажытту кылыктарын өткүргөн. Баштапкы стихотворение мында башталып јат:

«Актарла тартыжып чыгарга,
Аттар јакшызы јал јастанды...
Бандиттерди јуулап үзерге,
Ишмекчи уулдары көп короды»... (10-чы стр.).

Ненин учун ондый болды – актарла тартыжып тургандардын «Аттар јакшызы јал јастанды»? Мында Кучияк, Алтайдын јеринде узак өйгө калжуурган белогвардейщина ла бандиттердин күчин темдектеп көргүзөргө ченежип јат.

Јаңы өзүп турган, је эмди национализмнын коронына јууктырган поэт Эдоков Иван, бойынын стихотворениезинде «Байлар кулы бандиттер» деп бичип јат (14-чи стр). Алтайдын јеринде бандиттер ол гражданский јуунун жылдарында мылтыкла јепсенип алган ла байлар совет башкарула удурлашкандары болуп туру, оны јартаарга кереги де јок. Бандиттер байлардын кулы болгон деп, жаңыс ла кулак-байдын санаазыла јаткан јер бойынын националисттери, бай кулактардын калганчы коруучылары айдар.

Бичикте Кучияктын «Башчыбыстын јогына» деп стихотворениези салынган. Качан Ленин өлө берерде, өштүлөр башчызы јок артыл калган албатыны колго аларга сананган, је бистин советтин төрөл јеринин јаан күчин өштүлөр көрөлө, аттарынын оозын бура тартып, ойто жаңылай берген деп. Кучияк бичип јат. Онойткондо, Кучиякты ла болзо, эмди СССР-ды јуулап табарарга кем де ченешпей

јагкан болуп јат. Мында колкүчтү алтай албатынын сергеленин мокоортып саларга, капиталист ороодорынын бирүзи СССР-га табаргадыйынан колкүчтүлөрдүн аяруузын кыйдырып аларга чын ла ченежип турган болуп јат.

Јуу јеткеринин очагтары керегинде улу башчы нөкөр Сталиннын аяарулу айткан сөзин бистин орооныбыстан јарг билгилеп јат. Күнбадыштагы ла күнчыгыштагы фашизм јуулгексү јепсенип, Совет Союзын јуулап аларга, јуу белетеп турганын колкүчтүлөр јарт билип јадылар. Калјуурып јүргөн Филатовторго Ойроттын ишмекчилери ле колхозчылардын класс сергеленин мокоортып саларга арга берилбес.

«Ойроттын 10 јылдыгына» деген произведениеде (31 стр.) Ойроттын колкүчтүлерине большевиктер јайым јеттирип, корулап алганын кычырган кижин, алтай улусты «актардан айрып» салган деп билер. «Совет Ойроттын өзүми» бичикте өскө дө произведениелерде јаан јастыралар бар.

Кучияктын бичиген, кепке базарына белетеп салган «Туујы» деп поэмада, буржуазно-националистический кылыкту јарт, иле пропагандировать эдип өткүрип јат. Бу бичикте албатынын творчествозын литературный јанынан јазаган эмес; «Туујы» менин бойымнын бичигеним – деп, Кучияк бойы да айдып јат. Бу бичикти кепке базып чыгарбас, је ондый да болзо, «Туујынан» бир кезигин радио ажыра областьтын радиокомитеди берип турган.

Бу поэманын аайы мындай: Алтайдын јеринде «Тойбон-каан» јуртап јат, онын колында эки баатыр, тогус јакшы јайзандар бар. «Тойбон-каан» јаткан јерин элбедип, малын өскүрип аларын сүүнип јат. Ол бойынын тонокчы санаазын күнбадыш јаны јаар умзанып, эмезе кайдаар күн ле ай ажып турган, «кааны јок артып турган» көп национал албатыны барып тоноорына амадап јат. Каан јок кандый албаты артып калганын, оны буржуазный националисттер «Тойбон-кааннын» олјоозына канайда берерге тургандарын билерге куч эмес.

Кучияктын сананып тапкан «Тойбон-кааны» «каан јок арткан албатыны олјолоп аларга», јууга јулгексү белетенип јат. Ол бойынын азында олјолоп алган кижизин, онын кийнинде үч кысты, кул болгон алтай Олөңчи санаанга кирип јат. Олөңчини јууга ийерге, «Тойбон-каан» бойына алдырып алды. Олөңчиле кожо онын кичү кызы «Туујы» келди, ол «Тойбон-кааннын» айтканын укпай, јууга кожо барып јат.

Туујы айдып јат:

«Кайран кеен алтай бол!

Бистин јерибис болзо, кайдат,

Бистин кижибис болзо, кайдат,

Бистин агажыбыс болзо, кайдат.

Мендий албаты

Бу алтайда јуртаза кайдат»

Айлу-күндү тенгерим

Агаш-ташту Алтайым!

Уч Курбустан кудаым

Уч киндиктү Алтайым!»

Мында Кучияк контрреволюционный националистический кылыгын өткүрип, «Алтайдын јери јангыс ла алтай улуска болотон, кааны јок албаты Алтайдын јерине јадар учур јок – деп, айдып јат. Кааны јок албатыны ажындыра билдирип јат, «Тойбон-каан» олјооны јенгип алды.

«Туујынын» оозыла Кучияк бойынын националистический кылыгын айдып, оноң ары барып јат. Ол кычыраачыларга – «Алты күндү јарыкка јортып, албаты јуртка камдап јүрбес, ак тайганын ээзи эмтир» – деп айтканыла, јер үстинде ондый кам бар деп айдып јат.

Бу кам ла Алтайдын бийик тууларынын бажында јолыгып эрмектежер кижин Тойбон-каанын кижини јангыс ла «Туујы» болтыр. «Туујы» камла мындай договор эдип јат: «Ургүлјиге үч үйеге өөр көшпөс, Алтай үстинде алты үйеге арташпас, антыгарлу наји бололы».

Мында Кучияк «Каан јок совет албатызыла» јуулажарга белен турган буржуазный националисттердин күүн-санаазын јажына көргүзип берип јат. Кучияк мыны ла националисттер јаны јаар реакционный элементтерди ле база кудај јанынан белгези бек отурган элементтерди тартып аларына кичееп јат.

Камнаң өскө көскө көрүнбес немелер бар: Алтайдын туулары ла көлдөринин ээзи болуп турган көк бука, Алтайдын ээзи болуп турган каракула. Бу көскө көрүнбес немелерле «Туујы» эрмектежип, јажына нааји болор эдип јөптөжип јат. Ойроттын буржуазный националисттери бойларынын контрреволюционный иштерине алтай албаты чак туркунына суунын, агаштын «ээзине» бажырып турган

предрассудказын тузаланып өткүреринен кыйа турбазы да јарталып туру. Кучияк бойынын произвениезинде бу көскө келишпес немелер – суунын, туунын кебери, оного до өскөлори эми де бар болуп туру, оларды немеге де бодобоско болбос деп ... јат. Бу ончозы јангыс ла кудай јантын кичееп тургандарды активный эдип аларга келиштиргени болуп јат.

«Тойбон-каан» бойынын јалчыларын өйинен өткүре базынчактап турганына Кучияк «чуулданып јат». Онызы буржуазный демократтарга каруулу эрмек.

Контрреволюционный јер бойынын националисттери базынчакты јаратпай турган эмес. Олор частный собственность учун бар күчиле туружып јадылар. Је олар колкүчтүлердин көзин кыйдырып саларга, јоктулар ла батрактарды байлар, јайзандар «јолду» базынчактап турары учун тоғүндеп, мекелеп айдып јадылар. Бу «јолду» базынчак кандый болгонун, качан да бурулары јок эдип чыгара сүрүп салган орус ла алтайдын казыр ан ошкош базынчактарды, ойроттын колкүчтүлери бойларынын јардында ченеп көргөн.

Кучияк «Туујынын» оного арыгы јүрүмин көргүзип јат. Ол јердин алдына «ол јерге» Эрликке түжүп јат. «Туујы» ол јерде, айыл ичинде өбөгөн-эмеген болгон улус тогус койдын терезин јабынып алган, је ологго јабынарга сырангај јетпей турарда, чугулдажып тургандарын көрүп јат.

«Туујы» бойынын адынан сурап јат:

«Тогус койдын терези јабынарга јегнес, кайткан болгон улустар бу, токынап јакшы јадып болбос, неге өөркөшкөн улус бу?».

Ат айдып јат: «Айлу-күндү Алтайда көрүшпес јаткан эмеген-өбөгөн, бу да јерге келерде, онойып ок јуртагылап јат».

Экинчи айылда, өбөгөн эмеген болгон улус јангыс койдын терезин јакшы јабынып алып, јөптү јаткандарын көрүп јат.

Туујы бойынын адынан сурап јат: «Олор ненин учун јангыс койдын терезин јакшы јабынып алган нак јаткылап јат?»

Ат айдып јат: «Айлу-күндү алтайга эптү јүрген эмеген-өбөгөн, бу јерге келерде, эптү јакшы јадылар».

Мында Кучияк «Кудайдын салымыла», ада-энези јакшы калымга да саткан да болзо, ол өбөгөннин айтканын угуп, оного коркып турар учурлу деп санаалу пропаганда өткүрип јат. Бу азыйланып калган «закон» Кучиякка не керек болгон дезе, озодон бери тазылданып калган биле ле уук јанынан пережиткаларды тузаланып, алтай үй улусты националисттер јаар тартып аларына керек болгон. Оного ары «Туујы» алты айгыр мал јүргенни, онын ээзи дезе бай, торолоп јүргенни көрүп, адынан сурап јат: «Ак малы кыймыраганча, аштап јүрер кайткан кижиди?».

Ат айдып јат: «Айлу-күндү Алтайда ачап-сайак бай болгон, бу јерге келерде, ак малынан јип болбой, аш-курсакка јединбей, торолоп јүргени ол болор».

База өскө јерде онын көрүп турганы, айылдын јанында уй туруп јат, онын эзилери дезе тойу, «посторы үстү отурдылар». База улус олодон тойо-кана јип турды.

«Туујы» сурап јат: «Азыраган мал корунбес, јокту јойу улустан албаты-јон нени јип јат?»

Ат айдып јат: «Айлу-күндү Алтайда бар немезин кысканбай, јокту-јойуны сыйлаган. Аш курсакка кысканбай, аксак-бүксекти азыраган. Онын учун бу јерде, аш-курсакты түгенбес, аскан казаны сообос, јыргап јатканы ол туру».

«Туујы» оного ары база эмеш јортоло, јон-албаты јайзанды аайы-бажы јогынан согуп турганын көрүп јат. Ол сурап јат: «Јайзан кижини соготон јан кайдан табылган?»

Ат айдып јат: «Айлу-күндү Алтайда албатызын тын кыйнаган, акту јерге чыбыктаган, кату буткен јайзан эди. Онын учун бу јерде карлагаштый кара албаты очин алып јадылар».

Оного ары «Туујы» кара торко кийимду, кара јорго атту, 62 кижиде уйдежил брааткан экинчи јайзанды көрүп јат.

«Туујы» сурап јат: «Бу јайзан ненин учун алтан уул көдөчилү, алды-кийни уткуулду сайрап-найрап јүрү?»

Ат айдып јат: «Айлу-күндү Алтайда албатызын кыйнаган, ачап, јимекчи болбогон. Онын учун бу јерде албатызына күндүлү, алды кийни уткуулду, јыргап јүрген јайзан туру».

Мында Кучияк кулак байлардын ла јайзандардын ончозы јаман эмес болгон, јоктуларды сүүп турган «јакшы да» кулак-байлар ла јайзандар болгон деп, пропаганда өткүрип јат. Кучиякты ла бу «јакшы» кулак-байлар ла јайзандардын адаанына кирип, олардын учун турушканын. Олор бастыра албатыга ырысту јадын јеттиргедий болуп јат.

Ол јерде «Туујы» столмого кулагынан јаба кадап, јаш (комсомол болбой кайтсын) уулды көрүп јат. Ол сурап јат: «Ненин буруузын эткен көөркий кижиди болгон, ненин учун үргүлјиге кыйнап, мында тургускан?».

Ат айдып јат: «Айлу-күндү Алтайда, айыл эжигин тындап јүрер, албатыны кырыштырып јүрер, копчы кижиди ол болгон, онын учун бу јерде кыйнадып турганы ол туру».

Кучиякты ла болзо, јүрүминде класс тартыжуны өткүрген кижини «ол јерге» барза, столмого јаба кадула кададып салатан болуп јат.

Поэманын геройы «Туујы» – ол капиталист ороондорынын бирүзинин јажытту колсалаачыла, «јайым» буржуазно-демократический государство төзөп аларга сананып турган, буржуазный контрреволюционный националисттердин амадуузы болуп јат.

Бу бичиктин авторы Кучияк «Туујыга» анчадала карузып турганы тегин эмес. Ол бу «Туујынын» адын «кайран көөркий», «кайран туујы» деп айтпаганча бир де јерде өткүрбей јат.

Кажы бир империалист государствонын интервенистический кылыкту улуска биригип турган јер бойынын контрреволюционный националисттери, бистин ижибистеги кажы бир тутактарды темдектеп айдарына, оны тузаланып аларына ченежип јадылар.

Контрреволюционный буржуазный националисттер – Филатовтор, Кучияктар, Эдоковтор база оноң до өскөлөри, национальный костюмга кийинип алып, Ойрот областтың партийный башкарузында революционный јанынан көскүр болорын мокоортып, салганын тузаланып, Ойроттың литературазына бойлорынын јыду контрреволюционный кылыктарын билдирбезинен өткүрип, класс тартыжунын бу идеологический фронттынын улу бөлүгинде туруп аларга ченешкендер болуп јат.

«јер бойынын националисттерин коскорып чыгарганы ажыра, олардын өткүрип турган пропагандазы класс өштүлерге болушту болуп турганын көргүзип бергени ажыра албатыны, эн озо коммунисттерди интернационализмге, классовый јанынан сергек болорына, классовый өштүлер алдына бир де эмеш чайкалбас большевик бүдүлү бек болорына тазыктырар керек» (Эйхе).

Бистин литературабыс јер бойынын националисттерин ле великодержавный шовинисттерди кату коскорып, күүн кайрал јогынан туй чабарынын кычыруузында туруп јат.

Ойроттың партийный организациязы, буржуазный националисттерден арутанып, оларло күүн кайрал јок тартыжуда, бистин улу социалист төрөл јерибистин керегине күүн-санаазын беринип турган пролетар писательдердин јаңы кадрларын воспитывать эдип јат.

Ойроттың совет литературазы Советтин көп национальный литературазынын озочыл отрядтарынын бөлүгинде турар учурлу.

Биске класс өштүлердин арткан салгаадарын јаман көрөрис, воспитывать эдер, интернациональный воспитательный күчтү јепсели болгодый литература керек. Биске совет башкарунын керегинин күүн-санаазын салып, ийде-күчин беринерине колкүчтүлерди воспитывать эткедий литература керек. Ойроттың советский литературазы социалистический чындык керектердин литературазы, кемзинчек санаа-шүүлте де ...јанынан ылгалыжары ла оноң до өскө пережиткаларын јоголтып аларына болужын берер.

Ан кеберлү казырланып турган класс өштүлер историянын тегелигин токтодып аларга канайда да ченежип турза, јадын-јүрүм ичкерлеп јат. Большевик партия јенип јат, Ойроттың колкүчтүлери коммунист партиянын колалаачыла, Маркс – Энгельс – Ленин – Сталиннын јенүлү маанызынын алдына туруп, СССР-н бастыра колкүчтүлерле кожо јылгыр-турген базытла социализм ла коммунизмге ичкеери барып јадылар.

Никандр Алексеев

АЛТЫН-НОР

(Легенда о золотом – Телецком озере)

(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1937. – № 3. – С. 22–23)

Где, бунтуя, дробит берега Алтын-Нор,
Было сухо когда-то в долине.
Ни прозваний озерных, ни самых озер
Не бывало тогда и в помине.

И сухою ногой каждый посуху шел,
Взгляду было и любо, и мило:
Там маральника алого шелк,
Тут веселая зелень манила.

Но собрату сказал богатырь, что, пожалуй, пора
Тетивы натянуть им потуже:
– У меня есть гора, у тебя есть гора,
А долина, долина кому же?

И собрат-богатырь отозвался в тоске:
 – Пусть владения будут твоими,
 Если я не сдержу на моем языке
 Слово «женщина» – нежное имя.

Но пускай и тебя постигает беда, –
 Богатырское дело сурово.
 Назову я моею долину, когда
 Скажешь первым запретное слово.

Подспела зима. И о том, и о сем
 Толковать бы им: много ли снега,
 Сколько свило на поле долинном лисье
 Завитушек-веревочек следа...

Удлиняя недолгие зимние дни,
 Бесконечные ночи печали,
 Непокорные губы кусая, они
 Как с рожденья немые – молчали.

Наконец, и берлогу покинул медведь,
 Лисий хвост излохматился снова...
 Кто же может весною запреты терпеть
 И несказанным выдержать слово?

Разве был на Алтае подобный пример?
 Вот елани в сиянии лунном,
 Где гудел так приветливо иглами кедр,
 Точно иглы – топшурные струны!

И случилось увидеть им ту впереди,
 О которой заказано слово:
 Только словом, попробуй, обмолвись один –
 И долина, по праву, другого.

Струны сладкие слышали птицы и зверь, –
 Так еще ни одна не играла.
 У играющей пальцы бежали резвей
 Легкононогого в беге марала.

Не случилось им слышать в алтайской стране
 Слаще шелеста струны топшура,
 И увидеть им девичьи очи черней,
 Чем лисы чегедек чернобурый.

И, конечно, из них полюбить каждый прав
 За весну ль, за игру ль, за глаза ли...
 Позабыв про долину и запахи трав,
 – Это женщина! – разом сказали.
 Грянул гром сквозь вечернюю мутную мглу,
 И оборваны стройные звуки, –
 То разбили топшур золотой о скалу
 Смуглой женщины легкие руки.

Не собрать им ни щепок, ни порванных струн,
 Что сулили долину и счастье...
 О скалу раскололи любовь и игру
 На рыданья, на стоны, на части.

Только знает гора, на вершине – земля,
 Как соперники ночь проводили:
 В эту ночь непроглядные ливни ливня
 На долину цветущую лили.

Ливни струнных рыданий и девичьих слез
 Лили долго, пока на востоке
 Не блеснула заря. Сколько вас пронеслось
 В эту ночь, золотые потоки?

На заре отдаленные жители гор
 Подымались толпой на вершину
 Поглядеть, как внизу между скал Алтын-Нор
 Бушевал, заполняя долину.

Если станешь из озера золото пить,
 Слушать Бию, бегущую споро,
 То до самой могилы тебе не забыть
 Беспокойной волны Алтын-Нора.

Подойдя к берегам, где столетний кедрч
 Думы долгие думает хмуро,
 Ты услышишь идущий из озера плач
 Да былое рыданье топшура.

Савва Кожевников

МАШИНА ИДЕТ В КОШ-АГАЧ

(Печатается по: Сибирские огни. – 1937. – № 3. – С. 67–83)

ТРАКТ В ГОРАХ

Машина набирает скорость. Мелкий гравий стучит по кузову и редким градом рассыпается по откосу. Свистит осенний ветер.

Я приподнимаюсь в автомобиле и смотрю вперед, на прямую ленту тракта. По нему идут машины. Немного впереди нас – тоже легковая, виден её номер. Дальше – целая колонна трехтонок, а еще дальше... Машины, машины! Некоторые так далеко, что нельзя различить их контуры, видны только облачка пыли на голубом горизонте.

По правую сторону тракта по широкой долине бежит с гор навстречу нам Катунь. За многие века после того, как спускался здесь ледник из гор в Западно-Сибирскую низменность, Катунь создала себе широкое русло и течет тут спокойно, переливаясь на солнце бирюзовыми струями.

Светло-серое шоссе уходит в голубую даль. В эту даль, в алтайские горы, идут машины. Горы открылись сгущенной сизой дымкой, зубчатые, как причудливое сновидение. За вершину Бобыргана зацепились клочья облаков и застыли. Гора из легко-дымчатой постепенно становится темно-синей и грозной, она хмуро посматривает на нас.

Мы едем пять минут, десять, полчаса и никак не можем укрыться от этой горы. Автомобиль временно резко бросается в противоположную от горы сторону, прячется за скалами, а Бобырган смотрит на нас зорко и настороженно, кажется, он поворачивает свою скалистую голову, обвитую туманом. И только около Маймы, убедившись, очевидно, что мы не причиним никакого зла горам, сторожевой Бобырган отпускает нас из виду, скрывается за какой-то сопкой.

Про Бобырган в Алтае бытуют величественные легенды. В Ойротии с каждой рекой, горным озером, высоким перевалом связаны страницы богатейшего эпоса, сотканного из ярких иносказаний и смелых гипербола.

В тихом алтайском поселке, на берегу быстроводной Катунь, нам рассказали легенду о богатыре Сартакпае, первом здешнем строителе мостов. Это был большой и сильный человек. Однажды он бросил камень в гусей, и камень этот, перелетев через весь Алтай, упал у Чибита на берегу зеленоводной Чуи. Многие богатыри брались за этот камень, но не могли сдвинуть его с места.

Решил однажды богатырь Сартакпай соорудить через Катунь гранитный мост. Слез с коня, уперся ногами в серые плиты. Алтай стал колебаться, лежащий камень рушиться, стоящий лес ломаться. Три вечерних зари бросал богатырь глыбы в многоводную реку. Ворчала Катунь, гневалась. Доволен был

Сартакпай, потешался над Катунью. Но вот после четвертой зари вышел Сартакпай на работу, смутит – вода все разметала. Шумит Катунь, смеется над Сартакпаем.

Он был бессилен, этот ойротский богатырь, на плечах которого гирями висели баи и русские купцы, проложить в горах дороги, соорудить через реки мосты. В сказочном образе Сартакпая народ воплотил свое горе и свою мечту.

До революции на Алтае не было дорог. В алтайском языке не было слова «колесо». Здесь были только тропы. Они лепились по горам, по отвесным карнизам, проходили по темным сырým ущельям. Одна нога всадника упиралась в скалу, другая висела над пропастью, в которой где-то в темной глубине редела горная река. А вот сейчас...

Впрочем, мы забежали вперед. Наша машина только еще идет на подъем. Около Маймы высотометры показывают 365 метров над уровнем моря. Здесь начинается Ойротия.

Долина Катунь постепенно становится уже. В какую-то неуловимую минуту горы обступают нас со всех сторон. Вокруг нет ничего, кроме их скалистых ребер. Местами скалы подходят вплотную к реке, поджимая к самому её берегу светло-серую ленту горного тракта. Лента то извивается, то смелым и широким взмахом взбирается на карнизы, на выступы гор, к хмурым клочьям тумана. Ревет Катунь. Она не похожа здесь на ту спокойную мутноводную, какой мы видели её в бийских предгорьях, у ног Бобыргана. Кажется, это две разные реки. Там – обессиленная масса воды. Здесь – неумный, бьющийся в скалы голубой зверь. Около Манжерока какой-то другой Сартакпай пробовал преградить путь этой горной неукротимой реке. Катунь бьет грудью о камни, с ревом перекачивается через них. Непрерывный шум стоит в долине от манжерокских порогов.

Машина идет по скале, падающей отвесной стеной на несколько десятков метров. Внизу, стиснутая в каменных глыбах берегов, приглушенно гудит река.

Это первый бом Чуйского тракта. Здесь в старые времена с трудом проходила двуколка. А наш шофер невозмутимо ведет машину на второй скорости, и она легко, как по асфальту городского проспекта, проскальзывает бом. Позади остается лишь едва заметная струйка пыли.

Долины и перевалы, по которым проложен великий Чуйский тракт, являются одним из древнейших проходов из Азии Восточной в Азию Северную и в Европу. Кош-Агачская и Курайская степи, Чуйская и Урскульская долины усеяны древними могилами, разбросанными во времени на тринадцать веков. По местам этим проходили великие переселения народов. Здесь разыгрывались сражения на развалинах царства Чингис-Хана. Здесь разгуливали когда-то все уничтожавшие полчища монголов.

По этому «проходу» ворвалась на Алтай в восемнадцатом веке хищная стая царских чиновников и торгашей. Чуйская тропа была одним из стратегических и торговых путей царского империализма.

Шли годы, десятилетия, прошло почти два века господства русского царизма на Алтае, а горы его по-прежнему оставались опоясанными лишь узкой вьючной тропой. Царизм не принес сюда даже минимального технического прогресса. На нашем пути встречаются иногда следы этой вьючной тропы. Она идет дикими скачками, применяясь к каждому изгибу скалы, к каждому камню. Тропа то падает почти отвесно вниз, то растворяется в курумнике, то вновь карабкается на крутизну, доступную только алтайскому козерогу. Мы хотели было сфотографировать таратайку на старой тропе. Таратайку достали, но в соседней деревне не нашлось ни одного человека, который согласился бы проехать сейчас по этой тропе.

Сорок лет назад приказчик при чайном караване, шедшем из Кобдо в Бийск, записал в дневнике:

«Чуйская дорога составляет самый трудный участок пути. Она проходит в узкой долине р. Чуи, взбираясь иногда на вершины отвесных утесов. Местами дорогу перегораживают каменные пороги, через которые животное должно перелезти, а между тем с правой стороны у него отвесная скала, а с левой – обрыв в Чую. Чуть неверный шаг и животное вместе с грузом и людьми летит в реку».

В 1912 году было торжественно объявлено, что барнаульский исправник Лучшев и подрядчик Смирнов на месте тропы «проложили» Чуйскую колесную дорогу. Недалеко от Ини на камне сохранилась надпись:

«1912. По распоряжению г. Томского губернатора князя С. А. Вяземского 7 мая 1901 года г-ном барнаульским исправником Ф. И. Лучшевым и подрядчиком А. С. Смирновым приступлено к устройству Чуйского колесного пути. В настоящем году доведен до с. Онгудай, до Ерь-бома второго. Работа закончена 1 сентября».

Кроме этой надписи, мало что прибавилось тогда на Чуйской дороге. По ней с трудом проезжали двухколесные таратайки, которые нередко ямщики подпирали собственными плечами. На Семином перевале возчики распрягали лошадей и груз переносили на своих спинах. По Белому бому даже смелые всадники проводили лошадей в поводу, предварительно долго переключаясь, чтобы не натолкнуться на встречного – двум лошадям негде было разъехаться. А настоящая дорога, которая дала бы человеку силу и власть над горами, жила только в мечте народа, воплощенной в образе богатыря Сартакпая.

...Машина не уменьшает скорость. Она идет по новому тракту, с северо-запада на юго-восток – на восход солнца, как поется в алтайских песнях. Колеса мягко шуршат по широкому полотну. Навстречу несутся верстовые столбы и многочисленные условные знаки – молчаливые регуляторы автомобильного движения. То справа, то слева неожиданно возникают частоколы столбов по бортам дороги – они пугают автомобили на опасных участках. С белков бьет в лицо остуженный снегом горных вершин резкий ветер. Он приносит к нам в кузов запахи альпийских лугов и ойротской осени. Но он же, как горный вентилятор, собирает поднятую встречными автомашинами пыль и осыпает нашу маленькую «газовку». Шофер не убирает руки с сирены. Здесь большое движение и много поворотов. Вот машина метнулась в сторону, забралась на какой-то выступ, вдруг закружилась по крутой петле, потом, как бы оправившись от минутного замешательства, снова мчится по прямой ленте – тракт выпрямился.

Он еще совсем молодой, этот горный автомобильный тракт. Первая скала была здесь взорвана в 1930 году. И в тридцатом же году пошла по нему первая машина. Труден был Семинский перевал. Случалось, срывались машины с Белого бома, часто мучились шоферы на Менах, почти всегда буксовали грузовики на Красной горе. Но в ущельях и долинах Алтайа гремел аммонал. Строители рассекали горы, отвоевывали у скал ровные и широкие террасы.

Прошло еще два-три года и через горные хребты были устроены удобные перевалы, утрамбованы камнем болотные топи. Через всю Ойротию – упругое гравийное полотно.

«Тихий ход!» – предупреждает придорожный столб. Из зарослей лиственниц неожиданно возникает мост. Величественный и этически спокойный. Мощно распластавшийся над бурной рекой, он стоит здесь, словно сторожевой человек. Машина сбавляет скорость и, как прославленный алтайский богатырь Кускун-Кара-Матыр, который «через синее море по птичьему крылу переправлялся», – спокойно переезжает неугомонную и неприступную Катунь. Река, кажется, недовольна, она набрасывается на столбы сооружений человека, угрожающе урчит в водоворотах. Но что она может поделать!

ПОЙМАННАЯ МОЛНИЯ

Первую остановку мы сделали на туристской базе Аскад, в двадцати километрах от тракта. Был вечер. Верхушки гор подернулись легким багрянцем, в ущельях сгущалась тьма. И только через расщелины скал еще прорывалось в долину солнце, переливаясь ярко-золотистыми блестками на камнях высокого берега, на пожелтевших лиственницах.

Но это был последний румянец уходящего дня. Из ущелий ползла на крутосклон осенняя ночь, вырывая у солнца то отдельное дерево, то прибрежный камень. День угасал где-то за Согонту. По преданию гора эта – стрела легендарного Сартакпая, которую он пустил из Чемала на расстоянии двадцати километров.

В долину спускалась ночь. Тихо. Где-то сорвался с высоты камень, застучал о выступы гранита. И опять тихо. Даже Катунь, кажется, шумит как-то приглушенно. Её равномерные всплески воспринимаются как тихое биение собственного пульса.

В Аскаде была шумная встреча. Но когда над туристской базой нависло чистое звездное небо, никому из нас не хотелось нарушать покой ночи. Мы покинули берег реки и в небольшой уютной комнате стали молча изучать по карте (в который уже раз!) свой маршрут по Ойротии. Мы проехали по этой стране уже около двухсот километров. Мы прочли о ней много книг. И в нашем воображении легко проступает через сухие линии и условные знаки карты живая страна. Горы Ойротии древни и величественны. Но они не подавляют человека. Вот за каким-то поворотом тракта встали грозные скалы, темно-синие и угрюмые. Но вы не успеете взглянуть в них, как появляются новые хребты и сопки, поражающие обилием прямых линий и яркостью красок: то коричневых, то светло-зеленых, то белых и даже розовых. И чем дальше вы едете на юг, тем все чаще встают перед вами то сине-полосатые склоны, то фиолетовые холмы, то ярко-желтые скалы. На ртутной горе в Чаган-Узуне мы видели хребет, который по богатству и яркости красок кажется застывшей, окаменелой радугой.

Из долин и ущелий горы осаждаются плотной островерхой тайгой. По северным их склонам гроздятся цепкие сосны, угрюмые кедры и нежные лиственницы. Иногда они окружают невысокие сопки со всех сторон и окутывают их мохнатой шубой.

В складках гор и увалах – непроходимые заросли смородины и малины. Весной по долинам гор ветер разносит тонкими струйками пьянящий аромат черемухи и сирени. В Ойротии вечно живая и кристаллически чистая вода. Озера здесь многоводны. Водопады шумны и величественны. Реки разнообразны. В ущельи Аккем гремит бело-молочная вода, в Турочаке течет спокойная и глубокая Бия. За Семинским перевалом беспокойно стучит о камни зеленоводный Урсул. На юго-востоке бешено мечется между серых скал изумрудно-малахитовая Катунь.

Озера и реки полны чудесной рыбы: в бурных потоках жирные хариусы жадно хватают крючок с насаженным конским волосом. Из горных озер сети вытаскивают тяжеловесного сига, налима и оку-

ня.

В девственных лесах и высоко в горах на отвесных скалах бродят копытные звери: сибирский козерог – тау-тэкэ, северный олень, марал, лось, косуля, джейран, кабарга.

Одну пятую часть всей пушнины Западной Сибири дает маленькая Ойротия. Здесь водятся белки и лисицы, рыси и горностаи, россомахи и медведи.

Богаты альпийские луга. Плодородная земля брызжет струями сочной травы. Горный Алтай – богатейшая сокровищница растительного мира. Здесь прекрасная база для социалистического животноводства. Здесь полторы тысячи видов растений – десятая часть всего ботанического состава Советского Союза.

Цветы Ойротии ярки и пахучи. Ранней весной, когда лежит еще снег в долинах, цветет фиолетово-красный маральник, замечательный кустарник солнечного Алтая. Потом появляется темно-голубая таранка, небесно-синий подснежник, розовые пионы, северные азалии, белые левкои. Буйные цветы заливают Ойротию кипящими волнами красок.

Увлекательно путешествие по этой стране! Мы все немножко размечтались над картой. Мысли носились то у вечных ледников Белухи, то около дремучей тайги Улагана, то у безмолвной каменистой пустыни Кош-Агача. И мы невольно вздрогнули, когда к карте неожиданно подошел старик Сягунчи Тодышев, наш новый знакомый, и ткнув в неё своим старческим смуглым пальцем, строго осведомился:

– Новой?

Мы показываем ему год издания. Тодышев не смотрит. Он ведет пальцем по голубой линии, изображающей реку Катунь, перескакивает на зеленые пятна, на коричневые штрихи. Смуглое, широкое лицо его строго. Но вот около губ скользнула веселая морщинка, глаза его еще больше сузились. Тодышев доволен.

– Однако, верно, новой. Слушай, товарищ, это мой карта. Ай якши карта!

Сягунчи Тодышев показывает две точки: одну вверх по Катунь, другую где-то ниже Артыбаша и снова повторяет:

– Это мой карта.

Начался разговор о картах. И мы узнаем, как делается новая карта новой Ойротии.

В 1930 году на Алтай приехала экспедиция мелиораторов. Ей очень нужна была река Кебезень. Начальник развернул карту, показал на ней Тодышеву какую-то точку и попросил проводить экспедицию. Тодышеву стало смешно: там нет никакой реки. Однако начальник настаивал:

– Как нет! Больше ста лет на всех картах она показывается на этом месте.

Сягунчи Тодышев повел экспедицию.

Реки, разумеется, не оказалось. Там, где она была обозначена на карте, в действительности – бом Кэмингуэй. Угрюмый и опасный. Экспедиция едва по нему пробралась. А потом еще ехала день и ночь, и еще день и ночь. И когда очутились ниже Артыбаша, Тодышев остановил лошадь на берегу небольшой горной речки и сообщил:

– Вот Кебезень.

Конечно, все обрадовались. Эта речка почему-то очень нужна была экспедиции. Начальник предложил присвоить её имя проводника. Тодышев решительно отказался:

– Не надо реку называть Сягунчи, не надо!

Почему же ты отказался? – спросили мы Тодышева. Он окинул нас пытливым взглядом и с еле уловимой хитрецой в голосе сообщил:

– Зачем реку Сягунчи называть? Здесь все Сягунчи⁷¹.

Сягунчи Тодышев – проводник. В 1935 году он проехал по своей стране около пяти тысяч километров. В 1936 году шесть раз сопровождал туристов в Артыбаш, два раза на водопад Бельтыртуюк, три раза на Каракольские озера. Он ездил по Алтаю с экспедициями геологов, кинооператоров, мелиораторов, географов.

Мы видели, как Сягунчи Тодышев сопровождал очередную партию туристов. Около Катунь он предложил остановить лошадей, подошел к Катунь, указал кнутовищем вверх по течению и сказал:

– Хороший река, – И не находя, очевидно, русского сравнения, добавил по-алтайски: – Ялкын ошкыш яраш! (Красивая, как молния).

Проводник стоял на сером камне, наполовину залитом водой.

– Сильная река, – продолжал Сягунчи. – Она много может дать электричества. Так много, что на небе не будет видно звезд.

И мы снова вспомнили богатыря Сартаклая. Это был богатырь-строитель. Он пытался не только соорудить мосты и дороги. Он ловил молнии-ялкыны и прикреплял их к скалам: освещайте! Катунь может родить сотни таких молний, она – неиссякаемый источник белого угля. Две электрических

71. Сягун – по-алтайски значит радость.

молнии уже вспыхнули в долинах Ини и Чемала. Освещайте! Через несколько часов Тодышев остановит туристов около Чемальской гидростанции и торжественно объявит: «Ялкын ошкош яраш!»

Однако, беседа идет пока на берегу Катуня. Тодышев хозяйственно рассказывает о семкинском камне, который обязательно нужно взорвать, чтобы он не мешал лесосплаву, о доннике, желтой люцерне и пыреех, которые, не сея, можно ежегодно собирать на альпийских лугах Алтая и экспортировать во все районы страны, о колычакских золотых самородках, которые попадаются все чаще и чаще.

Туристы, в числе которых были кузбасские горняки и томские профессора, поспешно вытащили блокноты и стали записывать.

Нет, Сюгунчи Тодышев не проводник. Это хозяин, гостеприимный хозяин, который с гордостью и достоинством показывает гостям богатство и красоту своей молодой родины.

... Я распахнул окно. В комнату ворвался ночной холодок гор.

Однако, спать надо, – сказал Сюгунчи и, пожимая нам руки, попросил: – Товарищ, будьешь в городе, зайди на станцию погоды. Привет надо сыну сказать.

Сын проводника Сюгунчи Тодышева – организатор первой метеорологической станции и первый метеоролог Ойротии.

КАК СЛОЖИЛАСЬ ПЕСНЯ

За катунским мостом тракт поворачивает на юго-запад и идет по долине Семы. Горы раздвигаются. Кое-где попадаются поляны. И пахнет здесь чем-то знакомым, степным. Вдруг мы догадываемся: пахнет пшеницей! Откуда она в горах? Очередная петля тракта. Машина вырывается из ущелья и перед нами открываются сопки и поляны, сплошь покрытые суслонами хлеба. Местами пшенице тесно в долине и она дерзко громоздится к вершинам гор, плещется золотыми волнами по их отрогам.

Где-то у речки Сема стучит молотилка. По сопке важно расхаживают жнейки. Над ними носится легкой струйкой золотистая от солнца пыль хлебов. Как в Кулундинской степи!

Потом возникло стадо крупнорогатого скота. Оно было в стороне от тракта. Пока мы бежали к нему, на машину надвинулась отара овец. Её нельзя сравнить с тучей. Таких туч не бывает. Передние овцы были уже около автомобиля, а конец отары не был виден. Долина, казалось, была устлана мохнатыми овчинами и тихонько колыхалась.

– Кит! – кричит по-алтайски шофер. Овцы отскакивают в сторону, но надвигаются новые, и тогда снова приходится кричать «кит» и подавать гудки. Скоро это надоедает шоферу, и он уже не отнимает руки от сирены и зло ворчит: «Тесно, как в старом аиле, повернуться негде».

Из овечьего плена наш автомобиль вырвался только у небольшого поселка алтайцев. Мы спустились в него сверху и, казалось, сразу окунулись в тишину. В долине одиноко дымились конусообразные аилы. Около них не было ни людей, ни скота. Люди ушли со скотом на пастбища. Поселок замер. Но нам посчастливилось. Тирпан Рыспаев был дома. Он не ожидал гостей и смутился. Однако гостеприимство прежде всего. И Рыспаев, пожимая нам руки, спрашивает:

– Не табыш?

Рыспаев сообщает о жизни колхоза и потом замолкает, еще более смущенный. Он стоит перед нами небольшой, коренастый, в меховой шапке, задумчивые узкие глаза его поблескивают приветливо.

Колхозники артели «Кызыл Ойрот» прозвали своего пастуха «Унчуклас», что значит «молчаливый». Мы не рассчитываем поэтому на длительную беседу. Нам хочется лишь раскрыть одну тайну. Пастух Тирпан Рыспаев, этот угрюмый и молчаливый человек, сочинил песню. Песня эта облетела все долины и стала любимой в Ойротии.

– Как сложилась песня?

Тирпан не знает, как ответить. Он мнет в руках шапку, потом кладет её на пожелтевшую траву, снова берет в руки и вдруг неожиданно сообщает:

– Сама сложилась... Ехал по долине и маленько думал. Вспомнил того пастуха, которого зайсан Пупый запарол до смерти. Это было на той земле, где сейчас пасутся наши табуны. Пастух тот перед смертью сказал: «Наверно, место такое смертное; может, на другой земле я остался бы жив». Тяжело мне стало, маленько сердце стало давить. Я тряхнул шапкой и сказал: «Не горюй, Тирпан».

«Это было давно когда-то».

А потом добавил:

«Вспоминаю, как страшный сон».

Чувствую, получается песня и слова сами выговариваются:

«Нет в горах кровопийц богатых,

Скот колхозный со всех сторон».

Махнул плетью. Лошадь пошла иноходью. Заехал на гору. Вижу, много скота ходит по долине, из аилов дети бегут в школу. Мне стало весело и я говорю сам себе:

«И теперь пастухом колхозным

Еду я по долине родной».

И как скажу слово, оно прямо ложится в песню

Мы знали песню пастуха Рыспаева, и когда он замолчал, подсказали следующий её куплет:

Там аилы родные дымятся,

Там отары овец идут.

Это наше, моё богатство,

Наша общая радость и труд.

Рыспаев отрицательно качает головой.

– Нет, это я не пел.

– Эти слова из вашей песни!

– Их, однако, другой сочинил.

– А они ложатся в песню?

Тирпан оживился:

– Якши слова, – говорит он просто. Потом замолкает на минутку, как бы повторяя про себя слышанное, и повторяет по-русски: – Очень хорошие слова.

Мы садимся на траву кружком вокруг хозяина и начинаем разбирать всю песню слово за словом. В песне оказалось еще несколько куплетов и отдельных строк, которые Рыспаев впервые услышал от нас, он их не сочинял. Но Тирпан не отверг ни одного слова, которыми обогатили его сочинение безымянные песнопевцы. Все эти слова как нельзя лучше входили в его песню.

Поглядите: молодая
Жизнь советская ярко цветет.
Никогда теперь в горы Алтая
Горе старое не придет.
Эту жизнь мы в боях отстояли,
Мы её не уступим врагам.
Езендык болзын ойгор Сталин⁷²,
Давший счастье и радость нам!⁷³

Мы раскрыли тайну.

Еще до своего рождения песня пастуха Рыспаева теснилась в груди каждого алтайца. И когда она родилась, народ услышал в ней свои слова и свои чувства. Песня пошла по долинам от сердца к сердцу и стала общей – народной. К ней добавляли новые слова, изменяли отдельные строфы, но она только обогащалась и крепла. Слова становились звучнее, чувства – полнее и ярче.

Так сложилась песня.

Алтайцы на редкость поэтически одаренный народ. За многовековую историю свою они накопили богатейшие сокровища устного народного творчества. Поэтические легенды алтайцев ярки, образны и величавы. В них каждое слово перевито иносказаниями, краски в них горят, как цветы Алтая, а гиперболы превосходят самую смелую фантазию. Сквозь тонкую узорность текста в сказках выступают богатыри народа, которые «годовое расстояние в одно мгновение пробегают», «на месячном расстоянии топот жеребца слышат», «через желтые степи, словно вихрь, проносятся».

Драгоценные сокровища народного творчества бытуют и до сих пор во всех долинах области. Народ любит свои легенды, в которых слабые становятся сильными, бедные и забытые побеждают богатых и злых.

В зимние вечера, когда в урочищах воеет метель, в аилах у костров собираются люди и по несколько вечеров подряд слушают, как чорчокчи (сказители) под аккомпанемент топшура рассказывают о победах богатыря Башпарака над семиглавым Дельбегенем, или о хитром бедняке Арбачи, который сжигает на костре злого и жадного бая.

Мы не слышали этих сказок. Но нам посчастливилось быть у колыбели рождения новой поэтической легенды. Это было в поздний осенний вечер. С секретарем райкома партии мы приехали в колхоз и не нашли там ни одного человека. Люди, оказалось, собрались в аил сказителя. Сказка только начиналась. Чорчокчи играл запевку: «Под моими двумя пальцами струны твои, топшур мой, нежно звенят. Многочисленный народ наш любит, скрипка моя, слушать тебя»...

Сказитель сидел на почетном месте, слева от огня. Алтайцы, поджав под себя ноги, не отрывали от него глаз и жадно ловили каждое слово. Мы вошли незаметно.

– А новую сказку можешь сочинить? – вдруг спросил сказителя секретарь райкома, большой знаток фольклора своего народа и начинающий поэт.

72. Да здравствует мудрый Сталин!

73. Песню приводим в переводе сибирского поэта В. Непомнящих.

Сказитель смутился. Он боялся утратить авторитет первого певца долины. И хотел уже сказать: «Могу и новую», но решил не давать прямого ответа и спросил сам:

– А ты можешь?

Тут был поставлен на испытание авторитет секретаря.

– Я могу! Давай сочинять вместе.

Народ стал медленно выходить из аила. Когда рождается сказка – этому никто не должен мешать.

Секретарь райкома подбросил в костер сухих прутьев. Пламя метнулось по аилу и выхватило из темноты лицо старика-сказителя. Оно было сумрачно. У секретаря упало сердце: ничего не выйдет, засмеет народ. Он знал, что колхозники не ушли домой и ждут у аила. Как им покажешься на глаза без новой сказки?

Но вот секретарь райкома решился. Бьет по струнам самодельного топшура и начинает: «Семидесяти народам земли покойно жить не дававший, шестьдесят народов Алтая безвинно замучивший...»

Струны топшура замолкают. Секретарь ждет, когда старик подхватит сказ и поведет его дальше. Но сказитель молчит и снова звучат струны секретарского топшура: «... ездивший на черно-бархатном коне богатырь медноплечий Деек-Беко проживал в горах».

Чорчокчи оживился. Весело посмотрел на неожиданного соавтора своего и стал петь. Но он не сразу подхватил слова секретаря, а начал с заправки. Без этого нельзя – богатыри рассердятся. «Если я в сказке ваше имя упомяну, вы на меня не сердитесь, – запел сказитель, – если ваши подвиги вспомню – вы на меня не обижайтесь. Не по своей доброй воле, по просьбе народа настойчивого я вас беспокою. Сказку о вас начинаю».

Сказка началась. «Вместе с ним, медноплечим Деек-Беко, – добавил к словам секретаря сказитель, – цепной собаке подобный, Ак-Беко жил свинцовоплечий». Сказка катится от слова к слову, от строфы к строфе. Злые богатыри хвастаются, издеваются, тиранят. Народ стонет под игом их. Но вот из-под струн топшура рождается богатырь избавитель Темир-Беко. «Медноплечий Деек-Беко, дальше кровь проливать не будешь! У трудового народа родился сын. А среди табунов разномастных быстроногий родился конь!. Начались битвы. «Затрещали соседние скалы, закачались деревья на дальних горах».

Секретарь давно уже отложил в сторону свой топшур и только подбадривал старика: «Вот так, вот так, выйдет!» А старик пел: «Под пятиконечной красной звездой голубые горы озарились, все народы, трудясь сообща, живут светлой и радостной жизнью».

Было уже за полночь, когда секретарь райкома партии открыл дверь аила и крикнул народу:

– Товарищи, идите слушать, вышла новая песня!

ПЕРЕВАЛЫ

...Алтай громоздится все выше и выше. В притрактовом селе Черга мы были на высоте около 500 метров над уровнем моря, а в Шебалино – уже на 850. А машина все идет на подъем. Ещё несколько рывков, смелых, почти акробатических трюков – и мы поднимаемся на 1125 метров над уровнем моря. Горы хмурятся. Ключья тумана неподвижно висят, как лишай, на серых глыбах ущелий. Реки ревут беспокойнее и грознее.

За деревней Топучей, с моста через Сему, мелькнула первая снеговая вершина – шапка горы Тарлык (Сарлык – примеч. ред.). Тракт метнулся в сторону. Учащеннее застучал мотор машины. Начался подъем на перевал.

Дорога врывается в глухую таежную заросль. Сначала нас обступают лиственницы, легкие и жизнерадостные. Они словно выстроились по бортам тракта и приветливо помахивают своими пожелтевшими ветвями. Но вот начинают изредка мелькать белые стволы берез, из густой чащи вытягивает на солнце свои перистые руки рябина. Кое-где тайга раздвигается, выступают черные плечи пожарищ, обгорелые пни, мрачные скелеты деревьев.

Мотор воет. Машина мечется из стороны в сторону. Исчезли куда-то лиственницы, убрали свои руки рябины. Остается один кедрач, коренастый и угрюмый.

Первый раз я поднимался на Семинский перевал в конце июня. За час подъема я наблюдал здесь смену нескольких времен года. У подножья перевала отцветали огоньки, трава стояла по пояс человеку. Колхозники выходили на покос. Здесь было лето, конец июня, каким мы привыкли его видеть. А через несколько сот метров перед нами раскинулись оранжево-яркие поляны. Еще выше – мы увидели желтые лилии, малиновые лепестки лесных пионов. На солнечных полянах перевала цвели подснежники и анютины глазки. Около высотной арки лежал снег. Мы наблюдали обратный ход времени.

Семинский перевал – высшая точка Чуйского тракта – 2200 метров над уровнем моря. Мы, наконец, вырвались из плена гор. Они отступили и, кажется, немного пригнулись. С перевала открывается замечательный вид на теньгинскую долину и на снежные вершины Теректинского хребта. В отдалении белки сверкают серебром, а горы рдеют голубым светом, как вечернее небо. Мне удалось однажды наблюдать отсюда горы вечером, когда садилось солнце: белки сверкали расплавленной медью, небо

было оранжево-красным, а облака на горизонте внезапно вспыхивали, казалось, они горели.

Не проезжал еще через Семы тот путник, который не останавливался бы на перевале. Арка, которую воздвигли на горе строители, вся испещрена надписями «на память».

Под семинской аркой проехали тысячи автомашин. Они провозили под ней в горы сепараторы для маслозаводов, запасные части к сельскохозяйственным машинам, бензин для заправочных колонок, мануфактуру и мыло, обувь и шелк для айлов. Они ехали с гор с маслом, с сыром, с кожами, мясом, медом, орехами и пушниной. На легковых машинах, в грузовиках на тюках товара, на быстроходных полоторатонках туда и обратно едут люди: пастухи и зоотехники, педагоги и вязальщицы, инженеры и трактористы, геологи и колхозные бригадиры, избачи и альпинисты...

Под семинской аркой шагает в горы новая социалистическая культура, новая жизнь солнечного Алтая.

... Машина спускается в долину зеленоводного Урсула. Горы снова сдвигаются. Легкий ветерок несет над рекой и трактом. Один за другим остаются позади нас алтайские селения: Туехта, Усть-Каракол, Курата, Шашакман. На улицах, рядом с бревенчатыми избами, стоят ветхие айлы. Это осколки старой нищенской жизни. Их остается все меньше. Из редкого айла идет дымок.

Алтайские селения производят впечатление переселенческих поселков. Люди, кажется, приехали сюда откуда-то из далеких мест. Они не распаковывали еще своих походных повозок, из-под топора только возникли первые постройки – срубы жилых домов. Но люди спешат. И вот в поселках появляются школы, маслозаводы, бани, скотные дворы. Жизнь начинается заново.

В Караколе мы осматривали строительство большого маслозавода. Он будет механизирован по последнему слову техники и будет вырабатывать все сорта масла и сыра, которые пожелает наш советский рынок. Направо от тракта – красивая каракольская долина. Там где-то живет Тыжемеева, председатель сельского совета, первая женщина Ойротии, сбросившая с себя чегедек⁷⁴.

...Шоссе извивается по узкому ущелью. Тракт огибают каменные мысы, на несколько минут вырывается в степную долину, а потом неожиданно взбирается на гранитные выступы скалистой горы. Мотор снова воеет. В нос бьет запах бензина. Разговор в машине замирает. 312 километр, 313, 314. Повороты, повороты...

– Не считаете, сколько их?

Это спрашивает шофер. Я их не считаю. Смотрю на предупреждающие надписи – «тихий ход» – и мне кажется, что вот, вдруг, не хватит силы у мотора, и машина покатится вниз, в пропасть.

Наш спутник, политрук ининской автобазы Воронин, словно угадывает мои мысли.

– Здесь зимой перевернулась наша машина. Встретили подводы. Шофер затормозил, и автомобиль покатился вниз, как на салазках.

Я не спрашиваю о последствиях. Ведь Воронин живехонек сидит рядом с нами. Значит, не всегда смертельно.

Мертвая петля!

Мы невольно сжимаемся. Шофер впился в какую-то точку и отчаянно крутит руль. Кажется, даже побледнел. Позднее он сознался, что машина поднималась на перевал с поломанными тормозами.

Но вот и 315 километр. Под ногами у нас – начальная точка подъема. Мы видим серые петли шоссе, которыми с верхушки и до самого подножья перевита гора. На вершине горы надпись: «Вышка перевала Чике-Таман, высота 1360 метров».

На юге видна Ульгуменская долина. Она уже наполнена тенью вечера. Над Б.-Ульгуменом, высоко в небе, медленно плавают ястреб. А ещё выше его, на горизонте сверкают Яломанские белки. В апреле 1922 года отряд частей особого назначения под командой Ивана Долгих совершил через белки этот легендарный поход.

«...Рано утром отряд двинулся на страшный Яломанский перевал. Утопая поминутно в снегу, который местами был в человеческий рост, мы медленно двигались вперед. Не было слышно ни шуток, ни смеха. Мороз крепчал. Даже на привалах нельзя было разводить костров... Отряд дошел до крутого спуска и остановился, не решаясь двинуться дальше. Момент был напряженным, но вот первый красноармеец начал спуск, за ним второй, третий. Бесперывно двигаясь, мы одолели 8 спусков. Но трудности все увеличивались».

Это из воспоминаний товарища Долгих. А вот выписка из приказа помощника главкома по Сибири:

«...Потеряв при подъеме и спусках до 100–150 лошадей и таща на своих плечах пулеметы и седла, они спустились на рассвете в долину реки Катанды и внезапным ударом захватили весь бандитский гарнизон, в том числе самого Кайгородова». Белогвардейская банда была ликвидирована.

Из гранитной щели неожиданно вырвалась Катунь. Тракт снова пошел по её долине. В старину здесь была переправа. Колесная дорога шла по правому берегу реки до Яломана, а потом, после второй переправы – до Ини. Вторая тропа извивалась по левому берегу, через труднопроходимый

74. Верхняя одежда, которую ойротская женщина одевала выходя замуж и не имела права снять до смерти мужа.

хребет Ууркош, в долину большого Яломана. Это был страшный путь, «ууркош» по-русски значит – тяжелый выюк.

– Перебирались мы по этой тропе с одним своим другом, – рассказывал нам старый житель этих мест товарищ Шераборин. – Забрались на Ууркош, друг мой взглянул вниз, побледнел весь и от страха закрыл глаза. Так с закрытыми глазами и съехал.

Автомобильный Чуйский тракт идет левым берегом Катуня, среди выемок и серых камней. Путь здесь вырублен в скалах. Машина идет по бодам: Кор-Кечу, Ууркош, Кынграр, Айрындаш. Временами вырывается из-под бурых скал Катунь и вспыхивает нежной бирюзой, словно озаренная внутренним светом. Автомобиль скользит по каменным нишам, пробегает между гранитными щеками.

Вдоль каменной стены, выложенной по краю бода, чьей-то заботливой рукой посажен маральник. Ранней весной от цветения маральника стоит здесь фиолетовая дымка.

БОЛЬШИЕ НОВОСТИ

Водителем нашей машины был Чупаков. Петя Чупаков. Это очень искусный шофер, рубаха парень и неудержимый фантазер.

– А знаете, на Большой Сумульте алтайцы делают мушки к ружьям из золота. А чего им не делать, когда там самородков – тьма!

Эту «новость» он сообщил нам, когда мы едва выехали из Маймы. Но путь наш был дальний. Мы должны были пересечь Ойротию по Чуйскому тракту от северной её границы до южной. А Петр не любил молчать.

– А знаете, – спросил он нас на Семинском перевале, – на Белухе нынче нефть открыли. Так прямо фонтаном и хлещет!

Он вел машину мастерски, пожалуй, даже вдохновенно и уж, конечно, по первоклассным правилам уличного движения. Грациозно выбрасывал электросигналы («По всему тракту только у одной моей машины и есть такие сигналы!») и то и дело давал предупредительные гудки («Во всем Алтае нет ни у кого такого гудка!»). А когда мы останавливались, чтобы сделать очередной фотоснимок, Петр любовно обводил взглядом горную панораму и сообщал:

– А знаете, за Кураем обнаружена целая гора магнитного железняка. Богатства там – видимо-невидимо!

Осень. Ветер гонит по тракту сухие листья. В зарослях кедра и сосен появились желтые полосы. Но это не левитановский пейзаж. Алтай освещен ярким солнцем и кажется окутанным какой-то беспредельной солнечностью и голубизной. Осенний Алтай невольно ассоциируется с урожаем, с обилием, с богатством.

Народ, который живет здесь, буквально влюблен в свой чудесный Алтай. Он превознес его в своих многочисленных былинах и сказаниях, воспел в сотнях своих песен и наградил самыми возвышенными и красивыми эпитетами: голубой, золотой, солнечный.

Народная фантазия страстно хотела, чтобы горы Алтая были так же богаты, как и красивы. И кожанчи – сказители создавали легенды и передавали их от поколения к поколению о белых скалах (аккая), из которых богатыри когда-то брали железо и ковали чудеснейшие вещи, о сумультинских золотых самородках, о чудодейственных водах. Это была мечта о металле, о культуре, о богатстве недр.

Но Горному Алтаю был издавна вручен аттестат на бесплодие. Старые геологи вынесли ему жесткий приговор: «Здесь мертвые, безрудные камни».

Мы ехали по Ойротии в дни блестящего крушения всех этих пророчеств. В Ойрот-Туре только что состоялась конференция геологов.

– Мнение о бедности Ойротии полезными ископаемыми, – заявил на этой конференции маститый ученый академик В.А. Обручев, – опровергается окончательно и не должно больше фигурировать в литературе.

Люди, с которыми мы в Ойротии встречались и говорили, были возбуждены и буквально захвачены открытием ископаемых богатств. Первое, о чем заговорил с нами секретарь обкома партии, это о недрах.

– По Ойротии проходит богатейшая ртутная полоса. Возможно, она простирается до самого Салаира.

На столе секретаря обкома лежат рядом со скульптурами талантливого самоучки Ярымки Мечешева образцы полезных ископаемых Ойротии.

В Аскате мы просили ойрота-сказителя спеть нам под топшур алтайские легенды о золоте. Он посмотрел на нас недоумевающе: «Разве вы не слышали еще, что в Колычаке найден уже второй самородок?».

В Чаган-Узун мы приехали поздно ночью. Нас встретил теленгит – колхозный сторож.

– Как проехать к геологам?

Сторож молчит.

– Я по-русски бельбес.

– Где тут нижний стан разведчиков?

Не понимает.

– Где ртуть? Ртуть!

– А, ртуть. Ртуть знаю.

Мы не слышали докладов геологов на их конференции в Ойрот-Туре. Но уже на половине пути нам было известно почти все, о чем говорили на конференции, ибо на вопрос:

– Не табыш? (Нет ли новостей?) – нам отвечали: «Табыш ёк» (новостей нет), а сообщали: «Ой, ой, даян табыш – большие новости...».

В Онгудае нам рассказали о том, что в Ороктое найден прекрасный мрамор. Палевый, розовый, белый. Красивый и прочный. Этим мрамором будет украшено лучшее здание в стране – Дворец Советов!

В Чибите хвастались:

– По нашей речке ищут медь. Может быть, скоро мы будем здесь строить завод.

В Курае рассказали;

– На берегу Айгулака найдены красные камни. Из них будет плавиться серебряная вода.

В Кош-Агаче мы познакомились с колхозным счетоводом-алтайцем и задали ему традиционный в Ойротии вопрос: «Не табыш?». Он искренне удивился:

– А разве вы еще не знаете, что в Алтае обнаружена зона марганца?

Мы не были в Улагане. Но на вопрос «Не табыш?» нам безусловно ответили бы:

– Ой, ой, даян табыш: в ущельи реки Башкауc найдено много цинка.

Три года изучают недра Ойротии советские геологи. Они побывали за это время на сопках многих гор, и в узких ущельях, и на берегах бурных рек, и в таежных чащах. Это была работа, полная приключений, невероятных трудностей и нередко – героизма. Горная страна из месяца в месяц меняла свою репутацию, в паспорт свой заносила все новые и новые цифры, новые «примеры». Горы её, долины и берега рек стали как бы прозрачными для мысли, и недра засверкали сурьмяным блеском, красноватой киноварью, разноцветным мрамором, молибденом, рудами марганца, меди и цинка.

Конечно, нефти на Белухе нет. Нет и горы магнитного железняка. Все это – фантазия нашего шофера, который хотел бы как можно в более пышные одежды нарядить свой возлюбленный край. Он фантазер.

– А знаете, – сообщил он нам в Ине, – около Белого бома есть огромная мраморная гора.

На этот раз сообщение Петра оказалось без фантастических измышлений. Не более как через час мы ехали уже по Белому бому. Машина шла по петлистому тракту, замощенному мрамором самой природой, борта тракта выложены вместо булыжника белыми кусками красивейшего камня. Это возможно только в Ойротии.

Красив и богат Горный Алтай! Большие новости в Советской Ойротии!

ВРЕМЯ НОВОЕ ЛЕТИТ-ГУДИТ

За городком Иня тракт резко поворачивает на юг. Машина идет в Кош-Агач. Петр Чупаков по-прежнему неугомонен. Он бережно проводит свою «газовку» по отвесным бомам, почти не убирает руку с гудка и успевает приветствовать водителей встречных машин:

– Эй, Чичинов, здравствуй!

Из кабины трехтонки «амо» выходит смуглолицый алтаец. Он весело смеется и крепко жмет руку Чупакову. Они давнишние друзья.

– Что ты так гонишь? – спрашивает Петр.

Этим участком я иначе не еажу – душа горит. Тут были расстреляны в двадцатом году наши красноармейцы.

Когда машина снова тронулась в путь, Чупаков сообщил нам:

– Помощником у меня был. Парень, скажу, – золото.

По тракту непрерывно идут автомобили. Многие из них ведут алтайцы. Автомобиль входит в жизнь Ойротии и про него уже сложили песни:

Я сегодня встретил на дороге
Быстрого, как молния, коня:
Голубой, безхвостый, круглоногий,
А в глазах больших – снопы огня.
Он летел-гудел. И вот большая
Радость пенится в моей груди:
Это счастье новое Алтая.

Время новое летит-гудит.

Время новое летит-гудит по Ойротии!

«Чудные долины Алтая слишком хороши для номадов, которые не умеют поднять богатства края» – цинично восклицал когда-то академик Радлов.

Прошло двадцать лет, как «номады» освободились от колониального гнета. Алтайцы выпрямились во весь свой рост и начали вместе со всеми народами социалистической страны преобразовывать свой край.

Не узнать сейчас чудных долин Алтая. Шестьсот с лишним километров тянется Чуйский тракт, построенный буквально за несколько лет. Сотни машин ходят по этому тракту и по нему же пришли в Ойротию тракторы, комбайны, жатки, сепараторы.

Долины Ойротии усыпаны суслонами хлебов. Тучные снопы ячменя и пшеницы не умещаются на ровных полянах и смело громоздятся на горы. Вчерашние кочевники, объединившись в колхозы, научились хлебопашеству. В нынешнем году они сеяли 70 тыс. гектаров. В колхозе «Герой труда» Эликманарского аймака мы видели посевы шелковицы. Пройдет один-два года и колхоз будет производить свой шелк.

Извечно кочевой народ переходит на оседлость. Образовались десятки новых сел. В них появились не только дома и бани, но и больницы и клубы, школы и детские ясли. В аилах вспыхнули электролампочки, по горам и ущельям протянуты металлические провода телеграфа и телефонов.

В Чуйской долине мы часто вынуждены были останавливать машину и переждать, пока тракт перейдет стада коров или отары овец. На пастбищах Ойротии пасется около полумиллиона колхозного и совхозного крупного и мелкого скота.

– Эзень! – кричим мы алтайцу.

– Эзень бар! – отвечает всадник и подъезжает к машине. Это пастух Чаган-узунского колхоза.

Мы встретились с ним на широкой долине, закрепленной за колхозом навечно. Стадо угрюмых лохматых сарлыков разгуливало вокруг нас. На склонах окрестных гор паслись отары овец. Близ устья реки важно расхаживали двугорбые верблюды.

– Не табыш?

– Табыш ёк, – отвечает нам алтаец.

Потом мы узнаем от него, что в колхозе 80 дворов, и что имеет он девять тысяч голов разного скота. Больше ста голов в среднем на хозяйство. Но какая же это новость! Это обычное явление. И Чаган-узунский колхоз – самый рядовой колхоз в Ойротии.

– Эзен болзын, – говорит нам алтаец и, легко взмахнув плетью, едет к стаду.

В Курайскую степь мы приехали в яркий солнечный день. Чуйские Альпы здесь придвинулись ближе к тракту, и серебристый отблеск их снежных вершин, казалось, был разлит по всей каменистой степи. Было тепло и тихо.

– Такие дни раз в году здесь бывают, – поясняют старожилы.

Про Курайскую степь нам много рассказывали. Даже пугали ей.

– Вот, погодите, доедете до курайской – она даст вам пить.

Курайская степь – это, собственно, не степь, а высокогорная каменистая полупустыня, зажатая со всех сторон Чуйскими Альпами и Курайским хребтом. Есть только один лог между этой горной грядой – Соконда, что по-русски значит – мороз. Как из мешка летит на степь этой Соконды холодный ветер, и буран стоит над пустыней, как белые облака.

Курайская степь бесплодна. Её каменистая почва едва покрыта редкой худосочной травой. Только изредка можно встретить здесь низкорослую карагану (по-русски – старый лес), которая за много десятков лет роста едва достигает полутора метров. Зимой в степи свирепствует джунт – гололедица. Скот не находит себе подножного корма и нередко гибнет.

Об этом рассказал нам сторож оросительной системы Белкой Кумышев, когда мы стояли с ним на берегу изумрудно-зеленой речки Ак-Тура.

Плотина реки закрыта, уровень воды быстро повышается. Она вот-вот вырвется из берегов. Кумышев обрывает разговор и ловким движением открывает большой деревянный заслон. Вода хлынула. Изумрудно-зеленая Ак-Тура изменила свое русло, потекла по каналу.

Потом мы видели, как горная снеговая речка бросилась в распределитель, в оросительные каналы и многочисленными ручьями разбежалась по поливным бороздам.

Белкой Кумышев, колхозник степной артели «Ленин дел», первый сторож оросительной системы, поставил в бороздах железные щиты. Началось орошение издавна бесплодной засохшей степи.

В этот же день мы были на другом участке Курайской степи. В нескольких километрах от поселка, на высоте 1580 метров над уровнем моря, Институт растениеводства Академии наук испытывает несколько сот названий сортовых зерновых и овощных растений, кормовых трав, силосных и технических культур.

В конце августа на Крайской степи зрел ячмень, дружно наливались черно-абиссинская, аравийская и египетская пшеницы, монгольские и алжирские овсы, росла люцерна, эспарцет, американский пырей, прекрасно развивались редис, свекла, китайская капуста, салат.

Курайская степь меняет свою репутацию. Пройдет еще несколько лет, и каменистая пустыня превратится в высокогорный цветущий оазис.

Неузнаваемы становятся долины и степи Ойротии! Время новое летит-гудит по Алтаю. И поют на Алтае новые песни:

В дни былые о смерти скорой
Мы мечтали. А вот сейчас
Жить бы столько же, сколько горы, –
Так светла теперь жизнь у нас!

...Машина идет в Кош-Агач. Последние километры пути. За Кош-Агачем будет еще один-два айла, а потом – граница. Через час мы пожмем руку алтайцу из урочища Янчет Василию Табычакову – отважному пограничнику, охраняющему богатства и красоту своей социалистической родины.

А.С. ПУШКИННЫҢ ЭЗЕМИНЕ УЧУРЛАГАН БҮК

(Кепке базылганы айынча: Ойроттын комсомолы. – 1937. – № 15-16)

Алексей Чоква

ОРУСТЫҢ УЛУ ПРОМЕТЕЙГЕ

Албатыга от берер деп,
Зевсла тартышкан Прометейдий.
Албатыны кулдан айрыыр деп,
Каандарла ченешкен Пушкин!
Кудайбыла ченешти деп,
Прометейди кайага кадагандый
Каан адын шоотты деп,
Казыр кысталанга түшкен Пушкин!
Кайага кадаткан Прометейди
Кан-кереде чокыгандый,
Калын үлгерлү Пушкинды
Канду каандар јайнатты.
Калык чөрчөгинде Прометейдий,
Кайралду јүрүми кату болгон.
Калыкка чийген үлгери учун
Кавказ тууларына сен айдаткан.
Оштүлерине блтүртсен де,
Олбос јанду үлгери артты.
Оштүни јенген бис класс
Оро кодүрдибис бүдүргенинди.
Колыбыста үлдүлү
Каан бийди јок эттибис.
Колдо кынјыны үзүп,
Коот коммунизмге браадыбыс.
Суузын болгон аржан
Соолбос болор качан да.
Сугунип үренер үлгерин
Сайалбас болор чактарга.
Орус, казак, калмык, грузин,
Алтай, тунгус, калка, негр
Ончолоры сенин үлгерин үренер.
Ороон јуртыбыс ижинде тузаланар.

КАВКАЗ

Көк мөңкүлү Кавказта
 Ылым кайа-таштын кырында
 Кара жаңыскан мен турум,
 Кавказ алдымда туру.
 Тас тайгадан Кан-кереде учты.
 Меге тунейлежип учуп турды.
 Түргөн суулардын бажын көрдим,
 Капчал өзөктөрдүн сынын көрдим.
 Булут менен жаңыс алдымда көчти,
 Онын алдында ылым кайа таш
 Онын алдында жегес, жыраа турат.
 Онон төмөн көк жажыл тепсендер
 Көп ан-куштар турлуузы көрүнөт.
 Кырлардын кобы-жиктеринде
 Албаты журтаган журттар көрүнөт.
 Кой-ачкизин айдап кабырган,
 Арагва суунун жаказында
 Жараш серуун көлөткөлү жалантында
 Жайымдап мында жүрөт.
 Терек суузы чакпындалган жерде
 Тенибер жорукчы жортып жүрү.

Теректин шуултты, чакпыны эрчимдү
 Тудуп жиир ан көргөндий,
 Жүзүнделип, табыштанып жадат.
 Ылым ташту жарадына
 Жуулап келген жуудый комдор согулат.
 Жок тегин жободын!
 Сеге курсак та жок, жыргал да жок,
 Ташту туула тайгалар
 Табыш жоктон сени кыза тутты.

А. С. Пушкин

(А. Чоковтын көчүргөнгө - ред.)

КУС

Тенгериде күс жытанды,
 Күннин соогы киреленди.
 Күндөр кыскара берди.
 Куу туман кайанан турды.
 Жажыл бүри агаштардын
 Жажурканып төгулип турды.
 Куштар уурлежип жанып ийди,
 Эрикчелдү ой келди.
 Ноябрь ай эжикте турды,
 Эртен тура жер тонгор болды.
 Жаландагы истер божоды,
 Табыш жок, ын-шын калды.
 Ач бөрү тун ле кожо
 Азуун курчудып жем бедирер.
 Албатынын жолына чыкты,
 Ак-боро аржине ат.
 Ач бөрүнин жыдын алды,
 Мышкырып, уркүп турды.

Сескир јорукчы сезинди,
 Сек болбойын деп сананды.
 Кыр өрө мантатты,
 Сары тан атканда күзедүчи
 Соорузын эмди тартпас эмтир.
 Саар уйлар јаланга апарып,
 Туште ойто айдабас эмтир.
 Јылу турадан айрылбай
 Кыстар күделизин ирип јадат.
 Кыстар көдөчизи јарыткыш
 Кыстардын алдына күйүп јадат.

В. Моможоков

УЛУ УЛГЕРЧИ

Пушкиннинг улу сөстөри
 От ошкош күйүп чыкты.
 Өскө јаш бичиичилерге
 Өзүмине тузалу болды.
 Пушкинди каан истежип,
 Учунда јеринен сүрди.
 Полиция каруул тургузып,
 Күннинг күнге шиндей берди.
 Өлтүрзин деп ийген Дантес
 Пушкинди адып салды.
 Одус сегис јашту Пушкин
 Өштүлер колынан јыгылды.
 Улу Пушкиннинг улу сөзи
 Оныла кожо өлбөди.
 Колкүчтүлердин ортозында
 Коолонып, чечектей берди.
 Онон бери јүс јыл
 Пушкиннинг улу бичиги
 Ончо ороондорго јайылды,
 Онон бис үренелдер.
 Улу поэттин үлгерин
 Учурлап билерге үренелдер.
 Катап-катап кычырып,
 Калык-јонго јайактар.

Никандр Алексеев

АЛТЫН-КОЛЬ

(Печатается по: Сибирские огни. – 1938. – № 3–4. – С. 74)

Истоптанную обувь сбросив, босый
 Иду тропой и ног не берегу.
 Сквозь сумрак принимаю за утесы
 Два кедра на скалистом берегу.

Два кедра расшумелись в разговоре,
 Со словом я подоспеваю к ним:
 – Зачем же это золотое море
 Лишь озером зовется золотым?
 Слышет молва: усевшийся на камень,
 Шептал шаман: «Зачем же бубен мне,
 Когда я вижу солнце с облаками
 В безмерной неозерной глубине?»

Столетия шли. Название седое
 Названием сменилось молодым.
 Но солнце, отраженное водою,
 Шаманы звали бубном золотым.

Здесь баи были, с ними хан стеленный,
 Опустошали ташаур до дна.
 Известно, пьяным море по колено,
 Безмерная, как небо, глубина.

У этих интерес был: «Сколько весит»,
 Мечта того: перенести домой
 Упавший с гор тридцатых поднебесий
 На дно морское слиток золотой.

Но бая нет. Шаман лишился слова,
 Зарылся хан в Монгольские пески,
 И ныне солнце моря золотого
 Прозвалось Красным Знаменем Морским.

Андрей Барбурев

КЫЗЫЛ ЧЕРҮНИН 20 ЖЫЛДЫГЫНА

(Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот. – 1938. – № 19)

Кызыл Черүнин 20 жылына
 Күндүбисти жетирип турубыс!
 Улу флот гын 20 жылына
 Уткулыбысты ийип турубыс!
 Бистин төрөлдү корулаган,
 Билгир Кызыл Черүбис.
 Биске тийген немени
 Былчаа согор курчуубыс.
 Талай суунын устие
 Талбып жүрер Флодыбыс.
 Табарып келген оштүни
 Талдыра согор күчибис.
 Ишмекчи-крестьян албатынын
 Ийделу күчтү черүзи.
 Жер үстинде базындыргандардын
 Жепселдү күчтү шибеези.
 Коммунизм журттын коруп турган,
 Кызыл черүбис бек!
 Канду фашизмге удурлажар
 Күчтү желсели элбек!
 Буржуй болгон ороондордо
 Бускалан түймеен тынып жат.
 Канду болгон фашисттер
 Кызалан – чакка түжүп жат.
 Кызаланнан чыгар эбин
 Кыйгылу жуунан бедрегилейт.
 Кызыл болгон черүни:
 «Кырып салар» – деп, күжүренгилейт.
 Капиталисттин канду амадузы
 Кара жерге тегин калар.
 Кызыл Черүге тийер болзо,
 Кызыл тыны үзулип калар.
 Жалбак үлди жалтырап,
 Жалбак таштан тайкылбас.

Јашёскүрим Кызыл Черү,
 Јаан Јуудан јалтанбас.
 Кара болот јыдазы
 Кайа таштан кайдыкпас.
 Кызыл болгон улу черү
 Капиталисттен корукпас.
 Совет ороонды корулап турган,
 Кызыл Черү эзендик болзын!
 Социал јолго баштап турган,
 Коммунист партияга эзендик болзын!

Савва Кожевников

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Печатается по: Сибирские огни. – 1939. – № 1. – С. 127–141)

I

В горах Эликманарского аймака, на Алтае, жил некогда замечательный старик – Шонкор Шунеков, что в дословном переводе означает Пламенный Сокол. Он был из сеека Тотош. Имя его, однако, было известно не только в своем роду. Старого Шонкора знали почти во всех долинах Горного Алтая. Пламенный Сокол был известен алтайскому народу как искусный певец и рассказчик. В его аил съезжались люди из многих долин, и он пел им свои саги под звуки топшура. Сказки его тянулись долго, иногда две-три ночи. Бывали сказы, которые пел он по семь и больше ночей. И слушатели не расходились.

Старик Шонкор Шунеков, этот низкий и сгорбленный алтаец, с козлиной черной бородкой и узкими веселыми глазами, очаровывал слушателей своими смелыми и красивыми мечтами. Сквозь тонкую узорность его сказа перед слушателями выезжали на белых и игрневых конях богатыри народа, которые «годовое расстояние в одно мгновение пробегают», «на месячном расстоянии топот жеребца слышат», «через желтые степи, которых орлы не перелетели, словно вихрь проносятся».

В числе наиболее ревностных слушателей Пламенного Сокола был его маленький внук. Старик любил его и называл ласкательно – Итлаш. На самом же деле именем внука было – Ит-Кулак, что означает Собачьи Уши.

Ит-Кулак родился в «Год кабана»⁷⁵, который считался в аилах плохим годом для новорожденных. Мать боялась за жизнь сына – все её дети умирали. И она дала мальчику безобразное имя, чтобы злой дух Эрлик с презрением отвернулся от ребенка.

Первый год своей жизни на земле Ит-Кулак провел завернутым в собачью шкуру. А потом многие годы носил клочок собачьей шерсти, продетый сквозь ухо.

Отец Ит-Кулака Чочуш Кучияк был шаманом, и он хотел, чтобы сын его впоследствии стал тоже камом. Но отец умер, когда мальчику было 8 лет. Ит-Кулака отдали в духовное училище Алтайской духовной миссии. Чемальские монахи, окрестившие его, дали ему новое имя – Павел, и высчитали, что он родился в 1897 году.

Павла Кучияк хотели сделать туземным попом. А пока что его поместили в сарае, кормили обедами на кухне и заставляли каждый день, до начала занятий в училище и после них, рубить дрова и возить воду для попов и монахов. Однажды поп жестоко избил Павла за какой-то незначительный проступок. Павел сбежал из училища и стал дровосеком.

Тогда шла империалистическая война. В горы Алтая пришел царский указ – мобилизовать мужчин на дорожное строительство в прифронтовой полосе. Был мобилизован и Павел Кучияк. И он в первый раз увидел землю без гор, в первый раз узнал, что есть города, железные дороги, автомобили, пароходы.

Новая страница биографии Павла Кучияк началась после установления Советской власти на Алтае. На стойбище как-то приехал представитель коммунистической организации и начал создавать комитет деревенской бедноты. Бедняк Кучияк был единственным человеком на стойбище, который умел немного читать и писать, и его избрали секретарем комбеда.

Вскоре после этого Кучияк поехал учиться в Москву, в Коммунистический университет народов Востока.

В КУТВ^е он учился чегыре года, а когда вернулся в родные долины, был назначен руководителем отряда «юрты-передвижки». В отряде работали женщина-врач, учитель, агроном и киномеханик. Они ездили по самым отсталым аймакам Кош-Агача и Улагана, делали прививки, организовывали колхо-

75. Алтайцы до недавнего времени не имели связного летоисчисления. Год получал название в зависимости от снова и снова повторяющегося двенадцатигодичного цикла: год змеи, коня, овцы, малой медведицы, курицы, собаки, кабана, мыши, коровы, льва, зайца и грома. Год имел двенадцать месяцев. Месяц делился на две части: новая и старая луна.

зы и читали доклады: о гигиене и земледелии, методах социалистического труда и советском праве. Отряд показывал фильмы, учреждал пункты ликбеза, боролся с суевериями, родильной горячкой и байской агитацией.

«Юртой-передвижкой» Павел Кучияк руководил два года. Это была тяжелая работа, но она была прекрасна, иногда Павлу казалось, что для такой жизни мало одного сердца. На его глазах алтайцы переходили из кочевых бедных аилов в новые дома и избы, женщины снимали чегедеки, люди впервые в жизни стали мыть лица, баи и зайсаны изгонялись из Советов и кооперации. Земля становилась своей!

Именно в эти годы Кучияк часто вспоминал своего деда и его замечательные легенды⁷⁶. Старик умер в 1913 году. В последние годы он пел очень тихо, его уже с трудом понимали. Но по-прежнему внук Сокола Павел Кучияк с жадностью ловил каждое слово сказителя.

Многое, рассказанное старым Соколом, теперь уже забыто и навсегда потеряно. Но забыто и потеряно, к счастью, не все. Образы наиболее любимых богатырей навсегда запечатлелись в памяти Павла. В дни, когда Кучияк вел агитацию за новую жизнь, он садился иногда около костра и так же, как дед его, под размеренное позванивание топшура пел старинные саги. Перед слушателями возникали из глубины веков богатыри: бедные и богатые, добрые и злые, жадные и благородные. Под звон топшура молодой сказитель пел о победах богатыря Башпарака над семиглавым злым Дельбегеном, о хитром бедняке Аргачи, который сжег на костре злого и жадного бая. И сколько бы ни рассказывал он легенд, в каждой из них слабые становились сильными, бедные и забитые побеждали богатых и злых.

– Якши!⁷⁷ – восклицали слушатели. И Павел Кучияк тогда говорил:

– Вот о чем веками мечтал наш народ! Теперь настало время, когда сказки превращаются в быль.

– Якши! – подтверждали слушатели.

II

Сказки Пламенного Сокола Павел Кучияк записал позднее на бумаге. И мы, русские читатели, впервые узнали тогда о чудесных творениях алтайского народа.

Алтайцы на редкость поэтически одаренный народ. За многовековую историю свою они накопили богатейшие сокровища устного творчества. Но до революции их поэтические произведения почти не были известны русскому читателю. За полтора столетия, как Ойротия была присоединена к России, всего два-три человека занимались сбором алтайского фольклора. Но, строго говоря, это были не записи, а пересказы, конспекты сказок. Поэтическое дыхание легенд, их богатейшая фантазия, гиперболизм, яркость образов, их музыка вытравливались. Искажалось даже содержание легенд. Миссионер Вербицкий утверждал, что в алтайских сказках воспеваются богатые, князья, и что, следовательно, устное творчество алтайцев пошло не от народа, а от аристократических верхушечных слоев.

Старая, знакомая история! Находились ведь «исследователи», которые то же самое утверждали и относительно происхождения русского былинного эпоса.

Сказки старого Сокола, записанные его внуком, были первым разрушающим ударом по реакционным взглядам на «аристократическое» происхождение народного творчества Ойротии.

Записи Павла Кучияк познакомили русского читателя с образцами героических легенд, которые слагались охотниками у дымных костров и пастухами на альпийских лугах. Герои этих сказок – бедняки. В сказках они чудодейственным образом приобретают богатырскую силу и вступают в борьбу со своими поработителями: с камами, баями и даже с самим злым богом Эрликом.

Поработителей народа сказки рисуют жадными, завистливыми, безжалостными, а богатырей народа – смелыми, доблестными, мудрыми и благородными.

Нетрудно догадаться, кто автор этих сказаний, чьи думы и чаяния отражены в них. В сказках выражено, – как совершенно справедливо замечает современный исследователь алтайского фольклора А. Коптелов, – вековое, неудержимое стремление народов освободиться от угнетателей-богачей и утвердить на земле свободную, счастливую жизнь».

Алтайские сказки замечательны еще «выдумкой», «изумительной способностью заглядывать далеко вперед факта» (Горький). Задолго до появления электричества богатыри сказок ловили молнии и, закрепив их в расщелинах деревьев, освещали долины и реки. За много веков до появления самолета фантазия сказителей создала Кан-Кэрэдэ – прообраз современного аэроплана, а Пламенный Сокол в сказке «Башпарак» мечтал о ячмене, в колосьях которого «было бы по сто ячменных зерен».

По форме своей сказки алтайцев исключительно ярки, образны и величавы. В них каждое слово перерито иносказаниями, краски в них горят, как цветы Алтая, а гиперболы превосходят самую смелую фантазию.

Неоценимая заслуга Павла Кучияк в том, что он не дал погибнуть сказкам Пламенного Сокола, лю-

76. В роду Кучияка была сказительницей и его бабушка – Баргаа.

77. Хорошо!

бовно записал и подстрочно перевел их на русский язык. Он открыл для русского читателя не известный дотоле чудесный поэтический мир, мир прекрасной фантазии и музыки.

Нелегко было Кучияку вести свою работу. Буржуазные националисты, пробравшиеся в свое время в руководящие организации Ойротии, всячески тормозили обмен культурными ценностями между русским и алтайским народами. Они пытались «отгородить» алтайский народ от русской культуры и закрыть для русских богатство народного творчества алтайцев.

Одни из этих презренных врагов народа фальшиво утверждали, что алтайский язык настолько беден, что на нем никак нельзя изложить произведения русских классиков и советских писателей. Другие говорили: язык алтайцев – бедный язык и поэтому на нем не может быть устных произведений высокохудожественной ценности. А третьи выступали даже в печати и нагло заявляли, что алтайские сказки потеряли всякий интерес и значение для современной Ойротии. «Как стали не нужны в литературе Советской страны легенды древней Руси об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче и Алеше Поповиче, – писали они, – так мало кого интересуют легенды монголо-ойротского героического эпоса».

О сказках в Ойротии нельзя было тогда говорить вслух. Товарищей, записавших сказки, чуть ли не обвиняли во вредительской деятельности. Буржуазный националист Толуш Енчинов, бывший секретарем Обкома, одну из сказок Пламенного Сокола, записанную по памяти Кучияком, прямо назвал контрреволюционной.

Были дни, когда у Павла Кучияк опускались руки и он надолго прекращал свою полезную, культурную работу. Но в 1934 году ему посчастливилось быть делегатом Всесоюзного съезда писателей. Он услышал там прекрасные слова А. М. Горького:

«Начало искусства слова – в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем лучше, тем более глубоко и радостно пойдем великое значение творимого нами настоящего».

Это указание окрылило Кучияка и он с новой силой взялся за работу над фольклором. Записывал уже не только по памяти сказки своего деда, но и других сказителей, которые еще здравствуют и являются живыми хранителями фольклора. Так Кучияк «открыл» талантливого сказителя Улагашева, которого в этом году, в числе 172 советских писателей, правительство наградило орденом «Знак Почета».

В дружной семье народов Советского Союза идет великий обмен культурными ценностями, каждый народ лучшие свои творения несет в общую сокровищницу культуры. Стали общим достоянием культуры великие произведения Пушкина, Горького, Толстого. Такие замечательные произведения, как «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, «Кобзарь» Шевченко, произведения Шолом-Алейхема, Низами, Навои стали неотъемлемой частью культуры всех народов СССР.

Еще совсем недавно никому не были известны, кроме нескольких специалистов, калмыцкий «Джангар» и киргизский «Манас». Теперь они так же, как народное творчество других народов, становятся достоянием всей нашей многонациональной социалистической родины.

В общую сокровищницу искусств принесли свои творения и алтайский народ, и инициатором и пионером этого был Павел Кучияк.

Новосибирское областное издательство выпустило две книги «Сказки Алтая» и «Алтайские сказки». В них – 29 ойротских сказок. Из них 26 сказок – в записях Павла Кучияк. Подготовлен к печати третий сборник. В 1940 году будет издан четвертый – сказки Улагашева, записью которых заняты сейчас Куранаков, Кучияк и др. В этот сборник войдет часть героической легенды «Алтай-Куучин», которая полностью поется обычно в течение семи ночей. Это алтайский «Манас».

III

О Павле Кучияк на его родине говорят: «Возьмет ружье – охотник, возьмет топшур – певец». Здесь нет преувеличения. Можно было бы добавить: положит грим – актер, возьмет перо – поэт.

Да, Кучияк не только собиратель фольклора. Он сам сказитель, поэт, актер и драматург. Дарование его богато и разносторонне. Он пишет стихи, рассказы, повести и пьесы и сам играет на сцене первого ойротского драматического театра.

Сказки Пламенного Сокола Кучияк записал по памяти, почти через четверть века после того, как слышал их. Это мог сделать человек, имеющий сам поэтическое дарование. Отдельные места сказок память не могла сохранить, и Кучияк восстанавливал их собственной фантазией, не искажая образов сказаний, не уменьшая поэтичности оригинала. Он выступал в данном случае уже не только как собиратель фольклора, но и как сказитель, кайчи.

В сказках, которые любовно записывал Кучияк, народ многое предугадал. Но в них, разумеется, нет сказаний о том, что давно уже стало прекрасной действительностью и что наполняет сейчас серд-

ца всех алтайцев и требует облечения в звучные строки. Павел Кучияк решил помочь сказителям создать такую сказку. И вот под его влиянием колхозник из поселка Айлу Даабы Юдаков взял топшур и начал складывать легенды о Ленине.

Он делал это так же, как все сказители. Бил по струнам топшура и напевал первые две строки глубоким грудным голосом, идущим будто бы из-под земли. Слова постепенно переходили в гуденье, в бессловесный припев. Припев длился минуту, иногда больше, пока не рождались следующие две строки. Юдаков и Кучияк помогали друг другу подбирать слова этих строк. Топшур переходил из рук в руки. И когда сказка была готова, Кучияк уже самостоятельно изложил ее в стихах.

Так родилась в 1934 году замечательная легенда «Зажглась золотая заря», которой открыт том «Творчества народов СССР», изданный к XX-летию Октябрьской социалистической революции.

«Зажглась золотая заря» – это легенда о Ленине и бедняке-алтайце Анчи. В ней рассказано о том, как «на Алтае подоблачном, в горной долине, жил был бедный охотник Анчи. Он имел одну лошаденку, да одну коровенку, и одет он был в ветошь, в худое рванье». Бай, зайсан и шаман забрали у Анчи лошадь, последнюю корову. От голода умерли дети. Анчи пошел по Алтаю, чтобы узнать, «есть ли сила такая на свете на белом, чтоб зайсан перед нею стоял онемелый, не найдется ли мудрость такая – и в ком – чтобы хан оказался перед ней дураком?»

Шесть раз Анчи обошел весь Алтай.
И увидел Анчи: богатырь перед ним
Средь бескрайних просторов, народом обильных,
Землю всю сотрясающий словом одним.
Видом – добрый из добрых и сильный из сильных!
И этот богатырь спросил маленького Анчи:
Ты откуда явился сюда, человек,
Дни и ночи свои проводящий в печали?

Анчи ответил, что он бедняк, что ему нечем покрыть свои голые плечи, и что желудок его пуст, потому что бай, зайсаны и камы – «словно черные вороны, все расклевали».

И богатырь «с огненным ликом» сказал бедняку:
Знай, Анчи: от моих громоносных ударов
Ныне пала навеки зайсанская власть.
Обеззублена у богачей – у байларов
Их ненасытная пасть.
Ваше все то, что было доселе зайсаново.
Бедняки, стройте жизнь свою заново,
Дружной братской семьей общий подвиг творя!

Кто этот богатырь с огненным ликом? Народ, окружающий богатыря, рассказал Анчи, что это – сын народа и «его имя великое – Ленин!» И тогда на бедняка-алтайца «полилися живые, двойные лучи».

И почувствовал он: жизнь к нему возвращается.
И он сам, от двух солнц, теплоту их беря,
Наливается силою и превращается
В молодого ойротского богатыря.

Анчи – образ Алтая, олицетворение судьбы всего народа. Над Алтаем зажег золотую зарю Ленин, зарю Октябрьской социалистической революции, и Анчи-Алтай превратился в могущественного богатыря. И Алтай поет песню про Ленина, которой закончили свою легенду Юдаков и Кучияк:

Ленин!
Из поколений
Перейдет в поколенья
Мудрость слов твоих,
Ленин!
Вечно будет народ наш
Прославлять тебя в песнях.
Все прекрасные птицы Алтая
И алтайские сочные травы.

И могучие наши леса,
И алтайские бурные реки
Будут петь о тебе эту песню.
Полюбив твое имя навеки,
Ленин!

«Зажглась золотая заря» – замечательная поэма, критика, называла ее шедевром. Написанная в духе традиционной эпической героики Алтая, она блещет изумительной яркостью красок, смелостью сравнений и гипербол, меткостью и своеобразием образов. Фантастическая по форме, она глубоко реалистична по своему существу. В сказочных событиях и образах она передает весь смысл ленинско-сталинской национальной политики.

Ленин в этой поэме награжден лучшими чертами самых любимых, самых могучих, самых благородных героев алтайского эпоса. Легенда о Ленине как бы замыкает огромный цикл героических сказаний, воплотивших вековые мечты народа о новой, свободной жизни и новую страницу истории алтайского народа.

IV

Золотую зарю Великой Октябрьской социалистической революции алтайский народ встретил нищим, забитым и темным. Большинство народа питалось кореньями кандыка, сараны и дикого пиона. Жилищами ему служили шалаши из древесной коры. Пять человек из ста не были в состоянии иметь даже такие айлы, и они копали ямы, устилали их травой и укладывали в них своих детей. Одевались бедно. Рубах не снимали, пока они изношенные в клочья сами не сваливались с плеч.

До революции в Ойротии и невозможна была сколько-либо лучшая жизнь. На плодородных землях Алтая жирными пауками сидели монастыри. Баи и зайсаны, русские кулцы и кулаки захватили лучшие угодья и пастбища. Алтайская беднота ютилась в горных ущельях, на «камне», и билась в лапах жестокой эксплуатации, произвола, патриархально-феодалного угнетения.

Алтайский народ был окутан густой паутиной суеверий и родовых предрассудков. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодалный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве» (И. Сталин. «Национально-колониальный вопрос», стр. 61).

Особенно тяжела была жизнь алтайской женщины. Она была рабой бая, зайсана, мужа, брата мужа. Она не могла зайти на мужскую половину айла, всю жизнь не имела права снять с себя чегедек. Ее продавали как вещь, ею распоряжались как собственностью.

Первое свое самостоятельное произведение Кучияк посвятил алтайской женщине. В поэме «Арбачи»⁷⁸ он нарисовал тяжелый жизненный путь алтайки, дочери бедняка.

Баю Дябы нужны были бесплатные рабочие руки. Он взял девушку Арбачи замуж за своего шестилетнего сына («Отец Арбачи был у бая в долгу»).

Беднякам ли забитым тягаться с баем!
На его стороне и мошна золотая.
И шаман, и продажный зайсанский суд.

Полтора десятка лет Арбачи проработала на бая. Полтора десятка лет тяжелой горькой жизни:

На работе тяжелой растрочены силы,
Юность, радость, веселость сгорели дотла.

А когда вырос байский сын и бай мог женить его на другой молодой девушке, он выбросил Арбачи из своего айла, словно обглоданную кость. Она пошла с жалобой к зайсану. Зайсан пригрозил ей за дерзость плетью. Она пошла к родителям, но отец сказал ей:

Дерево там сгнивает,
Где выросло.
Девушка там умирает,
Куда выдана.

Алтайская женщина – любимый герой произведений Павла Кучияк. Он показал её и в гражданской войне, и в борьбе за колхозы, и в борьбе за новый быт. Но жизнь алтайской женщины в старом Алтае произвела в свое время на поэта настолько сильное впечатление, что он возвращается к ней в своих

78. С алтайского перевел В. Непомнящих.

произведениях вновь и вновь. Последнее его стихотворение – «Смерть Янар», стихотворение о бедной девушке-пастушке, доведенной преследованием бая до самоубийства:

– Нет, ни за что я не дамся им!
 Лови меня, озеро Тюргун-Су!
 И воды, мгновенный прыжок отразив,
 Пред ней распахнули пучину свою.

Судьба Янар была судьбой многих женщин-алтаек. Недаром и сейчас еще в памяти народа живут легенды о самоубийствах. Река Катунь в легенде – это женщина, бросившаяся со скалы, чтобы избежать преследований Бия. Хан Бий однако не оставил ее в покое и после смерти. Превратившись сам в реку, он догнал свою жертву за гранью гор.

Самоубийство – не выход. Нужно бороться. Арбачи Павла Кучияк не заплакала от горя, не бросилась со скалы:

С камнем горькой обиды на сердце,
 С жаром ненависти в душе –
 По долинам с сухими глазами
 Шла суровая Арбачи.

С винтовкой в руках она выступила вместе со всем народом против баев и зайсанов за новую, свободную, счастливую жизнь.

Свободная жизнь! Сквозь все угнетения, через все годы беспросветно тяжелой жизни алтайский народ пронес свою мечту о свободной жизни. Мечта эта, как мы уже указывали выше, была воплощена в героическом эпосе народа. И чаяния народа не обманули его. Алтайский народ с помощью русских трудящихся масс освободился от своих поработителей и угнетателей. Произошло это, однако, не мгновенно и стоило больших усилий, длительной борьбы и многих жертв.

В первые же месяцы, как докатилась до Алтая спасительная волна Великого Октября, баи и зайсаны «снова хотели скрутить руки народа». Они создали Кара-Корум, контрреволюционное буржуазно-националистическое правительство.

Черные дела каракорумцев и колчаковцев на Алтае Кучияк заклеил в своих поэмах («Арбачи», особенно «Аркыт») с большой силой гнева и страсти:

Словно черные ветры чумные, угрюмо
 Камы выли без умолку ночью и днем.
 Волки жадные вышли из Кара-Корума,
 На Аркыт собралось Колчака воронье.
 («Аркыт»)⁷⁹

В 1918 году им удалось свергнуть Советы. Началась жестокая расправа с каждым, кто хотел распрямить спину, кто выступил за новую свободную жизнь:

Тварь ползучая, от роду не была злее,
 Как в те дни, о которых не помнить бы рад.
 На тропинках шипели и ползали змеи,
 Вынося на высоты накопленный яд.
 («Аркыт»).

Расправа была настолько мстительной и бесчеловечной, что алтайский народ никогда этого не забудет, никогда не простит:

Волков одичавшая стая!
 Сколько замученных, сколько убитых,
 Сколько грабленных вами!.. Навеки
 Вас проклянут эти горы и реки,
 И травы, и люди Алтая!
 («Арбачи»).

79. Поэму «Аркыт» перевел с алтайского Н. Алексеев, она печатается в этом номере «Сиб. огней».

Против колчаковщины, против каракорумцев поднялась грозная волна партизанского движения. На помощь алтайскому народу приходят русские товарищи. Плотник Кареев (пьеса «Чейнеш») организуется в горах партизанский отряд. В долине Аркыта (Аргута) храбро бьются красноармейские полки. В поэме «Аркыт» есть такое обещание поэта: «Мы о героях сложим песни». Алтайский народ сложил эти песни. Песней о победах звучат и некоторые лучшие строфы поэмы Кучияка «Аркыт»:

На высотах Алтая победно горит
Знамя алое – Ленина знамя.
Словно солнце второе, с вершины горы
Все залило косыми лучами.
Средь долин, на горах потеплело вдвойне,
Посветлело вдвойне на Алтае.
И так хочется петь о родной стороне,
О житье без постылого бая.

Но свое обещание Кучияк еще не выполнил. Гражданская война на Алтае еще не нашла своего художника, героика её не воспета, пафос ее не показан. В «Арбачи» Кучияк только упоминает о гражданской войне в чуть-чуть зарифмованных публицистических строчках. В другом произведении – в пьесе «Чейнеш» она проходит где-то за сценой, а в тексте о ней говорят только в порядке воспоминаний. Вот, например, диалог:

«Чейнеш. Мы вспоминали прошлое... Вспоминали все, все... Я в сотый раз рассказала ей, как мы шли с тобой три года назад к красным партизанам, питались ягодами, кореньями деревьев, любовались ночью звездами... Все... все... Как мы пришли к красным партизанам, как дрались с белобандитами, как встретились с Красной Армией... Ты, наверное, все это забыл...

Кара. Разве можно, Чейнеш, забыть самого себя? Сейчас только, сидя вот здесь, я пережил опять все это».

В Ойротии подросло новое поколение. Оно не участвовало в гражданской войне, оно не может сказать: «А помнишь, как мы дрались с белобандитами?» А оно должно знать о героических днях прошлого своего народа. Впереди предстоит еще много боев... Мы вправе ждать от алтайских писателей произведений и о героическом переходе отряда ЧОН через вершины Яломанских белков, и о многих других боях и походах, в которых сказались храбрость и мужество народа, воля к борьбе за новую жизнь и уверенность в победе.

V

Советская власть на Алтае была восстановлена вновь. И в дни, когда кое-где в горах рыскали еще белые банды, декретом ВЦИК была образована Ойротская автономная область.

С того времени прошло семнадцать лет. До неузнаваемости изменились за эти годы люди и долины Алтая. Появилась алтайская письменность, алтайский театр, густой сетью школ, библиотек и клубов покрылась область. Полупатриархальный Алтай с помощью русского народа, под руководством коммунистической партии строит социализм, минуя капиталистическую стадию развития.

Люди перешли на оседлость, создали колхозы, воздвигли новые села и города, через горные перевалы провели автомобильный тракт, через реки перебросили мосты, построили гидростанции, маслозаводы, автобазы.

Ойротская автономная область – это чудесное творение национальной политики Ленина – Сталина. Увидеть в художественной литературе результаты этой политики – естественное желание и потребность каждого советского человека.

За последние семь-восемь лет в Ойротии побывало много заветных литераторов. На книжном рынке появился ряд книг и статей об Алтае. Мы терпеливо перечитали их одну за другой и – увы! – не нашли в них ответа на наш вопрос. Больше того, в некоторых из этих книг звучит что-то уж слишком странное для уха советского человека, даже чудовищное – неприкрытая тоска по ушедшей жизни.

Да, оказывается есть такие литераторы, которым жаль уходящие в прошлое дымный аил, и таялгу – ободранную конскую шкуру, повешанную на жерди после жертвоприношения, и глиняную посуду, и шивую рубаху, и даже предрассудки и суеверия алтайцев.

Покойный художник-алтаец Н.И. Чевалков в своих мемуарах (к сожалению, нигде еще не опубликованных) познакомил нас «с плачем души» известного областника и каракорумца Анохина. Этот «защитник» алтайского народа с грустью смотрел, как возникали в Алтае новые поселки, колхозы, скотные дворы, маслозаводы и школы. И откровенно вздыхал:

– Чем вы замените юрту алтайцев, что так же бы гармонировало с величественно дикой природой? Чем иным можно украсить склоны алтайских гор, как не шкурами после камлания? Да и какой иной

жизнью можно заставить жить алтайца, когда он является истинным дополнением природы!.. Эх, Алтай девятиглавый, погиб ты со своей прелестью.

Именно эта анохинская тоска звучит в некоторых книгах об Алтае. Вот, например, литератор Стонов, проскакав в 1930 году галопом по Ойротии, пришел к «мудрому» заключению, что алтайцы «не вынесут» оседлой жизни и что их следует оставить по-прежнему в юрте у дымного очага:

«Если ребенка, родившегося, выросшего в обычном доме, – философствует наш незадачливый мыслитель, – перевести в аил, он, ребенок этот, обязательно простудится, захиреет. Детский организм не в состоянии будет перенести перемену жизни. То же бывает, когда, наоборот, жителя аила переводят в «благоустроенное помещение. В аиле он круглый год живет под открытым небом, питается исключительно молочными продуктами, его желудок не знает хлеба. Здесь он вынужден сидеть под крышей, греться не у пламенного очага, а у общей печи, есть хлеб, обедать, ужинать, завтракать в определенные часы».

О советском Алтае кроме Стонова писало еще около десятка литераторов. У нас нет ни охоты, ни желания разбирать здесь их откровения. Достаточно отметить, что одни из них в своих поспешных строчках ограничивались смакованием восточной экзотики, другие, вольно или невольно, вздыхали о «разрушаемой» человеком первозданной природе. Третьи, заметив где-нибудь в далеком ущелье осколок старой жизни, приходили от этого зрелища в умиление, в слюнявый восторг.

Но все они вместе перевирали историю Ойротии, бесцеремонно расправлялись с этнографией, путали географию области. Реки они заставляли течь в другом направлении, озера перемещали из одного места в другое, изменяли высоту гор, переименовывали города и села.

Исключением являются, пожалуй, только произведения А. Коптелова. Этот писатель вообще много сделал для познания Ойротии. Недаром его роман «Великое кочевье», единственный из многих книг, написанных об Алтае, переведен на алтайский язык и издается ойротским издательством. На каждой странице этого произведения чувствуешь, что автор хорошо знает Алтай, быт народа, совершающего свое великое кочевье от полупатриархального быта в социализм. Но даже в этом произведении сказывается, что оно написано «со стороны».

Впервые мы почувствовали подлинный Алтай в произведениях Павла Кучияк. Он показал его нам не со стороны. В рассказах, в пьесах и стихах Кучияк – Алтай, который видит, слышит, чувствует сам алтаец.

В творчестве Кучияк пульсирует живая действительность Алтая, являющаяся для алтайского народа совершенно органичной. В стихах и прозе Кучияк (в прозе, нам кажется, он сильнее чем в стихах, хотя, возможно, его стихи не нашли еще своего переводчика) мы видим полный колорит той области, в которой он родился, живет и работает. В рассказах его мы слышим настоящую алтайскую речь, видим подлинные жесты алтайцев, чувствуем их темперамент. Почти на каждой странице мы узнаем ту или иную черту быта, обычаев, навыков и национальных особенностей алтайцев.

Фигурально выражаясь, можно сказать, что Кучияк пишет об Ойротии и алтайцах для алтайцев. Поэтому его произведения тем ценнее для читателей других национальностей своей подлинностью, тем ярче своим национальным колоритом, тем интересней познавательными сведениями, которые читатель узнает не в порядке «принудительного ассортимента» к сюжету, а «совершенно незаметно», как неотъемлемую часть повествования.

Новосибгиз выпускает на русском языке сборник произведений Павла Кучияк. В него входят три рассказа, повесть и одна пьеса. Каждое из этих произведений совершенно самостоятельное и законченное. В каждом из них свои герои. Но в то же время по внутреннему содержанию своему они звучат как единый, многоглавый роман, как единая художественная летопись Ойротии за последние, примерно, четверть века. Правда, летопись далеко еще не полная, в ней недостает очень многих глав. И не все главы из написанных равноценны по своему качеству.

В поэмах «Арбачи», «Смерть Янар», в пьесе «Чейнеш» писатель показывает досоветские времена Ойротии. И прошлое ее встает перед читателем не в лживом ореоле Ойрот-хана, не как мифическое родовое «единство» алтайского народа, каким его пытались и пытаются изобразить буржуазные националисты, а как трагические дни порабощений трудового народа и алтайскими баями, и зайсанами, и русскими кулаками, и царскими чиновниками.

В пьесе «Чейнеш» Кучияк «посветил в лицо» каракорумцам, в очень неприглядное лицо. Кара-Корум на деле – это не «общенациональное единство» всех, и бедняков и баев, каким пытались изобразить его буржуазные националисты, а все те же «старые добрые порядки»: союз и единение баев, камов, и зайсанов, и русских купцов, и белогвардейцев против трудового народа; обман, насилие, эксплуатация и кабала.

Кучияк показывает в своей пьесе, как народ в первые же дни понял истинную природу Кара-Корума. Правда, в первом действии пьесы бедняк Садон не в своих силах («руки у меня очень короткие») и покорно говорит: «Воля неба послать дождь и снег, воля зайсана судить и карать бедных людей». Но вскоре же, в ходе дальнейшего развития событий, бедняки Садоны почувствовали, что руки у них сильны и воля тверда. С помощью русского народа, под руководством большевиков, они разгромили колчаковско-каракорумские банды.

Жалкие остатки каракорумцев бродят еще и сейчас по урочищам Алтая. Маскируясь, двурушничая, извиваясь, они пролазят в колхозы, в руководящие органы и пытаются повсюду сеять яд отравы, совершают акты разрушения. Их подлую деятельность Кучияк показывает в рассказе «Ямы». Рассказ срывает маски с проповедников мифического Ойрот-хана, с защитников старинных обычаев, т. е. отсталости, темноты и грязи. Рассказ призывает к бдительности.

Лучшее, наиболее зрелое произведение Кучияка – «Аза-Ялан». Это повесть о возникновении колхоза, о жестокой классовой борьбе, которая развернулась в долине Аза-Ялан, о возникновении и росте социалистических форм хозяйства в Ойроти, о расцвете социалистической личности, о самоочищении человека в ходе социалистического строительства от всей скверны, которую он принес как наследие из старых времен.

Рост и формирование нового человека писатель показывает и в своих рассказах «Тойчи» и «Железный конь».

Язык, которым написаны произведения Кучияка, прост и ярок. Слова, образы, сравнения он черпает из народной речи и из народного творчества, к которому он принадлежит всегда, как к материнской груди. Язык его персонажей изобилует фольклорными элементами и народными речениями, пословицами, поговорками:

– Лучше иметь маленькую кучу зерна, чем большой ворох соломы, – говорит герой повести «Аза-Ялан». – Из маленькой кучки целая гора зерна вырастет, к восьми членам товарищества тысячи других присоединятся.

– Верно, – поддержал старик Челапан. – В связке дров тепла больше, у народа, собравшегося вместе, силы больше.

В другом месте эта же мысль выражена такой прекрасной поговоркой:

– Сила – с силой, лыжа – с лыжей.

Алтайские пословицы и поговорки щедро рассыпаны на всех страницах рассказов Кучияка:

– Сегодняшняя печенка слаще завтрашнего сала.

– Шею зверя режет пуля, шею человека – бедность.

Все эти народные речения органически входят в ткань повествования, делая его более образным, доходчивым. Ведь известно, что пословицы или поговорки являются выражением жизненных наблюдений широких народных масс. И они часто одной короткой образной фразой заменяют целые страницы изъяснений. Образная народная речь, переносимая в произведение, придает ему особую красочность, блеск, остроумие. Вот небольшой диалог из второй картины пьесы «Чейнеш»:

«Песков (взглянув назад на Куреева). Все время слышу чужой запах. Оказывается, это Андрей здесь...»

Куреев. Вы правы. Хотя мне пришлось жить в вашем доме батраком, но родней своей я вас не считаю.

Песков. Зачем ты пришел сюда? Тебя никто здесь не считает за родню.

Куреев. Как сказать, господин купец...

Содон (Курееву). Не сердись, Андрей, вылей араки.

Куреев. С тобой, Содон, мы еще выльем, а вот с этими господами я никогда не пил и пить не буду!

Барогош. О, злой человек! Пустить бы через твою кровать медведя, – сразу бы поумнел!

Козуйт. Худая собака всегда лает.

Куреев (насмешливо). Для волка лающая собака – всегда худая».

Народными речениями автор пользуется настолько свободно, часто и к месту, что можно со всей уверенностью сказать, что он заимствует их не из записной книжки, а они являются органичными его собственной речи.

Часто и так же умело Кучияк использует в своих произведениях народные сказки.

Колхозный пастух Темир Амыров доведен врагами до отчаяния:

«Темир вдруг почувствовал, будто кто-то сильной рукой крепко сжал ему горло. Он готов был с разбегу удариться головой о скалу или броситься с утеса в реку...»

Высоко над лесом купался в густом воздухе бекас – небесный барашек. Растопырив крылья, он стремительно падал вниз и перо его долго звенело. Казалось, что где-то в лесу блеял заблудившийся козленок. Темиру вдруг припомнилась сказка про небесного барашка. Каждую весну эта птичка сносила по четыре яйца, из которых высиживала четырех птенцов. Целые дни она хлопотала около них, без усталости носила им корм. Птенцы быстро росли, а потом, во время короткой отлучки матери, бесследно исчезли. Долго не знала птичка-мать, кто похищает ее птенцов. Но однажды ей удалось заметить змею, которая ползла из теплого птичьего гнезда.

– Опять я лишилась любимых деток... – Маленькое сердце не могло вместить безысходного горя. Несчастливая мать взлетела высоко в небо, чтобы там горе свое выплакать. – У перепелки птенцов – в пастушью шапку не сложить, у коростеля – в мешок не собрать. А у меня, бедной, больше четырех

птенцов никогда не бывало, да и те – змее на обед. С горя на камень упаду – разобьюсь, о ледяную вершину ударюсь – умру. Кр-р-р-у-у!.. Кр-к-к-у-у!.. Маленькая птичка бросилась вниз, но над самыми скалами вдруг задержалась, расправила крылышки.

– Жить хочу! Жить хочу! – вскрикнула она и опять взлетела высоко в небо.

– Жить хочу! Жить хочу! – прошептали губы Темира – советская власть поможет мне найти правду...»

Сказка эта, припомнившаяся пастуху Темиру, прекрасно показывает душевное состояние Темира, когда он одинокий, затравленный лежал на камне около горной реки под звездным небом.

Приведенная к месту, народная сказка заменяет иногда целые главы повествования. Вот одна из таких сказок, которую излагает Кучияк в повести «Аза-Ялан». Председатель колхоза «Первый путь» Керек-Йок долго не хотел ехать на курсы. «Как я оставлю колхоз, – думал он, – не управятся без меня». Его едва уговорили. Через год он возвращается с курсов и видит с горы свой разросшийся цветущий колхоз.

«– Вот летучая мышь... – невольно вырывается у него восклицание.

– Где? – удивляется Зырянов.

– Сказка у нас такая есть. Надоел зверям царь медведь, решили они переизбрать его. Объявили всеобщее собрание. Все звери собрались, не являлась только летучая мышь. Послали за ней. Она в темном ущелье сидит, крылья-когти по скале распластала. «Почему на собрание не являешься?» – спросили ее. «Но могу я днем летать, – ответила летучая мышь, – я скалу держу, без меня она обвалится». Вот так же и я тогда: «Не могу ехать учиться, без меня колхоз развалится».

«Зырянову очень понравилась сказка» – заключает автор. Сказка эта несомненно понравится всем читателям. Это очень остроумная и поучительная сказка.

Кучияк часто использует в своих рассказах старинные сказания, переосмысляя их и проецируя в действительность советской Ойротии. Тот же Керек-Йок, любясь с горы своим колхозом, рассказывает спутнику: «Родился у одного богатыря сын. На второй день своей жизни он сказал «мама». Через шесть дней выговорил «отец», а через десять на ноги встал и пошел сражаться с врагами. И победил. Так вот и мы».

Произведения Кучияка отличаются свежестью и своеобразием образов, сравнений, метафор. У него зоркий глаз художника, острый слух любознательного человека.

В лесу чирикает маленькая синица. Это – к весне. Писатель прислушивается: «Диль-кель, диль-кель!» – чирикает синица. А по-алтайски это значит: «Весна, приди! Весна, приди!»

«Лицо у нее, как промытая дождем старая береста, белое», – пишет он про старуху Баланку.

Об электрофонарях в горном поселке, который увидел ночью путник с горы, Кучияк пишет: «Диргалу показалось, что темно-синее небо с яркими звездами спустилось к земле, а звезды как будто собрались в кучу».

Корчага расхваливает председателя колхоза (замаскировавшегося врага) за доброту и мягкосердечие. – «Погоди хвалить, – вдруг прикрикнул Темир. – Когда волк хочет жеребенка зарезать, он катается по земле, дурашливый, ласковый такой. Жеребенок подойдет посмотреть, а волк ему – зубы в горло».

Образы и сравнения Кучияк берет из повседневного быта народа, из природы, которая его окружает, из производственных процессов алтайцев:

«Сидели тихо, как сидят на горах в весенние ночи только охотники, поджидающие на тропах чутких косуль... Шопот их походил на шелест мягкой, как шелк, хвои лиственниц».

«Станешь делать все так, как я советую, комару не дам тебя укусить, шиповнику не дам тебя уколоть. – Я стараюсь: в моей работе недостаток может найти только тот, кто на яйце находит хребты и ущелья».

– «Пишу, как глухарь крыльями по снегу нацарапает.

– Это ничего, сначала – как глухарь крыльями, а потом – как кабарга копытами. Знаете, какой у ней след – прямой, тоненький».

Бедняк Содон вернулся домой после неудачной охоты. На вопрос жены – много ли настрелял, он ответил: «Вороне клюва не хватит запачкать».

Примеров можно было бы привести в десять раз больше (это всего лишь из четырех произведений). И мы не нашли бы в них ни одного образа, взятого из книги, ни одного стертого штампованного сравнения. Все они взяты из жизни, из опыта народа, из живой его речи. Если бы читатель не имел перед собой рассказов Кучияка, а прочел бы только выписки из них народных речений, пословиц, сказок, сравнений, песен, он легко мог бы определить быт народа, которому рассказы посвящены, строй его речи, род занятий, природу, в окружении которой живут герои произведений.

VI

Кучияк прекрасно знает жизнь, быт своего народа. Он написал цикл произведений, который мы назвали художественной летописью Ойротии. Но надо прямо сказать, что летопись эта и далеко не

полная, и недостаточно еще глубока.

Дело тут не в том, что он не написал о том или ином этапе советской Ойротии, о том или ином явлении в ее жизни. Кучияк не историк, не этнограф, и не его обязанность писать историческую хронику. Но как писатель он обязан показать всю глубину происходящих изменений в жизни алтайцев. Вот этой художественной глубины и нет пока в произведениях Кучияка.

Кучияк сообщает читателю много интересных сведений, характерных деталей, бытовых черт. Он делает это, как мы уже отмечали, умело, с большим знанием ойротской действительности. Все это очень важно, все это придает его произведениям большую ценность. Но от художника мы вправе требовать большего. Он должен изображать не внешние явления жизни, а показывать их изнутри во всем разнообразии, в движении, в динамике.

В Ойротии происходит ломка вековых устоев, старинных традиций, предрассудков и суеверий. Процесс этот сложный, подчас болезненный. В изображении же Кучияка все это происходит очень просто. Вот только один пример. В повести «Аза-Ялан» есть такие строчки: «Эзе первая из всех алтаек Йолду и Марчале сняла унижающий достоинство женщины чегедек, была первой, кто решился мыться в построенной бане... Около сорока лет не умывавшаяся Эзе вышла из бани неузнаваемая. Тарпаган (муж) надеялся, что она хоть за ушами и под подбородком оставит грязь. По старинному алтайскому поверью в этой грязи кроется счастье человека и смывать его нельзя, но Эзе смыла и это «счастье».

И все. Разумеется, в жизни это было не так, а значительно сложнее. Но может быть поступок Эзе подготовлен предыдущим повествованием? Да, Эзе в изображении Кучияка – передовая алтайка. Но как она стала передовой, почему и как она так легко переступает старинные обычаи, порывает с поверьями, писатель не показывает, не раскрывает.

В рассказах Кучияка нет резко очерченных типов, глубоко нарисованных характеров. Это вторая его слабость и для художника слабость немалая.

Перед нами мелькают имена пастуха Темира Амырова, предколхоза Керек-Йока, девушки Чейнеш, ба трака, а потом командира конных разведчиков Кара, старика Чалпана и многих других. Автор сообщает много интересного о их работе, знакомит с их биографиями. Но разумеется, всего этого недостаточно, чтобы перед читателем встали живые люди. Мы не видим их индивидуальных особенностей, их психологии. Автор ограничивается только пунктирной наметкой образа, а не дает его во всем полнокровии.

А. М. Горький мечтал о расширении поля зрения советской литературы. «Старая наша литература – писал он в 1930 году, – была по преимуществу литературой Московской области. Почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других соседних с Московской губерний. Жанр и пейзаж – быт и природа – в которых литераторы воспитывались, довольно однообразны. Решающие впечатления детства были ограничены действительностью Московской области, и эта узость поля наблюдений определенно отразилась впоследствии на творчестве классиков... Урал, Сибирь, Волга и другие области остались вне поля зрения старой литературы».

В своей литературной деятельности практического работника и организатора литературы Алексей Максимович добивался расширения «поля наблюдения» литературы, охвата ею всей действительности нашей огромной и многонациональной страны. «Я не навязываю художественной литературе, – писал он, – задач «краеведения», этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, она – история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, этот вопрос может быть поставлен».

Мечты А. М. Горького осуществились. Советская литература охватила всю страну. Русские писатели берут «в поле своих наблюдений» и центральные области РСФСР, и ее окраины, и национальные республики, и далекие автономные области. Кроме того, общий фонд советской литературы обогатился произведениями писателей, выросших в национальных республиках и областях. Достижения литературы каждого народа превратились в достижения всей страны, всего Союза.

Произведения Павла Кучияка открыли перед читателем жизнь целого народа. Он показал ему «жанр и пейзаж, быт и природу» Ойротии. На его произведениях лежит яркий колорит Алтая. Но этого мало. Мы вправе ждать от писателя следующего шага – выйти за пределы бытовизма, вывести свое творчество за пределы только интересных эпизодов и своеобразия местного колорита.

VII

В первом сборнике произведений Павла Кучияка на русском языке, кроме прозы, печатаются его стихи. Это – «Зажглась золотая заря», «Арбачи», «Смерть Янар», «Аркыт», с которыми мы уже познакомили читателя, и цикл его последних стихотворений, который можно было бы озаглавить двумя словами: человек и природа.

Кучияк пишет стихи около десяти лет. Первым толчком к поэтическому творчеству его были но-

вые народные песни.

Раньше было распространено мнение, что песен в Ойротии нет. «Не любят песню алтайцы». Это, разумеется, глубоко неверно. Алтайцы любят песню, умеют ее петь и умеют ее складывать. Они – замечательные импровизаторы. И как только начала расцветать в Ойротии новая жизнь, стали бурно рождаться новые песни. Народ откликался песнями на все события нашей яркой жизни. Он стал петь о счастливой новой жизни, о социалистической родине, о дружбе народов, о любви к нашей славной, родной партии и мудрым вождям Ленину и Сталину. Родились песни о колхозах, о советах, о Красной Армии, пограничниках, комсомоле, о радости социалистического труда.

Восхищенный сказочным преображением своего края, его хозяйственным и культурным ростом, Кучияк взялся за перо, чтобы по примеру народных песен воспеть в стихах то, что наполняло его сердце и просилось в песню.

Кучияку нелегко было начинать свой литературный путь. Перед ним не было литературных образцов. В истории алтайского народа он был первым литератором.

Еще совсем недавно не было даже литературного ойротского языка, не было грамматики, не было письменности. Алтайский народ был почти поголовно неграмотным. Об этом, между прочим, бытует в народе чрезвычайно остроумная легенда. В ней рассказывается о том, что на Алтае была некогда одна книга, которую народ очень любил и бережно охранял. Но однажды обладатели этой книги переезжали через реку. Вода в тот год была высокая. И когда всадники были на другом берегу, они увидели, что книга промокла. Они положили ее посушить, а сами легли и заснули. В это время подошла корова и съела книгу.

В Ойротки не было письменной литературы и народ заменял ее устным творчеством. На алтайском языке никогда и никто не писал стихов, но были народные песни. Кучияк начал учиться на этих песнях так же, как, сочиняя свои легенды, он учился на старинных образцах героического эпоса.

Учеба на первых порах была некритической. В первых его стихах не было ничего своего, индивидуального. Единственным композиционным приемом Кучияка было контрастное сопоставление новой жизни со старой. Он злоупотреблял одними и теми же образами и эпитетами, заимствованными из фольклора. Параллели и повторы, на которых почти целиком строится народная песня, Кучияк полностью перенес в свои стихи.

Все это было в какой-то мере издержками роста, неизбежным этапом учебы. Сейчас этот период пройден, поэт нашел свой голос, свои образы.

Тема Павла Кучияка, которая проходит через все его последние стихи, – это человек и природа. Основное настроение его поэзии, его поэтическое чувство – чувство хозяина Алтая, преобразователя и украшателя его. Наиболее ярко этот лейтмотив его поэзии выражен в стихотворении «Алтай»⁸⁰.

Пролетает песня над тобой,
Нет ни слез, ни жалоб в песне той.
Тот пастух, что был нуждой томим,
Нынче стал хозяином твоим.
Для него ты широко раскрыл
Все, что прежде в недрах гор таил:
Золотые по ручьям пески,
По откосам черных руд куски.
Видишь, чувствуешь, что ты любим
Молодым хозяином своим.
И недаром красоту твою
В песнях, сказках славят и поют.
Вот и я, бродя из края в край,
В честь твою пропел, родной Алтай!

Природа Алтая – исключительно красива, девственна и величественна. Горы Алтая древни и богаты, озера многоводны, реки стремительны, водопады шумны, алтайские луга – безграничны. В складках гор и увалах – непроходимые заросли ягод. Весной по долинам и ущельям гор ветер разносит тонкими струйками пьянящий аромат черемухи и кремового шиповника.

Природа Алтая давала великолепные краски поэтическому воображению народа и он чудесно воспел ее в своих легендах. Но в жизни алтайцы не только не были хозяевами природы, они боялись ее, жили в постоянном страхе перед нею.

На перевалах через горные хребты алтайцы клали пирамидой камни или привязывали ленточки к деревьям – подарок горному духу, который, если его не задобрить, может не разрешить спуститься

80. С алтайского перевел И. Мухачев.

вниз, столкнет коня с обрыва или сбросит сверху камень.

Самую высокую гору Алтая – Белуху – они овеяли грозными легендами, и ни один алтаец не только не смел взойти на нее, но даже приблизиться к ней.

На Алтае вечно живая и кристаллически чистая вода. Но алтайцы боялись умываться ею, считая, что она навсегда унесет счастье. Ягоды оставляли гнить на корню, цветы не собирали.

Алтаец не мог наслаждаться красотой своей горной природы. Она была для него непонятна и грозна.

Самая мощная и красивая река Ойротии – Катунь. Кучияк нашел замечательные краски в обрисовке этой реки:

Если с берега на тебя погляжу –
Ты походишь на белое пламя.
Размываешь ты синий песок,
Лижешь синие камни.
Как стрела ты быстра. На порогах
Точно темная лава кипишь.
Разбиваясь, тяжелые волны
Сеют серебряный блеск.
Но еще совсем недавно красоту реки не замечали:
Перед грозной силой твоей
Веками в страхе дрожал народ.
(«Катунь»)⁸¹

Пейзаж кажется печальным всегда, когда печален человек. В стихотворении Кучияка «Смерть Янар» девушка-пастушка, доведенная баем до самоубийства, поет в своей предсмертной песне:

Бесхитростно-нежных цветов поля,
Цветов прозрачных, словно стекло,
Всегда молчаливая скала,
Поросший березами горный склон –
Все так же печальны, как я, как я...⁸²
И мог ли алтаец наслаждаться природой Алтая, когда
Жалобы и стоны тут и там
Эхо разносило по горам.
(«Алтай»).

Сейчас в Ойротии, как и во всей стране, родилось иное, новое отношение к природе. Алтаец впервые по-настоящему увидел красоту своей горной природы («Весна»).

По перевалам и ущельям гор проложен величественный Чуйский тракт, и по нему смело ведут машины шофера-алтайцы. Об этом поют уже песню:

Я сегодня встретил на дороге
Быстрого, как молния, коня:
Голубой, бесхвостый, круглоногий,
А в глазах больших – снопы огня.
Он летел-гудел! И вот большая
Радость пенится в моей груди:
Это счастье новое Алтая,
Время новое – летит-гудит!

Через быстрые реки человек перебросил мосты, на порогах воздвиг плотины и построил гидростанции. Он разведаль недра гор и открыл там веками таившиеся богатства. Человек побывал на грозных вершинах Белухи, создал лагеря альпинистов у подножья Чуйских альп. Он проводит орошение Курайской степи и выращивает новые культуры хлебов и трав в Чуйской пустыне.

На Кучияка, который совсем еще недавно сам трепетал перед горным духом и грозной Катунью, все это произвело сильное впечатление. И он по-иному увидел природу, по-иному почувствовал ее. Новое отношение к природе стало основой его поэзии.

Грозная Катунь, перед неукротимой силой которой «веками в страхе дрожал народ», в восприятии

81. Перевод И. Мухачева.

82. Перевод Н. Голштейна.

Кучияка присмирела, «с большевиками дружбу ведет»:

Над твоей волнистой спиной
 Длинный мост не смолкая гремит.
 Ты ж звенишь тяжелой волной:
 Много силы есть у меня,
 Все отдам я их человеку.

Чемал, стремительный, пенистый, тысячелетия летел по ущельям «ревя и ворочая камни». Но вот пришли на его берега советские люди и укротили его:

Рукой большевистской, могучей
 Тебя обратали, Чемал!
 Ты нашим работником лучшим,
 Ты нашим помощником стал.

Сколько поэтов писали о природе! И сколько их, начиная от Тютчева, воспевали природу как воплощение абсолютной и вечной красоты, в отличие от «временных» ценностей, создаваемых человеком.

Победы социализма развивают у людей иное, новое ощущение природы. Природа для советского человека не является каким-то грозным божеством и владыкой, а становится ареной для приложения труда, фантазии, творчества.

Находятся, правда, еще и сейчас такие поэты, которым жаль нарушаемой человеком эстетики «нетронутого бытия», стихийной мощи девственной природы. Кучияк не принадлежит к их числу. У него совсем иное ощущение природы. Наиболее ярко это, пожалуй, сказалось в его стихотворении «На сенокосе»:

На тучных лугах налитые травы
 Цветами пылают в июльскую синь.
 Как много цветов в этих травах могучих.
 Кивают, смеются, горят, как огни!

Колхозная бригада косарей срезает и траву, и цветы. Но они не жалуются:

И кажется шепчут: — «Чем осенью стынуть
 От рос ледяных и погибнуть в снегах,
 Не лучше ли сеном душистым и сладким
 Лежать нам в колхозных стогах».

В стихах Кучияка есть еще много недостатков. Темы их не совсем конкретны, материал иногда подавляет образ, в некоторых стихах чувствуется растянутость, не всегда удачны и изобразительные средства, которыми он пользуется. Но Кучияк уже сделал большой шаг в сравнении с тем, как он писал три-четыре года тому назад. Он приобрел свой поэтический голос, нашел свою тему. Он открыл первую страницу алтайской поэзии, так же, как он открыл первую страницу алтайской прозы и драматургии.

Николай Улагашев

СТАЛИН

(Печатается по: Красная Ойротия. – 1939. – № 140)

Сегодня праздник у нас, дорогие сыны,
 Ликует ныне когда-то страдавший народ.
 И как радость добыта для нашей страны –
 Об этом вам на топшуре сегодня поет
 Счастливый старец, сказитель-ойрот:
 - Больше, чем шестьдесят долгих лет
 Я в груди своей песни народа копил
 И сегодня опять я их все перерыл,
 Но о счастье среди них песен нет...
 Было время, народную кровь палачи –

Зайсаны, баи и камы сосали,
 Много песен унылых певцы и кайчи
 О безрадостной жизни слагали.
 Но суровая власть кровопийц-палачей
 Испарилась с земли, как бессильный ручей, -
 Словно вихрь, угнетенный поднялся народ,
 С корнем вырвал и смел он зайсанов, господ.
 На вершине всех дел Ленин встал - наш отец,
 Его сердце горело к народам, как пламя,
 Зажигая миллионы народных сердец.
 Он позвал их под красное знамя.
 С его гением мы учредили тогда
 Власть Советов на веки-веков.
 Как весна, расцвела наша жизнь, навсегда
 Разорвав вековую обузу оков.
 И когда сердце Ленина - яркое пламя, -
 О, как жаль! - угасло навек,
 Из рук ленинских Ленина знамя
 Принял самый большой человек.
 Принял Сталин и держит в руках он умелых,
 Тот, кто клялся над гробом вождя и отца:
 Его дело - великое партии дело,
 Как Ильич завещал, довести до конца...
 И о Сталине песни слагают в народе,
 Он принес нам счастливую, новую жизнь,
 Наших рек полноводье и полей плодородье,
 И победно ведет в коммунизм!
 Будь то русский, казах иль алтаец -
 Всем дано право равное жить,
 Дело Ленина вождь наш родной продолжает,
 Народов дружба звездой горит.
 Коммунизм!.. Его дружные, славные восходы
 Над одною Советской страной взошли,
 И на Сталина смотрят сегодня народы,
 Как на могучее солнце - светило земли.
 И лучами его по-отцовски согретые,
 Ликуя всюду, о нем все народы поют,
 И в день его шестидесятилетия
 Потоком бурным приветы сердечные шлют.
 Я - старый сказитель, сказитель-ойрот,
 От чистого сердца вождю шлю привет,
 Как весь наш могучий советский народ,
 Я славу пою светлых сталинских лет.
 Пусть Сталин живет еще долгие годы,
 Пусть солнцем без устали светит он нам,
 Как символ побед и как знамя свободы -
 На радость народам, на страх всем врагам!

Николай Улагашев

БАКОЛ БАЛЕЗИЧ

(Алтай чӧрчӧк)

(Кепке базылган айыынча: Улагашев Н. Бакол Балезич. - Ойрот-Тура, 1939. - 17 с.)

Чоокыр торко кебистий чечектӱ, шуур таштый жарык суулу, коо агашту жаан аралда, ботпыштый кичинек турачакта - Бакол Балезич деп, алты такаалу јокту кижии јуртап јатты. Улустарга сапог кӧк-тӧл, курсагына ла јук арайдан једип турган кижии болгон. Мал-аш, бала-барказы јок, сок јангыскан јатты. Бакол Балезич сок јангыс бойы јадып, кунугып, кӧп санаа сананып туратан кижии болгон.

Онын эки кӧзи керсӱ, чырайы эрӱ, кижиге киленкей болды. Бир кӱн Бакол Балезич иштенип отур-

за, онын айлына бир тұлку айылдап келди. Ол чыйрак кыймыгыла јер өдө бергедий болды, онын эки көзи оттый, кижн өткүре көрүп ийгедий болды. Ол тұлкү Бакол Балезичке куучындап јат:

– Бакол Балезич, сен де јокту, мен де јокту, мен курсакка јетпей јадым. Олор јер јок, бай улуста бар болзо, менин ого болчок карам једип јат, бойым јетпей јадым. Сен меге бир такаа бер – деди. Бакол Балезич бир такаа берди. Ол тұлкү такаазын апарала, јип алала, эртенгизинде база катап келди. Бакол Балезичтен база ла бир такаа сурап алды. Онойып келип туруп, алты такаазын ончозын таажыл јиди. Эмди база ла катап келди, келеле куучындап јат.

– Је, Бакол Балезич, слер мени алты такаагарла – ончозыла азырадыгар. Слерге менин, байла, бир болужым једер. Эмди дезе, слер менин төрт таманымга өдүк көктөп беригер. Бакол Балезич удатпады, тұлкүнин төрт таманына өдүк көктөп берди. Тұлкү өдүкти кийип алала, јемзенип салып јүрерде, база бир тұлкү туштады. Ол тұлкү сурап јат:

– Сен, тұлкү, өдүкти ненин учун кийген? Сеге мындый јан кайдан табылды?

Одүктү тұлку айдат:

– Төртөн јети градус соок болор, былар, ол соокко кижн чыдап болбос, эмди јылу јер јаар браадырым – деди.

– Мени кожо апарарын ба? – деп экинчи тұлку сурады.

Одүктү тұлку айтты:

– Је кожо баралык, айла, андый да болзо, айландыра төрөгөндөрибисти јууп алалык – деди. Ол онойып баскылап јүрүп, бастыразы бежен сүлү-сүлү тұлкү јуулды. Бежен тұлку јуулып алып, өдүктү тұлкүнин айтканынча «изү јер јаар» баргылап јатты. Баргылап јадала, өдүктү тұлку айтты:

Је, тұлкүлер, мен барып Суузай кааннан конорго тура сурайын, слер сакыгар – деди. Одүктү тұлку јүре берди. Суузай кааннын айылына келеле, айдат:

– Слерге Бакол Балезич бежен тұлку ийген, ол тұлкүлерди алыгар – деди. Суузай каан: «ненин учун бергенин» – шылабады. Ого сагыжы көдүрилип, јалчыларын ийип, бир завозин (*орус тилден завозня – амбарга коштой тудулган кажгаган*) берди. Тұлкү ол завозинге тұлкүлерди көдүрезин апарып, завозинге сугуп берди.

– Завозиннин эжигин јакшы бектеп, бөктөгөр: тұлкүлер чыга бербезин – деди. Је, Суузай каан тегин де ач көс неме, бойы келген ырысты колынан ычкынбаска кичееп, тыркыражып туруп, завознязын бөктөй берди. Одүктү тұлку база ла сала берди. Салып јүрзе, бир бөрү туштады. Ол бөрү сурап јат:

– Сен, тұлкү, өдүкти ненин учун кийген, ондый јан сеге кайдан келген? – деди. Тұлку ийндерин көдүрип ийеле, айдат:

– Төртөн јети градус соок болор, ого кижн чыдап болбос, төрт тонгып өлөр. Онын учун јылу јерге барайын деп, кийгем – деди. Бөрү чала коркуганду сурайт:

– Сен мени кожо апарарын ба?

– Је, канайдар, кожо баралык, јантыс менин көрүш таныштарым бар, мен олорды јууп алайын – деди. Айдарда, бөрү айдат:

– Мен база бала-баркамды, көрүш-таныштарымды јууп алайын – деди. Төрөгөн-тугаан табарышкылап, бастыразы – сүлү сүлү бежен бөрү јуулды. Ол бежен бөрүни тұлку апарала, база онойдо ок, Суузай кааннын база бир завознязына сугуп берди.

– Бакол Балезич слерге бежен бөрү ийген – деди. Суузай каан кайкап сурады.

– Күч менин колымда, ырыс менде, неле ырыс – менин колыма бойы белен келип кирип јат. Је, андый да болзо, ол Бакол Балезичтин ийип турган немелериндий – немелерди, слердин ичигерге баспайынча, слерлерден алып болбос, онын учун мен сурап јадым:

– Бакол Балезич мындый көп немени кайдан таап турган? Онын ада өбөкөзи не кижн, јаткан јадыны кандый кижн?

Тұлку ийндерин көдүрип, колдорын јайып айдат:

– Берген немени алыгар ла, алдында албай јүрген болзо. Кайтсын ол эди. Слер кижиден неме аларга мойношпос, «кемзинчек» кижн јок бар, мында онын незин шинжилеер.

Слерди Бакол Балезич күндүлеп туры не база, завознянын эжигин јакшы бектеп, бөктөп алыгар, бөрүлер чыга бербезин – дейле, Тұлку база ла сала берди. Салып јүрзе, бир сүлү айу тушташты.

– Сен, тұлку, мындый өдүк кийетен јанды кайдан тапкан? – деди. Тұлку колын јайып айдат:

– Төртөн јети градус соок болор, ого кижн чыдап болбос, соокко койройор, јылу јер јаар барадырым – деди. Айу кайкап, жоон уни тыркырап сурайт:

– Сен мени кожо апарарын ба, уул?

– Је, канайдар, кожо баралык, бастыра бала-баркамды, төрөгөндөринди јууп ал – деди.

Јуулыжып, јеткер керегинде табыжып, төрөгөн-тууган көдүрези јуулды. Бастыразы бежен айу јуулды. Тұлку бежен айуны база онойып ок, Суузай каанга апарала, айтты:

– Сеге Бакол Балезич бежен айу ийген – деди. Суузай кааннын санаазы көдүрилип турды, сүүнгенине артык сөс чыгарбай, база бир завознязын берди. Тұлку бежен айуны завознязына сугуп берди.

- Айу чыга бербезин, эжигин бектеп бөктөл алар – деди. Эмди десе, Бакол Балезич, слерле өрөкөн чоттожорго келер, бежен айу, бежен бөрү, бежен тұлкү учун. Апарып ла бер деп жакыган, ненин учун апарып беретенин чат билбей турум – деди.

Тулкү эмди Бакол Балезичке мендей-шиндей келеле, табылап, сагалдарын сыймап, айдып жат:

- Же, Бакол Балезич, мен Суузай каанга бежен тұлкү, бежен бөрү, бежен айу аларып, табыштырып бердим.

- Сен оны ого ненин учун апарып берген, ол онын учун сеге бир күндүлү сөс тө айтпас? – деп, Бакол Балезич сурады. Же онын айылына баралы, барзан ондо аайы чыгар – деди. Тулкү Суузай каан самтар кийимдү улусты айылынан чыгара сүретен, айдарда, тон өдүги жок самтар, жокту Бакол Балезичка жүзүн-жуур чечектер, өлөндөр жууп, тон, бөрүк этти. Эткен тонын ыраактан көрөргө сүрлү, жараш болды.

Тулкү Бакол Балезичке айдат:

- Же, сен менин кийимнен удабай бар мен десе озо барайын, озо једип барып, Суузай каанга айдайын: «Бакол Балезич чоттожорго келип жат» – деп. Бакол Балезич нени де аайлабай, је тергенип ле турды.

Тулкү ол күн озо једип барала, Суузай каанга айдат:

- Слерге Бакол Балезич келип жат, өрөкөн, чот эдерге, – онын артык сөс айтнай, чыга берди, бойы ол күн түниле барала, Суузай кааннын суу кечире салган күрин араай ла сынбас эдип, кыркып салды.

Эртенгизинде Бакол Балезич суунын ол јанында келип јатты. Суузай каан Бакол Балезичтин суунын ол јанында келип јатканын көрөлө, тулкүнен сурады:

- Кудаай! Ол ондый жараш нени кийген?

Тулкү айдат:

- Ол бо? Ол жүзүн-жуур мандык-торконын эткен тон-өдүктү кижини.

- Ненин учун јойу келип жат? – деп, Суузай каан сурады.

Тулкү ийиндерин көдүрүп, колын јайып, айдат: «Ондо ат јок эмезинен јойу эмес, ат ондо толтыра, мал јок эмезинен јойу эмес, мал ондо толтыра, ол бойын ондый тын чүмдебес кижини, ат мин десе, мин бес, јойу ла салып јурер».

Ол өйдө Бакол Балезич күрге једип келди:

- Күрден кечерге кем јок по? – деп, сурады.

- Кем јок, кем јок! – деп, Суузай каан сүлү кижиле чоттожоры санаазына кирип, јылбындап турды.

Бакол Балезич күрден кечип келедерде, күр сына берди. Бакол Балезич сууга јыгылала, агып отуарда, тулкү жүгүрүп келеле, суу төмөн калыйла, Бакол Балезичтин чечектен, өлөнгөн эткен кийим-тонын үзе тартып, суу төмөн чачып ийеле, Суузай кааннын черүзин кыйгырды: «Бакол Балезичти суудан чыгарарга болужыгар!» – деп.

Суузай каан бойы турган јеринен кыймыктабады. Суузай кааннын черүзи десе бастыразы келип, Бакол Балезичти чыгарып келди. Суудан Бакол Балезичти чыгарып келерде, көрөр болзо, сырангай ла јыланаш эмтир.

- Мынын тон өдүги кайда? – деп, Суузай каанын черүзи бир үнле сурайт.

Тулкү айдат:

- Онын кийгени ончозы мандык-торко болгон. Мандык-торко сууга кайылчаан неме, сууга кайылып, ага берген не, эмди тон-өдүк экелип беригер. Күрди јаман јазагылап туруп, онын учун келген кижинин мандык-торко тоны сууга кайылып, ага берди. Суузай кааннын айылы јаар барарга уйалып жат, тон-өдүк ги капшаай экелип беригер – деди.

Суузай кааннын черүзи жүгүрип барып, тон-өдүк кийдирип берип, болгон неме керегинде көрөшкилеп куучындап, Суузай кааннын айылы јаар баргылады. Суузай каан ширеезинде лалту отуруп алган, жүзин чүмдү тудуп, оныла чоттожорго турган јаан «байды» сакып отурды.

Јалчыларына чай астырып, тату-тамзык курсагын мактанышту салып, сыйлады ок. Суузай каан сурап жат:

- Сен меге мындый көп немени ненин учун берген, онын учун нени аларын?

Тулкү Бакол Балезичке көс јумды, каруузын бойы табылап туруп, озолодо айтты:

- Алтын-мөңгүн керек јок, алтын мөңгүн онын бойында бар. Акча-јөбжө керек јок, акча-јөбжө онын бойында толтыра – деди.

Бойынын кеберин кубултып, кабагын, эки толукту эдил туунип, табылу кебер эдил алып, онын ары айтты:

- Ого јангыс ла неме керек, не десе – эш нөкөр керек. Бакол Балезичте јүстен ажыра уй бар, јүстен ажыра бее бар. Оны саап, аракы-чеген эдер кижини јок – деди.

Суузай каан айтты:

- Же ондый болзо, кем јок, менде јараш, јалчыга жүрген кыс бар, алар болзо алзын. Ондый баалу неме берип турган бай кижиге берерге кем јок – деди. Кысты чыгарып алып келди. Кыс та јараш кыс болды.

Түлкү айдат:

– Же, бистин жерге баралыктар, кысты апарып, той эделиктер, кыстын бажын тараар, жаңы айылды тудар – деди. Суузай каан бойы кожо барзын, кудаларын, жаан улустарын кожо апарзын, одус кирези черү алзын, үч атла тартатан уй-мылтык алзын – деди.

Каан кижин уй-мылтык ла черүзи жок жүрер жан жок эмес пе. Айдарда, каан кижин уй-мылтыкту отрядту жүретен учурлузын буспас керек. Суузай каан черүзиле пушканы, бөскө жуу жепселдерин жууп, жаранып, алтынду абразына отуруп, түймеендү тергене берерде, ол өйдө Түлкү Бакол Балезичти мендеп жакыды:

– Бакол Балезич, сен бойыннын айлынга барба, Чорт Яганын айлына бар – деди. Түлкү бойы озо жүре берди. Жолдо барып жатса, акта толтыра малдар, уйлар, койлор турды. Түлкү бойы база жакшы кийинип алган, камчы тудунган. Кадай базып, мал, уй, кой кабырып турган жалчыларга жууктап барды, барала сурап жат:

– Бу кемнин малы, койы, уйы?

– Чорт Яганын малы, койы – дешти күдучилер...

– Улус, бу слер канайып туругар, не материйтажып турыгар. Чорт Яга деп кижин кайдан келген, ол Чорт Яга эмес, онын ады Бакол Балезич не. Суузай каан деп каан келип жат: одус кирези черүлү, үч атла тарткан пушкалу. Ол келзе, көрүгөр, слер ого Чорт Яганын малы деп айттыгар. Онойып айтсагар, ол слердин баштарыгарды кезип салар. Слер оны Бакол Балезичтин малы деп, барып айдыгар – деди. Онон ары барып жатса, база ла мал, уй, кой кабыргылап турган улустар бар эмтир. Түлкү ологорго база онойдо ок барала, күдучилерден сурады:

– Бу кемнин уй, кой, малы?

– Чорт Яганын – дежет күдучилери.

Түлкү кабагын түүп айдат:

– Ондый кижин жок, ол Чорт Яга эмес, Бакол Балезич. Суузай каан деп каан келер, одус кирези отрядту, үч атла тарткан пушкалу. Ол келзе, бу жаланды бүркеген мал, Чорт Яганын малы деп, айттыгар, онойып айтсагар ол мойндарыгарды кезип салар, бу мал Балезичтин деп айдыгар – деп жакыды.

Ол өйдө Суузай каан абрада чалкойто жадып алып, жаан санаа сананды: акыр, мен ол кыстын учун алган неменин үстине калымды мал ла шаайдым. Малы көп неме чыдаар, кыска болуп төлбөринең ол мойнобос, кыс жараш. Айылыма жанзам, уй саар жалчыларды жараш-жараш келиндерден; кыстардан жуур. Бу жердин байлары ологордо жаражына болуп алгылаза, меге ок туза болор. Ол тушта мен жаңыс шаап турган калымымды сүреен элбетсем, ады-чуум жер үстине онон артык жайылар – деп сананып, турган малга ичи күйүп, Бакол Балезичтен бир эрмек сурабай турды. Түлкүнин айдып берген жолыла жорткылап отургылады. Онон ары Чорт Яганын айылына барды.

Түлкү воротанын жанына келерде, Чорт Яга удур чыгып, эзен де сурабай, сурады:

– Сен, Түлкү, колы-будынга өдукти ненин учун кийген; сен мындый жаңды кайдан тапкан? – деп.

Түлкү ийиндерин көдүрүп, колдорун жайып, айдып жат:

– Одук кийбей кайдаар, колы-будым уладай бергенде, мен каандардын элчизине жүрүп жадым. Эмди ле сенин айылынга Суузай каан айылдап келип жат. Мен онын элчизи болуп келгем – деди.

– Одус кирези черүлү, үч атла тарткан пушкалу. Сени белетенип, жазанып турзын – деп, айткан. Тургуза ла, жолой салган ширдектеринди жаңы эдип солы, айылынын ичин алдындагызынаң артык жарандыр, алмарында бар жүзүн-жүүр курсагынын эн тату тамзыгын белетеп сал, аракынын эн артыгын тургус – деп жакыйла, кайра болды.

Чорт Яга коркушту керик жаан бай, жети уулду, коркынчак кижин болгон, оны уккан бойынча түлкүни тургузып:

– Мен качатам, ол мени жууларга келеткен болор – деди.

Түлкү бойын энчү тудуп, сурады:

– Сен качып кайда барарын; сеге мен бир сүме айдып берейин – деди.

Чорт Яга суунип: «Же айдып бер» – деди.

Түлкү кабагын түрүп алып айтты:

– Канча ла кирези айылчылар тойо жинр мал өлтүр, канча ла кирези аракыны тургус. Кандый ла ашты, тусты белете, айландыра төрөгөндөринди айт. Олор бого келзе, тойлоор, жыргаар, ол тушта мен сени билдиртпес жанынаң сугуп саларым. Таныш улузын сураза, жети уулы андап барган, бойы мал көрүп барган – дейин. Мен бу кырдын кырында шуур терек көргөм. Ого апарып сугуп саларым – деди.

Бастыра немени белетедип алала, Чорт Яганы бастыра билезиле ол шуур терекке апарып сугала, бектеп туруп кадап, бөктөп салды.

Чорт Яга Суузай каанды кармап, чыгатан чыгымга карамду ыйлап айтты:

– Суузай каан жүре берзе, келип тургуза айт, онон артык неме үребегер, артык чыгым болзо, Суузай каанды эмес, сени бурулаарым, торт бууп саларым – деп, Чорт Яга Түлкүни кезетти.

Түлкү араай үнле айтты:

- Јурексиребе, өрөкөн, жакылтагарды кыйыш жок бүдүрерим, алдында бүдүрбей жүргөн эмес – деп.

Онон Чорт Яганы бектеп салала, келзе, Суузай каан черүзиле, Бакол Балезич кожо Чорт Яганын журтына келиптир. Түлкү Бакол Балезичке келеле, айтты:

- Менин айыл-журтым бу деп айт – деди. Суузай каан десе аракы-жыргалды, уй улузы көп жерди суур кижиге болгон. Эмди бастыра төрөгөндөри ле жуулган айылчыларла отуруп, Суузай каан белен ашты жип, белен аракы чегенди ичип, этти-жууны жип, канча күнниң туркунына тойлоп-жыргап, канча кирези төрөгөндөрүн күндүлөп жада берди.

Түлкү Суузай каанга айдат:

- Мындый жыргалдын шылтуунда – пушканын бир табыжын не чыгарбас? Пушкагарла бир адыгар – деди.

- Ары көрзө – мал, бери көрзө – мал, мыны кайдөбн адатан – деди Суузай каан.

Түлкү айдат:

- Ол шуур терек турган кырда, мал да жок, жург та жок, оноор адыгар – деди.

Суузай кааннын черүзи турган кыр жаар уулап агты. Адарда кырдын талортозы Чорт Яганы суккан шуур терек катай үзүлүп, чачыла берди.

Суузай каан куучындап жат:

- Бу Бакол Балезич деп адап турганаар бу туру не. Же мыны мен билерим, азыйда бу жокту-жойу, ады-чуузы жок, үс жибегенинен эрди кургак неме болгон жок по, бу кандый коркушту байыган. Же айла онызы меге керек беде. Жалчы кызым жакшы журтка барыптыр – малду, ашту, алкы-жөөжөлү. Же андый да болзо, база үстине калым шаап жадым. Малыннын жарымын мен алар учурлу. Кыс баалу, жараш, чыйрак, керсу – деди.

- Онызын айтпазагарда, кийнигерден ийерибис, күндүлү кааныбыс, жобобой жаныгар, Балезичтин көдөчилери үйдежип ийер – деди Түлкү.

Суузай каан көдөчилериле алтынду абразына отуруп ары болды. Пушказы черүлериле жернег ылтам кыймыктанып албай турды.

Түлкү келеле, айтты:

- Акыр уулдар, бу күндүлү Суузай каанды, жыргалдын кийнинде, көдүрүңилү жандырган адыбыс чыгарып, мен бир катап тенгери өрө, Суузай кааннын баратан жаны жаар адайын – деди. Адып ийди.

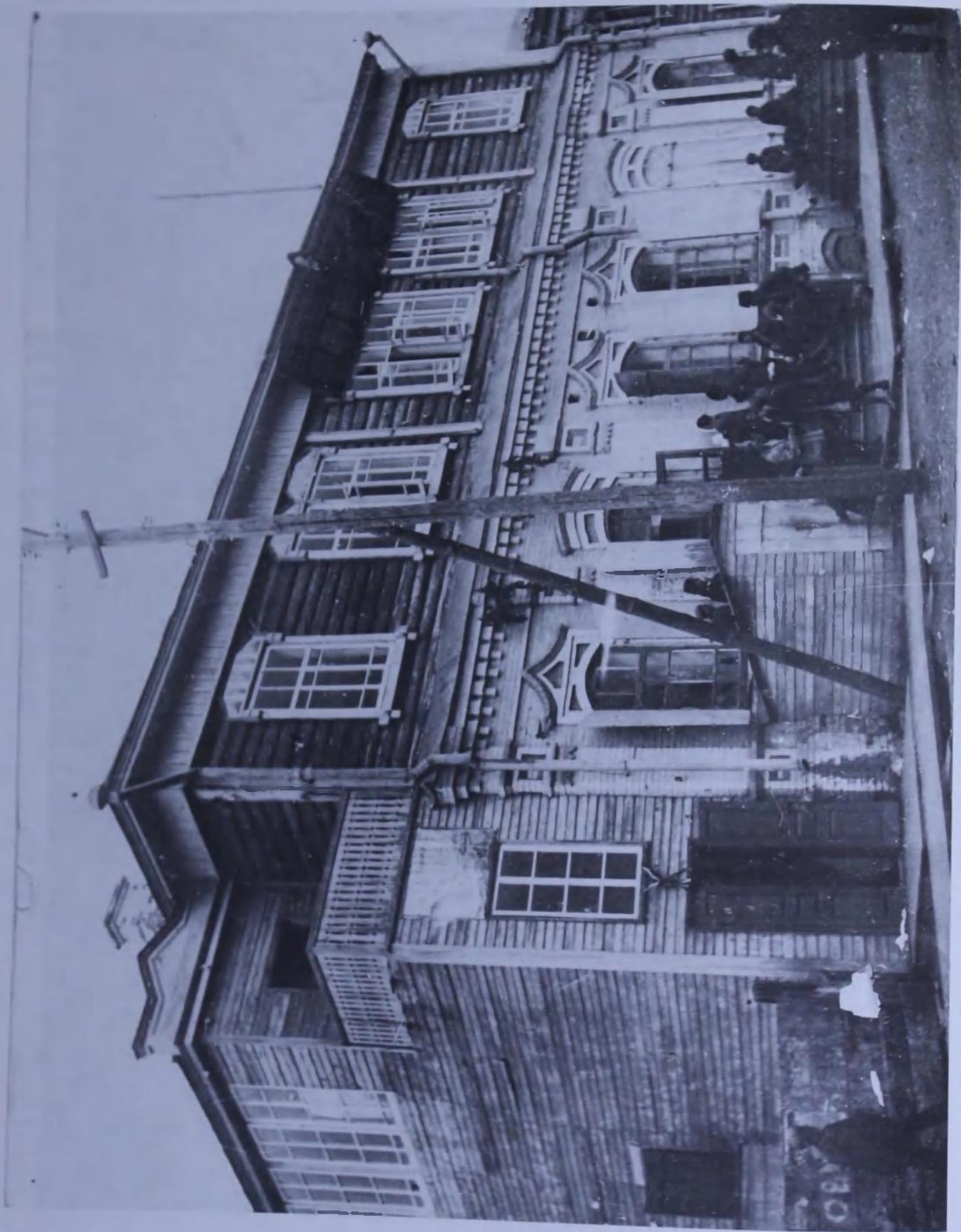
Пушка торгыланды. Жаңыс ла Суузай кааннын салып о гурган жолында шуурган куйундый тоозын буркурады. Черүлер болгон немеге күкүрт табышту каткыргылады.

- Жастырын ийбей кайттым – деп, Түлкү жызырада каткырып турды. Черүлер суунижиле кожондоп, каткырып турды. Жуулган албаты жыргай берди, ашка-туска једине берди. Ижин улештирип берди.

Литературный жазаганы – А. Саруева.

Мелодии родной земли

Здание облисполкома, г. Ойрот-Тура, 1930-е годы,

Здание обкома ВКП(б), г. Ойрот-Тура, 1930-е годы

Автобаза в селе Иня, 1930-е годы

Чуйский тракт "Бийск - Кош-Агач", 1930-е годы

Летник оила, 1930-е годы

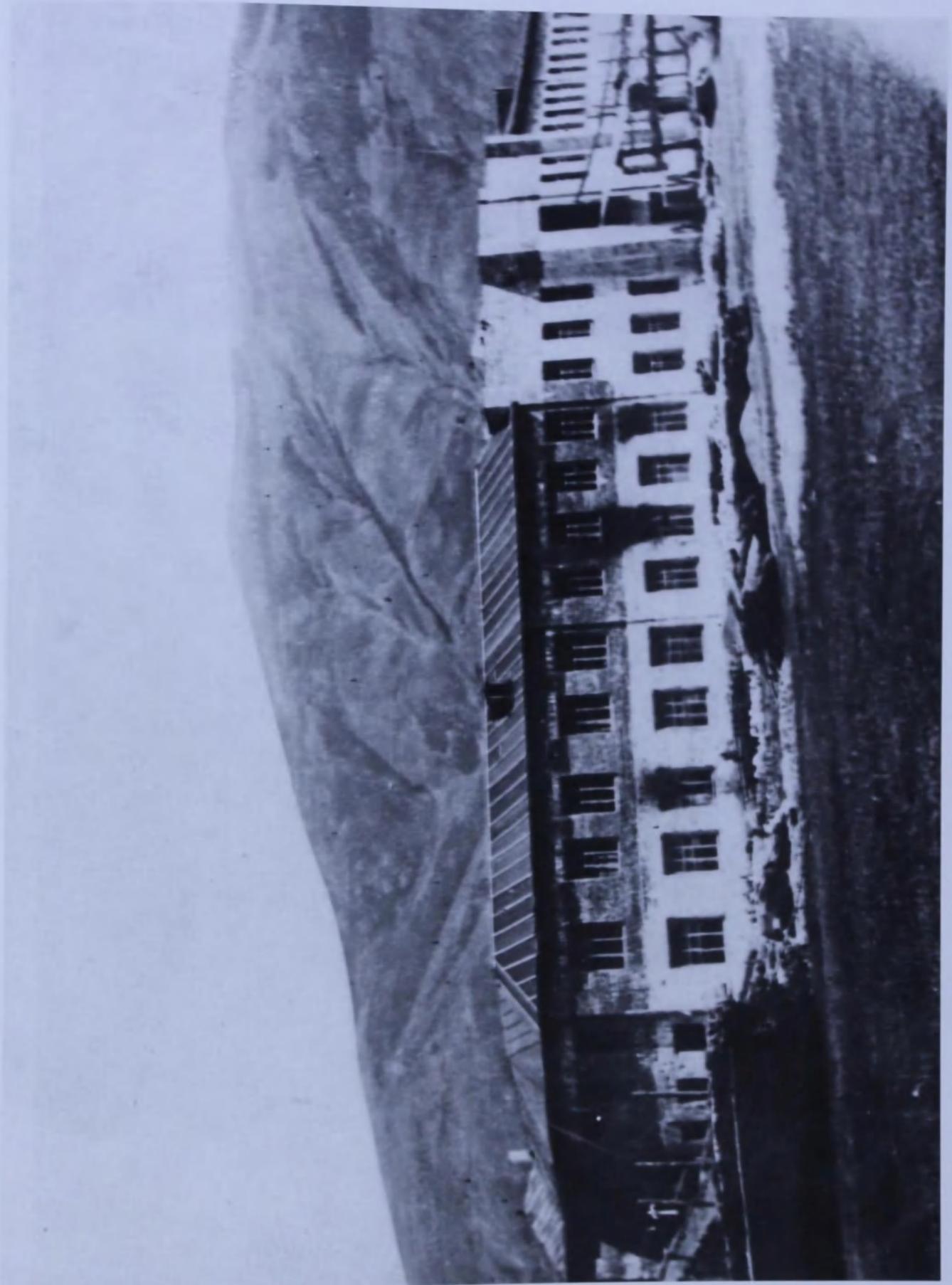
Строительство, 1930-е годы

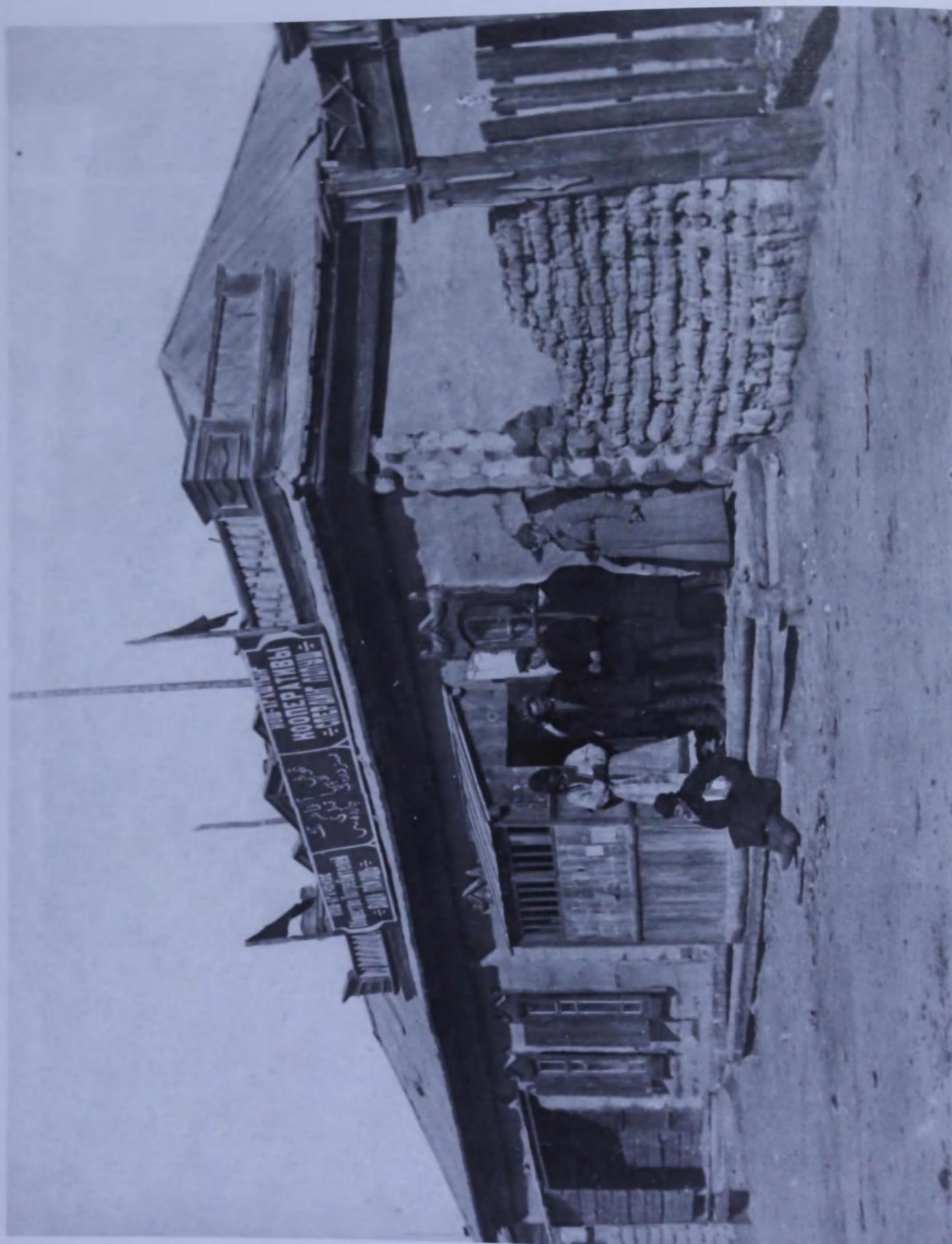
Дом отдыха с. Чемал, 1930-е гг.

Электростанция, г. Ойрот-Тура, 1930-е годы

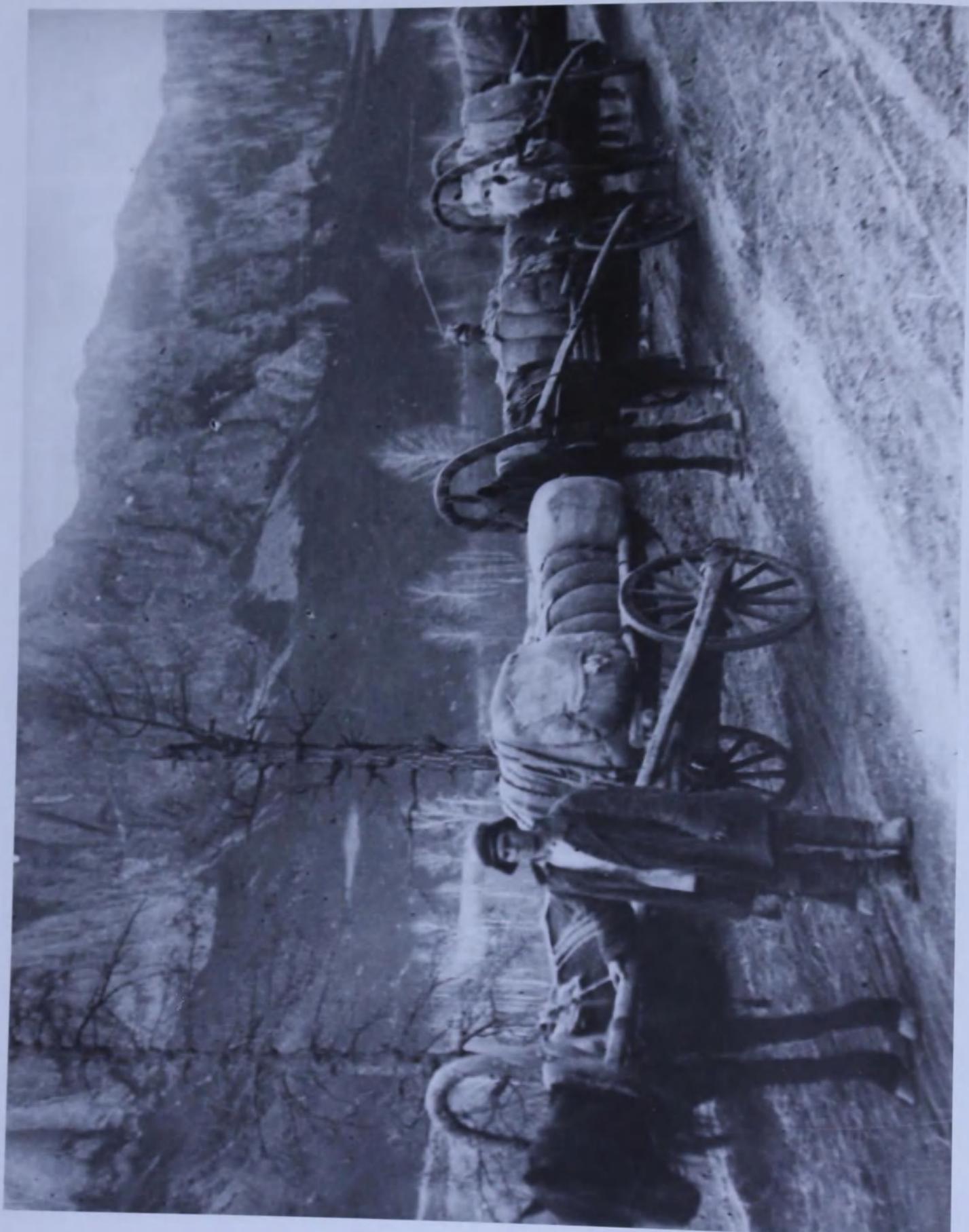
Строительство областной больницы, Ойротия, 1930-е годы

Здание потребительской кооперации, с. Кош-Агач, 1930-е гг.

Маслозавод в с. Ело, 1930-е гг.

На Чуйском тракте, 1930-е годы

Колхозная стройка, 1930-е годы

На горной дороге, 1930-е годы

Окрестности г. Ойрот-Тура, 1930-е годы

Вечерняя школа, г. Ойрот-Тура, 1930-е годы

Телеграфист, 1930-е годы

Подготовка шоферов, 1930-е годы

Радиопередвижка в горах

Лесоустроители, 1930-е годы

По новым дорогам, 1930-е годы

Старый способ вывозки леса, 1930-е годы

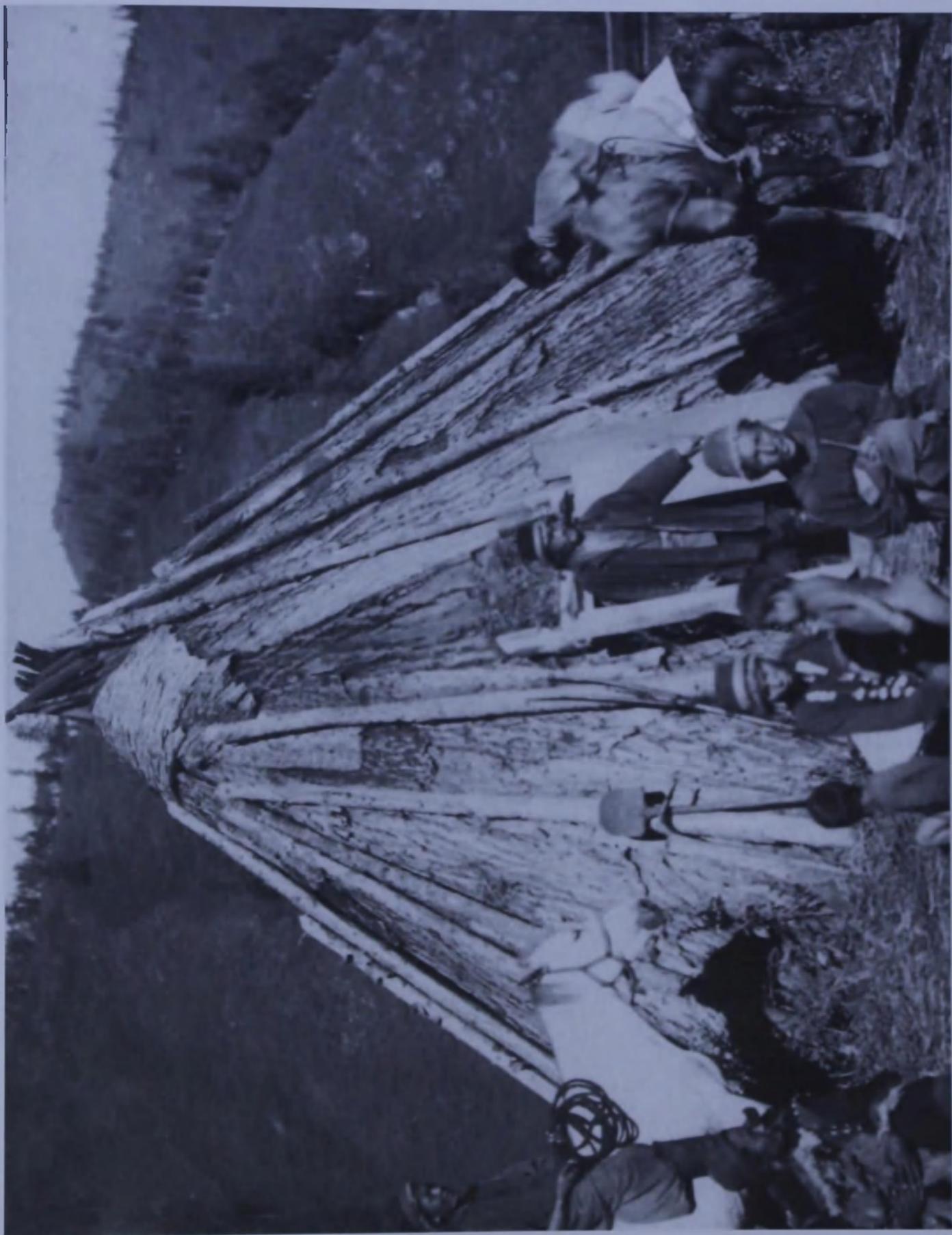
Обработка овчин, 1930-е годы

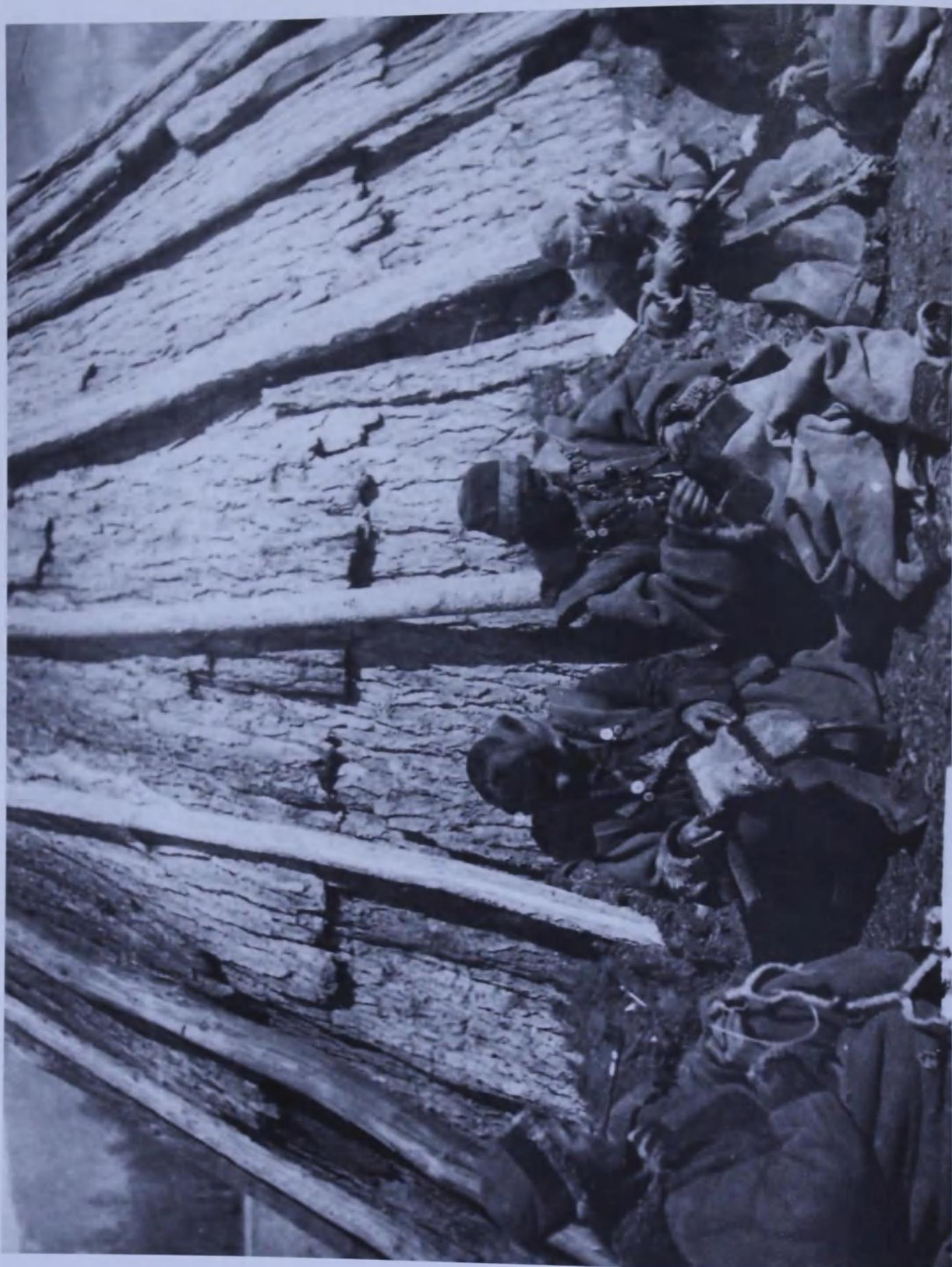
Детские ясли в колхозе "Ело", 1930-е годы

Бригадир замеряет пахоту, 1930-е годы

Дети старой Ойротии, 1930-е годы

Женщины за шитьем, 1930-е годы

Внутренний вид аила, 1930-е годы

Первый сноп – государству, 1930-е годы

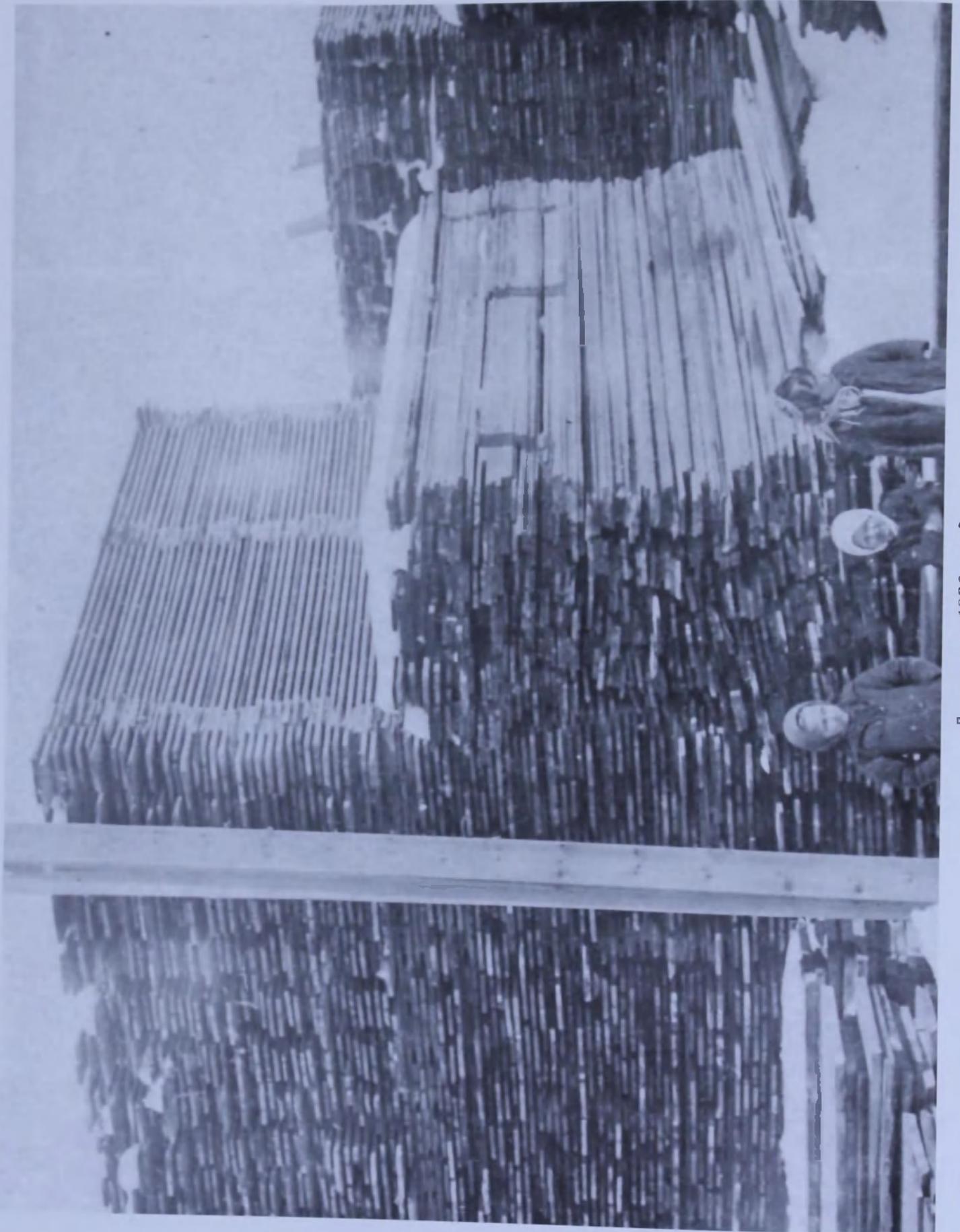
Место моления алтайцев, 1930-е годы

Колхозный ветеринар, 1930-е годы

Рысак-производитель орловской породы, 1930-е годы

Лесопилка, 1930-е годы

Общее собрание коммунистов в коммуне "Кулада", 1930-е годы

Промысловики, 1930-е годы

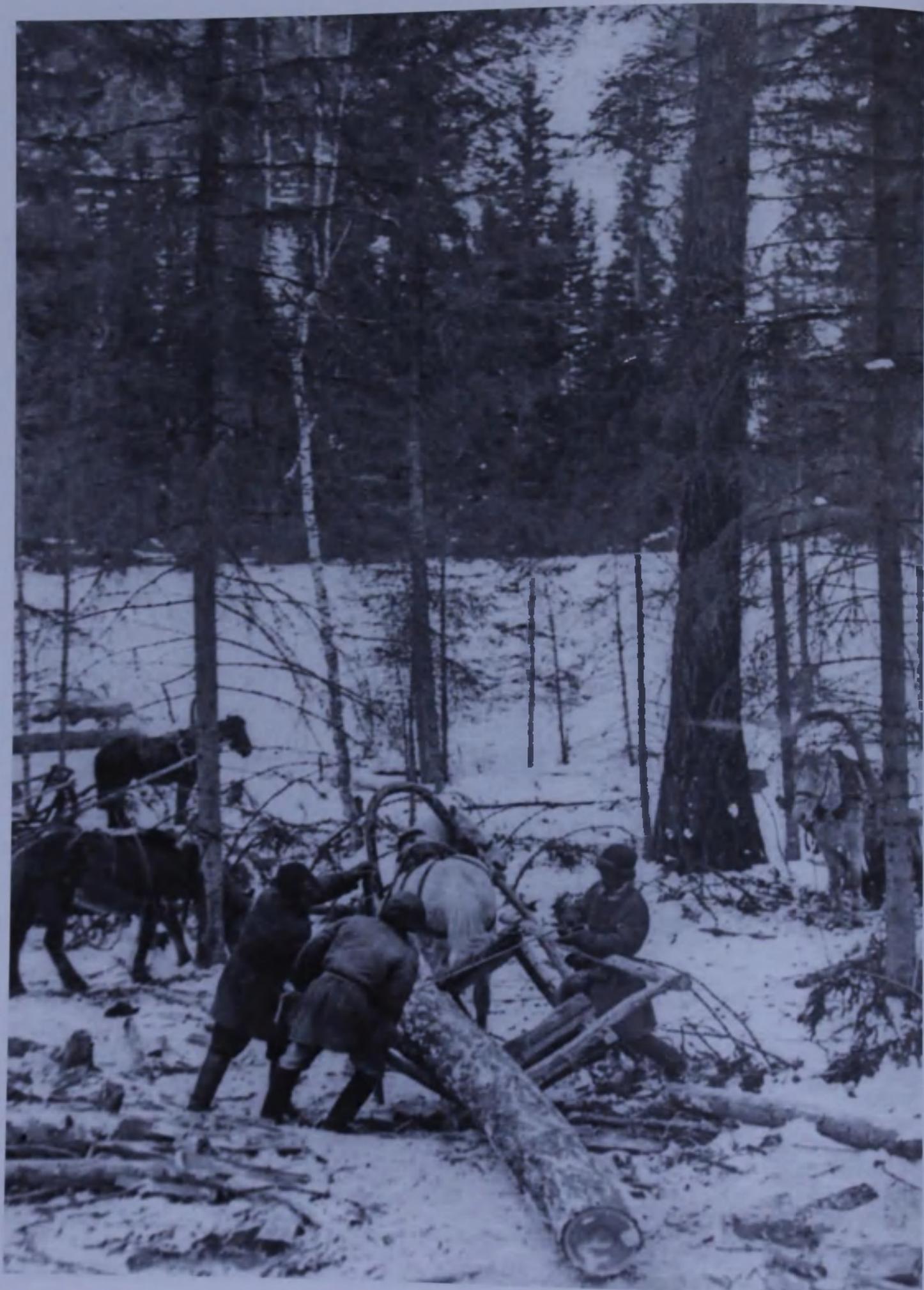
Телятник в с. Камлак, 1930-е гг.

Ойротка, 1930-е годы

Казак-охотник, 1930-е годы

Заготовка леса, 1930-е годы

Чабанка, 1930-е годы

Сушка бадана, 1930-е годы

Обработка шерсти, 1930-е годы

SOVETTERDİN ÇOLB

G. TOKMAŞEV-LA P. CEVALKOV
BYDYRGEN

SSSR-de ÇATKAN ÇUZYN ÇUUR UKTU ALBATÛGA
BICIK CIGARÛP VAZÛVÇATKAN TSENTRIZDAT
Moskva ★ 1930 dilb

*"По пути Советов" - книга для чтения на ойротском языке.
Составители Токмашев, Чевалков.*

А. В. Анохин в экспедиции, 1930-е гг.

Дьяломат Монгорова

Камендробилка, с Усть-Сема, 1930-е гг.

Начало строительства рабочего поселка Иня

Ремонт сельхозинвентаря, 1930-е гг.

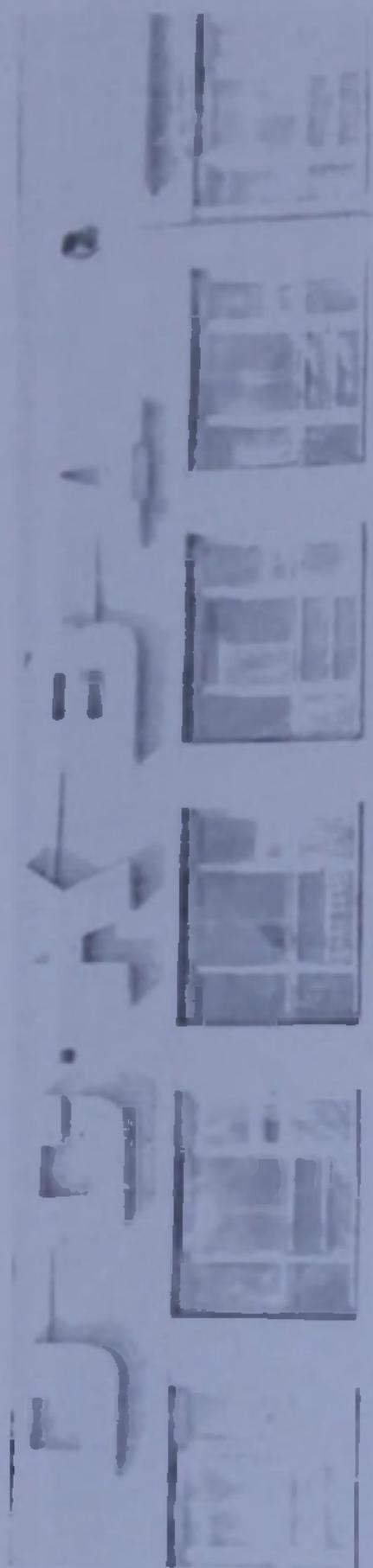

ВОЗВРАТНА КИШТИНИ КИШТИНИ КИШТИНИ КИШТИНИ КИШТИНИ
ЧЕЛМОН* (ШАБАЛИНСКИЙ АЙМАК, ОЙРОТ-
СКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ) КИРГИЛЕВ
САМЫН РАССКАЗЫВАЕТ МОЛОДЕЖИ О
СВОЕЙ ТЯЖЕЛОЙ ЖИЗНИ У БАБЕВ
«ТОЛЬКО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, ТОЛЬКО
ПАРТИЯ ЛЕНИНА-СТАЛИНА ДАЛИ ОЙРОТАМ
НАСТОЯЩУЮ СВЕТЛУЮ РАДОСТНУЮ
ЖИЗНЬ» ГОВОРИТ СТАРЫЙ САМЫН

Фото Н. Бурачева

Колхозник

Старейший член колхоза "Тан Чолмон" Шабалинского аймака Кергилов Самык с молодежью, 1937 г.

П. В. Кучияк с делегатами I съезда советских писателей, Москва, 1934 г.

П. В. Кучияк в костюме шамана

РОЖДЕНИЕ ТЕАТРА

(Печатается по: Сибирские огни. – 1940. – № 3. – С. 135–142)

*«Иметь свой родной театр и гордиться им желает
всякий народ, всякое племя, всякий язык»
(А. Н. Островский)*

Несколько минут комната была заполнена отрывочными фразами приветствий:

– Якши, якши ба? (хорошо ли живете?).

На кровати сидит высокий, широкоплечий старик со скуластым лицом и приветливо протягивает навстречу правую руку. Он не видит своих гостей, трахома отняла у него зрение еще в юности. Приближение каждого нового гостя он угадывает тем особым обостренным чутьем, которое имеют только слепые. Коричневое лицо приветливо улыбается, и в большой его руке с сильными пальцами поочередно тонут молодые руки актеров.

Старик Улагашев был предупрежден, что сегодня к нему придут в гости артисты первого Ойротского колхозного национального театра, и он принарядился. Надел сапоги, без которых дома обычно обходится, и пиджак с прикрепленным к нему орденом – наградой правительства.

Знакомство началось с песен. Когда было сказано последнее «якши ба?» и гости расселись в просторной светлой комнате, кайчи чуть-чуть приподнял голову, набрал в легкие воздуха и запел. Его грудной густой голос заполнил всю комнату. Он шел, казалось, из-под земли, и напоминал то непрерывающийся ропот отдаленного водопада, то комыс с его вибрирующим стальным язычком.

Это была песня без слов. Она могла продолжаться бесконечно, пока у певца хватало голоса и воздуха в легких. Старик кайларил сегодня с особым искусством. А потом многозначительно улыбнулся, как бы говоря: «Так вы не споете!».

После него выступила артистка Шульгина. Она исполнила свой сольный номер из концертной программы театра. Это была ойротская песня, она построена в форме свободной лирической импровизации кайчи. По всему своему складу, интонациям, ритмике – она глубоко национальная, народная песня. Но к ней уже прикоснулась рука композитора, а над постановкой голоса актрисы работали дирижеры. И он, молодой и сильный, звучал как-то особенно бодро, свежо и победно.

Старику не хотелось сдаваться. И он сразу же после Шульгиной начал сказ героической легенды – чёрчэк. В этом молодежь соревноваться с ним не может. Он – общепризнанный и непревзойденный хранитель богатейших сокровищ поэтического творчества своего народа.

Алтайцы на редкость поэтически одаренный народ. За многовековую историю свою они создали огромные богатства устного творчества. Песни и легенды помогали народу переносить лишения и невзгоды. В них, через все бури и несчастья, он пронес свою горячую мечту о лучшей жизни. В них он воплотил свои сокровенные желания, лучшие черты своего характера, самую глубокую свою мудрость.

Никакие невзгоды времени не могли отнять у алтайцев искусство. Оно было частью их жизни. Его жизнетворную силу они опозитизировали в самых красочных и любимых сказках. Когда богатыри играют на своих шоорах, «звери за ними бегут, птицы не отставая летят, деревья вслед гнутся». А когда они поют песни, «большие моря шуметь перестают, большие горы вершины свои склоняют, вечно сухие деревья молодые листья распускают, а луннокрылые птицы в воздухе полет останавливают».

Народ мечтал о театре. Он делал попытки создать своеобразные оперы. Они никогда не были и не могли быть поставлены. Их пели сказители на альпийских лугах, у дымных костров в аилах, на шумных тоях.

Одну из этих музыкальных пьес спел сегодня актерам кайчи Улагашев. На Алтае жила девушка Сынару, красавица и мастерица. Глядя на её лицо, молодежь теряла сон, глядя на мастерство её, старики от удивления руками разводили. Но вот куда-то исчезла девушка Сынару... Сказитель повествует об этом медленно, гортанным каем и вдруг переходит на голосовое пение: «Куда ушла ты, девушка Сынару?». Он поет замечательную по своему лиризму, по своей образности и музыкальности песню. А потом неожиданно переходит на пение женским голосом. Это ответ Сынару, которая оказалась подвешенной завистниками за четыре косы к четырем березам. Действие нарастает, развивается и достигает глубоко лиризма и драматичности.

Это была пьеса, которая никогда не была поставлена, но она бытовала в народе столетия. Престарелый сказитель сегодня как бы передавал её на сцену первого ойротского театра, который стал не менее любимым в народе, чем кай самых талантливых сказителей Алтая.

Молодой театр сыграл на квартире у сказителя отрывки из первой национальной пьесы – «Чейнеш». Слепому старику вначале было трудно разобраться. Он думал, что спектакль – это один человек, разговаривающий разными голосами, как делают кайчи, рассказывая драматизированные сказки. Но с первых же реплик он потерял ощущение грани между спектаклем и жизнью.

Идет картина четвертая. Аил Содона. Баланка шьет сафьяновый кечим.

Баланка. Полсотни лет живу на свете, сколько шуб и кечимов сшила вот этими руками – и все для людей, самой надеть нечего (задумалась, потом запела).

– Твердую овчину мягкой сделала
Сильная моя рука.
От голодной смерти избавляла
Всю семью моя рука...
(вошла Ботпой).

Ботпой. Я думала, что молодая поет... –

Баланка (встревоженно). – Какая молодая? Здесь нет молодых, ты знаешь это...

В голосе Баланки звучит такая глубокая, такая искренняя тревога, что Улагашев встревожился сам, заволновался. Ему показалось, что в комнату вошел кто-то посторонний и мешает его гостье-старушке петь.

– Зачем вы вошли сюда? Если вошли – садитесь и не мешайте петь. Если она старуха, то что же ей петь нельзя? Пусть поет.

Старуху играет 25-летняя артистка Алтарыкова. Она объясняет Улагашеву, что все это произошло по ходу действия пьесы.

Спектакль продолжается. На сцене появляется купец Песков. Драматург сохранил в пьесе фамилию действительно жившего на Алтае русского купца Пескова, бесцеремонного и наглого хищника. Артист Кыстаев, который в жизни не видел живых купцов, создал на сцене настолько правдоподобный образ, что Улагашев снова забывает о спектакле, волнуется и сердито ворчит.

– Неужели Песков все еще жив? Зачем его пустили ко мне?

Постепенно Улагашев входит в мир образов пьесы. Он – слушатель требовательный, с огромным чувством правды искусства. Он чутко ловит каждый нюанс и на лице его часто вспыхивает улыбка. Он забыл о соревновании с артистами, которое стихийно возникло в начале встречи. Спектакль для него – это что-то совершенно новое, высшее. Рождение новой культуры в его родной стране.

2

Пролетарская революция сняла все препятствия, которые раньше мешали рождению театра в Ойротии. Но театр возник там не сразу. Не было пьес, не было руководителей, не было просто грамотных людей. Театр был создан только 15–16 лет спустя после освобождения долин Алтая от его вековых хищников. Он родился буквально по требованию самой жизни.

В 1934 году в урочище Союзаре, Усть-Канского аймака, колхозники обязали учителя в порядке колхозной дисциплины написать пьесу. Колхозники хотели ставить спектакли. В это же время заказали учителю пьесу колхозники Бешпельтирской долины. Пьес и руководителей требовали из всех урочищ. И, очевидно, этим объясняется, что рождение алтайской литературы началось с пьес. «Первую мою самостоятельную творческую работу я начал с пьесы», – пишет зачинатель алтайской советской литературы Павел Кучияк.

В июне 1936 года был объявлен набор в театральную студию. Одной из первых подала заявление Оймок Сарина, человек большого артистического обаяния и прекрасной сценической внешности, хотя её имя «Оймок» означает – наперсток. Она уже играла в самодеятельных драмкружках и пришла в студию влюбленной в искусство. Из колхоза приехал Мошкин, тракторист-ударник и превосходный гармонист. Якши Быйхыев работал где-то в отдаленном сельсовете председателем и мечтал стать актером. Он пришел в студию улыбающийся, с готовой шуткой. Все были приятно обрадованы его мягким природным юмором и настоящим чистым онгудайским говором. Почти одновременно с Быйхыевым вбежала в комнату студии маленькая, подвижная Женя Тыдыкова. Она бросила учебу в сельхозшколе, ведь её мечта – стать танцовщицей, и еще, самая заветная – создать ойротский танец.

Новые студийцы прибывали каждый день. Подал заявленне талантливый Маскин, человек, рожденный быть актером. Из Шебалино приехал Сабашкин. Он не знал, что такое театр. Но он был дисциплинированный комсомолец и поэтому не стал отказываться, когда комсомольская ячейка предложила ему стать актером. Из Улаганского аймака приехал учиться театральному искусству бывший начальник милиции Ерукчи Тонкуров. Каждый своим путем пришли в студию А. Какин, И. Шулгина, В. Табаков, А. Алтарыкова, Е. Уксигешева, В. Кыстаев, К. Саруева, В. Тозыяк, Н. Параев, В. Майчикова, И. Кучияк, Е. Каланакова. Всего 25 человек.

В октябре приехал в Ойротию руководитель студии и режиссер И. С. Забродин. Он был оглушен весельем, смехом, неумной энергией студийцев. Он ожидал встретить нечто другое. Он читал в каких-то книгах, что алтайцы флегматичны, неповоротливы.

На первом же занятии в студии он видел, как у студийцев вспыхивал в глазах огонек, когда они слушали слова об искусстве. Благодарный «материал»! Но пока только «материал». Одной любви и желания мало. Нужно вырабатывать мастерство. Нужно повышение культуры. Нужна, наконец, выработка элементарных культурных навыков.

Иван Степанович Забродин, молодой режиссер и энтузиаст, работал целыми сутками. Свой рабочий день начинал с обхода квартир будущих актеров. Там он учил их чистить зубы и завязывать галстук. Случалось ходить вместе со студийцами к портному и помогать выбрать фасон костюма или платья. Многие впервые в жизни одевали на себя красиво сшитые платья, впервые делали прическу. Первый раз вступали на деревянный пол. Все начиналось заново... Люди принесли с собой в студию только любовь к искусству, унаследованную от предков.

Двадцать пять молодых алтайцев сели за классные парты. За пять лет они должны получить среднее театральное образование.

Ежедневно учебная парта сменялась подмостками сцены. Студийцы с первых же дней стали учиться ходить по сцене, учиться играть. Но что играть? Пьес на алтайском языке не было. Первые пьесы Павла Кучияка были настолько слабы, что он сам не предлагал их театру. Встала задача не только растить театр, но и создавать репертуар, создавать драматургию. Тому же Павлу Кучияку заказали новую пьесу и приступили к переводу на алтайский язык русских пьес. Студия начала репетировать и поставила на алтайском языке в юбилейные пушкинские дни два отрывка из «Бориса Годунова»: сцену у фонтана и сцену в корчме. Потом стали работать над отрывками из «Первой конной» Вишневского.

Прошло полгода. Студийцы начали увереннее ходить по сцене. Появились начатки мастерства. Талантливость отдельных студийцев вспыхивала яркими блесками. И тогда И.С. Забродин решил, что пора начинать работать над первым спектаклем. Выбрали пьесу «Чапаев» по Фурманову. Этот спектакль был как бы пробой творческих сил артистов-студийцев. В газетах появились отзывы: «Спектакль был еще далеко не профессиональным. Не было ансамбля, страдала выразительность речи. Но спектакль дал первый творческий толчок таким артистам, как Хабаров (Чапаев), Маскин (Петька), Какин (Фурманов), Сарина (Сотникова), Быйхыев (Бородач)».

В июне 1937 года, в день 15-летия Ойротской автономной области, на базе студии был создан первый ойротский театр. 21 студиец получили звание актера. Театр стал готовить «Поднятую целину» по Шолохову. В этом спектакле молодой театр выступил уже более окрепшим, сформировавшимся коллективом. Зрители видели на сцене образы живых людей: деда Щукаря, Половцева, бабки Ульяны. Они жили на сцене, ходили, говорили, страдали, радовались как у себя дома, в донской станице. Особенно хорошо сделал роль Маскин (Щукарь). Перевоплощение актера и игра его были настолько изумительны, что в аймаках некоторые сердобольные зрители пеняли художественному руководителю театра:

– Зачем вы этого старичонку возите по нашим дорогам, мучаете.

А когда Маскин выходил к зрителям без грима, они ни за что не хотели верить, что этот 23-летний юноша играл деда Щукаря.

Это уже было настоящее искусство.

3

В ойротском фольклоре есть сказка о необычайно быстром росте богатыря:

Два дня от рождения минуло –
«Мама» – ребенок промолвил.
Шесть дней миновало –
«Отец» – ребенок сказал.
На седьмой день на ноги встал.
На девятый – лук и стрелы взял.
К черной горе на охоту отправился.

Эти слова можно повторить в отношении ойротского театра. Энтузиазм молодых актеров, их природная талантливость и забота партии о развитии национального искусства резко сократили сроки становления театра. В первый день своего рождения он поставил «Чапаева», через шесть месяцев – «Поднятую целину», а на седьмой месяц театр «лук и стрелы взял» – приступил к репетициям «Грозы», одной из основных пьес русской классической драматургии.

«Гроза» – эпопея, которую не может миновать, – как справедливо указал как-то журнал «Театр», – «ни наша школа, ни читатель, ни зритель, ни актер, требующий достойного материала для своего творчества». Ойротский театр правильно поступил, что решил «не миновать» эту пьесу. Актерам была дана труднейшая, но благодарная работа.

Режиссер поставил в центре спектакля Катерину, а всем остальным персонажам «дал жизнь» лишь в тех рамках, которые помогают выделить основную мысль пьесы. Спектакль зазвучал, как спектакль трагический, активный, с четко выраженной идеей протеста. На сцене искренняя, волевая, страстная женщина, метущаяся в душной среде Диких и Кабаних.

Сарина замечательно сделала свою роль. Весь образ Катерины она строит на переживаниях, с большой искренностью и простотой, и он встает перед зрителем волевым, исключительно обаятельным, поэтичным. Уже в первом акте, когда Сарина проводит диалог о снах, чувствуется, что Катерина «не как все», а «какая-то мудреная». Но вот открывается занавес второго действия и перед зрителем Катерина – метущаяся, вся протест, вся волнение. Ей, цельной и чистой натуры, душно в доме Кабанихи, и она страстно рвется из оков темного быта.

«Гроза» – это целая школа для актеров. Многие актеры ойротского театра вышли из неё выросшими, встали на собственные ноги, «лук и стрелы взяли». Алтарыкова в первом спектакле («Чапаев») выступала в эпизодической роли. В «Поднятой целине» она уже создала яркий образ бабки Ульяны. В «Грозе» она выступила в роли Кабанихи. Сначала она дублировала. Но после первых же спектаклей стало ясно, что роль Кабанихи принадлежит ей по праву. Она создала запоминающийся образ медлительной, монументальной, властной старухи. Прекрасно показали стихийный протест против «темного царства» Уксигешева и Кыстаев в роли Варвары и Кудряша.

Сарина играла Сотникову в «Чапаеве», Марину в «Поднятой целине». Но только в «Грозе» она получила большой простор для своего сильного артистического темперамента. Игра её трепетала искренним чувством. Когда Катерина – Сарина произносила знаменитый монолог о могиле, о могилушке, в зрительном зале плакали вместе с артисткой.

«Гроза» – это была первая победа молодого театра. После этой постановки в Ойротии было с гордостью сказано:

– У нас есть театр!

4

В начале 1939 года сбылась заветная мечта театра. Алтайский писатель Павел Кучияк закончил для театра пьесу на ойротском материале – «Чейнеш». Актеры получили близкий и родной для них материал.

Никогда еще в театре не работали с таким трепетом и подъемом, как над пьесой «Чейнеш». Её много раз читали. Просили автора вносить поправки, доработать отдельные куски. Автор охотно прислушивался к замечаниям, помогал актерам правильно понять тот или иной образ пьесы, помогал режиссеру, сам включился в состав труппы и стал готовить одну из основных ролей пьесы. Художественный руководитель театра ездил по аилам, беседовал со стариками, знакомился с жизнью, которую он должен показать в художественных образах на сцене. Композитор Ильин писал музыку. Кипела горячая работа.

Предстояло показать образ алтайской девушки, которая... Впрочем, посмотрим на сцену после открытия занавеса...

...Утро в Алтайских горах. Лесная ложбина, пни, валежник. Батрачка бая Козуйта молоденькая Ялакай собирает хворост и тихо поет грустную песню. По щекам девушки, кажется, текут слезы. Её только что избил хозяйка, «проклятая волчиха Чоочой». «Кто увидит горе мое? Кому я расскажу о своих обидах?». В лесу раздаётся голос:

– Ялакай! Где ты?

Ялакай вздрогнула, пугливо прижалась к дереву. Тревога оказалась напрасной. Это пришла вторая батрачка Козуйтов – Ботпой. Через некоторое время к ним присоединяется Чейнеш, дочь бедняка Содона. Далеко в лесу кукует кукушка. Ялакай, впечатлительная, непосредственная, задумчиво повторяет: «Куку! Куку, о чем она кукует?». Несколько минут птица кукует, улетая все дальше в лес, и под её напевное, печальное «Куку» Ботпой рассказывает подругам алтайскую легенду об этой птице. Чейнеш вслух мечтает: «Хорошо бы превратиться в птицу, взлететь высоко, улететь далеко-далеко!.. Туда, где всегда лето, всегда светит яркое солнце...».

Здесь образ Чейнеш перекликается с образом Катерины из «Грозы», когда она на берегу Волги вот так же мечтает: «Отчего люди не летают, как птицы?...». Чейнеш – такой же цельный, волевой, протестующий характер, как и Катерина. Катерина не могла «взлететь». Она была вынуждена броситься в Волгу. «Грустно, горько такое освобождение, – писал Добролюбов, – но что же делать, когда другого выхода нет...»

Жизнь алтайской женщины была раньше исключительно тяжелой, унижительной. Она была рабой бая, зайсана, мужа, брата мужа. Она не могла зайти на мужскую половину аила, всю жизнь не имела права снять с себя чегедек. Её продавали как вещь, ею распоряжались как собственностью. У алтайской женщины, если у неё вспыхивал хотя бы стихийный, неосознанный протест, не оставалось иного выхода, как оборвать свою жизнь.

– Нет, ни за что я не дамся им!
 Лови меня, озеро Тюрген-Су!
 И воды, мгновенный прыжок отразив,
 Пред ней распахнули пучину свою.

Так писал Павел Кучияк в стихотворении «Смерть Янар» задолго до того, как он стал работать над пьесой «Чейнеш». Судьба Янар была судьбой многих женщин-алтаек.

Такая судьба ожидала бы и Чейнеш, если бы она жила в другое время. Впрочем, не будем забегать вперед, посмотрим, как развивается действие на сцене.

... В лесу кто-то заиграл на шооре. Девушки задорно запевают:

– Яркая звездочка, спутница месяца,
 Где ты от глаз наших спряталась?
 Где на шооре чудесно играющий?
 Нам почему не покажешься?

В ответ на песню из тайги выходит Кара (батрак Козуйта)... Несколько минут общего веселия. Но его мгновенно гасит хриплый, сердитый голос хозяйки. Ялакай и Ботпой, напуганные, убегают. Чейнеш осознает Кара, что у ней очень тяжело на сердце. Её выдают насильно замуж за сына бая Козуйта – Яжная. «Милый друг Кара, спаси меня. Я не буду женой нелюбимого человека!» Кара, порывистый, решительный, весь загорается.

– Бежим! Видишь эти руки... Они сильные, крепкие, они будут рыть землю, они будут работать, защищать тебя.

В первой картине много песен. Они придают ей какую-то особую мягкую лиричность и определенную настроенность. Театр как бы говорит зрителю словами Чейнеш:

– Когда поешь, кажется, словно летишь куда-то.

Песни, сказки, пословицы, щедро рассыпанные по всей пьесе, не дают на её драматургическую линию, не делают её статичной, надуманной. Спектакль с начала и до конца дышит искренностью и жизненной правдой. Действие его развивается стремительно, динамично. Уже в первой картине завязывается драматургический узел пьесы, и она на всем своем протяжении разворачивается как туго стянутая пружина. Режиссер добился большой четкости и пластичности почти каждой сцены. Спектакль радуется сыгранностью, стилевым единством актерского исполнения. Он весь музыкален. Это достигается и игрой оркестра, и песнями на сцене, и ритмом действия. В музыкальности постановки «Чейнеш» намечены, пожалуй, те черты ойротского театра, которые все больше и больше будут утверждаться и приобретут, возможно, характер стиля ойротского театрального искусства.

Время действия первых четырех картин – 1919-й год, когда на Алтае господствовало буржуазно-националистическое правительство – Каракорум. Театр «посветил в лицо» Каракорумцам. Как бы попутно, вторым планом он показал в спектакле, что Каракорум – это не «общенациональное единство» всех алтайцев – и бедняков, и баев, каким пытались изобразить его буржуазные националисты, а союз и единение баев, камов и зайсанов, и русских купцов, белогвардейцев против трудового народа: обман, насилие, эксплуатация и кабала. Народ в первые же дни понял истинную природу Каракорума. Правда, в начале действия бедняк Содон не уверен в своих силах и покорно говорит: «Воля неба посылать дождь и снег, воля зайсана судить и карать бедных людей». Он любит свою дочь и знает, что она будет несчастна с нелюбимым человеком, но дает согласие на сватовство баев Козуйтов. «Руки у меня очень корогкие». Чейнеш насильно уводят в аил Яжная. Она в отчаянии: «Отец! Мать! Спасите!» Содон не в силах подняться с места: «Ничего я не могу... Милая моя Чейнеш, ничего я не могу».

Но вскоре же, в ходе дальнейшего развития событий, бедняки Содоны почувствовали, что руки у них сильные и воля тверда. С помощью русского народа, под руководством большевиков, они разгромили колчаковско-каракорумские банды.

Перед зрителем проходят колоритнейшие фигуры: кам Барогош, зайсан Кускенек, бай Козуйт, его сын Яжнай, русский купец Песков.

Актер П. Кучияк (автор пьесы) с большим мастерством сыграл роль бая Козуйта. Он создал образ жестокого, властного, но хитрого, ловкого человека. У него широкий жест, твердая поступь. Говорит он так, как будто никто, кроме него, не имеет дара речи. Ему все подвластно. Перед ним заискивает зайсан Кускенек, ему безропотно служит кам Барогош, дружбой его дорожит купец Песков. Под его тяжелой ногой может затрещать все, что ему не угодно. Но Козуйт предпочитает действовать иначе: не ломать, а сгибать.

Сын Козуйта, Яжнай, в исполнении И. Сабашкина – это молодой хищный волчонок. Актер исполняет эту роль с большим темпераментом и достигает исключительного внутреннего перевоплощения.

Был такой случай. Из глухого урочища впервые приехала в город мать Сабашкина. Сына в тот час можно было увидеть только на сцене. Она села в зрительном зале и узнала в Яжнае своего Ванюшку. Она пришла в ужас. Её скромный, тихий, черноглазый сын стал таким дерзким, злым, самоуверенным...

Самый яркий образ в «Чейнеш» создан Якши Быйхыевым. Он играет кама Барогоша. Зритель не чувствует на сцене игры, перед ним сама жизнь. Начиная от походки и кончая тончайшими нюансами голоса, – перед нами цельный, законченный образ кама, лицемерного, сладострастного, юродствующего.

Из-за кама Барогоша произошел любопытный «спор» в Онгудайском аймаке. В одном урочище алтайцы сказали артистам: «Такой же вот кам у нас был», а в другом урочище стали оспаривать: «Нет, этот Барогош точь в точь с нашего кама списан». А это значит, что автор и театр в образе Барогоша создали типический образ кама. А. М. Горький советовал начинающим писателям: «Если вы описываете лавочника, так надо сделать так, чтобы в этом лавочнике было описано тридцать лавочников, в одном попе – тридцать попов, чтобы если эту вещь читают в Херсоне, видели херсонского попа, а читают в Арзамасе – арзамасского попа». Так вот сделал свою роль талантливый Быйхыев.

Бледнее сделаны роли положительных героев пьесы – Кара и Куреева. Правда, в этом виноваты не столько актеры, сколько автор. Кара в пьесе почти эпизодичен, между тем именно образ Кара должен быть противопоставлен Козуйту. Куреев говорит только наставительные фразы, в пьесе он почти не живет как реальное лицо. Сравнительно лучше написаны и сыграны роли бедняка Содона (Тонкуров), его жены Баланки (Алтарыкова) и батрачек девушек Ялакай (Тыдыкова) и Ботпой (Саруева).

Из положительных персонажей – самый яркий, самый симпатичный образ – Чейнеш. Это большая победа и артистки (Сарина), и автора пьесы, и режиссера.

В пьесе много «быта». Сватовство, той, национальные игры, борьба, национальные обычаи. Это придает пьесе яркий национальный колорит, но и создает опасность утопить в быте идейный и психологический замысел пьесы. Театр избежал этого. Быт не заглушил живые человеческие голоса пьесы. Спектакль идет как спектакль психологический, а не бытовой. Линия Чейнеш является основной, ведущей в спектакле. Начиная с первого появления на сцене Чейнеш, образ её разворачивается как образ активный, протестующий, «требующий права и простора жизни». Протест Чейнеш, так же, как и протест Катерины, органический, хотя и «без отчетливого сознания». Она восстала против рабского положения алтайской женщины. Вот характерный диалог:

Баланка. Что поделаешь, раз девушкой родилась!

Чейнеш. Девушка – не человек?

Баланка. Глухая ты!.. Разве часто баи сватают дочь бедняка? Ты должна радоваться. Другие бедные девушки будут тебе завидовать.

Чейнеш. Мама, мама!.. Нет, не ты меня родила!

Мать лицемерит. Ей жалко свою дочь, но она ничего не может сделать и пытается убедить дочь, чтобы она покорилась. Чейнеш это понимает. «Наши отцы и матери – не защита для своих детей. Баи да зайсаны не боятся наших отцов». И она сама ищет выход. Кара предлагает ей бежать с ним. Она тянется к Кара. Она любит его, но...

Чейнеш. Куда мы убежим? Куда мы скроемся от Козуйтов, у которых есть быстроногие кони? Они догонят нас, они найдут нас... И тебя убьют, а меня заставят спать с их сыном, с ненавистным Яжнаем.

Кара. Нет, Чейнеш, не найдут... Андрей Куреев говорил мне, что скоро власти белых, власти их царя Колчака придет конец... Для нас настанет совсем другая жизнь.

Чейнеш насильно выдали замуж. Но у ней хватило решимости бежать из аила всемогущего бая. «Целый месяц мы прожили вдвоем в лесу, в горах, под открытым небом. Голодали, мучились от жажды, но любили друг друга, верили друг в друга, верили, что наша жизнь только начинается...»

В родную долину Чейнеш и Кара вернулись победителями. Кара – командиром отряда конных разведчиков красных партизан, Чейнеш – председателем сельревкома. Личное счастье и личное освобождение они нашли на пути освобождения всего народа от Козуйтов-Песковых. Эта мысль проходит подтекстом через всю пьесу.

Артистка Сарина в роли Чейнеш показала большое драматическое дарование. Решительность, самоотверженность, сила характера Чейнеш обрисованы ею правдиво и сильно. С особым подъемом и искренностью проводит она драматические сцены. В эти минуты в зале не остается равнодушных. Она заставляет зрителей вместе с собой страдать, бороться, протестовать.

В аилах всегда находятся женщины, которые так или иначе прошли путь Чейнеш. Спектакль вызывает в зрительном зале истерики. Алтайки, которые остаются до конца спектакля, подходят к актрисе и сочувственно жмут ей руки. Они не допускают мысли, что так можно сыграть Чейнеш, не пережив всего этого самой.

Театр живет на колесах. Его аудитория находится в аймаках, разбросана по всем долинам горной страны. Театр сделал уже 18 выездов, побывал в семи аймаках, в десятках колхозов, поставил там сотни спектаклей и концертов. С каждым новым спектаклем артисты выезжают в колхозы. И каждый новый спектакль зрители встречают все с большей благодарностью за доставленное наслаждение и с радостью за свой крепнущий колхозно-совхозный театр⁸³.

В Ойротии маленькие колхозные поселки. Еще совсем недавно здесь люди кочевали. В новых поселках они пока не везде успели построить клубы, соорудить сцены. Артисты играют на временных подмостках, которые устанавливаются то в небольшой школе, то просто в пятистенной избе. Во время спектакля приходится открывать дверь, так как от сперттого воздуха гаснет лампа. Да и за дверями остается еще много людей, и они хотят слышать хотя бы отрывки фраз, которые произносятся со «сцены».

Площадка для игры актеров сооружается до предела минимальной. Но и в этом случае бывает так, что в зрительном «зале» остается место для пяти-шести скамей. Зрители предпочитают сидеть на полу, тесно прижавшись друг к другу, чтобы «вошло» больше людей. На ферме Усть-Мутинского колхоза, где работают прекрасные стахановцы, в «зрительном зале» едва вместились одна кровать. На ней сидели все восемь человек стахановцев. На «сцене» играло двенадцать артистов.

Лучше бывает летом. Сцена сооружается на крыльце какого-нибудь дома, артисты выходят на нее из дверей избы, которая служит и кулисами, и гримировочной. А иногда сцену оборудуют на совершенно голой площадке. Фары автомашины освещают сцену, а когда нужно – производят соответствующие световые «эффекты»: блеск молнии, пожар, затемнение.

Приезд театра в колхоз – всегда большой праздник. Спектакль уже кончился, артистам нужно отдохнуть, но молодежь не отпускает их по квартирам. Одни просят показать «тот танец», который видели на сцене, другие просят повторить мотив новой песни. Баянист театра садится на какой-нибудь чурбан и «по просьбе» играет до боли в пальцах. Иногда бывает, что и струнный оркестр «повторяет» свои номера. Так начинается новый концерт вне программы. Он длится до утренней зари.

В Ойротии раньше не было танца. Его привез в аймаки театр. В его концертной программе есть и восточный танец, и русская пляска, и украинский народный танец, и чечетка, и испанский танец. Выступления танцоров всегда производят сенсацию. Вначале обычно не верят, особенно старики. «Это не живые, это кино». «Куклы пляшут, у них резиновые ноги». Бывают и такие восклицания: «Ой, это курмес»⁸⁴. Трудно верится, что люди, обыкновенные люди могут достичь такого темпа, ритма и пластики. Но вот театр приезжает в этот же колхоз через несколько месяцев, и артисты видят, как на лужайке молодежь свободно исполняет те танцы, которые когда-то они видели на сцене. Ойротия начинает танцевать.

Сейчас в концертной программе театра есть уже и ойротский танец. Он построен на пластическом изображении процессов труда алтайской женщины, и его встречают алтайцы особенно восторженно. Это пока эстрадный номер. Но пройдет еще некоторое время, и в Ойротии появится массовый народный танец. Мы находимся у колыбели его рождения.

Театр привез в аймаки песни. В Ойротии много народных песен. Театр в своем творчестве питается соками народной поэзии. Но он не механически переносит в свои программы то, что слышит в аилах, а творчески осваивает, обогащает. В народе были подслушаны «Песня о Сталинской Конституции», «Оборонная», «Комсомольская» и много других. Композитор Ильин написал на них музыку. И театр вернул их народу музыкально обогащенными.

В долинах Ойротии молодежь поет на алтайском языке много новых советских песен. Она впервые услышала их по радио и в исполнении хора Ойротского театра.

Раньше в Ойротии не знали струнных оркестров. Был топшур – музыкальный инструмент, вроде балалайки, с двумя струнами из конского волоса. Был шоор – дудка. Была икили – своеобразная скрипка. Был еще комыс – губной инструмент. Но они все были самодельны, грубы и никогда не звучали в оркестровом соединении.

Театр ездит по колхозам со своим оркестром, в котором играют те же инструменты, которые народ использовал сотни лет, но несколько окультуривизированными. Топшур был долбленным, без колка, без ладов. Сейчас кузов топшура стал клееным, введен колок, лады, волосяные струны заменены металлическими. Икили вместо волосяных струн получила жильные. Приподнят гриф, установлен механический колок, дан более усовершенствованный смычок. И топшур, и икили, не утратив особенностей национального звучания, стали богаче, звучнее. Сочетание этих инструментов дало возможность создать оркестр на 18–20 человек...

Ойротский театр уделяет большое внимание развитию национальной музыки. Пока он сделал на-

83. Сейчас, когда мы пишем этот очерк, театр ставит в колхозах новый свой спектакль – «Слуга двух господ» Гольдони.

84. Курмес – черт.

чало. Все, чего он достиг, укладывается в одну концертную программу. Но фундамент заложен, на нем вырастет ойротская опера. Павел Кучияк, который сдал уже театру вторую драматическую пьесу, пишет сейчас для неё либретто.

В работу театра включился и народный кайчи Ойротии Николай Улагашевич Улагашев. На первой встрече с театром он спел актерам, кроме «Сынару», еще много песен и сказок. Престарелый кайчи как бы передавал молодым своим друзьям все богатство образов и мелодий, которые создал поэтически одаренный алтайский народ за многовековую свою историю.

Павел Кучияк

ЈАЗЫНА СУҮГЕН ИСКУССТВО

Үлгерлер жуунтызынан алынган:

"Алтай совет үлгерлик" (Горно-Алтайск, 1987. – С. 55–56)

Сениң жүзинг башка өндү,
Адыңды ончозын тоолоп болбос.
Сени кижиге јилбиркеп көрөлө,
Сууген сонгында айрылып болбос.

Албаты сени узак јылдарга бүдүрген,
Јылытгаска јүрегинде бек туткан,
Канча уйени өткүре сени
Эрке балазындыч чеберлеп экелген.

Сени көргөндөрдиге јүректери ойнойт,
Чөрчөк јеринде јүргендий бодойт.
Сен – кунуккан јүректердин эмчизи,
Сен – куучын баштайтан озочыл.

Каргандарды оморкодын турадын,
Јиит гер јүрүмий чечекле оройдын,
Качан да билишпеген улусты
Бойын ажыра таныштырадын.

Сен мени база бактырдын,
Бойыңды эччил јүрөр эттин.
Бис эку туркаары кожо болуп,
Санаабысты экунинг јантыс эттин.

Айас тен ерини тунде көргөндө,
Каткырышкан јылдыстарла јилбиркейдис.
Агын сууны кемеле кечкенде,
Кайыкты экүлөп бирге эжедис.

Темир кушка экү отуруп,
Булутты јенгил кезип јүредис.
Болот кара айгырга минип,
Городгон городко айылдап јүредис.

Бутты тудар сары балкашты
Буудак јогынан өдүп турадыс.
Каскак ташту бийик кырларды
Канатту куштыч ажыра учадыс.

Бисте јажырап неме јок, нөкөр,
Суушкенисти ончо улус билер.
Бис экунинг нак болгонысты, нөкөр,
Албатыбыс качан да ундыбай јүрер.

Сенин жажын – элбек алтамда.
 Онбос чечектерин там жаранат.
 Менин жажым жаанатанда
 Чечегим каран онгоны билдирет...

Менин жүрегим уйуктаар тушта
 Сенле айрылыжар туш болор.
 Жараш колыңды меге сунуп,
 Жакшылажатан ой келер.
 «Жакшы болзын, кару искусство!
 Жаранып жүзүн чечекте,
 Мен нажыңды сен ундыба,
 Бистин күндүни сен таштаба...

Мен сенен айрылбазым
 Ургүлжиге кожобысты билерим!» –
 Омок унимле мен тың айдарым,
 Жүрегиме уйуктаарга бербезим.

1940 жыл.

Николай Глебов, П. Быстров

БАШТАП БИЧИИЧИ АВТОРЛОР КЕРЕГИНДЕ

(көчүрөөчи И. Шодоев)

(Кепке базылганы айынча: Ойроттын комсомолы. – 1940. – № 42)

Бу жыл майда бистин газет талдама куучындарга, стихотворениелерге, кожондорго, очерктерге ле чөрчөктөргө литературный конкурс жарлалган. Конкурс бойынын амадузында областьтын ичинде литературный күчти таап бириктирерге туры. Мында онын жаан керектү задачазы болуп жат.

Конкурс общественостынын анчада ла жашөскүримдердин ортозында изү карууны тапты. Калганчы ойдө редакцияга көп стихтер келди. Стихтердин эн керектүзи төрөлин сүүгени, албатынын башчызы нөкөр Сталинди, Социалистический Алтай кемнин баштаганыла өзүп, тыгып турганын, Кызыл Черүни сүүп турганы болуп жат.

Бис эм тургуза жангыс ла баштап бичип турган поэттер керегинде, анчада ла једикпестери керегинде айдып турубис. Эм тургуза куучындар, очерктер, чөрчөктөр ас келди, онын керегинде шүүлте эдерге арай эрте.

Баштап бичип турган поэттерден көп улус куучын бичигенинен стих бичиирге јенгил деп бодойдылар. Онызы јастыра, стихтер – ол литературный творчествонын сырангај јаан, уур бүдүми болуп јат. Јакшы болзын деп эки-үч сөсти рифмалу эткени – ол јеткил эмес. Онын учурын, тилдин культуразын, эдилгенин билер керек, стих эдип јазаар законун, онын теориязы керегинде кандый бир јенгил учурын билерге керек. Баштап бичип турган поэттерге (јангыс та ологго эмес) бир де минутка узүктелбес аргазын бедиреп, тилди јакшы билип, тилди, онын грамматиказын, стихтин учуры ла бүдүмин јакшы иштеерге, билерге керек. Онойып иштеерге – јакшы үренер, база катап үренерине болуп јат.

Баштап бичип турган Г. Автомановтый, А. Буслаевтый, В. Иртановтый поэттер ле прозаиктер јакшы келишкедий эдип бичиирге кажы ла сөсти кичееп иштеп турулар. Онын ортозында јиит авторлордын ортозында бойын сырангај јетире билер поэт ле прозаик эдип чимеркеер темдектер бар.

Кош-Агаштан О. деп нөкөр бичип јат: «Менин произведениемди печатька элбеде јарлазын деп турум, не дезе, онын учуры Кош-Агаш аймакта малдын азыралынын базазын (!) бүдүрерине, албатынын санаазын ферганга (?) бурултар неме болуп јат. Мен баштап бичип турган сөстин јурукчызы (темдектегени бис Н. Г., П. В.) болуп, литературно-художественный ишти тынгыда бойыма ишгеп јадым. Бу стихотворениени газетке салзаар, ол тушта мен база ийерим: «Салбазагар, база нени де ий-безим» – деп.

«Сөстин јурукчызына» бис онын стихотворениези газетке саларга јарабас деп каруузын бердибис. Јартаарга бу стихотворениеден бир кичинегин айдып турубис:

Палач салкын килебестен чөлдди
 Јуудат.
 Ташты кемирет, кумакты дезе
 Казып чачат.

Бу чөлдө Кош-Агаш јурт бар,
Деп јер бойында онойдо адайт.

Онын санаазында салкын ташты кемирип турар, кумакты казып чачып турар, кандый да история алдында коркушту неме болуп јат. Тундегени келишпейт. Салкын кумакты апарар, ташка табарар аргалу, автор бойынын бичигенинде онын керегинде айдарга керектү болгон. Сананган сагышла, палачтый салкыннын характеристиказы колболбойт.

Кош-Агаш јер бойынын болуп јат деп айдат. Бу чын ба? Кычыраачы авторго будунбейт, не дезе Кош-Агаш ол районный центрдин официальный ады болот, өскө башка ады јок.

Кош-Агаштан өскө автор редакцияга «Чөл» деп стих ийген, произведениени сыраңгай бичик бил-бес кижии бичиген. Ондый болзо, ол «јүзүн-јүүр литература» бичип турган (?) «јакшы талантту писательге «квартира база көп акча берзин» – деп, эмеш те кемзинбей айдып јат.

Николай Куликов – комсомол, үредүлү кижии ондый ок уйатту меге келет. «Красная Ойротияда» ондо бир стихотворениезин газетке салган. Ол ого чуулданып, редакцияга өчүркеген письмо бичиген: «Менин стихимди не салбай турыгар? Тегин заметканы салып, ого гонорар төлөп, менин стихимди салбай туругар» – деп.

Бу темдек кезик јиит авторлордын ортозында сайыркак элемент болгонын, олардын јоп болгоны деген керегинде бойынын творческий ижинде эрчимдү иштеер кууни јок болгонын айдып јат.

Конкурстын комиссиязына јангыс ла стихи бичиирин билери јанынаң эмес, је тилге бай болгоны – эң керектүзи. Олордын идейно барып јатканы, јакшы стихотворениелер келет. Ондый стихтер «Лети экпресс», «Дорога» ла өскөзи де болуп јат. Олордын авторлары поэзия јанынаң бойына эрчимдү санып иштеп, онын бажына једерге алтам бажына бойына јолды јазап алып барып јатканы – танылу болуп јат.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ОЙРОТИЯ» 1941 г.

Павел Кучияк

Матка ячменя

(литературный перевод Б. Каирского)

№ 52 (1 мая)

На левом берегу быстроструйной Семы, по обеим сторонам серо-синей ленты Чуйского тракта раскинулись домики деревни Камлак. Было время, много лет подряд в воды говорливой Семы вместе с многочисленными горными ручейками стекали горючие народные слезы, и Сема несла их бурной Катуню, а та – дальше, в степи... Тревожным эхом отдавались в горах стенания и народный плач. Лучшие долины и плоскогорья покрывались росой бедняцкого пота... Так было.

Давно унесла безвозвратно Катунь народные слезы; не плач, а песни веселые разносит по горам эхо. Песни радостного, дружного, созидательного труда.

Сегодняшний Камлак – Камлак колхозный.

Мы пробыли два дня в сельхозартели имени Сталина. Встав утром, мы не увидели празднующихся людей, не услышали криков: «Иван Иванович, на работу! Почему спишь долго, Матрена?» и т.д. Пульс колхозной жизни бился ровно и уверенно, как у здорового человека.

– К нынешней весне подготовку мы начали с ноября прошлого года, – рассказывал председатель колхоза Игнатий Степанович Семенов. – Да иначе и быть не может. В колхозе по-кампанейски работать нельзя. Круглогодичная непрерывная работа налажена – значит, и дело будет спориться. Жизнь-то, ведь, не кампания! Вот, сейчас сеять начали и к сенокосной готовимся. Травка нас ждать не будет. А проспим – время упустим.

Весна не спешила с приходом. Колхозники с нетерпением ожидали окончания таянья снегов. Бригадир полеводческой бригады № 1 Василий Павлович Цымбаленко рассказал нам:

– И моя, и вторая бригада давно были готовы к севу. Ждем-пождем, а снег все не тает. Хоть помогай солнышку! – говорят колхозники.

Наконец, появились проталины. 20 апреля от каждой бригады выехало по звену. Утром я встал пораньше, чтобы звеньевых разбудить. Смотрю, а они уже лошадой запрягли, вожжи в руках держат, ждут, чтобы команду подал.

А солнцу колхозники бригады Цымбаленко, действительно, помогли.

26 апреля была закончена бороньба на вытаявших участках.

На той же полосе больше 5 гектаров вспаханной земли лежало под толстым слоем снега.

«Вот теперь солнышку помочь придется, чтобы оно нас не задерживало», – подумал Цымбаленко. Несколько коротких указаний и распоряжений, и железные зубья борон врезались в плотно лежащий снег.

Назавтра к полдню освобожденная от снега земля дышала полной грудью и жадно впитывала остатки талого снега. Еще через день она приняла в себя чистые, как золотой град, зерна пшеницы.

– Как с дисциплиной? – спросили мы у бригадиров.

Товарищи Цымбаленко и Жерноков улыбаются:

– Кому ж теперь после постановления о дополнительной оплате лодыря корчить захочется? Верно, есть еще отдельные люди, которые нормы не выполняют, а насчет выхода на работу или опозданий – этого нет.

В обеденный перерыв на коротком производственном совещании тов. Семенов попросил одного из бороноволок:

– Расскажи, тов. Казанин, почему это так получается: вот ты 150–200 процентов нормы выполняешь, а рядом с тобой работают, на такой же земле, на одинаковых лошадях и одной нормы не натягивают? В чем секрет?

– Какой тут секрет? Кони у меня такие же, ноги тоже не длиннее, чем у других. Шагаю себе, не торопясь, но зря и не останавливаюсь. Ну, еще... – Казанин задумался, – еще, когда утром на работу иду, сенца вязанку захватываю. Ноги устанут – покурить сяду, коням сена-го и дам. Вот они веселее ходят так до обеда. В обед коней покормим и снова до вечера. Когда работать любишь – все хорошо будет. Почему другие не выполняют? Вон – Морозов рядом со мной боронит: два следа пройдет – ляжет. Кони стоят, а он себе полеживает. Тучки ли считает или пташек слушает, шут его знает! Злобин, так тот коня из строя вывел. Вот и норму-то не выполняют. Забыли пословицу: «Весенний день – год кормит».

Тов. Казанин, трудясь сам честно, не дает спуска лодырям – расхитителям драгоценного времени. Он – заботливый хозяин в своем колхозе. Он хорошо понимает, что ему и колхозу приносит добросовестное отношение к труду.

И таких, как Казанин, в колхозе десятки.

В поле мы встретили старого Чачаева Солунка. Долгую жизнь он прожил. Много видел за свои 87 лет. Хоть трудно, а не вытерпел – пришел на пашню. Любуясь на работу гусеничного трактора, старик говорил:

– Когда-то эту землю андазыном* ковыряли, да и из-за самой земли до рукопашной доходило – кому бы получше кусок захватить. А теперь смотри: железных коней с огненным сердцем запрягли, сразу полдолины боронами захватывает.

Солунка берет горсть земли, ласково разминает ее ладонями, на ладони остается «матка ячменя» – личинка майского жука. Он любовно рассматривает червячка и довольно улыбается.

– Урожай нынче большой будет. Видишь, какая «матка ячменя» полная!

– Она, дедушка, полная потому, что третий год землю кормим, – сказал кто-то из колхозников.

– Да, верно это, – задумчиво проговорил Солунка, – червяк какой маленький и то полный стал, а большая земля во сколько раз пополнила, а? Хорошо советская власть придумала: землю мы удобрениями кормим, а земля нас хлебом кормит... хорошо!

С противоположной стороны полосы, рожоча мотором, возвращался трактор. Мы уступили ему дорогу...

* *Деревянная соха.*

Григорий Автоманов

**Враг, пощады не жди
№ 83 (11 июля)**

Враг поднялся войной, но удар наш двойной
Получила орава лихая.

Нет вам чести иной! Вы кровавой слюной
Захлебнетесь, как псы издыхая!

Всей отчизной идем за любимым вождем,
Никогда мы не будем рабами!

Не сломать наш подъем – под железным дождем
Враг устлал путь своими гробами.

Гнев народа – гроза на стервяжьих глазах!

Мир поднимем на гитлеров, крупов!

Пусть увозят назад не добычи воза –

Только горы разбойничьих трупов!

Есть обычай такой у героев-стрелков:

Брать отвагою в огненной буре.

Ярость наших штыков, доблесть красных полков
 Враг изведаль на собственной шкуре.
 Русь рвала по лесам глотки рыцарям-псам,
 Славу предков мы носим поныне.
 Гитлер, помнишь и сам – немцам дал по усам
 За разбой народ в Украине.
 Гонишь лютой свой сброд на советский народ,
 Нет бандитам ни хлеба, ни жизни!
 Ты пойми, сумасброд: тверже горных пород
 Патриоты в могучей отчизне!
 Враг смертельно постыл! Враг еще не застыл!
 Выйдем в бой несгибаемым строем!
 Сердце фронта – весь тыл, героический пыл
 На полях, на заводах устроим!
 Враг, пощады не жди! – так сказали вожди.
 Никогда мы не будем рабами!
 Враг, безумен, – иди под стальные дожди,
 Устилай путь своими гробами!

Григорий Автоманов

Джигит
 № 89 (25 июля)

Мне пела дочь милого края:
 «Вор ломится в нашу семью...
 На седла, джигиты Курая!
 Орлы, растерзайте змею!
 Брань трусу, а слава – герою!
 Отвагой прославь наш колхоз;
 За стадом твоим шаг утрою,
 Стахановкой выпасу коз».
 Сказал мне акын Кош-Агача:
 «Есть смелому песнь у меня».
 Я вспрянул, от радости плача:
 «Сквозь пламя пушу я коня!»
 Аул весь – встревоженный улей,
 Кто с нами – тот сердцем не стынь!
 Спешите мстить Гитлеру пулей.
 Сыны желтогорбых пустынь!
 Великую силу дал Ленин,
 Он гордость зажег нам в глазах –
 Батырь не встает на колени,
 От раны не стонет казах!
 Аркан на враге не ослаблю,
 Долг выполняю, Сталин-отец!
 Как молнию вынесу саблю,
 Как ливень обрушу свинец!
 Мой клич – визг пурги над равниной,
 Мой натиск – взлет вихря в грозу;
 Конь вздыбится яростью львиной –
 Фашиста срублю, как лозу!
 Возил я тоску на верблюде,
 У бая слез вылил семь рек...
 За жизнь, чтоб не плакали люди,
 Борюсь я, степной человек.
 Смерть богу фашистского «рая»,
 Месть злому за братьев, сестер!

На седла, джигиты Курая,
Загоним змею на костер!

Друзья, – вам успеха с посевом,
Мечите на славу стога.
Джигиты, испелим гневом,
Развеем по ветру врага!

Война и люди
№ 110 (12 сентября)

Весь наш народ ополчился против фашистских захватчиков. На фронте и в тылу рождается невиданный героизм. Среди отважных героев – светлый образ капитана Гастелло. Мужественный воин советской земли, летчик-сталинец, ценою своей жизни, взорвал вражеские цистерны с горючим. Этот взрыв прогремел грозным предупреждением врагу. Гитлер и все его приспешники еще раз убедились, что они столкнулись с непреодолимой силой – советским патриотизмом, способным вышибить оружие из их окровавленных рук. Советские люди всех возрастов, общественных положений горячо любят свою родину. Этим благороднейшим чувством пронизывается государственная и общественная деятельность граждан, их повседневный быт, поведение, настроения, труд. Оно особенно ярко выражается в дни отечественной войны. Недавно ойрот-гуринец Петр Сергеевич Столбцов провожал на фронт сына, бывшего пехотинца. Шагая с ним в ногу, старик поучал:

– Яша, в цепи копей скорее ограждение для головы. Ляжешь за валик, а лопату воткни наискосок перед собой. Понял? Пуля попадет в лопату – срикошетит. Было так на опыте. Или вот фуражку подал на дудочке повесь. Немец будет стрелять в фуражку, лоб высунет. А ты его по лбу из винтовки – раз! Лежи, подлюга!

– Ладно, тятя! – улыбается сын.

– В штыки пойдешь – смекай. Не маши винтовкой в стороны, туда-сюда. Бей штыком прямо, с разгона.

– Дельный совет, тятя! Буду делать так. Столбцовы крепко обнимаются. Молодой мчит на запад, старый идет в мастерскую.

Этот эпизод примечателен одной характерной особенностью: отец спокойно расстается с сыном, учит его быть сметливым бойцом, советует искуснее применяться к обстановке боя, чтобы больше, как можно больше поражать врагов. Чем же в данном случае объясняется поведение Петра Сергеевича? Только любовью к родине, ненавистью к её врагам.

Война выдвинула строгую перестройку нашего труда. Люди стали требовательнее к себе и к другим. Вопрос – «что я сделал для фронта?» – вошел в обиход как повседневная заповедь. Чтобы выполнить её, надо работать втрое больше, чем прежде. Так и поступает Екатерина Ивановна Плюхина, учительница начальных классов 12-й школы гор. Ойрот-Тура. Она в каникулы еще задолго до занятий приготовила учебные планы, наглядные пособия, обошла квартиры учеников, проверяя подготовленность детей к учебе. Учителя Онгудайской средней школы заменили рабочих-строителей, оштукатурили и побелили комнаты новой школы, заработок внесли в фонд обороны страны.

Что же побуждает этих товарищей и тысячи им подобных работать вдвое больше, браться за любое дело, лишь бы оно было на пользу родине, лишь бы их труд был ударом по врагу? Только патриотизм – пламенный, величественный. Характер советского человека наиболее отчетливо определился в дни суровых испытаний. Человек, воспитанный большевиками, целиком отдает себя служению родине, борьбе с захватчиками.

– Мой муж на фронте сражается с фашистами. А я – что? Буду сидеть, сложа руки? Никогда! Для меня нет часов, минут, не занятых работой, – вот слова красноармейки И. Михайловой. Она, работая мастерицей в ойрот-турской пошивочной промартели «Ойротка», выполняет нормы более 180 процентов. Пастушка из колхоза имени Молотова, Кош-Агачского аймака, Суринова, одна пасет яков в горах.

– Ты не боишься? – спросили её.

– Мой муж с винтовкой защищает родину, – отвечала казашка. – Врага не боится. И я не знаю страха. У меня ружье. Ни волка, ни вора к стаду не допущу.

Нам навязана война. Советские люди мужественно встали лицом к фронту. Все их помыслы, гигантский трудовой подъем устремлены к единой цели: раздавить фашистскую гадину. Тыл и фронт в этом стремлении неразрывны. Эту неразрывность ярко подчеркивают письма бойцов на родину и ответы на них из тыла. До последней капли крови будем биться за отчизну, за родного товарища Сталина. Трудитесь по-стахановски, больше накапливайте оборонных средств. Сплоченностью фронта и тыла уничтожим подлых бандитов, – пишет красноармеец товарищ Кричевцев коллективу ойротской

конторы связи.

– Дорогие наши сыны, – отвечают связисты. – Сражайтесь с врагом в полной уверенности, что мы всеми силами, удесятеренным трудом поможем вам разгромить фашистское зверье.

Враг злобствует. Красная Армия разгромила его лучшие дивизии, провалила его план «молниеносной» войны. Она вымещает злобу на раненых красноармейцах, населении. Коричневая чума убивает детей. Наша молодежь, наши дети преисполнены самой жгучей ненависти к заклятым убийцам.

– Не пожалеем сил, труда, а если надо и жизни для защиты нашей счастливой юности, — заявили комсомолки Е. Антонова, Г. Борзенкова, В. Шадрина, выражая общее настроение всей молодежи Ойротии. Эти девушки отличились на полевых работах в колхозе имени Кирова, Эликманарского аймака. Они связывали в день по 1000 снопов при норме 600 снопов. Нет такого уголка в нашей области, где бы комсомольцы не стояли на первом месте в промышленности и сельском хозяйстве. Родина превыше всего! – боевое устремление комсомольцев, молодежи. Оно вдохновляет их на трудовые подвиги во имя победы над врагом.

– Родина – превыше всего!— Эти слова должны глубоко запасть в сердце всех патриотов Ойротии. Их, как лозунг, надо пронести на все участки промышленности, сельского хозяйства, мобилизации средств.

Война требует работать по-военному. Люди, вооруженные сталинской нетерпимостью к врагам родины, одерживают победы на трудовом фронте. Силы наши растут с каждым днем. Сплоченные еще теснее вокруг коммунистической партии, вождя народов товарища Сталина, мы добьемся победы на фронте борьбы с фашизмом – злейшим врагом всего человечества.

Григорий Автоманав

**Фронту – все важное
№ 124 (15 октября)**

Вечер. Гудение
Двух веретен;
Мягко в их пение
Голос вплетен:
«Милые воины,
Верьте словам:
Силы удвоены –
Вам, это – вам!
Вышли на ворога,
Грозны, как львы;
Все, что нам дорого –
Вы, это – вы!
Прялочка новая,
Пряжа нежна;
Куртка пуховая
Другу нужна.
Руна у ярочек
Чище порош;
Другу подарочек
Будет хорош».
«Доченька, золото –
Добрая речь!
Сеяно, полото –
Надо беречь.
Нами взлелеяны
Стаи орлят;
Славой овейаны,
Мощью бурлят.
Фронту – все важное,
Всякий запас!
Племя отважное
Бьется за нас.
Спорят с морозами

Шубы, пимы;
 Фронту обозами
 Вышлем их мы».
 Полночь. Молчание;
 Пух подметен;
 Громче жужжание
 Двух веретен.

И. Духовный

**Московский Государственный Педагогический Институт
 им. К. Либкнехта в г. Ойрот-Тура
 № 136 (12 ноября)**

В Ойрот-Тура приехал Московский Государственный Педагогический Институт им. К. Либкнехта. Прибытие в Ойротию квалифицированного профессорско-преподавательского коллектива столицы, включающего видных представителей физико-математических, исторических, химических и психолого-педагогических наук, имеет крупнейшее общественное значение.

Институт разворачивает в первую очередь работу двух факультетов: исторического и физико-математического. Начат прием студентов на все курсы. Кафедры института возглавляются профессором-доктором исторических наук А. З. Ионисиани, заслуженным деятелем науки профессором-доктором Н. Г. Тарасовым, профессорами-докторами физико-математических наук А. Н. Зильберманом и Г. Б. Гуревичем, профессором-доктором педагогических наук К. Н. Корниловым, профессорами К. П. Новицким, П. И. Поповым, В. И. Спицыным, К. К. Милоновым.

Помимо регулярных занятий со студентами, институтом организован научно-популярный лекторий для широкой аудитории. Начиная с ближайшей недели лекторий приступает к чтению лекций на актуальные темы: «Воспитание воли и характера», «Героическое прошлое русского народа», «Борьба свободолюбивых народов Европы против немецких агрессоров», «Иран и происки немецких фашистов в Иране», «Современная химия и война» и ряд других.

Институт предполагает также организовать систематическую работу с учащимися старших классов: создание кружков – математических, исторических, психологических под руководством профессоров и доцентов, чтение популярных лекций по географии, физике, химии, математике, истории, проведение экскурсий, олимпиад и т. д.

Для учителей г. Ойрот-Тура и прилегающих районов запроектировано проведение регулярных занятий по типу институтов усовершенствования учителей – по педагогике, психологии, истории, географии, философии, физике, химии, математике.

Для работы института областными организациями предоставлено здание Ойротского Педагогического училища.

Внимательное отношение областных организаций к разворачиванию работы Института имени К. Либкнехта создает благоприятные условия для его деятельности и является важным залогом успеха в работе.

И. Симонов

**Институт имени Мичурина
 № 139 (19 ноября)**

20 ноября с. г. на 2-м, 3-м, 4-м, и 5-м курсах Плодо-овощного Института имени великого русского ученого И. В. Мичурина начинается учебный год в гор. Ойрот-Тура. Студенты с чувством глубочайшей преданности родине приступят к овладению знаниями, необходимыми для творческой работы в колхозах и совхозах.

Переезд Института непосредственно из Мичуринска в Ойротию неслучаен. Наличие плодово-ягодного пункта, естественно-природные богатства области, возрастающий интерес населения к развитию плодоводства и овощеводства, широкие возможности к осуществлению этих мероприятий – все это создает нашему Институту перспективы для благотворной деятельности.

Вместе с коллективом профессоров прибыли работать в Институте сын и дочь великого русского ученого – Николай Иванович и Мария Ивановна Мичурины; депутат Верховного Совета РСФСР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор С. Ф. Черненко; заведующий кафедрой овощных культур, орденносец М. К. Хаев; заведующий кафедрой плодоводства, профессор Н. Г. Жучков; заведующий кафе-

дрой физики, профессор И. Н. Оболенский; профессора С. К. Гусев, С.С. Рубин и другие. Скоро прибудет в Институт заведующий кафедрой селекции, лауреат Сталинской премии, доктор сельскохозяйственных наук П. Н. Яковлев.

С первого дня приезда развернули общественную работу кафедры основ марксизма-ленинизма (зав. кафедрой доцент В. И. Станкевич); механизации сельского хозяйства (зав. кафедрой кандидат наук С. П. Сачли); агрохимии (зав. кафедрой доктор наук профессор С. К. Гусев); земледелия (зав. кафедрой профессор С. С. Рубин).

При Институте организуется специальный лекторий; будет прочитан ряд лекций для трудящихся гор. Ойрот-Тура по вопросам текущей политики, дарвинизму и др. специальным темам. Заведующий кафедрой ботаники, кандидат наук В. В. Новиков готовит лекции по дарвинизму; лекции о И. В. Мичурине прочитает заведующий кафедрой физиологии растений, кандидат наук Н. Б. Поплавский.

Мы согласовали вопрос с Ойрот-Турским райкомом ВКП(б) о проведении силами Института курсов председателей сельсоветов и колхозов. В Институте организована комиссия по организации мичуринского кружка из любителей учителей, учащихся, врачей, рабочих и служащих.

Несмотря на сложную и напряженную военную обстановку, мы в полной готовности встретим начало учебы. Это еще раз свидетельствует о неисчерпаемых резервах и ресурсах, которыми располагает наша родина.

Мы во многом уже перестроили свою работу. С самого начала отечественной войны студенческий и преподавательский коллектив Института не прекращает своей трудовой деятельности. Десятки студентов ушли добровольцами на фронт. И с ними, ПЛАМЕННЫМИ патриотами родины, ушел секретарь первичной комсомольской организации Института И. Г. Иванников. Он пал смертью храбрых под Смоленском, отстаивая честь и свободу любимой родины. Значительная часть студентов помогала колхозникам на полевых работах.

Сейчас задача всего профессорско-преподавательского коллектива – подготовить в короткий срок высококвалифицированных специалистов сельского хозяйства. Этой важнейшей задаче должна быть подчинена вся учебная работа Института. В грозные дни борьбы советского народа с фашизмом в стенах Института будут выковываться кадры патриотов, всегда готовых под знаменем Ленина-Сталина выступить на защиту родины; кадры энтузиастов науки, могущих творчески претворить в жизнь слова великого ученого-ботаника И. В. Мичурина. «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача».

Таисия Тоцакова

**ОБЛАСТНОЙ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ БАШТАПКИ
КОНФЕРЕНЦИЯНЫҢ ИТОГТОРЫНА**
(*Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот. – 1941. – № 8*)

Ойротский бичик ле ойротский литературный тил Октябрьдан ала тӧзӧлгӧн.

Ойротский тил ӧскӧ национальностордын тилдери чилеп каан Россиязында школдордо токтодулу болгон. Ойротияда каан тужында бир эмеш тоолу школдор болгон. Ӯредуни олоордо орус тилле ӧткӧрген.

Октябрьский Социалистический революциянын кийинде литературный тил ӧзӧп, Ойротиянын колкучиле јаткандарды социалистический культурага бириктирерине ийделу рычагтардын бирузи боло берди.

Социализмнин строительствозында тил сырангај јаан учурлу болуп јат. Албатыга ончо керекту болгонун, ол тӧрӧл тилле айдып болбой турган болзо, ол јадагај арткан албаты болоры јарт, танылу, онын учун ленинско-сталинский национальнй политиканын тӧзинде национальнй тилди ӧскӧрер ишти элбедер. тӧрӧл тилле литература эдип саларында, школдор ло политпросветучреждениелер тӧзӧӧринде – задача онызында болды...

Ойротский литературный тилдин баштапкы ӧзүми, бичикти ӧзӧр эдер некелтени будурерине, алфавитти тӧзӧӧр планда тилдин баштапкы ӧзүмин, баштапкы орфографияны, грамматиканы ла ӧскӧни де лаптап саларына турушкан болзо, калганчы ӧйдӧ дезе ойротский албатынын производственный кӧчтери ле материальнй культуразы кубулган тӧзинде, литературный тилдин, национальнй литературанын, стабилнй орфографиянын, тилдин литературный эрмеги бир болорынын, терминологияны, стабилнй грамматикаларды, анчада ла синтаксисти ле литературный тилдин стилистиказын ла ӧскӧни де ӧзүмдӧ эдерине – јангы задачалар кыйалта јоктон тура берди.

Откӧн јылдарда бу керекле ас эмес иш бӧтти, је ол координированный болбоды. Литературный тилди ӧзүмдӧ эдеринде: бӧткен иштин јуулган бастыра ченемелин бир системага эдери керекту болгонун, оны школьнй ишчилердин, писательдердин, авторлордын ла кӧчӧречилердин турушка-

ныла шуужерге керектү болгонын практика көргүсти.

Бу задачаны бүдүрерге албаты уредүнинг областной отделы 1940 жылда, декабрьдын учында областной языковедческий научный баштамы конференцияны жууды, ол сыраңай керектү мындый сурактарды:

а) ойротский литературный тилдин кирези ле онын өзүминин перспективтери керегинде;

б) общественно-политический терминдерди практический тургузары ла принциптери, база көчүриштин качествозы керегинде;

в) ойротский литературный тилдин алфавит ле орфографиязы керегинде шуужип бүдүрди.

Языковедческий научный конференциянын төс учурлузы – литературный тилдин нормаларын тургузарында, онын өзүминин өскө жолдорун таап аларында, орфографияны стабилизировать эдеринде, терминологияны тургузарына – принциптерди жартап тургузарына. Онын практический кичеенкейлү болгонын темдектелди.

Ойротский литературный тилдин кирезиле, онын өзүминин перспективтери керегинде (докладла) нөкөр Бабушкин куучын айткан. Нөкөрлөр социалистический строительствонун сыраңай жаан жөнүлөрдүн шылтузында Ойротский тил сыраңай кубулганын темдектедилер. Ол государственный официальный тил, советский аппараттын тили, школдорго уредүнинг тили боло берди, оныла жууун-базын дисциплиналарга учебниктер чыкты, үренчиктер муннан төрөл тилине билимге јединдилер.

Тилдин өзүминде ондый сыраңай жаан көдүрини Ойротский автономный областтын 20 жылы туркунына бутти, тилдин исторический өзүмине онызы сүрекей кыска ой. Тегинде, тилдер јусылдыктарга өзөдилер. Ойрот тилдин түрген өзүми, классовый обществонон көрө, торт өскө төслө ол өскөнине ле культуранын; тилдин төзөбчилери эксплуататорлор эмес, ойрот албатынын колкүчиле јаткан массалары болгонына учурланат.

Бойынын өзүминде ойрот литературный ла эрмектин тили мындыйыла байыган да, байыл та туру: а) интернациональный ла орус сөстөрдү, темдектезе, совет, колхоз, промышленность, государство, Советский Союз, Конституция, полевод, доярка ла өскөзин де тузаланганыла;

б) төрөл тилдин сөстөрүнөн ойротский тилдин сөс бүдүрөөчи суффиксынын болушыла јаңы терминдер, темдектезе, вождь-башчы, пятилетка-бешжылдык, рабочий-ишмекчи ле өскөзи де бүдүргөниле;

в) өскө сөстөрлө тузаланып, олардын учурын јаңы учурга, темдектезе, ударник-мергендүчи, совенование-мөрөй – деп кубултканыла.

Литературный тилди төзөбринде ле кеберлү эдеринде, художественный литературный роли сыраңай жаан. Онын учун төрөл тилле литература төзөбди, эрмектенер тилге сүрекей јууктап, ууланар учурлу.

Сөстөрдүн тоозы јанынан ойротский тил сүрекей бай эмес ошкоштый көрүнөт, је тоозы дезе качестваго көчөр учурлу. Тоозы көп сөстөрлө чике тузаланып, элбек санаалар айдарга келижер. Темдектезе, Павел Кучияк писательдин произведениелеринин тили сыраңай чүмдү болгоныла башкаланат. Нөк. Кучияк төрөл тилдин лексический байыла јакшынак маневрировать эдет. Онын произведениелеринин тили ойротский литературада аңылу јерде турат. Павел Кучияк, орден тагынган чөрчөкчи Н. Улагашев бойынын албатызына учурлу произведениелер берип, эмдигизине је гире танылу эмес болгон, ойротский албатынын творчествозынын јөбөжөзин орус бичик кычыраачыларга көргүстилер. Олардын произведениелеринин тилин ойротский литературанын мынан ары өзүминде кебери эдип салар керек.

Јаңыс литературный тилди популяризация эдерине, ойротский литератураны јеткил эмес чыгарганы – тутак болгонын, куучын айткан улус темдектедилер. Онын учун ойротский поэзиянын ла прозанын эн артык кеберин бичикке чыгарып, бу литератураны кычырар улуска түрген једерин лаптаар керек. Ончо библиотекалар ла изба-читальняларда ойротский литературанын отделениелерин төзөп, үредүчилерге литературный минимум тургузар керек. Тилдин сурактарына общественный ајаруны тартарга, периодический печатты элбек тузаланар керек. Квалификацияны көдүрер курстар ажыра төрөл тилдин преподавателдерин үредер керек. Көчүриштердин ле газет тилин массага јарт, танылу эдип, мынызына көчүришке ле редактирование тилдин эн артык мастерлерин тартар керек.

Бу ончо мероприятиялерди бүдүрерге, јартаачы элбек ишле колбоштырар учурлу. Культурный көчүриштин ийделу рычагы, социалистический культуранын бастыра өзүмине ойротский албатынын колкүчиле јаткан массазын, бичиктер аргазы тил болгонында, литературанын ончо өскө бүдүмдеринин төзи – тилдин культуразы болгонын темдектеер керек.

Терминологияла көчүриштин качествозы керегинде докладтар (нөк. Куранаков ло Шабураков) сыраңай јилбилу этти. Литературный јиит тилдин терминологиязы сыраңай түрген өскөнинен улам, бу суракты теоретический тургузарына бис сүрекей сондоп турганыбысты куучындаган нөкөрлөр јолду темдектедилер.

Терминологический иш башталганынан ала башка-башка ишчилердин индивидуальный творче-

ствозы болуп өткөн. Онын учун бир жанынан ондый болгоны. Экинчи жанынан десе, мынызына принципальный кату жакылталар жок болгон учун терминологияла иш канча-канча сүрекей жастырларга барды.

Ойротский тилге марксизм-ленинизмнин классиктеринин произведениелерин, партиянын ла башкарунын сырангай керектү решениелерин көчүрери, массовый, политический, научный, производственный, технический ле өскө дө литератураны чыгарары сырангай жүрүмдү задача. Онын ортодо терминологияны жартап тургуслаганы, көчүргөн иштерди ондоп билери жанынан качествозыла жабыс продукция берди.

Уредүнинг литературазында кижин ондоп болбос формулировкалар учурайт, сүрекей жастырлар бар, онызы төрөл тилдин преподавательдери жанынан жарабасы болот.

Онон ары конференция «Кызыл Ойрот» областной газеттин практикага жарабас көчүрижин темдектеди.

Терминологияны баштатырар практический мероприятиелерди ле жакылталарды конференция тургузып, онызыла коштой көчүриш ишти чике жолдоп көндүктүрерин, оны жарамыкту бийкке көдүрерин темдектеди. Ончозынан озо терминологияны канайда төзөөрин, оны бүдүреринде аайы-бажы жок болгонын ажындыра токтодоп, конференция жартады.

Конференциянын калганчы доклады ойротский тилдин алфавидине ле орфографиязына токтоды.

Школ керегинде башкарунын ла партиянын калганчы решениелеринин ле онойдо ок бастыра үредүнинг задачалары аайынча орфографияны төзөөр принциптерин тургузар сурак анчадала сүрендү тургузылды. Мынызыла коштой орфографиянын кезик эжилерин практикада аайы жок тузаланганынан улам, эмди де бар орфография ла орфографический практика канча-канча једикпестү болдылар.

Орфография керегинде докладты шүүшкени, төс учурында – орфографический системаны тургузарда, онын төзине салынган принциптерди көстөөрине ууланды.

Јер бойында орфографический иштин кирезин шүүлтеге алып, орфографиянын сырангай актуальный мындый сурактарын: а) сөстин ортодо морфологический ле фонетический бичиир аайын (тазылда ла кожолтада); б) сөстөрдү, онын бөлүктөрүн кожо ло башка-башка бичири, база дефисле тузаланарын жартаачы ла жарталган сөстөр; служебный сөстөр лө бөлүгөштер ле өскөзінде; в) сөстөрдүн ичинде фонетический бүдүмдөрдү бичири (үнгүрлердин гармониязы, үндүлөрдүн узуну, үнгүрлердин ассимиляциязы ла өскөзиде); г) интернациональный ла үрене берген сөстөрдүн орфографиязын тургузарын конференцияга темдектеди.

Тилдин ле бичиктин блашту болгон канча-канча сурактарын жартап ийеринде конференция бүдүргөн иш баштапкы ченеш болды. Тилдин төс жолдорун темдектегениле конференция жарамыкту рольду болгоны јарт.

Константин Симонов

ЕДИНОБОРСТВО

(от специального корреспондента «Красной звезды»
(Печатается по: Красная звезда. – 1942. – № 186)

Этот эпизод еще можно было назвать «Четырнадцать и одна».

Четырнадцать – это танки. Немецкие средние танки марки Т-3, образца 1939 года. 50-миллиметровая пушка, два пулемета, четыре человека команды.

Одна – это пушка. Русская, полуавтоматическая, 76-миллиметровая пушка. Когда мы говорим о пушке, это означает, что мы подразумеваем оружейный расчет – семь бесценных бойцов и их командира лейтенанта Илью Шуклина.

Биографию воина в наше суровое время принято начинать с первого подвига. Биография Ильи Шуклина только что началась. Но если говорить о предыстории её, то это будет обычный рассказ о человеке, родившемся двадцать лет назад в глухом алтайском селе Черный Ануй, о русском школьнике – сначала пионере, потом о комсомольце, сначала о зачинщике детских игр, потом о заядлом спортсмене. Это будет один из тысячи рассказов, в которых нет ничего особенного до той минуты, когда старый школьный учитель вдруг вспоминает вихрастого паренька, сидевшего на задней парте, и с гордостью говорит: «Да, он учился у меня в классе».

Шуклин кончал десятилетку в первые дни войны. Всю последнюю зиму ему хотелось скорее кончить школу. Артиллерийская музыка звучала в его ушах, черные петлицы с золотыми скрещенными пушками волновали его юношеское воображение. В его семье любили артиллерию. В артиллерии служил его дядя Терентий Шуклин, в артиллерийской школе учился его брат Андрей. Лучший его друг

Иван Попугаев тоже скоро должен был стать лейтенантом артиллерии. В мае, перед самой войной, Шуклин одновременно получил письма и от брата, и от друга. «Давай к нам в артиллерию», – писали они, по-мальчишески уже чувствуя себя матерыми артиллеристами.

В первый же день войны, вернувшись из школы после очередного экзамена, Шуклин сел за стол и написал заявление, начинавшееся со слов: «Прошу принять меня...»

Так началась военная учеба. Какой длинной она казалась! Как мучительно было читать каждый день сводки с фронтов, а самому все еще ездить на полигон и все еще стрелять учебными снарядами по условным мишеням. Если бы это зависело от Шуклина и курсантов выпускали по одному, он бы, кажется, спал через день, чтобы кончить училище вдвое быстрее.

Был весенний день, но снега еще не стаяли. Поезд шел через снежную тайгу, через бесконечные сибирские станции и полустанки, все дальше на запад. В одном из вагонов ехал молоденький, только что выпущенный из училища лейтенант, с двумя новенькими золотыми пушечками на черных петлицах.

Впереди была война.

Человеку дано высокое право в минуту тяжелых испытаний чувствовать себя особенно необходимым родной земле, чувствовать, что именно его, лично его присутствия не хватает там, где в крови и огне решаются судьбы народа. Не поехать туда было бы невыносимо. Именно с этим святым юношеским чувством ехал Шуклин на фронт. И мысль о бездействии была для него несравненно страшнее мысли о смерти.

Сначала Шуклин попал на фронте в дивизию, стоявшую во втором эшелоне. Это была для него почти война, но все еще не война. В первых числах июля фронт придвинулся. Шуклину пришлось получить боевое крещение в тяжелые дни. Тяжело в двадцать лет, когда ты полон романтики и юношеского пыла, начинать свой боевой путь с отступления. Правда, дивизия по нескольку раз в день переходила в яростные контратаки, правда, она отходила последней, пробиваясь через вражьи кольца и сжигая немецкие танки, но отступление все-таки есть отступление, и Шуклину, который в эти дни почернел от пыли и оброс, первый раз в жизни было так тяжело.

Он вывел все свои пушки и всех своих людей, за исключением нескольких, павших на его глазах на поле боя. В эти дни он дрался много и жестоко, но в нем все еще не рождалось ощущение подвига, чувства, что он делает именно то, о чем мечтал в школе, к чему стремился, уезжая сюда, на войну.

Во второй половине июля дивизия твердо укрепилась на позициях и начала сразу наступать. Жить стало сразу как-то веселее. Если раньше, во время отступления, командуя своей батареей, Шуклин чувствовал только ненависть, только ярость, то теперь он впервые познал чувство упоения боем. А проходя то место, по которому бил, он мог, наконец, видеть результаты своей работы. Если раньше, после боя, в короткие минуты, вырванные для сна, он молча смыкал глаза и засыпал мгновенно, словно проваливался в бездонную черную пропасть, то теперь, как бы он ни устал, ему все равно хотелось перед сном поговорить о только что прошедшем дне, о вдруг вспомнившихся деталях боя.

И он замечал, что бойцы его тоже разделяли такое чувство. Впервые за все время они вечером, сев в кружок, мурлыкали песни, а командир орудия, заводила и плясун Акиншин, голосом изображал музыку.

Орудия много работали, как никогда, и однажды перед вечером явившиеся на батарею специалисты из полевой мастерской заявили, что без срочного ремонта из орудий стрелять опасно, а короче говоря – нельзя. Командир дивизиона приказал отвести орудия в рощицу, за ближайшую деревню.

Всю ночь и все утро ремонтировали пушки. А в двенадцать дня, в разгар ремонта, с передовых позиций стала слышаться все более ожесточенная канонада. Помощник командира полка, подскакавший на взмыленном коне, еще не слезая, спросил, в каком состоянии орудия, можно ли из них стрелять. Мастера сказали, что сейчас, в эту минуту, можно стрелять лишь из одного орудия, и то – тут они покачали головами, – не исключена возможность разрыва ствола.

– Ничего, – вдруг сорвался с места командир орудия сержант Акиншин. – Мое орудие не разорвется, я его знаю. Поедемте, товарищ лейтенант!

Но Шуклину уже не нужно было этого говорить. Он уже отдавал приказание о выезде на позицию. Помощник командира полка сказал, что немецкие танки, стремясь задержать наше наступление, пошли в контратаку и под рукой сейчас нет больше ни одного орудия, кроме этого.

Орудие прицепили к трактору, и трактор рванулся с места. Шуклина уже не было, он поскакал на коне вперед, чтобы выбрать позицию. С ним вместе поехал командир взвода лейтенант Мальцев. Шуклин выбрал позицию в густой ржи, на гребне холма, откуда расстилалась широкая панорама и был хорошо виден гребень соседнего холма, где, очевидно, и должны были появиться немецкие танки.

Шуклин нетерпеливо ждал орудия. Наконец оно подъехало вместе с трактором, полным снарядами. Лейтенант установил пушку на позицию и снова верхом выехал на самый гребень. Именно в эту секунду он увидел на горизонте силуэты танков, двигавшихся к лежавшей слева деревне. Сначала он увидел десять, потом еще и еще. Всего он насчитал тридцать. Один за другим они появлялись на греб-

не ближайшего холма. Это было очень заметное место – как раз на перекрестье отмеченных на карте дорог. Шуклин сверил эту точку на местности и на карте, определили расстояние и прицел и спервого же снаряда зажег танк.

Танки шли на него фронтально, огибая высотку. Вслед за первым снарядом последовала целая серия. Сидя в двадцати метрах от орудия на коне, он корректировал стрельбу и непрерывно командовал: «Огонь!». Когда был подбит третий по счету танк, остальные экипажи засекали, очевидно, расположение орудия и с ходу открыли огонь. Снаряды рвались кругом. Орудие по приказу Шуклина мгновенно сменило позицию и снова начало стрелять. Потеряв еще несколько танков, немцы снова нащупали орудие. Теперь снаряды ложились совсем близко.

Шуклин продолжал корректировать огонь, не сходя с коня. Рожь была высока, и видеть поле боя как следует можно было только с коня. На десятом танке снаряды стали подходить к концу. Шуклин приказал водителю трактора Осадчому ехать в тыл, за километр отсюда, подвезти снаряды. Трактор пошел напрямик через открытое поле. Вокруг свистели осколки, но он тарыхтел и шел. Значит, водитель был жив.

Тем временем Шуклин продолжал вести огонь. Осколком ранило в бедро командира взвода Мальцева и тут же вслед за ним наводчика Ромашева. Вместо него за панораму сел красноармеец Каюмов. Снаряды были уже на исходе, когда вернулся трактор с новым запасом. Осадчий вместе со связным красноармейцем Лончаковым стал подавать снаряды, и в эту минуту его тоже ранило в бок.

Впереди дымились уже двенадцать танков. Остальные, развертываясь, стали уходить за бугор, но два из них, оставшись на высотке, теперь повели огонь уже не с хода, а с места. Надо было менять позицию, но обессилевший водитель неподвижно лежал во ржи. Шуклин в первый раз за все время боя слез с лошади. Прицепив орудие к трактору, он сам сел за руль и оттащил его еще за пятьдесят метров на новую позицию. В эту секунду подскочил связной из штаба дивизии.

– Кто здесь ведет огонь? – отрывисто спросил он.

– Я, – устало сказал Шуклин, вылезая из трактора.

– Командир дивизии приказал передать, что он благодарит! – крикнул связной.

Шуклин снова сел на коня, и опять загрохотали выстрелы. После нескольких удачных попаданий были подбиты еще два танка. В последний, четырнадцатый, попадание было особенно удачным, и он сразу вспыхнул.

Наступила минутная пауза. Потом сбоку из-за холма, прямо из ржи, выскочило пять немецких машин с пехотой. Они обогнули овраг и пошли прямо на орудия. Шуклин дал несколько снарядов, разорвавшихся впереди, а потом приказал Акиншину сразу перенести огонь назад, на край оврага.

Испуганные первыми выстрелами, немцы развернулись и задержались у края оврага. Здесь их и настигла целая серия снарядов. Только двум машинам удалось спуститься в овраг. Три, подожженные прямыми попаданиями, загорелись на месте.

Выстрел, которым была зажжена последняя машина, был последним выстрелом орудия. Предсказания мастеров наполовину сбылись: отказала полуавтоматика, перестал закрываться затвор.

Но сзади, из-за перелеска, показались, наконец, подходившие из тыла на помощь новые орудия.

Четырнадцать подбитых и зажженных танков были теперь хорошо видны на бугре. Одни еще дымились, другие просто темнели во ржи неподвижными темными пятнами.

Артиллеристы варят в котелках суп из молодой картошки. Вкусный дымок поднимается над котелками. Немецкая дальнобойная артиллерия обстреливает рощицу, и над свежими воронками тоже поднимается еще не рассеявшийся сизый пороховой дым. Мы сидим рядом с Шуклиным. У него озорные черные глаза и веселое, очень молодое лицо. Но оно вдруг делается по-мужски серьезным, когда он рассказывает о бое. В его лексиконе нет слова «подвиг». Может быть, даже то, что он сделал, он сам не считает подвигом, но по счастливому выражению глаз чувствуется, что этот бой был исполнением его желаний, самых заветных и самых сильных. Он вспоминает о том, ради чего ехал сюда, и его мальчишеское лицо сразу становится вдохновенным лицом мужчины и воина.

А потом, задумавшись, он вдруг начинает вспоминать о событиях совсем недавних, не имевших отношения к войне, – о матери и отце, живущих в далеком городе Ойрот-Тура, о товарищах-комсомольцах из города Ойрот-Тура, где он был членом бюро райкома комсомола, и о девушке Вале Некрасовой, которая уехала на Дальний Восток в военно-морской флот, и последнее письмо прислала с дороги, из Новосибирска.

И мне хочется, чтобы, прочитав этот номер газеты, отец и мать Шуклина были горды своим сыном, чтобы комсомольцы Ойрот-Туры вспомнили своего товарища, на которого им нужно быть похожими, и чтобы девушка Валя Некрасова знала, что её любит настоящий хороший человек с верным глазом и крепкой рукой солдата.

УЛУ СТАЛИНГА

Ойротский автономный областтың 20 жылының күнинде алтай
албатының письмозы

(Кепке базылган айынча: Кызыл Ойрот. - 1942. - № 56)

Улу башчыбыс!
Трудта ла жууда
эрчимде, жангаксыбазында,
ченемелдин кату күнинде,
Бойының ак-чеги ле жайымы учун
кара ордаларла
женүлү тартышкан күнде,
Качан бастыра телекей фашизмди
өчүркеп көргөн күнде,
Алтайдың ыраактагы бийик тууларынан
Уткуул ийип турубыс, командир ла
башчыбыс сеге!

Хрустальду туулу ла чанкыр көлдү ороондо
Көп суулу Аркытла, Чарышла, Кадынла
Ойротияның жайым албатызы бүгүн эаенет.
Санаазы күзеп, сөзин Кремльге ийет:
– Бүгүн тойлоор күн эмес,
Биске жаан учурлу да күн болзо,
Је мактулу уткуулды сакыбаска турубыс.
Алтай тууларындагы көчкүндери
Јадын жүрүмнің чынын билди,
Советтер ороонының чечектеген садына
Түней биледий киргеннен бери
Бүгүн-јирме жылы бүтти.
Улу башчыбыс! Јирме жылга чыгара
Партия бисти женү јолынча апарат.
Лениннің уредүзи карануйда јарыткыш болот.
Канайда сүүмчилү жүрүмге тартыжуда једерине,
Канайда эдип, үренип, јуртаарына
Бисти ончобысты ол үредет!
Алтай албаты иште ле жууда
Ырыс јаар эрчимдү барып јат.
Лениннің партиязы. Сталиннің партиязы
Бисти бу ырыска ижемчилү баштап јат!
Озогы тушта карануй болгонын,
Бис ончозын јарт билерибис.
Бу карануйды катап көрбөскө,
Бүгүн бис сүүнер эдибис.
Туулу Алтайда балдарысты бис
Сталинский күн јаркынында чыдаттыбыс,
Је ологго ло биске јууктаарга турган
Кыйын-шыраларды ундубазыс.
Озодо каргышту кул болгон керегинде
Санаабыс бистинг ујандатпазыс.
Јирме жыл ... Тын да узак эмес
Бис балдар болуп жүргенис.
Ачу-корон сыгытты укканыс,
Төрөлисте ыйлап, онтоп жүргенис.
Јайзаңдар адаларысты колго туткан.
Камдар кара «үредүзин» јайган.
Кожойымдар, бийлер ле абыстар,
Казыр колду ачап шилемирлер,
Крестле, камчыла, аракыла,

Бисти түбекке түжүрүп, ыр гагандар.
 Байга иштегенде, курсак бербейтен.
 Албатынын кыйынынан жер ончозы онтогон.
 Улу тынып кунукканда,
 Алтын-Кол жарадынан ажатан.
 Јоктулардын көзүнөн жажы аккан.
 Ончозы ондый болгон.
 Озогы өткөн жүрүм керегинде
 Орденду кайчы Улагашев Николай
 Ончозына жүрүп, көрүп келгендий.
 Чынынча кожонго жураган:
Јаргак тоным жардымда
 Јылу тутпас болгон эт.
 Јутпа байлар азыйда
 Күчүм јиген болгон эт.
 Корум таштын койнында
 Койон кирип јада калт.
 Коо јараш јаш тушта
 Кожон айдар кууним калт.
 Озогызын сананза,
 Онтудан өскө неме јок.
 Онын бугун ордына
 Октябрьдын чүмдейлик:
 Бүгүн чыккан Кызыл Күн
 Озогызынан јаркынду.
 Бүгүн јүрген өскүрүм
 Озогызынан ырысту.
 Өзөк-јикте кыйналган,
 Онжибес јуртыбыс ундулды.
 Омөликке јуулышкан,
 Колхоз јуртыс тынғыды.
 Эки-јангыс малыбыс
 Элбеп тоозы көптөди.
 Јүрген јаскы суу чылап
 Јүрген байып онжиди.
 Јаш балдарыс бичикке –
 Јана баспай үренет.
 Јажы јаандар суунип,
 Јаш болорго куунзейт!
Сен бистин Төрөлибис! Сеге эмес болзо, кемге айдатан
 Јүрүмде кандый тартыжу, бис оны көрөрис.
 Карыгандар јүк ле ырмааттанган санаага бас.
 Айдары јок јакшынак јединдибис
 Албатынын үлгерлеринде, куучындарында, табыскактарында
 Јакшынак керектер ле амадулар јуунадылды.
 Алтайдын тууларында, куучындарында ла керектеринде
 Албатынын геройлары, чөрчөктөри табылды.
 Бистин баатыр Сартакпай
 Төрөл Алтайын јан ыртарга сананды.
 Јол јазап, субактар касты.
 Баатыр күчин кысқанбай беринип,
 Кайкамчылу күрди бүдүрерге сананды.
 Кадын суузын бактырып болбоды,
 Бир мажактан јүс үрен аларга.
 Бистин албаты чөрчөктө амададылар.
 Албатынын куучынында билгир баатырлар
 Јылдан јылга бойлары угушты.
 Албаты өштүзинең коруланып тартышкан,
 Каандардын бажын оодо соккон.

ЛЕНИН ЛЕ СТАЛИН ЖОЛДЫ КӨРГҮСКЕН ТУШТА
 АМАДУЛАР ОНЧОЗЫ ЖУРУМДУ БОЛГОН.
 Бистин албатынын кеен кожоньнда
 жайым мүркүттй кожондошканы тегиндү эмес:
 Келер баатыр эмес – тегин кижн.
 Чөрчөктөрдн керектерн эдип турганын билерис.
 Бистин Сталинский жыргалду өйдө.
 Јиит ороон озогызын чөрчөктөр эткен.
АЛТАЙДЫҢ МӨНКҮ ТУУЛАРЫНДА
БААТЫРДЫҢ КЕРЕКТЕРИ КУЧТУ ЈАРТАЛГАН.
 Алтайда јаны советский өй башталды,
 Бу советский жылдардын туркунына
 Мөнкү кайаларды јолдор кезип өтти.
 Кадын суузына күр салынды.
 Јоктулар байга мүргүген јерде,
 Бөкөйип андазынла тырмаган јерде
 Колхозтын элбек јалангы болды.
 Тракторлор кобыларда куулеп туры.
 Ас бычык айылдар турган јерде.
 Колхоз журтыбыс чечектеди.
 Колхозтын кирелтези өзөрдө,
 Трудокүн жылдан жылга байыды.
 Кан-Оозынан темдектеп алзагар,
 Каганович ады колхоз-миллионер.
 Кош-Агаштын «Мухор-Тархата» колхозы
 Он мундар малдарды өскүрнп, оморкоды.
 Озогыда мал соктон өлөтөн,
 Эмди колхозто үчтен ферма төзөлгөн.
 Кышка азыралды белендеп јадык,
 Бистин малыс үрендү, су-кадык.
 Јүс үрендү мажакты ефромовтор тапты,
 Јүс пудтан тужумди кырадан јуунатты.
 Туулу јерлерге аш бүтпес – деп,
 Јөргөмөштү толыктарда «теория» таркаган.
 Алтын-мөнгүн Ойротто јок деп,
 Кабинетте амырынча талмудтар бичнген.
 Бу «укаалар» салкынга чачтырды,
 Курайдын чөлдөрнде аш бышты.
 Алтайыбысты бис шиндеп көрдибис,
 Урал ла Кавказта бүткени ончозы барын таптыбыс.
 Большевицкий керекти табар иш болорында
 Кандый бир буудак тудуп болор бо?
 Мичуриннин «Природадан быйан сакыбас» – деп сөзи.
 Сибирьде сад өскүрген ээжи төзөгөзи.
 Бистин туулу јерлерибисте
 Колхозтын јараш садтарында
 Јүзүн јиилектер быжып турганда,
 Бис кожондошпой канайып отуратан.
 Мичуриннин өскүрген јиилектү агаштары
 Алтайда мундарла отургузылган.
 Колхозты, турабысты ару тудуп јадыбыс.
 Радио, книга, кино, газет, театр
 Бис чыдадып алган артисттер, поэттер
 Тузалу культураны биске көргүзедилер.
 Вузтар, јарык школдор, садтар, яслялар
 Бистин балдарга чике јолдор,
 Јагыс ла үренигер, билигер, өзигер!
Бистин Уредүчибис! Јүрүмде не барын, нени эткенин
 Ончозын тоолоп болбозыбыс.

Мынын ончозына өштү кара санайт.
 Онойто ологго неме болбос.
 Неге једингенистин ончозы учун
 Тын туруп тартыжарыбыс.
 Кыйын-шыранын учурын бис билерибис!
 Алтын Украинанын јайымы ла ак-чеги учун,
 Белорусс наајыбыстын туразын шоктогоны учун,
 Бу бандит аңдарды јаман өчтөл,
 Обь суунын комы бүктелет.
 Кадын суузын эмес, албатынын өчин
 Элбек јайылган чөлдөргө јетирет!
 Бистин јаман көргөнис, салда мизин курчыдат.
 Өч балтыр эдибисти болоттый кадырат.
 Туу кара суузы чактарга агар
 Алтын јүрүмибис үргүлјиге турар.
 Ару сүрлү Алтайыбысты өштүлер
 Качан да болзо, артадып болбостор.
Бистин Баштайчыбыс! Јуунын јылдарында
 Фронтко, черуге, ороонго болужарга,
 Ончо санаабыс оны кичеейт.
 Јаңыс ла онын керегинде
 Тун-туш бисти иштендирет.
 Јенү бойы келбезин билерибис.
 Фронт тылла биригип, јенүни сулайт.
 Кажыбыс ла јенүлерди эдеечилерге кичеенип,
 Фронттын ла трудтын јуучылдары болдыбыс.
 Алтайда јыл јаңы, военный болуп,
 Фронтко металл керектүзин билип,
 Туулардагы јажытту металлдарды коскорып,
 Рудниктерди бис төзөдибис
 Јенүнин күндери ылтам болзын деп,
 Черуге снарядтарды бис бердибис,
 Оштүлерди оодо согорында фронтко болуш эдип,
 Центнерле аш, эт, ус, сүт, тук бердибис.
 Продукталарды – снарядтарды көптөн эдерге,
 Герой-јуучылдарды дезе неден де түретпеске,
 Мында терен тылда бис билерибис:
 Бистин мылтык – трактор ло салда,
 бистин патрондор – аш!
 Фронтто олүмдү, калапту јууларда
 Эрчимдү тебуле геройлор буткендер,
 Онойып ок туулу тылдагы военный күндерде
 Трудтын геройлары бүдүп чыктылар.
 Областьта ончозы сүүгени тегиндү эмес.
 «Тылдын гвардеецтери» – деп, тегиндү адаган эмес
 Јаан урожайдын – јаан мастерлерине.
 Он үч талдама ууларга, кыстарга.
 Трудта јенүлери учун төрөл јаан орооныс,
 Ордендерди бергени тегиндү эмес.
 Урожайдын мастерлеринин јозогын – мааныны,
 Салданы, аттарды, сеялканы, тырмууштарды ла тракторлорды
 Јууга шыйдынып алгандый бис апардыс,
 Јүк ле ой келерде, кыраны баштадыс.
 Туулу Кан-Оозы гвардейский иштеп.
 Беш майга кыра планын ажыра бүдүрген.
 План үстүне эки мун гектар урендеген.
 Кан-Оозынын колхозторы парды баштаган!
 Коксуу-Оозынын, Ондойдын ла өскө дө аймактын колхозторы
 Бийик урожайдын јакылтазын бүдүрди.

Военный јасты бойынын ойинде божотты.
 Откөн жылдагызынан көп үрендеди!
 Јажыл кебис кылгалар өсти,
 Јакшы өзүмиле бисти сүүндирди.
 Бистин јүректеристе ижемчини тыгыдар,
 Бу жыл туулу јерлерде военный урожай болор.
 Бистин туулардын карына јетире
 Чечектү олөндөр өзүп чыкты.
 Јаскы кыраны эрте баштагандый,
 Бистин черүге, фронтко, ороонго
 Продукталарды эки-үч катап көп берерге,
 Мал өзүминин төзөгөзин төзөөргө,
 Көк јажыл олөң учун,
 Мундарла обоголор учун,
 Умаазы јок көп азыралдар учун
 Бис база ла катап белетенип турубыс!
Бистин Сталин,
 Кызыл Черүге, ороонго ло биске берген
 Сенин баштапкы майдын јуучыл приказын
 Биске кычырулу ла јакылталу јантыланды,
 Кажы ла карууга ижемчилу чертендибис.
 Оштүни бу жыл оодо согорго,
 Бастыра күчибисти ишке саларыс,
 Кандый ла уурлар биске коркушту эмес.
Сталин айткан болзо, эдер учурлубыс!
 Пионер балдардан ала карыгандарга јетире
 Ончозына белен болгонын ла болорын,
 Алтайдын ончо тууларында
 Иштеп турганын фронт билзин.
 Калапту јууларда ла тартыжуларда
 Јүрүмиске ле каныска кысканбазыбыс.
 Ада-төрөлисти, јуртыбысты ла јерибисти корулаарга,
 Кандый да јеткерден јалтанбай барарыбыс;
 Тоолу өйгө фашисттердин кыйынына түшкен
 Карындаштарыбысты айрып алары учун,
 Јадар туразын жемирткендерге болужары учун,
 Бойыбыстын јайымыс ла ак-чегис учун.
 Ырысту балдардын јүрүми учун,
 Јескимчилү оштүни јенип салары учун,
 Кажы ла катудан коркубай барарыбыс!
 Эрчимдү уулдарыбыс төрөлин корулаганына,
 Бистин санаабыс оморкоп јат.
 Бар јүрегинде өчтин јалбыжыла,
 Үзүктелбеген јууда оштүни сүрүп јат.
 Боевой эрчимдү труды учун,
 Сен мактулу «Красный звезда» орден берген,
 Комиссар Алексей Какиндий уулдарды
 Фронтко бергенисле оморкойдыбыс.
 Геройлорго мак! Олорго тын күч берилген,
 Олордын алдына Темир-Санаанын,
 Көкия-Эркенин, Алтай-Буучайдын,
 Кан-Толонын күчтерин алгажын,
 Баланын күчине түңей, шилидий тоскок болгон,
 Бистин јуучылдардын күчи сүрекей бек,
 Ондый күч кемде де јок.
 Ондый эрчимдү ийде-күч јууларда бүдет,
 Оштүнин шибеезин оодо согот.
 Карындаштарынын, адаларынын, энелеринин акту
 каны учун,

Оогош өскүс балдардын көзинин жажы учун,
 Бу мындый ийде-күчти
 Өчтөөргө шуунген албаты берди.
 Ондый ийде-күчти жуучылдарга ороон берген,
 Ондый ийде-күчти жуучылдарга Сталин берген!
 Оштү шилемирлерин канча да көп ийзе,
 Бис ончобус тунгей ле жеңип саларыбыска,
 Боецтер ле бис жуучылдар иженип турус.
 Ненин учун дезе трудта ла жууда
 Бойыбыстын жайымысты корулаар макта
 Бисти улу СТАЛИН баштап жат!

Колкүчиле жаткандардын депутаттарынын областной Советинин, Ойротский автономный областтынын 20-чи жылына учурлалган VII Сессиязы письмоны жарадып алган.

Николай Баскаков

ОЙРОТТОР БИЙИК ҮРЕДҮ АЛГЫЛАЙТ

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1942. – № 60)

Бийик үредүлү ойроттордын тоозы сырангай ла көп эмес. Бу жыл 16 үренеччи тил ле литературный ойрот бөлүгинин баштапкы курсун божоткылап жат.

Төрөл тил ле литератураы, онын туукизин студенттер үренедилер. Олор алтайлап ончо жакшы куучындашкылайт, же литературный тилле коомой. Онын учун олор ойрот тилдин урогында бойлоорунун санаазын гөрөл тилле чике айдарына үренгилеген.

Профессор Кабо жебрендеги өйдөгизинен баштап, Алтайдын экономический ле физический географиязын кычырды. Алтайдын географиязы керегинде систематизированный материал, учебник жок. Оны төзөөр учурлу, онойдо ок өскө дө предметтердин учебниктерин бичиир керек.

Бистин выпускниктер келер өйдө Алтайдын тилин, литературазын, историязын, географиязын терен билип, үренип алар учурлу, же жаңыс ла үренип алары эмес, культураны да төзөөр учурлу. Бу күндөрдө олордын үлүзине быйанду, каруулу иш түшти.

Иштеерге көп келижер. Же бистин студенттер онын коркыбайдылар. Темдектезе, отличница Елена Зарибко ойрот фольклорды үренерин баштады.

– Мен балдарды сүүп жадым, сүрекей сүүп жадым, школдо мен куунзеп иштеерим деп, ол айтты. – Меге, менин өскө дө нөкөрлөриме ойрот тилине жаңы учебниктер, хрестоматиялар бичиирге келижер. Ол ончозы солун, онын эн ле ангылузы – бистин албатыга керектүзи. Ол керектү болгондо, мен жазаарым. Отличница Полина Осипова алтай литератураынын туукизиле сырангай терен соныркайт, же ого бойыла иштеерге келижер. Бистин задачабыс жаңыс ла ойрот тилдин ле литератураынын преподавательдерин белетеери эмес, же научный да ишчилерди белетеери болот. Ондый мактулу задачаны бис бүдүрерибис.

Жаңы үредүлү жылга бисте ойротский тилдин ле литератураынын кабинеди төзөлип жат. Институттын профессорлары ла доценттери, Ойротиянын научный ишчилери ле писательдери Алтайдын культуразын үренеринде семинарлар өткүрер. Ойрот литература керегинде кандидатский диссертациянын белегуүзи төзөлип жат. Күскүдө бисте база 30 студент үренер учурлу. Чындык үренерине ле иштеерине способный орто үредүлү эн артык улусты талдап аларына аймакный организациялар ла партиянын райкомы биске болужар учурлу!

Москвада К. Либкнехттин адыла адалган государственный педагогический институт

1942-43 үредүлү жылга тилдин ле литератураынын факультединин Ойрот бөлүгине студенттер аларын жарлап жат.

К. Либкнехттин адыла адалган МГП Институтта литфактын ойрот бөлүгү ойрот тилдин ле литератураынын преподавательдерин белетеп жат, орто школго, педучилищеге, рабфакка орус тилдин ле литератураынын, онойып ок ойрот тилдин ле литератураынын үредучилерин белетейт.

Ойрот бөлүкте үренер өй – 3 жыл

Ойрот бөлүкке орус ла алтай тилин билер 17 жаштаң ала 22 жашка жетире орто үредүлү (10 жылдын школын, педтехникумды, рабфакты божоткон УЛУС алынар). Учуралда чөлөө жер бар болзо, орто школдын курстарын, педтехникумнын 2 курсун божоткон улусты алар.

Институтка угузу-бичиктерди 1942 жылда 1 ала 15 июньга жетире алар.

Заявлениени директорго берер, оныла кожо беретен документтер.

1. Автобиография
2. Образованиени керегинде аттестат эмезе справка
3. Паспорт (оны бойы коргүзөр)
4. Уч фотожурук
5. Военнообязаннозы керегинде справка (военнообязанный болзо, биледи)

Ойрот болуктин студенттерин јадар јерле, столовыйла јеткилдее, стипендия текши основаниеле берилер.

Заявлениени ле справканы мындый адресле ийер: гор. Ойрот-Тура, Коммунистический 18, приемный комиссия.

Институттын директоры

Мариэтта Шагинян

СОБРАНИЕ В КОШ-АГАЧЕ
(Печатается по: *Правда*. – 1943. – № 300)

В областном центре задумали хорошее дело. Все это лето здесь много перебивало всяких комиссий и специалистов, чтоб разобраться в нуждах и недостатках местного животноводства, и в общем разобрались как будто, – а вот не было еще сделано одного: не выслушали пастуха. Что он скажет? О чем попросит?

Пастух же в Горной Ойротии – главное действующее лицо. И особенно велика его роль в самом далеком районе, Кош-Агаче, где стада круглый год проводят на пастбище, или «тебенюют», как здесь говорят, то есть ходят в табуне, на подножном корму, не только летом, но и зимой.

Задумано – сделано. Голубенькая «эмка» пустилась в трехдневный путь к Кош-Агачу, пересекая по диагонали всю область, крохотную на материке Сибири, но равную по числу квадратных километров целой Венгрии.

Навстречу нам все громче шумели горные речки, все круче перевалы, все ярче и выше цветы и травы, – розовые поля кипрея, синие поля аконита, черно-синие ковры корона, а на одном из перевалов, Чике-Таманском, забелели пушистые звезды редчайшего горного цветка – эдельвейса. В Швейцарии он цветет одиноко над пропастями, и чтоб сорвать его, альпинисты частенько рискуют головой, – а тут, не ведомый никому, красавец-эдельвейс разросся целой семьей, и мы, глазам своим не веря, рвали его в огромные букеты.

Был конец лета, а запах земли пьянил, – так медоносны здешние лесные долинки, «елани». Сравнить силу и глубину впечатления от земли, от красок, от звуков, от запахов Горной Ойротии ни с чем нельзя, природа все здесь устроила на «превосходную степень». Можно только сказать, что в этой жемчужине Сибири сочеталось лучшее, чем горд Тироль, – лесные ущелья, горные реки, водопады, – с лучшим, что есть у Швейцарии, – озерами, снеговыми вершинами («белки», по местному) и долинами цветов.

Чем выше забирались мы, тем больше отступало от нас дерево: сперва сдали сосны, не выдержав высоты; потом береза переродилась в так называемую полярную карликовую березку, да и та скоро исчезла; дольше удержалась шершавая, светло-зеленая, обомшелая лиственница, но на Семинском перевале отступила и лиственница, – остался один царственный кедр с могучими, мохнатыми, отягощенными шишкой, ветвями, – «батьюшка Алтай», по любовному определению алтайского эпоса. За перевалом ушел и кедр, обнажив новую, необычную волнистую даль.

На полупустынной равнине только солончаковые пучочки грубой и серой, как сама земля, травы. Вокруг на горизонте – кристаллы голых гор, расцвеченные фиолетовым, голубым, пунцово-красным. Нигде ни кустика. Кош-Агач на местном языке означает: «Прости, дерево», – одно-единственное дерево растет здесь во дворе погранотряда, за высоким забором. Забвеньем пахнет полынь.

А жизнь кипит, – широкая улица с шумным движеньем местного транспорта – верблюдов и маленьких мохнатых лошадок под высокими алтайскими седлами. Пешком не ходит никто, все тут ездят верхом, и древнейшие старухи гарцуют на лошадях, как влитые в седла.

На границе пустыни Гоби, на высоте двух с четвертью тысяч метров, здесь, как и в каждом советском районном центре, спешат верхом люди с портфелями в райсовет, открыта дверь в уютную столовую, убрана книгами витрина, работает типография, возвращаются ребята из школы, несет почта льонша газеты и журналы в отличный парткабинет, – он здесь, как и всюду на Алтае в дни войны, выполняет огромную культурную функцию – сразу и библиотеки, и читальни, и лекционного зала, и консультационного бюро, и места для собраний, занятий и учебы.

Взглянув на забор перед зданием парткабинета, наш спутник сказал: «Чабаны уже в сборе!». В са-

мом деле, множество маленьких лошадок, запыленных по брюхо, было привязано к забору: извещенные по телефону, люди съехались на собрание со всего аймака.

Сталинская Конституция в её историческом действии – это прежде всего сам человек, то, чем он стал, по сравнению с тем, чем он был, – и это особенно ярко видишь на отдельных наших народностях, до революции бесправных.

Ойрот, именующий сам себя «алтай-кижи», то есть «житель Алтая», по мнению Марра, – древнейший человек в мире, протоазиат, предшественник всех азиатских рас. Много племен составляют сейчас то, что мы называем алтайской народностью.

В Кош-Агаче живут преимущественно теленгеты, а бок о бок с ними – родственные алтайцам казахи.

До революции кто только ни помыкал ойротом, – он был в плену у собственного бая, его обирал свой шаман, он был опутан царскими чиновниками, миссионерами, купцами, кулаками. Рубаха гнила на нем, не снимаемая до последних дней жизни; женщина не смела скинуть тяжелой одежды «чегедек», навсегда надеваемой на неё после замужества. Только ничтожный процент ребятишек выживал от болезней, у ойротов зеленью сочились изъеденные трахомой глаза, их донимали нищета, грязь, инфекции.

А сейчас бывший бесправный батрак-пастух стал хозяином богатейших пастбищ. В Ойротии 14 клубов, 590 красных уголков, 10 районных библиотек, 10 Домов культуры, 116 изб-читален, свой прекрасный национальный театр, своя драматургия, начало которой положил покойный советский писатель Кучияк, первый поэт и романист Ойротии.

И человек, чье лицо веками носило защитную маску приниженности, приbedненности, непротivления, человек, прятавший в сутулости, молчаливости, робости все своеобразие, весь многовековой наследственный дар своей национальной пластики, всю свободу своего национального жеста, расцвел и развернулся при советском строе не только морально, но и пластически.

Мы входим в узкую и длинную залу парткабинета. За столом, уставленным графинами со свежим белым, отраднo кисленьким в этот знойный день, кумысом, собрались знатные кормачи и чабаны, а вернее, кормачки и чабанки, потому что война и здесь на первое место в тылу выдвинула женщин.

При слове «пастушка» мы привыкли представлять себе нечто очень юное, зарю девичьей жизни. К этому приучило нас искусство XVIII века с его пасторалями в музыке, живописи и поэзии, еще звучащими в ранних стихах Пушкина. А здесь, рядом с молодыми пастушками, есть семидесяти-восьмидесятилетние старухи, опыту которых доверены самые трудные пастбища. Они сидят в остроко-нечных пирамидальных шалках, обшитых по краю барашковой кромкой; из-под шапок свисают у них две длинные, табачного цвета, не успевшие посесть косы. Эти старческие косы кокетливо заплетены ремешками, украшенными маленькими, завезенными из Индии, раковинами и заткнуты за широкий пояс справа и слева. Худенькие, смуглые, ставшие сухими и блестящими от солнца и ветра, лица; узкие, бездонно глубокие монгольские глаза, беззубые старушечьи рты с неуловимо-деликатным, почти детским выражением; и на этих лицах играют веки. Именно играют, – семидесятилетняя старуха-чабанка так тонко, с таким юмором вскидывает и опускает их, отвечая на ваши вопросы, что вы через эту величавую страницу времени, через письма этого лица угадываете новую, неизвестную вам доселе форму человечности, внезапно открывающуюся в живом жесте ярче и понятнее всякой книги.

Глубоким внутренним достоинством дышит этот жест.

У старой чабанки сын и внуки на фронте, и сейчас она, медленно раскуривая трубку и внимательно сблизив брови, слушает по радио последнюю сводку.

Курят все, даже молоденькие девочки. В синем дыму каким-то изваянием кажется знатный верблюжатник, казах Кадыр Ачубаев, почти сомкнувший узкие, косые глаза, вскинувший ястребиный профиль с кудреватым клином дымчатой бородки, весь остроко-нечный – от шапки до кончика сапога.

Все это – люди большой советской культуры, не раз бывавшие в Москве на Сельскохозяйственной выставке, отличные советчики, с которыми стоит поговорить.

И беседа в самом деле оказалась на редкость поучительной.

Маленькая Ойротия хоть и похожа на Швейцарию, а все же – Сибирь, страна сухого, резкого, холодного континентального климата с непрерывной сменой атмосферного давления, изнашивающей не только сердца людей, но и сердца овец и коров.

В животноводстве Ойротии есть свои разделы, которых нет в Швейцарии, – верблюдоводство, мараловодство. И скот здесь, выдержав многовековую борьбу с климатом, приспособился, закалился, приобрел свои качества – за счет других качеств, – силу и крепость в ущерб молочности. Сибирская корова дает, правда, меньше молока, чем симменталка, но она прекрасно зимует там, где симменталка гибнет, и не требует забот и ухода, как эта последняя. Овца местной породы дает, правда, грубую шерсть, но зато она во много раз выносливей мериноса, неприхотливей его и может нагуливать много жиру.

Старухи-чабанки отлично понимают всю диалектику происходящей борьбы за животноводство, отлично разбираются в принципе районирования. Одна из них, вставляя папиросу, которой угостили её, в свой чубук, сказала с неподражаемой восточной вежливостью:

«Ты говоришь о том, что мало молока у наших коров и мало шерсти у наших овец. Сколько знаю, – больше от других слышала, чем сама знаю, – направление нашего скотоводства в Кош-Агаче мясное. Наши коровы пасутся – нагуливают мясо, овцы нагуливают жир. Овчина алтайской овцы очень хорошая, хотя шерсть грубая. Меринос у нас гибнет. Надо сохранить нашу алтайскую породу».

Другая на вопрос о том, в чем заключается хорошее качество пастушьей работы, ответила нам:

«Хорошо пасти – значит хорошо ходить. Чтоб овца жирела и шерсть на ней густела и становилась мягче, нужно выпас разбить на клетки и, когда пасешь, менять эти клетки, давать в течение полутора месяцев каждой клетке отдохнуть, а уже потом возвращаться на старое место».

Иначе сказать, хороший чабан должен быть в своем роде землеустроителем, провести «пастбищеустройство» и сделать это не при помощи реек и геометрии, а при помощи собственных ног и памяти.

Алтайская речь удивительно образна, переводчик невольно упрощал её и огрублял. Это было особенно жаль, когда речь на собрании зашла о пастухе и его нуждах. Пастух здесь – самый нужный и ответственный человек. Ему колхоз поручает стадо, – то есть и свой долг государству, и хлеб насущный, и зажиточность завтрашнего дня. И вот, уходя зимою в тебеневку, пастух долгие месяцы проводит вдали от родной юрты, в безмолвии морозных, пустынных пространств; он становится одиноким «человеком у костра».

«Город, не забывай человека у костра! – воскликнула одна из чабанок. – Мы долгие зимние дни и ночи охраняем твой завтрашний день, бережем и пасем скот, но ведь надо позаботиться и о нас! Чем жив человек у костра? Три вещи нужны ему, и без этих трех вещей одиночество его еще глубже, работа его еще труднее, мороз для него еще холоднее». Она подняла узкую, коричневую, старческую руку и по пальцам сосчитала: «Первая вещь – металлический котелок. Вторая вещь – кок-чай. Третья вещь – соль». Нашим торговым организациям нужно прислушаться к этим словам и засылать в Ойротию не рассыпной, а плиточный зеленый чай.

Узнали мы на этом собрании и еще об одной немалой задаче алтайского животноводства: необходимости создать местную породу злых пастушьих собак в помощь чабану. Местная, как выразился переводчик, «маломощна», – волки, задирающие скот, ничуть её не боятся. О пастушьей собаке нужно позаботиться государственно, скрестить местную породу с овчаркой, с лайкой, сделать отбор среди местных алтайских собак.

И еще одно: до зарезу нужен Ойротии свой ветеринарный институт, подобный знаменитому Ветинституту в Ереване, куда приезжают советоваться чуть ли не со всего света. Быть может, силами и кадрами этого института следовало бы открыть в Ойрот-Тура хотя бы его филиал и создать при нем лабораторию для выработки вакцин.

Закончилась беседа торжественной частью, – лучших чабанок премировали: кого ягненком, кого телкой или жеребенком. Разъезжаются люди, все меньше лошадей остается у забора. Подкатила к ступеням и наша вычищенная голубая эмка.

Невероятный закат обливает горы. Машина мчится вниз под пение горной речки, сливающееся с рокотом мотора. Мелькают молочно-розовые зеркальца небольших озер. Умные утки ниточкой плывут подальше от ружья, к соседнему берегу. Небо, горы, одиночество этой пустынной земли в её острых, незабываемых контурах, такое тонкое, тончайшее, словно пером нарисованное по кисее, становится вдруг открытием: понимаешь, откуда взялось монгольское изобразительное искусство. Мы считаем его манерой, условностью, но оно реально. Его диктовала природа.

Еще сотня километров – и видение пустыни Гоби потухает в темноте наплывающего леса.

Ойрот-Тура.

Мариэтта Шагинян

ЈЕР ЧЕЧЕКТЕЕР

Текст јуунтынан алынган:

*"Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи.
Очерктердин јуунтызы" (Ойрот-Тура, 1947. – С. 141-144).*

Биске јолды кўрди кечире кыр јаар чыгара кўргўзип бергендер. Городтын учы јаар апарып јаткан бу тапчы оромнын кадалгак тужы европейский курортный јерлердин кыйуларын: Италияны, Карпатты эске алындырып. Бистин јердий эмес, кандый да ёско болуп кўрўнди. Тарам јаашка бир эмеш чыкталып калган јер таныш эмес изўге јиргилденип турды. Ийттер, сырангај јок болгондый, ўрбей турдылар, пўтўктер этпей турган. Булут јок тенериден кижы чыдажып болбос изў тўжўп турды.

Оноң ары барар жол там ла бийиктеп, там ла күч болды. Оградадар ла агаш турачактар жылыйгылап, тротуар жылыйып барган соңында, жажарып турган туу көрүнип келгенде, жол туу жаар бурылды.

Күн канайып та изүү чалып турганын бу жердин бүдүүзүн түштүктүн ле күнбадыштын городторына жүзүн-жүүр түндештиргени эске алындыра айдып та турганын, же бис кайда болгоныбысты билип, ундыбаганыбыс. Машинага отурып алып, бир канча частар туркунына барганыбыс, бисти Гобинннн ээн жеринен ырадып турды; мынан эки район өткүрө – Кош-Агашта – жер үргүлжиге тон жадат: мында кышкыда бежен градус соок каа-жаа болотон эмес. Бу Сибирь, чын ла Сибирь, Туулу Ойротиянын столицазы – Ойрот-Тура. Мында изүү жай, недедеге амыраар күндий, кыска болуп жат. Бис мынын бастыразын эске алынып тура бойыбыстын көзибиске бутпедибис.

Эмезе кайда да Кисловодскийде, туунын жаныгында фантастический немедий цветниктер турды. Олордон койу ароматтын жылу толкузы келип, жаба согуп турды. Бастыра кандый ла өңдү мундар тоолу роза чечектер бар эмтир. Ак танкы, от өңдү пиондор, көк георгиндер. Сары өңдү лилия чечектер стене кеберлү тургулады. Мында клумбалар ла скамейкалар жок болгон, мында тоозы жок будактын байлыгы, жаландагы чылап жаркындалып турган. Оноң ары цветниктерди ээчий – жиилек агаштар. Оноң ары – фруктовый ла ботанический сад – Ойротиянын оморкодузы, онын көрүмжилу «плодовая-годный питомниги» бистин алдыбыста көрүнип турды.

Бис өрө конторада будүминен көргөжин, практикага сырангай жүзүндеш эмес, бу садтын төзөөчи-зи, бийик эмес сынду, очкалу шүүнчен Михаил Афанасьевич Лисовенколо таныштыбыс.

Сибирский садовод – ангылу киж. Сибирьде сад өскүрүп аларына, экспериментатор болуп бүдөр керек, кандый ла жиилекти бедиреерин ле табарын, шиндеп көрөрүн ле амтанын амзап, билер ченемелчи болор керек. Сибирьде соок, јут-жааш, кургак турары, изүү кайкамчылу артыгынча берилген, мында жангыс ла вегетационный өйгө лө сад өскүрерине өй ас берилген, мынызы не дегежин – өйдин једишпей турганын јенетени болуп јат. Јирме алты жыл мынан кайра мында плодовой садтар сырангай жок болгон, сибиряктар бойлары садту болорына сырангай бутпей тургандар. Улус яблоконын амтанын амзабай туруп, јургап, өлүп тургандар. Бойы отургускан яблоньды эң ле баштапкы көргөнин Лисовенко куучындап јат. Эмди дезе кыска јайдын туркунына мында яблоктор до, сахарный свекло до, виноград та, арбуз та быжып јат.

Јиит кеберининг движениезиле кепказын алган бойынча, ээзи бисти эг баштап тоозы жок койу отургускан жиилектин төс агажын, жиилекти көргүзип, бисти күндүлебей, амзаарга берип јат. Бис дезе мендеш јогынан амзап турадыбыс. Адару ошкош јенил ле јелбер, күнге жылып калган малина жиилеги; кызыл моронот, тожыла, эң артык, сырангай витаминный козур кара мороноттын сабалактары төгүлип калган јадат. Лисовенко Алтайдын төрт јус тоолу јеринен јаланнын моронотдын јууп алып, 83000 төс өскүрүп, оноң көп гибридтер төзөп алган, база көрбөй туруп ајдат: «Мынызын үспегер, ол кату сорт, туку онызын амзап көрүгөр». Бис оны ооско салып, терек тынып, араай базып, эрмектежип брааткан ортозындагы өйдө бу сок жангыс жиилектин амтанынынг јажытуун билип турганыбыс.

Бу жиилектин садында баштапкы минутта слер кунукчылду болорыгар: жиилегештердин кызылы ас, карыган эмеген ошкош, јыпшыйып калган, талдамдуу дезе «Сибирский ранеткалар» болуп јат. Је садовод дезе олорды сүүгендү көрүп јат, олор сибирский яблоктынг угынаг буткен ийне. Бу ээзи дезе јерде түшкен жиилекке качан да баспас, база жиилекти оозына алып тиштейле, јерге качан да таштабас, је оны көрүп тура, слер де база анайып этпезегер. Сибирский жиилектердин сортторын өскүрүп аларына кижининг эрчимдү күчин салып, ајлар ла јылдар туркунына эненин ошкош кичеемјизи салынган болуп јат.

Сибирьде яблоньдорды сооктон корулап алар керегинде, байалгак эдип өскүрерине, ангылу байалгак өзөр «бахчевый» кебериле отургузарын төзөп алган. Бу тужында жиилектин агажына өрө бийик өзөрине јай бербей, оны јерге јаба байалгак өзөрине албадап јат. Јерге јаба јайылып барган узун сабалактардагы мааладагы огурчындар ошкош, алтын өңдү козур яблоктор кайкап көргөдий шуултени эске алындырып јат. Ойротияда яблоньдор көбизинде соокко тонуп, үрелип турган эмес, је көп сабазы јерге јаба јатканынан «чирип», үрелип турганын Лисовенко бойынын питомнигинде ачып, жиилектин агажын «тарелка» кеберлү өскөдий эдип отургузарын шуултелеп јат. Онойып отургусканы жиилектин агажынын сабы өрө бийигине 40-50 сантиметр өзөрине арга берип: оноң онын бурлерин, сабын айландыра байалгак эдип јер јаар бүктеп койгондо, бу агаш киж. јаалактанатан зонт ошкош эмезе јааи мешке кеберлү болот. Жиилектин агажын јер бойынын ајалгазына келиштире отургузар «технология» анайда кубулып јат.

Садтын элбегининг ле оны кайкап көрөрининг учы-куйузы жок. Тогус жыл мынан кайра, эмди бу сад турган алдындагы ээн кобы јерге городтын јурт улустары ујларын одорго ајдагылап тургандар. Бу сад Москвада колхозчылардын съездинде башталган.

Ол тужында «Крестьянская газета» Ойротияда пловодствоны төзөзин деп, јиит сибиряк-ченемелчи Лисовенкого јөп-јакылта берген. Лисовенко Ойрот-Турага јанып келди, ол јерди тургуза ла алып болбоды. Онын бойынын ајдып турганыла, ол бир канча ајлар туркунына «городторло эш ке-

реги јок јерге тегин ле јүрген». Мынын кийнинде ого баштапкы төрт гектар јерди, төрт мун бюджетин јөптөл бергендер. 1934 жылдын јазында ол баштапкы яблоньдорды отургускан. Оноң ол Алтайдын бастыра јерне јүрүп, бойынын колыла јалаңнын јиилектерин јуул, үрендерин чачып, отургускан. Олордын уктарын үренип турганча, оныла кожо онын саженецтерин Алтайдын да колхозчылары отургузып, үренгилеп, ченеп көргүлөп тургандар. Лисовенконун јакарузы аайынча бистин бастыра Союзка ады-чуу чыккан Алтайдын эн артык колхозынын председатели Федор Гринько бойынын санын өскүрип алган.

Тогуз жыл – сыранай ас өй болуп јат. Онын ортозында бу жылдардын туркунына төрт гектар јер јүс јетен гектарга једе берди, төрт мун бюджет эки миллионго једе берди, питомник козур јиилектү 100000 саженецтерди, 500000 јуук јиилектин жыраа төстөрүн, 725 000 кой јиилектин саженецтерин таркатты. Мынайда таркадарына сортторды ченеп көрөтөни. Алтайдын үч зоналарынын кажызына ла плодоваягодный стандарт тургузылары өткүрилип турган: чөлдин, агашту-чөлдин ле туу-тайганын зоналарына; пловодство аайынча јүске јуук болушту бичиктер кепке базылган, радио ло печать ажыра пропаганда үзүк јогынан өткүрилип турган.

Ойрот-Тура город өзүп, строительство јазалы өдүп турган. Архитекторго ло планировщикке садоводтон јарулу болуш аларын көргүзип, питомник мында ла јаан учурлу болуп, городты сад өзүмдерле јажартарын өткүрип, центральный скверлерди келиштире јарандырарын аңылап берген.

Арныкпас Лисовенко сок јангыскан бойы төрт гектар јерден бойынын питомнигин јангыс ла Ойротияга эмес, је бастыра Алтайга, чын сөслө айтса, садоводческий культуранын рассадниги эдип алган.

Уралда анчадала Свердловский областьта эмди плодоваягодный сад өскүрерине јилбиркел јадылар. Бу јилбү тегин кустарничество болуп калбазын деп, эн баштамызында организационный тутактардан улам токтоп калбазын деп, Свердловскийдин јанында шак мындый ајарулу ченемелдү питомник төзөп, ондо улусты воспитывать эдип, оны пловодствонун культурный базазы эдип, ондо бастыра Уралга селекционный иш өткүрер керек.

Бис јирме алты жыл строить эткенибис, эмди дезе немецтер јирме тогуз айдын туркунына бистин јерде ан кеберлү кылынгылап, коскору эдип, быјарзыдып јадылар. Немецтерди оодо согул, бистин јерден чыгара сүрүп... Олорды ээнделтип салган јерлерди база катап өрө көдүрип, строить эдер керегинде ийде-күч, труд, эрчим ас керек эмес. је биске өй јангырта аайынча канайда толтырылып, эмди бис онын чокум чындыгын канайда болгооп турыбыс! Кайда качан да элбек садоводство болбогон, күннин аайы ла ар-бүткенинин кату айалгазында Сибирьде тогуз жыл кыска өйдин туркунына грушалар, яблоньдор, сливалар өзүп база да јиилегин берип туры. Алтай садтарла бүркеле берди. Иштеп бүдүреринин күчи коскору күчинен ийделү болуп јат. Керекти төзөп бүдүрип тургандарга өй толуп көптөп јат, је ол коскоручыларга астап, «јайнуга түжүп», жылыып јат.

1943 жыл.

Сергей Михалков ло Эль Регистан

СОВЕТСКИЙ СОЮЗТЫН ГИМНЫ*

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1943. – № 91)

ССР Союзынын Совпарткомында Советский Союзтын Государственный гимны керегинде.

Советский Союзтын бу өйдөги государственный гимны «Интернационал» бойынын содержаниязи, бистин ороондо советский стройдын шылтуунда болгон јенүлерге түзедү солынтаны этлей, Советский государствонун социалистический учурын айтпай турганынан улам – ССР Союзынын Албаты Комиссарларынын Совети государственный гимнын тексттин јангы, бойынын содержаниези советский стройдын учурын ла санаазына келишкедий јангы текстле солыырын јөптөди.

Государственный гимнын мындый јангы текстти јөптөлгөн:

Јайым республикалардын бузулбас союзы
Улу Русьты үргүлјиге тыгыткан.
Албатынын табыла ийде-кучтү төзөлгөн,
Бирлик Советский Союз эзендик болзын!

Албатынын најылыгы, ижемјилү күни
Бистин јайым Төрөлис мактадат!
Советтин маанызы, албатынын маанызы
Јенүден јенүлерге баштап јат!

Җайымнын күни күкүрт откүре биске чалыды,
Улу Ленин биске јолды јарытты.
Албатыга чындык турарына, Сталин бисти өскүрди,
Ишке ле јенүге бисти баштады.

Албатынын ырызы, ижемјилү куйагы
Бистин јайым Төрөлибис мактадат!
Советтин маанызы, албатынын маанызы
Јенүден јенүлерге баштап јат!

Бистин черүни тартыжуда өскүрдибис,
Јескимчилү тонокчыларды јолдон јалмарыбыс!
Јаш үйенин салымын бис тартыжуда бүдүрил турубис!
Бис бойыбыстын төрөлибисти макка апарарыс!

Албатынын ырызы, ижемјилү куйагы
Бистин јайым Төрөлибис мактадат!
Советтин маанызы, албатынын маанызы
Јенүден јенүлерге баштап јат!

Государственный јаңы гимнга композитор Александровтын музыказын јараткан. Гимннын музыказынын нотазы јарланар. Государственный јаңы гимнды ончо јерлерде тузаланары 1944 јылда 15 марттан ала башталар.

* Ч. Енчинов алтай тилге көчүрген – примеч. ред.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ОЙРОТИЯ» 1944 г.

Ф. Моисеенко

Идущему вперед № 14 (6 февраля)

Бывшему колхознику сельхозартели «Кызыл Нацмен», Усть-Канского аймака, Герою Советского Союза Жанбеку Акатовичу Елеусову, отличившемуся при форсировании Днепра, посвящается.

Тебе, чья слава незаходна,
Идущему в дыму, в бою,
Я от лица всего народа
Внимаю сердцем и пою.
Ты шел на штурм Днепра, и ветры
Неслись над самой головой,
А за рекой в двух километрах
Вздыхался древний Киев мой.
Он простирает навстречу руки
С крутого берега. Боец,
Он знал: мучительной разлуке
Ты положить пришел конец.
И ты спешил... Все грохотало,
Сливались рев и дикий вой.
То ветер смерти и металла
Витал над самой головой.
А взгляд суровее и строже
И путь один – вперед!..
Приятно, братцы, до чего же,
Что сила русских верх берет!
Прими ж, товарищ Елеусов,
Сердечный пламенный привет.
Герой Днепра, Жанбек безусый,
Живи и здравствуй много лет!

Отрывок из поэмы «Чагандай Карманов»

№ 90 (6 августа)

Пусть летит из края в край
Наша песня боевая.
Пусть узнает весь Алтай
О геройстве Чагандая.
Пусть узнает весь народ
Нашей Родины любимой,
Как врага жестоко бьет
Чагандай неуловимый.
Много немцев взял в полон
Воин смелый и бесстрашный.
Много насмерть заколол
В жаркой схватке рукопашной.
Много мы прошли болот,
Рек больших и малых речек.
Вместе с нами третий год,
Расчищая путь вперед,
Молодой идет разведчик.
Наводя на немцев страх,
К ним он ходит прямо на дом,
Он во вражеских тылах
Раздобудет все, что надо.
В смелых поисках ночных
Через все пройдет заслоны,
Всех обманет часовых...
В глубь немецкой обороны
Он заходит далеко,
Как совсем недавно было,
И приводит «языков»
Из разбойничьего тыла.
Немец думал и гадал,
Смельчака поймать пытался,
Но Карманов Чагандай
Обводил его вкруг пальца:
Чуткий слух и зоркий глаз,
Быстрый шаг у Чагандая...
Рисковал собой не раз
Он, задание выполняя.
Ходит ночью он и днем
С неразлучным автоматом,
Наготове за ремнем
Друг разведчика – граната.
В лютый холод и в жару,
И в любое время года
Бьет жестоко немчуру
Сын ойротского народа.
И ведут на смертный бой,
Вдохновляют Чагандая
К нашей Родине любовь,
К немцам ненависть святая!

ТВОРЧЕСКИЙ ОБЪЕДИНЕНИИНИНГ ОЧЕРЕДНОЙ «ЧЕТВЕРГИНДЕ»
(Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот. – 1944. – № 38)

Творческий объединениенин 30 мартта болгон очередной занятиезинде турушкандар композитор А. Зильбер жазаган ойротский кожондорды уккандар. Кожонды национальный театрдын артисттеринин кожон жанары ла база автордын музыказыла өткүрилген.

Композитор шүүлтеге сегис кожон тургускан, кожонды Ойроттын јиит бичиичилери Кучияк, Ябыков, Тобокон ло Чапыев бичигендер. Мында ойротский албатынын мелодиказын јазап јарандыраы керегинде јакшы шүүштилер. Куучындарда национальный музыка керегинде, этнографический материалдарды тузаланары керегинде ајыкту дискуссиялар болды.

Куучындагандардын коп сабазы композитор гармонизацияны элтү эдип турган тушта бойынын кожонгына бир канча казах ла орус мелодиктерди кожуп, интонацияны ла ойротский музыкальный фольклорынын ладовой строениезин јаантайын тудунбайт.

«Колхозтын» (текстти) поэт Кучияктын «красноармейский» кожондорго композитор ойротский музыканы келиштире элтү жазаган. Кезик кожондорго дезе артык немелер кожылган, Ойроттын элбек угаачыларына јарамыкту болор бүдүмин јылытып јат.

Кожондорды шүүжерине нөк. Чапыев, Милявский, Кыпчаков, Вольфензон, Каирский, Енчинов, национальный театрдын артисттери Шулгына, Алтарыкова, Монголов ло өскөлөри де турушкандар.

Композитор А. Зильбердин ајыкту ла тузалу ижин темдектеп, объединениеде турушкандар ойротский национальный музыканы јарандырап керектерде онон ары јакшы иштезин деген куунду болдылар.

* * *

Творческий объединениенин очередной занятиези 4 апрельде, вторникте 8 час эгирде нацтеатрда болор. Ондо национальный театр тургузарга алган, ойротский драматург Ч. Енчиновтын «Ай-Тана» деп јангы пьесазын шүүжер.

Константин Растегаев

ЛЕЙТЕНАНТ ШУКЛИН

Текст јуунтынан алынган:

"Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи. Очерктердин јуунтызы"
(Ойрот-Тура, 1947. – С. 25–30)

1942 јылдын июль айдын 20 күни токуналу башталды. Лейтенант Шуклин эртен тура коштой турган деревненин ары јанындагы агаштар ортозы јаар барды. Ондо алдындагы күнде онын батареязынын орудиелерин ремонтко берип салган болгон. Күнүн ле сайын өдүп турган тартыжулар орудиелерин тын үрөп, специалисттердин заключениези аайынча олоп тургузала, ремонт эдерин керексил турган.

Талтүшке јуук ойдө ичкери јанындагы крайда адыштын табыжы тынып турды. Талтүштин 12 часта походный мастерскойго полктын командиринин помощниги јартуп келди.

– Ичкерилеш өткүрилип јат. Немецтер танктарлу. Бисте эмди тургуза противотанковый орудиелер база јок. Слердин орудиелеригер јууда туружар аргазы бар ба?

Шуклин ийинин бүдүмчи јок тартынып, мастерлер јаар көрди.

Мастерлер јарабас аайлу эдип, баштарыла јайкадылар.

– Айса болзо, бу мынызы – деп, олоордын бирүзи сержант Акиншиннин противотанковый пушказы јаар көргүсти. – Је онын айалгазы кандый дезе, онон адатаны јалтамчылу неме, јарылардан магат јок.

– Менин пушкам ба! – Акиншин ачына берди.

– Ондый болбоско керек. Мен оны бойымды билип турган чылап билип јадым.

– Баралык, нөкөр лейтенант! – Шуклинге ол айтты.

Бир канча минуттын бажында тракторло колбоп салган орудие позиция јаар атанып чыкты. Озолодо магтада берген Шуклин орудиени тургузып, адыжарына элтү јер талдап алды. Оныла коштой взводтын командири лейтенант Мальцев болды.

Быжып калган арыжы јайканып турган элбек јалан, база өштү отурып алган төн, јакшы көрүнип турган јаан эмес межеликке орудиени тургузып алдылар. Узак сакыырга келишпеди. Удаган јокто кырланнын ары јанында өштүнн танктары көрүнип келди. Олоп арышты тепсей базып, төннөк ээчий-деечий сыраңай ла Шуклиннин позициязы јаар түшкилеп јаттылар.

Шуклинге онын артиллерийский училищеде билип алган үредүзи шак ла бу тужында керектү болды. Танктарга јетире јердин ыраагын чүрчеле бодоп алып, прицелди тургускан кийинде Шу-

клин командовать эдип ийди.

– Ат!

Баштапкы ла снаряд танмага чокум тийе берди. Оштүнинг озо келип јаткан танкы отко алдырып тескине берди. Атка минип алып, адышты корректировать эдерге эптү болгон, Шуклин үзүги јок командовать эдип турды.

– Ат! Ат! Ат!

Качан оштүнинг үчинчи танкын адып ийерде, арткандары орудиенин турган јерин сезип салала, калапту адып бердилер. Снарядтар торт јуук жарыла адылып турдылар. Позицияни түрген солыырга келишти.

Качан орудиени тракторло өскө јерге апарып турар тушта, немецтер бу ойинде танктарын база ла катап Шуклиннын турган јери јаар ийип турдылар. Алдында озолой келип јаткан танк сырагай јуук болды.

– Романенко! – Шуклин наводчикке кыйгырды.

– Ол озолой келип јаткан танкты ат!

Пушканын ствола араайын бурылып, танкты каруулга алып турды. Команда угулып, бир минутын бажында оттын узун јалбыштары оштүнинг јангыс јерге тура берген танкын алып ийди.

Тартыжу уур болгон. Оштү адып турганча, позицияны канча ла катап солып турарга келижип турды. Качан алдында ичкери арышту кырада турган танктар күйүп, ышталып турарда, Акиншин јүрексиреп тура доложить этти: «Нөкөр лейтенант, снарядтар божоп браат!».

Снарядтарды экелерге тракторды баштап јүргөн Осадчий ийилген. Тартыжу токтобой турды. Оштүнинг жарылып турган снарядтары улусты стройдон чыгарып турды. Осколокло лейтенант Мальцевти јалмажына шыркалады, наводчик Романенконы база шыркалады. Панорамага јуучыл Куюмов келип турды.

Осадчий керектү ойинде једип келди. Снарядтарды божодо аткылап салган болгон. Осадчийди ол ок тарый кабыргазына шыркалап ийерде, ол күчи чыгып, арыштын ортозына јыгыла берди.

Качан тартыжунын јалангында оштүнинг он экинчи танкы кыймык јогынан туруп, ыштала берерде, арткандары ойто бурылдылар. Је олордын экизи бийик јерге тура түжеле, онын Шуклиннин орудиезин аткылаарын баштадылар. Позицияны база бир катап солыырга келижип, је тракторды баштап алып јүреечи дезе сагыжы чыгып калган јатты. Канайдар? Шуклин тракторго бойы отурала, орудиени јанты јерге апарып салды.

Бу ойдо Шуклинге штабтан связной јортуп келип, дивизиянын командиринен благодарность айтты.

Артиллеристтер оштүни адарын токтотпой турдылар. Оштүнинг ол төнгө дө чыгып алган эки танктарын үрей адып салган болгон.

Эмди тыштанып алгадый болгон. Је јуучылдар јүзиндеги терди арчыл алгалакта, бойларынын ижинин резульатарын бодоштырып алгалакта, ыраактагы төстөктин ары јанынан пехота отургызып алган беш тоолу немецкий грузовиктер чыга конуп келдилер. Уч машинаны чике адышла өртөл ийерде, арткан экизи төгнин ары јанына јажына бердилер.

Је уур айалга болуп, оштүнинг јангы танктары чыгып келген тушта, орудие үрелип, атпай барды – полуавтоматика үрелип, затвор јабылбай барды. Је бистин тракторлордын күркүреп турган табыжы угылып келди. Тылдан јангы орудиелер экелип турган.

Лейтенант Шуклин јенгилдене тынала, Акиншинди тын кучактай алып айдынды: «Изү болды, карындаш!».

Ол бойынын Төрөлине берингенин көргүзип, оны калганчы тынышка јетире корыырын чын керекте бүдүреле, лейтенант Шуклин, оны большевиктердин партиязынын членинин кандидадына алзын – деп, заявление берди.

Амырал алала, Шуклин айылы јаар баштапкы ла катап алдынан тартышканы керегинде письмо бичиди. Письмозынан көргөндө, ол бойынын подвигине јаан учур салбай турган. Письмо кыска ла куртаксу болуп калды.

Илья бичип туры: «Кече јангыс ла менин орудием 14 танк ла 3 машинаны јок эдип салды. Машиналарда јус кирелү гитлеровецтер болгон. Мен артиллериянын командиринин приказын бүдүрүп салдым, танковый атаканы кайра согуп салдыбыс, оштүни күнбадыш јаар таштап салдыбыс».

Онын кийинде оны генерал-майор алдырып, полковой командирлердин көзинче благодарить эдип, качан ого военный корреспонденттер ле писательдер келип, тартыжу керегинде сурап угуп турарда, Илья Шуклин ол ло тушта Төрөлине мак болгодый кандый подвиг эткенин билди.

Ичкери јанында Северный Донец болгон. Онын ары јанында түредип салган Украинский јер јатты. Јайрадып салган Донбасс ышталып јатты, ондо кезек өйгө немецтер эзленип турдылар. Украина ла

Донбасс бойларынын жайымдаачыларын – Советский черүнин жуучылдарын сакып турдылар.

Часть калапту тартыжуга белетенип турган.

Боецтер ле командирлер мылтык-жепселди жазап шыйдыгылап турдылар. Август айдын изүзине чалдыгып, улус суузынын жулукту сливала, жыды жараш яблокаларла кандырып турдылар. Олорды коштой жаткан, бу ла жуукта жайымдап алган деревнелердин кызычактары ла уулчактары сыйлап, күндүлегилеп турдылар.

Наступление августтын учында башталды. Ошту тын удурлажып турды. Немецкий командование фронттын бу участогына көп тоолу уур танктар ийген. Бойынын жеңдиртпезине иженип турган ла албаданчак фашистский танкисттер бистин позицияларга контратака эдерге ченежип турдылар. Бу орто артиллеристтерге тын туружары келишти.

Шуклиннин батареязы өштүлдердин танктарынын төс табарузына согылта берип, божотпой турды.

Августтын 22-чи күнинде Шуклиннын батареязы корып турган участокты узуп ийерге канча ла катап ченештилер, же кажы ла тужында чике адыштан коркып, ойто бурылып турдылар. Олордын иштеринин результады жарг көрунип турды: чике атканынан ичкери жанында өштүнүн жети уур танктары ышталып жаттылар. Шуклин тартыжуны командный пункт турган блиндажтан башкарып турды.

Мөр болбогонына чукулданып калган немецтер бойларынын уур артиллериязынын одын Шуклиннин батареязы жаар уулап, бир группа бомбардировщиктер ийдилер. Артиллеристтер жана баспай, бек турдылар. Өштүнүн калапту оды алдында турган жерлерин түрген солып, тургуза ла перестраиваться эдил турдылар.

Бир бомба Шуклин турган командный пунктка коштой келип түшти. Блиндажты торт бузуп ийген болгон. жуучылдар бойынын командири жаар болдылар. Взрывтын ийдезиле оны тыштына чыгара гаштап, ол өлүп те жадала, база бир кезек ичкери бололо, өштүден база бир кичинек жерди жайымдап аларга турган чылап, колдорун ичкери сунуп алган, жүзиле төмөн болуп жатты. Командирдин сол колындагы комсомолдын Төс Комитеди сыйлап берген чазы жүрүп жатты. Часта «Бистин Төрөлибис учун» – деп бичип салган болгон.

Тартыжунун кийнинде старший лейтенант Илья Захарович Шуклиннын сөөгин, жуучылдыг сөөгин жуур ээжиле, Святогорск станциядагы ыраак эмес пионерский лагерьде жууп салдылар. Геройдын сөөгинде жуучыл нөкөрлөри жакшынак памятник тургузып салдылар. Олор сүүген командири учун өштүни онон ары кайралы жок өштөөрине сөзүн бердилер.

Геройлордыг магы качан да өлбөс. Албатыдан чыккан геройлордын аттары олорло кожо журуп, жуулашкан нөкөрлөринин, кожо үренген, иштеген, тартышкан нөкөрлөринин жүректеринде журуп, олор бойларынын жүрүмин кемнин учун берген, ол улустардын ончозынын жүректеринен качан да чыкпас.

«Ада-Төрөл учун жуу бойынын Төрөлинин жайымы учун жүрүмин берерине белен болуп турган мундар тоолу геройлор ло героинялар берип жат» – деп, нөкөр Сталин айткан.

Ондый геройлордын бирузи Төрөл учун өлгөн. Ойротский комсомолдын жакшынак воспитаниги, старший лейтенант Илья Захарович Шуклин болуп жат.

Фашистский олжочыларла өткүрген тартыжуга көргүскен геройство ло мужество учун Шуклин эки Кызыл жылдыс ордендерле, Ада-Төрөл учун жуунын баштапкы степень ордениле, «Сталинградтын коруузы учун» медальла награждаться эдилеп, ССР Союзтын Верховный Совединин Президиумынын Указыла ого Советский Союзтын Геройы деп бийик адын ургүлжиге берип салган.

Уренип, иштеп жүрген Шуклинди Ойротиянын колкүчиле жаткандары, оны уреткен школ, артиллерийский жууга оны уреткен артиллерийский училище, ол жүрүп, жуулажып, өлгөн воинский часть качан да ундыгылабай, үргүлжиге билип турар.

Томский артиллерийский училище бойынын жакшынак воспитаннигиле оморкоп жат.

Шуклин кожо тартыжып, өлгөн частька келген иит жуучылдар геройдын өлүми жок подвигиле таныжып жадылар. Частьтын списогына Төрөлинин магы учун өлгөн старший лейтенант Илья Захарович Шуклиннин ады үргүлжиге бичип салган. Эмди частьтын личный составына проверка эдер тужында бистин жердин кижизинин ады күнүн ле сайын торжественно угылып турат:

«Советский Союзтын Геройы, старший лейтенант Шуклин!» – деп, подразделениянин командири айдат. «Святогорсктын жанында немецкий олжочыларла тартышкан жууда жалтанбастардын өлүмиле өлгөн!» – деп, айткан каруу угылат...

Герой бойынын өлүми жок подвигтериле оморкодып, бойынын частинин боецтериле кожо, же көскө көрүнбей, кожо турган неме ошкош билдирет.

НА БЕРЛИН!
№ 21 (23 февраля)

На Берлин, к волнующей победе,
Земляки, сегодня я иду,
И мечты о том, как к вам приеду,
Как вернусь я к милому труду.
Отгоняют в сторону усталость
И в боях давно забытый сон.
Нам теперь не долго уж осталось
Сталью разворачивать бетон,
Немцев доколачивать проклятых,
В их же ненавистных городах,
Пламенем возмездия объятых,
Гневом, что несем мы на штыках.
Земляки мои, родимые ойроты,
Вместе с нами вы идете на Берлин,
Вместе с нами разбиваете вы доты
Потому, что путь у нас один.
И когда настанет час победы,
Радость мы разделим пополам.
Ждите, ждите, скоро мы приедем,
Скоро мы вернемся к вам!

Полевая почта 77701-У

Константин Растегаев

Переправа

Обманчивая тишина ночи нависла над широким Днепром. На той стороне, скорее угадываемой, чем видимой, на высоких кручах укрепились немцы. Они считали Днепр неодолимой преградой, а потому спокойно отсиживались на своем высоком берегу, изредка для остротки разрывая тишину залпами. Тогда с шилением и всплесками погружались осколки снарядов и мин в потревоженные волны Днепра.

На левом, отлогом берегу реки под покровом ночи накапливались силы русских, шла усиленная подготовка к переправе. В качестве плавучих средств использовалось все, что только попадалось под руки и могло хорошо держаться на воде: плоты из досок заборов; ворота, снятые с петель; бочки пустые, рыбачьи лодки. Ждать, пока подойдут саперы, нельзя. Надо с хода, пока не опомнился враг и не ждет, переправляться на тот берег, цепляться за узкую прибрежную полоску отмели и с боем теснить врага, выбивая его из сильных укреплений, расширяя плацдарм для более крупных соединений.

Налимов по-хозяйски осматривает работу бойцов своего расчета, помогает им. Пушку они установили на две резиновых лодки, под неё подмостили жерди и установили пять ящиков со снарядами. Лошади оставались на этом берегу.

А когда одновременно со всеми начали переправу, батарейцы проплыли десятка полтора метров, немцы услышали подозрительный шум на реке. Над головами повисли пачки ракет, сразу как днем осветившие всю речку. Поняв, в чем дело, немцы открыли ураганный огонь по переправлявшимся бойцам. Сверху немцам при свете ракет было хорошо видно все происходившее на воде и удобно вести обстрел.

От большого количества взрывов снарядов и мин, от жвйкающего бульканья пуль вода как бы кипела в берегах. На ряби волн отсвечивались ракеты и пунктиры трассирующих пуль. Мимо налимовского плотика проплывали, уходя вниз по течению, обломки разбитых плотов, трупы убитых. Несколько мин разорвалось совсем рядом, и Сергея охватило холодной водой.

Низко, почти над самыми головами проносятся немецкие самолеты, сбрасывая бомбы и поливая свинцом из пулеметов. Налимов видит, как правее и левее его бойцы соскальзывают в разбитых плотиков в воду и плывут, держась за обломки. Плывут на правый берег, туда, где враг. За некоторыми тянется расплывающаяся полоска воды, окрашенной кровью.

Однако это было не самое главное. Главное началось потом. Когда бойцы, выбросившись на узкую

песчаную отмель правобережья, мокрые и усталые шли сразу в бой, выбивая из окопов немцев, отбивали в десять, в пятнадцать раз превосходящие по силе контратаки врага, гранатами встречали танки противника. Надо было зацепиться за этот клочок земли, кровью своей полить, но устоять до подхода подкреплений.

Ночь, утро и весь день до темна бойцы сержанта Налимова вели огонь по врагу, быстро перекачивая орудие на руках в наиболее опасные места. За день они подбили несколько танков, подавили немало огневых точек и уничтожили около сотни немецких солдат.

Вечером переправили и подали расчету лошадей. Стало значительно легче. Но бой не прекращался ни на один час ни днем, ни ночью. Приходилось с боем отвоевывать каждый метр украинской земли у немцев, которые никак не хотели смириться с мыслью, что русские всерьез и прочно переступили неприступный водный рубеж.

Все более и более накапливались силы уже на правом берегу, и Красная Армия, перешагнув Днепр, прочно закреплялась на отвоеванном плацдарме, расширяя его.

* * *

За мужество и храбрость, проявленные при форсировании Днепра, сержанту Сергею Венедиктовичу Налимову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено высокое звание Героя Советского Союза со вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

До войны Налимов работал председателем колхоза «Горный Алтай» Шебалинского аймака.

Фронтвик в колхозе № 36 (30 марта)

С самых первых дней войны с немцами тов. Арлахаев находился в действующей армии. Он со своей частью принимал участие в защите Москвы и других городов родной страны.

Освобождая священную советскую землю от немецких захватчиков, тов. Арлахаев был 4 раза ранен. За боевые подвиги он получил орден Красного Знамени, медаль «За отвагу» и боевой орден Монгольской Народной Республики.

В феврале 1944 года после пятого ранения тов. Арлахаев освобождается от военной службы и едет обратно в свой родной колхоз. Шебалинский райком ВКП(б) рекомендовал его заместителем председателя и парторгом колхоза «Большевик», в котором он и работает с сентября прошлого года.

В беседе с нашим корреспондентом тов. Арлахаев рассказал о работе своего колхоза:

– Наша сельхозартель принадлежит к числу передовых в Шебалинском аймаке. В прошлом году мы полностью рассчитались с государством в октябре месяце по хлебопоставкам и добавочно сдали в Фонд Красной Армии 50 центнеров зерна.

Семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны колхоз оказывает постоянную всестороннюю помощь. В колхозе все дети школьного возраста одеты и обуты. По собственному опыту зная, какое большое значение имеет передвижение бойцов на лыжах в военное время, я организовал в колхозе лыжный спорт, которым теперь занимаются 32 молодых колхозника. Организована также в колхозе школа взрослых по ликвидации неграмотности. Эту школу посещает 50 человек.

В колхозе нашем имеется значительная ферма крупного рогатого скота. Ею заведует кандидат в члены ВКП(б) тов. Ойношева А. Она работает на ферме 3 года. За добросовестное отношение к порученному делу она получила дополнительную оплату 1 теленка и награждена почётной грамотой райкома ВКП(б) и аймакисполкома. Случная кампания на ферме проведена полностью, и теперь начался уже отёл. За молодняком обеспечен хороший уход.

На этой же ферме в течете 8 лет работает опытная доярка тов. Бухтуева. Она регулярно перевыполняет план надоя молока и вырастила всех порученных ей телят. За это она получила от колхоза 2 центнера молока и одного телёнка.

На оцветоварной ферме у нас свыше 1 000 овец и коз. Окотная кампания проведена хорошо. Уже появляется молодняк. На ферме работает 2 хороших чабана: инвалид Отечественной войны тов. Лукин и тов. Лафосова К. Окотная кампания проходила под их присмотром, и в стаде не было ни одного случая падежа. Тов. Лукин получит по дополнительной оплате 3 ягнят, а Лафосова – 6 ягнят.

В колхозе имеется зооветтехник, постоянно наблюдающий за состоянием колхозного скота.

Колхоз старательно готовится к весенне-полевым работам. Приняты меры, чтобы семена были полностью заготовлены, очищены и проверены на всхожесть. Сбруя вся уже отремонтирована, сельхозинвентарь находится также в полной готовности. Полеводческая бригада вывозит на поля удобрения. Полеводческая бригада состоит из 3 звеньев, руководит бригадой уже несколько лет бригадир Е. Лафосова, имеющая большой опыт. За плодотворную работу она была неоднократно премирована.

Каждый понедельник для колхозников делаются доклады на политические темы. Регулярно про-

1945

водим читки газет, информации о ходе военных действий. Мне помогает в том учительница тов. Елисеева, которая читает лекции на общеобразовательные темы. Нередко нас посещают и аймачные работники, проводящие с колхозниками беседы и дающие им консультации.

Колхозника прилагают все свои усилия для того, чтобы в этом году вырастить высокий урожай победы и значительно перевыполнить план развития животноводства.

**ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ
№ 54 (11 мая)**

Родной наш Иосиф Виссарионович!

Сегодня, в радостный день, когда наша партия, народы СССР и весь мир отмечают историческую победу над немецко-фашистскими захватчиками, трудящиеся города Ойрот-Тура, собравшись на митинг, посвященный великой победе, шлем Вам, мудрому вождю трудящихся всего мира, гениальному полководцу и стратегу, вдохновителю и организатору побед над немецко-фашистскими злодеями, свой пламенный привет!

Празднуя День Победы на всей территории нашей священной земли, навсегда очищенной от гитлеровских захватчиков, советские люди преисполнены гордостью, что наша героическая Красная Армия с честью до конца выполнила свою великую освободительную миссию.

Советские войска принесли свободу народам Польши, Чехословакии, Югославии, Австрии, своей самоотверженной борьбой изменили весь ход второй мировой войны, подготовили нынешний День Победы!

Вместе со всеми свободолюбивыми народами Красная Армия нанесла последние смертельные удары врагу, окончательно разгромила гитлеровскую Германию и задавила навеки фашистскую гадину.

Боевой союз народов СССР, Англии и США показал себя могучей и непобедимой силой, перед которой рассыпались в прах все надежды, все расчеты и ухищрения врага.

И советские люди говорят сегодня: «Да здравствует победа англо-советско-американского боевого союза над немецко-фашистскими захватчиками!»

Грандиозные, исторические победы нашей любимой Красной Армии, великого Советского союза неразрывно связаны с Вашим славным именем, ставшим победоносным знаменем для народов всего мира. Успехи эти достигнуты благодаря Вашему, дорогой Иосиф Виссарионович, выдающемуся, мудрому руководству, как великого государственного и политического деятеля. Под Вашим руководством многонациональный советский народ пришел к полному торжеству победы.

К Вам, родному отцу, другу и учителю, обращены взоры и любовь советского народа, которому вы дали счастье и радость.

Ваше имя живет и будет жить вечно в сердцах трудящихся всего мира как имя гениального создателя и стратега нашей большевистской партии, вдохновителя и организатора побед над немецко-фашистскими захватчиками, как человека гигантской силы, мысли и воли, мудрого из мудрых полководцев всех времен и народов.

Выражая чувства и мысли миллионов народных масс, мы клянемся Вам, наш родной, любимый товарищ Сталин, что все силы отдадим борьбе за укрепление экономического могущества нашей родины!

Трудящиеся Ойротии от всего сердца желают Вам долгих-долгих лет жизни и здоровья на радость нашей великой Родине!

Да здравствует родной, любимый СТАЛИН!

Да здравствует великий советский народ, его Красная Армия и Военно-Морской флот, с честью отстоявшие Отечество от немецко-фашистских погромщиков!

Принято на общегородском митинге, посвященном Дню Победы.

А. Зиновьев

**Здравствуй, Ойротия!
№ 125 (28 октября)**

Был бы я ветром, в небесную просинь
Взлетел бы и крикнул всем сердцем своим:
«Здравствуй, сторонка, одетая в осень!»,
И поклонился долинам твоим.
Был бы я ветром, от края до края

Тебя облетел бы, и всюду, где был,
 Поведал бы людям, как, гневом пылая,
 Всей силой своей я фашистов громил.
 Как ночью бывало, в минуты затишья
 Грустил по твоим белоснежным хребтам.
 Рябиной казалась чужая мне вишня,
 Тянувшая ветви к ночным облакам.
 Сказал бы о той безысходной тоске я
 По говору волн в изумрудных ручьях,
 По речи ойротов, которой роднее
 Не знал я, не слышал в далеких краях.
 Так здравствуй, Ойротия, здравствуй, родная,
 Здравствуй, любимая, нежная мать.
 Горит над тобою заря золотая,
 Горит, полыхает от края до края.
 Меня в этом цвете ты вышла встречать!

А. Шабураков

СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН ШЫЛТУУЗЫ

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1945. – № 97)

Кош-Агач, Ондой, Улаган,
 Јайа бүткен телкем Јабаган
 Капчал буткен Эликманар
 Озогызын эске алактар,
 Эмдигизине тундейдилер,
 Теренжиде шууштилер.

Озо темичи јайзаннын
 Кан сороочы ачап каанныг,
 Калапту закондорынан:
 Базынчыкту эжилеринен
 Ачап байдан айрылып,
 Јиит тушта баш буурайып,
 Кыс балдар малдый саттырып,
 Албатыны карануйга бастырып,
 Албанду јурумнен онтоп,
 Туреп, торолоп, олуп, короп,
 Коронына ыйлап-сыктап,
 Аргазын бедиреп ол таплай,
 Чөкөп ачу комудайтан,
 Айды, кунди каргайтан.

Је карануй тун одоло,
 Јаркынду кун бийик оксойло,
 Јердин усти јарыгандый
 Алтайыс јарана тужуп,
 Ырыс јаскы кундердий көлтөп,
 Көгус ачаптып јараш кейди
 Толо, толо тына берди.
 Бала-барка јаштан ала
 Карган-тижен буурайала,
 Бир де алаканча јогынан
 Кайран төрөл ороонынан
 Кичеemelди алып јурет.
 Айдары јогынан суунет.
 Јиит, јиит уулдар, кыстар
 Ырысту бистин уй улустар.

Кайда да болзо, јолы ачык
 Кандый да јөөжөзи байлык.
 Эне төрөлгө беринип,
 Онын чындык ээзи болуп,
 Суунчилу иштеп јурет.
 Чөрчөктөгидий кайкал эдет.
 Эргек тийбеген бүктерде,
 Ээн турган чөлдөрдө,
 Суу талай колы кептү
 Алтын ошкош кеен өндү
 Ажыбыс јайканат,
 Кижи јүрегин суундирет.
 Элен чакка јуртаган,
 Алтайдын кебери кубулган:
 Агын-тегин суулары,
 Кеен бүткен агаш-таштары,
 Тенериге јеткен кырлары
 Күлүмзиренип тургылары.
 Мындый болгонын көрүп тура,
 Теренжиде сананып турза.
 Алтайдын мындый јыргалы –
 Сталинский закон шылтуузы.

Илья Мухачев

ГОРЫ

(Печатается по: Сибирские огни. – 1946. – № 1. – С. 68)

Вот наши горы. Любо поглядеть –
 Лесисты, зелены!
 Здесь водится медведь.
 Когда он пробирается тайгою,
 Вослед ему цветы летят пургою.
 Хрустят колоды, слышатся обвалы.
 Порой здесь появляются маралы
 Между поджарых елок, точно в раме,
 Покачивая синеву рогами
 И от горы
 И до горы кочуя.
 Там, на поляне, средь булыжин лысых,
 Полосками огня мелькают лисы.
 И человечесий шум едва почуя,
 С деревьев тихих в папоротник мелкий
 Комками снега упадают белки.
 Пройдись травой:
 везде барсучьи норы,
 Бурундука дорога столбовая...
 Но только ли зверьем богаты горы?
 А этот лес
 от края и до края?
 На склонах, что изрезаны ручьями,
 Чуть шевеля погнутыми сучками,
 Стоит пихтач –
 Над ним туман клочками.
 К реке, чьи берега желты, отлоги,
 Спускается березник белоногий.
 И, растолкав осины, желтокорый
 Взбирается сосняк на косогоры.
 А кедры, кедры!

Душно им в долинах,
 Где моложавым тополям – свобода.
 Они у гор толпятся на вершинах –
 Растений богатырская порода.
 Бывает,
 грозами себя измучив,
 Мохнатые раскинув лапы-плети,
 У их подножья отдыхают тучи.
 Да, много чем богаты горы эти!
 И по молве еще седой, старинной,
 Что обошла и села, и аилы:
 У них серебряная сердцевина
 И золотом наполненные жилы.
 И оттого в утробах здешней птицы
 Находят драгоценные крупы.
 И потому здесь,
 на брусничном скате,
 Избу поставил золотоискатель.
 Да и не зря живут здесь лесорубы,
 Чьи плечи широки, ладони грубы.
 Да и недаром каждую зиму
 Сюда на лыжах, раздвигая хвою,
 От забуранных долинных пашен
 Приходят зверобой бородаты...
 Так слушай, друг мой, если так богаты,
 Богаты всем родные горы наши,
 Где каждый склон пересечен ручьями, –
 То нам ли не назваться богачами!

Павел Кучияк

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

(Печатается по: Сибирские огни. – 1946. – №1. – С. 102; перевод Е. Стжарт)

Как многоцветно твой наряд горит!
 А всех имен твоих – не перечислишь.
 С любовью каждый на тебя глядит,
 Раз полюбив, не расстается с мыслью.

Народ давно сумел тебя сыскать,
 Боясь утратить, в сердце сберегал он,
 Тебя пронес сквозь трудные века,
 Как на руках детей проносят малых.

Кто видел прелесть твоего лица,
 Душою светел в сказочных просторах,
 Ты исцеляешь скорбные сердца,
 Душевных зачинатель разговоров!

Ты старикам даришь веселый смех,
 Ты юношей цветами осыпаешь,
 Кто никогда не знал друг друга, тех
 Собою ты знакомишь и сближаешь.

Я сердцем тоже покорен тобой,
 Вслед за тобой идти его заставил.
 Мы связаны с тех пор одной судьбой
 И жизнь свою разъединить не вправе.

Мы ночью вместе видим небосвод,
Любуемся смеющейся звездой,
И весла, направляя лодки ход,
Мы вместе поднимаем над водой.

На крыльях в небе проносясь вдвоем,
Мы разрезаем тучу грозовую,
И на коне стальном и вороном
С тобой вдвоем по городам кочуем.
Нет тайн у нас. И каждый может знать,
Что влюблены мы, – все известно людям.
Мы эту жизнь не станем изменять
И наше счастье вечно с нами будет!

Твоя весна в разгаре. Мир объят
Красой, что лучше с каждою минутой,
И я сегодня около тебя
Как бы твоим цветением окутан.

Но если сердце вздумает заснуть
Когда-нибудь и тише станет биться,
К твоим рукам я руки протяну –
Нет, я с тобой не в силах разлучиться!

Друг в друга каждый навсегда влюблен,
И вечно клятвы не нарушит чувство –
Воспрянет сердце, прогоняя сон,
Чтоб жить, как прежде, для тебя –
Искусство.

Чалчык Чунижееков

ЈАНҒЫ ЈЫЛҒА

(Кепке базылган айынча: Кызыл Ойрот. – 1946. – № 1)

Ак тонын јамынган,
Јакшы ба, јангы јыл?
Албатыны јыргаткан,
Јаан ырысту јангы јыл.
Мөш агаштын бүриндий
Јайканыжып, сен келдин.
Мөнгүн алтын суудый
Мызылдажып, сен келдин.

Соок таадак сени уткыды,
Соныркап, сени јон сакыды.
Алдындагы јылда эткен јенгүлерин
Алдына јазап айдып туру.

Кеен јолконы јазап алып,
Балдар сени сүүнчилу сакыды.
Иштин кемин ажыра бүдүрил.
Јаан улус алдына мактанды.

Сталинский бешјылдыктын
Баштапкы јылы сен болдын.
Совет јон јенгучил јон
Јенүни аларына иженет.

Көбдөн жердин өлөнги
Орө өспөй жыгылды.
Оштү турбас болуп калды.
Чапкан жердин өлөнги
Жаантып жадар качан да.
Чактан арткан албаты
Амыр жадарына жединди.

Жылу келип, кар кайылды,
Юдра бүри чечектеер.
Жаңгы жылыбыс келгенде,
Жаан жеңүлөргө темдектеер.
Кулуннын жалын сыймап,
Ат же тирип минелдер.
Ырысту жаңгы жылды уткуп,
Жангансыбай иштектер.

Чалчык Чунижееков

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕДИНЕНИЕ КАЧАН ИШТЕЕР?
(Кепке базылган аайынча: Кызыл Ойрот. – 1946. – № 84)

Советский литературалар колкучиле жаткан албатынын хозяйствозын өрө көдүрерине, жадын-жүрү-мин культурный эдип жарандыраарына советский искусствоны өскүрерине жаан учурлу, тузалу болуп турганы, ончобыска жарт. Ондый болгондо, литератураларды көптөдөргө творческий ишти тыггы-дар керек. Бу ишти будүрөргө жилбиркеген озочыл активтерди ончозын творческий ишке күреелей тартып алып, олардын эдер ижине жаан болуш же тирип, жедикпестерин темдектеп, оны түзедер жалын чике айдып берери база жаан учурлу керек болуп жат.

Бистин Ойрот областта творческий иштин өзүми коомой айалгада туруп жат. Ненин учун десе бу ишти кем де кичееп көрөр, баштаар кууни жок. Байагы бир озогы кеп сөс бар: «куру калбак ооско жарабас» – деп. Онын бирүзи, мен бодозом, бу ишти башкарып иштеген учун жал акча жок болуп турганда, оны кем кичеезин.

Бу жыл жаскыда, ВКП (б) обкомынын пропаганда ла агитация бөлүгү бу творческий ишти жарандыраарына амадап, Нациздательстводо «литературный объединение» төзөгөн. Же бу «литобъединение» нени де этпей жат. Бу өйгө жетири «литобъединение» эки ле катап жуун өткүрди. Мынан көргөйдө, албатынын өзүп турган творчествозына «литобъединение» бойынын болужын ыраакта жеткилдеп болбой жат.

Бу өйдө анчада ла национальный колхозтордо творческий ишке куунду: кожончы, чөрчөкчи, кайчы, икиличи, комысчы улустар көп бар болуп жат. Олардын кезиги көп кожондор, тууялар-стихтер бичип, «Кызыл Ойрот» газеттин редакциязына бергилейт. Мында десе мындый «ээжи» табылган: «Озо литобъединение көрбөгөнчө, газетке саларга жарабас» – деп айдыжат. «Литобъединение» десе иштебей жат. Анайдарда, улустын бичиген кожондоры, стих гери, куучындары ондый чимеркек айалгада калас жатпай кайда барзын?

Национальный издательство десе бу өйгө жетири азыйдагы учебниктерди катап жаиыртып чыгарып, база орус книгаларды алтай тилине көчүрүп чыгарарына жаан нургун кучин ого салган. Творческий ипген десе, Улагашевтин чөрчөктөринең ле Чот Енчиновтын «Ай-Тана» – деп пьесазынан ла коомой качеству тууяларынан башка алтай тилле нени де чыгарбады. Колхозчылардын бичиген кожондоры кыймык жоктон жадып жат.

Мынан ары онойоп огуларга жарабас. Литобъединениенин руководительдеринен: улустын бичиген творческий ижине качан болужар? деп сурап турум.

Чалчык Чунижееков

БИСТИН КОНСТИТУЦИЯ
(Кепке базылган аайынча: Кызыл Ойрот. – 1946. – № 100)

Ойгор Сталин бичиген,
Улу Конституция бисте бар.
Жеткерден бисти корулаган,
Кун жаркынду Закон бар.

Алтын арба үренди
 Јаскы кырага чачылтар.
 Алтын ла бичиген Законды
 Јылдан јылга уткуйлар.

Капиталдын кынјызынан
 Айрып алган Законыс.
 Айдары јок шырадан
 Аргалап алган Законыс.

Эрјененин туйгагы
 Элегенче јелектер.
 Эл-јоннын байрамына
 Ойнап, јыргап алактар.

Јайканып өскөн чечектий
 Јайым јыргап јүрерис.
 Јаңы Конституция Законло
 Јажына амыр јадарыс.
 Мөш агаштын јажыл бүр
 Соокко тонгып саргарбас.
 Конституция Законыс
 Ургүлјиге бузулбас.

Лев Неханевич

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КАК ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(к 25-летию Ойротской автономной области. 1922–1947)

*(Печатается по: Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области.
 – Ойрот-Тура, 1947. – С. 29–54)*

Многонациональный Советский Союз после победоносного завершения Великой Отечественной войны уверенно приступил к созидательной работе, к залечиванию ран, нанесенных войной, к выполнению Сталинской послевоенной пятилетки.

Наша Социалистическая родина залечивает раны, нанесенные войной, гораздо быстрее, чем какая-либо другая страна.

Одним из источников наших исторических побед в период защиты нашей родины от врагов, а также в период мирного строительства является дружба народов нашей страны.

Впервые в мировой истории создана такая прочная дружба народов в государстве, которое насчитывает много десятков наций и народностей. Это достигнуто под руководством коммунистической партии большевиков и её вождей Ленина и Сталина в результате ленинско-сталинского разрешения национального вопроса в нашей многонациональной стране.

Великая Октябрьская социалистическая революция раскрепостила и подняла к новой жизни все народы нашей необъятной Родины, вывела их на широкий путь социалистического развития.

Партия Ленина-Сталина явилась той могучей организующей силой, которая освободила ранее поработанные народы от помещичье-капиталистического гнета и эксплуатации, вдохновила их на творческий труд, помогла им искоренить национальную рознь, укрепила их дружбу и морально-политическое единство.

Пример Советской Ойротии дает яркое представление о великой преобразующей силе социалистической революции и Советской власти. Ибо только победившая революция, только организующая воля большевиков могли превратить в столь короткий исторический срок – за 25 лет – бывшую царскую колонию – Ойротию – из отсталой, голодной, неграмотной в развитую, культурную область Российской Федерации.

Большевистская партия воспитала алтайский народ в духе самоотверженного служения социализму, в духе братской дружбы народов и непримиримой ненависти к врагам алтайского народа и всех трудящихся.

Товарищ Сталин, являясь вдохновителем и организатором всех наших исторических побед, социалистического строительства всего советского государства, проявляет исключительно большую забо-

ту о развитии всех национальных республик и областей. Товарищ Сталин уделял и уделяет большое внимание и нашей Ойротской области.

IV. Разрешение национального вопроса в Ойротии и его результаты

Ярким примером проведения на практике ленинско-сталинской национальной политики является образование и развитие Ойротской автономной области.

После победы великой Октябрьской Социалистической революции в Сибири была установлена Советская власть и на Алтае.

Территория горного Алтая – нынешней Ойротской автономной области – была включена в состав Алтайской губернии.

Но все националистические контрреволюционные элементы Алтая начали борьбу с Советами.

В марте 1918 г. был выделен Каракорум-Алтайский округ. Возникшая «Каракорум-Алтайская областная управа», которая находилась в руках националистов, продолжала борьбу с советами, восставливая местное алтайское население против русских крестьян, живших на Алтае, поддерживала чехословацкий мятеж в Сибири.

Когда власть в Сибири захватил Колчак, – ставленник Японии, – Каракорумская управа помогла формировать отряды в помощь колчаковцам. «Алтайский туземный кавалерийский дивизион» участвовал в личной охране Колчака. Дивизион этот известен своими кровавыми расправами с трудящимися. Слово «каракорумовец» стало символом зверств колчаковщины.

Националисты на Алтае ставили себе цель не допустить власть советов на территории горного Алтая, а оторвать горный Алтай от России, отдать территорию и алтайский народ в кабалу японским империалистам.

В период борьбы с чехословаками в Бийском уезде организовалась партийная большевистская организация. Под её руководством на Алтае стало развиваться партизанское движение. В декабре 1919 г. партизанский дивизион соединился с регулярной Красной Армией.

В конце 1919 г. на территории Алтая была восстановлена советская власть. Парторганизация вышла из подполья. Все партийные и советские силы были брошены на борьбу с остатками контрреволюции. Парторганизация проводила мобилизации членов партии, создавала чрезвычайные отряды. 90 проц. членов партии в 1921–1922 гг. было под ружьем.

Алтайцы перешли к мирному экономическому строительству. Гражданская война подорвала все хозяйство Ойротии и прежде всего основную отрасль – животноводство, которое сократилось по сравнению с 1916 г. на 56 проц.; посевные площади сократились на 29 проц.

В середине 1922 г. алтайцы по своей воле оформились в административном отношении. 1-го июня 1922 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, идя навстречу желаниям алтайского народа, объявил Ойротию автономной областью в составе РСФСР.

Административно-территориальное деление царской России устанавливалось исходя не из интересов народов, а из интересов царизма, помещиков и капиталистов. Царское правительство нередко устраивало такие границы административных районов, при которых единые народы оказывались в разных административных единицах: губерниях, округах и т. д., ибо это было удобнее для эксплуатации национальностей, населяющих Россию.

Советская власть, после свержения царизма и буржуазии, отменила все формы эксплуатации и угнетения, в том числе и национальное угнетение. Вместе с этим было ликвидировано и административно-территориальное деление дооктябрьской России.

После победы Октября большевистская партия приступила к проведению в жизнь национальной политики в интересах трудового народа. Советская власть дала возможность каждой национальности устраивать свою жизнь на свободных началах, в том числе на основе создания своей национально-государственной организации. Но, кроме выделения национальностей в самостоятельные территориальные единицы, большевики боролись за объединение в одно сильное могучее союзное государство на добровольных условиях.

И народы бывшей Российской империи, поняв, что только состоя в одной дружной семье они смогут отстоять свои завоевания, добровольно объединились в Великий Советский Союз.

За период существования и развития Советского государства в нашей стране установились следующие формы национально-государственного устройства народов: 1) союзная республика, 2) автономная республика, 3) автономная область и 4) национальный округ.

Исходя из национальных особенностей, географических и других условий тот или другой народ избрал ту или другую форму национально-государственного устройства – союзную республику, автономную республику, автономную область или национальный округ.

Товарищ Сталин в своем докладе на VIII чрезвычайном Всесоюзном Съезде Советов в 1936 году говорил об условиях создания тех или иных национально-государственных организаций.

Говоря о создании союзных и автономных республик, тов. Сталин указывает на 3 условия, необходимые для образования союзной республики.

«Во-первых, необходимо, чтобы республика была окраинной, не окруженной со всех сторон территорией СССР...

Во-вторых, необходимо, чтобы национальность, давшая советской республике свое имя, представляла в республике более или менее компактное большинство...

В-третьих, необходимо, чтобы республика была не очень маленькой в смысле количества её населения, чтобы она имела населения, скажем, не меньше, а больше, хотя бы миллиона» (Сталин. Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 528–529).

Вот почему при определении своей национально-государственной организации народы должны были исходить из своих национальных особенностей. И поэтому одни народы избрали союзную республику как свою национально-государственную организацию, другие народы – автономную республику, третьи – автономную область, четвертые – национальный округ. А все советские народы вместе взятые добровольно объединились в одно государство – Союз Советских Социалистических Республик – СССР.

Союз ССР является союзным государством, которое образовалось в 1922 году на основе добровольного объединения и состоит сейчас из 16 союзных Советских Социалистических республик. Это объединение исходит из интересов всех объединившихся народов. Только такое объединение дало и дает возможность всем народам, входящим в состав СССР, развивать быстрыми темпами свое народное хозяйство и культуру, а также объединить свои вооруженные силы для укрепления и защиты Родины от врагов.

Советский Союз образовался на основе принципов добровольности объединения и равноправия всех народов. Такой союз мог быть образован только при Советском строе, под руководством партии большевиков, партии Ленина-Сталина.

Алтайский народ добровольно избрал своей формой национально-государственной организации – автономную область. Автономная область – это такая форма национально-государственной организации, которая образуется малым народом и входит, как правило, в состав края. Народ, который образует автономную область, пользуется на своей территории правами государственного самоуправления по вопросам своей внутренней жизни. Высшим органом власти автономной области является областной совет депутатов трудящихся, который действует на основе «Положения об Автономной области». Это «Положение» разрабатывается Областным Советом депутатов трудящихся и утверждается Верховным Советом Союзной республики.

Трудящиеся автономной области решают не только дела своей области, но и привлекаются к решению общегосударственных задач. Так, например, алтайский народ выбирает депутатов не только в областной совет, но и в краевой совет, в Верховный Совет Российской Федерации и в Верховный Совет СССР.

Автономные национальные области играют огромную роль в деле подъема творческой самостоятельности, экономического и культурного развития народов, которые их создали.

Под руководством коммунистической партии и Советской власти трудящиеся Ойротии в союзе со всеми братскими народами СССР, после организации в национальную автономную область, приступили к восстановлению народного хозяйства, к строительству социализма.

Восстановительный период в Ойротской автономной области после окончания гражданской войны был отмечен неуклонным ростом сельского хозяйства.

На основе сплошной коллективизации было ликвидировано кулачество, байство и остатки зайсанства.

Трудящиеся крестьяне Ойротии вступили на путь колхозного строительства.

Целые столетия алтайский народ нес на своих плечах ярмо нищеты и несправедливости.

И вот сравнительно за короткий исторический срок – за 25 лет существования – Ойротская автономная область сделала такие гигантские шаги вперед в своем развитии, какие возможны только в социалистическом обществе, при советском строе, под руководством большевиков.

Экономика, культура, быт алтайского народа за эти 25 лет по сравнению с прошлым стали неузнаваемыми.

В прошлом отсталая царская колония, Ойротия превратилась в экономически развитую культурную область.

В годы сталинских пятилеток горный Алтай строился. Прокладывались дороги от аймака к аймаку. Строились школы, больницы, маслозаводы. От села к селу прокладывались телефонные линии. По области телефонизировано 64 сельсовета, 36 колхозов, 4 МТС, 6 совхозов.

До революции считали, что горный Алтай беден полезными ископаемыми. Но советские геологи опрокинули эти «теории».

В Ойротии имеется много залежей белого, розового, светло-серого и серого мрамора. Уже найдены

богатые месторождения золота, ртути, молибдена, вольфрама, марганца, меди. Многие из этих месторождений уже разрабатываются.

В Ойротии – богатейшие запасы гидроэнергии.

Более 5 ½ млн га занимают леса, богатые растительностью и пушным зверем. До 26 проц. лесных насаждений Ойротии составляют кедровники.

Большие достижения достигло сельское хозяйство за годы социалистического строительства в Ойротии. В области имеется 273 колхоза. За ними закреплено на вечное пользование и бесплатно 102.378 га пахотной земли, 195.051 га сенокоса и 657.504 га пастбищ.

Посевная площадь в 1946 году составила более 36 тысяч га. По решению пленума Ойротского Обкома партии посевная площадь в 1947 году должна увеличиться на 8 тысяч с лишним га.

В области работают 4 МТС.

Ойротия в основном животноводческая область. За годы предвоенных сталинских пятилеток животноводство области достигло больших успехов. Правда, в годы Великой Отечественной войны животноводство по многим причинам сократилось. Но уже к концу новой пятилетки должен быть восстановлен и превзойден предвоенный уровень.

В новой сталинской пятилетке колхозы области поставили задачу увеличить поголовье крупного рогатого скота до 130.000 голов, лошадей до 45.000 голов, овец и коз до 525.000 голов. Это значительно превысит довоенный уровень. В Ойротии с каждым годом улучшается породность скота. За 7 лет, с 1935 по 1942 год количество породистого скота увеличилось в 16 раз.

Если раньше Ойротия была потребляющей областью, то сейчас она стала производящей. Она сейчас производит свой хлеб, свои овощи и картофель. Раньше алтайцы сеяли только ячмень, который употребляли для талкана. Сейчас в Ойротии сеют рожь, пшеницу, овес, просо и т.д.

В области все больше и больше развивается местная промышленность. У нас работает 94 мельницы, 4 маслобойки, 2 крупорушки, 68 различных мастерских. В области 51 артель, завод по производству кирпича, извести, пивоваренный завод, завод металлообработки, 4 швейных фабрики, мебельная и валяльно-войлочная, сыродельные заводы.

До революции грамотность в Ойротии достигала 5–6 %. Сейчас Ойротия – область почти сплошной грамотности. В 1913 году одна школа приходилась на десятки населенных пунктов. В настоящее время школы имеются во всех населенных пунктах. В 1913 году один школьник приходился на десятки крестьянских дворов, сейчас один школьник приходится на каждые 4–5 человек населения.

В 1947 году имеется по области 312 школ, в которых учится около 23.000 учеников. Начальных школ по области 240, из них алтайских около 100. Неполных средних и средних школ – 51, из них алтайских, казахских и смешанных – 21. На родном языке обучается 7.500 детей-алтайцев.

В Ойротии сейчас имеется и ряд других специальных средних учебных заведений: педучилище, рабфак, зооветтехникум, медицинская школа, кооперативная школа, театральная и художественная студия. Алтайская молодежь учится в высших учебных заведениях в ряде городов Советского Союза.

В области существует 31 интернат, в которых живет 1600 человек, 7 детских домов, в которых воспитывается 789 человек.

В Ойротии работает около 100 изб-читален, 10 районных домов соцкультуры, 16 библиотек, 26 детских клубов и 2 юрты-передвижки.

Ойротское национальное издательство выпускает на алтайском языке книги классиков марксизма-ленинизма, художественную литературу русских классиков, учебники и другие книги.

В области выходит 2 областных и 6 районных газет.

В нынешнем учебном году открылось 14 школ колхозной молодежи для подростков, которые в период Отечественной войны не имели возможности обучаться в нормальных школах.

В Ойротии работает сеть краткосрочных курсов, где готовятся кадры для сельского хозяйства, животноводства и местной промышленности.

Коммунисты, комсомольцы, советский беспартийный актив и интеллигенция изучают труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, изучают политику большевистской партии и советского государства в десятках партийных и политических школах и политкружках.

Кадры из коренного населения работают в партийных, советских, торгово-кооперативных и др. организациях области.

Алтайский народ гордится своими талантливыми писателями – Павлом Кучияк и орденоносцем-сказителем Николаем Улагашевым.

Создание Ойротского национального театра также является свидетельством торжества ленинско-сталинской национальной политики.

Большое внимание партия и правительство уделяют здравоохранению трудящихся Ойротии. В области работают 21 больница, 21 амбулатория, 118 фельдшерских пунктов, 20 родильных домов. В области имеется более 150 врачей и фельдшеров.

Алтайский народ послал и своих представителей в высший орган государственной власти – в Верховный Совет СССР. Много алтайцев работает на руководящей партийной и советской работе.

Ярким примером роста и развития нашей области является рост и развитие областного центра – гор. Ойрот-Тура, выросшего из небольшой деревушки.

К периоду образования Ойротской Автономной области – в 1922 г. – с. Улала – центр области – насчитывало 5–6 тысяч жителей. В 1928 г. село Улала было переименовано в г. Улала, а в 1932 году, в связи с десятилетием образования автономной области, г. Улала был переименован в гор. Ойрот-Тура.

До Великой Октябрьской революции в с. Улала было 4 церкви, 3 часовни, 1 монастырь, 2 школы на 100 чел., 1 врачебный пункт с фельдшером во главе.

Сейчас в гор. Ойрот-Тура проживает около 27.000 жителей. В городе имеется 8 общеобразовательных школ, в которых обучается 4.5 тысяч учеников, 6 специальных средних учебных заведений. В городе работает свыше 200 учителей. В Ойрот-Тура имеется театр (с алтайской и русской труппой), музей, нациздатство, типография, кино, хлебокомбинат, ряд других учреждений, предприятий и т.д., несколько больниц, в которых работает около 150 человек медперсонала.

Изменилось и лицо алтайских сел. Вместо дымных аилов – благоустроенные дома. В быт алтайца прочно вошла русская печь, фарфоровая посуда и др. предметы культурного обихода.

В каждой деревне – школа, почтовое отделение, изба-читальня. Большинство населенных пунктов радиофицировано. Во всех деревнях выписывают газеты, журналы, книги. Пожалуй, сейчас не найдется ни одного алтайца, который бы не видел кино.

Во многих селах и в ряде районных центров горят «лампочки Ильича» – электрический свет.

Забота большевистской партии и советского государства об Ойротской автономной области ярко выражается в росте областного бюджета. Общий бюджет области в 1947 году в 132 раза больше бюджета 1923 года. А бюджет по народному образованию за это же время увеличился в 223 раза.

Ярким свидетельством заботы партии большевиков и советской власти о трудящихся Ойротии является специальное постановление СНК СССР о мерах по улучшению животноводства в Ойротской автономной области, подписанное тов. Молотовым.

Великие задачи стоят перед Ойротией в послевоенной пятилетке, выполнение которых приведет к еще большему расцвету Ойротской автономной области.

В возрождении и расцвете Ойротии большую роль сыграл великий русский народ.

Русский народ сыграл выдающуюся роль в сплочении всех народов СССР, в создании могучего многонационального советского государства. Товарищ Сталин охарактеризовал русский народ как руководящую силу Советского Союза. Русский народ добился руководящей роли благодаря своему мудрому и гуманному отношению ко всем другим нациям, ко всем братским народам СССР... <...>

И алтайский народ впервые за всю свою долгую жизнь, полную горя, лишений и борьбы, только после великой Октябрьской Социалистической Революции приобрел Родину и стал равноправным членом могучего Советского Союза.

Алтайский народ под руководством партии Ленина-Сталина, с помощью братского русского народа идет к своему 25-летнему юбилею с большими успехами, с великой верой в свое еще более светлое будущее.

Константин Растегаев

ЖАНБЕК ЕЛЕУСОВ

Текст жуунтынан алынган:

"Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи. Очерктердин жуунтызы"
(Ойрот-Тура, 1947. – С. 31–33)

Јас айландыра кырларды чечектерле чоокырлап салды, јуртка јаба јаткан јаландар јажара берди. Колхозтын тураларынын көзнөктөринде јаскы күннин чогы чедиргенделип турат, улус та эрчимдү ле күлүмзиреништү боло берген.

Школдын ачык көзнөктөринен күзүн чектин өткүн шыңырты ыраак угылат. Эжик кайра ачылды. Уренчиктер тал-табыжы јаан үүрле сенекке чыга кондылар. Јурттын элбек оромдоры сайын таркай бердилер, ончозынын сонгында кирнестеде военный кебериле чекчил кийимдү, каткак јиит кижичыкты. Јаскы күн онын төжинен кичинек алтын јылдысты тапты. Јиит кижі јуртты кууй базап браадат, балдар дезе оны сүүмчилу көруштериле үйдешкилейт.

– Бистин Жанбек Акетовичибис барыл јат!

Јаан јашту колхозчылар туштажат. Олор јиит кижиле күндүлү эзендешкилеп, онон оны ээчий узак коруп турдылар. Ого јаба кандый бир солун кижі јанында турган болзо, кыйалта јогынан айдыжар эди:

– Бистин герой! Уккан болбойгар? Андый болбой кайтсын, Жанбек Елеусовты канайып билбей-

бей...

Эңирлер сайын, качан бастыра керектер бүдүп калганда, уйку десе тыштанына жилбиркеткелек турганда, айылдаштары бойынын үредүчизиле эрмектежерге суудилер. Жанбектин жаан эмес, же жаркындуу жүрүмү оок-тобырына жетире ологго жарлу. Же олог онын жуучыл эркиндер эткени: онын алган наградалары, немецкий генерал ла Елеусовтын эки катап тушташтары керегинде, дивизиянын командириде, онын алдында десе, качан Елеусов генералды олжоого алар туштагы тушташтар керегинде катап-катап сурагылап турадылар. Же угаачылардын сырангай жилбулу деп угатандары – Днепр сууны форсировать эдип кечкени керегинде куучын. Ол тушта жинт жуучылдын анчадала эрчми жарлу жаркындалган.

Күстин соок салкыны сууны буурыл түргектерле көбүктендирип турды. Калтырап, атыланып тургандый, Днепр кумақта жадагай жаратка барынкый коомдорун чыгара чайбылтып турды.

Эңирлер сайын жуугында жаткан койу агаштын Днепрдин коомдорунан чыкталып калган ол кумака советский жуучылдар чыгара базып, күски чыкка кызынгылап, он жараттын бийик учарлары жаар узак аяктагылап туратандар. Суунын ол жанында бшту болгон Ийделу суу буудакты жекип кечерине, күчтерди ле средстводорды жууп алар керек болгон. Сакылтада жуучылдар Днепрдин жалбагын көстөриле кемжигилеп, одоштой жараттын аңыларын аярулап тургандар.

Ол жуучылдардын ортодо Жанбек Елеусов болгон. Полктын эң артык пулеметчиги, пулеметный взводтын командири Елеусовко он сегиз жаш жеткен. Днепр сууны калшаай кечеле, фашисттерле жуулажарына ол энчикпей турган.

Днепрди форсировать эдип кечери керегинде приказ 12 сентябрьда алынган. Тунде кечиш башталган. Лейтенант Жихаревтин стрелковый ротасы ла ого болушка берилген Елеусовтын пулеметный взводы он жарат жаар жүткүгиледи. Же немецтер эрчимдү жуучылдарга өлүмдү адышты койлөднп, кечишти үзүп салдылар. Таң эртен турада сүрекей көп немецкий самолеттор учкылап келеле, сол жаратты бомбаларла урылтып ийгендер. Кечиш бир канча күндерге токтодылган болгон.

Ойто кайра келгендердин ортодо Елеусов, база онын взводы да жок болгон. Он бир пулеметчиктер бойынын жинт командири эзчип, от буудакты өткелейле, Днепрдин оң жарадына кече бергендер. Олордо 5 танковый пулеметтор, көп патрондор ло бштуге согужарына түгенбес ойгор санаа бар болгон. Олог Днепрди кууй барган жаратка казынып алгандар.

Таң эртен тура, жүк ле жарып турарда, ол участканын корузында турган немецкий батальон наступление баштады. Согуш токунабай тунге жеде берди. Экинчи тунди он жаратта тирү арткан эки ле пулеметчик – Жанбек ле барнаулец Василий өткүрдилер. Арткан тогузы өлтүрткен болгон. Экинчи күнде Василий де өлди. Жанбек жангыскан арткан. Туннин карануйыла бектенип, ол Днепрдин жаратынын сырангай ла каскагына кайралап алала, беш пулеметторды бастыразын бойынын алдына – фланга экиден, алдына бирүзүн тургузып алала, үчинчи таң адарын сакыды.

Немецтер бойлорун узак сакытпадылар. Таң эртенде, суудан көдүрилип турган туманды баштарыла чийе согорынан коркып турган чылап, жерге жаба жабыс энчейип, немецтер жалтанбас жаар жүткүдилер. Жуук гада же гирип алала, Елеусов олорды пулеметтын одыла уткыды. Немецтер кайраладылар. Бу сок жангыс Советский солдат, олорго удурлажып тура, неге иженип турганын олор ондогылабай тургандар. Кыркыраак үндериле немецтер кыйгырып турдылар:

– Русь! Олжолот! Сен тирү болорың!

Елеусов кыжууркаганына түкүрип, немецтерге каруу берип, айдып турды:

– Мен тегин де тирү. Тирү де болорым. Сен мен кирези тирү болуп ал!

Бойлоры ортодо шуүлтелерин кыскарта угушкан сонгында; Елеусовтын олорды кородо адып турганына удур, олор уч-бажы жок албаданып, пулеметчикке жууктап алала, оны өлтүрип саларына амадаган ченелтелер катап-катап болуп турды. Елеусов немецкий батальонло база да үч күн үзүгү жок жуулажып турды. Ол үч күннин туркунына уйуктабаган, ажанбаган, суу да ичпеген.

Качан бежинчи күнде полк Днепрди кечип аларда, полктын командири Советский Союзтын геройы Смирнов Жанбекти кучактай алып, окшоорго бойы келди. Елеусов арыганынан көдүрилер аргазы жок болды. Ол тижип калган колдорыла пулеметтын тутказын кабыра тутканча жатты. Айландыра 60-нан ажыра бштулердин өлтүрткен сөбкөри жатты.

Ас-мас тыштанып алып, Елеусов ончозынын алдында болуп, бойынын взводыла кожо бштуни истеже берди. Жирме күннин бажында Припять сууны форсировать эдип кечкендер. Полкка – дивизиянын командири генерал-лейтенант Пуков келеле, Елеусовты ого Советский Союзтын геройы – деп, звание бергениле поздравлять этти.

Кан-Оозы аймакта «Нацмен» колхозтын колхозчызы болгон Жанбек Елеусов Герой адын бийик ару-чек тудуп, Черниговтын ла Коростеньнин алдында, Житомирдин ле Ровнонын алдында жууларда, бойынын сууген Төрөлин жайымдаары учун жууларда качан да болзо полкто эң артык жуучыл болгон.

АЛТАЙСКИЙ ЗАПОВЕДНИКТЕ

Текст јуунтынан алынган:

"Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи. Очерктердин јуунтызы"
(Ойрот-Тура, 1947. – С. 193-197)

Алтын-Көлдү эбиреде јаан туулар курчал јат. Алтын-Көлдүн күнбадыш јарадында турган Алтын-Туу көк тенгериге кычыру эдип турган чылап, бажын бийик көдүрүп алган туры. Озогы тужында алтай улус бу Алтын-Туунун эдегине келип, мүргүл эдип, берү берип туратандар. Је эмдиги ой өскө болуп јат.

Теленит карган өбөгөн Какаев Павел Алтын-Туу јаар кыймык јогынан көрүп айдат: «Јыш». Алтай улус мынайда тайганы адагылап јат.

– Тайгада агас, сарас, тийин ле оноң до өскө көп андар бар – деп, Какаев куучындайт.

– Је ондо заповедник, андаарга болбос – деп, өбөгөн күнчыгыш јанындагы јарат јаар көргүзип, ушкүрүп турды.

– Бу заповедникке кирген јерлер сего, байла, ачу болуп турган учун, мынайда тыгыда ушкүрүл турый, а? – деп, мен өбөгөннөн сурал јадым.

– Эмеш ачу змей база. Је тайгада јүзүн-јүүр андар база да көп ийне, оноор до барып андабай. Заповедникте андар өзүл, көптөп јат. Андарды бастыра ла јерлерде аткылап, үзе кырып салган сончында, кайдан барып андайтаныбыс?

Мындый карууны јаңыс ла Какаев Павелден угар эмес. Оноң до өскө анчылар, Алтайский государственный заповедник андаар керекти элбедерине кандый јаан учурлу болгонын билип алгандар. Бу 1932 јылда төзөлгөн заповедник – Алтын-Көлдүн јуугында улус јуртабай турган тайганы ээлеп јат. Онын бастыра территориясында күнбадыш јанында Алтын-Көлдөн ле Чолушман суудан ала күнчыгыш јанында Тувинский автономный областька јетире кандый да анды ла кушты андаары токтодып салган. Заповедниктин ар-бүткеннинин байлык айалгазы, јүзүн-јүүр климады ла элбек јайым телкеми кийик андардын өзүмине болушту болуп јат. Заповедникте научно-исследовательский де ишке јакшы айалга тургузып алган.

Заповедниктин оморкогону

Заповедниктин оморкоп турганы туйгакту андар: сыгын ла булан болуп јат. Тайга тууларынын күчтү, түрген маңду јараш андары ајарулу, көскүр анчынын тозуулынан кыйып барып болбой јат. Эди амтанду, јаан, јылу терелү, јаан бүдүлү ан анчыга токуналу амыр бербей турды. Ан ыраак туулардын кандый ла каскактарына чыгып, кандый ла састарга кирип те турза, кайда да болзын, оны анчы истешкенче јүрүп, једижил өлтүрүп турат.

Медицинский эн баалу препарат-пантокрин деп эм белетеерине сүрекей керектү болуп турган аннын мүүстери. Качан канла толуп келген май ай ойинде, ан андагылап турган анчы-тувинецтер айдыжат: «Бир ан өлтүрүп алзаң, јылына јиир эт болор».

Аннын үүри түрген астап турганына кайкаары јок. Заповедникти төзөөринен озо сыгындар ла мыйгактар сыраңай ыраактагы ла тууларда коруланып артатан.

Шинжүчилердин тоологоныла болзо, 1932 јылда заповедникте сыгындардын тоозы ас болуп турган. Сескир ле ајыкчыл анды кижии бойынын корузына алган өйдөн ала ан кижиге үрениже берди. Эмди сыгын кижиден коркып, ыраада маңтабай, кижиге бүдүмчилү көрүп, агаштын оргозынан јайым баскылап јүрөт. Эмди заповедникте турган сыгындардын тоозы көп болуп јат.

Киш јайымда

Киштин јүрүми оноң до ас эмес ырысту боло берди. Мынан озо өйдө бу јаан баалу алу ангычак бойына коруланар јерди сыраңай таппайтан болгон. Киш ак јаландарда, тайга тууларында, оок төндөрдө лө кырландарда – кайда ла јүргежин, оны анчылар улам ла истеп туратан. Изин булгап, өдүп болбос көчкө кардын алдына кирип, јажынып јүрери ангычакка болушту болгон. Је кишти андап үренип калган ченемелдү анчылар истежетен болгон. Ондый анчылар киштин изине узактан отурып, ангычактын «ойынын» билип алып, оны эчий туни-түжиле истежил, мөнүн түктү кишти једижил өлтүрүп албаганча, ойто бурылбайтандар.

Он беш јыл мынан озо заповедниктин шинжүчилери бастыра тайганы јүрүп көргөндөр. Мынайда ајарулу шиндеп јүрүп, јаңыс ла Корбо деп туунун сындарынын јиктеринен, ташту корумдардан үч-төрт лө эжер киштин изин тапкандар. Бу бастыра Алтайда озогыда өскөн тоозы јок көп киштердин арткандары болгон.

Киштер јүрүмге эпчил ан. Олор заповедниктин агаштарында түрген өзүл, көптөп јат.

Көп киштер јыш деп айдатан Алтын-Көлдүн ол јаиына көчүп јат. Калганчы јылдарда анчылар

киштин терезин заготовительный пунктка улам сайын экелеечи болдылар. Мынайда бистин областьта киш андаары ойто орныктырылды.

Барынтычыларга закон жок

Заповедниктин шинжүчилери ле научный ишчилери агажы жок жерлерден туунын кучалары-кочкорлордын сөөктөрүн таап жадылар. 18 пудка жетире кемжүлү жаан сөөктү андар ончозы кырылып калган. Эмезе күски тожонноң, эмезе узак кышка чыдажып болбой олгон андардын сөөктөри табылып жат. Мынайда тапкан сөөктөр научный ла практический жанынан анчадала жаан учурлу болуп жат.

Заповедниктин ар-бүткендеги бастыра бар зонаны корылап алар керек. Жаңыс ла бөрүлерге закон жок. Олорды аткылап, корондоп, чапкылап өлтүрери кем жок. Заповедникте бөрүлер тың да көп эмес. Жайдын жаан баргаазы, кыштын калың түшкен кары олорды тайгадан сүрүп ийгенде, олор заповедниктин хозяйствозына кор жетирбей жадылар.

Шүлүзин анчадала жеткерлү. Айу жиилектү жайда семирп алып, күскиде ичегенине кирип жадыл койгондо, шүлүзин агаш ортозынын ээзи болуп турат. Эпчил, жалбак тамашту шүлүзин карга кадалып турар туйгакту тындуларга жедижип, олорды тудуп турат. Барынтычы ла барынтычы эмес андар учуражып, узак эмес ойго согушкылап туратандарын, шинжүчилер жааган карда истеп көрүп жадылар.

Шүлүзин көбизинде агашка чыгып алып, оноң өдүп брааткан аннын устине калып, житкезин кажап ийет. Аг канайып та секирип, канайып та тыңыда маптап, барынтычыны боёнан жайладып болбойт. Житкезин үзе кажадып алган аг, күчи чыгып, жыгыла берет. Шүлүзин агнын эдин амтанду жеринен талдап, бөбөргин жип алала, жүре берет.

Шүлүзин жок болгожын, заповедникте андардын тоозы эки-үч катал көп болор эди. Шүлүзин көп сабазында туйгакту андарга умзанып, туунын эликтерин бастыразын кырып салган. Табыргынын, буланнын, туунын текелеринин ле оноң до өскө тындулардын жүрүмү база андый ок болуп жат.

Заповедниктин научный ла управленческий төс жери Айулуда блааш болуп жат. Бирүзи кандый да база барынтычы да андарды өлтүрбес деп айдыжып жадылар. Ар-бүткенде кандый ла андар бойлорынын табыла көптөп өзөт. Туйгакту андар бойлорынын аргаларын таап, качып коруланар учурлу. Экинчилери десе анчадала казырланып, барынтычы андардын ончозын кырар керек деп айдыжадылар. Бу жаан да, база кату да сурак болуп жат. Алтайский государственный заповедник бойынын телкемиле Советский Союзтын экинчи жерде турган заповедниги болуп, фауназыла да база анайып ок флоразыла да байлык болуп жат. Научный ишчилердин көп нургуны ого жаан ажару салып жадылар. Онын учун заповедниктин ар-бүткенин, онын бүткен бүдүмиле, корулап алатаны жаан учурлу болуп жат. Барынтычылар өскө дө тындулардын өзүмине айдары жок камаанду болуп, научный жанынан десе олорды коротпой артырары, кыйыш жоктон керектү болуп көрүлип жат. Је, бис биологический проблеманы өткүрбей турган улуска, заповедникте барынтычы андар өткүрө көп болорын жаратпай жадыбыс.

Бис заповедниктеги бастыра барынтычыларды кырып саларын жаратпай жадыбыс. Бистин шүултебисле болзо, бөрүле кожо, наука керегинде ас тоолузын артып, шүлүзинди де, јеекенди де кырар керек.

Кижинин корузында

Мында эң талдама алу андар – Алтайдын тийинги болуп туры. Онын ады-чуузы озодон бери жарлу болгон. Ол качан да болзо, сибирский де. Российский де алу рынкаларда жаан баала садылып туратан. Заповедникте тийинг умазы жок көп өскөн керегинде, оны жанындагы мөш агашту жышка кочургедий болды. Заповедниктен өскө дө тындуларды. Темдектезе, туйгактуларды көчүрүп турганы билдирип жат.

Заповедникке улай жаткан жерлер андаарга сырангай жарлу боло берди.

Темдектегежин, 1945 жылда Улаган аймагынын «Пограничник», Сталин адыла адалган «Кызыл тоурак» ла оноң до өскө колхозтордын анчылары Чолушман сууны сол жараттай андагылап, кунине 60-70 тийиннен аткылап тургандар. Анчылар заповедниктин агаштарына ак-чегинен ле государственный сознательностьту болуп тургандарын база да темдектеер керек. Сторожевой служба өткүрүп турган кордондор, канча жылдардын туркунына колхозчылар заповедниктин границазын бусканын темдектебей жат.

Мөш агашту тайгада көрүк нургулай ла учурап турат. Бу өңи-сури де жок, баалу да эмес агычак. Онын керегинде бичибес те керек болгон, је ол кандый да немени сүгүнчилү уткуп, ончозына суркулдап ийет. Мынайтканда, ол керегинде бичибегени жарамыкту эмес болор эди. Ого үзери онын биографиязы јилбүлү. Көрүктин адазынын адазы качан бирде буруланган деп, айдыжат. Кыскарта айткажын, урданала, бурулаткан дежет. Андар онын јаманын таштагандар, је ондый да болзо оны сойгылап, арказын јолдоп салгандар. Је бу өйдөң ала бастыра көрүктер арказында чоокыр темдектүлер.

Оноң до өскө куучын бар. Бу сыраңгай озогыда болгон. Айу көрүккө жолыгала, айдат:

– Э-э, мен сени көрбөгөнүнөн бери удады, адын кем болгонуң ундып салдым.

– Мен көрүк, көрүк ийне, таадак.

– Же сен бу ойгө жетпире кайда болдың?

– Төрөгөн ада-энеме туштап, төрөгөндөриме жолыгып жүрдим.

– Шулмус эмитирин, көрүк, бери келсен, арканды сыймап берейин.

Айунын эркелегени жеңил эмес болды. Айу көрүктүн арказын сыймап ийерде, онын тырмактарынын беш жолу артып калды. Оноң бери бастыра көрүктөр арказы беш жолду болуп калдылар.

Заповедниктин тайгалу хозяйствозына онын ченемелдүү ишчилеринин жакшынак отряды жаан кичемелин салып жадылар. Научный бөлүктүн башчызы заповедниктен өскө бир де жерге барбай, алты жылдын туркунына ондо иштеп туру. Ол кийик аңдардын өзүмү керегинде жаан, баалуу научный бичиктер бичиген. Ол бастыра экспедицияларга ла научный ишчилерге баалап болбос болуш жетирип турат.

Алтайский государственный заповедникте ады-чуузы чыккан улус көп. Олор ончолору научный задачаларды бүдүрүп, Ойротиянын ла Сибирьдин өскө до областтарынын алу аңдаар керектерин байгызып, сүүгендүү иштенип жадылар.

Иван Коломин

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОЙРОТИЯНЫН УЛУСТАРЫ ЛА ИЖИ

Текст жуунтынан алынган: "Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи. Очерктердин жуунтызы" (Ойрот-Тура, 1947. – С. 3–6, 11–13, 14–18)

1947 жылда 1-кы июньда Ойротский автономный область төзөлгөн күннен бери 25 жыл болды. Откөн жылдар эрчимдүү тартыжунун ла жаан жөнүлөрдүн жылдары болуп, алтай албатынын өзүп тынтыганынын ла онын материальный ла духовный ийде-күчтери түргөн өзүп тынтып келгенинин жылдары болгон.

Ас тоолу алтай албатынын революциядан озогы историязы – ол олордын правозы жок, уур жүрүмнүн историязы. Олор монголо-язычный жужандардын, тюркский хандардын, китайский феодалдардын, азиатский жүзүн-жүүр князьтардын, монголдордын башчызы Чингиз-Ханга жетире базынчыгында жаткандар; Джунгарский олжоочылар алтай албатыны эки жүс жылга жуук базынчыктагандар. Өскө жердин казыр базынаачылары алтай албатыны кыйнагандар, олорды түрениде, карануйда тудуп, айыл-журтын өртөп, малын айдап апарып, бала-барказын, үй улустарын кулданарга апаратан болгон. Акту улустын каны төгүлүп турган. Алтайдын тууларын албаты «Канду Алтай» деп адагандар.

XVIII-чы чактын экинчи жарымында Туулу Алтайды Российский империяга бириктирген болгон, онызы алтай албатынын хозяйствозын, жадын-жүрүмүн ле культуразын өскүреринде жаан учурлу болгон. Шак ла бу эн баштапкызында, алтай албатыны китайско-монгольский жуулап алаачыларынын бүткүл тоноп, жоксырадып, физический жоголтып саларынан корып алганы болуп жат. Экинчизинде, исторический өзүмнүн эн бийик тепкижинде турган орус албатыла алтай албатыны көндүрө жуук болуп, жаңыс болуп турарын тургусканы болуп жат.

Оноң башка Алтайды Каан Россиязына бириктиргени, ол алтай улустын жадын-жүрүмүн жарандыларына арга эмес болгон, не дезе ол тужында Россия «албатынын түрмези» болгон. Туулу Алтай дезе онын жаңы колониязы боло берген...

Революциядан озо Ойротия культура жанынан чик жок сондоп калган болгон. Алтай албаты эш неме ондобос, карануйда журтагандар. Бичик билери 5–6 процент болгон. Кажы ла 2000 журт кижинин тоозына бичикчи бир ле кизи болгон. Школдор жирме бештен көп эмес болгон, ондо бийлердин, абыстардын ла байлардын балдары үренип гуратан.

Национальный литература, искусство ло музыка керегинде айдарга да келишпей турган. Алтай албатыда бойынын бичиги жок болгон. Олор карануй жүрүм керегинде, правозы жок болуп, ачу-коронго бастырып, түрөп жатканы керегинде бойларынын жакшы жадар шуултези керегинде үйеден үйеге куучын эдип, чөрчөк эдип айдып туратандар.

1917 жылда болгон Улу Октябрьский социалистический революция капиталистический кулданыштын темир кынжызын үргүлжиге үзүп салды. Революция кижинин күчин кизи жип турарын чек жоголторына бек фундамент салып; көп албатыны, ол тоодо алтай албатыны өлүмнөн айрып алып, колкүчиле жаткан албатыга жайымды экелип, озогы Российский империяга кирген албатылардын ортозында бузулбас наајылыкты баштап салды.

Же андый да болзо, Ойротиянын колкүчиле жаткандарына ырысту жаңы жадын-жүрүмди тургуза-

ла, революциянын кийинде төзөп тургузарына келишпеди. Советский жаңды базып салала, помещиктердин ле капиталисттердин диктатуразын ойто тургузып, колкүчиле јаткандарда ойто ло базынчыкгаарга амадап, канча ла катап ченешкен ак бандиттерле, интервенттерле база буржуазный националисттерле Кызыл Черү база Алтайдын партизандары Алтайдын тууларында 5 жыл ажыра вооруженный тартыжу өткургендер. Је олордын амадаган амадулу ченелтелери не де болбоды...

1922 жылда 1-кы июньде бастыроссийский Центральный Исполнительный Комитет Ойротский автономный областьты төзөбри керегинде јол чыгарган. Советский республиканын Верховный органынын бу исторический јобн ленинско-сталинский национальный политиканын торжествозынын база бир акты, большевистский партиянын X-чы съездинин решениезин практический будүрип јат, бу решениеде мынайда бичилген болгон:

«...партиянын задачанын турганы – Төс Россияда ичкеери баргандарга једижерге улу орус эмес колкүчиле јаткан албатыга болужары болуп, ологго мынайда болужар: а) бойында советский государственностьты бу албатылардын национальный жадын-јүрүм кеберининг условиязине келиштире өскүрип тындыар; б) бойында төрөл тилле иштеп турган судты, администрацияны, хозяйствонинг органдарын, јер бойынын албатызынын жадын-јүрүмин ле психологиязин билер улустардан тургузып, өскүрип тындыар; в) бойында прессаны, школдорды, театрларды, клуб керектерин, текши культурно-просветительный учреждениелерди төрөл тилле өскүрер; г) текшилей үренер ле профессионально-технический јанынан төрөл тилле үренер курстардын ла школдордын сетьтерин элбеде тургузып ла өскүрер...»...

Ойротский автономный областьтын төзөлгөнн алтай албатыны жаңы јүрүм учун тартыжуга там ла јаан көдүрди. Бойлорынын јаан карындажы – орус албатынын болужыла, Ленинин-Сталиннин партиязына баштадып, олог бойлорынын государствовынын тургузылган баштапкы жылдыгына Ойротиянын јерин бандиттерден чек арулап алып, Советский социалистический Ойротиянын строительствозына лапту кирип алгандар...

Ойроттын промышленнозы, онынг јорыктаар јолдоры ла связь Улу октябрьский социалистический революциянын кийинде өскөн. Бу јанынан не ле эдилген немелер эмди иштеп јат, ологдын ончозын алтай албаты бойынын колдорыла калганчы он-он беш жылдардын туркунына јазап алган. Областьта төрт јүске јуук тоолу государственный ла кооперативный предприетиелер иштегилеп јат. Ологдын ортозында 54 предприетиелер союзный ла республиканский учурлу, 23 предприетиелер областной учурлу, 58 предприетиелер промысловый ла инвалидтердинг кооперациязына кожылып јат. Ойротто 99 сыр эдетен, база сарју эде ген заводтор бар, 108 механический ле суула иштейтен теермендер бар, Чемалдын ГЭС, райондор турган јуртгарда, предприетиелерде ле совхозтор ло МТС-тердинг ремонт эдер мастерскойларында 19 электростанциялар, агаш промхозторы ла өскөлөри де бар.

Ойротия ороонго Алтайдагы мөнүн суузын, вольфрамды, молибденди ле алтынды берип турар болды. Ойроттын мраморы Москвадагы метрополитеннин јер алдындагы оргоолорин кееркедил јат...

Алтай албаты газеттер, журналдар алдыргылап, почта ла телеграфла тузаланып јат. Радио ажыра тил алыжары жаңыдан ачылган база кажы ла жыл сайын элбеп јат.

Эки алтай үй кижии – Елена Упаева ла Софья Шабуракова – СССР-дин Верховный Советинин депутаттары болуп јат, јүстер тоолу үй улустар колкүчиле јаткандардын краевой, областной, городской, аймачный ла јург јерлердеги Советтердинг депутаттарына тудылгандар. Мария Федоровна Саруева партиянын областной комитединин пропаганда ла агитация бөлүгининг заведующийининг заместители болуп иштеер ишке је тире өскөн. Орденду Ябыкова Мария јаан колхозты башкарып јат...

Советский јан Ойротиянын колкүчиле јаткандарын караңуй ла сондогонианг айрыган. Алтай албатынын культурный кебери тазылынан ала кубулган. Национальный кеберлу, социалистический будүмдү культура ла искусство чечектелип өзүп јат...

Ойротия бойынын 25 жылдыгына јетире бастыразына јуук бичикчи болуп калган. Текши үредүнинг школдорыла кожо областьта аңылу үредүлу заведениелер иштеп туры: педагогический училище, рабфак, зооветтехникум, фельдшерско-акушерский ле торгово-кооперативный школ, база кыска өйдин курстары иштейт.

Албаты үредүзининг ижинде 1300-тен ажыра үредүчилер иштегилеп јат, ологдон 300-тен ажыразы алтайлар. Школдордын ишчилерининг ортозында үредүнинг јакшы деген устары бар.

Бойлорынын ат-нерелү иштери учун Ленинин ордениле Ойрот-Тура городтын 12-чи школынын үредүчизи Истигешева Екатерина Ивановна, Трудовой Красный Знамя орденле областьтын педагогический кабинетининг директоры, СССР-дин Верховный Советининг депутады – Шабуракова Софья

Николаевна награда алгандар, школдын директору болуп иштеп турган Киршина Клавдия Григорьевна ла уредүчи Веденина Таисия Владимировна медальдарла награда алгандар.

Революциядан озо тушта алтай улус театр, клуб, кино ла библиотека дегенин билбей тургандар. Каан башкаруу албатынын акказына церквелер, монастырьлар ла кабактар тудуп турган. Революциядан озо Ойротияда церквелер, часовнялар ла кабактар кажы ла жаан журт жерлерде бар болгон, оной башка эки монастырь бар болгон – Улалунун ла Чолушманнын.

Советский башкаруу ла большевистский партия колкучиле јаткандардын культурный өзүмин ле токуналу амыраар амырын төзөөргө нени де кысканбай јат. Культуранын өргөөлөри ле туралары, театрлар, клубтар, изба-читальнялар, краеведческий музей, драматический театр, 35 кинотургузулар, алтай ла орус тилле чыккан 97300 экземпляр политический, экономический, научный ла художественный литература фондту 16 библиотека иштеп туры; пионерлердин клубы, балдардын технический станциязы ла база да коп учреждениелер бар.

Алтай албатынын бир жаан јенүзи – 1936 јылда төзөлгөн кичинек студиядан өзүп чыккан төрөл тилле иштеп турган драматический театрды өскүрүп алганы болуп јат. Областьтын театры бойынын башталганынан бери өткөн он јылынын туркунына сүрекеј јаан воспитательный иш өткүргөн. Ол 600 ажыра спектакльдар тургускан, ол ойындарды 270000 ажыра тоолу улустар көргөндөр. Театр бойынын ойындарын көргүзөргө областьтын эн узактагы жерлерине баргылап, колкучиле јаткандарга орус ла өскө ороондордын классиктеринин, онойдо ок эми советский драматургтардын ойындарын көргүзүп турган.

Театрдын једип алган жаан јенүзи – ол алтай албатыдан чыккан бир кезек талантливый артисттерди өскүрүп алганында болуп јат, олардын тоозында: Алтарыкова, Быйхыев, Уксегешева, Тыдыкова ла өскөлөри де бар. Театр национальный драматургияны төзөөр јөмөлтө болгон. Алтайдын драматургы, поэт база писатель Павел Кучияктын бичиген «Чейнеш» ойынын Ойрот-Тура ла бастыра областьтын албатызы канча-канча катап көргөн. «Чейнешти» алтай ла орус улустар ортозында жаан јилбиркеп көрөрүн тузаланып јат.

1945 јылда Москвада национальный театрлардын ижин көрөр тушта Ойроттын национальный театры баштапкы жерлердин бирүзин алган.

Ойротияда областной национальный издательство иштеп јат. Јетире эмес тооло, ол мун печатный листтен ажыра кемјүлү јүзүн-јуур бичиктер чыгарган, ол бичиктердин тиражы 650 мун экземплярдан артык. Ол политический ле научный бичиктерди, баштапкы ла толо эмес орто үредүлү школдордо уренерге керектү бичиктерди чыгарып јат.

Бичик деп немени билбеген алтай албаты эми бойынын тилиле Лениннин ле Сталиннин бичиктерин, марксизм-ленинизмнин үредүлү энциклопедиязы – ВКП (б) историязынын кыска курсы кычыргылап јат. Пушкиннин, Горькийдин, Чеховтын, Крыловтын, Н. Островскийдин, Шолоховтын ла Маяковскийдин бичигендери алтай тилге көчүрилген.

Алтай албатынын бойынын бичиги башталганыла кожо бойынын поэттери ле писательдери табылгандар. Жаан поэт, драматург ла бичиичи, база онойдо ок алтай албатынын кожондор, куучын, чөрчөк айдар творчествозын токунал јок јууган јууйчы Павел Васильевич Кучияк болуп јат (ол 1897 јылда чыккан, 1943 јылда өлүп калган). Ол бойынын кыска ойи туркунына көп тоолу талантливый ла бийик художественный произведениелер бичиген.

П. В. Кучияктын бичигенинен алтай тилле 11 книгалар кепке базылып чыккан, орус тилле – 5, олардын тоозында бу мындай јуунты-бичиктер бар: «Төрөл јаландарда», «Ойротиянын кожондору», «Алтай чөрчөктөр», «Правда» кепке базып чыгарган. «СССР албатызынын творчествозынын» јуунтызы П. Кучияктын «Алтын тандак јарыды» деп туујыла ачылып јат. П. В. Кучияк керегинде алтай албаты мынайда ајдат:

«Мылтыгын алза – анчы, топшуурын алза – кайчы,
Јүзине грим салза – актер, перо алза – поэт».

Алтай албатынын экинчи талантты јанынан база учурлузы жаан болуп, бойы өскөн кайчызы, советский башкаруула «Знак почет» орденле наградалаткан Николай Улагашевич Улагашев болуп јат. Бек санаалу болгон Н. Улагашев бойынын көп јылдарга јүргөн јүрүминин туркунына албатынын көп тоолу чындык куучындарын, легендаларын, чөрчөктөрүн ле кожондорун бойына шиндирип алып, бастыра мыны бистин күндөргө јетирген.

Н. Улагашев советский јан тужында јирме јылдан ажыра јаткан, онын јажы карый да берген болзо, је алтайлардын озогы јүрүми керегинде, бойынын албатызынын јайымы учун тартыжу керегинде, Социализмнин јазалы керегинде кожондогон. Ол большевистский партия ла албатынын улу башчызы нөкөр Сталин керегинде сүүмјилү кожондогон.

Н. Улагашев көп тоолу чөрчөктөрдү, кожондорды, легендаларды ла чындык куучындарды айдып бергени бичилип, база бичик болуп чыккан. Удабас онын чөрчөктөрүнүн 13 печатный лист кемјүлү јуунтызы орус тилле чыгар.

Поэт-драматург Чот Енчинов јакшы бичип јат. «Темир-Санаа», «Ай-Тана» онын произведениялери болуп јат, онын лирический стихтери «Айрылышкан», «Май», «Јангы Алтай» ла осколори де солун јакшы стихтер болгылап јат. Советский Союзтын гимнин алтай тилге көчүрген мак онын болуп јат.

Јиит алтай литературага јангы-јангы улустар кожылып јат. Ч. Чунижеков балдардын чөрчөктөринин ле куучындарынын эки јуунтызын берген. Чөрчөктөрдин книжказын Ябыков бичиген. Бойларынын ийделерин јангы баштап турган литераторлор Каланаков, Кочеев ле осколори де стихтер ле прозалар бичип, ченегилеп көргүлөп турылар.

Алтай ла орус тилле бичиген, база орус тилден алтай тилге көчүрүп јазаган художественный литература өзүп турганыла коштой алтай тил үзүги јогынан јаранып јат. Школдорго керектү учебниктерди бичиирине јакшы белетеп алган авторлордын ла орус тилден алтай тилге көчүретен көчүрөөчилердин јаан тоолу улустары бар болуп јат.

Эмди тургуза Ойротияда областной эки, база алты аймачный газеттер чыгып јат. Олордон бир областной ло уч аймачный газет алтай тилле чыгып јат. Онон башка алтай улус бойынын төрөл тилиле областной ло јербойынын аймачный радиоберилтелерди угуп јат...

Культура керегинде – алтай албатынын национальный кеберлү, социалистический бүдүмдү культуразын онон бийик кемине јетире көдүрүп, Ойротиянын колкүчиле јаткандарынын культуразын ла искусствозын, јадын-јүрүмин произведениелерде көргүзип турар керек.

Алтай албатынын алдында јаан да, мактулу да задачалар туруп јат. Алтай албаты Лениннин маанызынын алдына туруп, Сталиннин баштаганыла улу Советский Союзтын карындаштык албатызынын болужыла бу задачаларды мактулу бүдүрүп салар.

**Указ Президиума Верховного Совета РСФСР
О переименовании Ойротской автономной области Алтайского края
(Печатается по: Звезда Алтая. – 1948. – № 5)**

Удовлетворить просьбу трудящихся Ойротской автономной области, Алтайского края, о переименовании Ойротской автономной области в Горно-Алтайскую автономную область, города Ойрот-Тура в город Горно-Алтайск и Ойрот-Турского сельского аймака в Майминский аймак.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР И. Власов.

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. Бахмуров.

Александр Сапего

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ОБЛАСТИ
(Печатается по: Звезда Алтая. – 1948. – № 5)**

Идя навстречу пожеланиям трудящихся, Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 7 января 1947 года переименовал нашу область в Горно-Алтайскую автономную область. Городу Ойрот-Тура дано новое наименование – Горно-Алтайск, а Ойрот-Турский аймак переименован в Майминский аймак.

Президиум Верховного Совета удовлетворил справедливое желание трудящихся нашей области, так как термин «ойрот» не соответствует исторической действительности и за 25 лет существования области не получил признания среди коренного населения. Он не мог получить народного признания в силу своей искусственности и полнейшего отсутствия исторического обоснования.

Термина «ойрот», как названия своей национальности, у группы тюркоязычных племен Горного Алтая, объединенных в 1922 году в автономную область, никогда не было и не бывало. В народной лексике этого термина нет, а есть единственный термин, как исторически сложившееся самоназвание – алтаец (алтай-кижи).

Термин же «ойрот» – это алтайское произношение монгольского термина «ойрат», означающего – «западный монгол» или «калмык». Ойраты – это западная ветвь монгольского племени, то есть западные монголы или же калмыки, населяющие сейчас северо-западную часть Монгольской Народной республики и частично живущие в Восточном Туркестане и в низовьях Волги и Астраханской области. Ойраты говорят на монгольском языке и никакого языкового родства с тюрко-язычными племенами, населяющими Горный Алтай, не имеют.

Термин «ойрат» известен в литературе с XVII века. В то время им называли одно из лесных охотничьих племен Саянского нагорья, говорившее на монгольском языке. После распада Монгольской империи Чингис-хана и ликвидации владычества монголов в Китае этот термин окончательно закрепился за западными монголами.

Исторические документы указывают, что алтайцы в XVII и первой половине XVIII века находились в политической и экономической зависимости от западных монголов – ойратов. Последние в это время объединились в большое феодальное государство Джунгарию. Джунгария управлялась династией западно-монгольских или ойратских ханов.

Алтайцы были в Джунгарии на колониальном положении. Живя под властью зайсанов, они платили ойратской династии исключительно тяжелые налоги и несли тяжкое ярмо феодального владычества. О жестокостях и насилиях, чинимых ойратскими ханами и их чиновниками, говорят многочисленные документы XVII и XVIII веков.

Современные алтайцы хорошо сохранили память об этом тяжелом периоде в форме различных преданий и легенд, в которых говорится «об ойротском времени» или «об Ойрот-хане». В этих легендах и преданиях также отражен тяжелый гнет, который испытывали алтайцы от ойротских ханов.

Распространенность легенды об Ойрот-хане среди алтайцев, отражающая период политического и экономического угнетения алтайцев со стороны ойротских ханов, постоянно использовалась в эксплоататорских целях то монгольскими ламами, то зайсанами и баями, то белогвардейцами и контрреволюционными националистами, мечтавшими продать Алтай иностранным капиталистам.

Уже с конца XIX века известны попытки появления на Алтае Ойрот-хана, который возвещал алтайцам о необходимости возрождения Ойротского или Джунгарского государства и отделения от России. За Ойрот-хана выдавали себя ламы-монголы.

В 1904–1905 годах на Алтае вспыхнуло, так называемое, бурханистское движение, организованное группой баев, тесно связанных с монгольскими ламами-агентами восгочных капиталистов. Вожаки бурханизма ставили задачей отторжение Алтая от России и передачу его под протекторат Японии. В бурханистских песнях-агитках, которые баи распространяли среди алтайцев под видом молитв, всюду фигурировал Ойрот-хан, отождествлявшийся с Япон-ханом.

Мечтая об отделении Алтая от России, о реставрации полной власти над трудящимися алтайцами, алтайские зайсаны и баи сделали знаменем своих замыслов Ойрот-хана, то есть династию ойротских ханов, при которой они рассчитывали стать распорядителями судеб трудящихся алтайцев.

Следующим периодом оживления националистических тенденций явился период контрреволюционного «сибирского правительства» и колчаковщины. Зайсанско-байская верхушка в союзе с националистической интеллигенцией, эсерами и белогвардейцами, организовали в феврале 1918 года в селе Улале учредительный съезд под председательством сибирского областника и эсера В.И. Анучина. Съезд ставил своей задачей объединить контрреволюционные силы Алтая для борьбы с советской властью и взял в свои руки решение национального вопроса для алтайцев. На съезде В. Анучин выступил с докладом о необходимости объединения в самостоятельную республику земель бывшего «государства Ойрот». Он утверждал, что «осуществить это не трудно и вот почему: население русского Алтая, монгольского Алтая, Урянхайского края и жителей Джунгарии составляет одно племя, один род, язык, нравы и обычай у них одни. Когда-то они составляли вместе великий народ «ойрот».

Стремясь разжечь националистические чувства участников съезда с целью мобилизовать их на борьбу с Советами, Анучин фальсифицировал науку, говоря заведомую чепуху по поводу общности языка, нравов, обычаев перечисленных выше совершенно различных народов.

По докладу Анучина белогвардейский съезд принял решение образовать «республику Ойрот». Для учреждения «республики Ойрот» был намечен «Курултай» (съезд депутатов) в селе Кош-Агач. Но, как известно, из этой контрреволюционной затеи у буржуазных националистов и эсеров типа Анучина ничего не вышло. Из сказанного видно, что в период борьбы за установление советской власти контрреволюционные силы Алтая пытались объединиться в союзе с зарубежными пан-монголистами, опять-таки под именем ойрот.

В годы окончания иностранной интервенции и перехода советской страны на мирную работу по восстановлению народного хозяйства, когда стало практически осуществляться проведение в жизнь ленинско-сталинской национальной политики и для малых народов окраин нашей страны, именем «ойрот» еще раз воспользовались враги Советской власти на Алтае – алтайские буржуазные националисты. Это выразилось в том, что они захватили в свои руки подготовку вопроса о выделении алтайцев в автономную область. Националисты стали выступать со статьями в печати, в которых снова протаскивали старые контрреволюционные идеи о создании государства Ойрот.

Пробравшись в комиссию для разработки вопроса о выделении «Алтайской автономной единицы», работавшую при Президиуме Алтайского губисполкома, в составленном докладе они протаскивали свои установки, а в основу «исторических обоснований» положили антинаучный бред «этнографа» В. Анучина.

Буржуазным националистам все это было нужно для того, чтобы под флагом советской автономии восстановить старые порядки. Националисты мечтали не о настоящей советской автономной области, а о такой автономии, где советский строй был бы подменен буржуазным строем.

Контрреволюционная попытка буржуазных националистов при разрешении национального вопроса на Алтае, разумеется, потерпела крах. Трудящиеся алтайцы были выделены в автономную область, вошедшую в состав РСФСР. Однако, область получила название «Ойротской», в чем и сказалось влияние местных буржуазных националистов.

Но старые мечты не покидали националистов. Еще лет десять тому назад местные буржуазные националисты, совместно с троцкистско-бухаринским отребьем, снова облекли свои замыслы именем «ойрот», мечтая о создании «Ойрот Го». И эта затея националистов потерпела полный крах. Но так или иначе термин «ойрот» в известное время использовался ими как знамя борьбы с советской властью за отторжение Горного Алтая от Советского Союза.

Вот почему термин «Ойрот» не мог найти признания у трудящихся нашей области и вот почему наименования – Ойротская автономная область, город Ойрот-Тура, Ойрот-Турский аймак – не отвечают исторической справедливости, а, следовательно, и оставлять эти наименования было бы невозможным.

Вопрос переименования области не влечет за собой какого-либо изменения её административных границ.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании области еще раз свидетельствует о великой заботе большевистской партии, советского правительства и лично товарища Сталина о кровных интересах алтайского народа, еще раз подтверждает величие принципов ленинско-сталинской национальной политики.

Лучшим ответом трудящихся нашей области на Указ Президиума Верховного Совета РСФСР явится самоотверженная работа по дальнейшему подъему народного хозяйства Горно-Алтайской автономной области, по выполнению нового пятилетнего плана в четыре года.

В ответ на заботу партии и правительства о наших кровных интересах мы должны еще больше усилить борьбу за сохранение и дальнейший рост нашего социалистического животноводства, своевременно и качественно подготовиться к весеннему севу, хорошо провести зимовку скота, поднять производительность труда на наших промышленных предприятиях. Укрепить государственную дисциплину в советских учреждениях. Мы должны еще сильнее развивать культуру алтайского народа, национальную по форме, социалистическую по содержанию, и поднять работу учреждений идеологического фронта на уровень требований сегодняшнего дня, смело выдвигать и заботливо выращивать наши национальные кадры.

Первое областное совещание политпросветработников, г. Ойрот-Тура, март 1941 г.

Н. У. УЛАГАШЕВ
С К А З И Т Е Л Ь -
О Р Д Е Н О Н О С Е Ц

АЛТАЙ-БУЧАЙ

ОЙРОТСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

Под редакцией
А. КОПТЕЛОВА

ОГИЗ—ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК—1947

Слушатели первого выпуска курсов заведующих изб-читален, г. Ойрот-Тура, 1941 год

Алтайская лексика, встречающаяся в русскоязычных текстах

1. **Абыл** – ручной инструмент для обработки земли.
2. **Аил** – 1) дом, жилище; 2) юрта; основной тип традиционного жилища алтайцев, представленный несколькими разновидностями: деревянная конусообразная юрта с остовом из жердей, который покрывался корой лиственницы (аланчик, чадыр) или юрта цилиндрического типа с решетчатым остовом (решетчатые складными стенками), обтянутым войлочными пластинами прямоугольной формы (кереге, керене, айл). Дверь юрты ориентирована на восток. Внутренняя часть юрты делилась на мужскую (слева от входа) и женскую (справа от входа). В центре аила находится очаг.
3. **Аймак** – 1) род, племя; 2) народ; 3) административный район.
4. **Арака** (арака) – алкогольный молочный напиток, который получают путем перегонки из чегеня; молочная водка.
5. **Арчимак** (арчымак) – часть конского снаряжения, кожаная переметная сума.
6. **Бурхан** (бырхан) – обозначение божества вообще и духов (включая богов разных религиозных систем и даже демонов).
7. **Дельбегень** – персонаж алтайской мифологии; семиголовое чудовище.
8. **Демичи** (уст. темичи) – помощник зайсана.
9. **Дер-су** – досл. «земля-вода», название одного из высших божеств алтайского пантеона.
10. **Дзерен** (алт. [еерен]) – небольшая, легкая и стройная антилопа, встречающаяся в предгорьях хребта Сайлюгем, в урочищах Чаган-Бургазы и Уландрык.
11. **Дючина** – административная единица, население, прикрепленное к управлению зайсана, не имевшая строгих территориальных границ; состав определялся не территорией, а населением, приписанным к ней, «приписывали» население к зайсану по названию рода-сёока.
12. **Зайсан** (алт. [айзан]) – руководитель дючины, предводитель какого-либо рода, племени; родовой староста; отвечал за сбор ясака, осуществлял суд.
13. **Кайдрухан** (Кайракан) – олицетворение неба как начала всего сущего.
14. **Кайчи** – сказитель, исполнитель героического эпоса в традиционной манере своеобразного горлового пения под аккомпанемент музыкального инструмента толшуура.
15. **Карагана** (*Caragana arborescens* Lam) – листопадный кустарник семейства бобовых (акация желтая, караганник обыкновенный, чилига, чилижник, гороховник, гороховик или сибирский горох).
16. **Кандык** (*Erythronium*) – многолетнее травянистое луковичное растение, ранневесенний эфемероид; сушеные луковицы используются в пищу.
17. **Кечим** (по-алтайски – кежим) – чепрак, часть конского снаряжения.
18. **Корон** (*Aconitum*, аконит, борец, волкобой) – многолетнее травянистое растение, ядовито.
19. **Корум** – щебень, россыпь камней, мелкие камни, образовавшиеся от обрушившейся скалы; груда камней, упавших со скал и скопившихся в одном месте; одно из самых опасных для путешественника обрушением, подобным снежной лавине, мест.
20. **Кудай** – 1) бог, божество; 2) миф. дух-небожитель, обитающий, по анимистическим представлениям шаманистов, в верхней сфере, т.е. на небе.
21. **Кумандинцы** (татар-кижи, тадарлар, куманды-кижи, инородцы; в последнее время – кумандинцы) – тюркский народ, с 1993 официально отнесенный к числу коренных малочисл. народов Севера. Этноним кумандинцы является наименованием самого крупного рода сев.-зап. группы сев. алтайцев, к-рый стал употребляться исследователями по отношению ко всей группе близких родов, не имевших общего самоназвания.
22. **Кумыс** (кымыс) – напиток из квашеного кобыльего молока.
23. **Курут** – копченый сырный продукт из молока, высушенный на решетке над огнем.
24. **Кыс** – 1) девушка, девочка; 2) дочь.
25. **Обо** (обоо таш) – груда камней, сложенная в ритуальных целях, сооружается преимущественно на перевалах.
26. **Пучка** (*Heracleum sibiricum*, борщевик сибирский, пикан) – травянистое растение семейства зонтичные; стебель достигает до 2 м. в высоту, листья крупные.
27. **Сарана** (*Lilium martagon*) или саранка, лилия кудреватая, царские кудри – многолетнее луковичное растение; в традиционной алтайской кухне луковицы употребляют в сыром, варёном, жарёном, сушёном виде и в качестве приправы.
28. **Сарлык** – як; сарлыкчы – яковод.
29. **Сеок** (сеек, сёок) – 1) кость; 2) род, племя; 3) тело, труп, останки, скелет; 4) могила; 5) косточка.
30. **Табыш** – 1) шум; 2) звук; 3) новость; 4) скандал. Вопрос «Не табыш?» – обязательная часть ал-

тайского ритуала приветствия.

31. **Тайга** – самые высокие горы, на вершинах которых не растет лес.

32. **Талкан** – толокно, продукт, произведенный из поджаренных, очищенных и протертых зерен ячменя.

33. **Ташаур** (тажуур) – кожаный сосуд для араки, служил обязательным атрибутом в свадебном церемониале.

34. **Теленгиты** – этническая группа южных алтайцев, самоназвание – чуй кижы (люди реки Чуя). В исторических документах XVII в. и старой литературе именуется урянхайцами или урянхайскими калмыками. Живут по долинам рек Чуя, Аргут, Чулышман, Башкаус. Теленгиты составляют этническую, генетическую и историческую основу алтайцев. Происходят от теле – группы тюркских племен кочевников-скотоводов, обитавших преимущественно в восточной части Центральной Азии в первой пол. I тыс. н.э.

35. **Телеуты** – этническая группа Южного Алтая, родственная алтайцам (алтай кижы и теленгитам). Их самоназвание теленет восходит к древнетюркскому этнониму теле. Ныне включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

36. **Той** – свадебный пир, один из важных праздников в символическом и ритуальном осмыслении земной жизни человека в представлениях алтайцев.

37. **Топшур** (топшуур) – алтайский щипковый музыкальный инструмент, который имеет две волосяные струны; изготавливается из древесины кедра.

38. **Тубалары** – этническая группа, относящаяся к сев. алтайцам. Самоназв. Ыш/ыйш-кижи (дословно человек черневой тайги), туба, туба-кижи, тубалар, тубинцы. Населяют Турочакский, Чойский, Майминский р-ны РА. Ныне включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

39. **Хан-Алтай** – собирательный образ божества, возвышающегося над всем Алтаем.

40. **Челканцы** (лебединцы) – группа северных алтайцев, проживающих в басс. р. Лебедь, прав. притока р. Бия, также проживали по лев. притокам р. Лебедь (реки Байгол, Тогоно, Садра, Бийка, Чуйка). Ныне включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

41. **Чегень** – кисломолочный напиток из заквашенного кипяченого молока.

42. **Шоор** – национальный инструмент из пустотелого дягиля, относится к роду продольной флейты.

43. **Ээзи** (туу ээзи, суу ээзи) – духи-хозяева гор, духи-хозяева воды. В сознании алтайцев горы, реки, источники мифологизированы. Каждый род почитал свою гору, которая считалась родовой, священной (Ыйык-туу). Дух-хозяин воды обитает в горных озерах, реках и больших морях.

Приложение 2

Малоупотребительная и устаревшая алтайская лексика

1. **Ааја** (аача) – ада.
2. **Алгый** – конок, сабат.
3. **Антыгып** – кекенип, ачынып, канзырап.
4. **Аптап** – абына кийдирер, сүмеленип, эптеп.
5. **Арбыдай** – көптөдө, арбынду.
6. **Арныкпас** – арыбас, чучурабас, кыйналбас.
7. **Арчашпа** – ачынышпа, керишпе; жыжынба; айрылышла.
8. **Астам** – кирелте.
9. **Байалгак** – жайылып өскөн; жалбайта.
10. **Барык мөш** – карануй, жык ла тудуш өскөн мөш.
11. **Барынтычы** – 1) жерлик, казыр ан (бору); 2) малды ууруга айдаачы кижы.
12. **Барынкай** – 1) барынкый, бурункый, карануй; 2) боро эмезе кара-боро өң.
13. **Бос тан** – эрте тан, сары-боро тан.
14. **Бөкөн чийиктү** – эңилип калган чийу, толголып.
15. **Бускалан** – косколан, күч.
16. **Жабылап** – курчап, ороп.
17. **Жанчык бичик** – 1) керестенип, санаага кийдирип алар бичик; 2) Жанчык – мылтыктын огын салар жаан эмес каптыра.
18. **Жензеелү** – жезелү, калың, байлу журт, мал-ашту, арбынду.
19. **Кајап ийет** – кемирип, кезе тиштеп.
20. **Карачкыда** – карануйда, бурункийде.
21. **Каруунча** – турбастан жыгылар; чек барып түжер.

22. *Карыштак* – жылдыс-курт, курт.
23. *Комдар* – толкуланган суу.
24. *Коолондыра* – 1) жаңыландыра; 2) чике, түп-түс.
25. *Көдүре* – ончо, бастыра.
26. *Көйлөдип* – көөрөдип, күйбүредип, көкүдип.
27. *Кубуксуулу* – омок, көдүрингилү, бийик куун санаалу.
28. *Куйунтак* – куйундап жаткан салкын, туунектү салкын.
29. *Кызуур* – мылтыктын ичин арчып, сүркүштеп турган темир эдим.
30. *Кыйгаа жылдыс* – энгир жылдыс.
31. *Кыракыланып* – аярынып, аярулу.
32. *Кысталанга* – кызаланду, уур, кыйынду.
33. *Магат жок* – маат жок.
34. *Мокоортып* – мокодып, күчи жетпей.
35. *Нургуны* – текши, көп жандай.
36. *Ойлу* – керсү, көгүстү, санаалу.
37. *Сайак* – байыркак, сайыркак.
38. *Салгадаарын* – араайынан оорып, ырынг-сырынг жүрген, тыны чыгып.
39. *Сергелег* – сергек, седег; аярынкай.
40. *Сормо буржуйды* – жимекчи; соро тартар.
41. *Сүреттип* – табарып, сүрүжил.
42. *Тарам жааш* – табыр-тубыр жааш; кыска өйдүн жаажы.
43. *Тергенип* – жуунып, жазанып.
44. *Туркаары* – улайын, жаантайын.
45. *Туш* – тужында.
46. *Чакырым* – беристе.
47. *Чуулданып* (чугулданып) – ачынып, кородоп.
48. *Шуур таш* – 1) коралл; эрекен, јинји эдетен таш; 2) шуур терек – јалбырактары мызылдажыл, шуулап турган терек.
49. *Ылтат* – түрген, удабай.
50. *Эркиндер* – талдама, артыгы.
51. *Эртип* – каткырып; сүүнип.
52. *Эрчимелдү* – эрчимдү; ийделү.

Приложение 3

Сибирская лексика и историзмы

1. *Алтайская горная дума* – общественная организация коренного населения южной части Томской губернии. Учреждена на съезде представителей инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уезда (1–6 июля 1917, Бийск). Председателем был избран Г. И. Гуркин. Основной вопрос – самоопределение инородцев Бийского и Кузнецкого уездов.

2. *АМО* – первый советский серийный грузовик (Автомобильное Московское Общество – основанный в 1916 г. первый автозавод в России; с 1925 г. – 1-й Государственный автомобильный завод (ГАЗ), с 1931 г. – 1-й государственный автомобильный завод имени И. В. Сталина (ЗиС), с 1956 – Московский автомобильный завод имени Лихачева (ЗиЛ).

3. *Белки* – сибирское название заснеженных в летнее время горных вершин. Белками либо гольцами на Алтае называют обособленные возвышенности с уплощенными вершинами, которые значительную часть года покрыты снежниками (Айгулакские, Катунские, Теректинские, Чуйские и др.).

4. *Бикатунская линия* – участок Сибирских укрепленных линий, созданных на юге Западной Сибири в XVII–XVIII вв. для защиты южных границ России от набегов кочевников. Линии начинались с правого берега Тобола и тянулись цепью более чем на 2000 верст через междуречье Тобола, Ишима, Иртыша, далее на юго-восток вдоль Иртыша до крепости Усть-Каменогорской; Бикатунская линия входила в состав Колывано-Кузнецкой, включавшей 4 крепости (Кузнецкую, Бийскую, Катунскую, Усть-Каменогорскую), ряд форпостов, защит и маяков; на линии дислоцировался 9-й Сибирский казачий полк.

5. *Бом* – в Горном Алтае узкое место между рекой и горой, по которому пролегает дорога, а также скалистый обрыв, крутой обрывистый берег (что отчетливо отразилось в топонимике Республики Алтай: Белый Бом, Вичиктубом, Кынгырарбом и др.)

6. *ВЛКСМ* – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (комсомол) – молодежная

общественно-политическая организация в СССР, создана в 1918 г. по Уставу – «активный помощник и резерв Коммунистической партии Советского Союза». Принимались юноши и девушки с 14 до 28 лет.

7. **ВЦИК** – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти Российской Советской Республики в 1917–1918 гг. и РСФСР – с 1918 по 1937 г.

8. **Двоеданство** – исторический термин, обозначающий уплату дани двум государствам. На сибирской границе в XVII–XIX веках были жители, платившие дань одновременно России и Китаю. После китайского завоевания Джунгарии в бассейнах рек Чуя, Аргут и Чулышман Россия и Китай не препятствовали друг другу в сборе податей. При этом телесы, а также чуйские и аргутские теленгиты оказались в русско-китайском двоеданстве. Алтайские двоеданцы были известны как «жунгарские» (джунгарские) двоеданцы. Двоеданцы перестали платить дань Китаю в 1866 году, после подписания в 1864 году Чугучакского протокола они стали подданными России.

9. **Дом алтайки** – культурно-просветительное учреждение в Ойротской автономной области, куда направлялись женщины-алтайки на 3–4 месяца для усвоения гигиенических навыков, обучения грамоте, ведению домашнего хозяйства, шитью, огородничеству; для ознакомления с основами семейного права; зачастую Дома алтайки служили первой ступенью для включения женщин в общественную жизнь.

10. **Елань** – поляна среди леса, покрытая мелким кустарником и душистыми травами; обширная прогалина, луговая или полевая равнина.

11. **Западно-Сибирский край** – административно-территориальная единица РСФСР с 1930 по 1937 год, краевой центр – г. Новосибирск. Образован Постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 года путём разделения Сибирского края на западную (центр – Новосибирск) и восточную (центр – Иркутск) части. В Западно-Сибирский край вошли 14 округов бывшего Сибирского края и Ойротская автономная область.

12. **Изба-читальня** – один из видов клубных учреждений в сельской местности, культурно-просветительное учреждение, возникшее в СССР в 1920-х гг. как форма ликвидации неграмотности (ликбеза). Избач – заведующий избы-читальни, библиотекарь-пропагандист.

13. **Инородцы** – юридический термин, особая категория подданных в Российской империи, отличавшаяся по правам и методам управления от остального населения империи. «Устав об управлении инородцев» 1822 г. определял систему управления неславянскими народами Сибири.

14. **Калмыки** (белые калмыки) – этноним, под которым с XVII в. русским были известны телеуты и предки алтай-кижи и теленгитов.

15. **Каракольцы** – древние жители Горного Алтая, следы существования которых обнаружены археологами в селе Каракол Онгудайского района; Каракольская культура – археологическая культура бронзового века (II тыс. до н.э.), большинство исследованных каракольских погребений расположены по берегам реки Урсул и её притоков.

16. **Каракорум-Алтайская окружная управа** (март 1918–дек. 1919) – орган исполнительной власти Каракорум-Алтайского округа – горной части Алтая, выделенной из Алтайской и Томской губерний в особую административную единицу при попытке создания национальной государственности в Горном Алтае. В состав управы вошли Г. И. Гуркин, В. К. Манеев, Г. М. Токмашев, Сары-Сэп Канзычаков и Тибер-Петров.

17. **Кедровка** (*Nucifraga caryocatactes*) – вид птиц из семейства врановых, небольшая птица, чуть меньше галки и с более тонким и длинным клювом. Окрашена в тёмный коричневато-бурый цвет с белыми пятнами, которых нет только на верхней стороне головы, на конце хвоста светлая кайма. Распространена в лесах таёжного типа. Является единственным массовым распространителем кедра (сосны сибирской) в Сибири.

18. **Кержаки** – этноконфессиональная группа, старообрядцы (название происходит от реки Керженец в Нижегородской области); носители культуры северорусского типа. Одни из первых русскоязычных жителей Сибири, «старожильческое население». В Горном Алтае компактно проживают в Усть-Коксинском районе. Вели и ведут достаточно замкнутый общинный образ жизни со строгими религиозными правилами и традиционной культурой.

19. **Киргизы** («киргиз-кайсаки», «киргиз-касаки», «киргизцы») – так русские в XVIII–начале XX в. называли казахов; собственно киргизов именовали «Алат киргизы» или «Алатай-киргиз».

20. **Колывано-Воскресенские (Алтайские) заводы** – промышленные предприятия Колывано-Воскресенского горного округа – административно-хозяйственного комплекса на юго-востоке Сибири в 1747–1896; принадлежали императорской фамилии; плавил золото, серебро, медь, железо, свинец; на Сузунском чеканили монету; развивали камнерезное производство; к заводам приписывались государственные крестьяне.

21. **Комбед** (комитет бедноты) – в 1918–1919 гг. сельские органы советской власти в деревне, в

их задачи входило выявление скрытых крестьянами от властей продовольственных запасов, помощь продотрядам при изъятии «излишков» хлеба, перераспределение реквизированного продовольствия, скота и сельскохозяйственных орудий среди селян.

22. **Коммуна** – в 1920-е годы в СССР – форма коллективной организации, при которой производственная деятельность осуществляется сообща. Все ресурсы принадлежат коллективу. Семьи живут в общих домах, питаются в общих столовых, дети воспитываются в общих яслях, детских садах и школах. Вознаграждение труда в форме заработной платы или в какой-либо другой форме распределения доходов отсутствует – коммуна берет на себя обеспечение своих членов всем необходимым.

23. **Кормач** – работник колхоза или совхоза, задающий корм животным и птице.

24. **Кошма** – большой кусок войлока, войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

25. **КУТВ** (Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина) – учебное заведение, функционировавшее в Москве с 1921 по 1938 г. Было создано для студентов азиатских национальностей; готовило партийных и советских работников для национальных номенклатур советских республик и областей; иностранных студентов готовили к борьбе за установление коммунизма в своих странах, организации восстаний и революций.

26. **Маральник** – 1) растение, рододендрон Ледебурра (*Rhododendron ledebourii*), багульник сибирский – полуветчозелёный кустарник, цветущий ранней весной. В Горном Алтае произрастает по каменистым склонам гор, на каменистых россыпях, на скалах, в подлеске преимущественно лиственных, реже еловых лесов, по склонам берегов горных речек в лесной и субальпийской областях; 2) огражденная территория горного пастбища для содержания маралов (подвид благородного оленя), выращиваемых в основном ради пантов, используемых в фармацевтике.

27. **Ликбез** – сокр. от «ликвидация безграмотности» – государственная программа ликвидации безграмотности в РСФСР (начало – 1919 г.); население Советской России в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или на русском языке. Для обучения неграмотных привлекались все грамотные. Была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧК ликбез).

28. **Ликпункт** – школа грамотности, которую должен был иметь каждый населённый пункт с числом неграмотных свыше 15; срок обучения в такой школе составлял 3–4 месяца; программа обучения включала чтение, письмо, счёт (с 1925/26 уч. г. – политграмоту); создавались специальные буквари для взрослых.

29. **Мошна** – мешок для хранения денег; перенос. – деньги, богатство.

30. **Наркомзем** – Народный комиссариат земледелия – государственный орган руководства сельскохозяйственным производством СССР (1929–1946).

31. **Нацмен** – слово из советского новояза, сокр. от национальное меньшинство; в довоенном Советском Союзе – лицо, принадлежащее к одному из национальных меньшинств.

32. **Ново-Николаевск** – название г. Новосибирска до 1926 г.

33. **Областничество сибирское** – «система взглядов части местной интеллигенции второй половины XIX–начала XX вв. на прошлое, настоящее и будущее края как специфической области (территории) в составе российского государства; общественно-политическое и культурное движение, пытавшееся пропагандировать и реализовывать на практике эти идеи» (М.В. Шиловский). Один из пунктов программы – предоставление инородцам Сибири национально-культурной автономии. Идеологи движения П. А. Словоцов, А. П. Шапов, П. М. Ядринцев, Г. П. Потанин.

34. **Обком** (областной комитет) – в СССР высший орган областной организации ВКП(б)-КПСС между областными конференциями, избирался областными партийными конференциями; занимался реализацией решений областных конференций, организацией и утверждением районных партийных организаций, выполнением решений ЦК партии: отвечал за идеологическую работу в области.

35. **Облисполком** (областной исполнительный комитет) – в СССР орган областного Совета народных депутатов, коллегиальный орган управления областью как административно-территориальной единицей, руководивший государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством; организовывавший исполнение предписаний вышестоящих государственных органов; разрабатывавший планы развития хозяйства и культуры в пределах своей территории и организовывавший их исполнение; обеспечивавший соблюдение законов, охраны общественного порядка и прав граждан.

36. **Огоньки** – местное назв. цветов купальницы азиатской (*Trollius asiaticus*) или жарков (название дано за оранжево-красный цвет лепестков). Растут по сырым лугам, лесным полянам, в лесах, заходят в высокогорья, поднимаясь до альпийского пояса; при массовом цветении луга и поляны буквально полыхают; растение используется в народной медицине; в некоторых регионах Сибири занесено в Красные книги.

37. **Ойрот-Тура** – название столицы Ойротской автономной области (ныне г. Горно-Алтайск) с 1932 по 1948 гг.

38. **Переселенец** – население Сибири традиционно делится на старожилов и переселенцев. Переселение – система государственных мероприятий по созданию условий для добровольного перемещения населения из постоянного места жительства на территории, подлежащие заселению и освоению. Указ об организации переселения крестьян в связи с освоением Сибири от 1843 г. регламентировал переселение государственных крестьян из губерний европейской части России за Урал. В сент. 1906 г. был издан указ о передаче под переселение свободных кабинетских земель Алтайского округа.

39. **Пятилетка** – пятилетний план экономического развития СССР, 1 пятилетка – 1929–1932, 2 – 1933–1937 гг.; главная задача – индустриализация страны, укрепление обороноспособности.

40. **Сибирский край** – административно-территориальная единица РСФСР, образован 25 мая 1925 г. вместо бывших губерний: Алтайской, Енисейской, Новониколаевской, Омской, Томской, Иркутской. Включал: 16 округов, 221 район, 1 автономную область – Ойротскую (10 аймаков), 1 губернию (4 уезда, 26 районов). Постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 г. разукрупнен на Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский.

41. **Социализм** (социалистический реализм) – творческий метод советского искусства, объявленный на I съезде советских писателей (1934) ведущим методом литературы. В Уставе Союза писателей были закреплены, в частности, требования изображать действительность в её революционном развитии; правдивость и историческую конкретность художественного изображения сочетать с задачей идейной перделки и перевоспитания трудящихся людей в духе социализма.

42. **Танну-Тува** – независимая Народная Республика Танну-Тува, провозглашена в 1921 г.; с 1926 года – Тувинская Народная Республика. В 1944 году республика была включена в состав РСФСР на правах автономной области.

43. **Таратайка** – легкая двухколесная повозка.

44. **Улала** – село, с 1928 г. – город, столица Ойротской автономной области (ныне г. Горно-Алтайск).

45. **Урянхайцы** – жители Урянхайского края (русское название Тувы в 1914–1921 гг.). До 1912 года край находился под властью маньчжурской династии Цин, правившей Китаем, и назывался «Танну-Урянхай». Урянхайцами (урянхами) русские называли тувинцев в XVII–нач. XX в.

46. **Чернь** (черневая тайга) – густой, малопроезжимый лес с темнохвойными деревьями, пихтами и елями, с примесью осины и березы, рябиново-черемухового подроста, также с высокими травами; одна из древнейших растительных формаций Сибири, включающая около 30 эндемичных видов.

47. **ЧОН** – часть особого назначения («коммунистические дружины», «военно-партийные отряды»); создавались при партийных ячейках с 1919 г. для борьбы с контрреволюцией в период продразверстки и гражданской войны.

48. **Чудь** – древний мифический народ, встречается в том числе и в фольклоре народов Сибири; в основе преданий лежат сюжеты об уходе автохтонного населения или гибели первого поколения людей. «Чудаки и чудаки, сиб. Чудь (т. е. странный и чужой) ж. собр. народ-дикарь, живший, по преданию, в Сибири, и оставивший по себе одну лишь память в буграх (курганах, могилах); испугавшись Ермака и внезапно явившейся с ним белой березы, признака власти белого царя, чудь или чудаки вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли...» (В. В. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»).

49. **Школа 1 и 2 ступени**. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 18 декабря 1923 года была создана единая трудовая школа, в которой обучаются совместно дети обоих полов. Школа состояла из двух ступеней:

- школа первой ступени для детей 8–11 лет (первые начальные 4 года обучения);
- школа второй ступени для детей 12–17 лет (обучение с 5-го по 9 классы).

50. **Юрта-передвижка** (кызыл-аил, красная юрта) – форма мобильной культурной, санитарно-просветительной работы среди кочевого населения Ойротской автономной области в период перехода на оседлость; совмещала функции избы-читальни и врачебно-консультационного пункта; в состав бригады такой передвижки входили юртач – заведующий, избач-библиотекарь, киномеханик, зоотехник, медицинский работник.

51. **Яналиф** (по-алтайски – жанайлып) – с татарского букв. «новый алфавит»; новый тюркский алфавит (НТА), введенный для перевода всех тюркских языков СССР на единообразную графику на основе латиницы в 1928 г.; использовался в тюркоязычных республиках, автономных республиках и областях. В 1938–1940 гг. заменен на алфавиты на основе кириллицы. Насчитывал 33 знака, из них 9 для гласных. В настоящее время не используется.

52. **Ярка** – молодая, еще не ягнвившаяся овца.

Персоналии

1. **Автоманов Григорий** – самодеятельный поэт, активный участник литературной жизни Ойротской автономной области 1930–1940-х годов; печатался в газете «Красная Ойротия».
2. **Алексеев Никандр Алексеевич** (1891–1963) – прозаик, поэт, переводчик, член Союза писателей СССР. В 1929 году был редактором журнала «Охотник и рыбак Сибири». В 1930-х – один из руководителей Западно-Сибирского объединения пролетарско-колхозных писателей (Зап-СибОПКП). Публиковался в журналах «Вселенная», «Нашим детям», «Сибирские огни» и др.
3. **Анохин Андрей Викторович** (1869–1931) – исследователь культуры народов Южной Сибири, этнограф, композитор; его имя носит Национальный музей Республики Алтай.
4. **Аргоков Иосиф Никитич** (1892–1949) – учитель, переводчик, редактор первых алтайских учебников.
5. **Ачубаев Кадыр** (1884–1963) – верблюдовод колхоза «Кызыл Тан», награжден Орденом Ленина (1939), участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1939).
6. **Бакич Андрей Степанович** (1878–1922) – российский офицер, видный деятель белого движения в Сибири.
7. **Баскаков Николай Александрович** (1905–1996) – лингвист-тюрколог, фольклорист, этнограф, доктор филологических наук, декан ойротского отделения Педагогического института имени К. Либкнехта в 40-е годы.
8. **Беседин Константин Алексеевич** (1902–1938) – сибирский поэт, автор одного из первых поэтических сборников, изданных в Новониколаевске («Странствования», 1922).
9. **Борбуев Андрей Матвеевич** (Батпанакович) (1906–1985) – алтайский поэт, переводчик, публицист. Его стихи публиковались в газетах «Кызыл Ойрот», «Крестьян газет», «Ойроттын комсомолы», «Белен бол».
10. **Вербицкий Василий Иванович** (1827–1890) – протонерей, алтайский миссионер, фольклорист, этнограф; один из разработчиков алтайской грамматики (1869 г.).
11. **Второв Александр Федорович** (1841–1911) – купец 1 гильдии, крупнейший торговец текстильными товарами в Сибири, его магазины-пассажи были во всех её крупных городах, в т.ч. в Бийске (ныне ул. Л. Толстого, 46).
12. **Глебов Николай Александрович** (1899–1974) – русский советский писатель, журналист. С 1949 г. член Союза писателей СССР. В 40-е годы работал в Ойротской автономной области, был связан с газетой «Красная Ойротия».
13. **Голиков Иван Иванович** (1886–1937) – русский художник-миниатюрист, создатель Артели древней живописи Палеха; заслуженный деятель искусства РСФСР.
14. **Гордиенко Петр Яковлевич** (1891–1938) – политический и партийный деятель Западной Сибири, писатель, в 1920–1924 и в 1930–1932 гг. занимал ответственные посты в руководстве Ойротской автономной области.
15. **Горнстаев Николай Николаевич** (1896–1938) – профессор, крупнейший специалист по геологии золота Сибири, известный геолог-съёмщик; автор публикаций по региональной геологии Горного Алтая.
16. **Добычин (Алтайский) Николай Ефимович** (1904–1942) – прозаик, переводчик с алтайского языка, член Союза писателей СССР, друг Павла Кучияка.
17. **Долгих Иван Иванович** (1896–1956) – участник гражданской войны в Горном Алтае, позднее – сотрудник системы ГУЛАГа, полковник НКВД.
18. **Елеусов Жанибек Акатович** (1925–1996) – Герой Советского Союза (1943); уроженец Усть-Канского аймака.
19. **Ерошин Иван Евдокимович** (1894–1965) – поэт-лирик, участник гражданской войны в Сибири, один из первых авторов журнала «Сибирские огни»; много путешествовал по Горному Алтаю, изучал алтайский фольклор, что нашло отражение в сборниках «Синяя юрта» (1929) и «Песни Алтая» (1935).
20. **Енчинов Толуш-Николай Иванович** (1908–?) – зав. отделом пропаганды и агитации РК ВКП (б), инструктор обкома ВКП (б), 2-й секретарь Ойротского обкома ВКП (б), литератор.
21. **Забродин Иван Степанович** (1908–1979) – основатель профессионального театра в Ойротии, актер, режиссер, заслуженный артист РСФСР; с 1936 г. – руководитель Ойротской национальной театральной студии, до 1948 был художественным руководителем Ойротского национального колхозно-совхозного театра; поставил около 30 пьес.
22. **Зазубрин (Зубцов) Владимир Яковлевич** (1895–1937) – писатель, сценарист, один из создателей журнала «Сибирские огни», организатор Сибирского союза писателей; автор первого советского романа «Два мира» и романа о начале советских преобразований в Горном Алтае – «Горы» (1933).

23. **Зарудин (Эйхельман) Николай Николаевич** (1899–1937) – советский поэт, прозаик, публицист; один из руководителей группы «Перевал», в 1935 г. приезжал в Ойротию; дружил с П.В. Кучияком.
24. **Иванов-Меджит Никита Федорович** (1882–1943) – общественно-политический деятель; принимал участие в создании первых органов советской власти в Ойротии, был председателем облревкома, председателем Ойротского облисполкома; с 1924 г. руководил советским консульством в Монголии.
25. **Ильин Алексей Михайлович** (1908–1972) – первый профессиональный композитор в Ойротии, педагог, музыкант; создал музыкальную драму «Чейнеш», «Алтайскую сюиту» для струнного оркестра, симфоническую поэму «Горный Алтай», ряд произведений по мотивам алтайского фольклора, в т.ч. сборник «Народные песни Горного Алтая».
26. **Казанский Порфирий Алексеевич** (1885–1938); псевдонимы Премудрая крыса Онуфрий, К. Порфирьев; в 1913–1914 гг. редактор газеты «Жизнь Алтай»; в 1917 г. в Барнауле был одним из организаторов литературного объединения «Агулипрок»; в советскую эпоху сотрудничал в изданиях «Алтайский крестьянин», «Алтайский кооператор», «Алтайская деревня».
27. **Кайгородов Александр Петрович** (1887–1922) – есаул, полный Георгиевский кавалер; участник гражданской войны в Горном Алтае, лидер крестьянского повстанческого движения.
28. **Каланаков Александр Андреевич** (1908–1943) – первый алтайский театральный художник, иллюстратор учебников, алтайских сказок и героических сказаний.
29. **Каланаков Николай Андреевич** (1888–1969) – алтайский поэт, прозаик, драматург, переводчик, составитель школьных учебников.
30. **Канзачаков (Конзычаков) Сары-Сэл Леонид Алексеевич** (1891–1937) – зав. отделом по делам национальностей Алтайского губисполкома, автор проекта декрета ВЦИК «Об автономной области ойротского народа».
31. **Карманов Чагандай Иванович** (1916–1989) – уроженец с. Кокоря, участник Великой Отечественной войны, награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Красного Знамени, Отечественной войны I ст., Славы III ст., боевыми медалями.
32. **Каспинский Иван Андреевич** (1888–?) – уроженец с. Каспа, преподаватель алтайского языка, переводчик, составитель учебников вместе с Н.А. Каланаковым, автор учебника грамматики и правописания для 3–4 классов «Баштамы школдорго ойрот тилинин учебниги. Грамматика ла правописаниези» (1935).
33. **Катаев Иван Иванович** (1902–1937) – русский советский писатель, член РАПП, с 1926 года один из руководителей группы «Перевал», член правления СП СССР, участвовал в создании «Литературной газеты». В 1935 г. вместе с И. Зарудиным был в журналистской командировке в Ойротии; дружил с П.В. Кучияком, которому посвятил вступление к речи «Искусство социалистического народа», произнесенной на общем собрании московских писателей 31 марта 1936 г.
34. **Кату-Сёк** – псевдоним не расшифрован, автор статьи «Алтайдын јангы бичигине канайда үренер» в учебнике 1930 г. «Јангалиф Јангы алтай бичиктос. (Бичик билер улусты «Јангалифке» үредер бичик)».
35. **Кожевников Савва Елизарович** (1903–1962) – прозаик, очеркист, литературовед. Работал в сибирских окружных и краевых газетах «Молодой большевик», «Красный Алтай», «Советская Сибирь»; редактор Новосибирского книжного издательства.
36. **Коломин Иван Яковлевич** (1912–1950) – общественно-политический деятель, приехал в Ойротию в 1941 г. после окончания Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), первый секретарь Горно-Алтайского ОК ВКП(б) с 1949 по 1950 г.
37. **Коптелов Афанасий Лазаревич** (1903–1990) – прозаик, публицист, общественный деятель. Сотрудничал в газетах «Алтайская деревня», «Красный Алтай», «Звезда Алтай» (Бийск). Печатался в журналах «Сибирская деревня», «Сибирские огни». Автор первого романа об алтайцах – «Великое кочевье» (1935). Лауреат Государственной премии 1979 г. за романную трилогию о Ленине.
38. **Крупп** – династия немецких промышленников, сталелитейных магнатов, владельцев военных заводов.
39. **Крылов Порфирий Никитич** (1850–1931) – русский ботаник, флорист, профессор Томского университета; в 1891–1915 гг. совершил 5 экспедиций в Горный Алтай; автор 17-томного труда «Флора Алтая и Томской губернии» (1903–1914).
40. **Кульджины**, братья **Аргымай** (1865–?) и **Манжи** (Манди) – из семьи потомственных зайсанов; конезаводчики, общественные деятели, меценаты.
41. **Кумандин Сергей Яковлевич** (1881–?) – учитель, переводчик, составитель алтайско-русского словаря (1923), автор учебников «Ойрот школа» (1924), «Эрјинелү бичик» (1925).
42. **Кучияк Павел Васильевич** (1897–1943) – основатель ойротской советской литературы; поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей СССР.

43. **Ленин (Ульянов) Владимир Ильич** (1870–1924) – революционер, теоретик марксизма, советский политический и государственный деятель, главный организатор и руководитель Октябрьской революции 1917 г. в России.
44. **Макарий**, митрополит (Михаил Андреевич Невский, при рождении Парвицкий, 1835–1926) – алтайский миссионер, начальник Алтайской духовной миссии с 1883 по 1891 г.; митрополит Московский и Коломенский, канонизирован в 2000 г.
45. **Март Николай Яковлевич** (1865–1934) – востоковед, филолог, историк, этнограф; академик, вице-президент АН СССР (с 1930); создатель т. н. «нового учения о языке», до 1950-го г. пропагандировавшегося как основа «подлинно марксистского» языкознания.
46. **Мечешев Ярымко Эреденович** (1908–1941) – скульптор, учился в Ойротской художественной школе (1932–1937); участник сибирских выставок 1936, 1939 гг., Всесоюзной выставки народного самодеятельного изобразительного искусства к XX годовщине Октябрьской революции (1937).
47. **Миллер Герард Фридрих** (Gerhard Friedrich Müller, 1705–1783) – русско-немецкий историограф, путешественник, действительный член Императорской академии наук и художеств в СПб., действительный статский советник; руководитель Академического отряда Второй камчатской экспедиции, автор первого научного труда по истории Сибири – «Описание Сибирского царства» (1750).
48. **Мухачев Илья Андреевич** (1896–1958) – сибирский поэт, член Союза писателей СССР; основная тема творчества – люди и природа Горного Алтая (Ойротии); первый сборник стихов – «Чуйский тракт» (1926).
49. **Мундус-Эдоков Мирон Васильевич** (1879–1942) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, учитель, адвокат. Составил первые книги для чтения на родном (алт.) языке – «Ойротская школа» («Ойрот школ», 1924), «Утренняя Звезда» («Таг чолмон», 1925).
50. **Мызаев Терпан Мызаевич** (1894–?) – родился в с. Бешпельтир, коневод, пастух, одним из первых стахановцев Ойротии награжден Орденом Ленина.
51. **Навои Алишер** (Низамиддин Мир Алишер; 1441–1501) – тюркский (узбекский) поэт, суфий, государственный деятель.
52. **Налимов Сергей Венедиктович** (1914–1976) – Герой Советского Союза (1943), уроженец Солонешенского района Алтайского края, в 1932 г. переехал в с. Шебалино, ушел добровольцем на фронт в 1941.
53. **Непомнящих Василий Иннокентьевич** (1907–1954) – сибирский поэт, прозаик, активный сотрудник «Сибирских огней».
54. **Неханевич Лев Абрамович** (1908–1986) – профессиональный лектор, преподаватель Горно-Алтайского педагогического училища, библиофил.
55. **Низами Гянджеви** (Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф; ок. 1141–ок. 1209) – классик персидской литературы, крупнейший поэт средневекового Востока.
56. **Низовой (Тупиков) Павел Георгиевич** (1882–1940) – русский советский писатель; в 1918 г. из Москвы приехал в Барнаул, год работал лесником-объездчиком в Телецком лесничестве; по алтайским впечатлениям написал повести «Язычники», «В горах Алтая», книги рассказов «В горных ущельях» и «Золотое озеро».
57. **Обручев Владимир Афанасьевич** (1863–1956) – русский и советский геолог, географ, исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии; путешественник, писатель и популяризатор науки, академик Академии наук СССР; его именем назван пик на хребте Сайлюгем и ледник на хребте Чихачева.
58. **Орлов Сергей Иванович** (1889–1937) – сибирский зоолог, охотовед, этнограф; внес значительный вклад в организацию охотничьего хозяйства и в изучение промысловой фауны Сибири.
59. **Плетнев Василий Иванович** (1887–1935) – общественно-политический деятель, участник гражданской войны в Горном Алтае, возглавил первый Совет крестьянских депутатов; в 1920 подписал приказ о выделении Горного Алтая в самостоятельный уезд; руководимый им уездный ревком подготовил основу для создания Ойротской автономной области.
60. **Потапов Леонид Павлович** (1905–2000) – советский и российский этнограф, доктор исторических наук, профессор, крупнейший исследователь истории и культуры алтайцев, создатель научной школы по изучению народов Сибири; его «Очерки по истории алтайцев» (1948) удостоены Государственной премии.
61. **Пушкарев Глеб Михайлович** (1889–1961) – сибирский прозаик, драматург, член СП СССР; работал в алтайских газетах, Алтайском книжном издательстве, затем в Сибкрайиздате, принимал участие в создании Союза сибирских писателей (1926); публиковался в журналах «Сибирский рассвет», «Алтайская деревня», «Красная нива», «Сибирские огни», «Сибирь», «Товарищ»; составитель первых сибирских хрестоматий; Ойротии посвятил книгу «В хребтах Алтая» (1930).
62. **Руставели (Торели) Шота** (ок. 1172–1216) – грузинский поэт, мыслитель, государственный деятель.

63. **Собошкин Алексей Макарович** (1898–1935) – первый председатель алтайской литературной коллегии в Москве, делегат Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (1926), редактор газеты «Кызыл Ойрот».

64. **Самойлович Николай Самойлович** (1880–1938) – советский востоковед, академик АН СССР, крупнейший российский тюрколог, директор Института востоковедения АН СССР; проводил полевые исследования языка, фольклора и быта тюркских народов, в том числе и в Горном Алтае.

65. **Сапего Александр Игнатьевич** (?–?) – с 29.11.1946 по 29.2.1948 – секретарь Горно-Алтайского обкома ВКП(б).

66. **Симонов Константин Михайлович** (1915–1979) – русский советский прозаик, поэт, драматург и киносценарист, общественный деятель, журналист, военный корреспондент, Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской и шести Сталинских премий. Участник боёв на Халхин-Голе и Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

67. **Сперанский Михаил Михайлович** (1772–1839) – реформатор эпохи Александра I, граф, сибирский генерал-губернатор (1818–1821); под его руководством создано «Полное собрание законов Российской Империи» в 45 томах; его «Устав об управлении инородцев» (1822) юридически закрепил права коренных жителей российских окраин.

68. **Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович** (1878–1953) – советский политический, партийный, государственный и военный деятель; с 1924 по 1953 гг. – руководитель СССР.

69. **Стонов Дмитрий Миронович** (Влодавский Дмитрий Меерович, 1897–1962) – русский советский писатель.

70. **Сухов Петр Федорович** (1884–1918) – участник гражданской войны в Горном Алтае, командир отряда Красной Гвардии.

71. **Тантыев Исай** (1912–1943) – уроженец Улаганского района, поэт-самоучка, избач (библиотекарь); публиковался в «Крестьянской газете» на ойротском языке.

72. **Терентьева (Терентьева-Катаева) Мария Кузьминична** (1906–1996) – русская поэтесса, прозаик; в молодости приезжала в Сибирь, печаталась в книге «Вьюжные дни: Сборник сибирских поэтов революции» (Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925).

73. **Третьяк Иван Яковлевич** (1884–1937) – начальник Первой горно-конной алтайской партизанской дивизии, автор книги «Партизанское движение в Горном Алтае. 1919» (Новосибирск, 1933).

74. **Тозыяков Алексей Васильевич** (1882–1938) – поэт, учитель, автор первых драматических произведений и первых учебников (в соавторстве). Его стихи под псевдонимом Тонжан (Тон-Жан) издавались в периодической печати и входили в школьные учебники.

75. **Токмашев Георгий Маркелович** (1892–1960) – просветитель, этнограф, фольклорист, соавтор первых учебников. В 30-е годы преподаватель алтайского языка в педтехникуме и совпартшколе.

76. **Толтоков (Толток) Алтайяк** (1906–1937) – общественный деятель, публицист, поэт.

77. **Тоцакова Таисия Макаровна** (1902–1970) – языковед, канд. филол. наук; автор более 20 крупных научных работ, словарей, учебников для национальных школ, методических пособий.

78. **Улагашев Николай Улагашевич** (1861–1946) – алтайский сказитель, репертуар которого состоял из 32 героических сказаний; награжден орденом Знак Почета. Основные записи его сказаний сделаны в 1937 г. П. Кучияком и московской фольклористкой А. Гарф; тексты сказаний положены в основу книжной серии «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри», 1958–2004).

79. **Фирсов Андрей Петрович** (1875–1918) – бийский купец 1 гильдии, в 1909 г. пристроивший в Бийске к пассажиру Второва свой магазин.

80. **Хмелевский Владимир Александрович** (?–?) – первый руководитель Ойротского областного архивного бюро.

81. **Филатов Константин Иванович** (1901–1938) – литработник, заведующий нац. сектором ОГИЗ (Зап. Сиб. ОГИЗ).

82. **Чагат-Строев (Трепихин) Павел Александрович** (1887–1938) – алтайский поэт, переводчик, член СП (1934).

83. **Чоков Алексей Павлович** (1908–1938) – алтайский поэт, уроженец Улаганского района; 1937 г. – редактор газеты «Кызыл Ойрот».

84. **Чунижеков Чалчык Анчинович** (1898–1973) – алтайский писатель, журналист, поэт-сказитель, член Союза писателей СССР (1958).

85. **Шабураков Алексей Григорьевич** (1904–?) – алтайский языковед, методист, специалист по издательскому делу.

86. **Шагинян Мариэтта Сергеевна** (1888–1982) – советская поэтесса и прозаик, искусствовед, журналист, историкограф; в годы Великой Отечественной войны была в эвакуации на Урале, откуда выезжала в журналистские командировки по Сибири; Герой Социалистического Труда, Лауреат Сталинской премии третьей степени и Ленинской премии.

87. *Шевченко Тарас Григорьевич* (1814–1861) – украинский поэт, мыслитель, этнограф, общественный деятель.

88. *Шолом-Алейхем* (Рабинович Соломон Наумович; 1859–1916) – еврейский писатель и драматург, основоположник современной литературы на идише.

89. *Шуклин Илья Захарович* (1922–1943) – Герой Советского Союза (1943), уроженец Усть-Канского аймака; артиллерист.

90. *Эйхе Роберт Индрикович* (1890–1940) – советский государственный и партийный деятель; организатор коллективизации и раскулачивания в Сибири.

91. *Эдоков Иван (Аргымай) Ильич* (1908–1938) – алтайский поэт, переводчик, учитель. Печатался в первом коллективном сборнике «Совет Ойроттын ӧзүми» (Новосибирск, 1935).

Приложение 5

Источники текстов

Canalif: canь altaj biciktos: (bichik biler ylustь "Canalifka" yureder bicik) = Јаналиф: новый алтайский алфавит – учебное пособие для обучения грамотных на Јаналиф. - Ulalu : Ojrot-oblastыn Canalif - Komitedь сыgagan, 1930. - 64 с.

Целое десятилетие (1928 – 1938 г.г.) проводилась работа по введению нового латинизированного алфавита в Горном Алтае. В связи с переводом школ с 1928-29 учебного года на латинизированный алфавит в области проводится работа по переизданию действующих и созданию новых учебников на алтайском языке. В 1930 г. в Улале тиражом 5000 экземпляров выходит «Јаналиф - Новый алтайский алфавит».

Цель издания – помощь в изучении латинизированного алфавита алтайского языка. Книга издана Областным Комитетом нового алфавита. На каждой странице напечатаны буквы с показом написания, затем идут слова и предложения с данной буквой, тексты для чтения. Содержание – жизнь алтайцев, поучительные статьи о коллективном труде, коммуне ("Когда орешникаешь, не бей кедр колотушкой, кедр испортится», «Крещеные алтайцы три года не будут платить налог» и др.) В конце книги дается новый алфавит.

«Красная звезда» – центральная военная газета СССР, издается с января 1924 г. Главный печатный орган Министерства обороны СССР, в годы Великой Отечественной войны приобретший исключительный авторитет.

«Красная Ойротия» – газета, орган Ойротского обкома ВКП(б), Облисполкома и Облпрофсовета / Ойротского областного, Ойрот-Турского городского комитетов ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся (1931 – 1948 гг.). С № 5 1948 г. – «Звезда Алтая» – орган Горно-Алтайского областного, Горно-Алтайского городского комитетов ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся.

«Кызыл Ойрот» – орган Ойротского обкома ВКП(б), Облисполкома и Облпрофсовета / Ойротского областного, Ойрот-Турского городского комитетов ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся (1925 – 1947 гг.). С 1938 г. газета «Кызыл Ойрот» самостоятельно не готовилась, с этого времени стали переводить «Красную Ойротию» на алтайский язык.

«Наши достижения» – журнал художественного очерка (1929–1937), созданный по инициативе М. Горького для освещения достижений советского строя «на фабриках и заводах, на полях, во всех областях науки, техники и культуры, в быту трудящихся», чтобы рассказывать «о наших достижениях широким массам рабочих и крестьян в живой и доступной для понимания форме». Раздел науки вел О.Ю. Шмидт, разделы культуры и быта, искусства – А. В. Луначарский. В журнале кроме того были отделы сельского хозяйства, техники и производства, хроники. Тиражи доходили до 100 000 экз. В 1930 из издания выделился пропагандистский иллюстрированный журнал «СССР на стройке».

«Новый мир» – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, издавался в Москве с 1925 г. в издательстве «Известия». В довоенные годы тираж доходил до 80 000 экз. В начале 1930-х был признан основным журналом тогдашней русской советской литературы. Ознакомиться с изданием можно на сайте «Фонд Новый мир» <http://novymirjournal.ru/index.php/allnewworld/453-all-new-world-open>

«Октябрь» – ежемесячный литературно-художественный журнал, издававшийся в Москве с 1924 г. Первоначально он был органом МАПП (Московской ассоциации пролетарских писателей), затем – ВАПП (Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей), с 1933 г. – органом Союза писателей РСФСР и СССР. В журнале публиковались С. Есенин, В. Маяковский, М. Зощенко, А. Платонов, К. Паустовский, М. Пришвин и др. Многие из напечатанного в «Октябре» в 1920–30-е годы вошло в историю русской литературы. С первых номеров журнал знакомил читателей и с творчеством современных зарубежных писателей.

«Ойротский край» – первая в истории Ойротии газета. В 1922 году вышел единственный номер к 7 ноября, тип издания был обозначен как «еженедельная газета Облревкома и Обкома РКП»; в качестве заставки был использован рисунок Г.И. Гуркина. В 1923 г. вышло 16 номеров «газеты-листочка Ойротского Обкома РКП (б-в) и облисполкома» с припиской «выходит нерегулярно». С 1924 г. была объявлена подписка уже на дважды в неделю выходящую газету. В 1931 г. газета переименована в «Красную Ойротию».

Ойроттын комсомолы = Ойротский комсомолец – газета, орган Ойротского областного комитета ВЛКСМ. Выходила 1 раз в пять дней. Издавалась на алтайском и русском языках (1931 – 1941)

«Охотник и пушник Сибири» – ежемесячный журнал, издававшийся в 1923–1937 годах в Барнауле и Новониколаевске-Новосибирске; издание меняло названия («Охотник Алтая», «Охотник и пушник Сибири», «Охотник и рыбак Сибири», «Охотник Сибири»). Отражал работу охотоведов, охотников, звероводов, орнитологов, участников научных экспедиций. В литературном отделе публиковались проза, очерки и стихи новосибирских писателей: В. Итина, Н. Алексеева, Е. Пермитина, А. Коптелова, И. Мухачева, П. Гинцеля, К. Урманова и др.; есть материалы московских писателей М. Пришвина и В. Правдухина.

«Правда» – ежедневная газета, основное печатное средство массовой информации в СССР, орган ВКП(б) – КПСС, издается с 1912 г. День выпуска первого номера – 5 мая – был объявлен в СССР Днем печати.

«Сибирские огни» – старейший литературный журнал России, издающийся в Новониколаевске-Новосибирске с 1922 года. Главная задача издания – «зажечь духовную жизнь грандиозной Сибири». Первыми руководителями были писатели В. Зазубрин и В. Правдухин. На базе журнала была проведена работа по подготовке первого съезда писателей региона, на котором было создана творческая организация – Сибирский союз писателей (1926). С 1930 года журнал – орган Сибирской ассоциации пролетарских писателей (СибАПП). Полный архив журнала с 1922 года доступен в электронной форме на сайте издания <http://сибирскиеогни.рф/archive>.

Совет - јоктуга арга: ойрогто јаан улус уурэнэр бичик = Советы – опора бедняку: книга для взрослых / сост.: П. П. Тыдыков, В. И. Фролов; худ. Н. И. Чевалков. - [Улала]: Облит, 1926. - 51 с. : ил.

Для обучения грамоте взрослого населения издавались специальные буквари, названия которых даны в форме лозунга, содержание агитационно-просветительского характера. «Совет јоктуга арга» («Советы – опора бедняку»), книга иллюстрирована рисунками и сюжетными картинами Н.И. Чевалкова. К текстам дается словарь.

Sovet ойроттын озуми = Рост советской Ойротии: сборник стихов начинающих писателей и поэтов советской Ойротии / отв. ред. И. Аргоков. - Новосибирск: ОГИЗ, 1935. - 87 с. - 2000 экз.

Предисловие написано К.Филатовым (о нем очень мало сведений). Литературную обработку сделал П.В. Кучияк. Начинающие писатели из среды молодых колхозников: Кудачин Токна, М. Шанмаков, Иван Эдоков, И. Полошев, В. Моможок, Ј. Чаминов, Исай Тантыев и другие. Из названных имен читателю известны только П. Кучияк, И. Эдоков, Исай Тантыев как писатели 20–30-х годов XX века. Начинающие писатели Т. Кудачин из Кулады, М. Шанмаков, И. Полошев, В. Моможок, Ј. Чаминов, Р. Сюрюлова до сих пор не известны читателям. Сборник состоит из четырех разделов: «Октябрьдын јенүзи» (Победа Октября), «Совет Ойроттын 10 јылы» (10 лет Советской Ойротии), «Колхоз јазалы» (Строительство колхоза), «Јангы кожондор» (Новые песни). Включено более 40 произведений: П.В. Кучияк – 18; И. Эдоков – 6; Ч. Чунижеков – 3; Чагат-Строев – 3; И. Тантыев – 2; В. Моможок – 3; М. Шанмаков – 2; Ј. Чаминов из Кулады – 2; Т. Кудачин из Кулады – 1; Ф. Шабураков – 1; Р. Сюрюлова – 1, И. Полошев – 1. Токна Кудачин в стихотворении «Кулады коммуназына мак кожон» (Песня прославления о коммуне Кулады) 1934 г. ярко передал риторику того времени, вместе с агитационными призывами к новой жизни он призывает читателей быть бдительными. Сборник «Совет Ойроттын өзүми» является бесценным документом начального периода алтайской литературы, в нем собраны стихотворения начинающих писателей из сел Кулада, Куюм, из Чулышманской долины.

Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи = Дела и люди Социалистической Ойротии: сборник очерков / ред. коллегия: М. Тектиев (отв. ред.), И. Коломин, А. Герман, М. Саруева, К. Растегаев. – Ойрот-Тура, 1947. – 198 с.

Сборник подготовлен к 25-летию Ойротской автономной области. В него вошли очерки о героях войны и труда (И. Шуклине, Д. Елеусове, С. Налимове, Е. Упаевой, М. Клешиеве, Н. Тадышеве, С. Адикановой, А. Порошине, Д. Замятине, П. Чевалкове, И. Забродине). Авторы: И. Коломин, К. Растегаев, М. Шагинян, В. Дремов, А. Демченко, М. Олегов, А. Каланак, А. Шашкин, И. Кочеев, Н.Глебов, А. Герман, Б. Каирский.

СОДЕРЖАНИЕ

Отсоставителей	3
<i>Шастина Т. П.</i> Ойротия в зеркале литературы: художественно-идеологическое воображение региона	6
1922	
<i>Ерошин И.</i> На Алтае шумит много рек	15
<i>Конзычаков Сары-Сеп Л.</i> Культурно-исторический очерк об алтайцах (к вопросу о выделении автономной области «Ойрат»)	15
<i>Низовой П.</i> Язычники (фрагмент повести)	20
<i>Пушкарев Г.</i> Младенцы гор	23
<i>Кучияк П.</i> Октябрьдын јенгузи	29
1923	
<i>Иванов-Меджит Н.</i> К годовщине Ойратской области	30
<i>Ерошин И.</i> Советы матери	30
<i>Беседин К.</i> Чемал – хрустальная вода	32
1924	
<i>Потапов Л.</i> На камланы	33
<i>Эдоков И.</i> Советти колго алганы	33
<i>Кучияк П.</i> Башчыбыстын јогына	34
1925	
<i>Вегман В.</i> Как гибнут культурные ценности	36
<i>Терентьева М.</i> В горной заимке	37
<i>Толтоков А.</i> Алтайдын јерине јераплан учканы	37
<i>Мундус-Эдоков М.</i> Јуу	38
<i>Тонгжан.</i> Ойроттор кичеегер	39
1926	
<i>Добычин-Алтайский Н.</i> Ит-Кара	40
<i>Мухачев И.</i> Чуйский тракт	51
Хан-Алтай (алтайская народная песня). Пер. П. Казанский	52
<i>Казанский П.</i> Алтаец	53
<i>Тонгжан.</i> Ленин нәкөргө кожонг	53
<i>Каланаков Н.</i> Аржан Суу. Алтын кол	54
1927	
<i>Хмелевский В.</i> Легенды племени туба	55
<i>Мухачев И.</i> Ойротия	56
<i>Тозыяков А.</i> Актардын мекези	56
Алтай делегаткалардын јуундарынын программазы	63
1928	
<i>Орлов С.</i> По Алтаю	67
<i>Кумандин С.</i> Аңчылар	68
1929	
<i>Яцунская О.</i> По Алтаю (записки экскурсанта)	70
Јаңы алтай бичиктөс «Јаңалиф»	76
Јаңалифка улусты үредер керегинде Хакас округла мөрой иш башталды	76
<i>Барбуев А.</i> Кооператив јонго арга	77
<i>Чагат-Строев П.</i> Јаңалиф	77
1930	
<i>Стонов Д.</i> Повести об Алтае (фрагмент очерка)	83
"Советтердин јолы..." деп јуунтыдан: Омөлик	86

Машина	86
<i>Кату-Сёок</i> . Алтайдын жаңы бичигине канайда үренер	87
1931	
<i>Халяпин А.</i> В страну Ойрат	88
<i>Гордиенко П.</i> Ойротия (фрагмент очерка)	91
"Жаңы школ" деп бичиктен алынган: Ликпункт	93
Бичик кычырар тура	93
<i>Тверской В.</i> Бичиичи кижии канайда иштеер. Кочүргени Леонид Сары-Сеп	94
1932	
<i>Долгих И.</i> Рассказ о снежном походе	96
<i>Каланаков Н.</i> Метод бичиги	97
<i>Кучияк П.</i> Ойроттын он жылына	100
1933	
<i>Ерошин И.</i> У детей ойрота веселые лица...; В черной ступке обтолкла	101
<i>Зазубрин В.</i> Горы (фрагмент романа)	102
<i>Кучияк П.</i> Жаңалиф	104
1934	
<i>Шадрин З.</i> На Бие	105
<i>Шагмаков М.</i> Гражданский жуу	106
<i>Моможоков В.</i> Уй улустын эмдиги жүрүми	107
<i>Кучияк П.</i> Колхозчылардын кожонты	108
<i>Тантыев И.</i> Жыргал бичикте	109
<i>Кучияк П.</i> Шинжилеткен жуучыл	109
1935	
Есть в Москве человек	111
<i>Филатов К.</i> Кире сөстин ордына	111
1936	
<i>Чоков А.</i> Улу Сталинге ойрот албатынын бичиги	112
Письмо ойротского народа великому Сталину. Пер. В. Непомнящих	124
<i>Зарудин Н.</i> Прекрасная Ойротия	131
<i>Сабашкин И.</i> На смерть Горького	137
<i>Енчинов Т.</i> Ойрот бичиктерде буржуазно-националистический контрабандала тартыжары	137
1937	
<i>Алексеев Н.</i> Алтын Нор	141
<i>Кожевников С.</i> Машина идет в Кош-Агач	143
<i>Чоков А.</i> Орустын улу Прометейге	154
<i>Пушкин А.</i> Кавказ	155
<i>Пушкин А.</i> Күс	155
<i>Моможоков В.</i> Улу үлгерчи	156
1938	
<i>Алексеев Н.</i> Алтын-Коль	156
<i>Борбуев А.</i> Кызыл черүниң 20 жылдыгына	157
1939	
<i>Кожевников С.</i> Первые страницы алтайской литературы	158
<i>Улагашев Н.</i> Сталин	171
<i>Улагашев Н.</i> Бакол Балезич (алтай чөрчөк)	172
1940	
<i>Кожевников С.</i> Рождение театра	230
<i>Кучияк П.</i> Жагына сүүген искусство	237

Глебов Н., Быстров П. Баштап бичиичи авторлор керегинде238

1941

По страницам газеты «Красная Ойротия»:

<i>Кучияк П.</i> Матка ячменя	239
<i>Автоманов Г.</i> Враг, пощады не жди	240
Джигит	241
Война и люди	242
Фронту – всё важное	243
<i>Духовный И.</i> Московский Государственный Педагогический Институт им. К. Либкнехта в г. Ойрот-Тура	244
<i>Симонов И.</i> Институт имени Мичурина	244
<i>Тоцакова Т.</i> Областной языковедческий научный баштапкы конференциянын итогторына	245

1942

<i>Симонов К.</i> Единоборство	247
Улу Сталинга	250
<i>Баскаков Н.</i> Ойроттор бийик уреду алгылайт	255

1943

<i>Шагинян М.</i> Собрание в Кош-Агаче	256
<i>Шагинян М.</i> Јер чечектеер	258
<i>Сергей Михалков ло Эль Регистан.</i> Советский Союзтын гимны	260

1944

По страницам газеты «Красная Ойротия»:

<i>Моисеенко Ф.</i> Идущему вперед	261
<i>Швецов С.</i> Отрывок из поэмы «Чагандай Карманов»	262
Творческий объединение очередной «четвергінде»	263
<i>Растегаев К.</i> Лейтенант Шуклин	263

1945

По страницам газеты «Красная Ойротия»:

<i>Зиновьев А.</i> На Берлин!	266
<i>Растегаев К.</i> Переправа	266
Фронтвик в колхозе	267
Верховному Главнокомандующему маршалу Советского Союза товарищу Сталину	268
<i>Зиновьев А.</i> Здравствуй, Ойротия!	268
<i>Шабураков А.</i> Сталинский закон шылтуузы	269

1946

<i>Мухачев И.</i> Горы	270
<i>Кучияк П.</i> Вечная любовь	271
<i>Чунижеков Ч.</i> Јаңы Јылга	272
<i>Чунижеков Ч.</i> Литературный объединение качан иштеер?	273
<i>Чунижеков Ч.</i> Бистин Конституция	273

1947

<i>Неханевич Л.</i> Образование и развитие Ойротской автономной области как торжество ленинско-сталинской национальной политики (к 25-летию ойротской автономной области. 1922–1947)	274
<i>Растегаев К.</i> Жанбек Елеусов	278
<i>Каланаков А.</i> Алтайский заповедникте	280
<i>Коломин И.</i> Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи	282

1948

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О переименовании Ойротской автономной области Алтайского края»	285
<i>Салега А.</i> К вопросу о переименовании области	285

Справочные приложения

<i>Приложение 1.</i> Алтайская лексика, встречающаяся в русскоязычных текстах	291
<i>Приложение 2.</i> Малоупотребительная и устаревшая алтайская лексика	292
<i>Приложение 3.</i> Сибирская лексика и историзмы	293
<i>Приложение 4.</i> Персоналии	297
<i>Приложение 5.</i> Источники текстов	301

ОПТОМА В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРЬЕРА

Вопросы оптики и оптики зрения в интерьере

ПОЛИТЕРАПИЯ

Вопросы оптики и оптики зрения в интерьере

ОЙРОТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Издано к столетию
Национальной библиотеки Республики Алтай им. М. В. Чевалкова

Ответственный за выпуск – С. К. Штанакова

Составление, подготовка текстов, приложения:
Э. П. Чинина, Т. П. Шастина, вступительная статья Т. П. Шастина,
подбор иллюстраций М. М. Алушкина

Рецензент:
Тюхтенева С. П., доктор исторических наук, этнограф

ПОЛИГРАФИКА

649000, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 21.
Тел.: 8 983 584-92-29, 8 (38822) 5-92-29.

ОФ "ФПТМ" Республика Алтай, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, д. 4, оф. 33.

Подписано в печать 10.07.2020.

Формат 210x297

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 35,57

Тираж 160 экз. Заказ № 74.

